

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

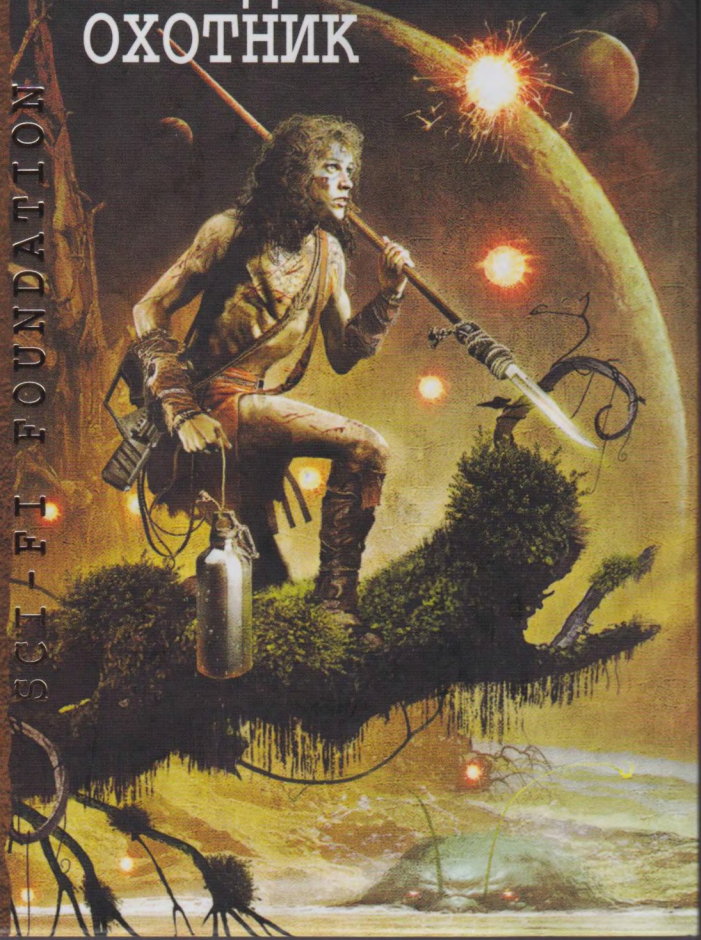
ЗВЕЗДНЫЙ
ОХОТНИК

Вся

НОРТОН

ЗВЕЗДНЫЙ
ОХОТНИК

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК

ВРЕМЕНИ ФАНТАСТИКИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

**ЗВЕЗДНЫЙ
ОХОТНИК**

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 82

Andre Norton

The Stars are ours
Copyright © 1954 by Andre Norton

Star Born
Copyright © 1957 by Andre Norton

Ice crown
Copyright © 1970 by Andre Norton

Star Hunter
Copyright © 1961 by Andre Norton

Eye of the Monster
Copyright © 1962 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Нортон, Андрэ.

Н 82 Звездный охотник / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова, С. Сергеева, Д. Савельева, Я. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2014. — 704 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-75321-5

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Звезды принадлежат нам!», «Рожденные среди звезд», «Ледяная корона» и «Глазом чудовища».

Все они посвящены освоению далекого и загадочного Космоса, глубины которого до сих пор таят в себе неразгаданные тайны.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Д. Арсеньев, О. Колесников, С. Сергеев, Д. Савельев,
Я. Савельев, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75321-5

**ЗВЕЗДЫ
ПРИНАДЛЕЖАТ
НАМ!**

*Харлану Элисон,
ветерану галактических путешествий
и опытному проводнику
по просторам дальнего космоса*

ПРОЛОГ

Первая межзвездная исследовательская и колонизационная экспедиция стала прямым следствием социальной и политической ситуации на планете Терра. В ходе ряда войн между различными национальными образованиями было создано атомное оружие. В страхе перед демоном, которого они выпустили на свободу, государства завязли в так называемой «холодной войне», создавая новое, все более страшное оружие, и мобилизуя население в «армии».

Научные достижения ценились лишь как средства для лучшей подготовки к войне. Какое-то время все ученые и технеры работали практически, как рабы, из-за предписаний «служб безопасности». Однако, объединение специалистов в подпольные движения, в итоге, привело к созданию групп «свободных ученых». Команды экспертов, специалистов, которые предлагали свои услуги и правительствам, и частным лицам. Поскольку в этих группах не обращали внимания на расу, политическое или религиозное прошлое своих членов, они стали подлинно интернациональными и распространились по всей планете. Такое положение вызывало разом страх и ненависть у их ограниченных националистических нанимателей.

Под влиянием и при помощи «свободных ученых» человечество освоило межпланетные перелеты. Терра — третья планета в системе девяти планет, вращающихся вокруг своей звезды — Сол I. У Терры один спутник — Луна.

Исследовательские корабли совершили посадки на Луне и на двух ближайших планетах — Марсе и Венере. Ни одна из этих планет не подходила для колонизации; чтобы начать её, требовались огромные вложения, а планеты мало что давали взамен. И вот после первоначальной вспышки интереса космические по-

леты были забыты и соседние планеты посещали только немногие исследователи.

В качестве искусственных спутников Терры были созданы три «космические станции». Они использовались для снабжения кораблей топливом, а также для астрономических и метеорологических наблюдений. Одна из этих станций была использована националистами в их войне против «свободных ученых».

Станция была захвачена неизвестными вооруженными людьми (позднейшие исследования позволяют предположить, что их нанял кто-то из националистов). И вот эти люди — то ли по невежеству, то ли сознательно — превратили установки станции в обращенное против Терры оружие.

Есть свидетельства, что они сами не подозревали, какую страшную силу высвобождают. Происходящее с первых минут вышло у них из-под контроля. В результате огромные по площади территории наиболее населенной части планеты были полностью опустошены, и более уже эту потерю восстановить не удалось.

Среди немногих уцелевших оказался Артуро Ренци, он выжил — единственный из своей семьи. Ренци обладал невероятной харизмой и притом до фанатизма разделял взгляды националистов. Потеряв семью, он стал проповедовать о том, что наука — это зло и людям следует вернуться к простой жизни, чтобы спасти себя и Терру. Так получилось, что его речи совпали с пропагандистской кампанией, очевидно, тщательно подготовленной заранее, о том, что свободные ученые сами обратили космическую станцию против Терры.

Людам, пережившим психологическую травму из-за чудовищной катастрофы, Ренци казался тем самым великим вождем, который им и нужен. Вскоре его партия пришла к власти на всей планете. Но какими бы ограниченными и фанатичными ни были идеи Ренци, некоторым из его последователей и они казались слишком либеральными.

Убийство Ренци, совершенное неизвестным, которого без всяких оснований назвали свободным ученым, привело к чудовищной зачистке, продолжавшейся три дня. Когда эти дни прошли, те немногие уцелевшие ученые и технеры, что выжили, были вынуждены уйти в подполье. Все последующие годы за ними продолжалась охота, и одного за другим ученых выявляли — по случайности ли, или из-за предательства других людей.

Саксон Борт, заместитель Ренци, захватил власть и установил жестокую диктатуру Общества Мира.

Наличие знаний, если только человек не был привилегированным «миротворцем», становилось подозрительным. Общество состояло из трех классов: дворянства, представленного «миротворцами» разных степеней, крестьянства, работавшего на земле, и рабов-рабочих, потомков подозрительных ученых и технеров.

Когда на планете установилась диктатура Общества Мира, воскресли старинные расовые и религиозные распри. Любые исследования, изобретения и научные поиски были запрещены, и планета быстро погружалась в Тёмные века. Однако именно в это время состоялся первый в истории Терры межзвездный перелет.

См. также:

Астра: Первая колония

Свободные ученые

Ренци, Артуро

Терра: Космические полеты.

(выдержки из «Энциклопедия Галактика»)

Книга первая

ТЕРРА

Глава 1

ОБЛАВА

Дард Нордис ненадолго задержался под низко нависшими ветвями сосны, которые немного спасали от пронизывающего ветра. Западный край неба был окрашен в пурпурные, золотые, красные тона, такие яркие, словно сейчас август, а не конец ноября. Но несмотря на все свое великолепие, цвета эти холодны, а резкий ветер проникает к тощему телу сквозь тонкую одежду.

Дард постарался удобнее перехватить вязанку дров, которая превращала его в согбенного старика. За веревку, служившую ему поясом, потянули.

— Дард... на нас смотрит зверь... вон там...

Дард застыл. Для Десси, с ее странным родством со всеми пушистыми зверями, каждое животное — друг. Это может быть белка... или волк! Дард взглянул на маленькую фигурку и облизал внезапно пересохшие губы.

— Большой? — спросил он.

Руки, завернутые в мешковину и превратившиеся поэтому в бесформенные лапы, отмерили в воздухе расстояние чуть больше фута.

— Вот такой. Наверное, это лиса. Она замерзла. А можно... можно, мы возьмем ее с собой? — Глаза, занимающие почти четверть лица, печально обратились к нему, полные необыкновенной, слишком взрослой заботливости.

Дард покачал головой.

— У лис густая шерсть, им теплее, чем нам, милая. А у этой лисы, наверное, есть дом, и она сейчас туда идет. Как ты думаешь, сможешь дотащить эту вязанку до дороги?

Десси презрительно надула губы.

— Конечно. Я уже не ребенок. Но ужасно холодно, правда, Дарди? Хорошо бы снова наступило лето.

Десси резко дернула веревку из шкуры, и кусок дерева, служивший санями, заскользил по снегу. На нем лежала груда сухих веток и несколько кусков коры. Не очень большая добыча, даже если объединить с его вязанкой. Но после потери топора на большее они не могли рассчитывать.

Дард вслед за девочкой начал спускаться по склону, по следу, который они проложили два часа назад. Между черными бровями юноши появилась глубокая складка. Топор... он не потерялся... его украли. Кто украд? Человек, понимающий, какая это для них утрата, желающий им зла. Значит, Хью Фолли. Но ведь Хью уже несколько недель не появлялся на ферме. Или появлялся — тайком?

Если бы только Ларс понял, как опасен этот Фолли. Фолли — крестьянин, фанатичный слуга Мира. Некогда независимые фермеры всегда верили в мир — подлинный мир, а не неподвижный застой, навязанный Миром; они стали преданными последователями Ренци. Но потом их упрямая независимость вызвала недовольство захвативших власть после смерти Пророка. Кое-кто пытался сопротивляться — слишком поздно. И вот теперь сельские жители гордятся своим невежеством и цепляются за немногие полагающиеся им привилегии. И именно из их рядов набирают ненавистных миротворцев.

Фолли — ревностный сторонник Мира. Уже давно он стремится присоединить к своим владениям несколько жалких акров Нордисов. Если только он заподозрит их происхождение — что они прямые потомки свободных ученых! Если догадается, чем занимается Ларс!

— Дарди, почему мы так торопимся?

Дард пошел медленнее. Дыхание его звучало почти как всхлипывание. Паника, заставившая устремиться вниз со склона, все еще не отпускала его. Так всегда, когда он хоть на час-два уходит с фермы. Каждый раз боится вернуться и увидеть... Он решительно запретил себе видеть картины, которые с готовностью строило воображение. Ради Десси заставил себя улыбнуться.

— Сейчас темнеет рано, Десси. Видишь те тучи?

— Снег, Дарди?

— Вероятно. Эти дрова нам еще пригодятся.

— Надеюсь, лиса доберется до своей норы еще до снега. Доберется, как ты думаешь?

— Конечно. И нам тоже нужно поторопиться. Побежали, Десси, — по тропинке...

Десси с сомнением посмотрела на почти бесформенную обертку своих ног.

— Мои ноги не очень хорошо бегут, Дарди. Наверно, слишком закутаны. И замерзли...

«Только не обморожение!» — взмолился он. До сих пор им везло. Конечно, им всегда холодно, а часто и голодно. Но ни несчастных случаев, ни серьезных болезней пока не случилось.

— Побежали! — резко скомандовал он, и Десси помчалась вперед.

Но добравшись до кустов на краю северного поля, Десси остановилась, подчиняясь давно заведенному распорядку. Дард опустил вязанку, встал на четвереньки и прополз вперед под кустами к полуразвалившейся каменной стене, чтобы увидеть поле перед домом.

Он внимательно осматривал снег перед ним. Вот следы, оставленные им и Десси. Но снежный покров между домом и главной дорогой не тронут. После их ухода здесь никто не проходил. Довольный — впрочем, не ослабляя привычной осторожности, — Дард вернулся назад и принялся собирать дрова.

— Все в порядке? — Десси нетерпеливо переступила с одной озябшей ноги на другую.

— Да.

Она дернула сани и пошла вдоль стены, где снега было меньше. В одном из окон виден слабый свет. Ларс, должно быть, в кухне. Несколько минут спустя они отряхнули снег и вошли.

Ларс Нордис поднял голову, когда вошли сначала его дочь, потом брат. Приветливая улыбка появилась на его лице — кости, плотно обтянутые кожей, — и Дард, внимательно посмотрев на брата, ощутил знакомый скрытый страх. Они всегда голодны, но сегодня Ларс кажется умирающим от голода.

— Хорошая добыча? — спросил он, когда юноша принялся сбрасывать тряпки, служившие ему одеждой.

— Насколько можно без топора. Десси принесла много шишек.

Ларс повернулся к дочери, которая подошла к небольшому огню и принялась методично разворачивать от тряпья руки.

— Это хорошо! Видела что-нибудь интересное, Десси? — Он говорил с ней как со взрослой.

— Только лису, — серьезно ответила она. — Она следила за нами из-под дерева. Ей было холодно, но Дард сказал, что она идет домой...

— Так и есть, милая, — заверил ее Ларс. — Небольшая нора или дупло в дереве.

— Я бы хотела привести ее домой. Хорошо бы иметь лису, белку... или кого-нибудь. Чтобы жили с нами. — Десса протянула маленькие грязные потрескавшиеся руки к огню.

— Может, когда-нибудь... — Ларс замолчал. Он через голову Дессы смотрел на огонь.

Дард повесил груду тряпок, служившую ему пальто, и направился к шкафу. Взял непривлекательный кусок соленого мяса, и в это время снова заговорил его брат.

— Как припасы?

Дард напрягся. В этом вопросе не простое любопытство. Он внимательно взглянул на жалкие запасы на полках.

— Сколько? — спросил он, не в силах сдержать нотку отчаяния в голосе.

— Дня на два — если это влезет в пакет.

Дард быстро измерял и оценивал взглядом.

— Если это действительно необходимо... — Он не смог сдержать свой протест. Они систематически тратят свои жалкие запасы — и ради чего? Если бы только Ларс объяснил! Но он заранее знал ответ Ларса: в наши дни чем меньше знаешь, тем лучше. Даже внутри семьи. Ну, хорошо, он сложит еду в пакет и оставит на столе, а утром она исчезнет — достанется кому-то, кого он не знает и никогда не увидит. А через неделю, может, через месяц, все повторится...

— Сегодня? — Он спросил только это, отрезая кусок жесткого, как дерево, мяса.

— Не знаю.

Услышав ответ брата, Дард опустил тупой нож и посмотрел в лицо Ларсу. Глаза брата сияли, в них горел свет, какого не было уже два года, с того времени, как умерла мать Дессы.

— Ты закончил, — медленно сказал Дард, не веря, что это может быть правдой, что они свободны.

— Закончил. Об этом сообщат, и за нами пришлют.

— Милая, — позвал Дард Дессы. — Принеси сосновые шишки. Разожжем большой огонь.

Она заторопилась под навес, а Дард сказал:

— Дороги замело, Ларс.

— Да? — Сидевший за столом человек не казался встревоженным. — Ну, раньше снег никогда их не останавливал. — Он говорил спокойно и уверенно.

Дард молчал, но глаза его устремились к предметам, прислоненным к стене за плечами Ларса. Они никогда не говорили об этих костылях. Но ведь снег глубокий! Ларс никогда не выходит зимой, просто не может! Как они могут уйти? Разве что у загадочных пришельцев окажутся лошади? Может, так оно и есть. Самый большой его недостаток — он слишком беспокоится о будущем, заранее тревожится, как будто мало им тревог сейчас.

Десси вернулась и одну за другой подкладывала шишки в огонь. Дард настрогал мяса в котел и добавил нарезанной картошки. Потом безрассудно снял крышку с кувшина и налил драгоценное содержимое в воду. Если им предстоит уходить, нет смысла беречь продукты: все равно все с собой не унести.

— День рождения? — Десси следила за ним широко раскрытыми глазами. — Но мой день рождения летом, папин был в прошлом месяце, а твой, — она принялась считать на пальцах, — твой еще не скоро, Дарди.

— Не день рождения. Просто праздник. Бери ложку, Десси, мешай получше.

— Праздник. — Девочка задумалась. — Мне нравятся праздники. Ты заваришь чай, Дарди? Похоже на день рождения!

Дард высыпал на ладонь засохшие листья. Ощутил их слабый аромат. Мята, зеленая и прохладная под солнцем. Он чувствовал, что отличается от Ларса: для него цвета, запахи, звуки означают гораздо больше. А Десси особенная по-своему, с ее умением дружить с птицами и животными. Прошлым летом он видел, как она неподвижно сидит на стене, на плечах у нее две птицы, а белка тычется ей в руку.

Но и у Ларса есть способности. И он единственный из семьи, кто научился их использовать. Дард бросил последний высушенный лист в котелок и в тысячный раз подумал, каково было жить в прошлом, когда свободные ученые имели право исследовать и экспериментировать. Вероятно, мир был совсем другим, тот мир, что существовал до Ожога, до того как Ренци создал свой Великий Мир.

Но он из своего раннего детства помнит только смутное ощущение счастья. Чистка произошла, когда ему было восемь лет,

а Ларсу двадцать пять, и после этого дела шли все хуже и хуже. Конечно, им еще повезло, что они вообще пережили чистку. Ведь они из семьи ученых. Но бегство привело к тому, что Ларс стал калекой. Дард вместе с Ларсом и Катей добрался сюда. Но Катя была другой, она все забыла и была счастлива. А когда пять месяцев спустя родилась Десси, у них словно стало двое детей. Катя была послушна и мила, но жила в своем особом мире снов, и они даже не старались извлечь ее оттуда. И вот они уже семь или восемь лет живут здесь. Однако за все это время Дард ни разу не посмел подумать, что они в безопасности. Он всегда жил в страхе. Может, Катя действительно была самой счастливой из них.

Он принялся мешать похлебку, а Десси села за стол, достала три деревянные ложки, побитую глиняную миску, единственную суповую тарелку, две оловянные кружки и красивую фарфоровую чашку: эту чашку ей подарил на прошлый день рождения Дард; сам он нашел ее на чердаке.

— Замечательно пахнет, Дард. Ты хороший повар, малыш, — похвалил его Ларс.

Десси согласно кивнула, и две ее косички дернулись на худых плечах, а выступающие лопатки стали похожи на крылья.

— Я люблю праздники! — объявила она. — А будем сегодня играть в слова?

— Обязательно! — пообещал Ларс.

Дард не преставал мешать, внимательно вслушиваясь в голос Ларса. Показалось ему или действительно последнее слово прозвучало как-то по-особому? И почему ему самому стало так тревожно? Словно они сидят в безопасном логове, но снаружи бродит кто-то страшный.

— У меня есть новая игра, — продолжала Десси. — Это песня...

Она положила руки на стол по обе стороны от тарелки и в такт словам стучала сломанными ноготками:

Исси, Осс, Икси, Энн,
Фулсон, Фолсон, Орсон, Кенн.

Дард сделал усилие, чтобы изгнать этот ритм из сознания, — не время искать узор. Почему он всегда видит слова, словно расположенные по восходящим и нисходящим линиям? Это такая же его часть, как умение радоваться цвету, текстуре, образам и звукам. А в последнее время Ларс подбадривает его, заставляет

работать, стараться находить новые варианты в строчках старых стихотворений.

— Да, это песня, Десси, — согласился на этот раз Ларс. — Я слышал, как ты напевала это утром. И из-за неё Дард должен сделать для нас узор... — Он неожиданно замолчал, и Дард не пытался расспрашивать его.

Они молча ели, ложками брали горячую похлебку, наклонили миски, чтобы выпить последние капли. Но за душистым мятным чаем задержались, чувствуя, как тепло проникает в измученные иззябшие тела. Огонь давал слабый свет; лицо Ларса только время от времени освещалось, а в углах комнаты лежали густые тени. Дард не пытался зажечь покрытые жиром прутья, которые торчали в железной петле над столом. Он слишком устал для этого. Но Десси обогнула стол и прижалась к искалеченному плечу Ларса.

— Ты пообещал — игра в слова, — напомнила она.

— Да, игра...

Со вздохом Дард наклонился и взял из очага уголек. Но он почувствовал сдержанное возбуждение в голосе брата. С обгоревшим деревом в качестве карандаша и столешницей вместо бумаги он ждал.

— Попробуем твои стихи, Десси, — предложил Ларс. — Повторяй их медленно, чтобы Дард смог создать узор.

Палочка Дарда двинулась — несколько линий вверх, вниз, снова вверх. Получился узор, и достаточно ясный. Десси подошла, посмотрела и рассмеялась.

— Пинающиеся ноги, папа. Из моих стихов получились пинающиеся ноги!

Дард рассматривал свой рисунок. Десси права: пинающиеся ноги, причем одна сильнее другой. Он улыбнулся и вздрогнул: Ларс встал и без помощи костылей передвигался вдоль стола. Он сосредоточенно смотрел на изгибающиеся линии. Из грудного кармана заплатанной рубашки достал кусочек коры, какую они используют вместо бумаги. Он держал кору в ладони так, чтобы не было видно, что на ней написано. Взяв у Дарда палочку, он начал писать сам, но не слова, а только цифры.

Время от времени он стирал написанное ладонью и снова начинал лихорадочно писать, наконец быстро кивнул, удовлетворившись, и оставил последнюю комбинацию под рисунком, который увидел Дард в стихке Десси.

— Слушайте оба; это очень важно, — Голос его звучал резко, как нетерпеливый приказ. — Рисунок, который ты увидел в стихах Десси... и эти слова. — И он медленно произнес, подчеркивая каждое слово:

Девять, семь, два и пять;
Двадцать, сорок и девять опять.

Дард смотрел на рисунок углем на крышке стола, пока не был уверен, что запомнил его навсегда.

Когда он кивнул, Ларс повернулся и бросил обрывок коры в огонь. А потом посмотрел прямо в глаза брату над склоненной головой маленькой девочки.

— Ты должен все это помнить, Дард...

Но не успел младший Нордис сказать: «Я помню», — как неожиданно вмешалась Десси.

— Девять, семь, два и пять. — торжественно прочитала она.

— Двадцать, сорок и девять опять. — Это же песенка, как моя, правда, папа?

— Да. А теперь спать. — Ларс опустил на свой стул. — Уже темно. Тебе тоже лучше лечь, Дард.

Это приказ. Значит, Ларс кого-то ждет сегодня ночью. Дард достал из огня два кирпича и завернул в обожженный обрывок одеяла. Потом открыл дверь на кривую лестницу, которая ведет в комнату наверху. Там темно и очень холодно. Но сквозь незавершенное окно пробивается луна; света достаточно, чтобы увидеть груды соломы и тряпки у трубы очага, которая чуть теплая от огня внизу. Дард уложил кирпичи, сделал гнездо в соломе и отодвинул Десси поглубже. Потом постоял немного, глядя на освещенный луной снег.

Они на безопасном удалении в целую милю от дороги, и он принял некоторые собственные меры предосторожности, чтобы патруль миротворцев не смог незаметно подобраться к ферме. За полем только дом Фолли, оттуда и исходит опасность. Дальше горы; хоть и дикие, они обещают спасение. Если бы Ларс не был калекой, они давно ушли бы туда.

Когда они впервые оказались на ферме, она показалась безопасным убежищем после двух лет страха и преследований. После убийства Ренци и последовавшей чистки наступило смятение, миротворцы собирались с силами, и потому мелкой

рыбешке из оставшихся ученых и технеров удалось уйти от первых сетей. Теперь патрули все прочесывают, и рано или поздно один из них явится сюда, особенно если Фолли сообщит о своих подозрениях нужным людям. Фолли нужна ферма, а Ларса и Дарда он ненавидит, потому что они необычные. А в эти дни быть необычным означает подписать собственный смертный приговор. И сколько же еще времени сумеют они избегать внимания отрядов, занятых облавами?

Мрачные предчувствия охватили Дарда. Он обнаружил, что кусает стиснутые в кулак пальцы. Двумя быстрыми шагами он пересек комнату и нащупал полку. Сердце его подпрыгнуло, когда пальцы коснулись рукояти ножа. Не очень хорошо против винтовки-шокера. Но теперь он по крайней мере не беззащитен.

Повинуясь неожиданному порыву, Дард сунул нож под одежду, и кожа его сжалась от прикосновения ледяного металла. Он заполз в соломенное гнездо.

— Мммм?.. — послышалось сонное бормотание Десси.

— Это Дарди, — успокоительно прошептал он. — Спи.

Прошли часы, а может, всего несколько минут, когда Дард неожиданно проснулся. Он лежал напряженно и прислушивался. В старом доме тихо, даже половицы не скрипят. Но Дард выполз на холод и подкрался к окну. Что-то разбудило его, а страх, в котором он живет постоянно, заставил насторожиться.

Он напряженно всматривался во все детали черно-белого ландшафта. Между луной и снегом двинулась тень. Опускается коптер, неслышно садится прямо перед домом. Из него выпрыгнули люди и рассыпались веером, окружая дом.

Дард побежал к постели и вытащил Десси из тепла, зажав ей рукой рот. Ее глаза, полные страха, широко раскрылись, и Дард прижался губами к ее уху.

— Иди к папе, — приказал он. — Разбуди его.

— Миротворцы? — Дрожа не только от холода, она начала спускаться по лестнице.

— Да. Они прилетели в коптере. — Это единственное, от чего он не мог защититься, — неожиданное нападение сверху. Но осталось так мало коптеров, ведь сейчас запрещено строить и ремонтировать машины. И зачем использовать коптер для нападения на незначительную ферму, где скрываются калека, маленькая девочка и подросток? Если только работа Ларса важна, так важна, что миротворцы не могут допустить, чтобы он ушел в подполье.

Дард следил, как прячутся темные тени. Теперь они, вероятно, окружили дом со всех сторон. Обитатели дома им нужны живыми. Слишком много загнанных в угол ученых в прошлом обманывало их. Теперь они не торопятся, так медлят, что... Улыбка Дарда была не просто мрачной гримасой. У него есть еще одна тайна, и она может спасти семью Нордисов.

Увидев, что последний нападающий укрылся, Дард бегом спустился в кухню. Огонь по-прежнему горел, перед ним скорчился Ларс.

— Они прилетели по воздуху. И теперь дом окружен, — естественным голосом сообщил Дард. Теперь, когда худшее уже произошло, он был поразительно спокоен. — Но им предстоит узнать, что ловушку захлопнуть полностью они не сумели.

Он протиснулся мимо Ларса и открыл дверцу шкафа. Десси стояла рядом с отцом, и Дард бросил ей небольшой рюкзак.

— Набей его продуктами, сколько сможешь, — приказал он. — Ларс, сюда!

Он снял с колышков запасную одежду.

— Одевайся, мы уходим.

Но брат покачал головой.

— Ты знаешь, я не смогу, Дард.

Десси набивала рюкзак провизией.

— Я тебе помогу, папа, — пообещала она. — Сейчас, как только закончу.

Дард больше не обращал внимания на брата. Он пробежал в дальний конец комнаты и поднял крышку погреба.

— Прошлым летом я обнаружил здесь проход за стеной, — объяснил он, возвращаясь за одеждой. — Он ведет в амбар. Мы можем там спрятаться...

— Они знают, что мы здесь. И будут ожидать чего-нибудь подобного, — возразил Ларс.

— Не будут. Я запутаю след.

Он видел, что Ларс надевает рваное пальто. Десси была уже готова и помогала отцу не только одеться, но и проползти по полу к отверстию. Дард передал ей факел, а сам принялся за работу.

Он достал из шкафа небольшую бутылку и щедро полил ее драгоценным содержимым комнату. Потом отступил к лестнице в погреб и бросил второй горящий факел в ближайшую полосу жидкости. С ревом взметнулся огонь, и Дард едва успел нырнуть в погреб и закрыть за собой крышку.

Раздвигая старые прогнившие лари, скрывавшие проход, он слышал над головой треск, сквозь щели начал пробиваться дым.

Немного спустя Десси поползла по проходу, Дард потащил за нею Ларса. А над их головами горел дом. Те, что снаружи, должны поверить, что они сгорели вместе с ним. И, во всяком случае, огонь даст им драгоценные минуты для отступления, а это может означать разницу между жизнью и смертью.

Глава 2

БЕГСТВО

Прежде чем они добрались до выхода в амбаре, Дард остановил всех. Нет смысла попадать прямо в руки рышущих миротворцев. Лучше оставаться в укрытии, пока беглецы не поймут, обманул ли врага горящий дом.

Проход, в котором скорчились трое, со стенами из грубого камня; он так узок, что плечи взрослых задевают за обе стены. Холодно, ледяной холод идет от промерзшей земли, проникает через плохо укутанные ноги в дрожащие тела. Дард не знал, долго ли они это выдержат. Он беспокойно прикусил губу и напряженно вслушивался в звуки наверху.

Ответил ему взрыв, по проходу от дома донеслись звук и сотрясение. И тут же чуть истерически засмеялся Ларс.

— Что случилось? — начал Дард и тут же ответил на собственный вопрос: — Лаборатория!

— Да, лаборатория, — подтвердил Ларс, прислонившись к стене. В его позе и голосе было спокойствие. — Теперь им придется разбираться в мешанине.

— Тем лучше! — выпалил Дард. — Это подкормит огонь?

— Подкормит огонь? Да лаборатория может взорвать весь дом. И после взрыва невозможно понять, что там было внутри.

— Или кто! — Впервые Дард ощутил надежду. Миротворцы не могут знать об этом проходе, они, вероятно, поверят, что обитатели дома погибли при взрыве. Бегство семьи Нордис останется необнаруженным, теперь у них прекрасные шансы.

Но Дард продолжал ждать, вернее, заставил Ларса и Десси ждать в проходе, а сам пробрался к амбару, поднялся по лестни-

це, которую оставил здесь как раз на такой случай. Потом осторожно прополз по прогнувшему полу к входу без двери.

Стена фермы исчезла, и языки пламени ярко освещают картину. Двое миротворцев в черно-белых мундирах оттаскивают третьего от места катастрофы. Слышны крики. Дард прислушался и убедился: преследователи считают, что их добыча погибла вместе с домом. Вместе с ними погибли два офицера, которые во время взрыва взламывали дверь. Еще трое ранено. И теперь отряд торопливо отступает, опасаясь новых взрывов. Миротворцы, гордящиеся отсутствием научных знаний, особенно боятся подобного.

Дард встал. Последний солдат, держа наготове винтовку-шокер, пробирался по глубокому снегу, обходя горящий дом и стараясь держаться подальше от химически яркого пламени. Немного погодя Дард увидел поднимающийся коптер. Тот сделал круг над фермой и направился на запад. Дард облегченно вздохнул и вернулся в проход.

— Все в порядке, — доложил он Ларсу, поддерживая брата и помогая ему подняться по лестнице. — Они решили, что мы погибли при взрыве, и боялись новых взрывов, поэтому быстро ушли...

Ларс снова рассмеялся.

— И назад торопиться не будут.

— Дард, если наш дом сгорел, где же мы будем теперь жить? — Десса маленькой тенью двигалась в темноте.

— Моя практичная дочь, — сказал Ларс. — Найдем какое-нибудь другое место...

Дард вспомнил:

— Вестник, которого ты ожидал. Он может увидеть с холмов зарево и вообще не прийти.

— Поэтому тебе придется оставить для него знак, Дард, что мы по-прежнему в мире живых. А Десса заметила, что у нас нет крыши над головой, и, чем скорее мы отсюда уйдем, тем лучше. Наши последние посетители считают, что мы мертвы. Поэтому мы с Дессой останемся здесь, а ты пойдешь за помощью. Иди вдоль стены, что наверху пастбища, до угла, где начинается старая лесная дорога. Примерно в четверти мили оттуда большое дерево с дуплом. Положи это в дупло. — Ларс достал из-под одежды сверток. — И возвращайся. Это приведет сюда нашего человека, даже если он видел взрыв. Он поймет, что мы спаслись и ждем в укрытии. Если до утра он не появится, мы попытаемся перебраться поближе к дереву.

Дард понял. Его брат не готов пробираться через снег и заросли ночью. Но завтра они соорудят из обломков что-то вроде саней и перетащат Ларса в безопасный лес. А тем временем необходимо оставить знак. Предупредив об осторожности, Дард вышел из амбара.

Инстинктивно он держался в тени деревьев и кустов, заросли которых наступали на некогда плодородные поля. У строевой фермы было множество следов, оставленных миротворцами, и Дард с их помощью маскировал собственный след. Он сам не мог бы объяснить, зачем ему эти предосторожности, но бдительность и постоянная настороженность теперь стали неотъемлемыми чертами их жизни. С другой стороны, теперь, когда облава, которой они так долго ждали, прошла, он чувствовал, что с него свалилась огромная тяжесть.

Он уходил от огня, и ночь становилась все тише и холоднее. Снежная сова скользнула на фоне неба, в лесу завыл волк или одичавшая хищная собака. Дард легко обнаружил дерево, указанное Ларсом, и уложил сверток в темное дупло.

Холод грыз его, и он заторопился назад. Может, они сумеют разжечь небольшой костер и продержатся до утра. Перебираясь через покрытую снегом стену, он подумал, скоро ли рассвет. Постель... сон... тепло... Он так устал, так устал...

И тут ночную тишину разорвал звук. Выстрел! Лицо Дарда искажилось, рука легла на ручку ножа. Выстрел! А у Ларса нет оружия! Миротворцы! Но ведь они ушли!

Неуклюже, скользя, стараясь удержать равновесие в глубоких сугробах, Дард побежал. Через несколько минут он опомнился и нырнул в укрытие. Теперь он подбирался к амбару так, чтобы его не мог подстрелить укрывшийся там снайпер. Десси, Ларс, они там одни и беззащитны!

Дард был уже рядом с амбаром, когда услышал крик Десси. И тут же забыл об осторожности. Зажав нож в руке, он бросился по двору к амбару. Но бежал он беззвучно.

— Вот тебе, сатанинское отродье!

Дард бежал, сжимая в руке нож. Удача продолжала быть на его стороне: в этот момент в горящем доме вспыхнул яркий язык пламени и осветил сцену в амбаре.

Десси билась, на этот раз молча, с яростью маленького загнанного зверька, в руках Хью Фолли. Кулак мужчины нацелился ей в лицо, и в это мгновение Дард метнул нож.

Сказались долгие месяцы тренировок с этим оружием. Десси отлетела в сторону. На четвереньках она отползла в темноту. Хью повернулся и наклонился, словно хотел дотянуться до лежавшего у его ног ружья. Но тут же закашлялся и упал. Дард схватил ружье. И только когда оно оказалось у него в руках, он повернулся к кашляющему мужчине. Потянул Фолли за плечо и перевернул его. Маленькие черные глазки смотрели на него с ненавистью.

— Достал... грязного... вонючку... — произнес Фолли и снова закашлялся. Губы его были окровавлены. — Он... думал... сумеет... спрятаться... убить... убить... — Остальное заглушил поток крови. Фолли пытался приподняться, но не смог. Дард мрачно следил за ним, пока все не кончилось, потом, подавляя тошноту, вырвал свой нож.

Прошло несколько часов, которые Дарду не хотелось вспоминать. Когда они с Десси вышли из амбара, солнце еще не встало. С серого неба падали белые хлопья. Дард смотрел на них вначале непонимающе, потом с тупым облегчением. Снежная буря многое скроет. Вряд ли кто-нибудь найдет искалеченное тело Ларса, спрятанное в проходе. А людей Фолли буря задержит, они не сразу начнут поиски. Крестьянина не любили, он был жесток и груб, и поэтому вряд ли удастся сколотить большую поисковую группу.

— Куда мы идем, Дарди? — Голос Десси звучал монотонно. Она не плакала, но непрерывно дрожала и смотрела на мир с ужасом в глазах. Надевая рюкзак с припасами, Дард прижал к себе девочку.

— В лес, Десси. Придется пожить как звери — немного. Есть хочешь?

Она, не глядя на него, покачала головой. И не двигалась, пока он не подтолкнул ее. Снег дико плясал вокруг в порывах ветра, покрывая дымящиеся остатки дома. Подталкивая Десси перед собой, Дард двинулся по своему следу, проделанному ночью, к дереву с дуплом и к месту встречи. Теперь их единственный шанс — встретиться с вестником Ларса.

Под деревьями буря была слабее, но снег налип на тела, залепил ресницы, прилип к пряди волос, которую Десси все время механически отбрасывала со лба. Еда, тепло, убежище — Дард цеплялся за эти слова, стараясь забыть о событиях прошедшей ночи. Десси так долго не выдержит. Да и его силы подходят к концу. Теперь он использовал ружье как посох.

Ружье, три патрона... Это все, что у него есть. Но оружие он использует только в самом крайнем случае. Звук выстрела будет слышен слишком далеко. Осталось довольно мало ружей, и все они в руках тех, кому доверяют миротворцы. Звук выстрела привлечет тех, кто ищет Фолли. И если заподозрят, что они сбежали... Дард вздрогнул, но не от холода.

Подгоняя Десси, он приближался к дереву с дуплом. О следах можно не беспокоиться, снег заметет их за несколько минут. Но они должны держаться поблизости, чтобы вестник Ларса нашел их.

Дард заставил Десси ходить взад и вперед по снегу. Так она не только отгоняет незаметно подкрадывающееся оцепенение, но и утрамбовывает площадку для убежища, которое он строит. Дард использовал упавшее дерево, сделал из ветвей крышу и забросал ее снегом.

Из своего логова он видел дупло в дереве и велел Десси непрерывно следить, не подойдет ли кто к нему.

Они поели соленого мяса и снега. Девочка пожаловалась, что хочет спать, и Дард наконец забился в убежище, держа Десси на руках, положив рядом ружье и борясь с собственной сонливостью.

Наконец он поставил ружье между ног, так что ствол оказался у него под подбородком; теперь, если он уснет, прикосновение холодного металла его сразу разбудит. Его тревожил вопрос, сколько времени придется им провести здесь. А что, если вестник не придет ни сегодня, ни завтра? В горах есть пещера, он обнаружил ее прошлым летом, но...

Удар подбородком о ружье вызвал слезы в глазах. Снег прекратился. Ветви под тяжестью снега склонились до земли, но воздух чист. Дард откинул капюшон и посмотрел на худое измученное лицо Десси. Она спала, но все время дергалась и однажды негромко застонала. Он изменил позу, чтобы размять затекшие ноги, и девочка на мгновение проснулась.

Но не успела она сказать: «Дарди?» — как тут же послышался еще один звук. Дард рукой закрыл Десси рот. Кто-то идет по лесной тропе, напевая.

Вестник?

Но надежды Дарда сразу рассеялись. Он увидел за кустом что-то красное, и тут же обладатель красной шапки стал виден. Дард неслышно застонал...

Лотта Фолли!

Десси забила в руках, он отпустил ее, и она отползла к стене тесного убежища. Но хоть Дард и взял в руки ружье, прицелиться не смог. Хью Фолли — предатель и убийца, да. Но его дочь... пусть она той же жестокой породы, пусть он отказывается от свободы и жизни, убить ее он не может.

Девушка, крепкая маленькая фигурка в теплой домотканой одежде и вязаной шапочке, тяжело дыша, остановилась у того самого дерева, за которым он наблюдает. Если она поднимет голову, если она так же привыкла к лесу, как он, — а он в этом не сомневается...

Лотта Фолли подняла голову и увидела лицо Дарда. Он не шевелился, надеясь, что она его не заметит. Ведь он все-таки в тени, если сыграет «мертвого» или зверя, она не поймет.

Но глаза ее расширились, большой рот беззвучно произнес удивленное восклицание. Дард с болью ожидал ее крика.

Однако она не закричала. После первоначального удивления лицо ее приняло обычное туповатое, чуть мрачное выражение. Не глядя на него, девушка стряхнула снег с одежды, и, когда заговорила своим обычным хрипловатым голосом, можно было подумать, что она обращается к соседнему дереву:

— Миротворцы охотятся.

Дард не ответил. Лотта надула губы и добавила:

— За тобой охотятся.

Он продолжал молчать. Она перестала отряхивать одежду, глаза ее устремились в сторону старой дороги.

— Они говорят, что твой брат вонючка...

«Вонючка» — оскорбительное обозначение ученого. Дард продолжал молчать. Но следующий ее вопрос удивил его:

— Десси... Десси в порядке?

Он не успел перехватить девочку, та выглянула из убежища и пристально посмотрела на Лотту Фолли.

Лотта порывалась на груди и извлекла пакет, завернутый в грязную тряпку. Она не пыталась отдать его Десси, а положила на пень перед собой.

— Тебе, — сказала она девочке. Потом повернулась к Дарду. — Вам бы уходить отсюда. Па о тебе рассказал миротворцам. — Она помолчала. — Па не вернулся ночью...

Дард перевел дыхание. Этот ее взгляд... она что-то знает? Но если знает, что лежит в амбаре, почему не зовет на помощь, не указывает дорогу преследователям? Лотта Фолли... Она ему ни-

когда не нравилась. Вначале, когда они только поселились на ферме, она приходила часто и с каким-то тупым интересом наблюдала за Катей и Десси. Говорила мало, а то, что говорила, свидетельствовало, что она умственно недоразвита. Он презирал ее, хотя никогда этого не показывал.

— Па прошлой ночью не вернулся... — повторила она, и он понял, что она знает — или подозревает. Как же она поступит? Он не может стрелять в нее, просто не может...

И тут он понял, что она увидела ружье, увидела и узнала. А он никак не может объяснить, как оно оказалось у него. Ружье Фолли — это сокровище, в руках другого оно не может оказаться, особенно в руках врага Фолли, — пока сам Фолли жив. Она говорит в прошедшем времени. Знает! Что же делать?

— Па многое ненавидел. — Она перевела взгляд на Десси. — Па нравилось делать больно.

Говорила она без эмоций, своим обычным невыразительным голосом.

— Он хотел обидеть Десси. Хотел послать ее в рабочий лагерь. Сказал, что сделает это. Лучше отдай мне ружье, Дард. Если найдут его с папой, не будут никого искать.

— Почему? — удивленно спросил он.

— Никто не отправит Десси в рабочий лагерь, — твердо сказала она. — Десси — особенная. И мама ее была особенная. Однажды она сделала мне куклу. Па, он ее нашел и сжег. Ты... ты можешь позаботиться о Десси, ты должен позаботиться! — Она требовательно смотрела ему в глаза. — Ты уведешь Десси туда, где никакой миротворец её не найдёт. Дай мне ружье па, и я вас прикрою.

Доведенный до отчаяния, Дард сказал правду:

— Мы пока не можем уходить...

Она прервала его:

— Кто-то к вам должен прийти? Значит, па был прав: твой брат вонючка?

Дард обнаружил, что кивает.

— Хорошо. — Лотта пожала плечами. — Я дам вам знать, если они придут снова. Но помни: ты должен заботиться о Десси!

— Я позабочусь о Десси. — Он протянул ружье, и она взяла его, а потом снова указала на пакет.

— Дай ей это. Постараюсь принести еще, может, сегодня ночью. Если они подумают, что вы бежали, приведут из города собак. Если так... — Она переступила с ноги на ногу в снегу. При-

слонила ружье к стволу дерева и расстегнула свое пальто. Руки, неуклюжие в перчатках, развернули новый вязаный шарф. Лотта бросила его девочке. — Надень это, — приказала она тоном матери или старшей сестры. — Я бы отдала пальто, но могут заметить. — Она снова взяла ружье. — Теперь я верну его на место; может, тогда на вас не станут охотиться.

Дард, лишившийся речи, смотрел, как она уходит по тропе. Он по-прежнему не понимал причины ее поступков. Неужели она действительно вернет ружье в амбар? Как она может, зная правду?.. И почему?

Он наклонился, обертывая шарфом голову и плечи Десси. Почему-то дочь Фолли хочет помочь им, а он уже начал понимать, что очень нуждается в помощи. В пакете, который оставила Лотта, еда, такая, какую он уже несколько лет не видел: настоящий хлеб, толстые ломти хлеба с маслом и большой кусок жирной свинины. Десси отказалась есть, если он тоже не поест, и он наслаждался едой, так отличающейся от их обычной жалкой пищи. Покончив с едой, он задал вопрос, который преследовал его с самого начала удивительного поведения Лотты:

— Ты хорошо знаешь Лотту, Десси?

Девочка облизала жирные губы, подобрала крошки.

— Лотта часто приходила.

— Но я не видел ее с... — Он замолчал: не хотелось вспоминать о смерти Кати.

— Она приходила ко мне в поле, и мы разговаривали. Мне кажется, она боялась тебя — и папы. А мне всегда приносила что-нибудь вкусное. Говорила, что хочет подарить мне платье, розовое платье. Мне очень хочется иметь розовое платье, Дарди. А Лотта мне нравится. Она хорошая. Хорошая внутри.

Десси пригладила края своего нового шарфа.

— Она боится своего папы. Он злой. Однажды он пришел, когда она была со мной, и очень, очень рассердился. Вырезал ножом палку и побил Лотту. Она велела мне быстрее убегать, и я послушалась. Он очень плохой человек, Дарди. Я его тоже боюсь. Он не придет за нами?

— Нет.

Он уговорил Десси снова уснуть, а когда она проснулась, понял, что должен отдохнуть сам — и немедленно. Велел следить за деревом и разбудить его, если кто-то покажется. И сказал девочке, что от этого зависит их жизнь.

Солнце садилось, когда он очнулся от беспокойного, полного кошмаров сна. Десси тихо сидела рядом, ее маленькое серьезное лицо было обращено к тропе. Когда он шевельнулся, она оглянулась.

— Был только кролик. — И показала на след. — Никаких людей, Дард. А хлеба не осталось? Я есть хочу.

— Конечно. — Он выполз из убежища, потянулся и развернул остатки подарка Лотты.

Несмотря на слова о голоде, Десси ела медленно, словно наслаждаясь каждой крошкой. Быстро темнело, хотя на небе еще были видны красные полосы. Сегодня они еще должны оставаться здесь, но завтра? Если возвращение ружья в амбар не остановит поиски, завтра беглецам придется уходить.

— Снова пойдет снег, Дарди?

Он посмотрел на небо.

— Не думаю. Хотелось бы.

— Почему? Когда снег глубокий, трудно идти.

Он попытался объяснить.

— Потому что, когда снег, на самом деле теплее. Ночью слишком холодно... — Он не закончил предложение, обхватил Десси рукой и втянул в убежище. Она заворочалась, устраиваясь поудобнее, потом выпрямилась.

— Кто-то идет. — Он почувствовал на щеке ее теплое дыхание.

Он тоже услышал легкий скрип наста под ногами. И положил руку на рукоятку ножа.

Глава 3

ОВИТАТЕЛИ УЩЕЛЬЯ

Пришелец был невысок; Дард выше его по меньшей мере на четыре дюйма. Юноша почувствовал себя настолько спокойно, что выбрался из убежища. Он смотрел, как уверенно приближается незнакомец. Словно точно знает, сколько шагов отделяет его от цели. Одежда у него, насколько можно разглядеть в полутьме, такая же рваная и заплатаанная, как у самого Дарда. Это не крестьянин и не разведчик миротворцев. Только человек, у которого нет «карточки доверия», может выходить в таком виде. Это означает, что он «ненадежен», он вне закона, как любой технер или ученый.

Незнакомец неожиданно остановился перед деревом. Но не протянул руку к дуплу. Напротив, наклонившись, принялся разглядывать оставленные Лоттой следы. Но наконец пожал плечами и поднял руку к дуплу.

Дард шевельнулся, и незнакомец тут же развернулся, полуприсев. На его бородатом лице блеснули зубы, а в руке тоже что-то блеснуло — металл.

Но он не издал ни звука, и тишину нарушил Дард:

— Я Дард Нордис!

— И? — Одно-единственное слово повисло в воздухе.

Дард почувствовал, что перед ним опасный человек, гораздо более опасный, чем Хью Фолли и подобные ему.

— Не расскажешь ли, что случилось? — спросил человек.

— Облава минувшей ночью, — лаконично ответил Дард; первоначальное облегчение при виде этого человека покинуло его. — Нам показалось, что мы спрятались. Я пришел сюда, чтобы передать это послание Ларса. — Он указал на тряпку. — А когда вернулся, Ларс был мертв. Его убил сосед. Он, наверно, и миротворцев вызвал. Поэтому мы с Десси пришли сюда и стали ждать вас.

— Миротворцы! — человек словно плюнул. — А Ларс Нордис мертв! Да, большое несчастье, очень большое. — Он не пытался убрать свое оружие. Оно напоминало шокер, но кое-какие особенности в его устройстве говорили, что это гораздо более смертоносное оружие. — И что же мне с вами делать? — Человек сделал один-два шага в сторону Дарда.

Дард нервно облизал губы. Он не подумал о том, что без Ларса загадочное подполье может не пожелать обременять себя подростком и маленькой девочкой. В жизни людей, объявленных вне закона, царствует мрачная целесообразность, и никому не нужны лишние рты. У него надежда только на одно...

Ларс так внимательно отнесся к его рисунку и словам, так настойчиво просил запомнить. Наверно, в этих рисунках и цифрах зашифровано какое-то важное открытие. И он должен добиться, чтобы незнакомец поверил в важность его сообщения. Возможно, это их пропуск в подполье.

— Ларс закончил свою работу. — Дард заставлял себя говорить небрежно. — Я думаю, вас интересуют результаты...

Голова человека дернулась. На этот раз он убрал свое странной формы оружие.

— Ты знаешь формулу?

Дард воспользовался возможностью и коснулся своего лба:

— Вот здесь. Я сообщу, когда меня отведут к нужным людям.

Посыльный пнул комок снега.

— Путь долгий — назад в горы. Припасы у тебя есть?

— Немного. Я буду говорить, когда мы окажемся в безопасности... когда Десси будет в безопасности...

— Не знаю... ребенок... дорога очень трудная...

— Мы выдержим, — пообещал Дард, хотя сам уверенности не испытывал. — Но лучше выступать немедленно; возможно, за нами будет погоня.

Человек пожал плечами.

— Ну, хорошо. Идемте.

Дард протянул ему рюкзак с припасами и взял Десси за руку. Ни слова не добавив, человек повернулся и пошел назад тем же путем, каким пришел; Дард и Десси пошли за ним, стараясь держаться прежнего следа.

Шли они всю ночь. Вначале Дард вел Десси, потом понес ее, пока после очередной остановки проводник не сделал ему знак и не поднял Десси на свое плечо, предоставив Дарду брести сзади без груза. Они изредка отдыхали, но всякий раз Дард не успевал восстановить силы и постепенно приходил в отчаяние. Посыльный казался ему неумолимой машиной, он шагал, как робот, шел по местности, следуя каким-то только ему ведомым ориентирам.

На рассвете они оказались у вершины подъема. Дард с трудом, тяжело дыша, поднимался по крутому склону; поднявшись, он увидел, что проводник и Десси ждут его там. Мужчина пальцем показал на седловину между вершинами.

— Пещера... лагерь... — Он лаконично произнес эти два слова и опустил Десси. — Сможешь идти сама? — спросил он у нее.

— Да. — Она взяла его за руку. — Я хорошо подвигаюсь.

Он слегка улыбнулся; казалось, мышцы этого плотно сжатого рта давно отвыкли улыбаться.

— Конечно, сестренка.

Пещера оказалась очень глубокой. Узкий вход не позволял догадываться об размерах помещения, которое открывалось, когда протиснешься внутрь. Проводник достал с карниза у входа переносной ящик, а оттуда фонарик. Луч осветил помещение, и Дард понял, что это место часто используется подпольщиками в качестве лагеря. Он опустился на постель из листьев и смотрел,

как их проводник поворачивает шкалу на черном ящичке. Через несколько секунд юноша ощутил исходящее от ящичка тепло. Это оборудование свободных ученых — и потому самая страшная контрабанда. У Дарда сохранились смутные воспоминания о таких средствах комфорта, которые существовали до чистки.

Десси довольно вздохнула и свернулась поближе к этому чуду. Она сонными глазами смотрела, как владелец чуда раскрыл банку с супом и налил ее полузамерзшее содержимое в кастрюлю. Кастрюлю он поставил на крышку нагревательного устройства. Порылся в мешке с припасами Дарда и хмыкнул при виде жалкого набора.

— У нас не было времени на сборы, — сказал Дард, раздраженный невысказанным презрением незнакомца.

— А что их привело к вам? — спросил этот человек, сидя на корточках. Он снял свое странное оружие, проверил заряд и взглянул в ствол.

— Кто знает? Там был местный крестьянин, он давно хотел получить нашу ферму. Это он застрелил Ларса.

— Хмм... — Человек посмотрел на закипевший суп. — То есть, возможно, это был обычный рейд, вызванный общей злобой?

По его тону Дард понял, что незнакомца такое положение устроило бы больше. И вспомнил последний вечер на ферме, когда Ларс объявил, что добился успеха. Слишком уж все совпадает: словно нужно было помешать передать открытие Ларса тем, кто может его использовать. Но над чем он работал? Почему его открытие так важно? И что он, Дард Нордис, вообще о нем знает?

— Как тебя зовут? — Десси разглядывала их спутника, наливавшего ей суп. — Я тебя раньше никогда не видела...

Вторично на губах проводника появилась легкая улыбка.

— Да, ты меня никогда не видела, Десси. А я тебя видел... несколько раз. Можешь называть меня Сач.

— Сач, — повторила она. — Странное имя. А суп очень вкусный, Сач. У нас праздник?

Он удивился:

— Ничего не знаю о празднике, Десси. Мы весь день будем спать. Перед нами еще долгая дорога. Ложись вот здесь и закрывай глаза.

Дард уже клевал носом над своей тарелкой и вскоре получил такой же приказ.

Проснулся он неожиданно. Сач склонился над ним, зажав рукой рот, и тряс за плечо. Увидев, что юноша проснулся, он опустился на колени и прошептал:

— Там кружит коптер, уже с полчаса. Либо нас выследили, либо они знают о пещере и следят за ней. Слушай внимательно. Для жителей ущелья работа Ларса Нордуса важнее жизни. Они ждали результатов его последних опытов. — Он помолчал и совсем другим голосом, словно повторяя какое-то заклинание, повторил слова, которые однажды Дард слышал от Ларса: — *Ad astra*. — И резким тоном приказа продолжал: — Они должны получить результаты, и как можно быстрее. Мы в пяти милях от Ущелья. Проведи прямую линию к вершине, которая видна от входа, и следуй строго по ней. Дай мне немного времени и следи. Если коптер пойдет за мной, можете пробираться к вершине. Постарайтесь держаться укрытий. Только там, где пересечете реку, выйдете на открытую местность.

— Но ты... — Дард пытался собрать разбегающиеся после сна мысли.

— Я пойду по склону в противоположную сторону. Если они следят за пещерой, могут увязаться за мной. А я играл уже в такие игры, правила знаю. Следи за мной из пещеры — давай!

Дард последовал за ним к узкому отверстию; Сач задержался у выхода, прислушиваясь. Дард тоже услышал в прохладном полуденном воздухе слабое гудение двигателя коптера. Постепенно оно усиливалось, прозвучало над самой головой, начало слабеть. Сач продолжал ждать. Потом коротко кивнул Дарду и растаял.

Юноша пробрался к самому краю скрывающего выход каменного навеса. Сач каким-то образом оказался на целых десять футов ниже по склону. Теперь наблюдателю трудно будет решить, откуда он появился. Двигался Сач довольно быстро, и было понятно, что ситуация в которую он попал, опасна.

Теперь коптер возвращался: либо совершал обычный маршрут, либо из него заметили темную фигуру. Сач укрылся в темной сосновой роще, но не настолько быстро, чтобы его нельзя было заметить. Коптер начал спускаться. Послышался громкий треск, эхом отдавшийся от окружающих скал. По беглецу начали стрелять.

— Дарди!

— Все в порядке, — ответил юноша через плечо. — Сейчас вернусь.

Сач, по-видимому, пробрался к краю густого леса. Коптер сделал еще один небольшой круг и спустился ниже, три человека выпрыгнули из него на снег. Прежде чем они восстановили равновесие, мелькнул зеленый свет, и узкий луч задел одного из них. Человек закричал и упал в сугроб. Остальные бросились на снег, но продолжали ползти к лесу, откуда исходил луч, а коптер поливал молчаливые деревья смертельным ливнем. Сач не просто привлек к себе внимание преследователей, он всеми силами отвлекал их на себя. Коптер удалялся от пещеры на запад. Двое, прыгнувшие с него, исчезли в зарослях. Дард смотрел им вслед.

Скоро вечер. А на восточном склоне достаточно укрытый от коптера. Много скал, к которым не липнет снег. Глаза Дарда сузились: следы на снегу легко увидеть с воздуха. Но есть способ туда спуститься, который следов не оставит. Дард вернулся внутрь и включил свет, оставленный Сачем.

— Пора уходить, Дарди? — спросила Десси.

— Сначала поедим. — Он заставил себя действовать неторопливо. Если то, что сказал Сач, правда, им предстоит долгий путь. И начинать его на пустой желудок не следует. Он щедро использовал припасы, оставив столько, чтобы хватило на день пути.

— Где Сач? — спросила Десси.

— Ему пришлось уйти. Мы пойдем отсюда одни. Съешь все это, Десси.

— Я ем, — чуть раздраженно ответила она. — Но я хотела бы остаться здесь. У ящика тепло и уютно.

На мгновение Дард испытал искушение остаться. Уходить в неизвестность, в холод и снег, когда они могут оставаться здесь, казалось ему глупым и почти преступным, особенно потому, что с ним Десси. Но он не мог забыть, какой опасности подвергался Сач, чтобы увести от них преследователей. Если Сач верит, что их информация так важна... Что ж, они выполняют свою часть договора. И он все время после появления коптера помнил, что пещеру могли заметить, что миротворцы знают о ее существовании.

Было уже темно, когда они выбрались на холодный ночной воздух. Дард указал на ближайший каменный склон, уходящий вниз:

— Мы должны идти по его краю, чтобы не оставлять следов на снегу.

Десси кивнула.

— Но что мы будем делать, Дарди, когда скала кончится?

— Подожди — и увидишь!

Они прошли по краю, и Дарду показалось, что от камня вдвое холоднее. Но Десси пробежала вперед и остановилась, покачиваясь, на самом краю. Он подхватил ее.

— Сейчас мы прыгнем. Вон в тот большой сугроб внизу.

Он собирался прыгнуть первым и напрягал для этого мышцы, но Десси опередила его. Он не мог сказать, сознательно она прыгнула или просто потеряла равновесие. Но прежде чем он успел пошевелинуться, она исчезла, и столб взметнувшегося снега обозначил место ее падения. Дард неуверенно оставался на месте, пока не увидел, что она машет ему руками. Тогда он тоже прыгнул, рассчитывая приземлиться подальше от Десси. На мгновение повис в морозном воздухе и тут же оказался в глубоком снегу, который залепил ему рот и глаза.

Когда они выбрались из сугроба, Дард посмотрел вверх. Теперь они в тени леса, и здесь их след невозможно заметить с коптера. Его уловка удалась!

Он повернул на восток. Сач сказал — пять миль. Скорость их зависит теперь от сугробов и характера местности. Под защитой деревьев идти нетрудно. К счастью, лес не очень густой. А вершина и река послужат ориентирами. С их помощью они доберутся до цели.

Вначале путешествие представлялось небольшой прогулкой, и Дард приободрился. Но еще до утра ему начало казаться, что он попал в кошмарный сон. Добравшись до берега реки, они обнаружили, что лед слишком тонок, пройти по нему нельзя. Идя вдоль берега, они время от времени проваливались в глубокий мелкий снег. Дард снова понес Десси, и рюкзак с припасами ему пришлось оставить. Он с замирающим сердцем чувствовал, что переходы между остановками становятся все короче. Но не сдавался и лагерь не разбивал, поскольку был уверен, что, остановившись, не сможет снова встать.

Утро застало их в месте, где можно было пересечь реку. Ледяная арка, прикрытая снегом, образовала опасный мост, по которому они со страхом поползли. Вершина казалась иглой на фоне неба. Юноша с горечью подумал, что она кажется гораздо ближе, чем в действительности.

Он старался оставаться под укрытием деревьев и кустов, но лучи солнца, отраженные от снега, мешали смотреть, и в конце концов он просто пошел, каждый раз осторожно опуская ногу, угрюмо решив во что бы то ни стало оставаться на ногах и не думать об укрытии от коптера.

Десси лежала у него на плече, полузакрыв глаза. Он думал, что она без сознания или очень близка к этому. Она не возражала, когда он положил ее на упавшее дерево и прислонился к другому лесному гиганту; дыхание ледяными ножами резало ему легкие. Какой-то инстинкт или удача удержали его на верном курсе: вершина по-прежнему впереди. Теперь он видел, что она охраняет вход в узкое ущелье, к которому ведет тропа. Но он понятия не имел, что за этим входом в ущелье и далеко ли он будет от помощи, добравшись до входа.

Дард отдохнул, медленно сосчитав до ста, потом снова поднял Десси и пошел дальше, стараясь избегать шипов соседних кустов. В какой-то момент, выпрямившись с девочкой на руках, он подумал, что видит странный свет вблизи вершины. Солнце отражается от льда, тупо решил он и пошел дальше.

Он так никогда и не узнал, смогли бы они добраться своими силами. Потому что не успел он пройти и ста ярдов, как его одурманенный усталостью слух уловил зловещий звук двигателя коптера. Не пытаясь определить источник звука, Дард вместе со своей ношей бросился в кусты и покатился по снегу, выдерживая удары ветвей.

Гул ротора машины ясно звучал в морозном воздухе. Несколько секунд спустя Дард увидел, как от ближайшего ствола отлетели щепки. Таща за собой Десси, он еще глубже забрался в заросли. Но он понимал, что только оттягивает конец. Они знают, что он один, что с ним только ребенок, и считают его безоружным. Им остается только высадить людей и схватить его.

Но хотя коптер летал взад и вперед над зарослями, в которые углубился Дард, он не делал попытки приземлиться. Полагая, что его сверху не видно, Дард, прижимая к себе Десси, сел и попытался обдумать свое положение.

Сач... Сач и зеленый луч, которым он свалил одного миротворца. Вот в чем дело. Они знают, что ружья у него нет, но боятся, что он вооружен более опасным оружием, таким, какое есть у Сача. Десси заныла и плотнее прижалась к нему: коптер проле-

тел у них над самыми головами, всего лишь в нескольких дюймах над ветвями, которые едва не задели за шасси.

Треск ружейных выстрелов прорвался сквозь гудение двигателя. Снова полетели щепки, одна расцарапала Дарду щеку. Усилием воли он заставил себя оставаться неподвижным и продолжал прижимать к груди Десси, ее маленькое тело дергалось при звуке каждого выстрела. Сверху не видят добычу, иначе не стали бы так беспорядочно тратить пули. Выстрелами они пытаются заставить его выйти из укрытия.

И самое ужасное, что они вполне могут это сделать! Дард знал, что продолжающийся смертоносный поток, прочесывающий заросли, либо убьет их, либо заставит двигаться.

Он мигнул и принял решение. Снял с головы и плеч Десси шарф Лотты. Быстро закрепил ткань в колючих ветвях. Потом опустил Десси в снег на колени и оттолкнул подальше от колючего куста. Она послушно поползла, Дард, держа в руках конец шарфа, — за ней. К счастью, коптер сейчас кружил по периметру зарослей, и на одну-две минуты стрельба прекратилась. Дард полз, пока шарф не натянулся. Он держал его за самый кончик в вытянутой руке и ждал.

Коптер продолжал кружить, и в стрельбе теперь участвовало несколько снайперов. Дард прикусил нижнюю губу. Пора! Судя по звуку, коптер в нужном положении. Дард дважды дернул за шарф, и ему тут же ответил громкий залп выстрелов. Дард дико закричал, и Десси, испуганная и встревоженная, подхватила его крик. Дард еще раз дернул за шарф и тут же на четвереньках побежал в сторону, толкая перед собой девочку. Если только они поверят, что попали в него и Десси! Тогда они сядут и проберутся к месту, где он закрепил шарф, — и у беглецов появится слабый, очень слабый шанс уйти.

Дард съезжился: сверху продолжали поливать огнем кусты, без всякой жалости. Слепая ненависть, ярко вспыхнувшая во время чистки, продолжает тлеть в тех, кто преследует его сейчас. Он всегда подозревал, что человеку с кровью настоящих ученых не уцелеть, если его выследят миротворцы. А теперь и последняя надежда на милосердие исчезла.

Таща Десси, он добрался до границы зарослей, в которых они нашли убежище. И опять по слепой удаче они вышли со стороны, обращенной к вершине. Однако впереди лежала открытая местность, ее невозможно пересечь незаметно. Дард мрачно смо-

трел вперед. Яркий солнечный свет делал почему-то этот последний удар еще сильнее.

Но тут, когда отчаяние обессилело его, он снова заметил на вершине какие-то вспышки. Слишком они регулярные, чтобы быть просто отражением солнца. И пока он смотрел, над ними пронеслась тень. Коптер приземлился на нетронутый снег прямо перед ними. Дард сжал Десси и осел. Девочка вскрикнула от боли. Это конец, бежать больше некуда.

Миротворцы не торопились покидать коптер. Похоже, они опасаются приближаться к зарослям. Что такого сделал Сач, что они проявляют чрезмерную осторожность?

Двое выбрались из-за хвоста машины, и Дард заметил, что установленный на крыше коптера пулемет повернулся, прикрывая их. Солдаты медленно поползли по снегу. Но не успели они проползти мимо коптера, как мигание света на вершине превратилось в устойчивый луч. Дард отвел взгляд, посмотрел на миротворцев и потому не увидел, как пришло спасение.

Послышался звон, словно от разбитого стекла. Зеленая дымка того же смертоносного зеленого цвета, что и луч Сача на склоне, окутала машину.

Не понимая почему, Дард упал лицом вниз, потащив за собой Десси, когда клочья тумана медленно потянулись к зарослям. Должно быть, газ, и миротворцы теперь бились в нем. Тут мир почернел, и Дард начал падать в глубокую пропасть, и Десси уносило от него.

Глава 4

AD ASTRA

Дард лежал на спине, глядя вверх, в непонятное серое пространство. Но тут над ним появилось розоватое пятно, и он сосредоточился на нем. Проявились глаза, нос, открывающийся и закрывающийся рот.

— Как дела, приятель?

Дард обдумал вопрос. Он лежал лицом вниз в снегу, к нему ползли миротворцы, а Десси... Десси! Дард попытался сесть, и лицо и фигура над ним отодвинулись.

— С маленькой девочкой все в порядке. С вами обоими все нормально. Вы ведь дети Нордиса?

Дард кивнул.

— Где это? — медленно сформулировал он вопрос.

Лицо над ним сморщилось в смехе.

— Ну, по крайней мере, вариант древнего «где я?». Ты в Ущелье, парень. Мы заметили тебя, когда ты перебирался через реку, а коптер шел за тобой. Ты умудрился задержать их настолько, что мы сумели пустить туман. И взяли вас. А еще коптер и разные припасы, так что вступительную плату ты уплатил более чем сполна, даже если бы и не был родственником Ларса Нордиса.

— А как вы узнали, кто мы? — спросил Дард.

Карие глаза подмигнули.

— У нас есть свои способы узнавать нужное. И это совершенно безболезненно — делается во время сна.

— Я говорил во сне? Но я не говорю.

— Может, в обычных обстоятельствах и не говоришь. Но тобой занялся наш врач, и ты заговорил. Ты много перенес, парень.

Дард приподнялся на локтях, а собеседник поддержал его. Теперь Дард видел, что лежит на узкой койке в комнате, которая кажется частью пещеры, потому что три ее стены представляют собой сплошную скалу, а четвертая — гладкая серая поверхность, и в ней дверь. Окон нет, и мягкий свет испускают две трубки в каменном потолке. Посетитель сидит на складном стуле, другой мебели в комнате, похожей на камеру, нет.

Но он укрыт одеялом, таких он не видел уже несколько лет, тело его вымыто и одето в чистый комбинезон. Дард ласково погладил одеяло.

— Где это — и что это? — расширил он свой первый вопрос.

— Это Ущелье — насколько нам известно, последняя крепость свободных людей. — Посетитель встал и потянулся. Это был высокий мужчина с тонкой талией, со смуглой коричневой кожей, на которой резким контрастом выделялись белоснежные ровные зубы и фарфорово-яркие белки глаз. Его курчавые черные волосы были коротко подстрижены, а бородка едва заметна. — Это врата *ad astra*... — Он помолчал, словно ожидая, какой эффект на Дарда произведут его последние слова.

— *Ad astra*, — повторил Дард. — Ларс как-то говорил об этом.

— *Ad astra* означает «к звездам». И это место старта.

Дард нахмурился. К звездам! Не межпланетный перелет... межзвездный! Но это невозможно!

— Я думал, Марс и Венера... — начал он с сомнением.

— Кто говорит о Марсе и Венере, парень? Конечно, жизнь на них невозможна. Потребуется все ресурсы Терры, чтобы основать колонии на любой из этих планет. Уж мне ли этого не знать? Нет, полет не межпланетный — межзвездный. Полетим выбирать себе планету, о которой терранские ползуны и не мечтают. Вот что мы собираемся сделать! *Ad astra!*

Межзвездный перелет! Его первая дикая догадка оказалась правильной.

— У нас здесь звездолет! — Дард поневоле почувствовал сильное волнение. В старину, до Ожога и чистки, люди высаживались на Марсе и Венере и обнаружили, что условия на обеих планетах не подходят для людей; жизнь там можно поддерживать только ценой огромных затрат, а Терра не способна на это. И, конечно, Мир запретил все космические полеты как часть программы научных экспериментов. Но *звездолет* — разорвать узы Солнечной системы и лететь к другим звездам, к другим планетам... Похоже на волшебный сон, но он не сомневается в искренности человека, который рассказал об этом.

— Но какое отношение к этому имел Ларс? — вслух удивился Дард. Специальность Ларса — химия, а не астрономия и не небесная механика. Дард сомневался, чтобы его брат сумел отличить одно созвездие от другого.

— Он играл очень важную роль. Мы как раз ждем твоего сообщения о его последних результатах.

— Но я думал, вы все у меня узнали, пока я был без сознания.

— Да, узнали, что ты лично делал в последние несколько дней. Но ведь ты несешь сообщение Ларса, верно? — Впервые беспечность покинула темнокожего человека.

Дард пригладил одеяло, нервно потянул его пальцами.

— Не знаю... Надеюсь...

Посетитель провел руками по курчавым волосам.

— Давай пригласим Таса. Он все равно ждет, когда ты придешь в себя. — Он пересек комнату и нажал кнопку в стене.

— Кстати, — сказал он через плечо, — я забыл представиться. Меня зовут Симба Кимбер, штурман-пилот Симба Кимбер, — повторил он. Ясно, что это звание имело для него большое значение. — А Тас — это наш первый ученый Тас Кордов,

из биологического подразделения. Наша организация состоит из уцелевших свободных ученых разных команд, а также просто из людей, которым не нравится Мир. А, входи, Тас.

Вошел человек, низкорослый, почти такой же в ширину, как и в высоту. Но плечи и столбообразные ноги и руки были не из жира, а из крепких мышц. Он носил поблекшую форму свободного ученого, на груди пламенеющий меч — знак первого ранга. Раскосые глаза и широкие скулы монгольских очертаний. Дард решил, что этот человек родом совсем не из тех мест, где сейчас живет.

— Итак, ты проснулся? — Он улыбнулся Дарду. — Мы все ждем, когда ты откроешь глаза — и рот, молодой человек. Какое сообщение ты принес нам от Ларса Нордуса?

Дард больше не мог скрывать правду.

— Не знаю, имеет ли это значение. В ту ночь, когда нас захватила облава, Ларс закончил свою работу...

— Отлично! — Тас Кордов на самом деле захлопал в ладоши.

— Но когда мы пытались уйти, он не захватил с собой никаких бумаг...

Лицо Кордова оживилось, он словно силой готов был извлекать сведения из Дарда.

— Но ведь он передал с тобой сообщение? Какое-то сообщение должно быть!

— Только одно. И я не знаю, насколько оно важно. Мне нужна бумага, иначе я не смогу написать и объяснить.

— И это все? — Кордов достал из кармана брюк блокнот, раскрыл на чистой странице и протянул Дарду вместе с ручкой, пишущей без чернил. Вооружившись этими инструментами, Дард начал объяснения, которым, возможно, никто не поверит.

— Вот в чем дело. Ларс знал, что я представляю себе слова как рисунки. Когда я слышу стихотворение, я представляю себе рисунок... — Он помолчал, стараясь по их выражению догадаться, поняли ли они. Ему самому собственные слова казались лишены смысла.

Кордов пальцами оттянул нижнюю губу и отпустил; она негромко шлепнула.

— Гмм... семантика — не моя область. Но мне кажется, я понимаю смысл. Покажи!

Чувствуя себя глупо, Дард повторил стишок Десси, одновременно рисуя на листке блокнота:

— Исси. Осс, Икси, Энн; Фулсон, Фолсон, Орсон, Кенн..

Он подчеркивал, проводил линии, обводил, как в тот вечер на ферме, и снова на листочке появился рисунок, который Десси назвала «пинающимися ногами».

— Ларс увидел, что я это делаю. Он пришел в сильное возбуждение. И дал мне еще две строчки, которые для меня образовали другой рисунок. Однако он настоял, чтобы я совместил эти два рисунка.

— А что это за строчки? — спросил Тас.

Дард повторял вслух, в то же время рисуя:

— Девять, семь, два и пять;
двадцать, сорок и девять опять.

Он тщательно проводил линии, написал цифры и протянул получившееся Кордову. Для него это не имело никакого смысла. Если и для первого ученого тоже, значит, никакой драгоценной тайны Ларса Нордиса вообще нет. Тас продолжал сосредоточенно смотреть на листок, и Дард утратил последние остатки надежды.

— Изобретательно, — сказал Кимбер, глядя через плечо первого ученого. — Вероятно, шифр.

— Да. — Тас направился к двери. — Мне нужно изучить это. И сравнить с другими данными. Я должен...

С этими словами он исчез. Дард вздохнул.

— Вероятно, это вообще ничего не значит, — устало сказал он. — А что должно быть?

— Формула холодного сна, — ответил Кимбер.

— Холодного сна?

— Мы будем спать во время полета, иначе корабль прилетит к цели с прахом давно умершего экипажа. Даже со всеми усовершенствованиями, с новым двигателем наш малыш проведет в пути больше времени, чем продолжительность человеческой жизни, даже несколько жизней! — Говоря, Кимбер расхаживал взад и вперед, поворачиваясь в углах комнаты. — В сущности, у нас не было никаких шансов, мы уже думали о высадке на Марсе, но тут кто-то из наших обнаружил, что жив Ларс Нордис. До чистки он опубликовал работу относительно системы кровообращения летучих мышей; он изучал, как падает температура их тела во время зимней спячки. Не спрашивай меня о подробностях, я всего лишь пилот-астрогатор, а не Большой Мозг! Но он вышел на что-то, что, по мнению Кордова, можно осуществить: замо-

розить тело человека, и он останется жив и будет спать неопределенно долгое время. Мы связались с Ларсом, и с тех пор он сообщал нам все свои результаты.

— Но почему? Почему, если Ларс так тесно сотрудничал с этой группой, он не присоединился к ней? Почему они жили на ферме, умирали с голоду, испытывали постоянный страх перед облавами?

— Почему он не пришел сюда? — Кимбер словно прочел мысли Дарда. — Он говорил, что не уверен, что выдержит путешествие. Ведь он был калека. Не хотел уходить до самого последнего момента, когда будет уже не столь важно, если его заметят или выследят. Он считал, что за ним постоянно наблюдает какой-то недруг и что в тот момент, как он или кто-то из вас сделает что-то необычное, сразу появятся миротворцы. Может, еще до того, как он получит ответ на наш вопрос. Поэтому вам и пришлось жить в опасности.

— Да, в опасности, — согласился Дард. В словах Кимбера есть логика. Если Фолли шпионил за ними — а он следил, иначе не появился бы в амбаре, — он бы сразу что-то заподозрил, если бы кто-нибудь из них не появился бы рядом с домом, как обычно. Ларс не смог бы проделать такое путешествие, какое совершили они. Да, он понимает, почему брат ждал, пока для него не стало уже слишком поздно.

— Но есть кое-что еще. — Кимбер снова сел на стул, оперся локтями о колени, положил подбородок на руки. — Что ты знаешь о Храме Голоса?

Дард, все еще размышлявший над проблемой холодного сна, удивился. К чему Кимберу знать о самом сердце местной организации Мира?

Голос был гигантским компьютером, в который представители Мира непрерывно вводили данные. Компьютер перерабатывал их и отдавал распоряжения, которые помогали держать в узде тысячи людей. Дард знал, что такое Голос, слышал рассказы о нем. Но сомневался, чтобы кто-нибудь из свободных ученых или их помощников осмелился сейчас приблизиться к храму.

— Это центр Мира, — начал он, но пилот сразу прервал его:

— Я хочу сказать: можешь ли ты описать это место?

Дард застыл. Он надеялся, что его страх не проявился очень открыто. Откуда они знают, что он был в храме? Узнали с помощью своих загадочных приспособлений во время его сна?

— Ты там был — два года назад, — безжалостно продолжал Кимбер.

— Да. Катя заболела. Был шанс пригласить врача, если я покажу «карточку доверия». Я совершил паломничество седьмого дня, но, когда предстал перед Кругом и передал свое прошение, мне задавали слишком много вопросов. И карточку так и не дали.

Кимбер кивнул.

— Не беспокойся, парень. Я не считаю, что ты подослан Миром. Если бы ты был подослан, мы бы уже знали. Но мне очень нужно знать о Храме Голоса. Расскажи все, что сможешь вспомнить, малейшую подробность.

Дард начал описывать. И снова обнаружил, что у него необыкновенно четкая память. Он вспомнил число ступенек, ведущих во внутренний двор, вспомнил все, что говорил венценосец в своей проповеди седьмого дня. Закончив, он заметил, что Кимбер смотрит на него со смесью удивления и восхищения.

— Боже, парень, как ты это все запомнил? И за одно короткое посещение?

Дард засмеялся, чуть дрожа.

— И что еще хуже, я ничего не могу забыть. Могу рассказать все подробности любого дня, который прожил после чистки. А вот все, что до этого, — он поднес руку к голове, — почему-то не вспоминается отчетливо.

— Многие из нас скорее не хотели бы вспоминать то, что произошло после этого. Фанатики в правительстве, Ренци взял власть на всей планете, и все пошло крахом. Мы создали это убежище, чтобы выжить. Но для остальных людей мы ничего не можем сделать, нас всего горстка объявленных вне закона и живущих в глуши. И за голову каждого в Ущелье обещана большая награда. Всё Общество Мира хочет уничтожить нас. Но мы собираемся уйти. Поэтому нам и нужна помощь Голоса.

— Голоса?

Кимбер проигнорировал сомнения Дарда.

— Ты ведь знаешь, что такое Голос? Компьютер, машинный разум, так это называли раньше. В него вводят данные, он проводит вычисления и выдает решение любой проблемы, которая потребовала бы месяцы и годы человеческой жизни. Мы не в состоянии сами рассчитать курс к ближайшей подходящей звезде,

похожей на Солнце и с планетами. У нас есть данные, есть собственные расчеты, но все это должно пройти через Голос!

Дард смотрел на этого сумасшедшего. Никто, кроме миротворцев, имеющих высший статус венценосцев, не осмеливается входить во внутреннее помещение, где располагается Голос. Дард не мог даже предположить, как Кимбер собирается туда пробраться и заставить машину работать.

Кимбер больше ничего не рассказал, а Дард не стал спрашивать. Вообще он совершенно забыл об этом разговоре в последующие часы, когда его провели по необыкновенной крепости, вырубленной в скале и служившей последним оплотом свободных ученых. По узким коридорам его водил Кимбер, он же рассказывал, показывал гидропонные оранжереи, необычные лаборатории, а однажды — издали — и сам звездолет.

— Не очень большой, правда? — заметил пилот, глядя на длинную серебряную стрелу. — Но это лучшее, что мы смогли сделать. В основе его экспериментальная модель, создававшаяся для полета к внешним планетам перед самой чисткой. В первые дни волнений ее сумели переправить сюда, вернее, самые важные части, и с тех пор мы строим этот корабль.

Да, корабль невелик. Дард откровенно не понимал, как в нем поместятся все многочисленные обитатели Ущелья, пусть даже в замороженном состоянии. Но вслух он об этом не говорил. Напротив, сказал:

— Не понимаю, как вы могли так долго скрываться.

Кимбер недобро усмехнулся.

— У нас есть свои возможности. Что ты об этом думаешь? — Он достал руку из кармана брюк. На темной ладони лежал плоский брусок блестящего металла.

— Это, мой мальчик, золото! В последние столетия его стало очень мало, правительства припрятали запасы и никому их не показывали. Но своего волшебства оно не утратило. В этих горах мы нашли много металлов. Золото для наших целей бесполезно, но там оно по-прежнему имеет ценность. — И он указал на вершину, охраняющую вход в Ущелье. — У нас есть посредники, и в нужном месте мы находим помощь. И все это замаскировано. Если пролетишь над горами, увидишь только то, что захотят показать наши техники. Не спрашивай меня, как они это делают. Мне это самому непонятно. — Он пожал плечами. — Я всего лишь пилот, ожидающий работы.

— Но если вы можете скрываться, к чему «Ad astra»?

Кимбер пальцем потер подбородок.

— По нескольким причинам. Мир теперь крепко держит власть, и миротворцы стараются уничтожить последние очаги сопротивления. Мы получаем постоянные предупреждения от своих посредников и подкупленных людей. Отряды, проводящие облавы, объединяются, готовится большой рейд. Мы здесь в сомнительной безопасности, как кролик в яме, на краю которой принохиваются собаки. У нас нет других возможностей, кроме корабля и того будущего, что нас ждет на другой планете. Луи Скорт — это наш врач, он интересуется историей — дает Миру еще от пятидесяти до ста лет правления. А Ущелье столько не продержится. Поэтому мы испробуем один шанс из миллиона. Мы можем не найти планету терранского типа, можем даже не пережить пути. Ну, и ты сам можешь перечислить еще множество «если», «и» и «но».

Дард продолжал смотреть на корабль. Да, тысячи шансов на неудачу и один или два — на успех. Но какое приключение! И быть свободным, вырваться из мрачной трясины, от которой цепенеет мозг и которая страхами доводит людей до сумасшествия. Быть свободным среди звезд!

Он услышал негромкий смех Кимбера.

— Тебя тоже это захватило, парень? Ну, скрести пальцы. Если рецепт твоего брата сработает, если Голос даст нам нужный курс, если новое горючее, созданное Тангом, поднимет корабль, что ж, мы улетим!

Кимбер казался таким уверенным, что Дард решился задать беспокоивший его вопрос:

— Корабль кажется небольшим. Как в нем поместятся все?

Впервые пилот не посмотрел ему в глаза. Он свирепо пнул неповинный стол.

— Мы можем поместить в корабль гораздо больше людей, чем ты поверишь, если процесс замораживания удастся.

— Но не всех, — настаивал Дард; его подгоняло желание все узнать.

— Не всех, — неохотно согласился Кимбер.

Дард моргал, между его глазами и стройным серебряным кораблем словно появилась какая-то завеса. Больше он не будет спрашивать. Нет необходимости, да он и не хочет услышать прямой ответ. Вместо этого он резко сменил тему:

— Когда вы собираетесь отправиться к Голосу?

— Как только скажет Тас...

— Что должен сказать Тас? — слышался голос сзади. — Что ему удалось разобраться в этом наборе слов и «пинающихся ногах», в этой фантастической головоломке, которую задал нам молодой человек? Если ты этого ждешь, больше не жди, Сим. Загадка разгадана, и теперь, благодаря нашим вестникам, — большая рука Кордова легла на плечо Дарда, — мы можем подниматься в небо. Теперь мы ждем только завершения твоей части операции.

— Отлично. — Кимбер начал поворачиваться, когда Дард схватил его за руку.

— Послушай. Ты ведь никогда не был в Храме Голоса.

— Конечно, нет, — вмешался Тас. — Он еще не сошел с ума. Разве кто-нибудь сунет добровольно руку в атомный реактор?

— Но я там был! Может, я не смогу сделать расчеты, но провести и вывести смогу. И я достаточно знаю о правилах, чтобы...

Кимбер раскрыл рот, явно собираясь отказать, но опять первый ученый опередил его:

— Это имеет смысл, Сим. Если юный Нордис там действительно был, это больше опыта, чем у всех остальных. А если вы переоденетесь, риск станет меньше.

Пилот нахмурился, и Дард приготовился услышать отказ. Но наконец Кимбер неохотно кивнул. Тас подтолкнул Дарда ему вслед.

— Иди с ним. И позаботься, чтобы он вернулся целым. Мы многое можем, но он у нас единственный космический пилот, единственный штурман с опытом.

Дард пошел вслед за Кимбером по длинному коридору, сквозь лабиринт помещений Ущелья, к лестнице, грубо вырубленной в камне. Ступеньки кончались в большой комнате, в которой стоял коптер с символами корпуса миротворцев.

— Узнаешь? Тот, с которым ты играл в прятки в долине. Теперь переодевайся, и побыстрее!

Он достал из коптера одежду и протянул Дарду. Юноша надел черно-белый мундир миротворца и застегнул пояс с шоке-ром. Костюм великоват, но в вечерней полутьме сойдет. Чтобы у них был хотя бы малый шанс добраться до Голоса, им нужно идти ночью.

Дард сел в коптер рядом с пилотом. Над головой на место встал люк и стали видны звезды. Дард ухватился за край сиденья, а Кимбер сел за приборы управления. Машина медленно по спирали начала подниматься в небо.

Глава 5

НОЧЬ И ГОЛОС

Дард рассматривал местность, над которой летел коптер. Потребовалось всего несколько минут, чтобы преодолеть мили, которые с таким трудом преодолевали Дард с Десси. Юноша был уверен, что видит оставленные ими в снегу следы.

Машина пролетела над вершинами, скрывающими пещеру. И тут впервые за эти напряженные часы Дард вспомнил о Саче. Именно по этому склону посыльный увел от них преследователей.

— Известно ли что-нибудь о Саче? — Он с тревогой задал вопрос о маленьком жилистом человеке.

Но Кимбер ответил не сразу. А когда ответил, Дард почувствовал сдержанность в его тоне:

— Пока никаких новостей. Он не связался ни с одним связным. Но ты напомнил мне...

Под управлением пилота коптер повернул направо и начал удаляться от тропы, по которой Дард поднимался в горы. Юноша был рад, что им не придется пролетать над обгоревшими остатками фермы.

Напротив, через короткое время они оказались над другой фермой, в гораздо более хорошем состоянии, чем та, в которой жили Нордисы. В сущности, дом выглядел процветающим, словно здесь живет человек, благословленный Миром, и Дард удивился выбору Кимбера. Только тот, кто пользуется поддержкой новой власти, посмеет жить в таком доме. Из трубы поднимался толстый столб дыма, говоря о неограниченном тепле и пище, — о таких условиях, которыми не могут похвастать и самые верные последователи Мира.

Но Кимбер без колебаний посадил коптер на площадке утрамбованного снега недалеко от дома. И не пытался выйти из машины.

Раскрылась дверь дома, показался человек в теплом домотканом костюме, пользующемся «одобрением» Мира, еще один

Фолли, судя по внешности. Он пересек двор. На какое-то мгновение Дард усомнился в лояльности сидящего рядом пилота. Еще тревожнее ему стало, когда фермер приблизил свое круглое полное лицо к окну коптера.

Бледно-голубые глаза на обветренном лице оглядели их обоих, и Дард успел заметить, как они чуть расширились, когда перешли с лица Кимбера на его мундир. «Фолли» повернулся и отогнал подбежавшую собаку, которая ворчала и скалила зубы.

— Время? — спросил фермер.

— Время, — ответил Кимбер. — Если можешь, перебирайся сегодня же, Хармон.

— Конечно, мы уже упаковались. Мальчишка расчистил дорогу...

Его голубые глаза устремились к Дарду.

— А кто этот молодой человек?

— Брат Нордиса. Он добрался к нам с дочерью Нордиса. А сам Ларс мертв — облава.

— Да, я слышал об этом, об этой облаве. Будто бы все они погибли. Рад, что это не так. Ну, пока...

И, взмахнув рукой, он направился назад в дом. А Кимбер тут же поднял машину.

— Не думал... — начал Дард. Кимбер засмеялся.

— Ты не думал, что такой человек, как Хармон, может быть одним из нас? У нас есть очень странные контакты. Наши люди водят грузовики; некоторые из них до чистки были первоклассными учеными. У нас есть, например, Санти, он служил в старой армии, умеет читать и писать свое имя; он специалист по оружию и для Ущелья он так же важен, как Тас Кордов, один из крупнейших биологов мира. Мы спрашиваем у человека только одно: верит ли он в подлинную свободу? А Хармон в будущем для нас станет еще важнее. Мы умеем пользоваться гидропоникой, ты ел у нас и можешь оценить, что это такое. Но настоящий фермер может нас многому научить. К тому же Хармон один из самых надежных наших людей. Со своей женой, сыном и дочерьми-близняшками он больше пяти лет играет труднейшую роль — и делает это великолепно. Но я готов поверить, что моя новость ему понравилась. Вести двойную жизнь трудно. А теперь пора за работу.

Коптер повернул и полетел прямо на запад, небо уже окрасилось заревом заката. В кабине было тепло, а такую одежду Дард не носил уже много лет. Он расслабился на мягкой обивке сиде-

ня, но внутренне испытывал возбуждение, которое больше не сдерживалось страхом: уверенность Кимбера в себе, в успехе их предприятия успокаивала.

Внизу бежала лента дороги; судя по почерневшему снегу, ею часто пользуются. Дард пытался узнать ориентиры. Но он никогда не видел местность сверху и потому только догадывался, что они идут вдоль той дороги, что соединяет имение Фолли и их полуразрушенную ферму с разросшейся деревней, ближайшим предместьем того, что до чистки было городом.

Еще одна проселочная дорога, изрытая и часто используемая, слилась с главной, и ее изгиб показался Дарду знакомым. Это дорога к ферме Фолли! И на ней после бури было большое движение. Дард вспомнил Лотту. Вернулась ли она к дереву с дуплом с обещанными продуктами для Десси? Десси!

Десси!

Надеясь, что он не откроет Кимберу свою тревогу, беспокойство, грызущее с того момента, как он увидел звездолет, Дард заметил:

— Я не видел в Ущелье детей.

Кимбер был занят управлением; ответил он чуть рассеянно:

— Их только двое. Дочери Карли Скорт три года, а мальчику Винсона почти четыре. Близняшкам Хармона по десять, но они не живут в Ущелье.

— Десси шесть лет, почти семь.

Кимбер улыбнулся.

— Умная девчонка. Сразу пошла к Карли — когда мы убедили ее, что тебе нужно отдохнуть. Я слышал, что она теперь командует в детской. Карли удивляется ее уму и благоразумию.

— Десси — уникальный человек, — медленно сказал Дард. — Для своего возраста она очень взрослая. И у нее есть дар. Она умеет дружить с животными, не только с домашними, но и с дикими. Я видел, как они приходят к ней. Она уверяет, что они умеют говорить.

Не сказал ли он слишком много? Может, Десси не впишется в общество корабля, для которого фермер считается очень важным? Но ведь будущее ребенка стоит больше, чем у взрослого. Десси должны взять, должны!

— Карли тоже считает ее необычной. — Ответ очень уклончивый. Но хоть он не знаком с Карли, ее одобрение успокоило Дарда. Женщина, у которой собственная маленькая дочь, позаботит-

ся, чтобы другая девочка тоже имела возможность жить в будущем. А что касается его самого... Он решительно отказался думать о себе. И стал смотреть на дорогу и размышлять о предстоящем деле.

— Парк коптеров за храмом, но над зданием лететь нельзя. Никто не смеет пролетать над священной крышей.

— Значит, обогнем. Рисковать нет смысла. Парк хорошо охраняется?

— Не знаю. Внутри проходят только миротворцы. Но думаю, что в темноте и с этой машиной...

— Сможем приземлиться? Будем надеяться, что у нас не запросят опознавательные сигналы. Я попробую сесть в самой темной части и как можно ближе к краю. Если только у них есть прожекторы...

— Огни города! — прервал Дард, заметив желтые искорки. — Храм вон на том холме к югу. Видишь?

Теперь его легко рассмотреть. Огни города слабые и болезненно-желтые. А выше и дальше сосредоточены столбы яркого синего и белого цвета, выделяющиеся на фоне неба. Кимбер повернул.

Храм занимал примерно треть холма, выровненного и превращенного в широкую платформу. За самим зданием освещенная площадка, на ней ряды коптеров.

— Их там десять, — сосчитал Кимбер; в свете инструментальной панели стали видны угловатые черты его лица. — Я думал, что у них больше машин. Это их центр управления, а по ночам они не летают. По крайней мере, не летали в прошлом.

— Теперь, похоже, летают. На нашу ферму они напали ночью.

— Ну, чем меньше, тем лучше. Смотри, вон там хорошая длинная тень; один из прожекторов, должно быть, перегорел. Посмотрим, сумеем ли мы туда сесть.

Они теряли скорость и летели по инерции, словно плыли по воздуху, решил Дард. Огни снизу стремительно приближались, и секунду спустя шасси коснулось поверхности. Машина не подпрыгнула. Кимбер, поздравляя, самому себе пожал руки.

— Теперь слушай, парень. — Голос пилота звучал еле слышно. — У тебя на поясе шокер. Приходилось когда-нибудь пользоваться?

— Нет.

— Не нужно тренироваться, чтобы направить его и нажать кнопку. Но ты не должен его использовать, только по моему слову, понятно? У тебя только два заряда, у меня тоже, и мы не

можем тратить их зря. Ничто, абсолютно ничто не должно помешать нашему разговору с Голосом! — В его словах звучала страстная убежденность. Это был приказ, адресованный скорее не Дарду, но самой Судьбе и Удаче. — Потом, возможно, нам придется прорываться. Надеюсь, что нет. И тогда нашей единственной надеждой будут шокеры. А вот чтобы пройти внутрь, попробуем использовать хитрость.

Поднимаясь по ступеням вслед за Кимбером, Дард заметил, что миротворцы ценят технику, оставшуюся со времен до чистки, но не очень хорошо заботятся о ней. Несколько прожекторов не работали, а бетон под ногами растрескался. Немного технеров осталось в рабских лагерях храма. И скоро ни один коптер не сможет подняться, а затем и свет не загорится. Думают ли об этом предводители Мира? Или им все равно? Старые города, построенные технерами, превращаются в груды развалин, пригодные только для летучих мышей и птиц. Остаются деревни, все больше погружающиеся в дикость, а необработанные поля все ближе подступают к домам.

Пока им никто не встретился, но вот они приблизились к западным воротам храма, и здесь были три стражника. Дард расправил плечи, задрал подбородок, попытался изобразить высокомерие миротворца, которое обычно облакает его, как тесный мундир. Кимбер выглядел хорошо. Он шагал вперед с уверенностью венценосца. Дард старался подражать ему. Но все же не смог сдержать вздох облегчения, когда стражники не попытались остановить их, и они беспрепятственно миновали ворота.

Конечно, они все еще далеко от святилища Голоса. А что за вторым двором, Дард не знал.

Кимбер остановился и коснулся рукава своего спутника. Они вместе соскользнули с освещенной дороги и скрылись за столбом в тени.

Перед ними открылся внутренний двор, где собираются верующие, чтобы услышать слова мудрости, слова Августовских речей Ренци, произносимые одним из венценосцев. Теперь двор пуст. После темноты сюда не смеет зайти никто из тех, кто не «повенчан с внутренним Миром». А это делает их предприятие более рискованным, потому что они окажутся одни среди миротворцев и могут выдать себя незнанием обычаев. Рука Дарда дернулась, но он удержал ее подальше от шокера.

— Где Голос?

Дард указал на арку в дальнем конце внутреннего двора. То, что они ищут, за ней, но, где именно, он не знает. Кимбер пошел туда, переходя от столба к столбу, а Дард уверенной неслышной походкой лесного жителя следовал за ним. Дважды они застывали. Вначале миротворец, затем два венценосца и наконец, когда они уже приближались к арке, три раба, которые под присмотром стражника тащили ящик.

Кимбер скрылся за столбом и подтащил Дарда к себе.

— Немало их тут расходилось. — В его шепоте звучал смех, и Дард увидел, что пилот улыбается, в глазах его блестит огонь.

Они подождали, пока рабы со стражником не исчезли, потом смело вышли на открытое место и прошли под арку. И оказались в широком, не очень хорошо освещенном, коридоре. В коридор выходило несколько открытых дверей, из которых вырывался свет, освещая проходящих. Кимбер пошел по коридору с видом человека, имеющего полное право тут ходить. Он не пытался заглядывать в комнаты, как будто видел их содержимое тысячи раз.

Дард дивился его полному самообладанию. Где в этом лабиринте находится Голос? Юноша не подозревал, как много скрывается за внутренним двором. Они подошли к концу коридора, и тут Кимбер пошел медленнее и стал посматривать по сторонам. С бесконечной осторожностью попытался приоткрыть запертую дверь. Она подалась, молча открылась, за ней показалась ведущая вниз лестница. Кимбер широко улыбнулся.

— Вниз! Туда... — прошептали его губы.

Вместе они прокрались к началу лестницы и посмотрели вниз, в огромную пещеру, освещенную гораздо лучше, чем остальные помещения храма. Пещера уходила глубоко, в самое сердце холма, на котором стоит храм. И далеко внизу, на полу — Голос, металлический ящик, безлицый, безязыкий, но обладающий огромным могуществом.

У подножия лестницы стояли два стражника, но их поза свидетельствовала, что они не опасаются того, что им придется исполнять свои обязанности. А на резной скамье перед широкой доской со шкалами и ручками сидел третий человек в алой с золотом одежде венценосца второго круга.

— Ночная смена, — прошептал Кимбер на ухо Дарду, а потом сел на площадку и принялся снимать ботинки. После недолгого колебания Дард последовал примеру пилота.

Кимбер, держа ботинки в одной руке, начал бесшумно спускаться, прижимаясь к стене. Но шокер с пояса не доставал, и Дард послушно не вынимал из кобуры собственное оружие.

В помещении не было абсолютной тишины. Изнутри Голоса доносился монотонный гул, а огромное помещение подхватывало его и усиливало.

Кимбер спускался долго. А может, Дарду так только показалось. Когда они уже почти добрались до конца лестницы и оказались непосредственно над стражниками, Кимбер протянул длинную руку и подтащил к себе юношу, прижался губами к его уху.

— Я рискну парализовать того парня на скамье. Тогда прыгай на этих двоих и бей этим...

Он показал на ботинки. Четыре ступеньки, пять... Они молча спускались. Кимбер достал шокер и выстрелил. Бесшумный заряд попал в цель. Человек на скамье повернулся, показал свое искаженное ужасом лицо и упал на пол.

В то же мгновение Кимбер бросился вниз. Послышался удивленный возглас, Дард прыгнул за ним. Затем он столкнулся со стражником, и они покатались по полу в яростной схватке. Уклонившись от удара, Дард, слово дубину, опустил с размаха ботинки на голову противника. Он ударил трижды, прежде чем руки, вцепившиеся ему в плечи, оторвали его от обмякшего стражника. Кимбер, с кровавой царапиной под глазом, тряс Дарда, приводя его в себя.

Дард взглянул на пилота, и боевое безумие и гнев покинули его. Они связали неподвижные тела поясами и шнурками, а потом Кимбер занял место перед Голосом.

Он достал из нагрудного кармана исписанный листок бумаги и расправил на наклонной доске перед первым рядом кнопок. Дард едва мог стоять на месте от беспокойства; ему казалось, что пилот не очень торопится.

Но у него хватило ума не мешать; Кимбер потер руки, как будто вытирал их, потом поднял глаза и принялся разглядывать ряды кнопок, обозначенных различными символами. Медленно, осторожно пилот нажал одну кнопку, потом другую, третью. Гул изменился, ритм стал быстрее, большая машина оживала.

Кимбер работал все быстрее, время от времени он останавливался и заглядывал в листок. Пальцы его теперь мелькали. Гул перешел в громкое гудение, и Дард опасался, что его слышно теперь повсюду в храме.

Юноша отошел к лестнице и поглядывал то на нее, то на Кимбера. Он извлек шокер. Как и сказал Кимбер, механизм детски прост: нацелить и нажать кнопку очень легко. У него два заряда. Поглаживая металл, Дард посмотрел на Голос.

При свете стало видно, что лицо Кимбера покрылось потом; время от времени он проводил по лбу рукой. Он ждал — его часть работы завершена, — ждал, пока Голос примет данные и начнет решать проблему. Но с каждой минутой, которую они здесь проводят, опасность увеличивается.

Один из пленников перевернулся на бок; над кляпом, которым ему заткнули рот, глаза его с ненавистью устремились на Дарда. Шум Голоса сменился глухим бормотанием. Больше в пещере ничего не было слышно. Дард подошел и коснулся плеча Кимбера.

— Сколько еще?.. — начал он.

Кимбер пожал плечами, не отводя взгляда от экрана над кнопками. Этот светлый квадрат упрямо оставался пустым. Дард не мог стоять на месте. Часов у него не было, но ему казалось, что они находятся здесь уже слишком долго. Наверно, скоро утро. А что, если появится утренняя смена стражников?

Его мысли прервал резкий требовательный звонок. Экран больше не был пустым. По нему медленно поползли формулы, фигуры, уравнения. Кимбер торопливо записывал их, проверяя и перепроверя записанное. Наконец экран снова опустел, пилот поколебался, потом нажал одну кнопку справа на доске. Мгновенная ожидания, и на экране появилось пять чисел.

Кимбер со вздохом прочел их. Тщательно упрятал листки с расчетами; широко улыбаясь, наклонился вперед и нажал множество кнопок, сколько смог достать. Не дожидаясь ответа — Голос снова принялся за работу, — пилот присоединился к Дарду.

— У них будет, о чем подумать, когда попробуют выяснить, зачем мы приходили, — объяснил он. — Прочесть наши записи теперь невозможно. Но не думаю, чтобы у них хватило мозгов и воображения, чтобы догадаться о нашей цели. А теперь — побыстрее! Пошли вверх, парень!

Кимбер побежал по лестнице, и Дард с трудом поспевал за ним. И только непосредственно перед выходящей в коридор дверью пилот остановился и прислушался.

— Будем надеяться, что все они в постели и крепко спят, — прошептал он. — Сегодня нам везет. Не хотелось бы, чтобы везение кончилось.

Коридор был пуст, как и во время их первого перехода. Свет в некоторых комнатах исчез. Теперь им предстоит пересечь только три опасных освещенных места. Два они преодолели без труда, но, когда приближались к третьему, его пересекла чья-то тень. Из комнаты выходил человек. На нем было ало-золотое платье, и золота больше, чем когда-либо приходилось видеть Дарду. Это явно представитель иерархии. Он раздраженно и подозрительно посмотрел на них.

— Мир! — Вряд ли это слово — начало разговора, в нем слишком много властности. — Что вы здесь делаете, братья? Есть ночная стража...

Кимбер отступил в тень, и человек бессознательно последовал за ним, выйдя в коридор.

— Что... — начал он, и тут пилот перешел к действиям. Его руки сомкнулись вокруг горла человека, перехватив ему голос и дыхание.

Дард схватил руки, пытавшиеся вырваться, и они вместе потащили пленника под арку и на слабо освещенный внутренний двор.

— Либо пойдешь тихо, — просвистел Кимбер, — либо не пойдешь совсем. Выбирай быстрее.

Борьба прекратилась, и Кимбер потащил пленника.

— Зачем он нам? — спросил Дард.

Улыбка Кимбера больше не была приятной, скорее она напоминала волчий оскал.

— Страховка, — ответил он. — Мы еще не выбрались. А теперь пошли! — Он сильно дернул пленника, держа одну руку у него на шее, и втроем они направились к внешним воротам и к свободе.

Глава 6

ПЯТЬ ДНЕЙ И СОРОК ПЯТЬ МИНУТ

Решетка из стальных прутьев и металлической проволоки перегородивала выход во внешний двор. Когда они подошли к ней, пленник рассмеялся. Он пришел в себя от неожиданности, и, хотя оставался беспомощным в руках Кимбера, голос, которым он задал вопрос, звучал уверенно.

— И как вы собираетесь пройти здесь?

Пилот беспечно ответил:

— Я полагаю, здесь есть замок с часовым механизмом.

Венценосец не отозвался на его вопрос, он сам спросил:

— Кто вы?

— А если я скажу — повстанцы?

Реакция оказалась неожиданной. Губы человека изогнулись в жестокой усмешке.

— Вот как... — Голос его звучал зловеще, обещая страшные кары. — Лосслер посмел? Лосслер!

Но у Кимбера не было на это времени. Он передал пленника в руки Дарда и прижал к замку решетки черный диск. Послышался щелчок, полетели искры. Потом Кимбер уперся в преграду плечом, и она подалась. Взяв с собой пленника, они вышли на свободу ночи.

Город был погружен во тьму, ее нарушали только редкие уличные фонари. Стояла полная луна, и на снегу, на крышах и во дворах лежали отчетливые черно-белые тени.

— Вперед! — Кимбер толкнул пленника перед собой в направлении парка коптеров. Дард шел сзади, нервно напряженный, не смея поверить, что им это удалось.

Прежде чем они вышли на растрескавшийся бетон взлетной площадки, Кимбер обратился к пленнику.

— Мы собираемся улететь в коптере, — объяснил он скучающим тоном, словно обсуждал неинтересный доклад, — и как только вылетим, ты нам больше не понадобится, понятно? И от тебя зависит, в каком состоянии ты останешься...

— Можете передать от меня Лосслеру, — слова раздавались медленно, прорывались сквозь стиснутые зубы, — что с этим он не уйдет!

— Но мы-то ведь уйдем? А теперь иди направо, мы все друзья, на случай, если стражники заинтересуются. Ты нас проводишь, и мы больше тебя не побеспокоим.

— Но почему? — спросил пленник. — Что вам было здесь нужно?

— Что нам нужно... Это несложная проблема, и у тебя будет вся ночь, чтобы решить ее — если сможешь. Где же стража?

Когда пленник не ответил, рука Кимбера двинулась, и пленник резко ахнул от боли.

— Где... стража? — повторил пилот ледяным тоном, слова его прозвучали зловеще.

— Три стражника... у ворот... и патруль... — послышался хриплый ответ.

— Прекрасно. В следующий раз отвечай побыстрее. Ты выведешь нас за ворота. Мы посланы тобой со специальным поручением.

Дард увидел черно-белые мундиры у выхода. Прозвучала команда:

— Стой!

Кимбер послушно остановился.

— Говори.

— Мир, брат.

Дард внимательно слушал, ожидая какого-то предупреждения. Но Кимбер, должно быть, предпринял меры предосторожности, потому что голос венценосца звучал естественно.

— Венценосец Даусон со специальным поручением...

Стражник отсалютовал.

— Проходи, благородный Даусон!

Дард шел по стопам Кимбера и Даусона со всей выдержкой, какая у него еще оставалась. Он сохранял ее, пока они не подошли к ряду коптеров. Тут Кимбер обратился к товарищу:

— Возникает небольшой вопрос о горючем. Забирайся в эту малышку и посмотри, что показывает верхняя шкала в ряду прямо за рукоятку управления. Если указатель между сорока и шестьюдесятью, свистни мне. Если нет, попробуем следующий.

Дард забрался в кабину и нашел указатель. Между... между сорока и шестьюдесятью! Побледневшие пальцы дрожали, юноша с трудом овладел ими.

— Пятьдесят три, — негромко произнес он.

Дард так и не узнал, что собирался Кимбер сделать с Даусоном. Венценосец неожиданно рванулся, бросился вниз и попытался увлечь за собой пилота. При этом он закричал, и крик его разнесся не только по полю, но должен был быть слышен в храме.

Дард бросился к дверце кабины. Но прежде чем выбрался, увидел, как поднимается и падает в смертоносном ударе рука. Второй призыв о помощи прервался на середине, и пилот прыгнул в машину. Дард обнаружил, что лежит лицом вниз, а пилот через него перебирается к приборам. Коптер наклонился, открытая дверь застучала, пока Кимбер не смог ее захлопнуть. Они уже поднялись в воздух, и вовремя: тут же прозвучал выстрел.

Юноша прижимался к сиденью, стараясь рассмотреть, что делается сзади. Поднимается ли другой коптер? Или у них достаточное преимущество перед преследователями?

— Нельзя было надеяться, что везти будет бесконечно, — сказал Кимбер. — Как там дела, парень? Поднялись они? Сейчас нам трудно будет увернуться.

В небе зловеще мигнуло что-то красное.

— Кто-то поднимается, видны сигнальные огни.

— Огни на крыльях? Ну, ну, ну, какие мы с тобой забывчивые, приятель. — Кимбер переключил маленький рычажок.

Краем глаза Дард заметил, что их собственные сигнальные огни погасли. Но преследователь свои не выключал, ему все равно, видна ли его позиция.

— У меня только один вопрос, — обращаясь к самому себе, продолжал пилот. — Кто такой Лосслер и почему наш оставшийся сзади друг ожидал от него неприятностей? Раскол в рядах Мира? Похоже на это. Жаль, что нам ничего не известно об этом Лосслере.

— Разве это как-то изменило бы ваши планы?

— Нет, но нам было бы отраднее в последние месяцы. А игра в пользу одной группы и против другой могла бы оказаться полезной. Как сегодня: этот Лосслер может принять на себя нашу вину, и никто не будет рыскать возле Ущелья, когда мы стартуем. Что за...

Тело Кимбера устремилось вперед, он неожиданно внимательно посмотрел на шкалу перед собой. Потом протянул руку и постучал по тому самому индикатору, на который велел посмотреть Дарду, когда они захватывали коптер. Стрелка за потрескавшимся стеклом оставалась неподвижной, как будто нарисована поверх цифр. На лбу Кимбера появилась морщина. Он снова постучал по стеклу, стараясь сдвинуть стрелку. Потом откинулся на сиденье.

— Вот те на! — Он словно обсуждал прелести ночи. — У нас, кажется, проблема. Сколько горючего? Полон бак, полупуст или совсем пуст? Мне показалось, что все идет слишком гладко. А теперь нам придется...

Ровное гудение двигателя сменилось кашлем, потом восстановилось. Но Кимбер покорно пожал плечами.

— Вопросов больше нет. Этот кашель означает, что нам придется совершить пешую прогулку. Как наш друг сзади?

— Идет за нами, — вынужден был сказать Дард.

— Ситуация становится совсем веселой. Могли бы обойтись и без этого проклятого лунного света! Несколько облаков были бы весьма кстати.

Двигатель выбрал этот момент, чтобы закашляться снова, и на этот раз нормальная работа не возобновлялась дольше.

— Осталось три-четыре капли. Лучше сесть сейчас, чтобы не пришлось садиться на брюхо. Где же тут подходящая тень? Ага, деревья! И за нами только один коптер, ты уверен?

— Уверен. — Прежде чем ответить, Дард еще раз посмотрел назад.

— Дорога назад будет трудной. Приготовься, парень!

Коптер снижался к полю вблизи дороги, вдоль которой они летели; он тяжело опустился в снежный сугроб. По другую сторону оказалась невысокая стена, за ней — группа деревьев. И — Дард был совершенно уверен — он заметил очертания дома.

Они выбрались из кабины, перебрались через стену и побрели по мягкому снегу к деревьям. Сзади слышался звук двигателя коптера. В нем, должно быть, заметили севшую машину, потому что безошибочно устремились к ней.

— В той стороне дом. — Дард тяжело дышал, идя за Кимбером; тот упорно шел впереди к деревьям.

— Можем найти там транспорт?

— У сельских жителей сейчас не бывает машин. У Фолли был рейтинг АА, но Лотта говорила, что его прошение о машине дважды отвергалось. Может, лошади.

Кимбер фыркнул.

— Лошади, надо же! — обратился он к ночи. — Я не знаю, с какой стороны к ним подходить.

— Но верхом мы уйдем быстрее. — Дард поскользнулся на льду и упал в колючий куст. — Вероятно, за нами пустят собак: мы слишком близко от города.

Кимбер пошел медленнее.

— Я забыл об этих прелестях цивилизации, — заметил он. — И часто используют собак?

— Зависит от того, насколько важны преследуемые.

— В списке их врагов мы теперь, вероятно, идем первым номером. Да, нет ничего хуже собак, а у нас для них даже мяса нет. Ну, ладно, заглянем в дом и посмотрим, есть ли там лошади.

Но, дойдя до конца роши, они остановились. В окнах дома горел свет, и его было достаточно, чтобы осветить севший у самого дома коптер. Кимбер невесело рассмеялся.

— Тот парень у машины машет винтовкой.

— Подожди! — Дард удержал пилота, который повернул назад. Да, он прав: подходит еще один коптер. Дард продолжал удерживать Кимбера.

— Если у них есть мозги, — прошептал пилот, — они возьмут нас в клещи. Надо убираться!

Но Дард продолжал удерживать его.

— Ты хочешь идти в сторону дороги, — заметил он.

— Конечно! Мы не должны заблудиться, а дорога — наш единственный указатель пути назад. Или ты хорошо знаешь местность и проведешь нас?

Дард не отпускал его.

— Я кое-что знаю. Да, это единственная дорога, ведущая в горы. Но мы не можем идти по ней. Если только...

Он выпустил руку Кимбера и отвернул край своей куртки, черной, отделанной белым. Онемевшими пальцами расстегнул пуговицы и снял куртку, которая ему велика. Он прав! Под черным материалом белая подкладка, сплошная, вплоть до манжет и облегающего горла воротника. И у брюк тоже. С лихорадочной торопливостью он начал выворачивать рукава. Кимбер смотрел на него, потом понял и стал снимать свою куртку. Белое на белом — если они будут двигаться в канаве, если за ними не пустят собак, — у них есть шанс уйти.

Почти падая, они спустились в кювет, когда показался второй коптер. Дард насчитал шестерых, выбравшихся из него и рассыпавшихся полукольцом. Они двинулись в сторону роши.

Беглецы не стали ждать дольше, они, пригибаясь, почти ползли по прошлогодней листве, заполнявшей канаву, мимо неровных живых изгородей, ограждающих поля. Дард невольно сжимался: каждое мгновение он ожидал почувствовать смертоносное прикосновение пули к спине. Сегодня смерть ближе к нему, чем даже пилот, из-под ботинок которого снег летит прямо в вспотевшее лицо юноши.

Через некоторое время дорога свернула, и они решились выйти на открытое место. Теперь их донимал холод. В кабине коптера было тепло, но мундир плохо защищает от ветра, бросающего на них снег. Дард беспокойно посматривал на луну. Никаких облаков, чтобы затмить ее. Впрочем, тучи означали бы снежную бурю, а она не должна застать их в открытом поле.

Кимбер двинулся быстрой походкой, но Дард легко держался за ним. Он не знал, далеко ли до Ущелья. И сколько времени

займет возвращение? Может, Кимбер все-таки знает путь? Он ведь свернул с дороги. Сам Дард мог бы найти тропу, ведущую к ферме. Но где же ферма?

— Далеко ли ваша ферма от города?

— Около десяти миль. Но с этим снегом... — Дыхание образовало белое облако вокруг головы Дарда.

— Да, снег. А потом его может стать больше. Слушай, парень, это очень важно. У нас мало времени...

— Ну, может, они подождут до утра. Но если приведут собак....

— Я не об этом! — Дарду показалось, что Кимбер отбросил мысль о преследовании как неважную. — Вот что важно. Курс, который наметил для нас Голос. Я спросил, сколько времени он будет пригоден? Ответ: пять дней и два часа. Теперь, по-моему, осталось пять дней и сорок пять минут. Мы должны либо стартовать в это время, либо наносить второй визит Голосу. Откровенно говоря, второе я считаю безнадежным.

— Пять дней и сорок пять минут, — повторил Дард. — Но даже если нам повезет, потребуется два-три дня, чтобы добраться до Ущелья. И у нас нет припасов...

— Будем надеяться, Кордов там готовится, — ответил Кимбер. — А пока мы здесь ждем, теряем время. Пошли.

Дважды за последующие часы им приходилось скрываться, когда над головой пролетали коптеры. Машины с гневной решимостью делали круги, и казалось невозможным остаться незамеченными. Но, наверное, одежда помогала им укрываться.

Солнце взошло, когда Дард увидел старый столб, торчащий из снега, и отходящую от него тропу.

— Тропа на нашу ферму. — Он говорил кратко, чуть покачиваясь на ногах. Далеко они ушли, однако. Должно быть, коптер улетел гораздо дальше от города, чем он считал.

— Ты уверен, что это ваш дом?

Дард кивнул, не тратя силы на слова.

— Гмм... — Кимбер изучал нетронутую белизну. — Тут следы будут заметны, как чернила. Но ничего не поделаешь.

— А нужно ли? Там все сгорело, никаких припасов.

— У тебя есть лучшее предложение? — Лицо Кимбера осунулось и похудело.

— Ферма Фолли.

— Но я думал...

— Фолли умер. На ферме он управлялся с помощью троих рабов. Сын его месяц назад ушел в миротворцы. Мы можем смело зайти туда. Скажем, что наш коптер сломался в холмах и мы ждем помощи...

Кимбер оживился.

— А такое сейчас часто случается. Сколько человек может быть на ферме?

— Вторая жена Фолли, его дочь, рабы. Не думаю, чтобы он нанял надсмотрщика после ухода сына.

— И они будут рады помочь миротворцам. Однако они знают тебя...

— Жену Фолли я никогда не видел, мы не ходили в гости друг к другу. А Лотта — ну, она и раньше мне помогала. Все равно это лучше, чем просто уходить отсюда в горы.

Теперь они двинулись открыто. А в конце тропы, подходя к ферме, снова вывернули одежду и стряхнули снег. Конечно, выглядят они неважно, но виной тому авария коптера.

— И вообще миротворцы не дают объяснений крестьянам, — указал Кимбер, когда они приближались по небольшому подъему к уродливому зданию фермы. — Если мы только зададим вопросы и ничего не объясним, будет еще правдоподобнее. Все зависит от того, слышали ли они о преследовании...

Из трубы поднимался дым, и Дард успел заметить, как дернулась занавеска на окне. Их заметили. Лотта... Теперь все зависит от Лотты. Он бросил взгляд на Кимбера. С темного лица исчезли вся доброта и юмор. Крутой, очень крутой парень, типичный миротворец, который не потерпит никаких вольностей со стороны каких-то крестьян.

Дверь распахнулась, прежде чем они поднялись по ступенькам крыльца. Их ждала женщина, руки она сунула под передник, выпачканный пищей, на губах неуверенная улыбка показала отсутствующий зуб.

— Мир, благородные господа, мир. — Голос ее был таким же жирным и маслянистым, как тело, и казался увереннее выражения лица.

Кимбер небрежно ответил официальным салютом и бросил ответное:

— Мир. Это...

Она неуклюже поклонилась.

— Это ферма Хью Фолли, благородный сэръ.

— А где этот Фолли? — спросил Кимбер, как будто ожидал, что отсутствующий тут же возникнет перед ним.

— Он умер, сэр. Убит преступниками. Я решила, что поэтому вы... Но входите, благородные сэры, входите... — Она отступила на шаг, пропуская их на кухню.

От запаха пищи у Дарда свело горло, на секунду его затошнило. На столе грязные тарелки, хлеб, чашка травяного чая — остатки позднего завтрака.

Не отвечая женщине, Кимбер сел на ближайший стул и отодвинул от себя грязные тарелки. Дард сел напротив пилота, благодарный поддержке, которую деревянное сиденье давало его дрожащему телу.

— У тебя есть еда, женщина? — спросил Кимбер. — Давай ее. Мы часами брели по этой проклятой местности. Можно послать вестника в город? Наш коптер вышел из строя, и нам нужны ремонтники.

Хозяйка возилась у печи, разбивала яйца, настоящие яйца, выливая их на сковородку.

— Еда, да, благородные сэры. Но вестник — после смерти мужа у меня остались только рабы, а они под замком. Посылать некого.

— У тебя нет сына? — Кимбер отрезал себе кусок хлеба.

Ее нервная ухмылка перешла в улыбку.

— Да, благородный сэр, сын есть. Но только месяц назад он был избран Домом Оливковой Ветви. Теперь он готовится к вашей службе, благородный сэр.

Если она ожидала, что ее сообщение смягчит посетителей, то была разочарована, потому что Кимбер только чуть поднял брови и продолжил:

— Мы не можем идти в город сами, женщина. Неужели тебе некого послать?

— Есть Лотта. — Женщина подошла к двери и хрипло позвала девушку по имени. — Теперь, когда Хью нет, она смотрит за коровами. Но до города далеко, благородные сэры.

— Тогда пусть едет верхом. Как вы добираетесь до города, женщина? — Кимбер положил себе на тарелку три яйца, а остальное подвинул Дарду. Тот, несколько ошеломленный таким изобилием пищи, поторопился взять себе, пока она не исчезла.

— У нас есть жеребенок. Она может ехать верхом, — неохотно признала женщина.

— Тогда пусть едет. Я не намерен сидеть здесь целый день в ожидании помощи. Чем скорее она уедет, тем лучше.

— Я нужна?

Дард узнал этот голос. Долго он не смел поднять голову. Наконец собрался и посмотрел прямо в глаза стоявшей в полуоткрытой двери девушке. Пальцы его сжимали вилку и чуть дрожали. Но выражение лица Лотты не изменилось, и он только надеялся, что его лицо такое же равнодушное.

— Я нужна? — повторила Лотта.

Женщина кивком указала на миротворцев.

— Эти джентльмены... их коптер сломался. Они хотят, чтобы ты отвезла их сообщение в город. Бери жеребца и поезжай.

— Хорошо. — Девушка вышла и захлопнула за собой дверь.

Глава 7

БИТВА У БАРИКАДЫ

Дард механически жевал, не чувствуя вкуса пищи. Когда Кимбер наколол на вилку толстый кусок свинины, юноша обратился к пилоту:

— Можно, я дам девушке инструкции, сэр?

Кимбер проглотил еду.

— Хорошо. Позаботься, чтобы она все поняла. Я не хочу ждать здесь днями. Пусть отыщет мастера по ремонту. Согревшись, мы пойдем к коптеру. А она пусть уезжает немедленно: чем скорее уедет, тем быстрее к нам придет помощь.

Дард вышел во двор. Лотта седлала лошадь. Когда под его ботинками скрипнул снег, она подняла голову.

— Где Десси? Что ты с ней сделал?

— Она в безопасности.

Лотта посмотрела ему в лицо, потом кивнула.

— Ты говоришь правду. Тебе на самом деле нужно, чтобы я ехала в город? Зачем? Ты ведь не миротворец...

— Нет. И чем дальше ты туда не попадешь, тем лучше. Но, Лотта... — Он должен как-то обезопасить ее. Если заподозрят, что она помогала беглецам, ее ждут неприятности. — Когда доберешься и доложишь в храме, скажи, что мы показались тебе подозрительными. К тому времени нас здесь уже не будет.

Она подбородком указала на дом.

— Не доверяй ей. Она мне не мама. И Фолли на самом деле не был моим отцом. Мой папа был его родственником, а Фолли хотел взять его землю, поэтому принял меня. А ей не доверяй, она еще хуже Фолли. Я поеду медленно и скажу, как ты велишь, когда приеду. Слушай, Дард, ты уверен, что с Десси все в порядке?

— Да, если я к ней вернусь. У нее будет шанс жить как следует...

Маленькие глаза на хорошеньком, как он понял теперь, лице смотрели на него пронизательно.

— Ты обещаешь? Уйдешь отсюда и возьмешь ее с собой? Я приготовлю для них хорошую историю. — Она неожиданно улыбнулась. — Я не такая уж глупая, какой кажусь, Дард Нордис, хотя и не вашей крови.

Она неуклюже села в седло, шелкнула уздой, и лошадь пошла рысью.

Дард вернулся в дом и сел за стол с лучшим аппетитом. Кимбер поедал огромными кусками яблочный пирог. Не отрываясь от еды, он обратился к своему младшему товарищу:

— Уже день. Попробуем сами взглянуть на наш транспорт. Ты, женщина, — обратился он к хозяйке, — сможешь показать ремонтникам, куда идти?

Дард наступил Кимберу на ногу и получил в ответ понимающий кивок.

— А куда идти? — спросила хозяйка. Дарду показалось, что на мгновение она сняла маску. Начала подозревать, что в гостях у нее на самом деле не два хозяина нового мира.

— На север. Мы оставим след, нужно будет идти по нему. Приготовь еще какой-нибудь еды, мы захватим с собой и днем поедим. И посылай ремонтников сразу к нам.

— Хорошо, благородные сэры.

Но ответила она неохотно и долго возилась, отрезая холодное мясо и хлеб. Или просто он слишком нервничает и это ему кажется, подумал Дард.

Полчаса спустя они вышли из дома. Шли по аллее и свернули на север, пока роща не скрыла их от наблюдения. Тут Кимбер посмотрел на запад.

— Куда теперь?

— Дальше есть тропа, ведущая в горы, — сообщил ему Дард. — Она перерезает старую лесную дорогу возле того дерева, где я встретился с Сачем.

— Хорошо. Ты будешь проводником. Но пошли! Девушка может доехать быстро и...

— Она не будет торопиться. Знает...

Кимбер беззвучно присвистнул.

— Если она работает на нас, это нам поможет.

— Я сказал ей, что, помогая нам, она спасает Десси. А ей только Десси и дорога.

Тепло, хорошая еда, отдых в доме Фолли — все это придало им силы для трудной дороги. После двух попыток Дард отыскал лесную дорогу. И увидел след, оставленный Лоттой.

Кимбер шел неторопливо, зная, что впереди еще долгие мили. Они отдохнули под грубым навесом у дерева с дуплом. Лес казался неестественно тихим, солнце отражалось от снега, заставляя шуриться.

От дерева они шли по следу, который оставил он сам. К счастью, поздравил себя Дард, снег с тех пор не шел, и найти дорогу оказалось нетрудно. Но оба устали и невольно замедлили шаг, поднимаясь к пещере. Там они смогут отдохнуть, обещал Дард своему ноющему телу. Они остановились, чтобы поесть и передохнуть, и двинулись дальше. Дард потерял всякое представление о времени и, как робот, шел по следу в снегу.

Они уже находились на нижней части подъема, который приведет их к пещере, когда он прислонился к дереву. На фоне сугроба он видел лицо Кимбера, осунувшееся, потерявшее все добродушие от усталости.

И в этот момент тишины Дард уловил далекий звук, очень слабый, принесенный случайным порывом ветра, — лай охотничьих собак, бегущих по свежему следу. Голова Кимбера дернулась. Дард провел языком по пересохшим губам. Пещера с узким входом! Он не стал тратить времени на объяснения и упрямо принялся карабкаться вверх.

Но... что-то здесь не так. Может, глаза... снежная слепота... Дард покачал головой, пытаясь прояснить зрение. Но местность по-прежнему выглядела по-другому. Поэтому он почти не удивился зрелищу, которое увидел, добравшись до верха. Шатаясь от усталости, испытывая тошноту, он смотрел на закрытый вход

в пещеру, заваленный камнями и чем-то еще. Потом наклонился, и его вырвало.

Он вытирал рот снегом, когда Кимбер присоединился к нему.

— Теперь мы знаем о Саче...

Дард поднял глаза. Губы пилота были жестко сжаты.

— Оставили его здесь как угрозу и предупреждение, — сказал Кимбер. — Должно быть, поняли, что это один из наших регулярных постов.

— Но как они могли дойти до такого?

— Слушай, сынок, начинают обычно с неплохой идеи, может, даже очень хорошей. Ренци не был мошенником, он вообще был порядочным человеком. Я слышал его ранние речи и готов признать, что во многом он прав. Но у него не было... ну, лучшее обозначение для этого «милосердие». Он хотел силой навязать остальным свой образ мыслей — для их блага, разумеется. И так как он был по-своему велик и искренен, у него появилось множество последователей из числа честных людей. Они устали от войн, их привел в ужас Большой Ожог, они легко поверили, что наука ведет к злу. Свободные ученые были слишком независимы, их группы были закрыты для доступа со стороны. Получилось разделение между мыслью и чувством. А чувство для нас легче мысли. И поэтому Ренци обратился к чувствам и победил. Ему помогла отчужденность науки. Его поддержали другие фанатики и те, кто стремится к власти, независимо от того, какими путями ее получает. К тому же всегда существуют люди, которым нравится такое состояние, как сейчас. Они хуже животных, потому что животные не пытаются ради удовольствия. Фанатики, люди, рвущиеся к власти, садисты — стоит им проникнуть в правительство, и места для приличий не остается. Теперь миру остается только надеяться на раскол в их рядах, на внутреннюю борьбу за власть.

Такая борьба против свободы мысли и терпимости происходила и раньше. Столетия назад действовала от имени религии инквизиция. А в двадцатом веке диктаторы разных стран делали то же самое. Фанатичная вера в идею, убеждение в том, что идея или нация превыше человека, — появляются все снова и снова. Абсолютная власть над другими меняет людей, развращает их. Когда мы сможем воспитать людей, которые не хотят власти над другими, которые рады служить общей цели, тогда мы станем выше этого... — указал на скрытый от их глаз вход в пещеру. —

Свободные ученые почти достигли такого состояния. Поэтому Ренци и его окружение боялись и ненавидели их. Но ученых было немного, капля в море. И они потерпели поражение, как и многие другие до них. Никто не может поступить с человеком хуже, чем он сам. Но послушай...

Кимбер высоко поднял голову, он смотрел на вершину, охраняющую доступ в Ушелье. И медленно заговорил:

— Любые пределы, материальны ли они, или только в нашем сознании — это вызов, и ничто не способно остановить тех, кто ищет ответы, даже другие люди. Если мы только того захотим, не только чудеса межпланетного пространства, но и все звёзды станут наши!

— Все звезды станут наши! — повторил Дард. — Кто это сказал?

— Технер Видор Чанг, один из мучеников. Он помогал перевезти сюда корабль, потом ушел на поиски горючего и... Но слова его остались с нами.

Вот чему мы посвятили свою жизнь, мы, объявленные преступниками. Для нас не важно, кем был человек в прошлом: свободным ученым, технером, рабочим, фермером, солдатом, мы едины, потому что верим в свободу личности, в право человека расти и развиваться, идти так далеко, как он может. И мы ищем место, где смогли бы на практике осуществить эти идеи. Терра для нас закрыта, мы должны лететь к звездам.

Кимбер начал спускаться. Дард вспомнил уловку, которую они использовали с Десси, чтобы сбить с толку собак. Они нашли более высокий уступ и прыгнули с него, Дард упал на ветви сосны и оттуда свалился на землю, дыхание у него перехватило, и Кимбер помог ему прийти в себя.

К его удивлению, пилот теперь шел не таясь. Приближалась ночь, и они не могут дальше идти без отдыха. Но Кимбер шел все дальше, пока они не вышли на открытое место у реки. Тут пилот достал тот самый плоский диск, с помощью которого они миновали решетку, уходя из храма, и бросил его вперед.

Столб зеленого света устремился в ночь и простоял целых пять минут. В полутьме он был хорошо виден, и все вокруг: снег и лица людей — позеленело.

— Подождем. — В голосе Кимбера звучал отголосок прежней веселости. — Парни с вершины подберут нас раньше, чем появятся миротворцы.

Но трудно ждать, когда каждая минута может решить жизнь или смерть. Они проглотили остатки пищи и укрылись за двумя упавшими деревьями на краю поляны. Столб погас, но зеленое пламя видно будет еще несколько часов, сказал Кимбер.

Поднялся ветер. Но его вой в деревьях не мог уже заглушить лай собак. Дард потрогал свой шокер: два заряда у него, один у Кимбера. Маловато для встречи с теми, кто преследует их на тропе. Оружием охотников были винтовки.

Кимбер зашевелился и на четвереньках выбрался из убежища. С ночного неба опускалась темная тень — коптер. Пилот поманил Дарда за собой. Открылась дверца, и его втянули внутрь. И тут же машина поднялась в воздух. Дард опустил голову на обивку, почти не слыша возбужденных расспросов и ответов.

Когда он проснулся, приключения последних сорока восьми часов могли показаться сном, потому что он лежал на той же койке, на которой спал раньше. Но на этот раз Кимбера рядом не было. Дард лежал, стараясь отличить сон от реальности. Но тут его привел в себя звон — сигнал тревоги. Он неуклюже натянул одежду, грудой лежавшую на полу, раскрыл дверь и выглянул в коридор.

В дальнем его конце показались два человека с тележкой. Тележка зацепилась, и оба, бранясь, принялись торопливо высвобождать ее. Дард устремился к ним, но, прежде чем добрался, они исчезли. Он побежал за ними по рампе, ведущей в центр горы.

И оказался в большой пещере, где царило абсолютное смятение. Дард стоял в нерешительности, стараясь разглядеть в толпе хоть одно знакомое лицо. Работали две группы. Одна тащила и перекатывала ящики и контейнеры в узкую долину, где находился звездолет. В ней женщины трудились наравне с мужчинами. Другая — к ней присоединились двое с тележкой — состояла исключительно из мужчин; все они были вооружены.

— Эй, парень!

Дард понял, что его окликнул рослый человек с черной бородой, который винтовкой, как жезлом, руководил движениями своей группы. Дард подошел к нему, ему сунули в руки оружие и поставили в ряд. Группа двинулась направо. Дард понял, что они идут к какому-то пункту обороны. Но ему никто ничего не объяснял.

Скоро он получил ответ, услышав треск выстрелов. Узкий проход в Ушелье был перегорожен обвалом из камней и земли,

покрытых снегом; местами его разрывали корни деревьев. У этой баррикады сидели люди, держа самое разнообразное оружие, от обычных ружей и шокеров до каких-то трубок и ящиков, совершенно незнакомых Дарду.

Он насчитал не менее десяти защитников, скрывавшихся в углублениях между камнями у края баррикады. Время от времени они стреляли, и звуки их выстрелов звучали очень громко в узком проходе. Дард поднялся по камням, осторожно проверяя, на что ступает, и добрался до ближайшего снайпера. Тот оглянулся, когда катящийся камень выдал приближение Дарда.

— Не поднимай головы, парень! — рявкнул он. — Они по-прежнему пытаются поиграть с коптерами. Пора бы им уже усвоить урок.

Дард ползком добрался до защитника и смог взглянуть на причудливое поле битвы. По обломкам он пытался определить, что произошло за несколько часов после их с Кимбером возвращения.

Среди скал торчали два обгоревших остова коптера. От одного из них еще поднимался дым. Видны были четыре тела в черно-белых мундирах миротворцев. Но насколько мог судить Дард, ничего живого внизу не было.

— Да. Они все в укрытиях. Стараются придумать, как подобраться к нам. Нужно время, чтобы доставить в горы большие пушки. А времени у них нет. Прежде чем они нас отсюда выбьют, корабль стартует!

Корабль стартует! Так вот в чем дело! Он в арьергарде, ему суждено погибнуть, чтобы дать возможность кораблю улететь. Дард посмотрел на винтовку, которое держал в руках, но, казалось, не видел ни металла, ни дерева ложа.

Что ж, сурово сказал он себе, разве он заранее не знал, что так и будет? Знал с того момента, как Кимбер подтвердил, что не все находящиеся в Ущелье смогут улететь.

— Эй! — Его схватили за локоть, и внимание его вернулось к сцене боя. — Смотри, вон там внизу...

Он посмотрел туда, куда показывал грязный палец. Что-то двигалось среди обломков коптера, того, что подалше. Какая-то черная труба. Дард нахмурился, глядя на нее. Труба поворачивалась в сторону баррикады. Это не винтовка, слишком велика. И такого оружия он еще не видел.

— Санти! Эй, Санти! — крикнул его сосед. — Они притащили автоматическую пушку!

Показался чернобородый, оттолкнул Дарда, так что тот больно ударился о корень сосны, и занял его место.

— Ты прав! Черт возьми! Я не думал, что они у них остались! Что ж, будем держаться, сколько сможем. Я передам ребятам. Тем временем попробуйте рикошет. Может, выведем из строя кого-нибудь из расчета этой красотки. Если повезет. Но мне начинает казаться, что наше везение кончилось.

Он выбрался из углубления, и Дард вернулся на свое место. Его сосед пригладил бугорок, на котором лежал ствол винтовки. Дард увидел, что он целится не в уродливый черный ствол, а в скалу за ним. Так вот что имел в виду Санти под рикошетом! Они стреляют в камни и надеются, что пуля отскочит и попадет в кого-нибудь из обслуживающих пушку. Хитроумно — если получится. Дард прицелился. Остальные сделали то же самое. П слышались выстрелы. И уловка сработала, потому что показался человек, он крикнул и упал.

— А почему не используют зеленый газ? — спросил Дард, вспомнив, как впервые познакомился с методами войны обитателей Ущелья.

— А как, по-твоему, мы сбили эти коптеры, парень? И так же ребята свалили еще несколько машин у реки. Но когда попытались запечатать вход взрывом, что-то не сработало. И газовые пушки, а с ними несколько отличных парней оказались под обвалом.

Некоторое время пушка не двигалась. Возможно, защитникам удалось вывести из строя весь расчет. Но тут, когда Дард уже начинал надеяться, черный ствол медленно ушел в укрытие. Сосед Дарда мрачно смотрел на этот маневр.

— Задумали что-то новое. Там у них есть парень с мозгами. Значит, нас ничего хорошего не ждет. Эй! — Голос его прозвучал резко.

Но Дард не нуждался в предупреждении. Он тоже увидел, как поднялся в воздух черный шар и неторопливо устремился к баррикаде.

— Голову вниз, парень! Голову...

Дард словно бы зарылся в нору, прижимаясь лицом к мерзлой земле, закрывая голову руками. От взрыва дрогнула земля,

послышались крики и стоны. Ошеломленный, юноша стряхнул с себя землю и снег.

Слева от него в баррикаде зияла брешь. И поперек нее какая-то белая полоска — не снег, а рука, погребенная в груди земли.

— Дэн... и Ред... и Лофтен погибли. Неплохой улов для Мира, — сказал сосед. — Просто удачный выстрел или они знают о нашем расположении?

Силы Мира знали. Второй разрыв снова обрушился на преграду из земли и камня. И прежде чем улеглись камни, кто-то грубо выдернул Дарда из укрытия.

— Если ты жив, парень, пошли! Санти передыл приказ отступить до следующего изгиба каньона. Поторопись. Мы устраиваем новый взрыв, и, если тебя захватит по эту сторону, твоя шкура пострадает.

Дард вслед за проводником спустился с барьера, один раз упал и содрал кожу с локтя. Несколько секунд спустя восемь защитников, тяжело дыша, с измученными грязными лицами, собрались вокруг Санти и прошли дальше по каньону. Сам Санти вслух считал секунды. При счете «десять» он опустил руку на стоявший рядом черный ящик.

Послышался глухой грохот; шума меньше, чем от разрывов черных шаров. Дард зачарованно смотрел, как вся стена каньона выдвинулась вперед, прежде чем рухнуть и образовать второй, более высокий барьер. Не успели камни и земля улечься, а Санти уже повел свои силы вперед, чтобы закопаться в землю перед лицом врага. И снова Дард лежал с винтовкой, на этот раз в одиночку.

Систематически звучали взрывы, разрушая первую преграду. Но, помимо этого, никаких следов деятельности Мира не было. И сколько времени пройдет, прежде чем они выдвинут метатель вперед? Что тогда? Оставшиеся защитники снова отступят и обрушат новую часть стены?

Внизу, у первого барьера, что-то шевельнулось, послышались выстрелы защитников. Потом еще выстрелы, внизу у первой баррикады. Дард догадывался, что происходит. Раненый и оставшийся сзади один из защитников Ущелья расстреливал последние патроны. Но эти выстрелы оказались лишь предлюдией к последующему: из-за барьера показался тупой ствол пушки.

Глава 8

ХОЛОДНЫЙ СОН

Не видя расчет пушки, защитники могли стрелять только по его стволу. Возможно, они делали это, чтобы отвлечься; думая о непосредственной угрозе, они забывали о том, что корабль всех не возьмет; когда он стартует, кое-кто из защитников Ущелья останется здесь.

Десси! Дард развернулся в углублении, которое вырыл для себя. Конечно, Десси будет на борту. Детей так мало, женщин тоже, Десси обязательно возьмут!

Он пытался думать только о тени, которая, как ему показалось, шевельнулась. Вернее, ему хотелось думать, что она шевельнулась. Он выстрелил. Когда началось сражение, вернее, когда он принял в нем участие, была середина утра. Днем он немного поел, сухую пищу передали сзади, и сделал несколько глотков из фляжки. А теперь уже вечер. Тени удлинились. Под покровом темноты пушка приблизится и разрушит второй барьер. И защитники будут отступать, затягивать и затягивать сопротивление.

Но, может быть, конец битвы наступит еще до прихода ночи. Звук вращающихся роторов послужил предупреждением; вскоре бойцы увидели поднимающийся из-за первой преграды коптер.

Дард не отрываясь смотрел на него; он даже не укрылся, когда из коптера начали бросать гранаты. Сидел неподвижно, глядя на набирающую высоту машину. Взрывная волна настигла его спустя секунду. У него было ощущение, что его вырвало из укрытия и отшвырнуло в сторону. Потом он снова оказался на четвереньках и пополз по удивительно тихому миру падающих камней и скользящей земли.

В нескольких футах от него человек пытался высвободить ноги из груды земли. Он делал это одной рукой, другая, окровавленная, была вывернута под неестественным углом. Дард подполз к нему, и человек дико посмотрел на него; он что-то говорил, но из-за гула в голове Дард не разобрал ни слова. Израненными пальцами он принялся раскапывать груду, удерживавшую человека.

Показалась еще одна фигура, и Дарда оттолкнули в сторону. Огромный Санти горстями отбрасывал землю; наконец вдвоем они смогли вытащить раненого. Дард, у которого по-прежнему звенело в голове, помог оттащить обмякшее тело в глубину, поближе к

звездолету. Санти пошатнулся, и все трое упали. Дард опустился на колени и повернул голову; он увидел, что происходило сзади.

Находившиеся в коптере не сумели, как собирались, разрушить второй барьер. Гранаты попали в какие-то скрытые пустоты и обрушили новые тонны камня и земли. И теперь невозможно было поверить, что когда-то здесь существовал проход.

Из всех защитников баррикады осталось только трое: он сам, Санти и раненый, которого они тащили с собой.

Дарду показалось, что из-за взрывов он оглох. Рев в голове, который мешал сохранять равновесие, не имел ничего общего с обычными звуками. Дард не слышал, что говорит Санти. Он провел руками по болящим ребрам, готовый оставаться на месте.

Но враг не собирался оставлять их в покое. Со стен начали подниматься столбы пыли. Дард секунду-две тупо смотрел на них, и тут кулак Санти бросил его на пол; и вдруг Дард понял, что они попали в тупик, а снайперы из коптера расстреливают их. Конец. Но эта мысль не вызывала страха. Дард продолжал просто лежать и ждать.

Руками он поддерживал гудящую голову. Кто-то грубо потянул его за пояс, перевернул. Дард раскрыл глаза и увидел, что Санти осматривает его шокер. Два заряда не могут сбить коптер. Дард почувствовал весь комизм своего положения и молча рассмеялся. Шокер против коптера!

Санти стоял на коленях за скалой; откинув голову на толстой шее, он наблюдал за действиями коптера.

То, что произошло дальше, могло бы удивить Дарда, но теперь он утратил всякую способность удивляться. Коптер, осуществляя широкий поворот, столкнулся в воздухе с невидимой преградой. В сумерках видно было, как он буквально отлетел назад, словно гигантская рука смахнула надоедливое насекомое. А потом, сломанный, как насекомое, рухнул на землю. Двое его пассажиров выпрыгнули и поплыли в воздухе, поддерживаемые каким-то средством, которого Дард не рассмотрел. Санти встал и тщательно прицелился из шокера.

Он сбил ближайшего. Но вторым выстрелом промахнулся. И успел нырнуть как раз вовремя, чтобы избежать ответного огня противника. Ударившись о землю, миротворец тут же скрылся за фюзеляжем коптера. Почему он просто не подходит и не прикончит их, раздраженно подумал Дард. Зачем затягивать это дело? Становится все темнее, темнее. Он потрогал глаза. Неужели зрение, как и слух, отказывает ему?

Нет, он по-прежнему видит Санти, который теперь ползком подбирается к коптеру. Но как он собирается нападать на прячущегося там миротворца? С голыми руками и разряженным шокером против винтовки?

Сохранялось ощущение отчужденности. Дард как бы со стороны наблюдал за происходящим. Желая увидеть, чем все кончится, он приподнялся на локтях и смотрел вслед Санти. Когда ползущий исчез из поля зрения, Дард был раздосадован. Допустим, человек, скрывающийся там, решит, что они попробуют скрыться в глубине долины. В таком случае его внимание будет устремлено в том направлении, а не на Санти.

Дард пошарил вокруг руками в поисках подходящего камня; отбросил несколько мелких и взял камень размером с оба своих кулака. Еще два таких камня положил перед собой. Собрался с силами и бросил первый, самый большой камень вниз в долину. Ему ответил залп огня.

С перерывами он бросил второй и третий камни. И каждый раз отмечал, откуда стреляют. Слух возвращался, он услышал слабое эхо последнего броска. Нашел новые камни и продолжал бросать, чтобы создать иллюзию бегства. Но теперь ответных выстрелов не было. Может, Санти добрался до снайпера?

Юноша вытянулся за стеной и ждал, сам не зная чего. Возвращения Санти? Или старта корабля? Успели ли там закончить лихорадочные приготовления? Проложит ли сегодня Кимбер курс, сообщенный Голосом, прежде чем сам уснет под действием средства, созданного Ларсом? И от этого сна, возможно, не будет пробуждения. Но что, если путники проснутся? Дард перевел дыхание и на мгновение забыл обо всем: о своем болящем, измученном теле, о скальной западне, в которую попал, об отсутствии будущего — забыл обо всем, думая, что может скрываться за небом, на котором появились первые звезды. Другая планета — другое солнце — новое начало!

Он увидел тень, закрывшую от него звезды, которые он только что открыл для себя. Пальцы болезненно впились ему в плечи, его подняли на ноги. А затем, исключительно благодаря воле и физической силе Санти, они подобрали спасенного и двинулись, пошатываясь, вглубь. Дард забыл о своих видениях, все силы нужны ему были, чтобы держаться на ногах, идти рядом с Санти.

Они обогнули большой камень и остановились, ослепленные потоком света. Корабль был окружен кольцом ярких прожек-

торов. Лихорадочная деятельность вокруг почти затихла. Дард совсем не видел женщин, большинство мужчин тоже исчезло. Немногие оставшиеся передавали ящики по рампе. Скоро и они исчезнут, войдут в серебристый корабль. Люк закроется, и корабль поднимется на огненном столбе.

Несколько оглушенный болью в голове, Дард услышал низкий глубокий голос. Грузчики прекратили работу. Они смотрели на уцелевших в последней битве. Санти снова крикнул, группа распалась, и люди побежали к ним навстречу.

Дард сел рядом с раненым, ноги ему отказали. Он отчужденно смотрел на подбегающих. У одного рубашка разорвана на плече. Неужели он и на другую планету высадится с этим оторванным куском? Эта проблема захватила на некоторое время его внимание.

Юношу окружила стена ног, снег полетел ему в лицо. Его подняли, подхватили за плечи, повели в корабль. Но ведь это неправильно, смутно соображал он. Кимбер сказал, что места не хватит... он должен остаться...

Но он был не в силах произносить слова, чтобы спорить с теми, кто его ведет, даже когда его подтолкнули к рампе, ведущей в корабль. У входа в люк стоял Кордов, он жестом подгонял всех. Потом Дард оказался в крошечной комнатке, к губам его поднесли чашку с молочного цвета жидкостью, прижали и держали до тех пор, пока он послушно не выпил до последней безвкусной капли. Тогда его уложили на койку, выдвинутую из металлической стены, и позволили обхватить голову руками.

— Да, силовое поле еще держит...

— Могут они прорваться через последний завал?

— С тем, что у них сейчас есть, не смогут.

Слова, много слов, они проходят мимо него. Иногда, на секунду-две, приобретают смысл, потом снова теряют его.

— Ну, теперь я в вашем полном распоряжении... — Это гул голоса Санти?

Вмешивается быстрый резкий голос:

— А что с парнем?

— С этим? Парень — настоящий боец. Его здорово потрянуло взрывом, но он цел.

Кимбер! О нем спрашивает Кимбер. Но у Дарда нет сил, чтобы поднять голову и посмотреть на пилота.

— Вначале залатаем Тремонта и погрузим его. Вам двоим придется подождать. Дай им суп и первый порошок, Луи...

Снова Дарду дали пить, на этот раз горячий суп со вкусом настоящего мяса. А после велели проглотить капсулу.

Синяки и ушибы — шевелясь, он испытывал боль во всем теле. Но Дард выпрямился и постарался поинтересоваться окружающим. Напротив на такой же койке лежал Санти, рубашка его изорвана в клочья, видны мускулистые руки и плечи. Снаружи в коридоре постоянно ходят. Доносятся обрывки разговоров, большую часть Дард просто не понимает.

— Лучше тебе, парень? — спросил гигант.

Дард ответил на этот вопрос неопределенным кивком и тут же пожалел, что шевельнул головой.

— Мы полетим с ними? — с трудом спросил он.

Борода Санти дернулась, он затрясся от хохота.

— Хотел бы я посмотреть, как нас попробуют выбросить из корабля! А ты думал, что не полетишь, парень?

— Кимбер сказал — нет места.

Смех прекратился.

— Ну, теперь уже есть, парень. Но очень много хороших ребят погибло в долине, защищая ее, чтобы эти типы смогли пройти, только когда уже будет поздно. И так как искажающее поле еще работает, по воздуху им тоже не добраться. Так что мы снаружи больше не нужны. И, может, хорошие бойцы еще понадобятся там, куда направляется наша старушка. Поэтому мы летим и нас уложат вместе с остальным грузом. Верно, док? — закончил он вопросом, обращенным к вошедшему высокому молодому человеку.

У вошедшего светлая прядь непокорных волос все время падала на лоб, а в глазах горел энтузиазм.

— Ты ведь младший Нордис? — спросил он у Дарда, не обращая внимания на Санти. — Хотел бы я знать твоего брата! Он... то, что он сделал!.. Я не поверил бы, что такие результаты возможны, если бы сам не видел формулу! Гибернация и охлаждение... его формула обосновывает биологические эксперименты Таса. Мы уже усыпили телят Хармона, хотя и неизвестно, что за траву они будут есть перед смертью. И все благодаря Ларсу Нордису!

Дард слишком устал, чтобы интересоваться этим. Ему хотелось уснуть, забыть обо всем и обо всех. «Уснуть! И видеть сны?» — вспомнил он старинное высказывание. Только для него теперь лучше не видеть снов. Снятся ли сны в космосе? И какие странные сны приходят к людям, спящим в межпланетном

пространстве? Дард мысленно встряхнулся. Что-то очень важное он должен спросить, прежде чем уснуть.

— Где Десси?

— Дочь Нордуса? Она с моей дочерью и женой. Они уже в нем.

— В чем?

— В холодном сне. Большая часть уже спит. Осталось несколько человек. А потом останемся только мы с Кимбером и Кордовом. Будем бодрствовать, пока Кимбер не убедится, что мы на верном курсе. А вы все остальные...

— ...будете упакованы еще до старта. Это спасает от неприятных ощущений при ускорении, — вмешался от дверей Кимбер. Он через плечо врача кивнул Дарду. — Рад видеть тебя на борту, парень. Обещаю: в этом полете вынужденных посадок не будет. Ты будешь находиться в помещениях экипажа, поэтому тебя разбудят раньше других, и увидишь чудеса нового мира. — И с этими словами он исчез.

Может, начала действовать капсула, а может, просто Дард уже привык полностью доверять Кимберу, но он расслабился, ему стало тепло и приятно. Проснуться и увидеть новый мир!

Санти ушел с Луи Скортом, и Дард остался один. Шум в коридоре стих. Наконец послышался сирена. Чуть позже раздался торопливый топот. Он говорил о неприятностях, и Дард, придерживаясь за стену, встал и выглянул. По спиральной лестнице в самом центре корабля спускался Кимбер. В руке он держал такое же оружие с коротким стволом, какое было у Сача, и, не проронив ни слова, прошел мимо Дарда.

Держась за стену коридора, Дард побрел за ним. Выглянув из люка, он увидел скорчившегося на рампе пилота. Стояла глубокая ночь. Большинство огней погасло.

Дард прислушался. Слышались разрывы снарядов. Миротворцы продолжали упрямо атаковать барьер. Но кому собирается оказывать сопротивление Кимбер и почему? Может, в пещере осталось что-то важное? Дард споткнулся о край люка и увидел, как у выхода из туннеля вспыхнули огни. Оттуда выбежал человек, прыжками взбежал по рампе. Это был Санти. Он миновал Кимбера, и Дард едва успел посторониться.

— Пошли! — Гигант втащил его в коридор, Кимбер присоединился к ним. Он коснулся каких-то кнопок, и люк закрылся.

Санти, тяжело дыша, улыбнулся.

— Отличная работа, если можно похвалить самого себя, — сообщил он. — Искажающее поле снято, а взрыватель уста-

новлен на сорок минут с этого момента. Успеем стартовать до этого?

— Да. Вам обоим лучше уйти. Луи ждет, и нам совсем не хочется после ускорения отмывать пол от ваших останков, — ответил Кимбер.

С помощью спутников Дард поднялся по лестнице, миновал множество площадок с закрытыми дверьми. Наконец показалось широкое лицо Кордова, он с тревогой взглянул на них. Именно он поднял Дарда и пронес последние три ступени. Кимбер покинул их, через отверстие вверху поднялся в рубку управления. Он не оглядывался и не прошался.

— Сюда... — Кордов втолкнул их перед собой.

Дард, увидев, что находится в каюте, испытал внезапное отвращение. Эти ящики, сложенные рядами на металлических стеллажах, слишком напоминают гробы! И стеллажи заполнены, только в самом низу ждет ящик с открытой крышкой.

Кордов указал на него.

— Это для тебя, Санти. Специальный для рослого парня. Ты легче, Дард. Для тебя найдем место сверху с противоположной стороны.

У противоположной стены еще один стеллаж, и на нем ждут четыре ящика. Дард вздрогнул, но это не воображение, не сигнал встревоженных нервов — в помещении действительно холодно, холодный воздух идет из открытых ящиков.

Кордов объяснил:

— Сначала засыпаешь, потом замерзаешь.

Санти усмехнулся.

— Не забудь сделать так, чтобы мы оттаяли, Тас. Не собираюсь остаток жизни проводить как сосулька, так что вы, большеголовые ребята, что-нибудь обязательно придумайте. Что теперь делать? Просто забраться в него?

— Сначала разденься, — приказал первый ученый. — А потом я сделаю тебе несколько уколов.

Он подкатил небольшой столик на колесах, на котором лежало несколько шприцев. Выбрал два, один с красновато-коричневой жидкостью, другой с бесцветной.

Дард еще возился с застежками своего изорванного мундира, когда Санти задал вопрос за них обоих:

— А как мы проснемся, когда наступит срок? Что нас пробудит?

— Вот эти три... — Кордов указал на три нижних гроба на дальнем стеллаже, — снабжены особым оборудованием. Они разбудят нас: Кимбера, Луи и меня, — когда корабль подаст сигнал,

что достиг места назначения; а это произойдет, когда корабль отыщет звезду, похожую на наше солнце, с планетой терранского типа. Эту программу мы заложим в управляющие компьютеры, как только окажемся в космосе. В пути звездолет может отклоняться от цели, например, чтобы избежать встречи с метеоритом или по другим причинам. Но всегда будет возвращаться на заданный курс. Когда мы будем вблизи солнечной системы — а Кимбер уверяет, что так и будет, мы разбудим остальных, тех, кто необходим, чтобы посадить корабль. А большинство проснется только после посадки. На всех здесь просто нет места.

— И долго мы будем лететь?

Кордов пожал плечами.

— Кто знает? Человек впервые выходит в галактику. Полет может продолжаться несколько поколений.

Санги скатал сброшенную одежду в клубок и стоически ждал, пока Кордов делал ему уколы. Потом, взмахнув большим кулаком, забрался в гроб и лег. Кордов настроил приборы с обоих концов. Потянуло ледяным воздухом. Санги закрыл глаза, и первый ученый опустил крышку, предварительно установив три шкалы с одной стороны. Стрелки двинулись и остановились у противоположного конца шкалы. Кордов задвинул ящик на стеллаж.

— Теперь твоя очередь, — повернулся он к Дарду.

Верхний ящик на двух длинных рычагах опустился со стеллажа. Дард неохотно сбросил одежду. Конечно, общую теорию он понимает. Ведь ее создавал его брат. Но в реальности — быть замороженным в ящике, беспомощным, ничего не видя, улететь в небо, может быть, никогда не проснуться! Стиснув зубы, он пытался подавить панику. И сражался с собой так отчаянно, что укол оказался для него неожиданностью. Он вздрогнул, но Кордов схватил его стальной рукой и удержал.

— Все, ты готов, сынок. Увидимся в другом мире.

Кордов улыбнулся, но ответная улыбка Дарда получилась кривой. Он, не испытывая никакого веселья, опустился в гроб. Кордов совершенно прав. Крышка опускается, и у Дарда появилось безумное желание закричать, сказать, что он не хочет, чтобы его заперли, не хочет участвовать в этом безумном предприятии. Но крышка уже закрылась. Холодно... очень холодно и темно. Это космос, каким всегда представлял его себе человек, — холодный и темный, вечный холод и бесконечная тьма.

Книга вторая

АСТРА

Глава 1

ПРОВУЖДЕНИЕ

Тепло и свет, красный свет пробивается сквозь закрытые ресницы Дарда. Тепло — это хорошо, но хочется отвернуться от требовательного света. Двинуться... Однако движения требуют усилий, а у него нет еще сил. Лучше соскользнуть назад в приятную тьму, уснуть...

Резкая боль вывела из этого бесформенного спокойствия. Дард сделал огромное усилие и поднял веки. Над ним движутся туманные разноцветные пятна, иногда они изменяют свое положение или рывками совсем исчезают из поля зрения. Расплывчатость медленно исчезает, линии застывают, отвердевают, сближаются. Лицо, смутно знакомое, руки, попадающие в поле зрения.

Дард осознает, что руки прикасаются к его телу, после чего следует боль. И звуки, быстрые и резкие. Говорят... говорят... Дард заставляет себя открыть рот, шевельнуть языком. Но тело повинуется ему мучительно медленно, как будто он давно, очень давно не совершал таких движений. Как давно? Давно?.. Он начинает вспоминать, и руки пытаются нащупать края гроба. Но не встречают преграды, он больше не в ящике!

— Выпей, парень...

Он сосет жидкость из тюбика, который сунули ему в рот, и звуки превращаются в связную речь. Напиток горячий, тепло проникает внутрь, отгоняет холод, лишивший мышцы способности двигаться. Странно, ему опять хочется спать, и на этот раз руки не пытаются помешать ему.

— Все в порядке. Не волнуйся, позже увидимся...

Эта уверенность проникает в его сон. И сохраняется при втором пробуждении. На этот раз он приподнимается и осматривается. Он лежит на толстом мягком матрасе на полу самой странной комнаты, какую ему приходилось видеть. В мягком сиденье

с ремнями полулежит темноволосый человек и внимательно смотрит на широкий экран. Экран установлен в стене перед ним.

Перед панелью управления еще два таких сиденья. И Дард видит еще три таких же матраца, как тот, на котором лежит сам, все с защитными ремнями и пряжками. Дард подобрал под себя ноги и сел, осматриваясь и собираясь с мыслями и воспоминаниями.

Это рубка управления звездолета. Он не спит... его разбудили... значит... Он невольно поднес руку ко рту. Теперь ему нужно увидеть экран, на который смотрит его спутник. Обязательно увидеть!

Но тело его движется так медленно. Суставы проржавели, мышцы ослабли. Да они трещат! Глаза и руки сообщают, что он одет. Но ткань брюк и рубашки гладкая и ровная, такой он никогда не видел, и у нее смешанный зелено-коричневый цвет. Дард поставил на пол ногу в странном мягком башмаке, пошатнулся и ухватился за ближайшее раскачивающееся кресло.

Наблюдатель повернулся к нему и улыбнулся. Это Кимбер, тот самый Кимбер, которого он видел на пути к этой рубке в ту ночь, когда начался полет. Как давно это было?

— Приветствую! — Пилот указал на кресло рядом с собой. — Садись, ты еще не привык к кораблю. Хорошо спалось?

Дард попытался пошевелить языком.

— Не помню. — Теперь слова произносить легко, и голос звучит нормально. — Где мы?

Кимбер усмехнулся.

— Космос знает. Но мы достаточно близко к цели, чтобы старушка разбудила Кордова и меня. Потом мы добавили к обществу тебя и, вероятно, до посадки разбудим еще нескольких. Видишь?

На темном стекле экрана видны три светлые точки.

— Это новая солнечная система, мой мальчик! Удача... Боже, удача сопровождала нас в пути! Вот это, — Кимбер указал на самый крупный огонек, — это желтая звезда, температура поверхности 11 000 градусов, размером примерно с Сол I. Вообще она могла бы быть близнецом нашего солнца. И мы надеемся, что одна из ее трех планет похожа на Терру и подойдет для нас.

— Три планеты? Я вижу только две.

— Третья сейчас за Сол II. Мы ее видели. Вообще мы уже неделю изучаем систему, после того как приборы корабля разбудили нас. Еще один день исследований, и мы сможем выбрать нужную нам планету и сесть.

Три планеты — и желтое солнце! Дард хотел бы знать больше, чтобы его образование не представляло из себя набор отрывочных сведений. На Терре под властью Общества Мира нужно было совершить подвиг, чтобы научиться читать и писать. Он втайне гордился своей образованностью. Но теперь... он чувствовал, что вообще ничего не знает.

— Зачем вы меня разбудили? — спросил он. — Я не могу помочь в управлении кораблем. Ты сказал, что вы с Кордовом... — Он пытался вспомнить. Должен был проснуться еще третий...

Кимбер снова смотрел на экран. Он быстро ответил:

— Ты был ближе всех и можешь помочь Кордову. Луи не проснулся.

Луи Скорт, молодой врач, который проявил такой энтузиазм, говоря о средстве Ларса! Он должен был стать третьим.

— Что... что случилось?

— Пока не можем сказать. Все это: корабль, его курс, морозильные ящики — все создавалось только на надежде. У нас не было времени для настоящих испытаний. Корабль разбудил Кордова и меня. А Луи...

— И давно мы в глубоком космосе?

— Не меньше трехсот лет. Может, и больше. Время в космосе отличается от планетного. Это один из пунктов, по которому ученые не пришли к согласию. Мы сейчас не можем сказать точно.

— А отказал только ящик Луи?

— Пока не приземлимся и не начнем будить всех, сказать невозможно. Ящики нельзя открывать, пока их обитатели не готовы к оживлению. А корабль слишком мал, чтобы делать это до посадки...

Гробы! Гробы — вот что они напоминают! И они могут стать гробами для всего груза звездолета! Может, только они трое и выживут.

— Мы надеемся на высокий процент выживших, — продолжал Кимбер. — У ящика Луи были особые приборы. Может, в этом причина отказа. Но из четверых трое в порядке. Кордов...

— Да, и что же сделал Кордов? — слышался энергичный голос сзади.

Могучий первый ученый протиснулся между двумя сиденьями и дал сидящим на них круглые пластиковые пузыри, из которых торчали трубки. Такой же пузырь он оставил себе и сел в свободное кресло.

— Кордов, — ответил он на собственный вопрос, — продолжает заботиться о ваших хрупких телах, друзья мои. И вы должны радоваться его личной заинтересованности в вас. Сейчас вы выпьете то, что он вам дал, и будете благодарны! — Он взял свою трубку в рот и начал сосать.

Дард обнаружил, что ему предстоит выпить такую же горячую солоноватую жидкость, как и после первого пробуждения. И это его вполне устраивало. Но он сделал лишь один глоток и спросил:

— Я слышал о Луи. А сколько еще?

Кордов тыльной стороной квадратной ладони вытер рот.

— Этого мы пока не можем сказать. Не смеем проверять ящики, пока не сели. Да, мы все хотим получить ответ на этот вопрос, молодой человек. Сколько?.. Надеемся, что большинство проснется. Я предлагаю открыть еще два ящика с членами экипажа, с теми, чьи умения нам понадобятся. А что касается остальных... они будут спать, пока мы не сможем предложить им новый мир. А это также представляет проблему, — и он указал на экран. — Мы нашли подходящую звезду. Но вспомни: у нашего солнца девять планет, и только на одной мы могли жить. А здесь три планеты; может, Марс, Венера и Меркурий, но Терры нет. С какой стоит начать, как ты считаешь, Сим?

Пилот сделал глоток, прежде чем ответить.

— Судя по расчету орбит, я бы начал со средней. Она ближе к Сол II, чем Терра — к Сол I, но ее орбита ближе всех к терранской.

— Я ничего не знаю об астрономии, — сказал Дард. — Вы ожидаете, что у этой звезды будут подобные Терре планеты, потому что она «желтая». Но что, если одна из этих планет действительно окажется Террой, с разумной жизнью? Разве одинаковые условия не могут производить сходные формы жизни?

Кордов наклонился вперед, нарушив непрочное равновесие своего раскачивающегося кресла.

— Разумная жизнь — возможно. Человекоподобные гуманоиды — гораздо менее вероятно. Если на одной планете господствующая форма жизни — приматы, на другой это могут быть насекомые или животные отряда хищные.

— И не забудь про вот это! — Кимбер протянул руку и сжал пальцы перед экраном. — Рука помогла человеку стать господствующим видом. Ну а если у тебя есть, скажем, только кошачьи лапы? Разум совмещается с ними, и я возражу всякому, кто скажет,

что кошка не разумное существо; возможно, ее мозг устроен по-другому, но никто не станет отрицать, что кошка способна изменить окружение для своего удобства, несмотря на всеобщую человеческую глупость, с которой ей приходится иметь дело. Но если бы мы родились с лапами, а не руками, каким бы сверхмозгом мы ни обладали, разве могли бы мы создавать инструменты и другие артефакты? Приматы на Земле имели руки. И использовали их для создания материальной цивилизации, точно так же как сохранили обезьянью способность к болтовне и уничтожению всего созданного. Нет, если бы у нас не было рук, мы бы ничего не достигли.

— Ну, хорошо, — возразил Кордов, — я согласен с тем, что иметь руки — это преимущество. Но все же полагаю, что в других условиях другая форма жизни может стать господствующей. Вся история, и человеческая, и природы, основана на «если». Предположим, твои суперкошки научились использовать лапы и теперь поджидают нас. Но это все гадания. — Он рассмеялся. — Будем надеяться, что нас ожидает дикая планета, на которой не возникла разумная жизнь. Если нам повезет...

Кимбер мрачно взглянул на экран.

— Пока нам везет. Иногда мне кажется, что слишком везет и что в конце пути нас ожидает расплата. Но мы можем выбирать место посадки, и я намерен посадить корабль как можно дальше от любых следов цивилизации... если, конечно, здесь есть цивилизация. Допустим, в пустыне или...

— Выбор места мы предоставим тебе, Сим. А теперь, Дард, если ты кончил есть, идем со мной. Нас ждет работа.

Попытка встать привела к потере равновесия, и Дард упал бы, если бы его не поддержал первый ученый.

— В каютах поддерживается небольшая сила тяжести, — объяснил Кордов. — Но гораздо меньше, чем на Земле. Держись за что-нибудь и передвигайся медленно, пока не привыкнешь.

Дард послушался совета и держался за кресло и за все, до чего мог дотянуться, пока не добрался до круглой двери. За ней оказалась гораздо меньшая каюта с двумя встроенными койками и несколькими шкафами.

— Это каюта пилотов во время межпланетных перелетов. — Кордов прошел к центру каюты, где находилось отверстие — доступ к нижним помещениям корабля. — Спускаемся...

Дард осторожно спустился по крутой лестнице и оказался в секции, где находился во время холодного сна. И Кордов направ-

лялся в это помещение. Три ящика на дальнем стеллаже были открыты. А остальные белели, словно сделаны из девственного снега.

Кордов нажал кнопку, и самый верхний ящик опустился на пол. Ученый высвободил его из рычагов и с помощью Дарда потащил к двери. Вместе они принесли ящик в соседнее помещение, которое представляло из себя миниатюрную лабораторию. Кордов опустился на колени и принялся изучать показания приборов. После минутного разглядывания он облегченно вздохнул.

— Все в порядке. Теперь откроем...

Крышка сопротивлялась, словно века закрепили ее прочным клеем. Но под совместными усилиями она наконец подалась, с легким шумом начал выходить воздух. Стало холоднее, запахло химикалиями. Первый ученый осмотрел неподвижное тело в ящике.

— Да, да! Теперь мы должны помочь ему ожить. Вначале — на эту кушетку...

Дард помог перенести человека на кушетку посередине комнаты. Кордов передал ему флакон, и юноша принялся растирать холодное тело, а первый ученый вводил в вены различные растворы. По мере того как они работали, тело согревалось. Наконец человек пришел в себя, его накормили, и он снова внезапно уснул. Дард помог одеть его и перетащить в рубку, там его положили на матрац.

— Кто... а, Калли! — Кимбер узнал оживленного члена экипажа. — Это хорошо. А кого еще вы собираетесь поднимать?

Кордов, чуть отдуваясь, на мгновение задумался.

— У нас здесь Санти, Роган и Маклей.

— Ну, на корабле для Санти сейчас работы нет, а наш инженер — Калли. Минутку — Роган! У него есть космическая подготовка, он специалист по связи и телекоммуникации. Нам он понадобится...

— Значит, Роган. Но сначала мы отдохнем. Специалист по связи нам срочно не нужен.

Кимбер взглянул на часы на панели управления.

— Конечно. Еще по меньшей мере часов пять. А можно и восемь, если вам хочется полентяйничать.

— Я лентяйничаю, когда это дает преимущество. Неприятности, от которых мы бежали, происходят в основном из-за того, что все слишком заняты. Да, человеку нужно работать изо всех сил. Но должно быть и время, когда можно просто посидеть на солнце, думать и вообще ничего не делать. Торопливость изна-

шивает тело, а может, и мозг. Мы должны торопиться медленно, если хотим добраться до цели.

Возможно, сказывался еще холодный сон, но все время от времени неожиданно ненадолго засыпали. Кордов считал, что это состояние пройдет, но Кимбер беспокоился. Когда они приблизились к избранной планете, он потребовал у первого ученого стимулятор.

— Теперь мне нельзя спать, — уловил Дард обрывки разговора, когда вернулся после отдыха на койке в соседней каюте. — Уснуť в тот момент, как корабль входит в атмосферу, — это недопустимо. Мы еще не выбрались из леса, хотя поляна близко. Калли в крайнем случае может сесть за управление, Роган тоже, когда полностью придет в себя. Но у них нет пилотской подготовки, а садиться на незнакомую планету — это работа не для начинающих.

— Ну, хорошо, Сим. У тебя будет твоя таблетка. А теперь все же ложись, расслабься и поспи. Твое место займет Калли и будет следить за курсом...

Высокий худой инженер, который после пробуждения почти все время молчал, кивнул и сел в кресло, которое неохотно уступил ему Кимбер. Он что-то передвинул на панели управления и откинул голову, глядя на экран.

За последние часы светящиеся точки изменились. Огненный шар, который Кимбер называл Сол II, ушел за край экрана. И теперь большую часть экрана заполняла избранная ими планета, с каждой секундой она все увеличивалась.

Кордов сел в другое кресло и вместе с Дардом смотрел на экран. Шар на нем приобрел синевато-зеленый цвет, местами виднелись полосы других цветов.

— В районах полюсов — снег, — заметил Кордов.

Калли коротко ответил:

— Да!

— И моря...

Тут Калли разразился первой длинной речью:

— Много воды. Пора бы увидеть и сушу.

— Может, вся поверхность под водой, — размышлял Кордов. — Тогда, — он улыбнулся Дарду через плечо, — нам придется оставить планету рыбам и поискать счастья в другом месте.

— Одного не хватает. — Калли вторично внес какие-то поправки в приборы. — Нет луны...

Нет луны! Дард смотрел на увеличивающийся шар, и впервые после пробуждения его пассивное восприятие происходящего дрогнуло. Жить под небом, в котором не будет серебряного шара! Луна исчезла! Все старые песни, которые пели люди, все старинные легенды, которые они рассказывали, вся история — ведь луна была первым шагом человека в космос, — все это исчезло. Нет луны — и никогда не будет!

— Тогда что же будущие поэты станут рифмовать со словом «волна» в своих излияниях? — проворчал Кордов. — И наши ночи будут темными. Но нельзя иметь все, у нас не будет первой ступени в космос. Ведь ею служила наша луна, она была остановкой в пути, путевым знаком, манившим нас к себе. И если на этой планете существовала разумная жизнь, ей этого недоставало.

— Никаких признаков космических полетов? — с искрой интереса спросил Калли.

— Никаких. Но, конечно, пока мы не можем быть уверены. До сих пор мы ничего не видели, но это не значит, что их нет. Даже если бы мы оказались на часто используемой космической линии, могли бы этого не заметить. А теперь, Дард, пора поднимать Рогана. Я пообещал Симу, что у него будет помощник.

Снова они спустились вниз, сняли нужный ящик и оживили лежащего в нем человека.

— Этот последний, — заявил Кордов, когда они уложили Рогана в рубку. — Больше никого, пока не приземлимся. Ха!

Он повернулся к экрану, и восклицание было вызвано тем, что он увидел. Суша, зелено-сине-красная, на фоне более яркого моря.

— Значит, не присоединяемся к рыбам. Дард, разбуди Сима. Ему пора быть на посту.

Вскоре Дард сидел рядом с матрасом, на котором лежал спящий Роган; остальные заняли кресла перед приборами. Атмосфера в рубке была напряженная, только Кимбер выглядел совершенно спокойным.

— Роган еще не проснулся? — спросил он, не поворачивая головы.

Дард осторожно потряс за плечо лежащего. Тот зашевелился, что-то забормотал. Потом глаза его раскрылись, и он посмотрел на потолок каюты. А секунду спустя сел.

— Мы это сделали! — воскликнул он.

— Конечно, — оживленно ответил Кордов. — А теперь...

— Теперь тебя ждет работа, приятель, — вмешался Кимбер. — Вставай и скажи нам, что ты об этом думаешь.

Кордов выбрался из кресла и помог Рогану сесть в него. Держась крепко за ручки, словно опасаясь выпасть, Роган посмотрел на экран. Удивленно выдохнул:

— Она... она прекрасна!

Дард был с этим согласен. Изумительный набор красок подействовал на него, как всегда действовал закат на Терре. Он не находил слов, которыми можно описать увиденное. Но смотреть долго ему не пришлось.

— Пристегнитесь, — сказал пилот. — Садимся...

Кордов лег на матрац и пристегнул ремни, Дард сделал то же самое. Он лежал на спине на мягком матраце и не мог видеть экран. Они погрузились в атмосферу, и он, должно быть, потерял сознание, потому что не мог впоследствии вспомнить последних этапов спуска.

Корабль вздрогнул, дернулся вверх, а может, и вниз, прямо на Дарда. Юноша смутно подумал, что это возвращается полная сила тяжести. Последовал толчок, натянулись ремни, Дард ахнул, с трудом втягивая воздух. Но руки его уже возились с зажимами, и он услышал чей-то голос:

— Конец пути. Все наружу.

И ответ — сухой ответ Калли:

— Очень аккуратно, Сим. Аккуратно и точно.

Глава 2

НОВЫЙ МИР

— Роган?

Эксперт по телекоммуникациям развернул свое кресло и смотрел на другую часть панели управления, пальцы его летали по кнопкам приборов. Стрелки на шкалах поворачивались, индикаторы менялись, а Роган что-то неслышно шептал. Когда он кончил, Кимбер включил телеэкран, который во время посадки погас.

На экране медленно проявилась картина ближайшего окружения корабля.

— Конец дня, — заметил Роган, — судя по длине теней.

Корабль сел на обширной площадке, покрытой серо-синим гравием или песком, на удалении видны были вертикальные утесы из красноватого камня с прослойками синего, желтого и белого цвета. Изображение изменилось, и сидящие в рубке увидели посреди утесов вход в узкую долину, по центру долины протекал ручей.

— Красная вода! — удивленно воскликнул Дард.

Красную реку обрамляла сине-зеленая низкая растительность, покрывавшая все дно долины и узкими языками проникавшая на песчаную полосу. Но вот видеозонд переместился за реку, показав еще утесы и песок. Потом они увидели берег океана, яркие аквамариновые волны увенчивали шапки белой пены. В море впадала река, на некоторое расстояние окрашивая воду в красный цвет. Море, воздух, утесы, река, но ни одного живого существа!

— Подожди! — сказал Кимбер, Роган нажал кнопку, и изображение на экране застыло. — Мне показалось, что я вижу что-то в воздухе. Но, наверно, я ошибся.

Картина сменилась, и вскоре они увидели то же место, с которого начали. Кимбер потянулся.

— Эта часть местности не занята. И, Тас, мы вообще не видели никаких признаков цивилизации. Может, нам продолжает везти, и мы нашли пустую планету.

— Гмм. Но мы можем на ней жить. — Первый ученый протиснулся мимо Калли к стене каюты. — Атмосфера, температура — все примерно так же, как на Терре. Да, мы можем жить и дышать здесь.

Кимбер высвободился из ремней.

— Давайте тогда посмотрим вживую.

Дард последним покинул каюту. Он все еще не пришел в себя от буйства ярких красок на экране. После серости знакомой ему части Терры они возбуждали воображение. Спустившись до середины лестницы, он услышал звон открываемого люка; выдвинулась рампа, по которой они спустятся на поверхность, нагретую горячими газами из сопла опускающегося корабля.

Когда он выглянул из люка, остальные уже стояли на рампе, вдыхая теплый воздух, насыщенный незнакомыми запахами. Ветерок развеивал волосы Дарда, бросил прядь на лоб, что-то напел в уши. Чистый воздух, никаких химических привкусов, к которым они привыкли в корабле.

У стабилизаторов корабля песок сплавился и превратился в молочное стекло. Стараясь не прикасаться к нему, команда прыгала с рампы на песчаные дюны.

Кимбер и Кордов направились прямо к приглаженному волнами берегу. Калли просто опустился на мягкий песок, вытянулся во всю длину, прижал руки к земле и смотрел в небо, а Роган медленно поворачивался, словно проверяя, правильно ли показывал картину телеэкран.

Дард прошел по песку. Его интересовала красная река. Красная вода — почему? Вода в море нормального цвета, кроме той, что непосредственно у устья реки. Юноша хотел понять, что окрасило поток, и потому целеустремленно пошел к берегу.

Песок мягче и мельче, чем на Терре. Он набивается в обувь, вздымается облачками и тут же засыпает следы. Дард остановился и пропустил песок сквозь пальцы, испытывая странное покалывание, когда почва нового мира стекала с его ладони: синий песок, красная вода, утесы в красных, желтых и белых полосах — вокруг все разноцветное. Над головой голубой купол с пятнами облаков. Да голубой ли он? Слабый оттенок зелени. Скорее бирюзовый. Теперь, привыкнув к цвету, Дард различал более тонкие оттенки, которые и назвать бы не смог, вроде этих светло-фиолетовых полос на песке.

Юноша продолжал идти, пока не оказался на каменном, усеянном глыбами берегу реки. Не очень большая река, скорее ручей, можно перейти в несколько шагов. Видна рябь в течении, но вода непрозрачная, тусклая ржаво-красная и на камнях оставляет красную каемку. Дард опустился на колени и уже хотел погрузить палец, когда его остановил предупреждающий голос:

— Не надо, парень. Это может оказаться не очень полезно для здоровья. — К нему подошел Роган. — Лучше побережься, чем потом жалеть. Я узнал это на Венере — на горьком опыте. Видишь где-нибудь поблизости кусок дерева?

Дард поискал среди камней и нашел обыкновенную палку. Но Роган внимательно осмотрел ее, прежде чем подобрать. Палку опустили в воду и осторожно извлекли, теперь она на дюйм окрасилась красным. Они вместе принялись ее рассматривать.

— Они живые! — Позже Дард подумал, что, если бы он держал палку, уронил бы ее, поняв, что это за красный покров. Но палку крепко держал Роган.

— Замечательные плутишки, правда? — сказал он. — Похожи на паучков. Они просто держатся на поверхности или плавают? И почему их так много в воде? Посмотрим. — Он наклонился и палкой загреб много крошечных существ, которые Дард втайне считал отвратительными. Когда с воды убрали «паучков», она стала прозрачной и приобрела коричневатый цвет.

— Значит, их можно убирать, — заметил оживленно Роган. — С фильтром можем получить пригодную для питья воду — если ее вообще можно пить.

Дард торопливо глотнул, когда Роган набрал на камень еще порцию «паучков», затем они вместе пошли к берегу моря. Несколько раз приходилось обходить — Дард отходил очень далеко, — чтобы миновать красные полосы на берегу. Но «паучки», казалось, не испытывают неудобств и на суше; во всяком случае, они не спешили уходить с тех мест, куда их вынесло потоком.

С моря дул свежий ветер. Он приносил с собой запах, который определил Роган.

— Настоящее море — это соленый воздух! — Но остальные его слова заглушил ужасный вопль.

И как эхо — человеческий крик. Кимбер и Кордов бежали по берегу по самому краю воды. А над их головами дергался и изгибался кошмар, маленький, конечно, но все равно кошмар, словно из самого злого сна.

Если терранской змее придать крылья летучей мыши, две когтистые лапы, хвост с колючками и широкую зубастую пасть, получится нечто напоминающее этот ужас. Все существо не больше восемнадцати-двадцати дюймов в длину, но оно яростно нападало на бегущих людей.

Роган бросил палку, а рука Дарда ухватила под рубашкой единственный предмет, оставшийся у него с Терры. Он метнул охотничий нож и по какой-то невероятной случайности попал в крыло, и дракон не только прервал свое нападение, но, кувыряясь и крича, начал падать на песок. Он бил здоровым крылом, прыгал по песку, но Кимбер и Кордов придавили его торопливо подобранными камнями.

Глаза дракона горели лютой ненавистью, все собрались вокруг него кружком, избегая щелкающей пасти и хлещущего хвоста, с которого теперь капала маслянистая желтая жидкость.

— Ручаюсь, это яд, — предположил Роган. — Прекрасный малыш. Надеюсь, крупнее они не вырастают.

— В чем дело? — Со склона сбежал Калли, держа в руке лучевое ружье. — Почему шум?

Роган отодвинулся, показывая раненого дракона:

— Нас приветствуют аборигены.

— Не в моих обычаях сначала стрелять, а потом разбираться, — вмешался Кимбер. — Но у этого существа дурной характер, оно чуть не откусило мне ухо, прежде чем я его заметил. Ты можешь пристрелить его, Йорг, но не сильно при этом изуродовать? Тас позже захочет его разрезать и посмотреть, как он устроен.

Биолог присел на безопасном расстоянии и следил зачарованным взглядом за конвульсиями дракона.

— Да, пожалуйста, не уничтожайте его совсем. Змея, летучая змея! Это невозможно!

— Может, на Терре и невозможно, — напомнил ему Кимбер. — А что мы знаем о возможном и невозможном здесь? Йорг, прекрати его мучения!

Зеленый луч коснулся головы чудовища, и оно безжизненно вытянулось на песке. Тас осторожно приблизился, держась как можно дальше от зубчатого хвоста, с которого все еще капала желтая жидкость. Роган вернулся за своими пауками, а Дард подобрал и вытер нож.

— Летящие змеи и плавающие пауки. — Технер протянул палку, демонстрируя ее всем. — Тут страшно садиться: что-нибудь может выскочить прямо из-под тебя.

Тас явно разрывался между безвредным теперь драконом и водяными жителями, которых принес Роган.

— И все это, — он указал на мир скал, песка и моря, — новое и нерасклассифицированное.

Калли вложил оружие в кобуру. Он мрачно смотрел на бесконечные волны.

— Что ты об этом думаешь, Сим? — спросил он у пилота, указывая на низкую полоску облаков на самом краю неба.

— На Терре я сказал бы, что это предвещает бурю.

— Да, возможна сильная буря, — согласился Роган. — А у нас нет иной защиты, кроме корабля. Но сейчас, по крайней мере, лето, тепло.

— Вы так думаете? — почему-то спросил Дард. Ветер с моря влажно ударял словно ледяным хлыстом. Температура быстро падала.

Кимбер разглядывал облака.

— Я бы посоветовал вернуться. — Но когда он повернулся, его возглас заставил всех тоже оглянуться.

Они оставили корабль стоящим вертикально. Теперь он наклонился, носом указывая на долину, в сторону от моря.

Добрых полчаса спустя Кимбер распрямылся, облегченно улыбаясь. Один из стабилизаторов пробил корку расплавленного песка. Но под ней оказалась прочная скала, больше корабль крениться не будет. Борта корабля теперь не были зеркально гладкими, как на Terre; корабль много лет провел в полете и оставил за собой бесконечно долгий путь. Но он не подведет экипаж.

— Скала в порядке, — повторил Кимбер утверждение, которое радостно сделал несколько минут назад. — Карниз немного наклонен, поэтому и корабль чуть наклонился. Но устоял. И, может, нам опять повезло. — Ему не нужно было указывать на сгущающуюся тьму. — Нос корабля отвернут от ветра, и корабль не свалится, даже если разразится очень сильная буря.

Дард держался за поручень ramпы. Ветер шумел вокруг, поднимал песчаные смерчи, забивал глаза и рты, если их кто-нибудь неосторожно открывал. Пыль уже загнала Кордова внутрь, он убежал, держа драгоценного дракона щипцами. Его больше интересовали дракон и «пауки» Рогана, чем положение корабля.

— Очень сильная буря? — протянул Роган. — По-моему, это настоящий ураган. И если вы, приятели, не хотите, чтобы вас занесло песком, идите в укрытие. Мы уверены, что корабль не перевернется. Пора объявлять перерыв.

Дард поднялся за ним по ramпе и успел избежать небольшого песчаного смерча, который закружился вокруг остальных двоих. У люка все отряхивались, а когда поднялись в помещения экипажа, Дард ощущал во рту вкус пыли и слышал, как скрипит песок под ногами.

Кордова не было ни в рубке, ни в каюте с койками. Кимбер и остальные двое сели на койки, а Дард, скрестив ноги, опустился на пол. Корабль под ним дрожал. Неужели ветер стал таким сильным? На этот вопрос ответил Роган:

— Хотите взглянуть, что там происходит? — Он встал и пошел в рубку управления.

Кимбер и Дард встали, чтобы идти за ним, но Калли покачал головой.

— То, чего не знаешь, не вызывает беспокойства, — заметил он. — А песчаные бури меня не интересуют.

И правда, когда Роган настроил экран, не было видно почти ничего. Буря принесла с собой ночь и ничего разглядеть было нельзя. С раздраженным восклицанием технер отключил экран, и все пошло назад. Калли уже спал, а Кордов ложился.

— Твои «пауки», — выпалил он, едва завидев Рогана, — на самом деле растения!

— Но они движутся, — возразил Дард. — У них есть ноги.

Кордов покачал головой.

— Корни, а не ноги. И хоть они и подвижны, это растения. Какие-то водные грибы.

— Поганки с ногами, — рассмеялся Роган. — Дальше будут деревья с руками, наверно. А что дракон? Может, он летающая капуста?

Кордова не нужно было упрашивать рассказать о драконе.

— Ядовитая рептилия, к тому же хищник. Нужно будет их остерегаться. Но он взрослый, можно не беспокоиться.

— Что они бывают больших размеров? — ленивым голосом спросил Кимбер. — Будем благодарны за эту небольшую милость; надеюсь, драконы всегда громко кричат, когда отправляются на охоту. А сейчас — давайте подумаем о завтрашнем дне.

— И завтра, и завтра... — сонным голосом сказал Роган, но Калли неожиданно сел.

— Когда мы разбудим остальных? — спросил он. — И останемся ли здесь?

Кордов сплел пальцы за головой и прислонился к стене каюты.

— Утром я подниму доктора Скорт — Карли... Она поможет поднять остальных. Вы хотите обследовать окружающую местность? Мы вскоре решим, останемся ли здесь или поищем другое постоянное место жительства.

— Но только вот что, — сказал Кимбер. — Я могу снова поднять корабль. Но гарантировать благополучное приземление не могу. Горючее... — Он пожал плечами. — Не знаю, сколько продолжался наш путь, но, если бы мы не сели сейчас, потом бы просто не смогли.

— Вот как? — Кордов сложил губы трубочкой и беззвучно присвистнул. — Нам нужно быть очень уверенными, когда мы решим двигаться. А не снять ли нам «сани»?

— Завтра утром я сделаю это прежде всего. Если, конечно, буря прекратится. В бурю поднимать «сани» в воздух рискованно, — сказал Кимбер.

— А как насчет пищи? — спросил Калли. — В частности — сейчас для нас, а также для всех, когда они проснутся.

— В частности, — Кордов раскрыл один из шкафов и достал пять небольших пакетов, которые раздал всем. — Концентраты. Но ты прав, запасов хватит ненадолго. Мы не сможем поднять всех, пока не будем окончательно уверены в наличии еды и воды. Разбудим Хармона и попросим проверить почву у реки, где густая растительность. Исследовательская группа сможет и поохотиться.

— Надеюсь, не на драконов, — пробормотал с набитым ртом Роган. — У меня сложилось впечатление, что драконы не соответствуют моему внутреннему устройству. А также бродячие грибы...

Впервые Дард осмелился вмешаться в разговор старших.

— Грибы бывают очень вкусные. — Ему тоже не хотелось есть красные грибы, но он знал, что такое настоящий голод; и если нужно будет выбирать между голодом и плавающими грибами, он сможет закрыть глаза и поесть.

— Совершенно верно, — улыбнулся ему Кордов. — И мы проверим их пищевую ценность. Я разморожу хомячков и испытаю на них местные продукты.

— Значит, если они не упадут и не посинеют, мы сможем пировать. — Кимбер потянулся и зевнул. — Завтра нам работать целый день, пора поспать. Бросаем жребий, кто на койках, кто на матрацах.

Торжественно бросили монету, ту самую, с отверстием, которую как талисман носил на цепочке Кимбер. Дард обнаружил, что судьба отвела ему один из матрацев, но ему было все равно. По его мнению, мягкая губка матраца была гораздо удобнее любой кровати, какую он мог вспомнить.

Но, улегшись, он не смог уснуть. Чудеса нового мира в диком танце проносились в его сознании. А за ними скрывался страх. Луи Скорт был силен и молод, но он не пережил пути. Сколько еще ящиков, лежащих внизу, в корабле, содержат в себе смерть, а не жизнь? И как Десси?

Теперь, когда его ничего не отвлекало, нечему было уделять внимание, Дард мог думать только о ней: крепкие светлые ко-

сички, торчащие под острыми углами; как она умела неподвижно сидеть в траве, а птицы и маленькие зверьки воспринимали ее как часть своего мира и совершенно не боялись; какой она всегда была доброй и терпеливой. Десси!

Он сел. Лежать здесь, спать, когда возможно, что Десси никогда не увидит этот новый мир! Он не может!

На четвереньках Дард выбрался из рубки и прополз между койками. На одной свернулся клубком Кимбер, но другая, которая выпала Кордову, оказалась пустой. Дард спустился по лестнице.

Внизу на палубе виден был свет, слышалось какое-то движение. Дард подошел к двери лаборатории, в которой помогал оживить Калли и Рогана. Первый ученый работал здесь за столом с инструментами и сосудами. Он поднял голову, когда тень Дарда упала на пол.

— В чем дело?

— Десси! — выпалил юноша. — Я должен знать о Десси!

— Вот как? Но для собственной защиты и удобства наши товарищи должны спать, пока мы не убедимся в наличии пищи и не найдем убежище.

— Я это знаю. — Отчаяние не позволяло Дарду сдаться. — Но — разве нельзя определить? Я должен знать о Десси, должен!

Тас Кордов большим и указательным пальцами оттянул нижнюю губу и отпустил, она с мягким влажным звуком легла на место.

— Это мысль, мой мальчик. Мы можем определить, в порядке ли механизмы. И может быть — только может быть, — возможны и другие свидетельства. Мне все равно нужно открывать завтра это помещение, чтобы извлечь Карли Скорт. Карли... — Лицо его сморщилось, как у обиженного ребенка. — Именно я должен буду сказать ей о Луи. А это очень трудно сделать. Ну, что ж, трудностей в жизни не избежать. Идем.

Они спустились на пять уровней. Здесь горело всего несколько ламп, было темно и чувствовались удары ветра о корпус. Кордов проверил знаки на закрытой двери и открыл ее, оттуда с легким звуком вырвался воздух. От холода беспокойство Дарда усилилось. Он прошел вслед за Кордовом, между двумя рядами гробов, к последнему стеллажу. Первый ученый опустился на колени и включил ручной фонарик, чтобы прочесть показания.

— Десси и Лара Скорт вместе, они такие маленькие, что смогли разделить помещение. — Кордов переводил луч с одной шкалы на другую. Потом улыбнулся Дарду.

— Все в порядке, сынок. После закрытия никаких изменений, ни органических, ни химических. Я считаю, что они живы и здоровы. И скоро будут бегать, как и полагается маленьким девочкам. Они будут свободны, какими никогда не стали бы на Terre. Не беспокойся. Твоя Десси разделит с тобой этот мир!

Дард уже взял себя в руки и смог спокойно ответить:

— Спасибо... большое спасибо, сэр.

Но Кордов уже передвинулся к другому ящику и разглядывал его приборы. Наконец одобрительно хлопнул по крышке и выпрямился во весь рост.

— Карли тоже. Нам очень повезло.

Глава 3

ОВЛОМКИ БУРИ

— Боже!

Не слово, а скорее его тон разбудил Дарда и поднял с матраца. Кимбер, Роган и Калли пялились в экран. Могла быть середина ночи или позднее утро, но в корабле это определить невозможно. А на экране день.

На сером небе рваные облака. Выглянув из-за спинки пилотского кресла, Дард увидел, что удивило всех.

Там, где накануне тянулся гладкий песок до самого основания разноцветных холмов, теперь была только вода. Роган поворачивал ручки, и в рубке увидели, что вода окружает корабль со всех сторон. Она поглотила реку, и не осталось никакой красной полосы, показывающей, где была река.

Когда на экране стало видно море, Роган задержал изображение. Берег исчез, его поглотило само море.

— Сюрприз, сюрприз!

— Поплывем к берегу?

— Не думаю, чтобы тут было глубоко, — ответил Кимбер. — Возможно, вода так приходит после каждой бури. Покажи утесы, Лес.

Картина смазалась, изображение метнулось, показались холмы. Кимбер оказался прав: у основания скал была видна песчаная полоска. Вода уже уходила.

Все с топотом спустились в глубины тихого корабля и выпустили рампу. Слабое течение завивалось вокруг стабилизаторов, а песчаная полоска у холмов на глазах расширилась.

Вода мутная, а вокруг стабилизаторов обмотались длинные полосы водорослей. У основания рампы на мель выбросило какую-то рыбу, дальше бил воду чешуйчатый хвост застрявшего на берегу чудища. Время от времени из воды показывались и другие предметы.

— Что за... — Калли чуть не подпрыгнул. — Смотрите — вправо! Что это?

Что-то двигалось по влажному песку, следуя за отступающей линией моря. Но что именно, никто не мог догадаться. Кимбер побежал назад в корабль, остальные напрасно старались разглядеть получше. Цвет странный, светло-зеленый, почти не отличающийся от цвета морской воды. Существо передвигается на четырех тонких ногах. Но его голова!

— Вот! — Кимбер скатился по рампе и удержался от падения в воду, схватившись за поручень. Он принес полевой бинокль. — Он еще здесь, да, я его вижу! — Он направил бинокль в нужном направлении. — Великий боже!

— Что это? — спросил Роган, явно делающий огромные усилия, чтобы не вырвать бинокль у пилота.

— Да. — Калли тоже лишился обычного спокойствия. — Передавай, приятель. Мы все хотим это увидеть!

Дард прищурился, стараясь, чтобы глаза послужили ему так же, как бинокль, который Кимбер передал Рогану. Существо на песке, по-видимому, не испугалось ни корабля, ни наблюдающих людей. Может, останется на месте, пока он, самый младший член экипажа, получит право взглянуть в бинокль.

Оно осталось, копаясь в песке, пока Калли не протянул юноше бинокль. Дард лихорадочно настроил объектив. Встретившись с плавающими грибами и летающим драконом, он уже не удивился странному зверю. Светло-зеленая шкура совершенно лишена волос, нет на ней и чешуек, напротив, она до известной степени напоминает его собственную гладкую кожу. Голова грушеобразной формы, уши не более чем отверстия, большие глаза

расставлены широко, так что поле зрения, вероятно, шире, чем у любого животного с Терры. А заканчивается эта голова-груша тем, что может быть описано только как широкий утиный клюв из какого-то твердого черного материала. Как раз когда Дард направил на него бинокль, существо аккуратно сложило под собой задние ноги и село по-собачьи, спокойно глядя на отступающее море и звездолет. Песок прилип к клюву, и существо с отсутствующим видом стало счищать его передней лапой.

— Уткособака, — назвал его Кимбер. — На вид не опасна. Будь я... Вы только посмотрите на это!

«Это» оказалось процессией уткособак, вышедших из утесов и направившихся к первой. Одна из них, размером в три четверти первой, тоже была светло-зеленой, а три остальные — желтые, точно такого же цвета, заметил Дард, что и слои утесов. Вообще на фоне такого слоя они совершенно исчезали из виду. Два желтых зверя большие, а третий — совсем маленький. На полпути этот маленький сел, отказываясь идти дальше, но один из больших подошел к нему и подтолкнул головой.

— Семья, — предположил Дард, не смея отказать Кимберу, нетерпеливо протянувшему руку за биноклем.

— Но совершенно не опасная, — вторично предположил пилот. — Как вы думаете, они подпустят нас ближе? Вода уже сильно спала.

— Можно попробовать. Пусть только Йорг не забудет взять лучевое ружье. Если они окажутся агрессивными, мы будем готовы. — С этими словами связист осторожно опустился в воду, которая дошла ему до колена.

Он обошел водоросли и остановился у рыбы, которая по-прежнему была в воздухе хвостом. В этот момент его догнал Дард.

Если не считать странно приплюснутой головы и большой раздутой середины тела, застрявшая рыба была первым живым существом, напоминающим терранские. Длиной она была не менее пяти футов, а в пасти виднелись грозные зубы. Мощный хвост взбил воду в пену, но освободиться рыба не могла. Дард импульсивно заговорил:

— Нельзя ли... нельзя ли пристрелить ее? Она не сможет уйти и, мне кажется, понимает это.

— Хмм. — Как обычно, Калли не стал тратить слов. Он провел лучом по бьющейся голове. Последним конвульсивным рывком рыба выпрыгнула из воды и поплыла вверх брюхом.

— Может, завтрак? — предположил Роган. — Похожа немного на тунца. А если и на вкус такая же? Отдадим ее Кордову, пусть проверит, можно ли ее есть. Мне не помешал бы бифштекс или даже парочка! Эй, фейерверк не отпугнул наших уткособак. Я бы сказал, что они наслаждаются зрелищем.

Роган был прав. Семейство уткособак сидело на верху быстро высыхающего песчаного хребта и внимательно наблюдало за людьми и неподвижной рыбой.

Но когда Дард сделал несколько шагов в их направлении, желтые члены семейства начали отступать, один из них подталкивал перед собой маленького. Зеленые оставались на месте, причем тот, что меньших размеров, зашипел. Дард остановился, вода плескалась у его ног.

Калли обвязал веревкой хвост мертвой рыбы и привязал к поручню ramпы. При виде такого количества пищи самая маленькая уткособака пискляво крикнула и пробежала мимо старших к воде. Большая желтая решительно последовала за ней, порылась лапами в песке и выкопала извивающееся красное животное, которое малыш принялся жадно поедать. Но зеленый вожак сердито зашипел, и охотник вместе с малышом торопливо отступили.

Вожак тоже отступил, не отводя взгляда от людей, смело встречая опасность и предупреждающе шипя. И когда последний член семейства исчез в утесах, вожак тоже удалился, и на песке остались только следы. Однако Дард заметил, что из-за камня выглядывает кончик темного клюва.

— Он по-прежнему наблюдает за нами.

— Осторожный, — сказал пилот. — Значит, у него есть враги. И они похожи на нас. Однако он и любопытен. Если мы не будем обращать на него внимания, может быть...

Его прервал крик со стороны корабля. Кордов вышел на ramпу и махал руками. Когда все направились назад, он потянул за веревку, которой была привязана рыба.

— Каков твой вердикт? — спросил Роган, когда они подошли к склонившемуся над рыбой Кордову. — Можно ее есть?

— Дайте мне несколько минут и немного помогите в лаборатории, и я получу ответ. Но она близка к терранским формам жизни. Вероятно, съедобно. А что вы рассматривали в утесах, драконов?

— Да нет, просто познакомились с еще одной группой вышедших на прогулку исследователей, — ответил Роган и рассказал об уткособаках.

Стоило подождать заключения Кордова, думал позже Дард, наслаждаясь нежным белым мясом, поджаренным под наблюдением Кордова и розданным голодному нетерпеливому экипажу.

— Ну, по крайней мере, можно расширить свое меню, — заметил Роган.

— Эта находка, возможно, счастливая случайность. Рыба глубоководная, и бури не каждый день будут выбрасывать их на берег, — сказал Кимбер.

Он провел языком по губам и задумчиво посмотрел на свою пустую тарелку.

— Можно, однако, поискать других застрывших.

Калли распрямил свои длинные ноги.

— Может, выведем сани?

— Ветер стих. Я бы сказал, что это безопасно. — Пилот повернулся к Кордову. — Не пора ли поднимать Санти и Хармона? Они нам понадобятся.

Первый ученый согласился:

— Но сначала Карли, врача. А потом и остальных. Вы скоро отправитесь?

— Скажем, когда будем готовы. И мы не собираемся уходить далеко. Может, заглянем в ту долину впереди, а потом вдоль берега с милю. Мы сели в необитаемой местности, все на это указывает, но я хочу быть уверенным.

Солнце, прорвавшись сквозь облака, свидетельствовало, что наступил полдень. Все напряженно трудились. Дард обнаружил, что сани — это именно сани, плоский экипаж с двумя сиденьями, вмещающими каждое по два пассажира, с местом для багажа сзади. Он помогал собирать корпус, а Кимбер и Калли потели над двигателем.

Дард понял, что это летающий транспорт, но совершенно не похожий на коптеры и ракеты. И не понимал, что поднимет сани в воздух. Ведь нет ни ротора, ни сопла. Он спросил об этом Рогана. Технер прилег на песчаную дюну, отдыхая, и принялся объяснять:

— Не могу сказать тебе, парень, как они работают. Здесь совершенно новый принцип. Двигатель создан за последние месяцы в Ущелье. Это какая-то форма антигравитации. Поднимает тебя и держит над поверхностью, пока не выключишь. Создает луч, который отталкивает корпус от поверхности и движет вперед. Если было бы время, таким двигателем снабдили бы и ко-

рабль. Но успели построить только эти экспериментальные сани, а для дальнего путешествия пришлось полагаться на ракеты, которые нам хорошо знакомы. Как дела, Сим? Собрали?

Пилот улыбнулся, лицо его было покрыто маслом, темная кожа блестела.

— Затяни этот болт, Калли, — он показал, — и сани готовы к полету. Вернее, должны быть готовы. Испытаем.

Он забрался в сани и сел перед приборами управления. Прежде чем включить двигатель, застегнул ремень безопасности. Сани мгновенно взвились вверх, зрители разбежались, а пилот удивленно вскрикнул. Потом под управлением опытного Кимбера сани выровнялись и по широкому кругу обогнули звездолет. Закончив испытания восьмеркой, Кимбер привел машину назад, остановил и опустил на уже высохший песок у основания ramпы.

— Bravo!

Это одобрительное восклицание раздалось из открытого люка. Там улыбался Кордов. Рядом с ним, держась одной рукой за поручень, высоко подняв голову, так что солнце освещало ее рыже-золотые волосы, стояла женщина. Дард стал рассматривать ее, забыв о вежливости. Это Карли, которая заботилась о Дессе.

Она моложе, чем он ожидал, моложе и какая-то хрупкая. Под глазами темные тени, и, когда женщина улыбнулась, в улыбке ее были терпение и боль. Когда она присоединилась к группе внизу, молчание нарушил Кимбер.

— Как ты считаешь, Карли? — совершенно естественно спросил он, словно они расстались всего час назад и не произошло никакой трагедии. — Доверилась бы ты этому нелепому летающему устройству?

— Да, если за управлением хороший пилот. — Потом, глядя на всех по очереди, она произносила имена, словно убеждая себя, что они действительно перед ней. — Лес Роган, Йорг Калли и... — Она посмотрела на Дарда, помолчала, потом улыбка ее стала шире. — Ты, должно быть, Дард Дессе... Дард Нордис! О, это хорошо, очень хорошо... — Она взглянула мимо мужчин на море, утесы, сине-зеленое небо, изогнувшееся вверх.

— Теперь, прежде чем исследователи отправятся в путь, — провозгласил Кордов, — нужно поесть.

Снова ели рыбу вместе с концентратами и какими-то капсулами, которые проглотили по настоянию Кордова. Когда кончили, первый ученый обратился к Кимберу:

— У тебя теперь есть летающая машина. Можно отправляться?

— Да. Осталось четыре, может, пять светлых часов. Я думаю, обзор с воздуха даст нам больше, чем пешее путешествие за то же время.

— Ты говоришь «нам». А кого ты возьмешь с собой? — спросила Карли.

— Рогана, у него есть венерианский опыт. И...

Дард прикусил язык. Он не должен проситься в экспедицию. Кимбер, конечно, выберет Карли. Пилоту не понадобится неопытный новичок. Дард так был в этом уверен, что не мог поверить, когда Кимбер сказал:

— И парня, он мало весит. Нам еще придется, может быть, везти образцы и добычу, поэтому перегрузка не нужна. Карли хороший стрелок, и я буду чувствовать себя спокойнее, если он останется здесь.

— Хорошо! — согласился Кордов. — Не заходите слишком далеко и не падайте с этой глупой машины. Главное — не падайте на голову. Нам некогда будет приводить в порядок исследователей, которые не умеют приземляться нужным местом.

Так Дард оказался на санях рядом с пилотом, а Роган сидел сзади. Кимбер настоял, чтобы они под его присмотром застегнули ремни безопасности, и проверил зажимы, прежде чем они поднялись. Подъем легкой машины происходил не так стремительно, как в первый раз, и Кимбер не пытался подняться высоко. Они двинулись на север всего в нескольких футах над поверхностью, используя берег как ориентир.

С высоты открывался хороший вид на запад, видна была почти вся долина, по которой протекала красная река. Низкая растительность, которую они заметили с корабля, постепенно превратилась в кустарники, иногда размером с деревья. И среди них летали существа, не похожие на драконов.

По краю моря вертикальной непрерывной стеной поднимались утесы. Очевидно, звездолет приземлился вблизи единственного разрыва в этой стене. С высоты саней не было видно ничего, кроме барьера из ярко окрашенного камня, который отделяет растительность и равнину от волнующегося моря.

Роган вскрикнул, и мгновение спустя Дард тоже съезжился, когда луч света болезненно ударил по глазам. Он шел со стороны моря, как будто кто-то там зеркалом направлял на них солнце.

Кимбер развернул сани и полетел над поверхностью воды, чтобы добраться до источника света.

Они увидели береговую полосу, несколько футов песка, открытого водорослями, принесенными последней бурей. Кимбер с бесконечной осторожностью опустил сани. И когда они коснулись поверхности, пассажиры в полном изумлении смотрели на то, что отразило луч.

Прямо из утеса, словно из специально приготовленного углубления, торчал металлический конус. И металл не грубый и необработанный, а гладкий, отшлифованный сплав!

Дард сорвал ноготь, расстегивая пряжку ремня, так торопился к находке. Но прежде чем он успел спрыгнуть, Кимбер был уже на полпути к конусу. Трое, не решаясь прикоснуться, рассматривали необычный предмет. Кимбер присел на корточки и заглянул под него. Расширяющийся конус окружало тонкое кольцо такого же металла, словно конус находился в трубе.

— Снаряд в пушке! — Роган нашел сравнение, которое не очень успокаивало. — Это снаряд?

— Не думаю. — Кимбер осторожно потянул за конец. — Посмотрим, нельзя ли его извлечь. — Он принес с саней различные инструменты.

— Полегче. — Роган искоса посматривал на его приготовления. — Если это взрывается, а мы что-нибудь сделаем не так, остаться целыми не удастся.

— Это не снаряд, — упрямо повторил Кимбер. — И он здесь очень давно. Видите? — Он указал на свежие разломы в стене утеса. — Обвалилось недавно. Может, буря обрушила стену и обнажила это. А теперь... слегка потрогаем...

Они работали вначале осторожно, потом, когда ничего не случилось, с большей уверенностью, пока не убедились, что конус — лишь конец длинного цилиндра. Наконеч прикрепили цепь и с помощью саней вытащили цилиндр наружу.

Шести футов в длину, он лежал наполовину в воде, посередине цилиндра виднелось запечатанное отверстие. Кимбер склонился у трубы и осветил фонариком внутрь. Насколько можно было видеть, труба металлическая, без всяких швов.

— Что это, во имя космоса? — спросил Роган.

— Я бы сказал, какая-то форма транспортировки. — Кимбер продолжал светить внутрь, словно надеялся установить назначение своего открытия.

Роган потрогал цилиндр ногой и чуть откатил его. Потом наклонился и поднял за лежащий на песке конец. К своему изумлению, технер сумел на несколько дюймов приподнять его.

— Гораздо легче, чем можно подумать! Мне кажется, мы можем взять его на сани!

— Гмм... — Кимбер занял место Рогана и примерился. — Можем. Попытка не пытка.

Втроем они положили цилиндр на сани, хотя оба конца выступали по сторонам.

При взлете Кимбер был вдвойне осторожен. Через утесы перевалил с большим запасом высоты и повернул назад в долину.

— На один вопрос мы получили ответ. — Роган склонился вперед. — Мы не первая разумная жизнь здесь.

— Да. — Пилот ничего не добавил к этому выводу. Он торопился добраться до корабля.

Дард съезжился на сиденье. Ему не нужно было поворачивать голову, чтобы увидеть гладкий металл, он чувствовал его присутствие. И понимал, что оно для них означает.

Только разум, высокоразвитый разум мог создать такое. И где теперь этот разум? Наблюдает за терранцами и ждет их первой роковой ошибки?

Глава 4

ИНЫЕ!

— Теперь полегче. — Калли отложил стамеску и взялся руками.

Остальные буквально дышали ему в шею. Но все боролись с любопытством, пока инженер пытался открыть цилиндр.

— Слишком легкий для взрывчатки, — наверно, в пятнадцатый раз повторил Роган.

Наверху, на рампе, сидели Карли Скорт и Труда Хармон, а мужчины внизу подавали Калли инструменты, которые ему не были нужны, и вообще мешали друг другу. Но вот наступил последний момент. После почти часа работы инженер сумел открыть маленький запечатанный люк.

Светя внутрь фонариком, Калли головой столкнулся с Кимбером и Кордовом. Потом с бесконечной осторожностью начал

передавать ревностным помощникам ящички, круглые контейнеры и больший по размерам разукрашенный сундучок. Все это было сделано из того же легкого сплава, что и цилиндр. И все казалось не поврежденным временем.

— Перевозчик груза, — решил Кимбер. — А что в этих? — Он поднес один из маленьких ящичков к уху и осторожно потряс, но ответного дребезга не услышал.

Кордов поднял сундук и осмотрел его крепления. Наконец покачал головой, достал карманный нож и сунул лезвие в щель крышки.

Крышка сдвинулась, и из-под нее начало выступать мягкое желтое вещество. Первый ученый осторожно обрывал его полосами. Наконец солнце осветило содержимое, помещавшееся в этой упаковке, и терранцы ахнули.

— Что это? — спросил кто-то.

Кордов взял пять переплетенных нитей, поднял на свет.

— Опалы? — предположил он. — Нет, они слишком твердые, обработаны фасетами. Бриллианты?.. Не думаю. Признаюсь, никогда ничего подобного не видел.

— Драгоценности этого мира. — Дард не знал, произнес ли он эти слова вслух. Прекрасные нити, свисающие в руках Кордова, привлекали его, как ни одна вещь, сделанная людьми.

— Есть там еще? — спросил Кимбер. — Для таких ожерелий ящик слишком велик.

— Посмотрим. Девушки, — Кордов протянул женщинам нити необычных драгоценностей, — подержите.

Сняли еще один слой упаковки, под ним оказались два браслета. На этот раз Санти узнал красные камни.

— Это рубины! Я работал в лунных горах и нашел несколько таких же. Отличный цвет. А что там еще, Тас?

Третий слой упаковки обнажил последнее и самое большое чудо — пояс, пяти дюймов шириной, так тесно усаженный драгоценными камнями, что сплошь сверкал; сам пояс состоял из множества крошечных хрустальных цепочек.

Труда Хармон попыталась застегнуть его вокруг талии и обнаружила, что не хватает нескольких дюймов. Да и Карли не смогла его надеть.

— Девушка, носившая это, была очень стройная! — заметил Хармон.

— Может, она вообще не девушка, — сказала Карли.

И было что-то пугающее в этой мысли. Карли первой выразила общий страх: те, кто носил эти украшения, не были людьми.

— Что ж, браслеты свидетельствуют о наличии рук, — заметил Роган. — А ожерелье — о шее. Пояс предполагает талию... хотя и тоньше вашей, девушки. Мне кажется, мы можем считать, что эта леди была не очень далека от нашей нормы.

Сантис взял из груды новый ящик.

— Посмотрим остальное.

Ящики были запечатаны полоской мягкого металла, которую приходилось счищать с краев. В первых трех оказалось совершенно непонятное содержимое. В двух — сухие листья и ветви, в третьем — сосуды с различными порошками и темной пеной, возможно, остатками жидкости. Их передали Кордову для дальнейшего изучения.

Из оставшихся ящиков три были больше и тяжелее остальных. Дард разорвал закрывающую металлическую полосу и отвернул ее. Под крышкой оказался кусок грубой ткани, свернутый несколько раз в качестве дополнительной упаковки. Все оставили свои занятия и собрались вокруг, а Дард поднял ткань. То, что он обнаружил, было не менее интересно, чем драгоценности.

Не смея дотронуться пальцем, он осторожно вытянул из ящика металлический стержень, на который оно было намотано. Тоже ткань. Но никто никогда — даже те, кто помнил чудеса городов до Ожога, — ничего подобного не видел. Ткань светилась, яркие краски затрепетали на каждой складке и изгибе, когда Дард поднял ее, чтобы осмотреть на солнце. Материя словно была соткана из тех же драгоценностей, из которых ожерелье.

Карли едва не выхватила ткань у Дарда, а Труда Хармон робко провела пальцем по краю.

— Это вуаль! — воскликнула она. — Но какая дивная!

— Открывайте остальные! — Карли указала на два аналогичных ящика. — Может, в них такое же.

Там действительно оказались ткани, но не такие яркие и не светящиеся, в них чередовались оттенки, которые терранцы не смогли бы назвать. Вдохновленные находками, они лихорадочно бросились раскрывать остальное, но Кордов призвал всех к порядку.

— Это, — он указал на богатство, вынутое из ящиков, — не что иное, как предметы роскоши цивилизации, более развитой,

чем наша. Я склонен считать, что это был груз, не достигший своего назначения.

— Мы нашли этот снаряд в трубе, — задумчиво сказал Кимбер. — Предположим, они передавали по таким трубам контейнеры на большие расстояния. Даже через море. Мы так не транспортируем грузы, но нельзя судить эту планету по терранским меркам. И у них тут нет высоких приливов.

— Тас, Сим, — Карли руками, носившими следы тяжелой работы в Ущелье, поворачивала ожерелье, — они могут... еще быть здесь? Иные?..

Кимбер встал, стряхнул песок с брюк.

— Это нам придется установить — и скоро! — Он, прищурясь, взглянул на солнце. — Сегодня уже поздно что-то делать. Но завтра...

— Эй! — Роган держал на ладони маленькую катушку какого-то черного материала, которую извлек из контейнера, похожего на карандаш. — Я думаю, это какой-то микрофильм. Может, мы сможем его просмотреть.

Кордов сразу оживился:

— А сколько таких есть?

Роган по одному начал вынимать их из ящика.

— Двадцать.

— Можешь настроить аппарат для просмотра?

Технер пожал плечами:

— Попробую. Но нужно распаковать приборы, которые на самом дне трюма, а на это потребуется время.

— А вот это, — Калли заглянул внутрь опустевшего цилиндра, — должно быть, двигатель. Мне бы хотелось покопаться в нем и понять, как он работал.

Кимбер провел рукой по коротко подстриженным волосам.

— И тебе для этого понадобится, наверно, мастерская? — Он был очень близок к сарказму. — Но у нас еще есть проблема — те, кто все еще на корабле. Что будем делать?

Вмешалась Карли:

— Вы до сих пор не нашли никаких следов цивилизации, кроме этих. И не знаете, сколько времени лежала эта штука, пока ее не обнаружили. Мы можем оставаться здесь, пока не узнаем больше. Города, центры цивилизации, если они существуют, должны находиться в сотнях миль отсюда. Представьте себе, что космический корабль сел на северо-западе Канады, или в пусты-

нях Центральной Азии, или в середине Австралии — в любом малонаселенном районе. Прошли бы месяцы, может, даже годы, прежде чем о нем стало бы известно, особенно сейчас, когда Мир запретил путешествия. Здесь может быть такая же ситуация. Наша посадка может оставаться тайной еще долгое время, даже если мы с кем-то делим эту планету.

— Вот это и называется здравым смыслом, — согласился Кордов. — Будем исследовать долину. Если она подойдет, подготовим место для всех наших. А тем временем разведочная группа сможет нанести на карту окружающую местность. Но никаких контактов с возможным населением, пока не узнаем его отношение.

— И что это за население, — негромко добавила Карли.

«Что за население». Дард понимал эти слова. Карли считает, что разум на этой планете нечеловеческий. Снова на людей обрушивается страх перед неизвестным, непонятым. Это чужой мир. Может ли он стать для них домом?

— Это... это прекрасно! — Труда Хармон склонилась рядом с ним, рассматривая статуэтку, которую он механически разворачивал.

Он держал в руке изображение животного, нечто среднее между лошадью и оленем, с развевающейся гривой, хвостом и рогами. Животное встало на дыбы, ноздри его раздуваются, оно воплощение свирепой ярости. Вместо глаз маленькие драгоценные камни, а копыта отделаны контрастирующим металлом. Какой-то великий мастер наделил это изображение жизнью.

— Все эти вещи — они такие удивительные!

— Они любили красоту, — ответил Труде Дард. — Но я думаю, что это, — он взял в руки вторую статуэтку, изображающую совершенно другое существо — карлика, ноги с перепонками между пальцами, обезьянье лицо и руки без больших пальцев, — это все фигуры какой-то игры. Смотри, вот еще одна рогатая лошадь, но другого цвета, и еще одна такая обезьяна. Шахматы?

— И маленькое дерево! — Труда высвободила из упаковки третью фигуру. — Дерево с золотыми яблоками!

И верно, ветви конической формы дерева увешаны круглыми драгоценностями, сверкающими мягким желтым цветом. Золотые яблоки! Ларс часто рассказывал Десси о золотых яблоках Солнца!

— Яблоки? — Хармон присел рядом с женой, чтобы посмотреть, что привлекло ее внимание. — Какие яблоки, Труда?

Она протянула руку с маленьким деревом на ладони.

— Золотые яблоки! Видишь, Тим?

— По мне, так больше похоже на сосну. — Но он осторожно взял дерево. — Плоды. Интересно. — Он посмотрел мимо корабля на вход в долину, куда манила сине-зеленая растительность. — Может, здесь на соснах растут яблоки, Труда. После летающих змей и плавающих пауков, после желто-зеленых утокособак, которые смотрят на нас оттуда... могу поверить, что тут и яблоки растут на соснах. Но только нам бы поскорее их отыскать.

Поиски места для будущего поселка начались на следующее утро. Кимбер, Роган и Санти на санях отправились осматривать долину. Когда они подали знак, что ничего опасного не обнаружили, выступила вторая группа — на этот раз пешком. Калли, Хармон и Дард, неся продукты, шокеры и наполненные водой фляжки, медленно двинулись вверх по реке.

При входе в долину песок сменился полосами почвы от красно-желтого до темно-коричневого цвета. На ней росли пучки травы, с острыми листьями, очень жесткой; трава сменилась небольшими кустами, покрытыми неровной сине-зеленой листвой.

Исследователи остановились, заметив в траве движение: стебли раскачивались, обозначая продвижение какого-то живого существа. Дард первым двинулся вперед своей неслышной походкой жителя леса. Осторожно раздвинул стебли и увидел настоящую тропу, такую же отчетливую, как терранские тропы, но миниатюрную. Раскачивание продолжалось, и он стоял, не смея дышать.

Из-под корней невысокого куста показалась маленькая красно-коричневая голова, почти неразличимая на фоне почвы. Дард ждал. Подпрыгнув, животное выскочило на тропу.

Размером с терранскую крысу, оно передвигалось прыжками на длинных задних лапах, между которыми свисал пушистый хвост. Маленькие передние лапки, похожие на руки, лежали на темной шерсти живота. Уши большие, веерообразные, с таким же пушком, как и хвост. В темных пуговицах глаз нет ни зрачка, ни радужной оболочки, а круглая мордочка заканчивается мощными зубами грызуна. Но Дарду не пришлось долго разглядывать животное. Оно заметило его. Высоко подпрыгнуло, повер-

нувшись в воздухе, и мгновенно исчезло. Дард подобрал с тропки предмет, который животное выронило в прыжке.

— Кролик? — спросил Хармон. — Или крыса? Белка? Откуда нам знать? Что оно выронило, парень?

Дард показал стручок, примерно трех дюймов в длину, темно-синий, блестящий. Он передал стручок Хармону, который ногтем вскрыл кожуру и вытряхнул десяток темно-синих зерен.

— Горох, бобы, пшеница? — В изумлении Хармона сквозило раздражение. — Оно растет, созревает, может быть, съедобно. — Он повернулся к товарищам и резко закончил: — Но годится ли оно для нас?

— Испытай на хомяках, — кратко ответил Калли. — А прыгун явно их ест. — Так была окрещена третья разновидность фауны, найденная на новой планете.

Хармон спрятал семена и стручок в карман на «молнии», и они двинулись дальше по высокой, по пояс, траве. Тут и там встречались такие же стручки.

Вскоре эти растения росли вокруг так густо, что можно было подумать, будто идешь по возделанному полю. Хармон нарушил молчание:

— Не напоминает ли вам это что-нибудь?

Все с сомнением посмотрели на синее пространство и покачали головами.

— А мне напоминает. Похоже на пшеничное поле, ждущее жатвы. Говорю вам: мы идем по чьей-то ферме!

— Но ведь нет никаких оград, — возразил Дард.

— Нет, но, если земля долгое время не обрабатывалась, растения сами засеваются и начинают распространяться. У меня такое чувство, будто это часть фермы!

С этими словами Хармон пошел вперед, через участок со спелыми растениями, прямо к ближайшим кустам. Теперь, после слов Хаммера, Дарду показалось, что участки более высокой растительности могут быть остатками изгородей вокруг полей.

Они обошли кустарник и обнаружили, что инстинкт Хармона не обманул его. Невозможно было усомниться в искусственном происхождении большого купола. Его окружало несколько меньших, заросших вьюнками, высокой травой и неподрезанными кустами.

Но не купола приковали к себе внимание исследователей. Постоянное гудение и жужжание привлекли их к дереву, расту-

щему там, где должен был находиться передний двор — конечно, если у Иных были передние дворы.

— Золотые яблоки! — Дард узнал дерево, статуэтку которого видел накануне.

Симметричный темно-зеленый конус создавал прекрасный фон для желтых шаров, свисающих с ветвей, которые согнулись под их весом. Воздух и трава вокруг дерева были полны пирующими.

Терранцы наблюдали за порхающими птицами — а может, это были переросшие бабочки, — которые ссорились из-за права впиться клювами в спелую мякоть. А в траве виднелось множество прыгунов, поедающих упавшие плоды. И от дерева ветерок доносил такой аппетитный запах, что у наблюдателей потекли слюнки.

Люди подошли поближе, но кормящиеся не проявили никакого беспокойства. Один прыгун пробежал прямо между ног Калли, сжимая в лапках сочную четвертушку плода. Птица-бабочка задела за голову Дарда на пути к банкету.

— Ну и... — Калли спохватился, едва не наступив на пушистый красно-коричневый комок. И поднял прыгуна в коматозном состоянии. Хармон рассмеялся.

— Мертвецки пьян, — заметил он. — Я видел свиней, когда они добираются до отжимков сидра. Смотрите, птицы не могут лететь прямо!

Он был прав. Голубое существо с крыльями, обрамленными светлой серо-зеленой каймой, неуверенными рывками добралось до ближайшего куста и вцепилось в ветвь, будто не имело сил лететь дальше.

Калли опустил вялого прыгуна и сорвал одно из яблок. Оно легко отделилось от стебля, и он поднял его, чтобы получше рассмотреть. Прочная кожура покрывает мякоть, а от черенка расходятся цепочки розовых пятнышек. А соблазнительному аромату очень трудно противостоять. Дарду захотелось выхватить фрукт у инженера, погрузить зубы в гладкую кожицу и самому проверить, так же хорошо оно на вкус, как на запах.

— Жаль, что с нами нет хомяка. Но мы можем прихватить плоды с собой. Если они хороши, — Хармон проглотил слюну, — можно будет поесть. Не стоит все отдавать этим существам. Бьюсь об заклад, парень, который тут жил, конечно, не допустил бы этого. Золотые яблоки, да, так оно и есть. Но они не убегут, а я бы хотел осмотреть дом и амбары.

Дом и амбары, если можно так назвать купола, были почти совершенно погребены в густой растительности. Когда исследователи пробились к входу в самый большой купол, Калли негромко присвистнул.

— Тут было сражение. Дверь выбита снаружи.

Дард, привыкший к насилию со стороны миротворцев, заметил обломки металла и согласился. Они увидели картину полного опустошения. Помещение было давным-давно разграблено, в щелях стен росла трава, а обломки под ногами при первом же прикосновении рассыпались в пыль. Дард подобрал обломок золотого стекла с тонкими белыми линиями. Больше ничего не было.

— Нападение разбойников, — согласился Хармон, ориентируясь на терранское прошлое. — Может, и здесь были свои миротворцы. Но все произошло очень давно. Пусть лучше Кордов и другие умники тут покопаются. Может, узнают, что произошло. Интересно, а что в амбарах?

Но когда они заглянули в больший из двух оставшихся куполов, Хармон начал непрерывно браниться, а Дард почувствовал холодок на спине при виде бессмысленной и ужасной жестокости. Вдоль стены лежала линия белых скелетов, каждый в своем стойле. Хармон подобрал череп странной формы, но он тут же рассыпался.

— Оставили умирать от голода и жажды, — хрипло сказал фермер. — Жителей перебили, а животных оставили подыхать. Они... они хуже миротворцев!

— И они победители, — заметил Калли. — Не очень приятная мысль.

Все вздрогнули, услышав крик, и Дард направил шокер на вход в амбар. Что, если «они» возвращаются? Но он взял под контроль свое воображение. Этот ужас произошел много лет назад, исполнители его давно мертвы. Но если у них есть потомки — с таким же характером?

В купол вошел Кимбер.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — Мы следили за вами с саней. Что... что это такое?

— Предупреждение, оставленное очень нехорошими жителями, — ответил Дард. — Ферма была разграблена, и те, что сделали это, оставили привязанных животных подыхать от голода.

Кимбер медленно прошел мимо ряда скелетов. Лицо его помрачнело.

— Это случилось давно. — Дарду показалось, что пилот успокаивает себя этими словами.

— Да, — согласился Хармон. — Очень давно. И с тех пор они сюда не возвращались. Я думаю, мы можем занимать место, Сим. Когда-то это была хорошая ферма, почему бы ей снова не стать такой?

Глава 5

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Следующие пять дней все были очень заняты. Усиленное исследование долины, пешком и с воздуха, не обнаружило никаких других следов прежней цивилизации. Терранцы высказались против поселения на ферме. В них ощущались застарелый страх и смерть, и не один Дард беспокоило себя чувствовал в древних стенах.

Одной из лучших находок оказалось дерево с золотыми яблоками. Хомяки с удовольствием поедали фрукты, и люди, ободренные этим, собирали плоды вместе с крылатыми и пушистыми обитателями долины. Яблоки на вкус оказались так же хороши, как на вид и запах, хотя не действовали на терранцев опьяняюще. Зерно тоже было съедобным, и Хармон рискнул заморозить одну из двух телок, привезенных на корабле, и отпустил ее пастись на заброшенных полях, где она быстро нашла себе корм по вкусу.

С другой стороны, ярко-зеленые ягоды с пурпурно-зеленоватым отливом оказались почти смертельными для хомяков, и терранцы их сторонились, хотя птицы и прыгуны их пожирали.

Поселок основали не за холмами, окружавшими долину, а внутри. На второй день исследователи обнаружили пещеру и сквозь нее проникли в систему подземных ходов, через один из которых протекала река. Привыкшие к такому жилищу за годы, проведенные в Ущелье, они с радостью воспользовались открытием. Разбудили еще несколько человек, и началась работа по сборке машин и преобразованию пещеры в новый дом, который трудно было бы обнаружить извне. Разрушенная ферма постоянно напоминала об угрозе.

Из корабля вынесли еще три тела и похоронили рядом с Луи Скортом; похоронили прямо в ящиках, в которых они проделали путь. Но Кордов продолжал утверждать, что им очень повезло. Теперь работало пятнадцать мужчин, и десять женщин помогали убирать необычное зерно и делать жилой пещеру.

— Черт возьми! — Кимбер выбрался из моторной секции саней и попытался схватить что-то в воздухе.

— В чем дело? — начал Дард. Потом увидел, что рассердило пилота.

Прыгун торопился в заросли, сжимая в передних лапах что-то блестящее. Опять украл!

Дард прыгнул, и пальцы его сомкнулись на маленьком, отчаянно дергающемся теле, а тишину мастерской нарушил писк, похожий на крик. Юноша выпустил пленника, прижимая укушенную руку, но прыгун выронил украденный болт. Он побежал с пустыми лапами в кусты, невежливо комментируя происхождение и поведение Дарда.

— Лучше сходи, обработай укус, — заметил Кимбер, покорно принимая спасенный болт. — Не знаю, что делать с этими малышами. Тащат все, что могут поднять, а следить все время невозможно. Настоящие крысы.

Дард прижал раненую руку здоровой.

— Хотелось бы найти их нору или гнездо — где они держат свои находки. Должно быть, настоящая антикварная лавка.

— Если кто-то и сможет найти, так это ты, — сказал Калли из-за цилиндра, которым он занимался. — Заметил, Сим, — продолжал он, — как этот парень ходит? Готовь биться об заклад, он пройдет по полю бесшумно и не оставит никакого следа. Как ты научился этому полезному умению, приятель?

Дард был настроен серьезно:

— Трудным способом. Мы были вне закона. А знаете, эти прыгуны ужасно надоедливы, но я не могу не восхищаться ими.

Кимбер фыркнул:

— Почему? Потому что они знают, что им нужно, и добиваются этого? Они очень целеустремленные. Но хотел бы я, чтобы они были немного пугливее. Как уткособаки. Смотрят, но не приближаются. Иди, парень, пусть осмотрят твой палец. Рабочее время еще не кончилось.

Дард отыскал Карли Скорт, она готовила небольшой лазарет в стене второй пещеры; укус стерилизовали и покрыли пластиковой повязкой.

— Прыгуны! — Карли покачала головой. — Не знаю, как их отпугнуть. Вчера они украли нож-резак Труды и три катушки ниток.

Дард понимал ее отчаяние из-за этих потерь. Конечно, все это мелочи, но их невозможно восстановить.

— К счастью, они, кажется, боятся заходить в пещеры. Пока их внутри не было. Но таких настойчивых воришек я никогда не видела. Дард, выходя, загляни на кухню и прихвати еды для твоей группы. Труда уже должна была подготовить пакеты.

Юноша послушно миновал другие работающие группы и прошел во вторую маленькую пещерную комнату, где Труда возилась со множеством пластиковых контейнеров. Запах пищи заполнял воздух, и Дард почувствовал голод. После завтрака прошло уже много часов.

— А, это ты, — приветствовала его Труда. — Сколько в твоей группе?

— Трое.

Губы ее зашевелились, она считала, потом взяла контейнеры и поставила в сумку.

— Пожалуйста, принеси их назад. И не оставляй там, где до них могут добраться прыгуны!

— Хорошо, мэм. Вкусно пахнет.

Она гордо улыбнулась.

— Это золотые яблоки. Мы состряпали из них пудинг. Подожди, успеешь попробовать, молодой человек. Кстати, я вспомнила... где этот странный лист, Петра?

Темноволосая девушка, которая мешала варево в самом большом котле на печи, достала из кармана глянцеваый зеленый лист. По форме почти правильный треугольник, зеленый, с ярко-красными и желтыми прожилками.

— Видел когда-нибудь такие, Дард? — спросила Труда.

Он взял лист, с любопытством осмотрел его, потом покачал головой.

— Разотри и понюхай! — предложила Труда.

Он так и сделал, и запах пищи был поглощен другим, сильным чистым запахом, смесью трав и цветов; более приятного аромата он не припоминал.

— Можешь натереть кожу или волосы, запах очень стойкий, — сказала Петра.

— Никогда не догадаешься, откуда он у нас, — вмешалась Труда. — Расскажи ему.

— Я вчера собирала зерна в поле и увидела прыгуна, он ташил этот лист. Я подумала, что он украл что-то из нашей пищи, и погналась за ним. А он забрался в густые кусты, но лист выронил. Я подобрала его. Вначале мы подумали, что его можно есть, раз прыгун его ташил. Но у него просто приятный запах.

— Конечно, но, если хочешь пользоваться вниманием на кухне, отыщи, где растут такие, Дард, — подмигнула ему Труда. — На корабле мы отвыкли от хороших запахов, там пахнет химикалиями. Хочется иметь духи. Погляди по сторонам, когда отправишься в свою увеселительную поездку. Может, найдешь для нас. А сейчас — иди. Неси еду.

Дард вернул лист Петре и подобрал сумку с контейнерами. Выходя из кухни, он задумался. Что имела в виду Труда, говоря об «увеселительной поездке»? Насколько известно, он не собирается покидать долину. Или появились какие-то новые планы?

Он пошел к Кимберу, намереваясь добиться объяснений.

— Ланч? — Калли выбрался из-под цилиндра, когда Дард поставил сумку на землю.

Инженер вытер руки о траву, а потом о тряпку.

— Что для нас приготовили на этот раз?

— Пудинг из яблок, — нетерпеливо ответил Дард. — Слушай, Кимбер. Миссис Хармон что-то говорила о моем участии в экспедиции.

Сим Кимбер приподнял крышку сосуда с жарким и принялся к аппетитному содержимому, прежде чем ответить:

— Мы должны оправдывать свое содержание, парень. А мы с тобой ведь не специалисты, знаем только, как подкрадываться и пользоваться транспортными средствами, и нам придется этим заняться. Ты хорошо знал на Terre леса и горы и чувствуешь животных. Поэтому Кордов назначил тебя участником экспедиции.

Дард сидел неподвижно, не решаясь отвечать, боясь выдать охватившее его волнение. Он так старался в эти дни, подобно Хармону, интересоваться землей, помогать в работах в пещере.

Но машины, которые быстро собирались здесь, были ему совершенно чужды. Мужчины, собиравшие их, разговаривали на непонятном жаргоне, и ему казалось, что они говорят на иностранном языке.

Он так долго отвечал за других, за Ларса и Десси, за их пищу, их убежище, их безопасность. А теперь не отвечает даже за себя самого. Он начинал чувствовать себя бесполезным, ведь он так мало знает.

Вся его подготовка была направлена на то, чтобы оставаться живым в самых трудных условиях враждебного мира. И теперь ему казалось, что он ничего не может дать колонистам.

Он мечтал о том, чтобы уйти от этой тесно сложившейся группы, где чувствовал себя чужаком, уйти в этот новый мир, знакомиться с его чудесами, не важно, означает ли это поиски загадочных нор прыгунов или полет на санях за утесы. Ему хотелось исследовать неведомые земли, хотелось так сильно, что сама мысль об этом причиняла боль.

И вот Кимбер предлагает ему именно это! Дард не мог ничего сказать. Но, наверно, его взгляд, восхищенное выражение лица оказались достаточно красноречивы, потому что пилот посмотрел на него и тут же отвел глаза. Когда юноша смог взять под контроль свои чувства, он спросил, как ему показалось, спокойным и естественным голосом:

— А что ты планируешь?

— Вверх и через, — ответил Калли, прежде чем Кимбер проглотил большой кусок жаркого. — Нагрузим эту старую посудину, — инженер любовно похлопал по саням, — и посмотрим, что по ту сторону утесов. Главным образом поинтересуемся, следует ли ожидать посетителей.

— Мы... Кто это «мы»?

Кимбер назвал участников экспедиции:

— Я пилот. Калли будет заботиться, чтобы сани не вышли из строя. А Санти поможет нам своими крепкими руками.

— Поможет сражаться?... — Дард не успел закончить вопрос. Кимбер ответил:

— Убивать — не наша задача, если этого удастся избежать... — Он задумчиво смотрел на полную ложку. — Даже этих малышей... Калли! За тобой!

Инженер успел повернуться и выхватить небольшой ключ у пушистого вора.

— Даже этих малышей мы стараемся не трогать, — продолжал Кимбер, потом добавил, глядя на вспотевшего инженера: — Почему бы тебе не садиться во время работы на свои инструменты, Йорг? Я так и поступаю. — Он передвинулся, показывая набор мелких инструментов, которые закрывал своим телом. — Это неудобно, зато они всегда на месте, когда нужны.

Нет, — возвратился он к прежней теме, — мы никого не станем убивать, если этого можно будет избежать. Для спасения своих жизней, ради еды, если нет другого выхода. Но не ради забавы... или из-за опасений! — Губы его изогнулись в презрительной усмешке. — Забава! Главная забава человека — охота на другого человека! Человек понял это, приведя в ужас всю остальную жизнь на Терре. Наше племя убивало бессмысленно. Но теперь у нас есть возможность начать все сначала. Может, на этот раз мы будем благоразумнее. Санти — первоклассный стрелок, но это не значит, что он будет стрелять.

У Дарда был еще только один вопрос:

— Когда выступаем?

— Завтра рано утром. В последней вылазке за утесы два дня назад мы заметили что-то вроде дороги, она идет на восток по ту сторону. Может, это подходящий для нас ориентир.

К середине дня они закончили работу с санями и в оставшееся время готовили припасы и оборудование. Кимбер рассчитывал отсутствовать пять дней, лететь на восток в глубь материка, на окраине которого сел корабль.

— Та труба идет в том же направлении. Если это какой-то переносчик грузов в город — а я считаю, что так оно и есть, — мы можем найти там остатки цивилизации. — Голос Кимбера звучал приглушенно: пилот что-то регулировал за ветровой панелью саней.

— Да. — Санти добавил к припасам собственный небольшой рюкзак. — Но то, что мы увидели на ферме... здесь играли в жестокие игры. Нужно следить, чтобы нас не подстрелили, прежде чем мы покажем, что пришли с миром.

— Ферму разграбили очень давно, — вмешался Дард. — И почему грабители не вернулись, если они оказались победителями в войне? Хармон говорит, что земля богатая, такой любой фермер обрадуется.

— Солдаты не фермеры, — ответил Санти. — Я бы сказал, что грабила армия или какие-нибудь проклятые миротворцы. Те, что

привыкли хватать и убегать. Для этих парней земля ничего не значит. Но я понимаю, что имеет в виду Хармон. Если война кончилась, почему кто-нибудь не вернулся сюда и не восстановил хозяйство? Да, это имеет смысл.

— Может, никого не осталось, — предположил Дард.

— Сами себя уничтожили? — Выразительные брови Кимбера поднялись, он задумался. — Что-нибудь очень массовое, даже для крупной войны. Ожог уничтожил множество городов Терры, а во время чистки погибли те, кто мог бы их восстановить. Но все еще оставалось много людей. Конечно, они здесь технически нас опередили, на это указывает их способ доставки. Если они на нас похожи, значит, опередили и в производстве оружия. Ну, у меня есть предчувствие, что завтра или послезавтра мы это узнаем.

Стояли серые предрассветные сумерки, когда Дард сел, в ответ на призыв Калли. Он дрожал, но не от холода, а от возбуждения, скатывая свой спальный мешок и вслед за Калли пробираясь к выходу из пещеры и к саням.

Четверо исследователей торопливо позавтракали холодным мясом, Кимбер в это время разговаривал с Кордовом, Хармоном и Роганом.

— Пять дней, — говорил он. — Возможно, и больше. Дайте нам еще несколько дней на всякий случай. И не ищите нас, если мы не вернемся. Только примите меры предосторожности.

Кордов покачал головой.

— Мы никого не можем терять, Сим, больше никого. Но к чему нам такие разговоры? Я не верю, что вы можете не вернуться! У вас есть список растений и всего того, что нужно искать?

Вместо ответа Симба Кимбер коснулся нагрудного кармана. Калли занял место на втором сиденье и поманил Дарда сесть рядом. Когда Кимбер сел за приборы, на сани поднялся Санти и положил на свои массивные колени винтовку-шокер.

— Я буду слушать на всех волнах, — пообещал Роган. А Хармон сказал что-то — напоминание или прощание, когда Кимбер поднял сани в прохладный утренний воздух.

Дард был слишком возбужден, чтобы тратить время на прощания или оглядываться на безопасную долину. Он наклонился вперед, напрягаясь всем телом, словно хотел ускорить полет в неизвестное.

Они со скоростью бегущего человека двигались вдоль утесов, приближаясь к узкому концу долины. За каменной стеной начи-

нался лес, обнаруженный разведывательными группами ранее. Но проникнуть в него они не смогли: лес оказался слишком густой.

— Странное растение, — заметил Калли, глядя на пролетающие внизу вершины деревьев. — Ветка вырастает, сгибается, касается земли, отрастают корни, и прямо здесь растет новое дерево. И вся эта масса внизу, возможно, началась с одного дерева. И прорваться, прорубить дорогу в этой чаше невозможно.

На небе появились широкие розовые полосы. Вокруг саней закружилась стая нежно окрашенных птиц-бабочек, они сопровождали машину, пока та летела вдоль стены. Исследователи увидели под собой мрачное темно-зеленое одеяло, угнетающее в своей неизменной тьме. Разрастающиеся деревья создавали эффективную преграду с восточной стороны утесов, и была это не небольшая роща, а огромный, далеко уходящий лес.

— Вот здесь! — Санти показал вниз. — Вот оно! Деревья закрывают, но я бы сказал, что это дорога!

Узкая лента, покрытая каким-то светлым материалом и скрытая от наблюдения деревьями, шла точно на восток. Кимбер повел сани над ней.

Но прошел целый час, прежде чем они добрались до конца леса и ясно увидели потрескавшуюся и разбитую поверхность, которая служила им указателем пути. Она тянулась по открытой равнине, на которой тут и там виднелись купола, пустые и покинутые, заросшие зеленью.

— Никого, земля пуста, — заметил Дард, когда они пролетали мимо одного такого купола.

— Война или эпидемия, — сказал Кимбер. — все тут вычистила. И давно уже, судя по растительности и состоянию дороги.

Через два часа после вылета из долины они приблизились к тому, что могло быть деревней. И впервые увидели следы катастрофы, поразившей эту землю. В центре, среди куполов, видна была огромная яма. Ее окружали разрушенные, обвалившиеся здания, оплавленные, с признаками очень высокой температуры.

— Бомбардировка? — нарушил молчание Калли. — Все закончилось раз и навсегда. Здесь была война.

Кимбер не стал кружить над развалинами. Он увеличил скорость саней, подгоняемый тем же желанием, что охватило всех: поскорее узнать, что скрывается за неровным горизонтом.

Второй поселок, больше по размерам, тоже разрушенный, с полурасплавившимися зданиями, с кратером в центре, промелькнул под ними. Потом снова началась открытая местность, усеянная покинутыми фермами. Дорога наконец закончилась в городе, разрушенном и разбитом. Город на берегу залива: здесь море снова встретило исследователей, подойдя с северо-запада.

Рядом с темными стенами кратеров возвышались башни, расколотые, изогнутые, искаженные до такой степени, что трудно было определить их первоначальную форму. А на берегу не осталось буквально ничего, кроме гладкой поверхности, отражающей лучи солнца.

Волны моря били в эту поверхность, но края ее оставались нетронутыми — ни водой, ни временем. А дальше, в заливе, волны беспрерывно бились об остатки — судов? Или частей зданий, выброшенных туда взрывом?

Кимбер медленно кружил над паутиной древних улиц. Но разрушения такие сильные, что невозможно даже догадаться о назначении того, что видели путники. Груды расплавленного металла могли обозначать наземные транспортные средства; изъеденные эрозией детали свидетельствовали о древности катастрофы. И с саней исследователи не видели ничего, что могло бы быть останками живших здесь существ.

Они приземлились на заросшей травой полоске вблизи развалин здания, от которого остались три стены. На разрушенной ферме они чувствовали трагедию, страх и жестокость. Но здесь целый город — это слишком много, слишком бездушно. Такое полное уничтожение напоминает кошмарный сон.

— Атомная бомба, водородная бомба, нейтронная бомба. — Калли зачитывал список известного на Земле оружия. — Должно быть, все это у них было!

— И конечно, они были людьми — потому что пустили это оружие в ход! — злобно добавил Кимбер. Он выбрался из саней и остановился лицом к зданию. Стены его отражали солнце, словно сделанные из металла, но свет был мягкий, зеленовато-голубой, как будто здание построено из блоков морской воды. Пролет из двенадцати ступеней шириной с целый терранский квартал вел к могучему portalу, сквозь который видно было сияние солнца в помещении без крыши.

Вокруг портала проходила многоцветная полоска, цвета смешивались и чередовались странным образом. Возможно, это надпись, но она не имеет смысла — для глаз терранцев. Разглядывая ее, Дард почувствовал, что начинает что-то понимать. Возможно, это действительно надпись, а не просто украшение.

Глава 6

КАТАСТРОФА

Попытки пеших исследований оказались невозможны из-за груд развалин и опасности обвалов. Калли спрыгнул с одной груды, которая обвалилась под его весом, и тем избежал опасного падения в глубокую яму. Эти ямы обнаруживались всюду, они скрывались в основаниях города, и терранцы, пробираясь между руинами, могли заглядывать на несколько этажей под землю, в темноту, куда не достигают лучи солнца.

Выбитые из равновесия угрозой жизни технера, они вернулись к саням и без аппетита поели концентратов.

— Птиц нет, — неожиданно понял Дард. — Ничего живого.

— Угумм. — Санти каблуками взрыл траву и почву. — И никаких жуков. А в долине их много!

— Ни птиц, ни насекомых, — медленно сказал Кимбер. — Это место мертво. Не знаю, как вы, но с меня довольно.

С этим все согласились. Мрачная тишина, нарушаемая только грохотом обвалов, действовала всем на нервы.

Дард проглотил последний кусок концентрата и обратился к пилоту:

— Можно ли снимать микрофильмы?

— Зачем? Тебе нужны развалины?

— Хотелось бы поискать цветные полосы, как та, у дверей, — ответил Дард. Возможно, мысль о том, что эти полосы имеют какое-то значение, глупа, но он не мог от нее отделаться.

— Ладно, парень. — Кимбер достал небольшую камеру и направил ее на место, освещенное солнцем. — Я ничего не вижу. Но, может, что-то в этом есть.

Это был единственный кадр, сделанный с поверхности. Но когда снова поднялись в воздух, Калли принялся снимать с высоты птичьего полета всю область разрушений.

Они приближались к окраинам города, когда Санти вскрикнул и коснулся руки Кимбера. Они летели над улицей, меньше других загроможденной обломками, и внизу что-то двигалось.

Спускаясь, сани вспугнули стаю серых четверолапых существ, которые скрылись в развалинах, оставив на окровавленной мостовой свою добычу.

— Фью! — Калли закашлялся, а Дарда затошнило от зловония, которое донес ветер. Они оставили сани и собрались вокруг обнаженных костей и гнилой плоти.

— Убито не сегодня, — без всякой необходимости заметил Кимбер.

Дард обошел окровавленное место. Мертвое существо большое, размером с терранскую лошадь, а скелет, хоть и поврежденный, свидетельствует о четырех ногах с копытами. Но юноша пошел взглянуть на череп, на котором еще остались изодранные и покрытые кровью волосы. Он прав: над глазницами торчат два рога. Это рогатая лошадь, как та фигура из игры!

— Двурог? — произнес пилот.

— Что? — переспросил Санти.

— В старинных книгах на Терре упоминается сказочное животное. У него был посреди лба один рог, но в остальном оно как лошадь. У этой лошади два рога, значит, она не единорог, а двурог. Но вот эти, которые тут кормились, они маленькие для такой крупной добычи.

— Да, если у них нет пушки. — Дард наклонился, взглядываясь в участок позвоночника за черепом. Он раздавлен, словно тут его зажали в гигантских тисках.

— Раздавлен! — согласился Кимбер. — Но кто мог это сделать?

Калли разглядывал тело.

— Велико для лошади.

— На Терре были породы высотой от ста семидесяти до двухсот сантиметров в плечах и весили они около тонны, — возразил Кимбер. — Этот примерно такого размера.

— А какой зверь так велик, что может раздавить позвоночник тонне мяса? — поинтересовался Санти. Он вернулся к саням и взял свою винтовку.

Дард прошел по следам от дурно пахнущего тела. В нескольких шагах он обнаружил то, что искал: следы, доказывавшие, что тело протащили по меньшей мере половину городского кварта-

ла. И на почве, нанесенной на мостовую улицы, отчетливо выделялись следы. Отпечатки копыт двурога местами перекрывались другими — три длинных когтистых пальца, пространство между ними чуть задето, словно они соединены перепонкой. Дард опустился на колено и прижал ладонь к самому ясному отпечатку. Расставив пальцы во всю ширину, он с трудом накрыл отпечаток.

— Похоже на след цыпленка, — заметил подошедший сзади Санти.

— Скорее ящера. Я видел такие следы у полевых ящериц. Конечно, не такого размера.

— Еще один дракон — большего размера? — предположил Калли.

Дард покачал головой, вставая и глядя на след.

— Этот зверь не летает, а бегает. Но я уверен, он очень опасен.

Слева послышался шум. Санти развернулся, держа винтовку наготове. С ближайшей груды развалин покатился камешек и ударился о пожелтевшие зубы черепа.

— Кому-то не терпится возобновить прерванный обед. — Калли рассмеялся, но его смех прозвучал неестественно в этом окружении.

Кимбер вернулся к саням.

— Позволим им вернуться за стол. Здесь слишком много укрытий. — Он оглядел окружающие развалины. — Я лучше себя чувствую на открытой местности. Там я увижу большую ящерицу раньше, чем она увидит меня.

Но когда они поднялись в воздух, Кимбер не повернул вглубь, напротив, полетел вдоль берега залива на северо-запад. Развалины внизу стали реже, пошли изолированные дома, купола или башни, но в лучшем состоянии, чем в центре города. Показались полоски одичавших цветов. Маленькие ручейки вились между ними. Дард был уверен, что это остатки парка. Волшебные башни, слишком тонкие, чтобы противостоять тяготению планеты, нацелились бесполезными пальцами в небо.

Однажды сани с полмили летели над дворцом. Но застывшая расплавленная масса разделяла это здание надвое. Никто не выразил желания сесть и осмотреть развалины. Тут слишком высокие деревья, между ними много теней. Парк может скрывать ужас, готовый накинуться на неосторожных.

Разрушенный город остался сзади, внизу зеленая холмистая равнина и аквамарин моря. Все меньше куполов видно среди зелени, да и те, вероятно, фермы. Появились птицы, словно призрачный ужас города сюда не дотягивался. Берег моря снова повернул, но Кимбер не последовал за ним на запад. Он свернул на восток, через поля, которые делились на правильные участки старыми живыми изгородями. На одном из таких полей путники увидели первых живых двурогов, четверых взрослых и двух жеребят; впрочем, все четверо были гораздо меньше великана, скелет которого привлек внимание исследователей в городе.

Животные одинаковой масти, никаких следов разнообразия, присущего терранским лошадям. Шкура синевато-коричневая, со стальным оттенком, спутанные гривы падают на спины, а брюхо и верхняя часть ног серебристые. Рога серебряные, словно сделанные из настоящего драгоценного металла.

Когда сани зашумели над ними, самый большой двурог поднял голову и вызывающе заржал. Потом, подталкивая остальных вперед, галопом устремился по наклонному полю к изгороди на дальней стороне, за которой виднелась роща. С грациозной легкостью все бегущие животные перепрыгнули через изгородь и исчезли под деревьями. Но с другой стороны рощи не показались.

— Хорошие бегуны, — отдал им должное Калли. — Как вы думаете, они всегда были дикими или это одичавшие потомки домашних животных? Хармону захочется заполучить парочку. Он очень расстроился, когда узнал, что не удалось разбудить тех двух жеребят, которых мы привезли с собой.

— Тот большой — боец. Заметили, как он трясет рогами? — спросил Санти. — Не хотел бы я, чтобы он застал меня в открытом месте.

— Странно. — Дард смотрел на дальний конец рощи. Он удивился: — Я думал, они будут продолжать бежать. Но они остались на месте.

— В укрытии. В безопасности от угрозы с воздуха, — сказал Кимбер. — Что предоставляет не очень приятные перспективы.

— Большой летающий дракон! — Дард присвистнул, поняв мысль Кимбера. — Зверь размером с сани. Но он слишком велик, чтобы летать своей силой!

— В прошлом на Терре летали и крупные животные, — напомнил пилот. — И, возможно, они боятся не живого существа. Машины. В любом случае нам нужно опасаться.

— Но ведь эти летающие существа давно были в нашей истории, — возразил юноша. — Неужели такие примитивные существа могут жить рядом с человеком, вернее, с теми, кто построил город?

— Откуда нам знать, кто может здесь жить? Или, если город разрушен радиоактивными взрывами, какие возникли мутации? Или кто летает в машинах?

Поскольку двуроги упрямо оставались в укрытии, исследователи отказались от наблюдения за ними и полетели на восток, оставив позади заходящее солнце; длинные тени пересекали их маршрут.

— Где заночуем? — спросил Санти. — Где-нибудь здесь?

— Я бы не возражал, — ответил Кимбер. — Там дальше река. Можем найти хорошее место на берегу.

Река оказалась мелкой, с прозрачной водой, так что с воздуха хорошо видны были камни на ее дне. Неровная полоса водяных растений покрывала берег до начала каменистых утесов. Сани достигли места, где река разливалась неглубоким озером; солнце отражалось от обширного водного пространства. В озеро стекали ручьи, образуя миниатюрные водопады; нашлась ровная площадка, свободная от камней и пригодная для посадки саней.

Калли потянулся и улыбнулся.

— Хорошо. Ты умеешь выбирать место, Сим. Есть даже пещера для ночлега!

Место, на которое он указывал, не было настоящей пещерой, скорее защищенным углублением под нависающей скалой. Но оно создавало ощущение безопасности, когда они развернули у дальней стены спальные мешки.

Это была первая ночь, которую Дард провел под открытым безлунным небом, и он обнаружил, что тьма его угнетает, хотя звезды образовали новые рисунки созвездий. Разожгли костер из речного плавника. Но за его пределами тьма была густой.

Костер превратился в груды мерцающих углей, когда Дарда разбудил дикий вой. Звук повторился, и ему ответил другой такой же со стороны реки. Дард был уверен, что услышал шум потревоженного гравия на откосе. Еще один громкий вопль заставил его вздрогнуть, и Кимбер бесшумно зажег карманный фонарик.

Луч осветил странное двуногое существо. Примерно четырех футов ростом, все тело покрыто пушистой шелковистой шерстью, которая гуще на спине и конечностях; шерсть от испуга встала дыбом. Три четверти морды занимают глаза, круглые, без заметных век. На морде животного с клыкастой пастью не видно носа. Руки с четырьмя пальцами поднялись, закрывая глаза, существо застонало, и стон перешел в вопль. Но бежать оно не пыталось, луч держал его в плену.

— Обезьяна! — воскликнул Санти. — Ночная обезьяна!

В луч фонарика начали влетать насекомые, большие крылатые мотыльки, некоторые размером с птиц. И с их появлением ночной обитатель ожил. С кошачьей ловкостью он подпрыгнул, поймал двух мотыльков и устремился во тьму с низким рычанием, говорящим, что он не отдаст свою добычу. Кимбер продолжал светить, в луч влетало все больше насекомых, они образовали целое облако, приближающееся к исследователям. А по краям луча стали видны круглые фосфоресцирующие глаза. И мохнатые лапы ловили насекомых. Торжествующие взвизгивания приветствовали каждый удачный бросок; по-видимому, на охоту собралось множество существ. Кимбер выключил фонарик, прежде чем первая волна насекомых достигла терранцев.

Шорох крыльев заглушил резкий вой. Но когда свет не зажегся снова, четверо людей услышали скрип гравия и затихающий вой «обезьян», уходящих вниз по реке.

— Надеюсь, на сегодня представление окончено, — сонно сказал Калли. — Расторопный парень заработал бы целое состояние, продавая этим ребятам фонарики для приманки насекомых.

Дард снова опустил голову на толстый край спального мешка. А что, если эти «обезьяны» достаточно разумны, чтобы торговать с терранцами? Можно ли установить с ними контакт? На человеческий взгляд прямая походка и использование рук делали их более подходящими, чем любые другие местные существа, каких пришлось до сих пор видеть терранцам. Но, конечно, не эти существа построили город. Однако ходят они прямо и достаточно умны, чтобы оценить пользу света для своей охоты. Если они настоящие ночные существа, если их большие глаза пригодны только для темноты, увидят ли их снова терранцы?

Дард все еще размышлял над этим, когда погрузился в сон и снова оказался перед разрушенными зданиями города. Он разглядывал сбивающиеся с толку цветные линии. Но на этот раз

цветная полоса имела смысл, и он почти уловил его, когда услышал за собой звук. Не смея повернуть голову: он знал, что смерть принохивается к его следу, — Дард побежал на подгибающихся свинцовых ногах. А смерть безжалостно гналась за ним. С разрывающимися легкими он свернул за угол, оказался на другой улице, тоже усеянной обломками, и увидел разбегающиеся от кровавой добычи серые тени. Он поскользнулся, упал... Проснулся с дико бьющимся сердцем, с телом, покрытым липким холодным потом. Светало. Видна была текущая вода, остатки вечернего костра. Дард осторожно выбрался из спального мешка и выполз из пещеры.

Потом подошел к воде и плеснул на голову и руки, плескал до тех пор, пока холод не смыл страх ночного кошмара. Дрожа от холода, Дард прошел по берегу к водопаду.

По черному камню поднимались вьющиеся растения, цепляясь крошечными усиками за гладкую поверхность. Лианы серого цвета и без листьев, только на самом верху, у вершины утесов, росло несколько листьев. С каждого главного стебля свисает множество корешков.

В углублении, образованном стеблями нескольких лиан, Дард сделал находку. Более яркая зелень говорила об ароматном растении, которое просила поискать Труда Хармон! Треугольные листья, глянцеватые и яркие на тусклом фоне, свисали с алых стеблей. И еще стручки с семенами! Они свисают, красные и желтые, под тяжестью своего содержимого, свисают в пределах досягаемости. Юноша сорвал три стручка и протянул руку за четвертым.

И только тут заметил движение внизу, на земле; там что-то беспомощно билось. Два корешка, размером с мизинец, держали бьющегося прыгуна. Глаза животного болезненно выпятились, и из пасти показалась кровавая пена. Дард достал нож и ударил по белым нитям. Но сталь не разрежала их. Отскочила, словно он пытался перерезать тупым концом. И прежде чем он смог замахнуться снова, толстый стебель обмотался вокруг его запястья и потащил к утесу. И тут же мгновенно ожили остальные свисающие стебельки, те, что поближе, обвивались вокруг его тела, те, что дальше, вытягивались и напрягались, так что превратились в прямые линии. Дард обнаружил, что каждый стебелек снабжен крошечными шипами, которые рвут кожу, причиняя отчаянную боль. Он кричал и бился, но все его старания, казалось, только

приближали его к другим сосущим стеблям; Дард уже был совершенно беспомощен, когда услышал крики и увидел бегущих к нему товарищей.

Но, прежде чем они подбежали, он сумел высвободить свой нож и начал рубить удерживающие его щупальца. Потом остановился: растение само отпускало его. И через минуту последний и самый большой стебель неохотно отделился.

— Что случилось? — крикнул Санти. — Почему эта штука тебя отпустила?

Там, где растение коснулось тела, оставались красные пятнышки, из которых сочилась кровь и стекала ручейками по рукам, горлу и одной щеке. Но те лианы, что отпустили его, быстро чернели, съеживались, распадались на части! Растение отведало его крови и отравилось!

— Отравилось! Я его отравил!

— Радуйся, счастливец! — рявкнул Кимбер. — Тебе повезло. А этим нет! — Он пнул гравий, разбрасывая кости и маленькие черепа.

Пилот обработал раны Дарда и строго сказал:

— Отныне держимся вместе. На этот раз уцелели. Но второй раз может не повезти. Держаться вместе и ничему не доверять, пока не увидим в действии!

Но когда в тот же день на них обрушилась катастрофа, все они были вместе и ничего не подозревали. Они двигались вдоль сонного ручья, используя его в качестве проводника назад к утесам, и в середине утра увидели горную цепь, пурпурно-голубую на фоне неба. Насколько можно было видеть с саней, горы тянулись с севера на юг.

Возможно, если бы терранцы не вглядывались так пристально в эти горы, они смогли бы заметить что-нибудь внизу и получить предупреждение. А может, и нет. Человек, ведущий войну, проявляет величайшее коварство.

Первое указание на опасность пришло одновременно с ударом, который сбил их с неба на землю. Резкий грохот, и сани подскочили, словно на них обрушился удар гигантской дубины. Машина начала падать, Кимбер сражался с приборами, пытаясь вывести сани из штопора. Если бы пассажиры не были привязаны, их выбросило бы в первые же секунды этого дикого спуска.

Дард пытался понять, что происходит; его ослепила вспышка яркого света. Снова разрывы, их словно захватили в артиллерий-

скую вилку, кто-то закричал от боли. Дард понял, что они падают, и инстинктивно закрыл голову руками. Последовал удар, и он потерял сознание.

Он не мог долго быть без сознания, потому что, когда поднял голову, Калли еще ошеломленно путался в ремнях, пытаясь высвободиться. Дард плюнул, чтобы прочистить рот, и увидел, как о землю ударился комок крови и зуб. Он расстегнул пояс и вслед за Калли вывалился из саней. Перед ним Санти склонился к Кимберу, у того все лицо было залито кровью из пореза на лбу.

— Что случилось? — Дард вытер подбородок и обтер окровавленную руку. Губы и подбородок болели.

Кимбер открыл глаза и ошеломленно посмотрел на остальных. Но тут в глазах его появилось сознание, и он спросил:

— Кто нас сбил?

Санти держал винтовку в руках.

— Это я и собираюсь узнать. И немедленно!

И прежде чем остальные смогли возразить, он исчез, углубился в долину, на которой они приземлились, перебегая от укрытия к укрытию. С того направления донесся еще один взрыв, потом наступила тишина.

Дард и Калли вытащили Кимбера из саней. Правая рука пилота была окровавлена, у плеча рваная рана. Раскрыли медицинскую сумку, и инженер занялся работой, так что Дарду нечего было делать. Когда Кимбера уложили на спальный мешок, Калли принялся осматривать сани. Он снял крышку двигателя и всматривался внутрь, велел Дарду посветить фонариком. Лицо его помрачнело.

— Насколько плохо? — спросил Кимбер. На его темном лице появилась краска, он приподнялся на локте.

— Не самое плохое, но около того. — Слова Калли прервал выстрел из-за деревьев, в которых исчез Санти.

Великан возвращался, шел он открыто, держа винтовку на сгибе руки, как будто опасаться было нечего.

— Друзья, это настоящее безумие. Там, внизу, батарея. Небольшие пушки, легкие полевые орудия. И никого живого. Пушки выстрелили в нас сами по себе!

— Автоматическое управление, его активировали наши сани! — воскликнул Калли. — Ручаюсь, что-то типа радара! Рогану нужно было бы быть здесь.

— Вначале нам самим нужно до него добраться, — мрачно заметил Кимбер.

Сани вышли из строя, и предстоит преодолеть несколько сотен миль по незнакомой местности. Неплохое путешествие, подумал Дард. Но воздержался от замечаний вслух.

Глава 7

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Интересно, много ли тут еще таких ловушек. — Калли подозрительно взглянул на долину.

— Вряд ли много, — слабым голосом ответил Кимбер. — Всего лишь случайность, что эти пушки еще действуют...

Голос его был поглощен взрывом, от которого дрогнула земля. Дард видел, как в долине взлетели на воздух земля, деревья и обломки, ветер донес едкий бело-желтый дым.

— Вероятно, это конец батареи, — заметил в наступившей тишине Кимбер. — Она сама взорвала себя.

— Ей нужно было сделать это раньше! — проворчал Санти. — Гораздо раньше! Как мы уберемся отсюда? — Он повернулся к Калли, который возился у саней.

— Сложная проблема. Сани поднимутся в воздух, да. Но не с полным грузом. Если все с них снять, полететь могут двое, да и то над самой землей.

Санти с улыбкой взглянул на остальных:

— Ну, ладно. Двое пойдут пешком. Другие двое поедут.

Кимбер нахмурился, но неохотно согласился:

— Придется поступить так. Те, что полетят в санях, через полдня пути будут устраивать лагерь и ждать, пока догонят остальные. Мы не должны терять связь. Как думаешь, можно ли вызвать Рогана?

Калли извлек небольшое устройство связи. А Кимбер, действуя левой рукой, настроил его. Но ответа не было. Инженер поднял ящичек и осторожно потряс. Все услышали слабый звон, который положил конец надеждам связаться с товарищами у моря.

Лагерь на ночь разбили там, где их остановили последствия давно прошедшей войны. Санти и Дард еще раз навестили скрытую батарею. Две пушки наклонились под необычным углом, их

зарядный механизм был разорван, а за ними находилась свежая воронка, из которой еще поднимался дым.

Терранцы осмотрели установки. Если их и создали люди или другие разумные существа, то это было очень давно. Дард, не очень разбирающийся в механике, поверил, что они управляют-ся автоматически. Может, недостаток живой силы вообще превратил эту войну в сражение автоматов.

— А вот здесь что-то есть!

Возглас Санти заставил Дарда выйти на открытое место. Взрыв вскрыл поверхность, и хитрая маскировка не скрывала больше ведущие вниз ступени. Санти зажег фонарик и начал спускаться. Ступеньки узкие и невысокие, как будто те, кто по ним должен спускаться, меньше терранцев. Внизу исследователи оказались в помещении с металлическими стенами. Вдоль одной стены панель управления, напротив нее небольшой стол и один-единственный стул без спинки. В остальном помеще-ние пусто.

— Должно быть, включили автоматику и ушли. Этот металл совсем не ржавеет. Но ушли отсюда давно...

Санти провел лучом фонарика по панели, и Дард увидел ле-жащий на столе предмет. Он подобрал находку, когда его рослый спутник начал подниматься на свежий воздух.

В его руках оказались четыре листочка кристаллического ма-териала, соединенные вместе в верхнем левом углу. И на каждом листке, словно вделанные в материал при изготовлении, тяну-лись разноцветные полосы, похожие на те, что Дард видел у дveri здания. Инструкции? Приказы? Может быть, Иные выражали свои мысли таким образом? Он сунул находку в карман, решив сравнить ее с изображением на микрофильме.

На следующее утро начали выполнять план Санти. Раненый пилот оставался в саях, вместе с Калли, сидевшим за управле-нием. Припасов оставили минимум и разделили между саями и двумя рюкзаками Дарда и Санти.

Сани двинулись на юг над самыми вершинами деревьев. Они будут лететь на минимальной скорости в том же направлении до полудня, затем остановятся и подождут идущих пешком.

Дард надел рюкзак и проверил курс по компасу. Санти, с рюкзаком и винтовкой в руках, шел за ним. Они двинулись бы-строй походкой, к которой Дард привык в лесах Терры, а сани уже исчезли за подъемом.

Идти по большей части было легко. Заросли не создавали непроходимых преград, а вскоре встретилась и старая дорога, которая шла в нужном направлении, и по ней можно было идти еще быстрее. Из высокой травы выскакивали насекомые, путников тут же заметили несколько прыгунов.

Незадолго до полудня дорога резко повернула на запад, к отдаленному морю, и терранцы снова двинулись полями. Им повезло, они наткнулись на ферму, где два дерева сгибались под тяжестью золотых яблок. Пробившись сквозь копошение полупьяных птиц, насекомых и прыгунов, включая неизвестную им ранее, более крупную разновидность, терранцы набрали плодов, которые утоляли не только голод, но и жажду. И запаслись фруктами для тех, кто на санях.

Санги с довольным вздохом впился зубами в мякоть.

— Знаешь, я все думаю: куда они все подевались? Тут, конечно, была большая война. Но ведь должны остаться уцелевшие. Всех убить невозможно!

— А если они использовали газы или какие-нибудь микробы... вредное излучение? — спросил Дард. Никаких следов выживших ни в развалинах города, ни на фермах.

— А мне кажется, — заметил рослый стрелок, тщательно облизывая пальцы, — что они все собрались и ушли, как мы из Ущелья.

Когда они покинули ферму, характер местности изменился. Появились участки песчаного гравия, они становились все больше. Деревья сменились колючими кустами, показались такие же блестящие черные скальные выступы, как тот, возле которого росло растение-убийца. Когда путники остановились передохнуть на вершине холма, Санги принялся осматривать местность.

— Похоже на пустыню. Хорошо, что мы прихватили яблоки. Здесь может не оказаться воды.

Стало жарко, жарче, чем на сине-зеленых полях, потому что песчаная почва меньше поглощала солнечный свет. Кожа Дарда, натертая лямками рюкзака, болела, когда ее касались капли пота, стекающие меж лопаток. Он облизал губы и почувствовал соленый вкус. Замечание Санги о воде вызвало жажду.

Внизу находилось ущелье. Дард помигал и тыльной стороной ладони потер глаза. Нет, это не обман зрения, не мерцание жары, на дне ущелья ярко отражается солнце. Он обратил на это внимание Санги, и тот направил бинокль.

— Рельс! Но почему только один?

— Можем спуститься, — заметил Дард. — Посмотрим, что это такое.

Они с трудом спустились и убедились, что единственный рельс выходит из отверстия туннеля в стене ущелья и идет к другому туннелю в противоположной стене. Неспособные обнаружить что-нибудь еще, они поднялись по противоположной стене ущелья и двинулись дальше на юг.

Уже после полудня они заметили поднимающийся в небо столб дыма — условный сигнал тех, что на санях. Пошли быстрее и вскоре вышли на плоскую вершину, к лагерю.

— Сколько же будет продолжаться такой путь? — спросил Санти, когда все принялись поедать золотые яблоки.

— Для вас еще один полный день пути и, может быть, половина следующего. При такой скорости быстрее не придем, — ответил Кимбер. — Йорг снова занимается двигателем. Но без инструментов много не сделаешь.

Рослый человек улыбнулся.

— Ну, наши пластаботинки хорошо держатся. Можем побродить еще немного. А бояться здесь нечего.

— Не будь так беззаботен, — предупредил пилот. — Вы двое смотрите в оба. Тут может быть много ловушек. С тех пор как нас подстрелили, я не доверяю даже чистому небу.

Второй день пути последовал за первым. Идти по пустыне стало труднее, поэтому пройти удалось меньше.

Голова у Дарда закружилась, ноздри расширились, когда он по ряду карнизов начал спускаться в ущелье с песчаным дном. Снизу поднимался густой отвратительный запах. И этот запах он помнит! Разлагающиеся останки двурога! Внизу лежит мертвое тело! Санти подошел к Дарду.

— Чего ты остановился?

— Чувствуешь запах?

Бородатое лицо Санти сморщилось.

— Здорово воняет! Что-то мертвое!

Дард внимательно разглядывал поверхность вниз. Если попытаются обойти это место, на такой неровной местности потратят многие часы. В конце концов, после убийства, если тут произошло убийство, должно было пройти несколько дней. Он решил предоставить решение Санти.

— Спустимся?

— Потратим много времени, если будем обходить. Я думаю, надо спускаться.

Но спускались они осторожно, а когда Дард столкнулся с большой камешек и он с шумом полетел вниз, оба на несколько секунд застыли, прислушиваясь. Звуков снизу не было слышно, ничего, кроме этого ужасного, выворачивающего желудок запаха.

Санти взял в руки винтовку, а рука Дарда потянулась к поясу. Сегодня утром Калли дал ему лучевой пистолет, считая, что лучшим путникам оно окажется полезнее. Теперь, положив руку на ложе, Дард был очень рад, что с ним оружие. Что-то есть в этом зловещем месте, сама его тишина предвещает опасность.

В конце узкого ущелья густая заросль кустов; растения свидетельствуют о наличии влаги, хотя листва у них сероватая, нездоровая.

Двое как можно незаметнее пробрались через кусты и увидели ручей. Минеральные соли покрывали края заполненного водой углубления, а по берегам ручейка, текущего в долину, лежал зеленоватый порошок.

Химические испарения заполняли воздух, но не могли скрыть другого тяжелого запаха.

Следовало бы тут же подняться по противоположному склону и продолжить путь, но подходящих карнизов для подъема не было, поэтому они пошли дальше вдоль ручья в поисках более легкой пути.

Вода разливалась неглубокой заводью с широкими краями ядовито-зеленого цвета.

А по ту сторону заводи, полупогрузившись в песок, виднелись кошмарные существа!

Тусклая желтовато-зеленая кожа покрыта чешуйками — признак пресмыкающихся. Но эти существа, греющиеся на солнце, не так отвратительны, как змеи, от которых инстинктивно, под действием врожденного страха, отшатывается человек. Эти — подлинное воплощение зла. Наевшись, они впали в оцепенение над останками своего пира, и именно от этих останков исходил тяжелый запах, говоря о том, что это давно используемое логово.

Дард определил, что животные от семи до десяти футов длиной. Задние ноги, заканчивающиеся широкими лапами с перепонками, простые костяные столбы с прикрепленными мощными мышцами. Короткие окровавленные передние лапы ужасно

напоминают человеческие руки, они свисают над выступающим брюхом, и каждый палец заканчивается когтем в десять дюймов длиной. Но хуже всего головы, слишком маленькие для такого тела, голые, сидящие на длинной стройной шее, словно кобра с головой ящера.

Когда люди остановились, свисающая кожа на брюхе одного кошмарного чудовища откинулась, из мешка выбралась маленькая копия, побрела к воде и, вытянув морду, принялась пить. Но после первого глотка какой-то инстинкт предупредил ее о наблюдателях. С резким шипением она бросилась назад к матери. Голова матери взметнулась, начала раскачиваться, как у змеи, готовящейся к броску.

Дард отпрыгнул, потащив за собой Санти. Вскоре их отступление остановила стена ущелья, однако они не смели повернуться спиной к чудовищу, чтобы карабкаться вверх.

Существо за заводью встало, теперь оно было намного выше людей. Ударом лапы отбросило детеныша на безопасное расстояние и быстро повернулось, разбрасывая окровавленный песок. Плоская змеиная голова опустилась на уровень плеч, и из зубастых челюстей послышалось шипение, которое все набирало силу и вскоре напоминало свист парового гудка.

Боевой крик поднял других спящих чудовищ. Но они поднимались вяло, слишком отяжелевшие после пира.

Санти выстрелил. Нервно-парализующий заряд шокера пришелся между желтыми немигающими глазами. Череп разлетелся, брызнула зеленая жидкость. Но существо побрело через заводь, выставив когтистые лапы. Оно должно было бы умереть. Однако с разбитым пустым черепом, ослепшее, продолжало идти!

— В голове нет мозга! — крикнул Дард. — Прыгай!

Они прыгнули в разные стороны. Приближающийся ужас ударил лапой по скале и вцепился в нее. Остальные трое казались нерешительными. Они свистели, поднимая и опуская змеиные головы. Одно попробовало присоединиться к схватке на другом берегу заводи, но потом отступило.

Не смея дольше колебаться, Дард тщательно прицелился и направил зеленый луч в грудь чудовищу, которое переступало с ноги на ногу справа от него. Нужно было расчистить путь мимо пруда: возвращаться мимо других чудовищ смертельно опасно.

С диким криком добыча Дарда прижала обе лапы к дыре, оставленной лучом, повернулась и упала в воду, подняв фонтан

мутной кровавой жидкости. Тем самым она привлекла внимание других, и Дард решился присоединиться к Санти.

Вместе люди начали пятиться вдоль утеса, стремясь пройти в долину за заводью. Несколько минут казалось, что они пройдут, не замеченные остальными чудовищами. Одно из чудовищ занялось телом в воде. Но когда другое попробовало приблизиться к нему, первое оскалило клыки и выставило когти, заставляя опоздавшего отступить с сердитым шипением. И тут, поворачивая голову направо и налево, отступающий заметил терранцев. И прыгнул к ним. Скорость и длина прыжка пугали. Терранцы забрались под укрытие из камней. Вторая пуля Санти проделала отверстие в чешуйчатой груди преследователя, не замедлив его приближения. Дард нажал кнопку лучевого пистолета. Но ответом был слабый луч. Он пришелся в голову, срезав часть черепа и один глаз и перерезав шейные мышцы, так что голова свесилась набок.

Дард выстрелил снова — безрезультатно. Должно быть, заряд истощился! В ушах загудело: это рядом выстрелил Санти. Но пуля лишь задела плечо извивающегося тела. Отчаявшись, люди разбежались и попятились, стараясь не споткнуться на неровной почве. Они находились в середине ущелья, на тропе, протоптанной ногами чудовищ.

Крик преследователя был поддержан другим воплем. Второе чудовище присоединилось к первому.

— Впереди... три... четыре... ярда.. — Дард говорил, задыхаясь. — Дыра... слишком... маленькая...

Он сосредоточился на том, чтобы добраться до убежища. Санти бежал рядом. Отверстие круглое, из него выходит монорельс древней транспортной системы. Люди бросились в отверстие, карабкались в глубину, пока Дард не уперся в какой-то тяжелый предмет; тот подался так неожиданно, что Дард упал лицом вниз, воздух с шумом вырвался у него из легких.

Придя в себя, он сел, голова кружилась. Туннель заполнился грохотом выстрела.

— Одного наконец свалил! И он перекрыл доступ сюда, хотя бы на время. Но тут не безопасно, они могут протиснуться сюда. Что за... — Великан закончил восклицанием, полным гнева и страха.

Дард смог наконец спросить:

— В чем дело?

— Я выстрелил последним зарядом. У тебя есть еще заряд для лучевого пистолета?

— Нет.

— Тогда лучше попробуем выбраться с другой стороны туннеля. Судя по звукам, они извлекают мертвого — по частям! И когда кончат, снова примутся за нас...

— Посвети. Тут что-то впереди. И оно движется...

Дард осторожно протянул руку — и коснулся гладкого металла. А когда Санти зажег фонарик, впереди оказался цилиндр, похожий на тот, что они извлекли из трубы. Но этот оканчивался стабилизатором, в углубление которого проходил монорельс. Мимо цилиндра пробраться было невозможно, расстояние между его стенками и стенами туннеля всего несколько дюймов. Придется толкать его перед собой, чтобы выйти с противоположной стороны.

Они работали минут пять, потом от сильного толчка вагон откатился и со звоном уперся во что-то. И как они ни толкали, дальше продвинуть его не смогли. Дард прижался к стене и попытался осветить в щель пространство за вагоном.

— Там обвал!

Санти грязной рукой потер подбородок.

— Застряли? Давай посмотрим на стены.

В нескольких шагах назад он нашел нишу, не слишком просторную и все еще содержащую набор странной формы инструментов. Санти пнул их в сторону.

— Помещение для ремонтников, — пояснил он. — Я так и думал, что мы его найдем. Теперь попробуем протолкнуть вагон назад и посмотрим, что там за обвал.

Толкать перед собой вагон было трудно. Но еще труднее тащить назад, тем более что не за что было ухватиться на его гладкой поверхности. К тому же мешала теснота. Люди ломали ногти и ранили пальцы. Упрямый вагон двигался с раздражающей медлительностью. А звуки снаружи говорили, что тело, загородившее проход, быстро исчезает.

Наконец они настолько оттащили вагон, что смогли выйти из ниши за ним. Не взяв рюкзаки, они побежали к месту обвала и наткнулись на плотный завал из земли и камня. Санти принялся копать ложем винтовки, но сумел отковырнуть один-два комка. Чтобы прокопать проход, нужны инструменты и время, а ни того, ни другого нет. Великан вынужден был признать это.

— Там осталось два существа. И если какое-нибудь проберется сюда, начнет толкать вагон прямо на нас. Не хочу, чтобы меня раздавило.

Он похлопал по вагону. Дард торопливо пошел за ним. Ему не хотелось думать о картине, нарисованной Санти: ящеры толкают вагон прямо *на них!* Он понятия не имел, что задумал Санти, но любое действие сейчас лучше простого ожидания конца.

— Ну, ладно. — Санти положил руки на заднюю стенку вагона. — Положи фонарик и толкай! Сейчас мы удивим ящериц. И я надеюсь, сюрприз будет неприятный!

Дард выронил фонарик и приложил руки рядом с Санти. Вместе они изо всех сил надавили на вагон. Он двинулся, гораздо легче, чем раньше. Негромкий гул перешел в устойчивое жужжание. Вагон набирал скорость, двигался от них.

— Мы его запустили! — Возбужденный крик Санти объяснил, что происходит. Великан схватил Дарда за руку и удержал его, а вагон вырвался из отверстия.

Последовал удар и свистящий крик. И тут они увидели круг света, обозначающий выход. Вагон и осаждающие ящеры исчезли!

Глава 8

ВОДЯНОЙ ДЕССИ

Когда в круге света ничего не появилось, терранцы решились взять свои рюкзаки и выйти.

Вагон на полной скорости устремился вперед, оставив изгиб монорельса. Под ним, прижатое к песку и камню, билось чудовище. Оно лежало на теле другого, которого Санти застрелил раньше. Терранцы обогнули дергающуюся голову существа и направились к противоположной стене ущелья.

Здесь в скале оказались углубления, и можно было подняться. Ящер, застрявший под вагоном, оставался один, ничто не угрожало отступлению. Добравшись до верха, путники остановились, отдуваясь, и оглянулись.

Внизу по-прежнему бился ящер под вагоном. Если другие и остались в живых, они не показывались. Санти тыльной стороной ладони вытер потное лицо.

— Невероятно, что мы выбрались, парень. Чуть-чуть...

— Да. Поскорее бы встретиться с санями, пока не нарвались еще на неприятности.

— Да. — Санти с сожалением потянул за ремень винтовки. — В следующий раз захвачу больше зарядов. Здесь чересчур много сюрпризов.

Они пошли медленно, слишком устав из-за усилий последнего часа. Уже стемнело, когда они нашли спуск в другую травянистую долину. Вдали виднелась тень, которая могла быть только лесом.

Неужели придется его обходить, со страхом подумал Дард. Но успокоился, когда увидел огонь. Там костер. Калли посадил сани по эту сторону преграды.

Санти и Дард устало дотащились до круга света, где их встретил град вопросов. Дард слишком устал, чтобы отвечать. Он поел, напился и заполз в спальный мешок еще до того, как был закончен рассказ об их приключениях. Кимбер стал очень серьезен, когда рассказ закончился.

— Да, беда была слишком близко. Нужно лучше вооружаться в походах. Но теперь мы знаем, что цивилизованной угрозы нашей колонии нет, а сюда вернемся не скоро. Завтра сани перевезут нас через лес и утесы, и мы будем дома. Вон там наши утесы.

— Дома. — Дард про себя повторил это слово, стараясь связать его с приморской долиной и пещерой, где поселились космические путешественники. Давным-давно слово «дом» имело смысл. До Ожога, до чистки. Но его воспоминания об этом спокойном времени слишком туманны. Потом слово «дом» стало означать ферму, голод и холод, постоянную угрозу и опасность. Теперь домом будет углубление в многоцветной скале на чужой планете на расстоянии поколений полета от Терры.

Утром он вместе с Санти остался в лагере, а Калли, в последний раз осмотрев поврежденную машину, поднял сани и направился к морю с Кимбером в качестве первого пассажира. Час спустя сани вернулись, и инженер велел Дарду садиться на наклоненную машину. Они летели медленно, над самыми вершинами, и Калли не отвез его непосредственно к пещере, а опустил вместе с рюкзаком на краю древнего поля.

Дард брел по высокой траве. Он видел на полях людей, их стало больше, чем когда он уходил. Очевидно, подняли новых спящих. Тут послышался пронзительный свист, и показался мальчик, на несколько лет моложе Дарда, он гнал перед собой

трех телок. Увидев изможденного исследователя, он застыл, потом улыбнулся.

— Привет! Ты ведь Дард Нордис? Слушай, ты неплохо провел время, все эти разрушенные города, и ящеры, и все такое! Я тоже отправлюсь посмотреть — когда папа разрешит. Я Ланни Хармон. Подождешь, пока я привяжу этих? Хочу пойти с тобой обратно.

— Конечно. — Дард опустил рюкзак на землю и смотрел, как Ланни стреножит телок.

— Им нравится здешняя трава, — объяснил фермерский мальчишка по пути назад. — Эй, давай, я понесу твой рюкзак. Мистер Кимбер сказал, что у вас был бой с гигантскими ящерцами. Они хуже летающих драконов?

— Конечно, — с чувством ответил Дард. — Слушай, всех теперь разбудили?

— Всех, кто проснулся. — На мгновение лицо мальчика помрачнело. — Шестеро не смогли. Доктор Скорт — ну, о нем ты знаешь, и мисс Винсон, и мисс Грин, Лу Дентон и несколько мужчин, которых я не знаю. Но остальные, они в порядке. Нам очень повезло. Эй, погляди!

Стараясь остановиться на полушаге, Дард потерял равновесие и упал рядом с Ланни, который присел в траве и показал купол из листьев и травы, скрепленных глиной.

— В чем дело?

Ланни рассмеялся.

— Это дом прыгунов! Десси нашла один вчера и показала мне, как искать. Смотри!

Он постучал костяшками пальцев по куполу.

Секунду спустя из отверстия на уровне земли высунулась голова прыгуна, и недовольное животное очень ясно дало понять, что думает о таком беспокойстве.

— Десси заставила прыгуна стоять неподвижно и гладила его. Моя сестра Мария теперь хочет прыгуна, говорит, что они как котята. Но ма говорит, что они слишком много крадут и мы не станем приводить их в пещеру. А мне бы хотелось приручить одного.

Они прошли мимо поля с голубыми стручками и встретили жнецов. Дард пожимал руки незнакомым, удивлялся новым лицам. По дороге он спросил Ланни:

— Сколько же нас сейчас?

Губы Ланни зашевелились, он начал считать.

— Двадцать пять мужчин, считая и вас, исследователей, и двадцать три женщины. Еще девочки, мои сестры, Мария и Марти, и Десси, и Лара Скорт, они все маленькие. И Дон Вилсон, он еще ребенок. Вот и все. Большинство мужчин разбирают корабль.

— Разбирают корабль! — Почему его охватило такое отчаяние?

— Конечно. Мы ведь больше не полетим, не хватит топлива. Корабль сделан так, чтобы его можно было разобрать и части использовать в мастерских и тому подобном. Ну, вот мы и пришли!

Они вышли на хорошо протоптанную дорогу, ведущую к главному входу в пещеру. Три человека работали на подвесной платформе, свисающей с вершины утеса, вставляя стекло в отверстие, которое превращалось в окно.

— Дарди! Дарди! Дарди!

На него обрушился вихрь, обернулся вокруг пояса, уткнулся в него лицом. Дард опустился на колени и крепко обнял Десси.

— Дарди. — Она слегка всхлипывала. — Мне сказали, что ты возвращаешься, и я все время ждала. Дарди. — Она счастливо улыбнулась. — Мне здесь нравится! Очень! Тут много животных в траве и у некоторых дома, как у нас, и я им нравлюсь! А теперь, когда ты вернулся, все замечательно! Правда!

— Конечно, милая.

— Ты вернулся, сынок. — Подошла Труда Хармон. — Конечно, хочешь есть? Ты как раз вовремя. Поешь и отдохни. Я слышала, что у вас были интересные приключения.

Держа Десси за руку, с Ланни, несущим сзади рюкзак, Дард вошел в помещение, где теперь стоял длинный стол, окруженный скамьями. Здесь уже сидел Кимбер, перед ним стояла груда пустых тарелок. Он о чем-то возбужденно разговаривал с Кордовом.

— Но куда они делись, все эти жители города? — спрашивал маленький биолог. Дард занялся пищей, поданной Трудой. — Они не могли просто исчезнуть — пафф! — Он щелкнул пальцами. — Как дым!

Кимбер дал тот же ответ, что и Дард:

— Возможно, эпидемия, последовавшая за войной, бактериологическая война или лучевая болезнь. Кто сейчас может сказать? Но судя по состоянию города, исчезли они давно. Мы не

нашли никаких следов. Только животные. И бояться нечего, разве что эти ящеры...

— Целый пустой мир! — Кордов покачал головой. — Достаточно, чтобы испугаться. Иные где-то свернули не туда.

— Нам нужно постараться не последовать их примеру, — прервал его Кимбер.

Вечером путешественники собрались у большого костра на открытой площадке перед пещерой; Кимбер и остальные по очереди рассказывали о своих находках. Город, автоматически управляемая батарея, сражение с ящерами. Слушатели были зачарованы. Но когда рассказ кончился, снова возник вопрос:

— Куда же они подевались?

Кордов повторил предполагаемый ответ, но добавил:

— Нам лучше спросить себя, почему они исчезли, и руководствоваться ответом. Они оставили нам пустой мир, чтобы мы могли начать заново. Но мы не должны забывать, что на других континентах могут сохраниться остатки прежней жизни. Мудрость советует сохранять настороженность в будущем.

Десси, сидя у Дарда на коленях, прижалась щекой к его плечу и прошептала:

— Я хотела бы послушать о ночных обезьянах, Дарди. Могут они прийти сюда, чтобы я на них посмотрела? Мне интересно познакомиться с ними.

— Да, конечно, — шепотом ответил он.

Может, когда-нибудь, когда земляне будут уверены в своей безопасности, он сможет показать Десси ночных обезьян. Но только после того, как будет найдена и уничтожена чешуйчатая смерть!

Кимбер не мог пользоваться рукой, пока не заживет плечо, и потому Дард стал руками пилота, вместе с Калли он работал над поврежденными санями. Показав, что нужно делать, и убедившись, что Дард точно выполняет инструкции, Калли увлекся любимым занятием — принялся разбирать двигатель цилиндра, извлеченного из трубы. Он говорил, что когда-нибудь отправится за вагоном в ущелье ящеров и сравнит два механизма.

Десси держалась рядом с ними. Она была тенью Дарда в часы бодрствования, как всегда, с самых первых неуверенных шагов. Она с интересом следила за другими детьми, но предпочитала общество взрослых. И так как она обычно сидела молча, погло-

шенная наблюдениями за прыгунами, насекомыми или птицами-бабочками, о ней совершенно забывали.

— Нет!..

Дард повернулся, услышав неожиданный крик. Десси сражалась с огромным прыгуном, такого большого он не видел, настоящий прародитель клана. Но Десси была сильнее и вырвала у животного добычу, которую прыгун вытащил из кармана рубахи Дарда. Рубашку тот снял из-за жары.

— Он открыл твой карман, — возмущенно сказала она юноше, — и вытащил это, как свое собственное! Что это? Красивое... — Она перебирала листочки, которые в ее руках меняли цвет.

— Я совсем забыл об этом. Это книга... я так считаю, Десси. Она принадлежит Иным.

— Что? — Кимбер протянул руку. — Где ты это взял, парень?

Дард рассказал, как нашел листочки в помещении батареи, объяснил свою теорию, что Иные общались с помощью цветов.

— Я собирался сравнить их с микрофильмом, на котором снята дверь в городе. Но потом столько всякого произошло, что я совершенно забыл о них.

— Я помню, у тебя необычное восприятие цвета...

— Дард делает из слов картинки, — завершила Десси. — Покажи, Дарди.

Под заинтересованным взглядом Кимбера Дард нарисовал, что он видит в строчке стихотворения. Пилот кивнул.

— Рисунки для слов. Поэтому ты и понял важность открытия. Ну, хорошо. Помнишь катушки, которые мы нашли в первом транспорте? Роган считает, что их можно прочесть с помощью наших машин. Иди немедленно в корабль и вели ему подготовить оборудование. Оно нам пока не было нужно, и мы оставили его в трюме. Но я хочу знать... Да, иди немедленно!

И вот Дард, по-прежнему вместе с Десси, направился вниз по течению к морскому берегу, где быстро разбирали звездолет. По поверхности воды снова плыли красные растения-паучки, но теперь их было не так много, как в день посадки.

— Я здесь еще не была, — призналась Десси. — Миссис Хармон говорит, что тут есть злые драконы.

Дард тут же подтвердил это предупреждение. Десси вполне может решить подружиться с одним из них!

— Да, есть, Десси. И они не такие, как другие животные. Обещай, что, как только увидишь дракона, сразу позовешь меня.

Очевидно, его серьезность произвела на нее впечатление, потому что она сразу согласилась:

— Да, Дарди. Мистер Роган принес мне красивую раковину с моря. Можно, я пойду к воде и поищу еще? — спросила Десси.

— Оставайся на виду и не отходи от корабля, — сказал он, не видя причины, почему бы ей не поискать сокровищ на краю воды.

Корабль, который был таким прочным и безопасным убежищем в полете, превратился в пустую оболочку. В нескольких местах даже эта оболочка была разобрана до внутренних балок. Дард протиснулся через отверстие в трюм, где обнаружил технера. Тот проверял маркировку на ящиках. Когда Дард объяснил свое дело, Роган проявил энтузиазм.

— Конечно, мы можем прочесть эти ленты. Нам понадобится это и это... — он отодвинул в сторону большой ящик, чтобы освободить другой, поменьше, — и это. Я соберу установку, как только мы вернемся к утесам. Может, просмотрим ленту даже сегодня вечером или завтра утром. Хочешь помочь мне?

Дард взял у него один из ящичков, схватил ручку другого и повернулся, чтобы выйти по рампе на песок.

— Со мной Десси. Она хочет поискать морские раковины. Надо позвать ее сюда.

— Конечно. — Роган опустил большой ящик и тоже вышел. Они уже почти добрались до берега, когда крик около воды заставил их побежать.

— Дарди! Дарди! Быстрее...

Рука Дарди упала на лучевой пистолет, который дал ему Калли после схватки с ящерами. Теперь он всегда заряжен. Но до сих пор здесь не было никаких следов чудовищ.

— Вон она! У тех скал!

Но ему не нужны были указания Рогана. Дард уже увидел Десси, она стояла, прижавшись стеной к обточенной волнами скале, бросала камни в летающего дракона и продолжала звать на помощь. К удивлению Дарда, она не попыталась присоединиться к спасителям, но храбро оставалась на месте. Дард лучом срезал голову дракону, тело животного упало в море.

— Иди сюда! — позвал он, но она покачала головой. Он увидел слезы у нее на щеках.

— Это морской ребенок, Дарди, маленький ребенок из моря. Он так испугался! Мы должны помочь ему...

Дард остановился и схватил Рогана, заставив и его остановиться. Он доверял инстинктам Десси. Она защищает кого-то другого, не себя, и у него появилось ощущение, что этот ее поступок очень важен для всех них. Он постарался как можно спокойнее сказать:

— Хорошо, Десси. Дракон мертв. Можешь привести к нам морского ребенка? Или мне помочь тебе?

Она провела рукой по влажному лицу.

— Я могу сама, Дард. Он так испуган, а ты такой большой. Он испугается еще сильнее.

Она присела на корточки у углубления между двумя камнями и принялась издавать успокаивающие звуки. Потом повернула голову.

— Он выходит. Но вы оставайтесь на месте... пожалуйста...

Дард кивнул. Десси протянула руку в углубление между скалами. И Дарду показалось, что что-то нерешительно взяло ее за руку. Десси выпрямилась, по-прежнему уговаривая.

Хоть Дард и привык к сюрпризам этого мира, то, что вывела Десси, заставило его ахнуть. Примерно двадцати дюймов ростом, стройное, существо шло вертикально, четыре пальца одной руки сжимали руку Десси. Существо мягкого серебристо-серого цвета, но, когда солнечный луч упал на шерсть, целиком покрывающую его тело, на конце каждого волоска вспыхнула радуга.

Голова круглая, никаких ушей, глаза очень большие, они устремились от Десси к двоим мужчинам. Увидев их, существо остановилось и жестом, который поразил Дарда, поднесло другую руку к широкому зубастому рту и начало застенчиво сосать пальцы. Маленькие ноги с перепонками, чешуйчатые, чешуйки тоже радужно отражают солнце. Дард изумленно продолжал разглядывать. Существо похоже на ночных обезьян, но гораздо меньше. И явно земноводное. И как будто отлично видит при дневном освещении.

— Откуда оно взялось, Десси? — негромко спросил он, изо всех сил стараясь не вспугнуть малыша.

— Из моря. — Свободной рукой девочка указала на волны. — Я искала раковины и нашла одну, очень красивую. А когда стала отмывать ее от песка, он уже был тут, вышел из воды и смотрел на меня. Тогда он был совсем мокрый... сейчас гораздо красивее... — Она замолчала и обратилась к своему спутнику с каким-

то щебетом; Дард слышал, как она так же обращалась к зверькам на Земле.

— Потом прилетел этот плохой дракон, — продолжила Десси, — и погнался за ним у скал, и я позвала вас... ты ведь велел мне позвать, Дарди, если я увижу дракона. Они очень плохие. Морской ребенок так испугался.

— Он сказал тебе об этом? — спросил Роган заинтересованно.

Возможно, его низкий голос заставил морское существо прижаться к Десси, спрятав лицо.

— Пожалуйста, мистер Роган. — Девочка укоризненно покачала головой. — Ему страшно, когда вы говорите. Нет, он не говорит, как мы. Я просто знаю, что он чувствует... вот здесь... — и она коснулась лба указательным пальцем. — Он хотел поиграть со мной и потому вышел на берег. Он хороший ребенок, я лучше не видела. Лучше кролика и лисы, лучше даже большой совы.

— Великий космос! Смотрите, в скалах!

Дард посмотрел, куда указывал Роган. Из воды показались две гладкие круглые головы, большие немигающие глаза устремились на людей. Дард крепче схватил Рогана за руку.

— Спокойней! Это очень важно!

Десси радостно улыбнулась.

— Еще люди из моря! Смотри, малыш! — И она повернула водяного в сторону моря.

Тот сразу высвободил руку и побежал к краю воды. Но, уже собравшись нырнуть, повернулся и посмотрел на Десси. Пока он стоял так, остальные двое поплыли к мелкому месту и встали. Ребенок водяных принял решение и побрел по воде к ним навстречу, и водяные схватили его за руки. Самый большой из троих — примерно на дюйм выше четырех футов, как определил Дард, — встал между своей подругой и ребенком и людьми на берегу.

— Смотри, что у него в руке! — Роган с трудом заставил себя говорить спокойно.

Но Дарду не нужно было его указание. Водяной был вооружен копьём, копьём с зазубренным наконечником. Его талию охватывал пояс, к которому был прикреплен небольшой ящичек и длинный кинжал из кости. Это не животное!

Водяной ребенок попытался высвободиться, выскользнул из удерживающей руки отца и бросился назад, к Десси. Схватив ее

за руку, он потянул девочку к двоим в воде. Дард сделал шаг вперед, ему не понравился вид копья.

Но прежде чем он смог подойти, водяной ударил копьем во что-то в воде между скал. И когда поднял его, наконечник пронзил безголовое тело дракона. Гневным жестом водяной бросил тело на камни, вырвал наконечник копья. Потом подошел к Дессе, взял ребенка за руку и шлепнул по заду — очень человеческое проявление недовольства. Дард засмеялся и забыл обо всех своих опасениях.

Водяные не были похожи внешне на людей, но у них определенно имелись общие с землянами эмоции. Дард осторожно шагнул в воду. Водяной мгновенно насторожился, поднял копьё и попятился к подруге и ребенку.

Дард протянул пустые руки в старом, как время, жесте доброй воли. Водяной смотрел на него. Потом медленно опустил копьё, положил его на влажный песок, придерживая пальцами ног. Он тоже поднял руки, и на них сверкнула радуга.

Глава 9

ДОГОВОР И СОЮЗ

— Ну, когда начинаем? — Калли пальцем делал дыры в песке, вдали от своих механизмов он чувствовал себя неуверенно.

Дард оглянулся на шестерых человек, вместе с ним пришедших на берег. Они сидели на песке, скрестив ноги; все получили строгий приказ молчать и ждать. На сегодня назначена первая встреча между землянами и представителями водяных — если, конечно, он правильно понял мысль, выраженную жестами.

В нескольких футах от воды лежали дары землян, которые могут понравиться жителям моря. Пластиковые чашки, вставленные одна в другую, выделяются ярким пятном, пустые бутылки разного размера, торопливо изготовленные в лаборатории, золотые яблоки, местное зерно — все вместе. Трудно оказалось найти предметы, которыми можно пользоваться под водой.

— Идут! — Дессе нетерпеливо ждала на самом краю воды; теперь, не обращая внимания на воду, побежала вперед, протягивая руки к ребенку, который, торопясь добраться до нее, взметнул фонтан брызг. Держась за руки, они вышли на песок, и тут

ребенок застенчиво отодвинулся от девочки, увидев взрослых мужчин.

Десси улыбалась; с важным видом она сказала:

— Сссат и Сссути идут за нами.

Дард постарался не показать своего удивления. Как могла Десси так уверенно произнести эти странные имена? Откуда она знает? И он, и Кимбер, Кордов, Карли весь вечер расспрашивали девочку, но она ответила только, что они «думают ей в голову». Пришлось согласиться с мыслью о телепатии: для подводного народа такой способ общения особенно удобен.

Поэтому, решив, что помощь Десси может сегодня понадобиться, ее тщательно готовили к особой роли.

На берег вышли Сссат и Сссути, если, конечно, это было правильное обозначение их имен. Оба несли копья с зазубренными остриями, у обоих на поясе длинные кинжалы. Этот пояс — их единственное одеяние. Они молча сели на песок у моря, глядя на Дарда, серьезно разглядывая его и остальных землян.

— Десси, — позвал Дард, и она подошла к нему.

— Мне отдать подарки, Дард?

— Да. Пусть поймут, что мы хотим быть друзьями.

Девочка взяла две чашки, в одну положила яблоко, в другую горсть зерна и поставила их перед послами.

Водяной справа от Дарда протянул руку, и Десси без колебаний положила на нее свою, ладонью вниз. Такой контакт продолжался долго. Потом оба водяных явно расслабились, напряжение оставило их. Они положили копья за собой, один провел рукой по шерсти головы; шерсть быстро высыхала и начала радужно светиться на солнце.

— Они тоже хотят быть друзьями, — сообщила Десси. — Дарди, если так положишь руку, они смогут говорить с тобой. Они не умеют говорить ртами. Вот это Сссат...

Дард медленно, чтобы не испугнуть водяных, встал и подошел по песку, чтобы можно было сесть лицом к лицу. Потом протянул руку. На его теплую плоть легли холодные влажные чешуйчатые пальцы. И Дард чуть не разорвал контакт от удивления и страха: водяной говорил с ним! В его мозг устремились слова, мысли — некоторые настолько чуждые, что он не мог их воспринять. Но постепенно, слово за словом, он понял, что хотел сказать ему водяной.

— Великаны, жители суши, мы следили за вами — со страхом. Боялись, что вы снова посадите нас в темные ямы...

— Темные ямы? — повторил вслух Дард, мысленно формулируя вопрос.

— Те, что жили на суше до вас, держали отцов отцов наших отцов, — в сознании Дарда возникло представление о большом промежутке времени, — в таких ямах. Потом пришел день огня, и мы вырвались из ям и никогда не вернемся в них. — Это было строгое предупреждение, в нем звучала угроза.

— Мы ничего не знаем о ямах и не угрожаем вам, — медленно думал Дард. — Мы тоже вырвались из темных ям, — с внезапным вдохновением добавил он.

— Правда, вы не похожи по цвету и форме на тех, кто создал ямы. И вы показали себя нашими друзьями. Вы убили летающего дракона, который напал на моего ребенка. Я верю, что вы хотите добра. Вы останетесь здесь?

Дард указал в сторону суши.

— Мы строим там свой дом.

— Вам нужны плоды реки? — последовал вопрос.

— Плоды реки? — Дард удивился, но тут в его сознании возникло четкое изображение красного растения-паука. Тогда он без слов отрицательно покачал головой.

— Значит, мы можем собирать урожай, как всегда делали? И, может быть, вы уберете нас от летающей смерти, потому что ваша сила больше нашей? — Теперь похоже на мысль умного торговца.

— Нам драконы нравятся не больше, чем вам. Позвольте мне поговорить с остальными... — Дард прервал контакт и повернулся к остальным землянам.

— Конечно! — Санти никак не мог говорить шепотом, и при звуках его раскатистого голоса оба водяных вздрогнули. — Пусть приходят и собирают своих пауков. Я послезу за драконами.

— Хорошо, — согласился Кимбер. — Нам драконы нужны не больше, чем им.

Не прошло и часа, как установились сердечные взаимоотношения, и водяные пообещали завтра утром заняться сбором урожая. Неся с собой дары, они скрылись в море, ребенок Сссата ехал на плече отца. Малыш махал Десси, пока не скрылся под водой.

— Эти ямы, о которых они рассказывали, — задумчиво говорил вечером Кордов. Все собрались для обсуждения перегово-

ров. — Должно быть, когда-то они были пленниками жителей города и освободились во время или после войны. Но они не были домашними животными.

— Скорее рабами, — предположила Карли Скорт. — Может, их заставляли работать под водой, там, где не могут жители суши? Они придут завтра? Почему бы нам всем не выйти им навстречу? Поможем в сборе урожая и покажем свою добрую волю.

Все оживленно поддержали это предложение. Водяные Десси захватили воображение землян. И Дард верил, что земляне во всем готовы пойти им навстречу.

Утром колонисты рано вышли на берег реки, но водяные уже были там, они бродили по мелкой воде, загребая в частые, как сито, сети красные грибы. Тут же плескались в воде детеныши водяных, а несколько взрослых самцов, вооруженных копьями, внимательно следили, не появятся ли драконы.

Когда показались земляне, все водяные остановились, но потом вернулись к своим занятиям. Дард и остальные бывшие вчера на берегу направились к водяным с протянутыми руками.

Ряд вооруженных самцов расступился. В центре оказался мощный водяной, который производил впечатление достоинства и власти. А вот о возрасте водяных люди еще не научились судить.

Дард коснулся ладони стоящего перед ним воина.

— Это Ааатак, «Друг Многих». Он будет говорить с вашим «Подателем Законов».

«Податель Законов». Ближе всего к посту вождя колонистов Кордов. Дард подозвал первого ученого.

— Это их вождь, сэр. Он хочет поговорить с нашим предводителем.

— Вот как? Не могу назвать себя предводителем, — Кордов прикоснулся рукой к руке старшего водяного, — но для меня большая честь разговаривать с ним. — Кордов и водяной соединили руки, а остальные колонисты осторожно подошли ближе. Но через час люди и водяные уже свободно общались. А когда земляне сели есть, водяные принесли свои припасы, плоские корзины с рыбой и водорослями, которые до еды держали под водой. Они с готовностью приняли золотые яблоки, но держались подальше от костров, на которых хозяева жарили подавленную рыбу. Однако вокруг каждого костра кольцом стояли

удивленные зрители, они оставались на безопасном удалении и смотрели молча и зачарованно.

Три дракона, осмелившиеся приблизиться, были сбиты лучами, к восторгу водяных. Они попросили разрешения осмотреть оружие и с сожалением вернули, когда поняли, что его невозможно использовать в их подводном мире.

— Хотя, — задумчиво заметил Калли, когда это им объяснили, — не понимаю, почему они не используют металл, выкованный Иными. Он не ржавеет, его можно использовать под водой.

— Нордис! — Настоятельный призыв оторвал Дарда от инженера и привел к небольшой группе, состоящей из Кордова, Кимбера, вождя водяных и нескольких других. Его звал Кордов. Он стоял с Санти и технерами.

— Да, сэр?

— Ты видел ящеров. Спроси Ааатака, о них ли он нам хочет рассказать. Мы не понимаем, что он говорит, а это важно. — Кордов отступил, освобождая место для Дарда. Дард схватил с готовностью протянутую руку вождя.

— Ты хочешь сказать нам о... — Он закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на мысленном изображении большого ящера.

— Нет! — Отрицательный ответ прозвучал решительно. — Мы таких видели, да, они охотятся на жителей суши. Они подчинялись когда-то тем, о ком мы говорим. А они...

Другое изображение — двуногий — внешне гуманоид — но что-то в нем не так. Дард такого никогда не видел. И изображение неясное, неотчетливое, словно наблюдатель видит его на расстоянии... или из-под воды!

— Из-под воды! — Ааатак тут же поддержал эту мысль.

— Теперь ты мыслишь правильно! Мы не выходим из укрытия, когда они поблизости! И поэтому видим их так...

— Значит, они живут на суше? Поблизости? — спросил Дард. Изображение, которое передавал ему вождь водяных, было окрашено страхом.

— Да, они живут на суше. Не здесь, нет, иначе нас бы здесь не было. Мы живем там, где они не показываются. Когда-то их было очень-очень много, они жили повсюду... здесь... и за морем. Они и создали ямы, в которых был заключен мой народ. Он работал, выполняя их волю. Потом что-то произошло. С неба начал падать огонь, и всех их поразила болезнь. Они умирали, одни

быстро, другие гораздо медленнее. И тогда мой народ вырвался из ям. — Холодное смертоносное удовлетворение окрашивало это воспоминание. — И мы бежали в море, где они не могли нас найти. Еще когда я был только что вылупившимся младенцем, мы жили в глубине. Но наши воины все годы уходили в поисках пищи и безопасного места для жизни: в глубинах есть чудовища, такие же ужасные, как ящеры на суше. И вот наши отряды обнаружили, что эти, — снова изображение двуногих, — ушли с берегов. Мы всегда этого хотели. И в этой земле их не осталось совсем, но... — Вождь неожиданно заколебался, убрал руку и повернулся к своим соплеменникам, словно советуясь с ними. Дард воспользовался возможностью, чтобы перевести остальным то, что только что услышал.

— Выжившие Иные, — сразу понял его Кимбер. — Но не здесь?

— Нет. Аааатак говорит, что его племя не селится там, где они есть. Подождите, он хочет еще что-то сказать.

Аааатак снова протянул руку, и Дард с готовностью подал свою.

— Мой народ верит, что вы не такие. У вас не такое тело и цвет кожи другой. — Он провел пальцем по руке Дарда, подчеркивая свои слова. — Вы встретили нас, как одно свободное племя встречает другое. А те так не поступают, между нами и ними много ненависти и горечи из далекого прошлого. И они всегда наслаждались убийством. Мы следим за вами с тех пор, как вы спустились с неба. Иные тоже летали по небу, хотя мы давно не видели их летающих кораблей. И поэтому вначале мы решили, что вы той же породы. Теперь мы знаем, что это не так. Но мы должны предупредить вас: берегитесь! Потому что по ту сторону моря еще живут Иные, и в мозгу их чернота, которая заставляет их поднимать копыта на все живое! А теперь, — у Дарда появилось впечатление, что вождь переходит к главному, — мы хорошо знаем море, но плохо — сушу. Мы поняли, что вы не из этого мира, вы упали с неба. Но вы ведь сами сказали, что бежали со своей родины, бежали от врагов.

Дард согласился, вспомнив утверждение первых послов.

— И если вы мудры, вы не станете искать тех, кто снова может поработить вас. Потому что так они поступят с вами. В этом мире они признают только свои желания и свою волю. Наши воины тайно следят за ними и сообщают новости об их передвиже-

ниях. Против их мощи — хотя многое из своей древней мудрости они утратили — у нас только хитрость и знание моря. А какая польза от копья против оружия, убивающего на расстоянии? Но у вас более могучее оружие. И если мы объединим свои знания и сердца против *них*... А теперь скажи это вашему Подателю Законов и остальным старшим, чтобы они могли понять. — Вождь снова отнял руку, и Дард принялся переводить.

— Союз! — Кордов сразу уловил смысл предложения. — Гмм... — Он потянул за нижнюю губу. — Лучше скажи им... Нет, я сам. Я объясню, что нам нужно посоветоваться.

— А как же Иные? — спросил Хармон. — Они, — он указал на водяных, — утверждают, что Иные еще здесь? Те, что когда-то жили в городе?

— Не здесь. За морем, — начал Дард, но Роган прервал его:

— Вождь не очень высокого мнения о них, верно?

— Он говорит, что они враги.

— Они не его племени, — заметил Хармон. — И его народ был у них когда-то в рабстве.

— У нас есть собственный опыт рабства, — медленно заговорил Кимбер. — На Терре, если не везло, мы оказывались в лагерях. Конечно, если сразу хладнокровно не пристрелят. Я хорошо помню, каково там было.

Хармон пересыпал песок с одной ладони на другую.

— Да, знаю. Но нам совсем не нужно участвовать в местных войнах.

Все молча согласились. Никаких союзов, которые втянут в войну! Дард чувствовал всеобщее одобрение этой мысли. Только Кимбер, Санти и, может быть, Кордов не вполне согласились с Хармоном.

Дард взглянул на речной берег. Водяные почти закончили сбор и теперь собирали свое имущество и группами направлялись к морю. И Дард подумал, что же скажет вождю Кордов.

Он вдруг понял, что уже больше не выдержит неопределенности. Ему хотелось уйти, сбежать от мысли, что все, возможно, начнется заново: неуверенность, постоянное ожидание опасности, враждебных сил.

По словам вождя, Иные теперь за морем, но останутся ли они там? Не привлечет ли их снова плодородная земля, на которой они когда-то жили? И они вряд ли хорошо отнесутся к новым поселенцам.

Если бы только земляне знали о них больше! Иные сожгли свой мир. Дард вспомнил жестокость, проявленную в амбаре фермы. Набеги, грабежи, уничтоженный город, батареи, автоматически стреляющие во все, что пролетает мимо, предупреждение водяных.

Он пошел по песку к внутренней долине, направляясь к пещере. Роган накануне вечером установил проектор, и они пропустили через него первую ленту. И если ленты могут что-то рассказать о правителях этого мира, самое время заняться ими.

— Куда ты, парень? — Его догнал Кимбер.

— К утесам. — Дарда подгоняло нетерпение, он должен узнать — немедленно!

Пилот больше ни о чем не спрашивал, он пошел за Дардом в помещение в скале, где Роган установил проектор. Юноша проверил приготовления, сделанные накануне. Выключил свет. Загорелся экран на стене, негромко загудел проектор.

— Это катушка из вагона?

Но Дард не ответил. Потому что на экране что-то показалось. Он начал смотреть...

— Выключи! Выключи это!

Онемевшие пальцы нашли нужную кнопку. Вокруг обычный свет, чистые красно-желтые стены.

Кимбер закрыл лицо руками, его тяжелое дыхание заполняло комнату. Дард, потрясенный, чувствуя тошноту, не решался пошевелиться. Он ухватился за край полки, на которой стоял проектор, сжал ее так, что пальцы побелели. Пытался сосредоточиться на этом, а не на том, что только что видел.

— Что... что ты видел? — спросил он и облизал губы. Он должен знать. Может, это только его реакция. Но... но так не может быть! Сама мысль об увиденном вызывает панику, ужас, который невозможно перенести.

— Не знаю... — с трудом ответил Кимбер. — Нельзя людям... таким, как мы, смотреть это...

Дард заставил себя поднять голову, посмотреть на безобидный экран, увериться, что на нем ничего нет.

— Оно что-то сделало со мной... внутри... — прошептал он.

— Так оно и должно действовать, я думаю. Но... великий боже! — какой тип разума... какие чувства! Нечеловеческие... совершенно чуждые! У нас нет ничего общего и никогда не будет!

— И это всего лишь цвета, мерцающие, чередующиеся цвета, — начал Дард.

Кимбер крепко сжал его запястье.

— Я был прав. — Дард не чувствовал боли от этого пожатия. — Они общались с помощью цветов. Но... но...

— Что они передавали с их помощью! Да, это не для нас. Никогда для нас не предназначалось. Держись от этого подальше, Дард. Еще пять минут, и ты перестал бы быть человеком! И никогда бы им не стал снова!

— Мы не сможем установить контакт с... с...

— С мозгом, который создает такое? Да, не сможем. Так вот что тебя сюда привело. Ты хотел проверить, прав ли Хармон со своей политикой нейтралитета. Теперь ты знаешь. У нас с ними нет ничего общего. И все должны понять это. Если мы встретимся с Иными, результатом, несомненно, будет война.

— Нас пятьдесят три человека — у них, возможно, целый народ. — Дард был потрясен, он испытывал глубокое внутреннее волнение.

Вначале тирания Мира, созданная людьми и потому постижимая, во всей своей ограниченной жестокости. Это работа человеческих существ. А теперь это! А этого человек не должен... даже касаться!

Кимбер овладел собой. На лице его даже появился след прежней озорной улыбки, когда он сказал:

— Когда становится очень трудно, наше племя показывает характер. Нам не нужны неприятности. Приведи сюда Кордова и Хармона. Если будем обсуждать предложение водяных, они должны знать, чего ожидать из-за моря.

Но, к отчаянию Дарда, изображение вызвало лишь смутное беспокойство у Хармона, хотя потрясло Кордова. И когда ленту просматривали остальные, действие ее оказалось существенно различным. Роган, чувствительный к устройствам связи, чуть не потерял сознание через несколько мгновений сосредоточенного внимания. Санти признался, что ему не понравилось, но не смог объяснить почему. Но в конце концов под бременем доказательств все убедились, что нет надежды на взаимопонимание со стороны Иных.

— Я по-прежнему утверждаю, — настаивал Хармон, — что мы не должны вмешиваться в то, что затевают жители моря. Ты говоришь, что они изображают Иных настоящими дьяволами. Ну,

они ведь за морем. И если мы не будем искать неприятностей, может, их и не будет.

— Мы ведь не предлагаем направить экспедиционный корпус, Тим, — спокойно ответил Кимбер. — Но если они живы там, за морем, то могут решить вернуть себе эту землю. И тогда нам нужно заранее об этом знать. Водяные будут снабжать нас информацией. А мы сможем поставлять им лучшее оружие.

— Да, и не успеешь оглянуться, как ввяжешься в неприятности! Дай им лучевое оружие, которое действует в воде, и они сразу пустят его в ход. Они ненавидят Иных, верно? На Земле мы убрали миротворцев, когда предоставлялась возможность. А если это произойдет несколько раз, Иные отправятся выяснять, откуда это новое оружие. Я не говорю, что мы должны повернуться к водяным спиной. Они вполне миролюбивы. Но было бы глупостью вмешиваться в их войны. Я говорил это раньше и не меняю своего мнения!

— Хорошо, Тим. Ты говоришь справедливо. Но ведь это хорошая земля, так?

— Конечно, хорошая! У нас будет отличная ферма. Но ферма и война — это совсем разные вещи. Парень, который жил в той старой ферме, он не пережил войны.

— А если они захотят вернуть себе землю? Долго ли мы сможем защищать ее?

Впервые в глазах Тима Хармона появилась тень сомнения.

— Ну, хорошо. — Сдаваясь, он поднял руку. — Согласен с вами наполовину. Подружиться с водяными и будем им помогать — немного. Но если вы собираетесь участвовать в их войне, я против.

— Мы все против этого, Тим. Заключим союз с водяными и договоримся о совместной обороне, — успокоил его Кордов.

Дард сухо улыбнулся. Но в глубине души ощущал усталость. Они пролетели через всю галактику в поисках свободы и снова вынуждены жить в тени страха. Долгий путь потребовался, чтобы вернуться... домой!

Новая граница, которую нужно охранять. Как это когда-то процитировал Кимбер, стоя на вершине холма зимой на Земле?

«Любые пределы, материальны ли они, или только в нашем сознании — это вызов. И ничто не способно остановить тех, кто ищет ответы, даже другие люди. Если мы только того захотим, не только чудеса межпланетного пространства, но и все звёзды станут нашими!»

Они познали чудеса космоса, и звезды принадлежат им... если они сумеют их удержать! Но кто — или что — посмеет утверждать, что не смогут? Дард наслаждался новым ощущением гордости, разгоравшимся в нем. Они разорвали узы пространства...

Перед ними огромный мир — и здесь возможно все. На Terre совсем разные люди объединились, потому что верили... во что? В свободу! В свободу человека! Они ясно видели бесплодность Мира и отказались следовать его ограничениям. И это привело их сюда. Они могли, если хотели, работать вместе, чтобы достигнуть общей цели. И теперь могут добиться всего!

Дард смотрел на разноцветные утесы, но мысленно видел обширные ждущие просторы. Союз с водяными, освоение земель, создание новой цивилизации... Дыхание его стало ускоренным. Целой жизни не хватит на все, что он собирается сделать.

Можно ли победить человека?

Он одним словом ответил неопределенному будущему:

НЕТ!

**РОЖДЕННЫЕ
СРЕДИ ЗВЕЗД**

А что же с нашими детьми, вторым и третьим поколениями, рожденными на этой новой планете? У них не будет воспоминаний о зеленых холмах и голубых морях Терры. Останутся ли они терранцами или станут кем-то иным?

Тас Кордов. «Записки первых лет»

Глава 1

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Путники заметили бухту с моря — узкий вдающийся в сушу рукав, первый разрыв в стене утесов, защищающей внутренние районы континента от ударов океана. И хотя день был еще в разгаре, Дальгард сразу направил лодку в это возможное убежище; он работал веслом согласованно с тем, которым действовал на носу узкого аутригера Ссури.

Путники не принадлежали к одной расе, но действовали без слов, будто между ними была связь, столь нужная для слаженных действий.

Дальгард Нордис — сын Колонии; его народ родом не с этой планеты. Он не так высок и плотен, как те его терранские предки, которые были объявлены вне закона, бежали от своих политических противников, прошли насквозь галактику и высадились на Астре. Были и другие, менее заметные отличия потомков от предков-основателей.

Дальгард худой и жилистый, кожа его загорела на ласковом летнем солнце, и потому еще больше бросаются в глаза коротко подстриженные светлые волосы. На боку у него длинный лук, тщательно обернутый в водонепроницаемую кожу летающего дракона, а на поясе, который поддерживает его короткие брюки из выделанной шкуры двурога, висит двухфутовый нож — полунож-полумеч. В глазах своих предков-терранцев он настоящий варвар. На свой собственный взгляд, он одет и вооружен самым подходящим образом для путешествия-испытания. Это посвящение в мужчины — его право и обязанность, прежде чем он получит право считаться взрослым и получит полное право быть частью Совета свободных.

В противоположность гладкой коже Дальгарда, Ссури зарос пушистой серой шерстью с радужными кончиками волосков. Вместо стального меча у него костяной кинжал, зазубренный и

не менее опасный, чем копьё, лежащее сейчас на дне аутригера. А круглые глаза смотрят на море с уверенностью существа, родной дом которого под этими волнами.

Вход в бухту узкий, но, преодолев его, путники оказались в заливе, защищенном и спокойном; в него впадал ленивый ручей. Серо-голубой морской песок лежал узкой полосой, за ним — почва и зелень. Носовые клапаны Ссури раскрылись, он пригнувшись к теплomu ветерку; вытягивая лодку на берег, Дальгард тоже старательно распознавал запахи. Более тихое место для лагеря трудно найти.

Как только каноэ благополучно вытащили, Ссури, без единого слова, не оглянувшись, взял копьё и ушел в воду; он исчез в глубине, а его товарищ занялся подготовкой лагеря. Сейчас еще только начало лета, искать спелые плоды нет смысла. Дальгард порылся в своем путевом мешке и извлек с полдюжины хрустальных бусинок. Положил их на плоский камень у ручья и сел рядом, скрестив ноги.

Наблюдателю могло бы показаться, что путник задумался. Над его головой промелькнуло многоцветное пятно на широких крыльях. Послышался отдаленный звук. Но Дальгард не смотрел и не слушал. Однако минуту спустя появился и тот, кого он ждал. Прыгун с блестящей на солнце гладкой рыжевато-коричневой шерстью, привлекаемый своим неутолимим любопытством, осторожно выглянул из-за куста. Дальгард соприкоснулся с ним мыслью. Прыгуны не мыслят по-настоящему, по крайней мере, не на уровне, доступном колонистам, но им можно передать ощущение дружелюбия и доброй воли, с ними можно обмениваться самыми примитивными идеями.

Маленький зверек, с лапками — почти человеческими руками — поверх шерсти брюшка, вышел на открытое место, его черные глазки перескакивали от неподвижного Дальгарда к ярким бусам на камне. Но когда одна из этих лапок метнулась вперед, чтобы схватить сокровище, путник уже прикрыл его рукой. Дальгард создал мысленное изображение и адресовал его двадцатидюймовому зверьку. Уши прыгуна нервно дернулись, тупая мордочка сморщилась, и он запрыгал обратно в кусты; линия движущейся травы обозначала его отступление.

Дальгард убрал руку с бус. За долгие годы колонисты Астры научились быть терпеливыми. Возможно, мутация началась до того, как они покинули свою родную планету. А может, измене-

ния в температуре и окружении вызвали перемены в мозге горстки отчаянных беглецов, когда они лежали в холодном сне, а их корабль летел столетия терранского времени по неизведанным просторам космоса. Те колонисты, которым удалось проснуться после этого сна, так никогда и не узнали, сколько времени проспали. Но проснулись они на Астре другими.

А их сыновья и дочери, а также сыновья и дочери последующих двух поколений согревались новым солнцем, ели пищу, выросшую на чужой почве, учились мысленно общаться с земноводными водяными, с которыми космические путешественники с самого начала подружились, и каждый последующий ребенок все больше соответствовал своему новому дому и был менее привязан к старому, который никогда не увидит. Колонисты теперь стали другими, чем их отцы, деды и прадеды. И наряду с другими способностями приобрели огромное терпение, которое может служить инструментом или оружием, как будет угодно. Способность к стремительным действиям, собственное наследие также никогда ими не забывались.

Прыгун вернулся. На камень рядом с блестящими сокровищами, которыми стремился завладеть, он положил высохший сморщенный плод. Пальцы Дальгарда отделили два сверкающих шарика и подкатали их к зверьку, который с радостным щебетом схватил их. Но не ушел. Напротив, принялся пристально смотреть на остальные бусины. У прыгунов своя форма разума, хотя ее не сравнить с человеческой. А этот прыгун оказался предприимчивым. В конечном счете он еще трижды приносил фрукты из своей норы, пока не забрал все бусины. После этого обе стороны расстались, довольные сделкой.

Ссури вышел из воды так же бесшумно, как вошел. На конце его копыта билась рыба. Шерсть, прилипшая к сильному телу, начала сразу высыхать на воздухе, и солнце отражалось в чешуйках на руках и ногах. Ссури снял с копыта рыбу, быстро вычистил ее, швыряя внутренности назад в воду, где какие-то еле заметные тени собрались на необычное угощение.

— Здесь не охотничья территория. — Его сообщение возникло в сознании Дальгарда. — Эта, с плавниками, меня не боялась.

— Мы правильно сделали, направившись на север. Это новая земля. — Дальгард встал.

По обе стороны небольшую бухту окружали утесы, с их чередующимися красными, синими, желтыми и белыми слоями. Го-

раздо легче держать путь по морю: здесь не нужно карабкаться. А Дальгард мечтал не просто добавить несколько незначительных деталей к карте, висящей в зале Совета.

Каждый мужчина колонии в возрасте между восемнадцатью и двадцатью годами совершал путешествие, готовясь к посвящению во взрослые. Уходил он один или, если у него установились тесные отношения с водяным примерно его возраста, то со своим братом по ножу. И каждое такое путешествие расширяло знания изгнанников об их новой родине.

Их приучали к осторожности. Потому что они не первые хозяева Астры, да и сейчас они не хозяева. Существует множество руин, оставленных Иными. Эта раса господствовала на планете, пока война не завершила ее падение. А водяные, с их памятью о рабстве и темном прошлом в экспериментальных ямах этой старшей расы, продолжали настаивать, что за морем, на неизвестном западном континенте, сохраняются остатки распадающейся цивилизации Иных. И поэтому разведчики из Хоумпорта выходили поодиночке и парами и с помощью животных собирали информацию.

Прыгуны лишь смутно помнят вчерашний день, а инстинкт заставляет их заботиться о завтрашнем. Но происшедшее сегодня передается от прыгуна к прыгуну и может прикосновением к сознанию предупредить человека или водяного. И если выходит на охоту ужасный змеядьявол, прыгуны распространяют предупреждение. Всепоглощающее любопытство влечет их к любым происшествиям, и они тут же передают о них сведения. Дальгард знал, что к его услугам, когда понадобятся, тысячи глаз. И поэтому не опасался, что его захватят врасплох, каким бы опасным ни было путешествие.

— Город... — Он мысленно формулировал слова, одновременно произнося их вслух. — Далеко ли мы от него?

Водяной согнул худые плечи — своего рода пожатие плечами у его племени.

— Три дня пути, может, пять. — На его мохнатом лице не отражались эмоции, но он явно испытывал отвращение. — И место это проклятое. Мы к таким не возвращались с дней падающего огня...

Дальгард хорошо знаком с руинами, расположенными в немногих милях от Хоумпорта. И знает, что этот огромный безжизненный метрополис не табу для водяных. Но вот другое за-

гадочное поселение, о котором он услышал только недавно, по-прежнему избегается морским народом. Только Ссури и кое-кто из его ровесников может решиться на путешествие к этому запретному месту, которое длительная традиция считает опасным.

Дальгард понимал, что собирается в опасный путь, и потому три дня назад рассказывал старейшим о своих планах уклончиво. Но поскольку такие путешествия по традиции всегда совершаются в неизвестное, его не слишком расспрашивали. В целом, решил Дальгард, глядя, как Ссури ловко отделяет мясо рыбы от костей, он может считать, что ему повезло, а это путешествие заранее предопределено. И он принялся собирать траву, чтобы устроить постели на нагретой солнцем земле.

Они поели и удовлетворенно лежали на мягком песке в недостижимости для волн. Вдруг Ссури поднял голову со сложенных рук и как будто прислушался. Как у всех водяных, у него уши были глубоко запрятаны в шерсть и больше не служили органом слуха; вместо них используется мысленное соприкосновение. Дальгард уловил мысль спутника, хотя у него самого не настолько обостренные чувства, чтобы уловить то, что встревожило водяного.

— Бегуны...

Дальгард нахмурился.

— Еще светло. Что их встревожило?

По виду Ссури продолжал прислушиваться, хотя его товарищ ничего не слышал.

— Они идут издалека. Ищут новую охотничью территорию.

Дальгард сел. Для разведчика Хоумпорта необычное — всегда предупреждение, сигнал о необходимости напрячь мозг и тело. Ночные бегуны... Это мохнатые обезьяны, охотники, прочесывающие безлунные леса Астры, когда другие представители высшей фауны спят. Они отдаленные родственники племени Ссури, хотя между ними такая же пропасть, как между цивилизованным человеком и обезьяной джунглей. Бегуны безвредны и пугливы, но известно, что они упрямо, поколение за поколением, держатся одной и той же территории. И переселение такого племени на новую территорию — загадка, и ее следует разгадать.

— Змеедьявол... — предположил Дальгард, мысленно представив себе злобное пресмыкающееся, которое сразу пытается убить любого встречного. Рука его устремилась к ножу на поясе.

Эту свистящую ненависть, которой руководит лишь безмозглая ярость, встречают только оружием.

Но Ссури не принял это объяснение. Он теперь сидел, глядя туда, где долина встречается с утесами. Видя, что он чем-то озабочен, Дальгард не стал больше задавать отвлекающих вопросов.

— Нет, не змеедьявол... — после долгого молчания последовал ответ. Водяной встал и начал перемещаться по песку в своеобразном полутанце, который яснее выдавал его возбуждение, чем мысли.

— У прыгунов нет никаких новостей, — сказал Дальгард.

Ссури сделал нетерпеливый жест вытянутой рукой.

— Разве прыгуны уходят далеко от своих нор? Где-то там... — Он указал налево и на север. — Беда, большая беда. Сегодня ночью мы будем разговаривать с бегунами и узнаем, что это такое.

Дальгард с сожалением взглянул на лагерь. Но не стал возражать, потянулся за луком и снял с него защитное покрытие. С колчаном, полным тяжелых стрел, на плече он готов был следовать за Ссури в глубь суши.

В четверти мили от моря легкая тропа, идущая по долине, кончилась, перед путниками встала скальная стена. Выхода не было: нужно подниматься. Но заходящее солнце позволяло ясно различить все углубления и опоры для рук и ног.

И вот они поднялись на утес и увидели неровную голую каменистую площадку. Вдали, примерно в миле, манила зелень растительности. Ссури задержался ненадолго, его круглая, почти лишенная черт голова медленно поворачивалась, и вот он уверенно двинулся на северо-восток, словно видел перед собой цель. Дальгард шел за ним, осторожно посматривая вокруг. В такой местности обычно живут летающие драконы. Конечно, они невелики, но проворные нападения сверху заставляют с ними считаться. Однако Дальгард увидел только двух птиц-бабочек, которые кружили на своих ярко окрашенных крыльях, исполняя над нагретым камнем свой грациозный воздушный танец.

Путники пересекли плоскогорье, и перед ними открылся спуск к центральным равнинам континента. Они шли по высокой траве, и Дальгард знал, что за ними непрерывно наблюдают. За ними следят прыгуны. А однажды в разрыве деревьев он увидел небольшое стадо двурогов, укрывшееся в лесу. Присутствие этих двурогих существ, так похожих на терранских лошадей, ко-

торых Дальгард видел только на картинках, говорило о том, что поблизости нет змеядьяволов: быстроногие двуроги никогда не встречаются ближе дневного пути от своих главных врагов.

День перешел в долгие летние сумерки, а Ссури продолжал идти. И пока не было видно никаких следов Иных. Ни куполообразных ферм, ни монорельсов, ни других остатков их жизни, какие встречаются в окрестностях Хоумпорта. Местность вокруг словно всегда была дикой, предоставленной животным Астры. Дальгард размышлял об этом, живое воображение подсказывало различные причины. Но от спутника пришло объяснение.

— Это пограничная местность.

— Что?

Ссури повернул голову. Круглые, почти никогда не мигающие глаза смотрели в глаза Дальгарда, словно интенсивность взгляда подчеркивала мысль.

— То, что лежит на севере, защищалось и в дни до падающего огня. Даже Иные, — искаженный символ Иных сопровождался ненавистью, которая у племени Ссури не ослабла за те поколения, что миновали после бегства из рабства у прошлых хозяев Астры, — даже Иные не могли сюда проходить без специального разрешения. Город, который мы ищем, в таком запретном месте, а эта дикая земля — его граница.

Дальгард пошел медленнее. Углубляться в местность, которую Иные использовали как барьер на пути к своим тайнам, рискованно. Первая экспедиция из Хоумпорта, высланная вскоре после посадки звездолета, была обстреляна автоматическими пушками, по-прежнему защищающими местность от давно исчезнувших противников. Может, эта территория тоже охраняется? Если так, нужно действовать осторожно...

Ссури неожиданно свернул, пошел не на северо-восток, а прямо на север. Кустарники, росшие у основания утесов, уступили место открытым полям, невозделанным, только высокая трава на них раскачивалась на ветру. Такая местность не способна привлечь ночных бегунов, и Дальгард начал испытывать сомнения. Им нужно найти воду, предпочтительно мелкий ручей, если они хотят найти привычную для обезьян обстановку.

Через четверть часа Дальгард понял, что Ссури не ошибался. В незаметном углублении нашелся ручей. Стоящий на его берегу прыгун поднял морду, с которой капала вода, и посмотрел

на путников. Дальгард установил контакт с животным. Обычное любопытство, ничего не встревожило и не возбудило зверька. Дальгард не пытался поддерживать контакт, они пошли вниз по ручью. Сссури с удовольствием шел по воде, ему было приятно испытывать знакомое ощущение.

Водные жители разбегались от них, над головой жужжали насекомые. А в остальном они шли словно по пустыне. Ручей стал шире, все больше в нем попадалось островков из гравия, оставленных весенним разливом; теперь у них сухие вершины, на некоторых уже показались дерзкие зеленые побеги.

— Здесь... — Сссури остановился, воткнул древко копья в берег одного из таких островков. Он сел, скрестив ноги; так он будет терпеливо сидеть, пока не появятся те, кого он ждет. Дальгард отошел немного подальше от воды и тоже сел. Бегуны робки, подобраться к ним трудно. А сами они подойдут охотнее, если Сссури будет один.

Громко журчал ручей, перекрывая шелест травы на ветру. Солнце, скрывшись за утесами, садилось в море; быстро наступала ночь. Дальгард, знающий, что видит в темноте гораздо хуже местных жителей Астры, приготовился терпеливо ждать всю ночь; но не без сожаления он снова вспомнил о лагере на берегу.

Сумерки, затем ночь. Сколько еще до появления бегунов? Дальгард улавливал отрывочные мысли прыгунов; большинство торопилось к своим гнездам из глины; иногда доносилась мысль другого ночного существа. Дальгард был уверен, что однажды его сознания коснулось ощущение ненасытного голода — признак летающего дракона, хотя обычно драконы по ночам не охотятся.

Дальгард не пытался связаться с Сссури. Водяного нельзя тревожить, когда он мысленно ищет бегунов.

Разведчик лег на спину и смотрел в небо, пытаясь разобраться во множестве впечатлений, которые посылала ему окружающая жизнь. Тогда-то он и увидел...

Огненная стрела прочертила черную чашу ночного неба Астры. Огонь яркий и совершенно чуждый; Дальгард вскочил, по спине его пробежал холодок предчувствия. За все годы блужданий по лесам, за все разведочные походы, в рассказах старших в Хоумпорте — никогда он ничего подобного не видел, ни о чем таком не слышал.

И тут же он уловил изумление Сссури.

— Опасность... — Приговор водяного подкрепил его собственную тревогу.

Опасность пересекла ночное небо с востока на запад. А на западе находится то, чего они всегда боятся. Что же теперь будет?

Глава 2

ПОСАДКА

Раф Курби, технер и пилот флиттера, лежал на мягком противоперегрузочном матрасе своей койки и широко раскрытыми глазами смотрел на тусклый серый металл у себя над головой. Он пытался не слышать поток бессмысленных слов, заполнявший маленькую каюту. С самого начала, с того момента, как его назначили членом экипажа, Раф знал, что примет участие в игре, в рискованной игре, где все шансы будут против него. РК-10 — само число на носу их корабля говорило об этом. Десять ищущих пальцев протянулись в неведомую черноту космоса. Судьба РК-3 была известна: корабль расцвел огненным цветком на орбите Марса. А РК-7 явно потерял управление, хотя приборы Терры продолжали улавливать его передачи. Что же касается остальных — ни один из них не вернулся.

Но корабли строились, из числа тренирующихся для полета по жребию определялись экипажи, и каждые пять лет новый корабль поднимался в космос со всеми усовершенствованиями, какие смогли сделать инженеры после предыдущего старта.

РК-10... Раф от отвращения закрыл глаза. После месяцев, проведенных в непрерывно вибрирующем корпусе, он знал, казалось, каждую заклепку, каждый шов, каждую плиту корабля. И не было никаких причин считать, что полет когда-нибудь закончится. Они будут лететь и лететь сквозь пространство, пока в летящей оболочке не останется лишь мертвый экипаж.

Такие мысли — опасный признак. Когда Раф доходит до этого пункта, он старается думать о чем-то другом, разорвать цепь дурных предчувствий. Как? Присоединиться к постоянным монограммам Вонстеда, полным жалоб и сожалений? Раф так часто слышал его слова, все снова и снова, что они потеряли всякий смысл; всего лишь поток бессмысленных звуков, и Раф заметил

бы его, только если бы человек, делящий с ним это тесное помещение, вдруг исчез.

— Не нужно было мне записываться на подготовку... — Нытье Вонстеда продолжалось.

Ну, это неоригинально. У всех у них возникла такая мысль, когда жребий назвал их имена — имена участников полета. Независимо от того, какая причина привела их в тренировочный центр: сказочная плата, искренний интерес к проекту, исследовательская лихорадка, — Раф не верил, что есть хоть один человек, у которого не упало сердце, когда он услышал, что отобран для полета. Даже он, всю жизнь мечтавший о звездах и чудесах, которые ждут за большим прыжком, чувствовал себя ужасно, когда впервые ступил на борт, занял свое место на этой самой койке и, с пересохшим ртом, весь дрожа, ждал старта.

Здесь теряешь всякое представление о времени. Космонавты ели немного, спали, когда могли, старались сократить бесконечные часы, искусственно объединенные в заранее установленные периоды. Но все же недели могли означать месяцы, месяцы — недели. Они могли находиться в космосе годы — или только дни. Они знали только бесконечную монотонность. И прерывалась она либо сонным отрицанием окружающего, как у Хэмпса и Флоя, либо приступами убийственного гнева, как у Морриса, который сейчас заключен в одиночке. И никакого ожидаемого конца полета...

Раф дышал неглубоко. Воздух на корабле затхлый, он почти ощущает его вкус. Трудно теперь вспомнить, каково это быть под открытым небом, когда дует свежий ветер. Он пытается представить себе вместо этой тусклой полоски над головой зеленую траву, дерево, даже голубое небо с плывущими белыми облаками. Но полоска упрямо остается серой, жалобы Вонстеда продолжаются, они вызывают боль в ушах, а дрожь корабля пронизывает все худое тело.

Какими они были, эти легендарные ранние полеты, когда не был еще открыт овердрайв, когда человек, решившийся лететь к звездам, должен был погрузиться в сон и проснуться поколения спустя либо не проснуться вовсе? Раф видел немногие документы, обнаруженные четыре-пять сотен лет назад в штабе научных изгнанников, которые бежали от господства Общества Мира и осмелились уйти в космос в надежде совершить перелет в холодном сне. Тайна такого сна впоследствии была

утрачена. Ну, думал Раф, по крайней мере, они избежали всех неудобств полета.

Нашли ли они свой новый мир или миры? С тех пор как эти документы были опубликованы, после падения Мира и создания Федерации Свободных, об этих полетах спорили тысячи раз.

По сути, именно публикация этих документов послужила дополнительным толчком для создания армады РК. То, на что человек решился однажды, он способен повторить. Человечество охватила страсть к поиску знаний, запрещенная во времена Мира. Все больше людей посвящали себя лихорадке исследований и открытий. И достаточно было слабой надежды на успешный полет к звездам и возвращение на Землю, чтобы три четверти сил планеты в течение ста лет были отданы этой цели.

И если РК-10 потерпит неудачу, будут одиннадцатый, двенадцатый, они будут подниматься на огненном столбе в пустоту, если только что-то неожиданное не направит интерес общества в другое русло.

Раф устало закрыл глаза. Скоро прозвучит гонг и его период отдыха официально закончится. Но вряд ли стоит вставать. Он не голоден, концентраты надоели. А информационные ленты он помнит уже наизусть.

— Нечего видеть, нечего, кроме этих проклятых стен! — Снова нытье Вонстеда.

Да, во время овердрайва смотреть не на что. Иллюминаторы корабля остаются закрытыми, пока космонавты снова не окажутся в нормальном пространстве. Конечно, если полет закончится благополучно и они не застрянут навсегда на узкой тропе, лишенной времени, света и расстояния.

Прозвучал гонг, но Раф не сделал попытки подняться. Краем глаза он видел, как Вонстед зашевелился и сел.

— Эй, сигнал сбора! — сказал он Рафу.

Тот со вздохом приподнялся на локте. Если не встанет, Вонстед способен доложить капитану о его странном поведении, и тогда за ним будут следить в ожидании отклонений, которые могут означать неприятности. Рафу совсем не хотелось оказаться в одиночке, как Моррис.

— Иду, — мрачно сказал Раф. Но оставался на койке, пока Вонстед не вышел. И только потом как можно медленнее последовал за ним.

И поэтому не был с остальными, когда постоянную вибрацию, заполнявшую коридоры корабля, перекрыл новый звук. Раф застыл, ледяной страх сковал его мышцы. Неужели сигнал катастрофы?

Он взглянул на лампу в конце короткого коридора. Нет, красного сигнала тревоги нет. Значит, это не опасность — но что тогда?..

Потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: это не сигнал тревоги, нет, такой же звук сопровождал их в начале полета; они уже почти потеряли надежду услышать его снова. Удалось!

Пилот без сил прислонился к стене, глаза его жгло, руки дрожали. Он понял, что никогда на самом деле не надеялся на успех. Но у них получилось! РК-10 добрался до звезд!

— Подготовиться к переходу, пристегнуться! — Это бестелесный голос капитана Хобарта; он почти неузнаваем от переполняющих его чувств. Раф повернулся и, спотыкаясь, направился назад в каюту, чтобы снова броситься на койку и привязаться.

Он скорее услышал, чем увидел, как Вонстед следует его примеру; впервые за долгие месяцы он молчал, готовясь к переходу, который вернет их в нормальное пространство, к звездам. Раф сломал ноготь, застегивая пряжки.

— Состояние — красное, состояние — красное, пристегнуться для перехода... — звучал со стены голос Хобарта. — Один, два, три... — послышался отсчет, — десять. Приготовиться!

Раф забыл, что такое переход. В первый раз он испытал это состояние под действием успокоительного. На этот раз хуже, чем в прошлый, гораздо хуже. Он пытался закричать, выразить протест против пытки, терзающей мозг и тело, но не смог испустить даже слабый стон. Это невыносимо... можно сойти с ума... или умереть... умереть... умереть...

Он пришел в себя, ощущая во рту вкус крови; болели глаза, Раф с трудом попытался сосредоточить взгляд и разглядеть слишком знакомую стенку. Слышался голос, он отступал, снова приближался, заполняя воздух; наконец слова приобрели смысл, в них звучало торжество!

— Получилось! Мы сделали это, парни! Звезда класса Солнца, три планеты. Выходим на орбиту...

Раф облизал губы. Слишком трудно воспринять все сразу. Итак, они своего добились, половина рискованного предприя-

тия осуществлена. Они вырвались из собственной солнечной системы, совершили большой прыжок, и теперь перед ними неизвестное. Оно совсем рядом.

— Слышишь, парень? — спросил Вонстед. Голос его больше не звучал жалобно, таким твердым Раф его вообще не помнил. — Мы прошли. И снова коснемся почвы! Почва... — Он замолчал, словно погрузившись в мечты.

На корабле что-то изменилось. Устойчивое гудение, от которого болели уши, которое проникало в кости, когда корабль преодолевал чуждое гиперпространство, теперь сменилось довольным урчанием, словно корабль тоже радовался успеху их отчаянной попытки. Впервые за долгие утомительные недели Раф вспомнил о своих обязанностях. Они начнутся, когда РК-10 на огненной подушке опустится на новую планету. Он должен собрать и подготовить небольшой флиттер для команды исследователей, поднять машину и вывести ее из корабля. Нахмурившись, он мысленно начал повторять все, что необходимо сделать, как только они садут.

Из рубки поступала информация. Открыли иллюминаторы в обычное пространство, включены двигатели корабля, полет происходит под управлением космонавтов-пилотов. Целью их будет третья планета, на которой есть атмосфера и вода.

Те, кто не был занят на вахте, столпились перед экраном. Планета выросла из точки в шар размером с апельсин. Все забыли о времени; в глубине души никто не надеялся увидеть это чудо на экране. Раф знал, что в рубке управления ведутся непрерывные записи; корабль перешел на тормозящую орбиту; если повезет, эта орбита приведет их на поверхность нового мира.

— Города... это, вероятно, города! — Все заворуженно смотрели на экран. Лабле, ксенобиолог, сидел, вцепившись в нижний край экрана; он, не отрываясь, смотрел на изображение; остальные обменивались замечаниями. Неужели на самом деле города?

Раф прошел по коридору к закрытому помещению, где находятся машина и оборудование, за которое он отвечает. Последние часы ожидания самые тяжелые. Если только они смогут сесть!

В тренировочных полетах, которые теперь кажутся такими далекими, он ходил по ржаво-красным пустыням Марса, бродил в защитном скафандре по кратерам мертвой Луны, побывал и на крупных астероидах. Но каково будет ходить по земле, согретой

лучами чужого солнца? Ожило воображение, о существовании которого не подозревали его начальники. Сказывалось наследие смеси множества рас. Раф ушел в каюту, сел на койку и смотрел на свои умелые руки механика, на самом деле не видя их; в сознании его возникали чудеса, которые он сможет увидеть через несколько часов, последних часов заключения в этом металлическом корпусе, который он уже привык ненавидеть.

Он знал, что Хобарту тоже не терпится сесть, но и ему, и остальным членам экипажа казалось, что они слишком медленно входят в атмосферу планеты. И только когда поступил приказ пристегнуться и подготовиться к посадке, все почувствовали удовлетворение. Корабль опускался под углом, переходя от ночи ко дню и снова к ночи, кружа вокруг неведомого шара. Больше они не могли смотреть на цель своего полета. Будущее целиком зависело от мастерства тех троих, что сидят за приборами, и больше всего от рассудительности и умения самого Хобарта.

Капитан вел корабль вниз на тормозящих ракетных двигателях, РК-10 встал на стабилизаторы, он превратился в огненный палец, устремленный в небо и окруженный облаками дыма от загоревшихся при посадке кустов.

Началось новое ожидание; измученному экипажу оно казалось бесконечным; нужно было проанализировать состав атмосферы, осмотреть окружающую местность. Но вот дан сигнал готовности, выдвинута рампа, и собравшиеся у люка еще несколько мгновений колебались, хотя путь перед ними был открыт.

За выгоревшим кольцом вокруг корабля раскинулась волнистая равнина, поросшая высокой травой, которая колыхалась на ветру. Свежий ветер очищал легкие от затхлого воздуха корабля.

Раф снял шлем и высоко поднял голову, обдуваемую ветром. Он словно купался в воздухе, смывая грязь долгих дней заточения. Сбежал по рампе, опередив небольшую группу собравшихся, и опустился на траву, потрогал ее руками, испытывая легкое потрясение от ощущения необычности.

Широкая полоса неба над головой не вполне голубая, как он сразу же заметил. Легкий оттенок зелени, и по небу движутся сербрядные облака. Но, если не считать травы, они словно оказались в центре мертвого мира. Где же города? Или они были рождены воображением?

Немного погодя, когда первое ощущение чуда чуть ослабло, Хобарт призвал всех к исполнению прозаических обязанностей, к устройству базы. И Раф занялся своими делами. Открыли запечатанный склад, кран переносил оборудование на поверхность. Наутро все уже будет снаружи.

Ночь провели в корабле, хоть и против своей воли. После испробованной свободы тесные каюты давили, действовали как тюрьма. Раф лежал на матрасе не в состоянии уснуть. Ему казалось, что даже сквозь тяжелые плиты корабельной брони он слышит вздохи свежего ветра, призыв мира, который открытым лежит перед ними. Мысленно шаг за шагом он выполнял процедуры, за которые завтра будет нести ответственность. Разгрузка небольшой машины, сборка корпуса и двигателя. И незаметно уснул, спал так крепко, что утром Вонстеду пришлось его расталкивать.

Раф поспешно проглотил еду и еще до рассвета занялся работой. Но как бы он ни был поглощен ею, все время посматривал на почву, по которой ступали его башмаки, на высокую траву; с неослабевающей дрожью постоянно вспоминал, что это не его родная земля или трава, что здесь никогда раньше не стоял человек. Это новая планета в новой солнечной системе.

Сказались подготовка и многочисленные тренировки. К вечеру флиттер был собран, лишь двигатель еще лежал на поворотной площадке. Маленькая группа совершила вылазку и, вернувшись, рассказала о небольшом ручье, скрытом в углублении равнины, а Вонстед принес пушистого зверька размером с кролика, которого убил на берегу.

— Он совсем ручной. — Вонстед гордился добычей. — Глупый зверь просто стоял и смотрел на меня, когда я бросал камень.

Раф поднял маленькую тушку. Шерсть красновато-коричневая, густая и очень мягкая на ощупь. Грудка желто-белая, передние лапки короткие и удивительно напоминают руки. Неожиданно Раф пожалел, что Вонстед убил зверька; впрочем, Чу, биолог, будет доволен. Но животное выглядело совершенно беззащитным. Не хотелось отмечать первый день пребывания в новом мире убийством, пусть даже глупого кролика. Пилот был рад, когда Чу забрал зверька и ему можно было больше не смотреть на него.

После ужина Рафа вызвали к капитану. Он доложил, что, если не произойдет ничего непредвиденного, завтра к середине дня флиттер будет готов к вылету. Ему показали увеличенные снимки, сделанные во время спуска РК-10.

Да, это город, он хорошо виден с воздуха. Хобарт пальцем указал на его центр.

— Он к югу от нас. Полетим в этом направлении.

Рафу хотелось задать несколько вопросов. Город большой. Почему же он окружен пустыней? Почему его обитатели не заметили посадку корабля и не явились выяснять, что происходит? Он медленно сказал:

— Я установил одну пушку, сэр. Нужно ли устанавливать вторую? — Это означало бы, что флиттер сможет взять трех человек, а не четырех...

Хобарт двумя пальцами оттянул нижнюю губу. Взглянул на помощника, потом на Лабле, молча сидевшего за столом. Первым заговорил Лабле:

— Я бы сказал, что видны явные следы упадка. — Он коснулся пальцем фотографии. — Возможно, это только руины.

— Хорошо. Вторую пушку не нужно, — резко приказал Хобарт. — И будьте готовы к полету наутро послезавтра. С полным запасом горючего. Вы уверены, что флиттер выдержит тысячемильный полет?

Раф хотел было пожать плечами, но сдержался. Можно ли ручаться, как поведет себя машина в новых условиях? На Терре флиттер подвергли всем возможным испытаниям. Другое дело, будет ли он действовать так же исправно здесь.

— Конструкторы считают, что выдержит, — ответил он. — Завтра утром я установлю двигатель и сделаю пробный вылет.

Капитан Хобарт кивком отпустил его, и Раф с удовольствием сбежал по лестницам и вышел на свежий вечерний воздух. Вдалеке двумя рядами летели какие-то птицы. По крайней мере, они показались ему птицами. Но он не стал привлекать к ним внимание остальных. Продолжал смотреть им вслед, не испытывая желания присоединиться к экипажу, собравшемуся невдалеке у лагерного костра. Пламя, знакомое и веселое, словно частица родного мира, перенесенного сюда, на новую планету.

Раф слышал гул голосов. Но отвернулся и направился к флиттеру. Взяв фонарик, проверил сделанную за день работу. Завтра...

Завтра он поднимет машину в сине-зеленое небо, сделает круг над морем травы, проведет короткий испытательный полет. Это ему хочется сделать.

Но мысль о полете на юг, к этому расплывшемуся пятну, в котором Хобарт и Лабле опознали город, почему-то вызвала неприязнь.

Глава 3

СЛЕД ЗМЕЕДЬЯВОЛА

Дальгард, готовясь снова выйти в море, натягивал водонепроницаемый покров на лук. Одновременно он внимательно слушал Ссури.

— Но ведь это даже не слухи прыгунов, — возразил он, вмешиваясь в поток мыслей своего спутника.

— Конечно. Но вспомни: бегуны вчера были очень далеко. Для них одна ночь похожа на другую; они не считают время, как мы, не запасают воспоминания на будущее. Они оставили свою охотничью территорию и перемещаются на юг. И только очень большая опасность может заставить их так поступить. Это противоречит всем их инстинктам!

— Итак, давно, может месяцы, недели или просто дни назад, из моря пришла смерть, и те, кто выжил, бежали... — Дальгард повторил скудную информацию, которую ночью после долгих уговоров получил от Ссури. — Но что за смерть?

Большие глаза Ссури, серьезные и чуть усталые, встретились с его взглядом.

— Для нас существует только одна смерть, которой нужно бояться.

— Но ведь есть змеедьяволы... — возразил разведчик колонии.

— Да, встреча с змеедьяволом — тоже смерть. Но быстрая смерть, такая смерть может прийти к любому живому существу, даже самому ловкому и осторожному. Для змеедьявола все живое и движущееся — всего лишь мясо, которым можно заполнить зияющую пустоту раздутого брюха. Но в старину мы знали другую смерть, гораздо хуже той, что несут когти и клыки дьявола. Этой смерти мы и боимся. — Он проводил пальцами по гладко-

му древку копья, как будто испытывал свое оружие, готовясь пустить его в ход.

— Иные! — Дальгард произнес это слово мысленно и вслух.

— Да. — Ссури не кивнул, но мысль его выразила полное согласие.

— Но раньше они не приходили, с тех самых времен как сел корабль моих предков, — возразил Дальгард. Он возражал не против рассуждений Ссури, а против самой идеи.

Водяной встал, развел руки, указывая не только на бухточку, в которой они укрылись, но на весь континент.

— Когда-то все это принадлежало им. Но они воевали и перебили друг друга, так что осталась горстка — зализывать раны и ждать. И прошло множество троек сезонов, прежде чем они вышли из укрытия. Но теперь они вышли и пришли за добычей в место, где хранятся их тайны... Вероятно, за это время многое забыли и должны восстановить свои знания.

Дальгард положил лук на дно лодки.

— Наверно, нам нужно взглянуть самим, — заметил он, — чтобы доложить истину нашим старейшим. Не просто слухи, узанные от ночных бегунов.

— Верно.

Они вышли в море и повернули нос легкого судна на север. Характер местности не менялся. По-прежнему берег ограждали утесы, в некоторых местах поднимаясь прямо от воды, в других — разбитые у основания волнами. И на вершинах их виднелись только летающие существа.

Но к полудню картина неожиданно преобразилась. Широкая река разрезала стену и породила веерообразную дельту, густо покрытую растительностью. В глубине растительности виднелся купол, хорошо знакомый Дальгарду. Его поверхность, без дверей и окон, глянцево блестела на солнце; на первый взгляд сооружение казалось нетронутым, словно его хозяева умерли или покинули его только вчера, а не несколько столетий назад.

— Это единственный путь к запретному городу, — объявил Ссури. — Когда-то здесь стояла охрана.

Дальгард хотел предложить осмотреть купол, но последнее замечание заставило его заколебаться. Если это одно из укреплений, окружающих запретную территорию, есть серьезная опасность попасть в автоматически действующую ловушку, даже столетия спустя.

— Поднимемся по реке? — Решение он предоставил Ссури, который может руководствоваться традициями своего народа.

Водяной взглянул на купол; по его отношению ясно было, что он не хочет осматривать его тщательней.

— У них были машины, которые сражались за них, и иногда эти машины продолжают сражаться. Эта река — естественный доступ для врагов. Поэтому она должна быть хорошо защищена.

При свете солнца зеленая дельта выглядела абсолютно мирно. На берегу рыбачило семейство уткособак, своими широкими клювами животные откапывали в песке водяных червей. Птицы-бабочки танцевали вверху, в восходящих течениях. Но Дальгард готов был согласиться со своим спутником: опасайся самых легких путей. Они глубоко погрузили лопасти весел в воду и поплыли поперек реки, к утесам на северном берегу.

Два дня пути вдоль берега привели их в большой залив. Дальгард ахнул, когда перед ними открылся вид на порт.

В скале были вырублены карнизы, серией гигантских ступеней они тянулись от моря в глубь суши. На каждом карнизе находились здания, и тут древняя война оставила свои следы. Сама скала кипела, в ней застыли пузыри; в полудюжине мест вниз по карнизам стекали затвердевшие теперь реки лавы, снося все сооружения на пути; в этих застывших потоках ярко отражалось солнце.

— Так вот каков твой тайный город!

Но Ссури покачал круглой головой.

— Это всего лишь морские ворота к нему, — поправил он. — В день огня здесь была битва, и нам не нужно бояться машин; в других местах они нас, без сомнения, ждали бы.

Они вытащили на берег лодку и спрятали ее в углублении под одним разрушенным зданием на нижнем карнизе. Дальгард послал ищущую мысль, надеясь установить контакт с прыгуном или хотя бы уткособакой. Но, очевидно, в развалинах нет животных; это было справедливо и для большинства других разрушенных городов, в которых ему довелось побывать. Фауна Астры сторонится всего, что построено Иными, как бы давно эти руины ни лежали под ветром и очищающими дождями.

С трудом, обходя застывшие реки лавы, они поднимались со ступеньки на ступеньку гигантской лестницы, не останавливаясь и не заглядывая в здания, мимо которых проходили. В городе чувствовалась тень чужой жизни, и Дальгард испытывал отвращение к ней и рад был бы побыстрее оказаться в чистой мест-

ности за пределами разрушений. Сссури неслышно шел вперед, согнув плечи; каждая черта его стройного тела выражала отвращение к сооружениям чужаков.

Когда они поднялись на вершину, Дальгард обернулся и посмотрел на беспокойное море. Какой вид! Возможно, Иные соорудили этот город для защиты, но, конечно, и они должны были гордиться таким подвигом. Такого поразительного зрелища он никогда не видел, и его сообщение займет достойное место в записях Хоумпорта.

Прямо от верха лестницы из гигантских уступов уходила дорога, она прямо шла в глубь местности, не обращая внимания на ее рельеф, с обычным высокомерием инженеров-строителей Иных. Но Сссури не пошел по ней. Напротив, повернул налево, избегая легкого пути, пробираясь спутанными зарослями, которые когда-то были садами, или открытыми полями.

Они далеко ушли от города, когда заметили первого прыгуна, взрослого самца со странной светлой шерстью. Не проявляя обычного бесстрашного интереса к незнакомцам, животное бросило на них быстрый взгляд и убежало, словно по пятам за ним гнался змеядьявол. И Дальгард воспринял острую волну ужаса, как будто прыгун увидел в них страшную угрозу.

— Что?.. — Искренне удивленный, он в поисках объяснения посмотрел на Сссури.

Прыгунов можно приучить. Они крадут любые яркие предметы, привлекающие их интерес. Но их можно уговорить меняться, и обычно они не боятся ни колонистов, ни водяных.

Покрытое шерстью лицо Сссури почти не способно на выражение эмоций, но Дальгард сразу понял, что водяной не меньше его самого поражен поведением зверька.

— Он боится того, кто ходит прямо, как мы, — наконец ответил Сссури.

«Того, кто ходит прямо». Дальгард тут же понял смысл этого.

Он знал, что Иные — двуногие квазигуманоиды, более близкие внешне к колонистам, чем к водяным. И поскольку колонисты ни разу не заходили так далеко к северу, а соплеменники Сссури никогда не соглашались посещать запретную территорию, остаются только чужаки. Странные существа, которых колонисты боятся, сами не зная почему, которых ненавидят водяные, и ненависть эта нисколько не ослабла за годы свободы. Итак, слухи, принесенные переселяющимися бегунами, правди-

вы: прыгун тоже боится двуногих. И причина для такого страха должна была появиться и подействовать недавно, иначе всякое воспоминание о страхе выветрилось бы из сознания животного.

Ссури остановился на участке травы, достигавшей ему до пояса.

— Лучше подождать темноты.

Но Дальгард не согласился с ним.

— Лучше для тебя, с твоим ночным зрением, — возразил он. — Но у меня нет твоих глаз.

Ссури вынужден был признать справедливость его слов. Он может идти безлунной ночью так же уверенно, как и при свете солнца. Но непрактично вести за собой спотыкающегося Дальгарда по незнакомой местности. Однако они могут передвигаться скрытно, и они так и поступили, пошли зигзагами, это замедляло продвижение, но так они переходили от одного кустарника к другому, от одной рощи к следующей, шли полями, подальше от дороги.

На ночь остановились в углублении у ручья, костра не разжигали. Дальгард оставался настороже, хотя знал, что мозг Ссури заглядывает гораздо дальше, пытается установить контакт с прыгуном, бегуном, с любым животным, способным дать ответ на их вопросы. Наконец Дальгард уже не мог держать глаза открытыми; последнее, что он запомнил: его спутник сидит неподвижно, как статуя, положив на колени копые, чуть склонив вперед голову, словно прислушивается к жужжанию ночных насекомых.

Когда на следующее утро разведчик колонистов проснулся, его спутник лежал, растянувшись во всю длину по другую сторону ручья. Но как только Дальгард пошевелился, Ссури поднял голову.

— Мы можем идти вперед без страха, — заверил он. — То, что тревожило эту землю, ушло.

— Давно ушло?

Дальгард не удивился отрицательному ответу Ссури.

— Они были здесь несколько дней назад. И нам хорошо бы узнать, что им тут было нужно.

— Может, они решили снова основать здесь базу? — Дальгард открыто высказал опасение, нависшее над колонией, когда земляне узнали о том, что Иные уцелели, пусть за морем.

— Если таков их план, они этого еще не сделали. — Ссури лег на спину и потянулся. Он утратил напряженность охотничьей собаки на поводке, которая была так заметна накануне. — Это

одно из их тайных мест, здесь хранится их знание. Они могут еще вернуться за ним.

И Дальгард сразу ощутил потребность торопиться. Если предположение Ссури справедливо, если Иные собираются восстановить знания, которые в опустошительной войне превратили в пустыню весь восточный континент... Вооруженные даже крохами прежних знаний, они превратятся в противника, против которого колонистам с Терры не устоять. То небольшое оружие, которое беженцы принесли с собой в отчаянном полете к звездам, давно стало бесполезным, и у них не было возможности создать новое. С самого детства Дальгард не видел иного оружия, кроме лука и меча-ножа; все, кто уходил из Хоумпорта, вооружались так. А какая польза от лука или одного-двух футов заостренного металла против оружия, которое убивает на расстоянии или превращает скалу в расплавленную реку?

Дальгарду не терпелось идти, побыстрее добраться до города, где, по уверениям Ссури, скрываются тайные знания. Может, и колонисты могут ими воспользоваться, как Иные.

И тут он вспомнил — и не только вспомнил, его поправил Ссури:

— Не думай об их оружии в своих руках. — Формулируя это предупреждение, Ссури не поднимал головы. — Давным-давно отцы твоих отцов поняли, что знание Иных не для них.

Дальгард смутно вспомнил рассказ, предупреждение, полученное им во время первого похода в развалины вблизи Хоумпорта. Да, он знает, что есть вещи, запретные для его племени. Например, лучше не разглядывать пристально многоцветные полосы, которые служили Иным письменностью. Записи Иных отыскивались и сохранялись в Хоумпорте. Но никто из колонистов не пытался их изучить, расшифровать, понять, что в них записано. Когда-то такой эксперимент чуть не привел к катастрофе, и теперь такие исследования считались слишком опасными.

Но не будет вреда, если он заглянет в этот город; к тому же он должен сообщить Совету, что здесь находится, особенно если Иные здесь или бывают здесь.

До середины утра Ссури держался полей, избегая дороги, потом неожиданно повернул, и они вышли на дорожное покрытие, занесенное слоем почвы. Местность казалась совершенно пустынной. Птицы-бабочки больше не танцевали в воздухе, не встретилось ни одного прыгуна. Так было до тех пор, пока доро-

га не углубилась в низину, и они увидели перед собой пространство, заполненное зданиями. Река, дельту которой они видели раньше, петлей огибала город. И никаких следов войны, разрушившей порт.

А посередине дороги лежал окровавленный клубок шерсти и расколотых костей, над ним гудели насекомые. Сссури копьем расправил маленькую тушку; она оказалась безголовой. И еще до первых зданий города путникам встретились еще четыре так же изуродованных тельца прыгуна.

— Это не змеедьявол, — заключил Дальгард. Насколько он знает, только огромные пресмыкающиеся и их меньшие летающие родичи охотятся на животных. Но змеедьявол от такого маленького животного вообще ничего бы не оставил, это всего лишь один укус для его вечно гложущего голода. А летающий дракон очистил бы добычу до костей.

— Они! — Ответ Сссури был короток. — Только они охотятся для забавы.

Дальгарда слегка затошнило. Для него прыгуны — друзья. Только со змеедьяволами и летающими драконами колонисты вели вечную войну. Неудивительно, что прыгун вчера в ужасе убежал от них!

Здания впереди были уже не куполами одиноких ферм, а устремленными к небу башнями. Путники прошли сквозь дыру на месте исчезнувших ворот; их проход сопровождался слабым шорохом песка, нагроможденного ветром миниатюрными дюнами.

Город оказался в лучшем состоянии, чем любые другие виденные Дальгардом. Но у него не было никакого желания заходить в зияющие двери. Город словно отвергал его и весь его род, как будто для сохранившегося здесь прошлого он все равно что прыгун или короткоживущая порхающая птица-бабочка.

— Все древнее, древнее... и внутри мудрость... — уловил Дальгард мысль Сссури. Он был уверен, что водяной испытывает то же тревожное ощущение, что и он сам.

Улица привела их на площадь, окруженную грандиозными зданиями. И тут они сделали еще одно открытие, которое заставило забыть о запретных знаниях и разбудило ощущение нормальной, ежедневной опасности.

В центре площади находился фонтан. Больше в нем не играла вода, но из него вытекал небольшой ручей. И на берегу этого ручья в грязи глубоко отпечатался след змеедьявола. Почти взро-

слый, решил Дальгард, измерив след пальцами. Ссури быстро повернулся, изучая окружающие здания.

— Час... может, два... — дал Дальгард охотничье заключение возраста отпечатка. Он тоже смотрел на эти здания. Встреча с змеедьяволом на открытом месте — одно дело, но играть с ним в прятки в таком муравейнике — совсем другое. Он надеялся, что рептилия ушла отсюда в открытую местность, но все же испытывал сомнения. Эти здания представляют собой прекрасное убежище, змеедьявол вполне может устроить в них свое логово. А змеедьяволы не живут в одиночку!

— Попробуем у реки, — посоветовал Ссури. Как и Дальгард, он сразу согласился с необходимостью преследования. Ни одно разумное существо не упустит возможности убить змеедьявола, если такой случай подвернется. А водяной и разведчик много раз шли по такому следу вместе. И они сразу принялись исполнять свои роли, с привычкой, выработанной долгой практикой.

Они выбрали направление к реке и через несколько ярдов увидели доказательство, что водяной догадался верно: на слое наносной почвы глубоко отпечатался еще один след.

Здания здесь были другого типа, без окон, возможно, склады. Но Дальгарду больше всего понравилось, что у всех них плотно запертые двери. Зверю здесь негде затаиться и подкарауливать их.

— Мы заранее услышим его запах. — Ссури уловил тревогу разведчика и дал свой ответ.

Конечно, они уловят запах издалека: ничто не может скрыть зловоние логова змеедьявола. По пути Дальгард усиленно принюхивался. Незнакомые запахи задерживались у этих зданий, но среди них нет отвратительных — пока.

— Река...

Да, впереди река; путь их закончился у верфи, построенной над маслянистым потоком. По обе стороны глухие стены. Если змеедьявол прошел этим путем, укрыться ему негде.

— За рекой...

Дальгард покорно хмыкнул. Почему-то ему не хотелось переплывать реку, не хотелось, чтобы медлительная вода с ее коричневым оттенком касалась его кожи.

— Вплавь не придется.

Дальгард посмотрел, куда указывал палец Ссури. Но то, что он увидел, не очень его успокоило. На волнах подпрыгивала лодка, по форме такая же чужая, как окруживший их город.

Глава 4

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Раф смотрел на широкую равнину; рассветный сумрак придавал всему серый оттенок, смягчал расстояния и позволял увидеть, как вечно колыхается на ветру трава. Пилот пытался понять, что делает эту картину такой нетронутой, свежей и новой. На Terre тоже есть обширные районы, опустошенные Большим Ожогом и ядерными войнами. Или позже, после восстания, уничтожившего империю Мира, который отбросил человечество назад по дороге цивилизации. Но даже бывая в этих диких местностях, Раф никогда не испытывал такого ощущения. Он готов был поверить, что записи, которые показал ему Хобарт, неверны, что этот мир никогда не знал разумной жизни, сосредоточенной в городах.

Он медленно спустился по рампе, глубоко вдыхая свежий воздух. Когда взойдет солнце, станет теплее. Но сейчас именно такое утро, которое заставляет радоваться тому, что ты жив — и молод! Может, отчасти действовало и то, что он свободен от корабля, что он больше не просто дополнительный груз, а человек с определенными обязанностями.

Космонавты обычно молоды. Но до сих пор Раф никогда не испытывал беззаботности молодости. Сейчас же ему хотелось нарушить приказ, поднять флиттер в небо, направиться в начинающее голубеть небо не просто для испытательного полета, не лететь к городу Хобарта, а просто кружить над обширным морем травы, самому увидеть все чудеса планеты.

Но дисциплина, к которой он приучал себя почти с самого рождения, заставила проверить летательный аппарат и ждать, внутренне кипя от нетерпения, ждать, пока к нему не присоединятся Хобарт, Лабле и Сорики, связист.

Ждать пришлось недолго. Вскоре эти трое, увешанные оборудованием, тоже спустились по рампе, и Раф сел за панель управления. Он включил поле, которое будет служить защитой от ветра, и поднял флиттер в набирающее цвета утреннее небо. Рядом Хобарт нажал кнопку автоматической записи, а на заднем сиденье Сорики надел на голову наушники. Они не только делали запись всего увиденного, они непрерывно находились на связи с кораблем, который уже превратился в серебряный карандаш далеко сзади.

Спустя два часа они установили по крайней мере одну причину изоляции района, в котором совершил посадку РК-10. Под ними поднялись пологие холмы, а впереди, за многие мили, стали видны неровные вершины горного хребта на бирюзовом фоне неба. Это почти непреодолимая преграда для любого путника: в узких долинах и разорванных хребтах нет легкого пути. А небольшой ручей, вдоль которого они летели, спускался в долину целой серией великолепных водопадов. Дважды пролетали они над густыми зарослями деревьев, настолько тесными, что сверху они напоминали сплошной сине-зеленый ковер. Пробриться сквозь такой лес — задача невозможная.

Четверо во флиттере разговаривали редко. Раф полностью сосредоточился на управлении машиной. Часто встречались неожиданные воздушные потоки, и приходилось быть постоянно настороже, чтобы удерживать маленький флиттер в ровном положении. И потому пилот лишь урывками видел местность внизу.

Наконец пришлось высоко подняться над растительностью нижних склонов, чтобы перевалить через вершины. Запас воздуха за защитным полем оставался постоянным, можно было не опасаться отсутствия кислорода. Раф про себя подумал, что этот хребет по высоте вполне может поспорить с самыми высокими горами Азии на его родной планете.

Когда они поднялись над самыми высокими вершинами, чуть не произошла катастрофа. Порыв ветра, как гигантской рукой, подхватил флиттер, и Раф отчаянно боролся с управлением. Флиттер быстро терял высоту. Если бы пилот не ожидал заранее чего-нибудь подобного, они разбились бы об одну из вершин, рядом с которыми пролетали. Раф, с пересохшим ртом, с вспотевшими руками, снова поднял флиттер, поднял выше, чем необходимо, перевалил через последний хребет и увидел впереди спуск к равнине, которую горы разрезали пополам.

— Совсем чуть-чуть. — Четкий лекторский голос Лабле перекрыл гул двигателя.

— Да, — подхватил Сорики, — могли бы стать мясом для шашлыка. Парень свое дело знает.

Раф чуть криво улыбнулся, но ничего не ответил. Он обязан знать свое дело. Иначе зачем он здесь? Все они специалисты в одной или нескольких областях. Но у него хватило здравого смысла промолчать.

Местность с юга от гор оказалась не такой, как дикая северная равнина.

— Поля!

Не требовалось указания Лабле, чтобы их увидеть. Местность внизу была искусственно разделена на длинные узкие полосы. Но растительность на этих полосах не отличалась от травы, которую они видели вокруг корабля.

— Поля не обрабатываются, — уточнил ученый свое первое заключение. — Заросли травой.

Раф уменьшил высоту полета, и поэтому, когда в зарослях кустов и деревьев показался купол, они пролетели над ним всего в пятидесяти футах. В округе дома не было никаких признаков жизни, а густые заросли свидетельствовали, что дом покинут не один год. Лабле хотел сесть и осмотреть строение, но капитан намерен был добраться до города. Одинокое здание мало что значит по сравнению с тем, что они могут узнать в мегаполисе. И, к облегчению Рафа, он получил приказ продолжать полет.

Он не мог бы объяснить, почему сторонится такого исследования. Только сегодня утром ему хотелось улететь и осмотреть мир, который казался таким ярким и новым. А теперь он рад, что всего лишь пилот флиттера, что рядом другие, которые будут принимать решения. У него возникло странное отвращение к местности; нежелание приземляться рядом с куполом.

За первой покинутой фермой они увидели шоссе; растрескавшаяся и полупогребенная дорога шла на юг, Хобарт предложил использовать ее как видимый ориентир. На протяжении следующего часа полета попадалось все больше изолированных домов-куполов. С воздуха хорошо видны были поля. Но нигде терранцы не видели признаков обработки и использования этих полей. И никаких животных или птиц. Странная пустота местности начала действовать на сидевших во флиттере. Что-то было в этой пустоте неестественное, и с каждой милей у Рафа все сильнее становилось желание лететь обратно.

Купола попадались все чаще, на перекрестках они теснились группами, собирались в поселки, где эти здания, одного размера и формы, выглядели как ячейки огромного улья. Раф подумал, что те, кто построил эти сооружения, совсем не были гуманоидами; может быть, насекомые с роевым сознанием. Эта мысль была неприятна, и потому он решительно сосредоточил все внимание на машине, которую пилотировал.

Они пролетели над четырьмя такими поселками, все они были расположены на пересечении дорог, идущих с севера на юг и с запада на восток, всегда с абсолютной точностью. Солнце стояло в зените или чуть перевалило через него, когда капитан Хобарт отдал приказ садиться, чтобы можно было поесть.

Раф опустил флиттер на потрескавшуюся поверхность дороги, не доверяя травянистым полям. Все вышли и некоторое время ходили по покрытию, некогда ровному и гладкому.

— Скоростное движение... — Это Лабле. Он опустил на колесо и пальцем проводил по поверхности.

— Прямая... — Сорики прищурился, глядя на солнце. — Их ничто не могло остановить, верно? Нам нужна здесь дорога, и мы ее получим! Такие дела. Должно быть, хорошие были инженеры.

Рафу эта прямая линия говорила еще кое о чем. Несомненно, хорошие инженеры. Но и безжалостные строители, не признающие никаких отклонений от первоначального плана, высокомерные и самоуверенные. Его не восхищали эти остатки цивилизации; больше того, смутное беспокойство все усиливалось.

Земля была так же неподвижна под шум ветра. Раф обнаружил, что постоянно прислушивается — хочет услышать жужжание насекомых, крик какого-нибудь зверька в траве, всего, что могло бы показать, что рядом есть жизнь. Жуя концентрат и отпивая из фляжки, Раф продолжал прислушиваться. Ничего.

Хобарт и Лабле рассуждали о том, что может находиться впереди. Сорики вернулся к флиттеру, чтобы связаться с кораблем. Пилот сидел на месте, довольный, что о нем забыли. Ему по-прежнему хотелось увидеть зверька, глядящего из травы, птицу, летящую в воздухе.

— ...если не доберемся до ночи... Но город не может быть так далеко! Я останусь и попытаюсь добраться утром. — Это Хобарт. И поскольку он капитан, так оно и будет. Рафу не хотелось проводить ночь в этой населенной призраками местности. С другой стороны, он не решится ночью провести флиттер над теми вершинами. Только при свете дня.

Но проблема эта не возникла, потому что во второй половине дня они увидели город. Дорога привела их прямо к удивительной группе зданий, которые казались вдвойне чуждыми, потому что среди них не было низких куполов, которые они видели раньше.

Тут были стройные тонкие башни и огромные массивные сооружения без окон, вдвойне громоздкие рядом с этими башнями.

ми; легкие мосты на головокружительной высоте от одного небоскреба к другому. Время и природа поработали здесь. Некоторые башни разрушились, мосты обвалились... Когда-то это был поразительный инженерный подвиг, гораздо более впечатляющий, чем шоссе, теперь же это медленно разваливающиеся руины.

Но прежде чем все успели охватить взглядом зрелище, Сорики возбужденно воскликнул:

— Что-то на наших частотах, сэр! — Он наклонился вперед и впился пальцами в плечо Хобарта. — Готов поклясться — это какое-то сообщение!

Хобарт сразу перешел к действиям.

— Курби, садимся, вот здесь!

Он выбрал для посадки плоскую крышу ближайшего здания, стоявшего немного в стороне от соседей, так что рядом не было ничего выше, кроме одной полуразрушенной башни. Раф повернул флиттер. Машина была специально сконструирована, чтобы взлетать и садиться на ограниченном пространстве, и он знал о таких посадках все, что можно узнать на родной планете. Но раньше он никогда не садился на крышу и понимал, что никакого пространства для ошибки у него нет. Хобарт нетерпеливо дышал рядом, руки его шевелились, словно он сам готов взять на себя управление.

Раф сделал два круга, разглядывая поверхность крыши в поисках трещин. Они могут вызвать катастрофу при посадке. И потом, не допуская никакой спешки, осторожно опустил машину, так что пассажиры не ощутили ни малейшего толчка.

Хобарт повернулся лицом к Сорики.

— По-прежнему принимаете?

Тот, прижимая к ушам микрофоны, кивнул.

— Дайте мне одну-две минуты, — сказал он, — и я определю направление. Они чем-то возбуждены, очень возбужденно болтают...

«О нас», — подумал Раф. Разрушенная башня возвышалась к югу от них. К востоку и к западу расположены здания такой же высоты, как то, на которое они сели. Маневрируя, готовясь к посадке, он не заметил в городе никаких признаков жизни. Вокруг только разрушения.

Лабле выбрался из флиттера и подошел к краю крыши, наклонился через парапет и посмотрел в бинокль вниз. Раф последовал его примеру.

Тишина и опустошение, окна, как глаза в кости черепа. На стенах, там, куда ветром нанесло почву, даже видна растительность. На взгляд пилота, город кажется мертвым.

— Готово! — Возбужденный возглас Сорики привел их назад к флиттеру. Связист начал поворачиваться, словно его тело служило индикатором, и указал вытянутой рукой на юг. — Примерно в четверти мили в том направлении.

Они заслонили глаза от заходящего солнца. Огромное здание возвышалось на фоне неба; рядом с ним маленькими казались не только другие здания, но и башни. Ясно, что некогда это сооружение играло важную роль.

— Дворец, — задумчиво сказал Лабле, — или capitoлий. Мне кажется, это сердце города.

Он опустил бинокль, который повис на шнурке, и, с блеском в глазах, обратился непосредственно к Рафу:

— Сможете посадить там?

Пилот осмотрел неровную крышу сооружения. Безумец или дурак может попытаться сесть там. Но он не дурак и не безумец.

— На эту крышу сесть нельзя, — решительно ответил он.

К его облегчению, капитан подтвердил этот вердикт коротким кивком.

— Сначала надо больше узнать. — Хобарт, когда хочет, может быть осторожен. — Они продолжают передачу, Сорики?

Технер снял наушники с головы и растирал ухо.

— Еще бы! — воскликнул он. — Мне кажется, их можно услышать с вашего места, сэр!

Действительно. Звуки, не похожие ни на один терранский язык, доносились из наушников.

— Чем-то взволнованы, — своим обычным спокойным тоном сообщил Лабле.

— Может, обнаружили нас. — Хобарт опустил руку на оружие у себя на поясе. — Нужно установить мирный контакт — если это возможно.

Лабле снял шлем и провел рукой по пестрым, рыже-седым, коротко остриженным волосам.

— Да, контакт необходим... — задумчиво сказал он.

Ну что ж, он ведь специалист в таких вопросах. Раф почти с юмором воспринимал положение своего пожилого спутника. Он подозревал, что все, включая и Лабле, не торопятся устанавливать контакт с неведомыми чужаками. Как будто стоишь

на самом краю берега, прежде чем прыгнуть в волны холодного осеннего моря. Терранцы исследовали собственную Солнечную систему и поколениями рассуждали о проблемах чуждой разумной жизни. Существует множество работ экспертов и псевдоэкспертов. Но оставалось непреложным фактом: человечество, родившееся на третьей планете от солнца, никогда не встречалось с чуждой разумной жизнью. И много ли толку от рассуждений, докладов и споров, когда проблему предстоит решить практически — и быстро?

Сам Раф в действиях проявлял бы осторожность и еще раз осторожность. Вопреки техническому образованию, у него было гораздо более живое воображение, чем подозревал кто-либо из его офицеров. И теперь он был убежден, что лучший способ действий — быстрое отступление. До контакта нужно как можно больше узнать о тех, с кем предстоит встретиться.

Но спорить не пришлось. Приглушенное восклицание Лабле заставило всех обернуться: отдаленная изогнутая крыша раздвинулась. И изнутри, из тени, в вечернее небо поднимался по спирали летательный аппарат.

Раф двумя прыжками добрался до флиттера. Без приказа подготовил к бою пушку, нацелил на приближающуюся к ним машину. Из микрофонов, оставленных Сорики на сиденье, доносились звуки чуждой речи; какой-то частью сознания Раф отметил, что они повторяются. Передают приказ сдать? Палец его лег на гашетку пушки, и он уже готов был послать предупредительный залп, но тут его остановил Хобарт:

— Спокойней, Курби.

Сорики сказал что-то о пилоте, «всегда готовом пострелять», но Раф заметил, что тот сам держит руку на оружии. Только Лабле спокойно смотрел на приближающийся корабль чужаков. Но за время долгого пути — мало какие черты характера удавалось скрыть от своих спутников — Раф понял, что ксенобиолог фаталист и не сторонник активных боевых действий.

Пилот не оставлял своего места у пушки. Но сразу понял, что они утратили первоначальное преимущество. И когда корабль чужаков в форме языка пролетел над их головами и странная тень накрыла их, Раф был уверен, что его руководители приняли неверное решение. Услышав сигналы, следовало немедленно покинуть город — если еще можно было. Он разглядывал чуждый летательный аппарат. Его очертания свидетельствуют о ско-

рости и маневренности. И Раф усомнился, что им удалось бы уйти от такого преследователя.

Что же теперь им делать? Чужой аппарат не может здесь приземлиться, разве что сядет прямо им на головы. Может, повиснет над ними как угроза и предупреждение, а жители города доберутся до них иным путем. Четверо космонавтов напряженно следили за маневрами летающей машины. В продолговатом корпусе не видно ни иллюминаторов, ни других отверстий. Возможно, корабль управляется автоматически. Все возможно, подумал Раф, даже какая-нибудь бомба. Тот, кто ведет этот аппарат, отличный пилот.

— Не понимаю. — Сорики нетерпеливо зашевелился. — Они просто летают над нами. Что нам делать?

Лабле повернул голову. Он чуть улыбался.

— Будем ждать, — сказал он связисту. — Вероятно, требуется время, чтобы преодолеть двадцать лестничных пролетов... конечно, если у них тут есть лестницы...

Сорики перевел взгляд на поверхность крыши. Раф уже разглядывал ее, но никакого отверстия не увидел. Однако он не сомневался в истинности предположения Лабле. Рано или поздно чужаки появятся. И для терранцев не важно, спустятся ли они с неба или поднимутся снизу.

Глава 5

ОКОЛЬЦОВАННЫЙ ДЬЯВОЛ

Знакомый только с аутригерами, Дальгард с дурными предчувствиями занял место на чужой лодке. Его беспокоило, конечно, не присутствие Ссури, которым он восхищался. Нет, когда-то на этом месте сидел гуманоид, один из тех, кого Дальгарда с детства учили опасаться и сторониться.

У скифа были скругленные нос и корма, очень низкие борта, он был неустойчив, вертелся на воде, но Ссури со своим врожденным знанием течений взял одно из странно изогнутых весел, лежавших на дне, и начал грести. Они не поплыли поперек реки, а позволили течению отнести себя и переправились по диагонали, так что на противоположный берег вышли дальше к западу.

Ссури мастерски привел лодку к берегу в том месте, где к реке протянулась полоска почвы. Дальгард решил, что когда-то

здесь был сад. По эту сторону реки здания располагались не так тесно друг к другу. Каждое, двух- или трехэтажное, окружала зелень, словно тут был район частных домов.

Они вытащили легкую лодку на берег, и Ссури указал на открытую дверь ближайшего дома:

— Туда...

Дальгард согласился, что надо спрятать лодку до их возвращения. Хоть других свидетельств присутствия чужаков в городе, кроме мертвых прыгунов, они не видели, надо иметь наготове способ бегства, если оно будет необходимо. Тем временем им нужно выследить змеедьявола, а это злобное существо; если оно переплыло реку, может скрываться на соседней тихой улице — или быть во многих милях отсюда.

Ссури, держа копьё наготове, уже шел по покрытию улицы; голову он высоко поднял, мысленно отыскивая следы жизни. Дальгард тоже пытался это делать. Но понимал, что Ссури, с его способностями, предупредит первым.

С места высадки они двинулись на восток, изучая почву в садах, отыскивая отпечатки лап гигантского пресмыкающегося. И через несколько минут нашли их; Дальгард прикоснулся к следу пальцем: след еще влажный. В то же самое время Ссури многозначительно повернул голову. Впереди улица шла между двух стен без всяких промежутков и отверстий. Дальгард достал лук и приготовил тетиву. Из колчана взял стрелу, наконечник которой пока был завернут.

Нервная система змеедьявола управляется не из крошечной безмозглой головы, а из ряда вспомогательных «мозгов», расположенных вдоль мощного позвоночника. Поэтому зверь продолжает сражаться, даже когда ему снесут голову. Первые колонисты, полагавшиеся на шокеры, действующие на любую форму терранской жизни, сразу обнаружили это. А вот стрелы с вымазанными ядом наконечниками, которые держал Дальгард, уверенный в их эффективности, способны почти мгновенно парализовать и за четверть часа прикончить чешуйчатое чудовище.

— Логово...

Дальгарду не требовалось это предупреждение товарища. Невозможно не ощутить зловоние, запах разлагающейся плоти, признак логова змеедьявола. Юноша повернулся к правой стене и прыжком поднялся на широкий верх. Улица впереди сворачивала в огромную арку в другой стене, которая выше головы Дальгарда, даже сейчас, когда он стоит на стене. Но вдоль стены проходят по-

лосы разноцветной резьбы, и Дальгард был уверен, что на стену можно забраться. Он опустил руку и помог водяному подняться.

Ссури долго стоял, глядя вперед, и Дальгард понимал, что водяной встревожен, что стена перед ними имеет какой-то злобный смысл для жителя Астры. И таким сильным было это впечатление сдерживаемого ужаса, что Дальгард решился спросить:

— Что это?

Водяной оторвал взгляд от стены, его желтые глаза устремились на спутника. Наряду с ненавистью в них было еще какое-то чувство. Его Дальгард не смог определить.

— Это место печали, место расставания. Но они заплатили, о, как они заплатили! Когда с неба начал падать огонь. — Когтистые ноги в чешуе задвигались в воинственном танце, острие копья дрожало в лучах солнца; Дальгард не раз видел, как в этом необъяснимом ритуале движется оружие воинов водяных. — Тогда напились наши копья и наелись ножи! — Пальцы Ссури коснулись рукояти кинжала, висящего на поясе. — И тогда начались печаль и расставание для *них*! И мы решили уйти в море и оставаться всегда свободными. А *они* ушли во тьму и больше не появлялись... — Дальгард словно слышал громкое пение друга. Ссури потряс копьем. — Нет больше зверя, нет больше смерти! — Голос Ссури торжествующе креп. — Где *они*, те, что сидели здесь и смотрели на смерть? Они ушли, как уходит волна, обрушившись на камень. Ее нет больше. А мой народ свободен, и никогда больше Иные не будут владеть нами! И потому я говорю, что это место теперь — ничто; зло здесь обратилось против себя и исчезло. Как исчезли Иные, когда их злая воля обратилась против них же и сожрала их!

Он прошел вперед и остановился у более высокой стены, как будто не обращая никакого внимания на зловоние логова змеядьявола. Высоко поднял руки и ударил копьем по резной поверхности. И Дальгарду не показалось это излишним жестом: Ссури жил и дышал, стоял свободным и вооруженным в городе своих врагов, в мертвом городе.

Вместе поднялись они на высокую стену, и тут Дальгард понял, что это край арены; когда она использовалась, тут могло разместиться больше тысячи зрителей. Овальная по форме, с рядами сидений, ярусами уходящих от центра; внизу площадка, к которой ведет несколько проходов. Высокая каменная решетка отделяет эту площадку от сидений, защищая зрителей от того, что может выйти из этих проходов.

Но все это Дальгард отметил лишь мельком, потому что арена оказалась занятой. И обитателей ее он очень хорошо знал.

Вытянувшись, спокойно лежали три взрослых змеедьявола; у каждого непристойно круглое набитое брюхо; крошечные головки на длинных шеях лежат на песке; чудовища дремлют. Двое чудищ, не достигших еще шести футов, рвут окровавленные остатки пира старших. Они шипят друг на друга и обмениваются злобными ударами, когда оказываются поблизости. Еще три, недавно вышедших из материнских сумок, барахтаются рядом со спящими взрослыми.

— Неплохой улов. — Дальгард сделал знак Ссури, и водяной кивнул.

Они спускались вниз, с сиденья на сиденье. Настоящей охотой предстоящее нельзя назвать: слишком легко достается добыча лучнику, который сам не подвергается опасности. Но тут, накладывая первую стрелу на тетиву, Дальгард заметил нечто поразительное. И не выстрелил.

Ближайший спящий змеедьявол, которого он выбрал первой целью, лениво потянулся, не поднимая головы и не открывая маленьких глаз. И солнце отразилось на блестящем кольце на короткой передней лапе, как раз перед суставом, за которым начинается когтистая «кисть». Природная чешуйка не может блестеть так ярко. Так может блестеть только одно — металл! Металлический браслет на лапе! Дальгард взглянул на двух других спящих. Один лежал на брюхе, подобрав под себя передние лапы, их не было видно. Зато другой... Да, у него тоже кольцо!

Ссури стоял у каменной решетки, положив на нее руку. Он удивился не меньше Дальгарда. Он тоже не знал, что на диких змеедьяволов, которых люди и водяные считали такими опасными и сразу убивали при встрече, можно надеть кольцо, как на домашнее животное!

У Дальгарда возникла дикая мысль. Сколько живет змеедьявол? До появления колонистов эти чудовища были неоспоримыми хозяевами пустынного континента, просто благодаря своей силе и свирепости. Двенадцатифутовый, закованный в броню зверь легко разрывает двурога; ни один представитель фауны Астры с ним не справится. А так как водяные не заходили далеко на сушу, у них бывали лишь случайные встречи. Так сколько же лет живет змеедьявол? Может, эти спящие здесь чудища видели еще господство Иных? Хотя с тех пор прошли сотни лет.

— Нет. — Это отрицание Ссури прозвучало решительно. — Меньший еще не вполне взрослый. У него нет второго пояса на шее. Но он окольцован.

Водяной прав. Отвратительный валик покрытой брони плоти, окружающий шею твари, которою Дальгард выбрал первой целью, не такой толстый, как у других. Это еще не вполне взрослое животное, но на его передней лапе, которую оно вытянуло, наслаждаясь жарой — тепло эти животные ценят почти так же высоко, как пищу, — ясно видно кольцо.

— В таком случае... — Дальгарду не хотелось развивать мысль. Что же после «в таком случае»?

Ссури пожал плечами.

— Ясно, что это не дикие животные. Они здесь с определенной целью. А эта цель... — Неожиданно он протянул руку, так что пальцы высунулись за каменную решетку. — Видишь?

Дальгард уже увидел. А увидев, понял, какая ужасная опасность им грозит. Из грязной массы, на которой лежали змеедьяволы, что-то выкатилось; может, выбросили в игре детеныши. Череп, с обрывками высохшей кожи и шерсти, смотрел на них пустыми глазами. По меньшей мере один водяной стал добычей кошмарных чудовищ, завладевших ареной.

Ссури зашипел, и его гнев был отчетливо ошутим.

— Снова они призвали сюда смерть... — Его глаза перешли от черепа к чудовищам. — Убей! — Приказ был резким и властным.

Дальгард еще до своего первого похода был известен как отличный стрелок из лука. А убивать змеедьяволов — эта задача стоит перед каждым колонистом с самой первой встречи с этими существами.

Дальгард снял чашечку со стеклянного наконечника, сконструированного таким образом, чтобы застрять в плоти и разбиться, а когтистая лапа, ухватив стрелу, не сможет извлечь наконечник с ядом. Цель — горло, где чешуйки мягкие и можно пробить шкуру первым же выстрелом.

Рычание двух младших дьяволов заглушило щелчок тетивы. И Дальгард не промахнулся. Ярко-алое оперение стрелы торчало в дрожащем кольце плоти.

С ревом, разрывающим барабанные перепонки, рептилия поднялась на задние лапы. Размахнулся лапой с кольцом, задев соседа. И упал на спину на окровавленный песок; из его пасти показалась зеленоватая пена.

Поднялось чудовище, которое задел умирающий змеедьявол, и у Дальгарда появилась возможность снова выстрелить. И вторая стрела с алым пером попала в цель.

Но третье животное, спавшее на песке, подставляло выстрелам только бронированную спину, а стрелой ее пробить невозможно. Оно раскрыло глаза и смотрело на неподвижные тела товарищей. Но не собиралось вставать. Как будто понимало, что, пока остается в прежней позе, оно в безопасности.

— Детеныши...

Дальгарда не нужно было подталкивать. Он сравнительно легко попал в двух не вполне взрослых. Другое дело — детеныши. Не такие неповоротливые, как старшие, они почувствовали опасность и попытались бежать. Один спрятался в сумке мертвой матери, другие передвигались так быстро, что Дальгарду трудно было прицелиться. Он убил одного, уже почти скрывшегося в проходе, а второго ранил в лапу, зная, что яд хоть и подействует медленнее, но подействует обязательно.

Все это время взрослый дьявол продолжал лежать неподвижно, только злобные глаза свидетельствовали, что он жив. Дальгард нетерпеливо следил за ним. Если зверь не двинется, не подставит стреле мягкие части тела, убить его невозможно.

Оба охотника хорошо знали змеедьяволов, и потому последовавшее удивило их обоих. За те годы, что колонисты встречались с ними, создалось представление, что это безмозглые чудовища, способные лишь драться, есть и убивать. Они не способны мыслить и потому опасны только тогда, когда застигают врасплох или когда охотник лишен нужного вооружения.

Для двоих за решеткой постепенно становилось все яснее, что этот змеедьявол другой. Во время убийства своих товарищей он оставался в безопасности, потому что не двигался, как будто ему хватило ума, чтобы понять, что двигаться нельзя. Теперь он зашевелился, но его маневр свидетельствовал, что животное нашло решение — такое же разумное, какое принял бы Дальгард, окажись он в аналогичном положении.

По-прежнему прижимаясь мягким брюхом, дьявол развернулся, так что к охотникам за решеткой была обращена его бронированная спина. Втянув шею в плечи, согнув мощную спину, чудовище с опасного места стало уходить к проходу.

Дальгард послал ему вслед стрелу. Но она ударилась в прочную броню и отскочила. И змеедьявол исчез.

— Окольцованный... — Слово достигло сознания Дальгарда. Ссури оставался хладнокровным, а охотника-человека необычные действия добычи ошеломили.

— Оно разумно, — почти протестуя заявил разведчик.

— Если дело связано с Иными, можно ожидать самых злых чудес.

— Мы должны добраться до него! — Дальгард был полон решимости. Но перспектива преследовать по лабиринту пустынного города змеядьявола, особенно обладающего разумом, не вызвала никаких приятных эмоций. Однако Дальгард решил выполнять свой долг.

— Он пошел за помощью.

Юноша, удивленный, повернулся к спутнику. Ссури по-прежнему стоял у решетки, глядя на проход, в котором исчез дьявол.

— Что за помощь? — На мгновение Дальгард представил себе, как чудовище возвращается во главе целого отряда таких же, как он. Тогда они сломают решетку и доберутся до мягкотелых существ за нею.

— Защита, безопасность... — ответил Ссури. — И, мне кажется, нам нужно именно то место, куда направился зверь.

— Иные? — Солнце не зашло за тучи, оно по-прежнему посылало жаркие лучи на головы и плечи. Но Дальгард ощутил холод, словно его кожи коснулся осенний ветер.

— Иные не здесь. Но были здесь. И возможно, вернуться. Дьявол пошел туда, где надеется их найти.

Ссури уже бежал по окружности арены к месту над проходом, в котором скрылся змеядьявол. Дальгард, держа в руке лук, пошел за ним. Когда дело касается выслеживания, он полностью полагался на Ссури. И если водяной говорит, что у дьявола была определенная цель, он прав. Однако разведчика ставило в тупик существование чудовища, которое способно на еще какую-то цель, кроме охоты и пожирания мяса. Либо убежавший — мутант, отклонение от нормы, либо... Это «либо» могло вести к нескольким продолжениям, и ни одно из них не внушало приятные мысли.

Они добрались до места над проходом и по рядам сидений добрались до верха стены. Но дверей внизу не было. Только спутанная высохшая растительность. Очевидно, прохода на арену здесь нет.

Ссури уже карабкался через решетку. Он начал спускаться по другую сторону на песок, когда Дальгард догнал его. Вместе они вошли в подземный проход, в котором исчез змеядьявол.

Здесь их охватило густое зловоние логова. Дальгард закашлялся, от вони его затошнило. Идти вперед не хотелось. Но, к своему растущему облегчению, он обнаружил, что здесь не очень темно. В крыше через равные промежутки были размещены пластины, дававшие фиолетовый свет; поэтому в коридоре царили сумерки, что, конечно, гораздо лучше тьмы.

Коридор тянулся прямо, без поворотов и входов. Но зловоние держалось цепко, и Дальгард подумал, что они идут прямоком в другое логово, возможно, так же плотно населенное, как и то, что они оставили позади. Конечно, змеедьяволы обычно не живут в подземелье, они предпочитают углубления в скалах, где могут греться на солнце. Но ведь и дьявол, которого они преследуют, необычен.

Ссури заверил его:

— Логова нет, только запах, потому что они много лет проходили здесь.

Проход окончился широким помещением, здесь фиолетовый свет стал сильнее; света было достаточно, чтобы увидеть множество входов. Но все они были перегорожены решетками. Несомненно, некогда это было что-то вроде тюрьмы.

Ссури не стал осматриваться, он быстро пересек помещение, Дальгард — за ним. С противоположной стороны коридор пошел вверх, и юноша решил, что они выйдут на поверхность.

— Дьявол ждет, — предупредил Ссури, — потому что боится. Когда мы покажемся, он бросится на нас. Будь готов...

Они оказались перед дверью, за ней — другой коридор; здесь у самого потолка окна, в них проходит солнечный свет. После полумрака туннеля Дальгард замигал. Но заметил движение в дальнем конце и услышал шипение чудовища, которое они выслеживают.

Глава 6

ОХОТА ЗА СОКРОВИЩАМИ

Раф, скорчившись на небольшой, с мягкой обивкой платформе, приподнятой на шесть дюймов над полом, пытался рассмотреть обитателей помещения, в то же время стараясь не обидеть их своим разглядыванием. На первый взгляд, вопреки необычной одежде и странной привычке раскрашивать лица, жители го-

рода могли показаться людьми. Но потом он увидел их длинные худые руки с тремя одинаковой длины пальцами и противопоставленным им большим, увидел под сложным головным покрытием жесткие колючки, которые служили им волосами.

Ну, по крайней мере, они не проявляли враждебности. На крышу, где ждали терранцы, они вышли с пустыми руками, делая приветственные жесты. И легко убедили троих исследователей пройти в их помещения. Раф не оставил флиттер, если бы не прямой приказ капитана Хобарта, приказ, с которым внутренне пилот до сих пор не соглашался.

Терранцам предложили еду и питье. Помня первое правило звездных путешествий, они отказались, что вовсе не привело к обиде хозяев или отказу их от еды. Напротив. Наблюдая за ними, Раф подумал, что для них такие пиры редкость. Соседи тут же разделили его порцию между собой, и она исчезла даже быстрее, чем их собственные.

В другом конце комнаты Хобарт и Лабле пытались общаться со старшими среди чужаков, а Сорики с помощью маленькой камеры записывал все происходящее.

Раф переводил взгляд с одного своего соседа на другого. Сосед справа выбрал ослепительно яркий, болезненный для глаза алый цвет; алые полосы закутывали его тело, словно бесконечным бинтом. Только ладони, ступни с четырьмя пальцами и голова были свободны от этой повязки. А лицо покрывала желтая краска, тоже очень яркая, и под ее толстым слоем трудно было рассмотреть черты лица; краска была нанесена полосками под глазами и кругами вокруг рта; эти круги полностью покрывали безбородые щеки. На голове — тюрбан из многоцветных полосок; когда голова движется, они меняют цвет.

У большинства чужаков в комнате одежда такая же, они обмотаны лентами, лицо раскрашено, на голове тюрбан. Но были и исключения — три чужака. И один из них — сосед слева от Рафа.

На лице у него строгого вида полосы черного и белого цвета. Мускулистые руки обнажены по плечи, а на груди и на спине нечто вроде металлической раковины, похожей на древние доспехи с родной планеты Рафа. Остальная часть тела покрыта бинтами, но черными; из-за худобы конечностей эти черные повязки придают чужаку неприятное сходство с пауком. Вокруг талии затянут пояс, с него свисают многочисленные ножны и карманы; на голове металлический шлем. Военный? Раф был убежден, что его догадка верна.

Офицер, если это был офицер, уловил взгляд Рафа. Он раскрыл круглый маленький рот и быстрыми движениями рук изобразил полет флиттера. Своими говорящими пальцами он явно задал вопрос: пилот ли Раф?

Пилот кивнул. Потом указал на офицера и постарался воспроизвести вопросительное выражение.

Ответ был изображен быстро и охотно: чужак тоже пилот или командир летательного аппарата. И впервые с того момента, как вошел в это здание, Раф слегка расслабился.

Гладкая, без единой морщинки кожа чужака была темно-желтого цвета. Раскрашенное лицо напугало бы любого терранского ребенка; общее впечатление совсем непривлекательное. Но он пилот и хочет говорить об общих проблемах, насколько они могут общаться, не зная языка друг друга. И так как одетый в алое чужак слева был поглощен едой, он жадно подбирал кусочки с тарелки, Раф все свое внимание уделил офицеру.

Из уст военного полилась потоком щебечущая речь. Раф с сожалением покачал головой, и собеседник с почти человеческим раздражением дернул плечом. Почему-то это подбодрило Рафа.

Со множеством догадок, большинство из которых, вероятно, были неверны, Раф понял, что офицер — один из немногих, кто еще помнит, как управлять воздушным кораблем этого гибнущего города. На пути с крыши Раф уже подметил, что жителей города горстка и все они живут либо в центральном здании, либо вблизи от него. Жалкая горстка выживших среди остатков прежнего величия.

Но сейчас он не чувствовал, что офицер, пытающийся говорить с ним, представляет умирающую расу. Вообще глядя на чужаков в комнате, Раф замечал их проворство, сдержанную энергию, свойственную молодому, полному жизни народу.

Офицер пытался уговорить его пойти куда-то; Рафу не хотелось в чужом городе отделяться от товарищей, и он уже хотел отрицательно покачать головой, но тут в голову ему пришла новая мысль. Он не хотел уходить от флиттера. Может, удастся уговорить чужака под предлогом осмотра незнакомой машины отвести его назад к своему аппарату. И там он останется. Он не знает, чего надеются достичь здесь капитан Хобарт и Лабле. А что касается его самого, Раф был уверен: он не успокоится, пока снова не пересечет горную цепь и не сядет рядом с РК-10.

Чужак словно прочел его мысли. Он расправил свои черные ноги и встал одним гибким движением; Раф, тело которого зате-

кло от необычной позы, с трудом последовал его примеру. Никто как будто не заметил их ухода. Когда Раф остановился, пытаясь уловить взгляд капитана Хобарта и объяснить, чужак легко тронул его за руку и поманил к завешенному выходу. Понимая, что теперь нельзя отказываться, Раф неохотно вышел.

Они оказались в коридоре, на стенах которого сплетались полосы невообразимых цветов, их глаза терранца выдерживали с трудом. Раф торопливо опустил взгляд к серому полу под башмаками. Он уже обнаружил, что попытка проследить узор этих многоцветных лент вызывает боль в глазах и приступы паники. Космические ботинки с магнитными прокладками в подошвах громко стучали по полу, босые ноги спутника не производили никакого шума.

Коридор перешел в ведущую вниз рампу, и Раф узнал ее. Его уверенность росла. Они на пути из здания. Здесь росписей на стенах не было, поэтому он мог оглядываться в поисках знакомых предметов.

Он уверен, что банкетный зал примерно на десятом этаже. Но сейчас они не стали спускаться по десяти рампам. У основания третьей офицер резко свернул влево, поманив за собой Рафа. Когда терранец упрямо остался на месте, указывая в направлении, которое должно было вернуть его к флиттеру, офицер жестами описал машину в полете. Вероятно, собственную.

Раф вздохнул. Он не видел выхода, разве что повернуться и убежать. Но прежде чем он выбежит из этого муравейника на улицу, его догонят. К тому же, несмотря на то что он пытался запомнить путь, он не уверен, что найдет обратную дорогу к флиттеру, даже если будет свободен. Он сдался и пошел за офицером.

Они оказались на одном из изящных мостов, которые паутиной покрывали весь город, соединяя здания и башни. Раф, будучи пилотом, всегда считал, что не боится высоты. Но он обнаружил, что одно дело — сидеть во флиттере, совсем другое — идти по узкому мосту высоко над улицей. Он чувствовал, как дрожит под ним мост, словно вот-вот дополнительная тяжесть сорвет его с опор и обрушит на землю.

К счастью, им пришлось пройти относительно короткое расстояние, но Раф с облегчением вздохнул, когда они достигли двери на противоположной стороне. Они оказались в башне. Однако это была только промежуточная площадка перед другим хрупким мостом, уходившим вниз. Раф ухватился за перила. Их

присутствие свидетельствовало, что не все пользующиеся мостом так же беззаботны, как офицер, легко идущий впереди. Рафу стало понятно, почему чужак босой: идти босиком по таким мостам гораздо легче.

Спуск привел их к новому зданию, имеющему жилой вид, чего не было у всех окружающих сооружений. Войдя в дверь, Раф услышал гул; чтобы удержаться на ногах, он коснулся стены и ощутил легкую дрожь, как будто в здании работают какие-то механизмы. Но офицер провел Рафа по коридору, а потом по подъему, показавшемуся пилоту очень крутым, на крышу. Здесь оказался не летательный аппарат, похожий на язык, какой они увидели первым, а блестящий шар. Офицер остановился, взгляд его переходил от терранца к машине. Офицер как будто приглашал терранца разделить его гордость. Пилот не видел сходства шара ни с каким знакомым ему воздушным транспортом. Но он не сомневался, что перед ним высшее достижение чужаков, и очень хотел увидеть его в действии.

Вслед за офицером он прошел к люку в основании шара и увидел лесенку. Вначале ему показалось, что он не сможет подняться: ступеньки крошечные, как раз для босых пальцев экипажа. Но, включив магнитные присоски, Раф смог подняться, хотя гораздо медленнее проводника. Они миновали несколько уровней кают и оказались в рубке управления.

Для Рафа многочисленные кнопки и рычаги не имели смысла, но он пристально следил за жестами своего спутника. И понял, что это не космический корабль. Он вообще сомневался в том, что чужаки побывали даже на соседних планетах своей системы. Но у этого корабля мощность больше, чем у первого. И его явно готовят к длительному полету.

Терранец сел на маленькое сиденье перед приборами. Перед ним находился экран, на нем вечернее небо, облака. Раф неудобно поерзал. Уже вечер. Он почувствовал нетерпеливое желание уйти, вернуться к РК-10. Он не хотел проводить ночь в городе. Нужно убедить офицера провести его к флиттеру. Лучше он побудет в нем, чем в одном из зданий чужаков.

Тем временем он разглядывал изображение на экране, стараясь отыскать крышу, на которой оставил флиттер. Но ничего не мог узнать.

Раф повернулся к офицеру и попытался дать ему понять, что хочет вернуться к своей машине. Либо он не сумел это сделать,

либо чужак не захотел понимать. Потому что, оставив рубку, они пошли осматривать другие помещения корабля, включая место, где размещались двигатели. В других обстоятельствах Раф мог бы провести тут часы.

В конце концов терранец направился к лестнице и вскоре оказался на крыше под сумеречным небом. Медленно прошелся по широкой площадке, пытаясь узнать какие-нибудь ориентиры. Видны были центральное здание и несколько башен вокруг него. Но рядом с какой из них крыша, на которой стоит его флиттер? Рафа непреодолимо влекло к его машине.

Офицер смотрел на него; вот он положил трехпалую ладонь на руку Рафа и прошептал вопрос.

Без особой надежды Раф повторил жесты, которые делал раньше. И удивился, когда офицер повел его вниз в здание. На этот раз они пошли не к мосту через улицы, а продолжали спускаться по рампам внутри здания.

В нем шла какая-то деятельность. По коридорам проходили чужаки, все в черных обмотках, с металлическими грудными и наспинными плитами; они же занимались в помещениях какими-то непонятными делами. Казалось, проводник старается побыстрее увести Рафа отсюда.

И только когда они достигли уровня улицы, офицер остановился у одной двери и повелительно поманил Рафа. Терранец неохотно повиновался, и его чуть не вырвало.

Он увидел мертвеца. Судя по многоцветным обрывкам на теле, это чужак, один из знатных, штатский в черном. Страшные раны почти разорвали его тело. Ничего подобного Раф не видел.

С гортанным звуком, лучше слов выражающим чувства, офицер подобрал с пола сломанное копье; его наконечник был окрашен красновато-желтой кровью, такой же, какая еще сочилась из разорванного тела. Размахивая оружием, так что терранец вынужден был отступить на несколько шагов, чужак разразился страстной речью. Потом снова перешел к жестам, которые космонавту легче было понять.

Это работа смертельного врага, понял Раф. И такая же судьба ждет всякого, кто выйдет за определенные безопасные пределы. И если этот враг не будет уничтожен, город... сама жизнь... перестанут существовать.

Видя страшные раны, говорящие о безумной ненависти, Раф мог в это поверить. Но ведь примитивное копье не в си-

лах противостоять оружию, которое есть в распоряжении его спутника.

Когда он попытался выразить это, проводник покачал головой, словно отчаялся быть понятым, и поманил Рафа за собой. Они оказались на загроможденной обломками улице и двинулись в сторону от центрального здания, где остались трое терранцев. Раф, видя сгущающиеся сумерки, удлиняющиеся тени, помня то копьё, не мог удержаться и не оглядываться время от времени через плечо. Не привлечет ли стук его металлических подков внимание тех, с кем он не хотел бы встретиться? Он положил руку на рукоять шокера. Но офицер не казался встревоженным; он шел вперед с уверенностью того, кому нечего опасаться.

Тут Раф узнал цветную полоску и слегка успокоился: они идут к флиттеру. Он уже проходил по этой улице. И не возражал против длительного подъема по рампам. Этот подъем в конце концов и привел его к летательному аппарату. Облегчение его было так велико, что он провел ладонью по гладкому борту машины, словно это любимое домашнее животное.

— Курби?

Услышав голос Хобарта, Раф застыл.

— Да, сэр!

— Мы остаемся здесь на ночь. Нужно обдумать наши планы.

— Да, сэр. — С этим Раф согласен. Попытаться пролететь над горами в темноте — самоубийство. Он бы все равно отказался. С другой стороны, он бы спал спокойнее вне пределов города. И Раф подумал, не предложить ли использовать последние мгновения светлого времени, чтобы вылететь в открытое место и там устроить лагерь.

Офицер-чужак что-то сказал своей скользящей речью и исчез в тени. Раф увидел, что остальные уже достали свои спальные мешки и раскладывают их под флиттером, а Сорики связывается с РК-10.

— ...установить взаимопонимание нетрудно, — говорил Лабле, когда Раф забрался во флиттер за своим мешком. — Имеют значение цвет и интенсивность. Надо изучить основу. Мы рассмотрим записи с помощью сканнера... Установили его, Сорики?

— Можете нажимать кнопку. Если сканнер сможет их прочесть, прочтет. Я записал всю речь, которую произнес их вождь, король или кто еще, когда мы уходили.

— Хорошо, очень хорошо! — Лабле сел у переносной панели коммуникатора Сорики, воткнул в уши пробки сканнера, с отсутствующим видом принимая у капитана свою порцию концентратов и одновременно слушая запись, сделанную связистом днем.

Хобарт повернулся к Рафу.

— Вы выходили с офицером. Что он вам показал?

Пилот описал шар и тело, которое ему показали, и добавил то, что понял из объяснений жестами. Капитан кивнул.

— Да, у них есть летательные аппараты, они их используют. Но мне кажется, большой у них только один. И они ведут войну. Всю колонию мы не видели, но я заключаю, что их осталось очень немного. Они закопались здесь и нуждаются в помощи, иначе варвары всех их прикончат. Они об этом много говорили.

Лабле вытащил из ушей пробки. Лицо его выражало волнение.

— Вы абсолютно правы, капитан! Они предлагают нам сделку. Предлагают все сокровища знаний этой планеты!

— Что? — В голосе Хобарта слышалось недоумение.

— Вот там... — ксенобиолог махнул рукой, указывая куда-то на восток, — там сокровищница знаний их расы. Она в самом сердце вражеской территории. Но враг пока о ней не знает. Наши хозяева уже дважды летали туда за разными материалами, и их корабль может совершить еще только один перелет. Они предлагают нам равную долю, если мы полетим с ними и поможем очистить склад...

В ответ Хобарт присвистнул. На худом лице Лабле появилось голодное выражение. Никакая другая взятка не могла бы так соблазнить его. Но Раф, вспоминая разорванное тело, сомневался.

«В сердце вражеской территории», — повторял он про себя.

Лабле добавил еще кое-что.

— В конце концов, враг силен только своим количеством. Эти животные...

— У животных не бывает копий! — возразил Раф.

— Экспериментальные животные, сбежавшие во время войны много поколений назад, — сообщил Лабле. — И как будто поднявшиеся до полуразумного состояния. Я должен их увидеть!

Хобарт не собирался торопиться.

— Подумаем, — решил он. — Нам нужно время, чтобы все обдумать.

Глава 7

МНОГО ГЛАЗ, МНОГО УШЕЙ

Не впервые стоял Дальгард перед змеедьяволом, жаждущим убийства. То, что произошло на арене, скорее исключение из правила, а не просто охотничья удача. И теперь, увидя в дальнем конце коридора присевшее животное, он был готов. Ссури, также следуя выработанному обыкновению, отделился от товарища и скользнул вдоль стены к чудовищу, готовый в нужный момент отвлечь его внимание.

Но в сознании Дальгарда оставалось одно сомнение. Этот дьявол действовал не так, как его безмозглые сородичи. А что, если он способен разгадать простые маневры, которые всегда ставят в тупик других дьяволов, и нападет не на движущегося водяного, а на выжидающего лучника?

Змеедьявол прижался к другой двери, закрытой, словно пытался найти за ней убежище или помощь. Но когда Ссури двинулся, длинная шея животного распрямилась, пока не образовала почти прямой угол с его узкими плечами, а из пасти послышалось ужасающее шипение, которое перешло в крик. Мышцы ног твари напряглись, готовясь к прыжку.

Точно в нужное мгновение Ссури отвел назад руку, и его копье запело в воздухе. Невероятным поворотом шеи дьявол перехватил древко зубами и стер в порошок твердый, как железо, ствол. Но это движение обнажило его горло, и стрела из лука Дальгарда глубоко погрузилась в плоть.

Змеедьявол выплюнул копье и попытался поднять голову. Но мышцы его быстро слабели. Он сражался с ядом, сделал шаг вперед, его маленькие красные глаза полны были ненавистью. Потом упал и лежал, дергаясь. Дальгард опустил лук. Второй выстрел не понадобился.

Ссури с несчастным видом разглядывал обломки своего копья. Это не просто результат долгих часов напряженной работы. Ни один водяной не сочтет себя готовым к встрече с врагом без такого оружия в руках. Ссури взял острие и снял его с обломка древка, оставленного драконом. Завязав наконечник в пояс, водяной повернулся к Дальгарду.

— Посмотрим: что за этой дверью?

Дальгард пересек коридор и попробовал дверь. Она не поддавалась на толчок, зато откатилась в стену, позволяя пройти.

По другую сторону оказалось помещение, поразившее разведчика. У колонистов были лаборатория, мастерские, они старались сохранить знания, которые пронесли их предки через космос, а также получить новые. Но огромное помещение поражало количеством старых механизмов и машин, баков, ящиков, полок, уставленных многочисленными предметами, заваленных столов — все это было непонятно без подробного и тщательного изучения.

— Мы здесь не первые. — Ссури почти не обратил внимания на эти предметы. Он нагнулся к потревоженной пыли в одном из проходов. Дальгард, присоединяясь к водяному, заметил, что на столах много пустых мест; видны следы в многолетнем слое пыли, которые говорят, что вещи недавно убрали. И тут он увидел, что заинтересовало Ссури: следы, напоминающие отпечатки босых ног, но всего с тремя пальцами!

— Они!

Дальгард, бывший следопытом и охотником до того, как стал разведчиком, нагнулся, чтобы разглядеть получше. Да, след недавний, сделан вчера или позавчера; на каждом отпечатке только тонкий слой пыли.

— Несколько дней назад. Теперь они не в городе, — уверенно заключил водяной. — Но придут снова.

— Откуда ты знаешь?

Ссури рукой указал на окружающее богатство.

— Они взяли кое-что, может, самое необходимое. Но не смогут отказаться от остального. Они обязательно вернуться, и не один раз. Много. Пока...

— Пока не останутся насовсем. — Дальгард мрачно закончил мысль друга.

— Этого они и добиваются. Эта земля когда-то была под их господством. Весь мир принадлежал им, пока они не погубили его, воюя друг с другом. Да, они мечтают вернуть себе все. Но, — в глазах Ссури вспыхнул такой же огонь, какой горел в глазах змеядьявола в последние мгновения его жизни, — но этого не должно случиться!

— Если они заберут землю, у вас останется море, — заметил Дальгард. Водяные могут спастись. А его соплеменники? У колонистов-терранцев небольшие семьи. Они чуть больше ста лет

на этой планете, и за это время количество их выросло с сорока пяти переживших космическое путешествие до двухсот пятидесяти, из которых лишь сто двадцать не старики и не дети и могут сражаться. И отступить им некуда, никакого убежища у них нет.

— Мы не вернемся в глубины! — В этом заявлении Сссури звучала решимость. Его племя долго преследовали, и лишь когда оно заключило союз с колонистами, осмелилось покинуть опасные океанские глубины, где живут чудовища, такие же свирепые и опасные, как змеедьяволы, и поселить свои семьи в прибрежных пещерах и на маленьких островах вблизи берега, расплодиться и развить свою цивилизацию. Нет, зная упрямство этих мохнатых существ, Дальгард был уверен, что морской народ добровольно в глубины не вернется. Он не пойдет покорно под власть ненавистной расы.

— Не вижу, как мы сможем остановить их. — Дальгард заговорил вслух, словно обращаясь к самому себе. Он разглядывал заваленные столы, машины на основаниях у стен, богатства чуждой технологии.

Усвоенное с детства утверждение, что знания Иных не для его племени, что они опасны, вызывало беспокойное ощущение вины за то, что он стоит здесь. Опасность, опасность гораздо хуже физической, таится здесь. И он может оживить ее, просто протянув руку и взяв один из удивительных предметов, что лежат всего лишь в дюймах от него. И любопытство боролось в нем со строгим предупреждением старейших.

Когда Дальгард был совсем маленьким, он как-то заглянул в полевой мешок отца после предпоследнего исследовательского похода старшего Нордиса. И нашел чистый прямоугольный зеленоватый кристалл, в центре которого переплетались разноцветные линии, образуя странные узоры. Когда кристалл поворачиваешь в руке, рисунки меняются. Дальгард долго смотрел на кристалл, и ему стало казаться, что в его голове что-то происходит; он начал понимать значение отдельных чуждых слов, ловить обрывки чуждых мыслей, как обычно, когда общался с детьми, которым был Сссури, или с прыгунами в поле. И так велико было его удивление, что он побежал искать отца с этим кристаллом, чтобы рассказать, что происходит, когда на него смотришь.

Но его не похвалили за открытие. Напротив, отвели в комнату, где лежал в постели глубокий старик, сын Великого Человека,

задумавшего и осуществившего полет в космосе. И сам Форкен Кордов тихим старческим голосом разговаривал с Дальгардом; голос его был такой же хрупкий и тонкий, как худые руки, беспомощно лежащие на высохшем теле; старик простыми добрыми словами объяснял, что знание, заключенное в кристаллах и странной формы книгах, которые иногда отыскиваются в руинах, не для них. Что обнаружил это его собственный прапрадед Дард Нордис, один из первых мутантов, способных к восприятию мыслей. И Дальгард, под впечатлением слов Форкена, озабоченности отца и всех событий этого дня, никогда не забывал предупреждение.

— Мы не можем надеяться остановить их, — заметил Сссури. — Но мы должны узнать, когда они придут снова, и ждать их — твой народ и мой. Потому что, говорю тебе, брат по ножу, им нельзя позволить снова подняться!

— А как предсказать их приход? — спросил Дальгард.

— Одни мы этого не сделаем. Но когда они придут, то быстро не уйдут. Они уже были здесь, никто не причинил им вреда, и потому их опасения улеглись. И когда придут в следующий раз, то в соответствии со своей природой захотят остаться дольше. Не хватать то, что поближе, а тщательно выбирать то, что даст лучшие результаты. Поэтому они разобьют лагерь, и мы сможем позвать на помощь.

— Возвращение в Хоумпорт потребует нескольких дней, даже если мы будем торопиться, — возразил разведчик.

— Слово идет быстрее человека, — ответил водяной с уверенностью в своем плане действий. — Мы поставим себе на службу другие глаза и уши, много глаз, много ушей. Будь уверен: не мы одни боимся возвращения Иных из-за моря.

Дальгард понял его. Не в первый раз прыгуны и другие живущие в траве зверьки, ночные бегуны и даже птицы-бабочки, с которыми могут связаться только водяные, передадут сообщение через весь континент. Может, передадут неточно: точно передать крошечный мозг животного не в состоянии, — но значение будет понятно старейшим и водяных, и колонистов. На севере беда, там нужна помощь. И так как только Дальгард избрал северное направление для похода, его народ будет знать, кто послал сообщение, и начнет действовать. А к сообщению Сссури серьезно отнесутся воины его племени.

Да, это можно сделать. Но как же оставленные ими следы, убитые змеядьяволы?

У Ссури и на это был ответ.

— Они подумают, что кто-то из моего народа побывал здесь, может, целый отряд исследовал сушу. Мы сделаем, чтобы так казалось. Но о тебе они не должны знать. Думаю, они до сих пор не знают, что твои отцы сошли с неба. И когда начнется война, это может оказаться нашим преимуществом.

Ссури говорил разумно, и Дальгард согласен был исполнять его приказы. Когда они уходили со склада, Ссури шел сзади и наступал на каждый след, оставленный разведчиком. Возможно, опытный следопыт все же заметит его след, но колонист считал, что среди Иных такого нет.

В коридоре водяной подошел к мертвому змеядьяволу и выдернул убившую его стрелу. Достав из пояса наконечник своего копья, принялся расширять им маленькую рану, оставленную стрелой, так чтобы ее первоначальная природа не была заметна. Потом они отступили по подземному коридору, пока не добрались до арены. Над тушами мертвых животных уже слышалось голодное жужжание насекомых.

С пронзительным писком детеныш дьявола выбежал из сумки матери. Ссури метнул нож, и лезвие попало маленькому змеядьяволу в плечо, полуразрубив тонкую шею; детеныш бессмысленно закружился, ударился о стену и с ужасным криком упал.

Собрали стрелы, убившие остальных. Дальгард воспользовался возможностью разглядеть кольца на лапах животных. На ощупь они были гладкие, как металлические, но материал незнакомый. Он обладал блеском меди, и в нем пробегали тонкие черные жилки. Дальгарду хотелось бы прихватить такое кольцо для исследования, но нельзя было снимать его с когтистой лапы.

Ссури, занимавшийся ужасной маскировкой причины смерти, со вздохом облегчения разогнулся.

— Иди. — Он указал на один из выходов. — Я спутаю след.

Дальгард послушался, ступая легко, как только мог, и избегая влажных мест, где мог бы оставить заметный след. Ссури метался, маскируя его отпечатки.

Они отступили к реке, достали лодку и переправились, оставили город позади и углубились в открытую местность. Наступала ночь, и Дальгард радовался, что ему не придется ночевать в темноте среди населенных призраками зданий. Но он понимал, что не простое нежелание оставаться в городе чужаков привело Ссури в поля. Нужно осуществить вторую часть их плана.

Дальгард заставил себя оставаться совершенно неподвижным, а водяной лежал на земле рядом с ним, как будто плыл на своих любимых волнах в какой-нибудь закрытой бухточке. Его яркие глаза были закрыты. Но Дальгард знал, что Сссури не спит, и изо всех сил пытался поддержать его мысленный призыв; какой-нибудь прыгун или ночной бегун подхватит его и передаст дальше: на севере опасность, ее нужно расследовать. Одну группу бегунов, переселяющихся на юг, они уже встретили. Но если сумеют отправить на юг еще одно племя, вызвать исход прыгунов, известие распространится и дойдет до животных, живущих по соседству с Хоумпортом.

Солнце зашло, быстро темнело. Теперь Дальгарду не были даже видны тесно стоящие здания города. И так как у него не было способностей Сссури, он не знал, достигнут ли их усилия хотя бы тени успеха. Он вздрогнул на холодном ветру и решился положить руку на плечо Сссури, почувствовать его тепло и напряжение.

Нарушив таким образом сосредоточенность товарища, он спросил:

— Не лучше ли тебе, брат по ножу, с восходом солнца вернуться в море и плыть к своему племени, оставив меня здесь ждать твоего возвращения?

Сссури ответил сразу: по-видимому, он думал об этом.

— Увидим, что будет, когда взойдет солнце. Правда, что в море я могу двигаться быстрее и что охотничьи отряды моего племени заходят в эти воды. Но без важной причины они не пойдут к городу. Это проклятое место.

Наутро город снова притянул их к себе. Любопытство влекло Дальгарда на склад. Он надеялся, если повезет, найти что-нибудь, что помогло бы решить их проблему. Если бы только была возможность избежать открытого конфликта с Иными. Чужаки могут никогда и не узнать о существовании терранской колонии. Много поколений, даже столетий, чужаки остались или были вынуждены остаться за морем, на западном континенте. И если их ждет новая катастрофа, они никогда снова не пойдут на восток. Дальгард мечтал о том, что найдет и приведет в действие какую-то защитную установку, которая обернется против чужаков. Но в то же время понимал, что ему не хватит технических знаний, он не сможет отыскать такое оружие.

Остатки терранской науки и техники, которые беглецы принесли с собой с родной планеты, сохранялись; эксперименты,

которые колонисты проводили на своем несовершенном оборудовании, тщательно регистрировались, и Дальгард был знаком с их основными результатами. Но то небольшое оружие, которое они сумели привезти, давно лишилось зарядов, а возобновить их оказалось невозможно. Колонисты разобрали корабль, в котором пересекли космос, и все его части использовали при сооружении Хоумпорта; точно так же сохраняли они и все остальное. Но им мешало отсутствие материалов на Астре, а страх перед знаниями чужаков не давал экспериментировать с предметами, найденными в руинах.

На полках этого склада сотни предметов; любая неосторожность может превратить в расплавленный поток не только помещение и его содержимое, но и весь город. И Дальгард понятия не имеет, что именно это может сделать.

А Ссури в этом не поможет. Водяные добились большого прогресса в биологии и изучении мозга, но механика им неизвестна из-за вынужденной жизни под водой, и потому о машинах они знают меньше колонистов.

— Я думал, что нам делать, — прервал Ссури размышления товарища. — Возможно, есть способ вернуться к морю быстрее, чем по суше.

— Вниз по реке? Но ты сказал, что у них могли сохраниться наблюдательные устройства.

— Они наблюдают за тем, что плывет вверх по течению, не вниз. Но в городе должен быть еще один путь...

Он не стал больше объяснять, но так как, по-видимому, Ссури знал, что делает, Дальгард снова предоставил ему роль проводника. Они опять пересекли медленную реку; разведчик смотрел в мутные глубины; не хотелось ему пользоваться этим путем. И хоть маслянистая вода не была неподвижной, под ней угадывались неподвижные глубины, а в них, под вялой поверхностью, самые неприятные сюрпризы.

Снова спустились они на арену. Огибая тела, Ссури обошел весь песчаный круг. Он не свернул в проход, ведущий на склад, но остановился перед другим выходом, как будто там находится то, что он ищет.

Менее чувствительные ноздри Дальгарда уловили новый запах, зловоние влажных подземных путей, где застаивается вода. Водяной прошел за решетчатые ворота, Дальгард протиснулся за ним. К запаху сырости примешивались другие, очень неприят-

ные, но зловония змеядьяволов он не почувствовал. И, полагаясь на мнение Ссури, вслед за водяным углубился во тьму.

Снова над головой появились пятна фиолетового света; проход сузился и пошел под уклон. Дальгард пытался вспомнить общий рисунок местности, расположенной теперь над ними. Они шли так долго, что он понял: либо они уже прошли под рекой, либо он потерял всякое представление о направлении.

Глаза их приспособились к полумраку подземелья, и фиолетовое освещение стало сильнее. И поэтому Дальгард увидел, как Ссури повернулся и посмотрел назад, в ту сторону, откуда они пришли; он пригнулся, держа нож в руке.

Лук в этом влажном воздухе бесполезен. Дальгард извлек свой нож. Но хотя он искал мыслью и прислушивался, не чувствовал, кто идет по их следу.

Глава 8

В ВОЗДУХЕ

Они вновь были в воздухе, но Раф оставался недоволен. На сиденье рядом с ним, на том месте, которое должен занимать капитан Хобарт, сидит чужак; ему явно неудобно в углублении, которое так отличается от низких стульев, к которым он привык. На втором сиденье Сорики, но рядом с ним еще один житель города; на костлявых коленях у него странное оружие, похожее на терранские винтовки.

Нет, космонавты не пленники. В соответствии с официальным заявлением они союзники. Но вопреки своей воле следуя на северо-восток за шаром, Раф гадал, долго ли продержится такое положение, если они вдруг откажутся поддерживать действия чужаков. Он не сомневался, что на борту шара есть сюрпризы, способные сжечь флиттер в воздухе, если пилот вдруг изменит курс и попытается улететь на запад, к горам и безопасности космического корабля. Любой из чужаков рядом с ним может заставить его подчиниться, используя свое оружие; а оружие это может быть способно на что угодно: вскипятить человека неизвестными лучами, превратить его в газ. Он не видел, как действует это оружие, и не хотел видеть.

Однако, насколько он может судить, Хобарт и Лабле не разделяют его подозрения. Лабле не терпится увидеть загадочный склад, а капитан либо разделяет его желание, либо понял, что отказываться сейчас неразумно. И вот они летят к морю, капитан и Лабле вместе с руководителями экспедиции на борту шара, а Раф и связист со своими спутниками — или стражниками — за ними. Чужаки даже настояли на том, чтобы снять с флиттера большую часть терранского оборудования; они заявили, что освобожденное место займут добычей со склада.

Шар летел вдоль береговой линии; но вот он повернул и пошел над узким полуостровом, скалистым, выветренным, который почти под прямым углом уходил в море. Полуостров, как палец ногтем, оканчивался рифом. А море впереди не было непрерывной протяженностью воды. Виднелось множество островов, по большей части просто верхушки рифов, торчащие над волнами, но было несколько островов крупнее, высоко поднимающихся над водой, а на одном или двух даже виднелась растительность.

Острова так далеко уходили в море, что, когда флиттер пролетел над последним, сам континент уже исчез из вида. И теперь внизу только вода. Шар полетел быстрее, и Раф в свою очередь прибавил скорости, не желая отставать. Но им не пришлось пересечь океан одним прыжком.

В полдень Раф снова увидел остров; возможно, это южная оконечность северного континента, потому что суша уходила в том направлении, сколько он мог видеть. Шар по спирали опустился и мягко сел на плоское плато, Раф приготовился присоединиться к нему. Когда шасси мягко коснулось поверхности, пилот увидел укрепления: когда-то, в далеком прошлом, когда его новые спутники правили этим миром, это место использовалось ими.

Камень когда-то выровняли, превратили в плоскую площадку, по периметру которой располагалось несколько небольших куполов. Но, как и в полях и в городе, кроме самого его центра, тут чувствовалось опустошение, здания казались покинутыми.

Оба чужака выпрыгнули на плоскую поверхность; казалось, они с радостью покидают терранский летательный аппарат. Впервые Раф подумал, что, возможно, они так же относятся к терранцам, как он к ним. Лабле может интересоваться научными проблемами; пилот же знает только, что чувствует, и ему тревожно.

Сорики тоже вышел и, потягиваясь, прошелся по камню. Однако Раф еще долго оставался на месте, за приборами флиттера. Он не меньше связиста устал, может, даже больше, потому что на нем ответственность за машину. Тело свело. И если бы они сели в открытой местности, он с удовольствием бросился бы на землю, снял шлем, расстегнул воротник, чтобы свежий ветер развеивал волосы и гладил кожу. Может, так удалось бы смести сухую пыль столетий, которая, как ему казалось, покрыла его за часы, проведенные в городе. Но он не в открытой местности; эта посадочная площадка слишком напоминает крышу здания в мегаполисе.

Из шара показалось с полдесятка солдат в доспехах, они прошли к ближайшему куполу и вернулись с тяжелыми ящиками. Горючее, припасы... Раф не стал гадать. Втайне пилот почувствовал облегчение, когда из шара вышел капитан Хобарт и направился к флиттеру.

— Все в порядке? — спросил он, взглянув на двух чужаков, пассажиров Рафа.

— Да, сэр. А сколько еще... — спросил Раф.

Хобарт пожал плечами.

— Кто может ответить, пока мы не научимся понимать их? Нас ждет по меньшей мере еще одна остановка. У них не атомная энергетика, какое-то горючее, и им часто нужно пополнять его запасы. Их начальник не может понять, почему мы не делаем то же самое.

— Он предложил, чтобы их техники осмотрели наш двигатель, сэр?

Хобарт чуть распрямылся. Вопрос как будто понравился ему.

— Да, но мы не сумели понять его. А если кто-нибудь попытается сделать это, немедленно отошлите ко мне — понятно?

— Да, сэр! — В голосе Рафа звучало облегчение, и он увидел, что капитан пристально смотрит на него.

— Вам они не нравятся, Курби?

Пилот ответил откровенно:

— Мне тревожно с ними, сэр. Они не проявляют недружелюбия. Может, просто слишком чужие...

Он сказал не то, что следует, и сразу это понял.

— Похоже на предубеждение, Курби! — Голос Хобарта звучал резко.

— Да, сэр, — деревянным голосом ответил Раф. Глубокие расовые и экономические предубеждения, составлявшие основу

структуры Мира, оставили свой глубокий след в сознании терранцев. Сегодня человек предпочтет быть обвиненным в убийстве, чем в предубеждении по отношению к иному. Это непростительное преступление. Своим необдуманном ответом Раф показал себя ненадежным в глазах капитана, и теперь к его отчетам о чужаках, если он будет их делать, отнесутся недоверчиво.

Молча проклиная свою неразумность, Раф тщательно проверил флиттер; это необязательно, но привычные процедуры принесли некоторое успокоение. Ему пришло в голову, что можно заявить о какой-то неисправности. Тогда нужно будет вернуться к кораблю и делать ремонт. Но Хобарт сам хороший механик, и его трудно обмануть.

Вторую часть пути они покрыли к вечеру и на этот раз сели на остров; здесь титаническим трудом в древности была срезана вершина горы и превращена в базу. Остров защищало от волн кольцо рифов. Отряд чужаков немедленно выступил в путь, они спустились с горы и принялись искать что-то на берегу. Раф увидел, как они окружили какой-то предмет и вытащили его из песка. Что это такое, какое имеет для них значение, они терранцам не объяснили.

Ночь провели здесь, четверо космонавтов спали в мешках у флиттера, чужаки — в шаре. Терранцы не пропустили того факта, что чужаки незаметно поставили стражу в двух местах, где можно подняться на гору. И у каждого стражника в руках было оружие.

Вскоре после рассвета их подняли. Насколько мог судить Раф, остров лишен жизни; а может, живые существа скрываются, пока здесь стоят машины. Поднялись в воздух. Шар взлетел как воздушный, флиттер выждал, пока тот не поднимется, потом тоже поднялся.

Гористый остров, на котором они ночевали, оказался морским часовым архипелага: внизу словно кто-то бросил горсть камешков в мелкий пруд. Острова в основном скалистые вершины. Но на двух видны небольшие зеленые поля, и Рафу показалось, что он уловил очертания купола.

Они пролетели над группой островов. Первая группа сменилась второй, затем третьей. Раф не ожидал поворотов чужака и потому удивился, когда шар неожиданно устремился вниз. Одновременно сидевший рядом с Рафом солдат потянул его за рукав и показал вниз, явно приказывая следовать за шаром. Раф

сбросил скорость и начал осторожно снижаться; он решил не топиться принимать участие в действиях, причины которых не понимал.

Шар повис над небольшим островом немного в стороне от остальных. Чуть погода возбужденный голос Сорики оторвал Рафа от приборов. Пилот взглянул вниз.

— Там жители! Смотрите, они разбегаются!

Они находились слишком далеко, чтобы рассмотреть коричнево-серые существа; они почти сливались с омытыми морем камнями и потому заметны, только когда движутся. Но они явно живые; подведя флиттер ближе, Раф убедился, что они бегут на двух ногах, а не на четырех, как животные.

Из нижней части шара вырвался огненный язык. Как хлыст, ударил поверхность внизу, и в его объятиях существа корчились и превращались в уголь. У них не было ни одного шанса спастись от этого методичного уничтожения. Чужак рядом с Рафом снова сделал сигнал снижаться. Он похлопал по своему оружию и знаком показал, что нужно убрать ветровой щит. Пилот решительно покачал головой.

Возможно, это война. У чужаков могут быть очень веские причины для смертоносного нападения на захваченных врасплох существ внизу. Но он не хочет принимать в этом участие, не хочет приближаться к сцене бойни. Ответным жестом он показал, что щит нельзя снять, пока флиттер в воздухе.

Однако флиттер снижался, и Раф теперь хорошо разглядел, что там происходит. И эта картина долгие годы будет преследовать его в кошмарах. Он теперь ясно видел существа, тщетно стремящиеся спастись. Некоторые добежали до утесов и бросались в море. Но большинство не добежало и умирало в пламенной агонии. И существа не были одного размера!

Дети! Невозможно ошибиться. Мать держит на руках ребенка, двое малышей бегут, взявшись за руки, но тут их догоняет огненный хлыст. Рафа затошнило. Он резко поднял флиттер и повел его в сторону, борясь со своим желудком, резко отбросив руку чужака, который по-прежнему хотел присоединиться к забаве.

— Видели? — спросил он у Сорики.

Связист казался подавленным.

— Да, — коротко ответил он.

— Там были дети, — заявил Раф.

— Детеныши, — согласился связист. — Может, они не разумные. У них все тело в шерсти...

Раф невесело улыбнулся. Может, обвинить Сорики в предубеждении? Какая разница, одето ли разумное существо в космический скафандр, в шелковые повязки или природную шерсть? Все равно это разумное существо. А он был уверен, что видел, как уничтожаются разумные существа, у которых нет ни единого шанса ответить. Если это именно тот враг, которого опасаются чужаки, Раф понимает ярость нападения, приведшего к смерти чужака, которого ему показали в городе. Огонь против примитивных копий — схватка неравная, и там, где можно эти копья использовать, ими стараются восстановить справедливость.

Раф не спрашивал себя, почему целиком оказался на стороне мохнатых существ. Не пытался анализировать свои чувства. Знал только, что еще больше хочет избавиться от чужаков, быть подальше от всех их дел.

Солдат рядом с ним был недоволен; он все время оглядывался на остров, а Раф все расширяющимися кругами уходил от него, в то же время не теряя из виду шар. Когда тот закончит свое грязное дело, флиттер опять полетит за ним. Но корабль чужаков не торопился улетать.

— Хотят быть уверенными, — сообщил Сорики. — Весь остров погружают в огненную ванну. Интересно, что у них за вещество.

— А я бы не хотел знать, — сквозь зубы ответил Раф. — Если это часть их драгоценного знания, мы вполне без него обойдемся... — Он замолчал. Возможно, и так сказал слишком много. Но Терра так пострадала от ядерных войн, что человечество теперь испытывает врожденное отвращение к такому оружию и не собирается снова братья за него. А война с использованием огня оживляет прежние ужасы. Конечно, Сорики должен испытывать то же самое. И когда связист ничего не ответил, Раф понял, что прав. Он надеялся, что бойня произведет такое же впечатление на капитана и Лабле.

Но когда, словно пресытившись убийством, шар снова поднялся и лениво полетел в чистом небе, Рафу пришлось следовать за ним. Внизу еще много островов, и каждый раз он боялся, что вид жизни вызовет искушение у убийц и начнется вторая охота.

К счастью, этого не произошло. Цепь островов кончилась, и они оказались над западным континентом. Шар повернул на

юг и полетел вдоль берега. От береговых утесов в глубь местности уходили леса, полосами синеватых оттенков они покрывали землю. Пока никаких признаков цивилизации. Эта земля так же нетронута, как та, на которой сел космический корабль.

Показался залив, своими длинными руками он охватывал море. В нем мог бы разместиться целый флот. И от моря к вершинам утесов уходила гигантская лестница; широкие карнизы, застроенные зданиями.

— Удар пришелся сюда!..

Раф видел, что имеет в виду Сорики. Здесь когда-то разразилась катастрофа. Ему приходилось видеть руины, оставшиеся после ядерных ударов, на своей планете, те из них, которые позволяла осматривать радиация. Но ничего похожего на эти страшные шрамы он не видел. Камень, составляющий основание этого города, кипел и плавился длинными полосами, сбегал реками лавы в море, окружал языками отдельные нетронутые сооружения. Огненный хлыст, который использовал шар, но бесконечно более мощный?.. Может быть.

Чужак рядом с ним прижался к щиту, разглядывая руины. Он заговорил, и второй чужак, рядом с Сорики, подхватил его речь. Их возбуждение свидетельствовало, что они близки к цели. Раф уменьшил скорость, ожидая, что шар покажет место посадки.

Но, к его удивлению, корабль чужаков устремился в глубь суши. Долгий день подходил к концу, когда они увидели второй город, через него лентой протекала река. Здесь не видно было следов той ярости, которая обрушилась на порт. Здания казались нетронутыми и совершенными.

Странно, но в городе не оказалось посадочной площадки. Шар обогнул грубый овал города и сел на открытом поле к западу. Раф повторил этот маневр, хотя в качестве предосторожности осветил местность внизу вспышкой, и флиттер садился в красном свете. Солдат-чужак выразил свое неодобрение.

— Мне кажется, им не нравится фейерверк, — заметил Сорики.

Раф фыркнул.

— Ну и что? А мне не нравятся катастрофы при посадке, и пилот здесь я! — Впрочем, он не считал, что связист возражает серьезно. С той самой бойни на острове Сорики был необычайно молчалив.

— Мрачное место, — заметил он, когда машина села.

Раф в глубине души считал такими все поселения чужаков, какие видел, и потому согласился. Как только он снял щит, два пассажира-чужака выбрались из флиттера. Стоя у машины, они держали оружие наготове и смотрели во тьму, словно ожидали нападения. После сегодняшнего зрелища Раф не удивился их готовности. Ужас рождает ужас, а безжалостность требует отмщения.

— Курби! Сорики! — Из темноты послышался голос Хобарта. — Оставайтесь в машине.

Сорики глубже подвинулся на сиденье.

— Не нужно просить меня включать двигатели, — пробормотал он. — Мне тоже здесь нравится так...

Рафу не нужно было повторять. У него сложилось впечатление, что, если он попытается отойти от флиттера, чужаки ему помешают. Если это их город-сокровищница, вряд ли им понравятся самостоятельные действия незнакомцев.

Когда к ним присоединился капитан, его сопровождал офицер, который показал Рафу шар. И этот военный был обеспокоен или рассержен, потому что непрерывно говорил и усиленно жестикулировал.

— Им не понравилась вспышка, — заметил Хобарт. Но в словах его не слышался упрек. Как пилот космического корабля он знал, что Раф сделал то, что требовали его обязанности. — Мы останемся здесь — на ночь.

— А где Лабле? — спросил Сорики.

— Он остается с Юссозом, командиром чужаков. Ему кажется, что скоро он решит проблему общения.

— Хорошо. — Сорики вытащил свой спальный мешок. — У нас нет связи с кораблем...

Наступило молчание, показавшееся Рафу бесконечным. Наконец Хобарт заговорил:

— Мы и не думали, что связь будет постоянной. Лучшие коммуникаторы имеют свои ограничения. Когда утратился контакт?

— Как раз перед тем, как эти закутанные герои начали играть с огнем. До этого я сообщал ребятам все, что вижу. Они знают, что мы направлялись на запад, и держали нас в луче сколько могли.

Значит, не так плохо, подумал Раф. Но все равно потеря связи ему не нравилась, даже если учесть этот смягчающий фактор. Теперь четверо терранцев окружены чужаками, которых в двадцать раз больше, они в незнакомой местности и не имеют связи с товарищами. И это может привести к катастрофе.

Глава 9

МОРСКИЕ ВОРОТА

— Что это? — спросил Дальгард у Сссури. Он непрерывно оглядывался.

Неожиданно водяной прижался к стене, его напряженная, еле заметная в тени фигура послужила предупреждением, и Дальгард застыл на месте. И в тот же момент получил мысленный ответ:

— Нас преследуют...

— Змеедьяволы? Иные? — Разведчик колонии дал два возможных объяснения и послал собственную ищущую мысль. Но, как обычно, не мог сравниться в чувствительности с водяным, чей народ всегда пользовался этим видом общения.

— Те, что охотятся в темноте, — получил он в ответ.

Действия Сссури свидетельствовали об опасности. Водяной повернулся и крепко схватил колониста, заставив отступить на шаг-два.

— Возвращаться тем же путем мы не можем. И нужно уходить быстро.

Для Сссури, который с единственным копьем смело выходил навстречу змеедьяволу, это что-то новое. Дальгард достаточно умен, чтобы согласиться с необходимостью бегства. Вместе они побежали по подземному коридору, и скоро между ними и тем местом, где водяной поднял тревогу, легла миля.

— От кого мы бежим? — Дальгард послал этот вопрос, когда водяной немного замедлил ход.

— Есть те, кто живет в темноте. Одного или двух мы легко убили бы. Но они охотятся стаями и стремятся к убийству, как дьяволы, почуявшие запах мяса. К тому же они умны. Когда-то давно, в дни до огня, они служили Иным в качестве охотников за дичью. Иные старались сделать их еще разумнее и коварнее, чтобы посылать на охоту самостоятельно. И постепенно они стали слишком умны для своих хозяев. Тогда Иные, поняв угрозу, попытались перебить их, заманить в ловушки. Но удалось избавиться только от самых неповоротливых и глупых. Остальные ушли под землю, в такие ходы, как этот, и выходят из них только по ночам.

— Но если они разумны, — возразил разведчик, — почему нельзя установить с ними мысленный контакт?

— За долгие годы они выработали собственный способ мышления. И они не простые существа, как ночные бегуны. Когда-то их учили отвечать только Иным. Но, — он развел руки быстрым нервным жестом, — но для тех, кто окружен такой стаей, они неизбежная смерть.

По уверению Ссури, повернуть нельзя, поэтому оставалось только идти вперед по проходу, в котором они оказались. Водяной был уверен, что они пересекли реку и со временем доберутся до моря, если только случайный выход не позволит им выбраться на поверхность раньше.

Дальгард видел, что этим путем пользовались редко. Постоянно встречались груды земли, результат обвалов; через них приходилось перебираться, и разведчик подумал, что, возможно, они окажутся в тупике. Но он верил в Ссури, и, так как водяной уверенно двигался дальше, Дальгард без возражений шел за ним.

Они изредка отдыхали, карауля по очереди. Но стены оставались неизменными, и трудно было измерять время и расстояние. Дальгард пожевал свой неприкосновенный запас, сухое мясо и фрукты, превратившиеся почти в каменный брусок; он пытался удовлетворить этими крохами растущий голод.

Проход становился все более влажным; со стен стекала вода, собиралась в зловонные лужи на полу. Дальгарду все меньше нравилось это место. Идя вперед, он невольно сгибал плечи; воображение рисовало картину обвала, на них рушится камень, и тонны грязной маслянистой речной воды поглощают их. Но хотя Ссури, когда мог, избегал наступать в лужи, влага его не тревожила.

Наконец человек не выдержал.

— Далеко ли море? — спросил он, не надеясь получить ответ. Как и ожидал Дальгард, Ссури пожал плечами.

— Мы должны быть близко. Но я никогда здесь не проходил. Откуда мне знать?

Они снова отдохнули, выбрав относительно сухое место, пожевали сухой пищи, немного попили из заткнутых рогов двурога, которые свисали у них с поясов. Человек должен умирать от жажды, чтобы решиться зачерпнуть этой застоявшейся воды из луж.

Дальгард погрузился в беспокойный сон, в котором бежал под небом, а небо превратилось в гигантскую руку врага, и эта рука неумолимо опускалась, чтобы раздавить его. Проснулся он,

вздрыгнув, и увидел, что чешуйчатые пальцы Сссури трясут его за плечо.

— По этим дорогам ходят демоны снов. — Его еще не вполне проснувшийся мозг уловил эти слова.

— Действительно, — ответил Дальгард.

— Так всегда в тех местах, где жили Иные. Они оставляют за собой мысли, порождающие сны, и эти сны беспокоят тех, кто не их рода. Пошли. Мне хочется поскорее выбраться из этого места под чистое небо, где древнее зло не отравляет воздух и мысли.

Либо водяной неверно определил направление пути, либо устье реки гораздо дальше от города, чем они считали: они шли долгие утомительные часы, но проход не поднимался, и никаких выходов в знакомый им мир не было.

Дальгард начал понимать, что они опускаются. Наконец он не выдержал и высказал свои опасения, надеясь, что Сссури их развеет.

— Мы опускаемся!

К его разочарованию, водяной согласился.

— Да. Уже тысячу наших шагов. Я считаю, что проход ведет не к солнцу, а под море.

Дальгард пропустил шаг. Для Сссури море — это дом; возможно, перспектива оказаться под морским дном его не тревожит. Но рожденный на суше человек к такому не готов. Если ему тревожно под рекой, то что же под океаном? Дальгард вспомнил свой страшный сон, руку, грозящую прихлопнуть его. Но спутник продолжал:

— Должен быть выход, может быть, прямо в море.

— Для тебя, — заметил Дальгард, — но я не житель глубин.

— Иные тоже, однако они пользовались этими путями. И говорю тебе, — водяной снова коснулся руки Дальгарда, — повернуть назад невозможно. Смерть, живущая во тьме, по-прежнему принюхивается к нашему следу.

Дальгард невольно оглянулся через плечо. В тусклом ограниченном свете фиолетовых дисков он почти ничего не видел. Сзади может незаметно подобраться целая армия.

— Но... — Он возражал против внешней беззаботности водяного.

Сссури вначале, когда упомянул о преследователях, встревожился. Теперь, казалось, он совсем не беспокоится.

— Они сыты, — ответил он. — Разведчики идут за нами, потому что мы что-то новое и подозрительное. Но когда они снова проголодаются, а разведчики доложат, что мы мясо, тогда наступит время обнажить ножи и приготовиться к битве. Но до этого мы еще можем освободиться. Нужно найти ворота.

Водяной казался уверенным, но Дальгард этой уверенности не разделял. На открытом воздухе он встречал змеедьявола, вчетверо больше его самого, лишь с обычными охотничьими предосторожностями. Но здесь, в темноте, не в силах отделаться от мысли, что тысячи тонн морской воды висят над головой, он обнаружил, что вздрагивает при малейшем звуке; в потной руке Дальгард зажал обнаженный нож.

Он заметил, что Ссури пошел быстрее и увереннее; Дальгард привык идти такой же походкой. Перед ними коридор уходил вдаль без всяких перерывов. Обещанный водяным выход, если он и существует, по-прежнему не был виден.

Трудно определять время в этом темном проходе, но Дальгарду показалось, что прошло еще не меньше часа, когда Ссури снова резко остановился, наклонил голову, словно прислушиваясь. Как будто уловил звук, недоступный для его спутника-человека.

— Они проголодались... — мысль его шипела, словно слова, произнесенные вслух. — Начинается охота.

Он пошел вперед еще быстрее, Дальгард не отставал; они почти бежали: накопившаяся за столетия пыль поднималась под босыми, покрытыми чешуйками ногами водяного и под кожаными ботинками Дальгарда. По-прежнему стены без всяких ответвлений, по-прежнему фиолетовые лампы на потолке. И никакого выхода. Но что даст им этот выход, подумал Дальгард, если он ведет в море?

— У берега острова... много островов, — ответил на его мысль Ссури. — Я думаю, выход приведет на один из них. Но — беги, брат по ножу, потому что те, что идут за нами, жаждут плоти и крови. Они решили, что нас можно не опасаться, и теперь охотятся в свое удовольствие.

Дальгард взвесил в руке нож.

— Они обнаружат, что у нас есть клыки, — мрачно пообещал он.

— Лучше, чтобы они вообще нас не обнаружили, — возразил Ссури.

Жгучая боль вспыхнула в груди Дальгарда, дыхание стало порывистым, он торопливо глотал воздух, продолжая бежать по бесконечному коридору. Ссури тоже проявлял признаки утомления, он опустил круглую голову, только железная воля заставляла его передвигать ноги. И эта решимость передавалась разведчику, действовала сильнее, чем любое предупреждение об опасности.

Они проходили под одним из редких фиолетовых фонарей, когда Дальгард уловил что-то еще, быстрый и резкий мысленный удар, как удар меча, прорубивший туман усталости, который окутал его мозг. Но это не мысль Ссури, она совершенно чуждая, на самом краю восприятия, прикоснулась, кольнула, как игла, и снова отступила.

Не страх и не предупреждение — невероятное упрямство и гложащий голод. Дальгард мгновенно понял, что мысль исходит от тех, кто приняохивается к их следу, и не удивлялся больше, что охотники не способны на мысленный контакт. С этим контактировать невозможно!

Он побежал вперед, ответив на ускорение водяного. Но, к своему ужасу, Дальгард увидел, что товарищ его на бегу держится за стену, как будто нуждается в опоре.

— Ссури!

Мысль его встретила сосредоточенную волю, стену, которую не смогла пробить. На мгновение он успокоился, но тут же уловил новый укол мысли преследователей. Ему хотелось оглянуться, увидеть охотников. Но он не решался нарушить ритм бега.

— Аххх! — Крик Ссури вновь заставил его посмотреть на товарища. Водяной побежал изо всех сил.

Дальгард призвал последние остатки энергии и последовал за ним. Ссури остановился у темного выступа в стене.

— Морские ворота! — Водяной вцепился когтями в люк, пытаясь отыскать способ открыть его.

Тяжело дыша, Дальгард прислонился к противоположной стене. И услышал новый звук — топот лап, множества лап в коридоре. И смог посмотреть в ту сторону.

Круглые огоньки, тусклые, зеленоватые, у самой земли, как будто кто-то бросил горсть фосфоресцирующих бусинок в темноту. Но это не фосфоресценция! Глаза! Глаза — он попытался сосчитать и понял, что невозможно представить себе размер стаи, которая бежала молча, но целеустремленно. И смог раз-

глядеть только смутные фигуры, гибкие, сильные, прижимающиеся к земле.

— Ахххх! — Снова торжествующий крик Ссури.

Со скрипом металл неохотно двинулся, пахнуло морским воздухом, показался фиолетовый свет, гораздо ярче, чем в коридоре.

Дальгард одновременно ожидал поток воды, но его не было; водяной протиснулся в люк, и Дальгард приготовился следовать за ним, чувствуя, что светящиеся глаза и шлепающие лапы совсем рядом.

В коридоре послышалось рычание, и на разведчика прыгнуло черное существо. Не глядя, Дальгард ударил ножом и почувствовал, как лезвие вошло в плоть. Рычание превратилось в гневный крик, существо извивалось в воздухе, пытаясь дотянуться. В это мгновение Ссури, высунувшись из люка, тоже ударил, погрузив свой костяной нож в ожившие тени внизу.

Дальгард подпрыгнул, схватившись за люк. Пнул ногой одну из теней, отбросив ее назад, в толпу других. Ссури подхватил его, втащил вверх, вдвоем они захлопнули люк и почувствовали, как он задрожал от удара множества тел: стая внизу обезумела от гнева и досады.

Водяной задвигал засовы люка, заставив снова протестующе заскрипеть металл, а Дальгард получил возможность осмотреться. Они оказались в помещении восьми-девяти футов длиной; в фиолетовом свете видно было висящее на стенах многочисленное оборудование, на полу груды небольших цилиндров. В дальнем конце помещения еще один люк, закрытый таким же образом, как и тот, что закрывает Ссури. Водяной кивком указал на него.

— Море...

Дальгард сунул нож в ножны. Ему не хотелось проходить через эту дверь. Подобно своим соплеменникам, он умеет плавать. Возможно, его умение поразило бы людей с его родной планеты. Но в отличие от водяного он не родился в море, природа не снабдила его второй дыхательной системой, позволяющей водяным так же легко жить под водой, как и на суше. Ссури может без страха пройти в этот люк. Но для Дальгарда это такое же испытание, как схватка со стаей там, в коридоре.

— Надежды на то, что они уйдут, нет, — ответил на его невысказанный вопрос Ссури. — Они упрямы. Часы, даже дни для них ничего не значат. К тому же они могут оставить охрану, охо-

титься в другом месте, но вернуться по сигналу. Так они поступают.

Остается только выход в море. Ссури прошел по комнате и снял один из странных предметов, свисающих со стены. Подобно всем другим предметам, сделанным из загадочных материалов Иных, этот казался новеньким, словно его повесили только что, хотя с того времени прошло не меньше столетия Астры. Водяной развернул длинный гибкий шланг, соединяющийся с двухфутовой канистрой.

— Иные не могли дышать под водой, как и ты, — объяснил он, работая быстро и умело. — На моей памяти были случаи, когда мы обнаруживали их разведчиков с такими приспособлениями; разведчики должны были шпионить за нами из безопасных укрытий. Но последний такой случай был много лет назад, и тогда мы преподали им такой урок, что больше они не возвращались. Тело у них по форме похоже на твое, дышат они тем же воздухом; я думаю, ты можешь этим воспользоваться.

Дальгард взял аппарат. Гибкие металлические ленты удерживают плоскую канистру на груди. Металлическая ткань плотно закрывает маску лицо.

Ссури подошел к груде цилиндров. Выбрав один, он повозился с его заостренным концом и был вознагражден слабым шипением.

— Аххх! — Снова возглас, выражающий удовлетворение. — В них все еще есть воздух. — Он испытал еще два цилиндра и принес все три туда, где стоял Дальгард. Канистра на месте, маска наготове в руке. С бесконечной осторожностью водяной поместил цилиндр в канистру и с сожалением отложил два других.

— Менять их под водой мы не сможем, — пояснил он. — Так что лишние запасы нам не помогут.

Стараясь не думать о том, сколько воздуха помещается в цилиндре, Дальгард надел маску, прикрепил шланг и вдохнул. Из шланга идет воздух, дышать можно! Но — как долго?

Ссури, видя, что товарищ готов, занялся затворами второго люка. Но потребовались совместные усилия, чтобы преодолеть этот барьер и пробраться в небольшое помещение — непосредственно в шлюз, ведущий в море.

На мгновение Дальгард испытал нерешительность, когда водяной закрыл за ними люк. Ему казалось, что сомнительная безопасность помещения с цилиндрами и слабая надежда на то, что

охотники откажутся от преследования, лучше того, что ждет их теперь. Но Ссури уже закрыл люк, и Дальгард стоял неподвижно, не протестуя.

Он старался дышать ровно, медленно, когда водяной приводил в действие шлюз. Из скрытых отверстий пошла вода, поднимаясь до голени, до икры, до колена. Ее холод проник до костей. Но Дальгард продолжал ждать, хотя ему казалось, что лучше был бы неожиданный мощный прилив.

Вода вилась теперь вокруг талии, тянула за пояс, за колчан, билась о дно канистры с драгоценным запасом воздуха. Лук, защищенный водонепроницаемым кожухом, дюйм за дюймом погружался в воду.

И вот, когда вода дошла до подбородка, внешняя дверь медленно раскрылась; медлительность свидетельствовала, что за долгие годы управляющие ею механизмы застоялись. Ссури, чувствуя себя в родной стихии, выплыл наружу, как только позволила дверь. И его мысль подбадривала более неуклюжего жителя суши.

— Мы в мелких водах, перед нами суша. Это основание острова. Бояться нечего... — Мысль неожиданно оборвалась, закончилась мысленным вскриком, свидетельствующим об удивлении или страхе.

Ожидая любой опасности, Дальгард извлек нож и поплыл в воде, готовый спасать или предложить свою помощь.

Глава 10

МЕРТВЫЕ СТРАЖНИКИ

Космонавты почти всю ночь не спали. Во время тренировок на Терре, в испытательных полетах на Марс и к суровым лунным долинам Раф знакомился с самыми странными условиями, с окружением, враждебным человеку, и тем не менее всегда мог засыпать по своему желанию. Но теперь, свернувшись в спальном мешке, он прислушивался к каждому звуку этой безлунной ночи, старался услышать — что? Он сам не знал.

Хотя звуков было множество. Посвистывала какая-то ночная птица, в отдалении журчала вода; он связал этот звук с рекой, протекающей через весь давно покинутый город; шуршала трава — на ветру, или когда ее тревожило какое-то животное.

— Не лучшее в мире место для отдыха, — заметил Сорики из темноты; Раф в это время ворочался, пытаясь занять более удобное положение. — Я с радостью бы посмотрел, как эти забинтованные ребята машут нам руками, а мы улетаем от них, и быстро.

— Они убивали не животных, там, на острове. — Раф высказал то, что больше всего тревожило его.

— На них не одежда, а шерсть, — ровным, бесцветным голосом отозвался Сорики. — На Терре есть обезьяны, они не люди.

Раф смотрел на небо, на котором, как беззаботные пылинки, мерцали звезды.

— Что такое «человек»? — ответил он, повторив классический вопрос, который многократно обсуждался в тренировочном центре.

Человечество давно пытается найти ответ на него. Может быть, «человек» — двуногое существо с легко различимыми физическими характеристиками? В таком случае мохнатые существа, тщетно пытавшиеся спастись от огня, под это определение не подходят. Или «человек» — это определенный уровень разума, независимо от оболочки, в которой этот разум помещается? Предполагается, что справедливо последнее утверждение. Но Раф знал, что, несмотря на страх перед «предубеждением», большинство терранцев все же считает людьми существа, в целом похожие на них. Согласно этому «предубеждению» забинтованные чужаки — «люди», с ними можно вступать в союз, а мохнатые не «люди», потому что у них нет гладкой кожи, они не носят одежду и не используют механические средства передвижения.

Но в глубине души Раф чувствовал, что это абсолютно неверно, что терранцы сделали неверный выбор. И что теперь «люди» оказались не вместе. Но он не собирался говорить все это Сорики.

— Человек — это разум. — Связист отвечал на вопрос, о котором сам Раф почти забыл, хотя сам его только что задал. Да, привычный ответ. Сорики не обвинишь в предубеждении.

Странно... Когда правил Мир, существовала полиция мыслей и самым страшным грехом считалось быть свободомыслящим, экспериментировать, искать знания. Теперь колесо повернулось: подозрительно быть консерватором. Утверждать, что в старину что-то было лучше, означало быть обвиненным в предубеждении. Раф сухо усмехнулся. Конечно, он хотел достичь звезд, упрямо рвался в то самое место, где сейчас находится. Почему же его так мучают все эти мысли? Почему с каждым днем он чувст-

вует все меньше общего с людьми, с которыми начинал полет? У него хватало ума держать эти чувства при себе, но с того момента, как он поднял свой флиттер в утреннее небо над космическим кораблем, удерживать мысли в повиновении становилось все труднее.

— Заметили, — продолжал связист, перейдя к новой теме, — что эти раскрашенные парни не очень торопятся к своей сокровищнице? Как будто считают, что какой-нибудь ракетный гений подготовил для них сюрприз где-нибудь здесь...

Теперь, когда Сорики упомянул об этом, Раф вспомнил, что чужаки, направляясь в город, жались друг к другу, а несколько черно-белых солдат развернулись вокруг веером, словно разведчики на вражеской территории.

— Они пошли не дальше того здания к западу.

Этого Раф не заметил, но готов был согласиться с наблюдением Сорики. Тот очень наблюдателен и замечает все подробности. Ему самому нужно присматриваться получше. Не время думать о своем положении. Итак, если чужаки не пошли дальше того здания, значит, они сами не хотят уходить в ночь. Потому что Раф уверен: изолированное строение, на которое указал Сорики, не сокровищница, которую они должны разграбить.

Ночь тянулась, и постепенно Раф уснул. Но два или три часа беспокойной, полной кошмаров бессознательности не то, что ему необходимо, и на рассвете ему казалось, что глаза его забиты горячим песком. В предрассветных сумерках стая летающих существ — может, птицы, а может, и нет — поднялась откуда-то в городе, трижды облетела здание и исчезла в полях.

Раф выбрался из мешка, быстро завершил скромные туалетные процедуры с помощью средств, взятых из сумки на поясе, и осмотрелся, не испытывая никакого душевного подъема от окружающей картины и от своего участия в ней. Шар, готовый к взлету, на некотором удалении; на полпути между ним и флиттером размещены два чужака-стражника. Возможно, ночью они менялись. Если же нет, значит, они долго могут обходиться без сна. Когда Раф, чтобы размяться, обошел флиттер, стражники внимательно следили за ним, не выпуская оружия. И Раф подумал, что если переступит какую-то невидимую границу, то начнутся неприятности.

Когда он вернулся к флиттеру, Сорики проснулся и начал потягиваться.

— Еще один день, — протянул связист. — Я бы с удовольствием съел что-нибудь не из полевого рациона. — И поморщился при виде жестянок с концентратами, которые достал из помещения для продуктов.

— Хорошо бы улететь на запад, — заметил Раф.

— Если бы только была связь! — подчеркнуто продолжал связист. — Чем скорее я увижу нашу старушку на стабилизаторах, тем лучше буду себя чувствовать. Знаешь... — он отвел взгляд от продуктов и посмотрел на город, —... у меня от этого места мурашки по коже. Тот город тоже был достаточно плох. Но, по крайней мере, в нем были жители. А здесь вообще никого... я никого не вижу.

— А как же чудеса, которые обещали нам показать? — возразил Раф.

Сорики улыбнулся.

— А хорошо ли мы понимаем их жесты? Может, они пообещали нам чудеса. А может, обещали отвести туда, где нам удобнее перерезать горло — удобнее для них! Говорю вам, если придется куда-нибудь идти с одним из этих раскрашенных парней, руки не сниму с шокера. И вам советую то же самое... Впрочем, я знаю, что вы и так следите за этими проклятыми гарпиями краем глаза. Ха, общество. О, да это капитан...

Люк шара раскрылся, по лестнице спустилась небольшая группа, среди чужаков выделялся фигурой и костюмом капитан Хобарт. Чужаки остались у шара, а терранец направился к флиттеру.

— Пойдете с нами, — сказал он Рафу.

— Почему, сэр?

— А как же я, сэр?

Оба вопроса прозвучали одновременно.

— Я сказал, что кто-то должен оставаться в машине. Тогда они специально указали, что вы, Курби, должны пойти.

— Но я пилот... — начал Раф и понял, что, вероятно, именно поэтому чужаки и потребовали его присоединения к исследовательской группе. Если они считают, что, пока Рафа нет за приборами, флиттер не может лететь, именно такой шаг они бы приняли. Но они ошибаются. Сорики вряд ли сможет починить двигатель, но в случае необходимости поднимет флиттер и приведет его к кораблю. Такое может любой член экипажа РК-10.

Связист нахмурился. Он, как и Раф, сразу понял смысл этого предложения.

— Сколько мне вас ждать, сэр? — спросил он голосом, утратившим всякое добродушие.

Услышав этот вопрос, капитан проявил признаки раздражения.

— Ваши подозрения не основаны на фактах, — строго заявил он. — Пока мы не видели никаких попыток причинить нам вред. А недоверчивое отношение может очень плохо сказаться на наших будущих контактах. Лабле уверен, что у них очень сложно устроенное общество, вероятно, более развитое, чем терранское, а их познания в технике были бы нам очень полезны. Так случилось, что мы появились в самый нужный момент в их истории, когда они пытаются оправиться от серии разрушительных войн. Все равно что на Терре после Большого Ожога высадились бы группа инопланетян и стала помогать людям. Мы можем к взаимной выгоде обмениваться информацией.

— Если бы после Ожога на Терре высадились инопланетяне, — негромко заметил Сорики, — они попали бы в руки Мира. И сколько бы они тогда продержались?

Хобарт отвернулся. Если он и слышал это замечание, то решил на него не реагировать. Но на Рафа слова связиста произвели впечатление: группу чужаков, не разобравшихся в ситуации и попытавшихся установить дружеские отношения с чиновниками Мира, ждала бы быстрая и суровая расправа. И если правдивы рассказы об этой мрачной диктатуре, чужаки исчезли бы с лица Терры вместе со своим кораблем. А что, если и здесь правит свой Мир? Ведь они ничего не знают о положении на планете.

Раф встретился взглядом с Сорики, и связист опустил пальцы руки на рукоять шокера. Пилот флиттера кивнул.

— Курби! — Нетерпеливый призыв капитана заставил его двинуться. Но Раф испытывал облегчение, зная, что у машины остался Сорики и что у них сохраняется возможность бегства.

Он вслед за чужаками шел по улицам города. В первом городе была какая-то видимость жизни, здесь — опустошение. Нанесенная почва и песок наполовину перекрыли проход, повсюду растения обвивали полуразрушенные стены и упавшие блоки; обломки усеивали тротуары и дворы.

Отряд сворачивал с одного узкого переулка в другой; казалось, чужаки стараются избегать широких главных улиц. Раф ощутил неприятный запах, который как-то связывался с водой, и через несколько минут увидел реку между выходящими на нее зданиями. Здесь отряд резко повернул и снова направился на за-

пад, проходя мимо больших, без окон зданий, которые могли бы служить складами.

Один из чужаков неожиданно повернулся, поднял оружие, и из его ствола ударил луч красно-желтого света; в ответ послышался резкий крик, и большое крылатое существо, извиваясь, упало перед ними. Убийца, проходя, пнул его. Насколько мог судить Раф, никакой причины для этого бессмысленного убийства не было.

Руководитель отряда остановился возле двери, закрытой сплошной металлической плитой. Он прижал к этой плите ладони на уровне плеч и наклонился вперед, словно шептал какую-то тайную формулу. Раф видел, как напряглись мышцы у него на плечах. И дверь разделилась надвое, а другие чужаки помогли вдвинуть половинки двери в стену.

Лабле, Хобарт и Раф вошли последними. Спутники словно забыли о них; чужаки, не оглядываясь, все быстрее шли по пустым коридорам.

Коридор кончился рампой, которая не шла вдоль здания, а поворачивала по спирали, так что в отдельных местах только присутствие перил позволяло сохранить равновесие. Потом все оказались в сводчатом круглом помещении, со множеством закрытых дверей.

Чужаки о чем-то заспорили, по-видимому, какие двери открывать первыми, а терранцы отошли чуть в сторону, не понимая их быстрых слов и жестов.

Раф пытался разглядеть многоцветные полосы, извивающиеся вокруг дверей и на стенах. Но вскоре обнаружил, что попытки проследить за какой-нибудь полосой или рисунком вызывают болезненное ощущение, которое усиливается, когда дольше смотришь. В конце концов ему пришлось опустить глаза и смотреть только на серый пол.

Наконец чужаки приняли решение, а может, одна их часть переспорила другую. Они собрались у двери напротив рампы. Снова раздвинули панели. Терранцы, побуждаемые любопытством, приблизились. За дверью оказалась длинная комната. Вдоль стен тянулись ряды полок, а на них огромное количество странных предметов. Раф, бросив взгляд, решил, что понадобятся месяцы, чтобы разобрать это.

Вдобавок комнату разделяли на узкие проходы длинные столы. И вот посреди одного такого прохода чужаки собрались.

Они были такими же молчаливыми, какими шумными казались снаружи. Раф не понимал, что привлекло их напряженное внимание. Он видел лишь ряд следов на пыльном полу. Но чужак, в котором Раф узнал офицера, показывавшего ему шар, прошел вдоль всего следа ко второй двери. И, идя по другому, параллельному проходу, Раф ощутил густой, выворачивающий желудок сладковатый запах. Что-то очень-очень мертвое и совсем рядом.

Офицер, должно быть, пришел к такому же заключению, потому что поторопился открыть вторую дверь. Перед ними был длинный узкий коридор с узкими окнами под самым потолком, в которые пробивался солнечный свет. И вот такой луч падал на тушу размером со слона. Так, по крайней мере, показалось удивленному Рафу.

Трудно было судить о внешности животного; судя по чешуе, это пресмыкающееся: тело отыскивали стервятники, и пир шел всюю.

Офицер-чужак осторожно обошел тушу. Раф хотел бы осмотреть ее внимательней, но не мог заставить себя заняться этим неприятным делом. В группе, стоявшей у двери, слышались возбужденные восклицания.

А офицер, обойдя тушу, снова принялся рассматривать пыльный пол. Если тут и были какие-то следы, сейчас их было невозможно разглядеть: пирующие таскали по полу куски. Чужак пробрался через ужасные останки к противоположному концу коридора. Раф с такой же осторожностью пошел за ним.

Они вышли в небольшой проход, уходящий под землю, как решил терранец. Потом участок с зарешеченными клетками и длинный коридор. Здесь зловоние либо застоялось в клетках, либо доносилось откуда-то еще, и Раф подавился, когда в лицо ему ударил особенно противный запах. Он продолжал внимательно глядеть по сторонам, ожидая увидеть пирующих. Пир ведь не закончен. Может, их приход испугнул стервятников. А ему не хотелось бы встретиться в неосвещенных подземельях с существами, способными таскать такие туши.

Проход снова начал подниматься, и Раф увидел впереди яркий свет. Это мог быть только свет солнца. Чужак был отчетливо виден на его фоне; Раф перебрался через груды песка и увидел еще одну сцену смерти. У мертвого чудовища оказались двойники, и вот они лежали, тоже мертвые, разорванные, искалечен-

ные. Раф оставался у входа, потому что даже свежий воздух и утренний ветер не могли уничтожить зловоние, которое казалось таким же смертоносным, как газовая атака.

Должно быть, вонь смутила и офицера, потому что тот заколебался. Потом с видимым усилием направился к грудам плоти, проходил вперед, отходил назад, словно хотел уточнить причину смерти. Он был полностью занят этим, когда из прохода убежал другой чужак. В руках он держал какую-то белую палку. Весь вид его свидетельствовал, что он сделал какое-то важное открытие.

Офицер выхватил у него палку, поворачивал в руках, разглядывая. И хотя трудно прочесть выражение лица под слоем краски, Рафу показалось, что офицер испытывает удивление, смешанное с недоверием. Словно подчиненный принес ему предмет, который он меньше всего ожидал здесь увидеть.

Рафу тоже хотелось взглянуть на это, но чужаки проскочили мимо него и ушли в коридор. Второй разразился потоком слов, офицер внимательно слушал. И терранцу пришлось поторопиться, чтобы не отстать от них.

Уходя с арены, он запомнил одну подробность: из неподвижного тела самого большого животного торчала передняя лапа, а на ней — металлический браслет. Неужели это домашние животные? Сторожевые собаки? Ведь это не разумные существа, способные создать и носить такое украшение. А если это сторожевые собаки, то кому они служили? Ему казалось невероятным, чтобы их хозяевами были чужаки. Может, чудовища служили стражниками этих сокровищ. Но мертвые стражники означают, что сокровище разграблено. Но кто или что?..

Мозг его был занят этими размышлениями и вопросами. Раф вслед за чужаками шел в помещение, где нашли первое пресмыкающееся. Чужак, который принес находку командиру, осторожно прошел через мусор и положил белый стержень, очевидно, туда, где он лежал.

По резкой команде офицера два чужака прошли вперед и приподняли голову животного, повернув ее так, чтобы показалась нижняя часть. Здесь была широкая рана, но Раф не видел разницы между нею и тем, что оставили пирующие. Однако офицер, закрыв нос полоской ткани, наклонился, разглядывая рану, и сделал какое-то заявление, вызвавшее оживленные комментарии у остальных.

Четверо чужаков отделились от группы и, держа наготове ручное оружие, двинулись к арене. Рафу показалось, что они ждут нападения с этого направления.

Осыпаемые градом приказов, остальные вернулись на склад, и офицер, заметив, что Раф задержался, нетерпеливо поманил его за собой.

Внутри чужаки разделились, они ходили вдоль полок и столов, отбирая нужное. По их действиям стало ясно, что они пересмотрели свою задачу и теперь у них ограниченное время. Некоторые брали груды ящиков и других контейнеров, таких легких, что их выносили по полдесятка зараз. Иные по двое и по трое стаскивали тяжелые механизмы с оснований и грузили на тележку. Было заметно, что они очень торопятся.

Глава 11

РАЗВЕДКА

Торопясь присоединиться к Ссури, Дальгард забыл свою тревогу и вышел из шлюза на морское дно, вернее, попытался выйти, потому что немедленно поплыл. И дальше продолжал плыть вперед, меняя скорость.

Раскачивающиеся плети гигантских водорослей, какие находятся только на мелководье вблизи берега, сплетались вокруг, но не закрывали скал, которые резко поднимались вверх немного впереди. Разведчик не видел водяного, но, отодвигая одну такую плеть, уловил призыв товарища:

— Здесь, у скал!

Раздвигая плавучую листву, Дальгард протиснулся к основанию каменного барьера. И увидел, что вызвало такое возбуждение у его спутника.

Ссури разогнал кольцо живущих в песке стервятников и стоял на коленях, внимательно глядя на почти очищенный от плоти череп одного из представителей своего народа. Но что-то в нем было странное. Дальгард отодвинул водоросль, закрывавшую ему поле зрения, и смог рассмотреть яснее.

Большинство костей белые и чистые, но сам череп почернел, и рука и плечо скелета тоже обожжены. Этот водяной погиб не в море!

— Да, это так, — ответил на его мысль Сссури. — *Они* снова приходили и принесли огненную смерть...

Дальгард, удивленный, смотрел на склон, который уходил вверх, к выходящему из воды острову.

— Давно умер? — спросил он, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Эти чистильщики действуют быстро. — Сссури указал на жителей песка. — Может, вчера или на день раньше. Не дольше.

— И *они* теперь наверху?

— Кто может сказать? Но *они* не знают ни моря, ни островов.

Было ясно, что водяной собирается подняться и посмотреть, что произошло наверху. Дальгарду оставалось только следовать за ним. И правда, что водяным нет равных, когда дело касается моря и берегов. Дальгард был уверен, что Сссури поднимется наверх и узнает, что произошло, и ни один часовой его не заметит, если, конечно, Иные расставили часовых. Другое дело, сможет ли он сам действовать так же бесшумно и незаметно.

В конце концов они наполовину взобрались, наполовину выплыли наверх, избегая нападений скальных ос, безвредных, если находишься достаточно далеко от их ищущего жала. Эти существа на всю свою короткую жизнь прикреплены к расселинам, в которых и вылупились.

Голова Дальгарда высунулась из воды, он оказался среди прибоя за острым выступом скалы. Судя по освещению, был конец вечера. Колонист сорвал маску и с благодарностью набрал полные легкие доброго чистого воздуха. Сссури, с прилипшей к телу мокрой шерстью, брел к берегу и сразу принялся рассматривать скальную стену, охраняющую вход на остров.

Теперь, когда можно было осмотреться, Дальгард увидел, что они на одном из целой цепи островов. Именно такие острова, с изрезанными берегами, со множеством убежищ, предпочитают водяные для своих поселений. Здесь есть сухие внутренние пещеры с подводными входами, в которых устраиваются групповые дома. А в море множество водорослей, готовых к сбору урожая.

Подниматься по склонам нетрудно. Дальгард избавился от подводного аппарата, спрятав его в расселине, которую завалил камнями. Он решил, что здесь волны до него не доберутся. Возможно, аппарат еще понадобится. Потом, затянув потуже пояс, выжал воду, насколько возможно, из одежды, повесил на спину

колчан и лук и подошел к тому месту, где Ссури уже делал углубления для рук и ног.

— Нас могут увидеть... — Дальгард согнул шею, пытаясь разглядеть, что ждет их вверху.

Водяной быстро покачал головой.

— *Они* ушли. За ними осталась только смерть... много смертей... — И разведчика поразила мрачность его мыслей.

Дальгард знал Ссури с того времени, как научился ходить; Ссури тогда детенышем впервые увидел чудеса суши. Но никогда Дальгард не чувствовал в друге такое отчаяние. И ничем не мог помочь.

В сумерках, когда за спиной появились на небе последние красные полосы, они поднялись по склону. Водяной словно закрыл сознание перед товарищем. Их пальцы соединялись во время подъема, но что касается общения, Ссури мог бы находиться за полмира отсюда. Никогда он так не отгораживался от друга; с его чувствительностью к ночи, ко всему миру это ощущалось вдвое острее.

Дальгард понял — и это его встревожило, — что слишком привык полагаться на превосходящую способность Ссури к связи. Пора максимально использовать собственные силы. И вот, поднимаясь, Дальгард послал ищущую мысль в полутьму. Обнаружил гнездо уткособак; эти пугливые рыбаки обычно жили в расселинах утесов. Они безвредны и сейчас располагались на ночь. Но ни следа высших животных: прыгунов, бегунов, — от которых можно что-нибудь узнать. Если судить по его восприимчивости, они поднимаются в черную пустоту.

А это само по себе зловещий признак. В обычных условиях он должен был коснуться мыслью не только уткособак. Водяные живут в мире почти со всеми высшими формами жизни своей планеты, и колонии прыгунов, даже стаи птиц-бабочек поселяются рядом с их племенами, подбирают остатки пищи и находят защиту от летающих драконов и других опасностей.

— *Они* преследуют все живое. — Ссури впервые раскрыл свой барьер. — Там, где проходят *они*, маленьких безвредных существ ожидает только смерть. Так было и здесь. — Он выбрался на край склона, и в темноте Дальгард слышал, как он тяжело дышит; сам он тоже дышал с трудом.

Как зловоние выдает логово змеедьявола, так и здесь запах говорил о смерти и уничтожении. Дальгарда замутило, он с тру-

дом справился с мышцами горла и живота. Сссури оставался неподвижен, словно ожидал этого.

И тут, к удивлению Дальгарда, водяной испустил крик; Дальгард никогда не слышал, чтобы его друг кричал — жалобный высокий свист с призывной нотой, странным образом сходный с мысленным призывом, но доступный слуху. Они долго сидели молча, человек и его товарищ напряженно прислушивались к звукам ночи. Почему Сссури не использует обычное бесшумное приветствие своего племени? Задав этот вопрос, разведчик снова встретился с непроницаемой стеной, которой отгородился водяной во время подъема. Как будто теперь нормальный способ общения стал опасен.

Снова Сссури свистнул, и в крике Дальгард уловил сходство с музыкальными криками ночных птиц-бабочек. Крик настойчивый и печальный. Когда послышался ответ, разведчику вначале показалось, что имитация привлекла настоящую птицу-бабочку, потому что ответ раздался, казалось, прямо у них над головой.

Сссури встал, положил руку на плечо Дальгарду; надавил — одновременно предупреждение и призыв, заставил разведчика тоже бесшумно встать. Ужасное зловоние перехватило горло, и Дальгард был рад, что водяной повел его не в глубь острова, к источнику этого запаха, а пошел вдоль края утеса, придерживая друга одной рукой.

Дважды Сссури останавливался и свистел, и каждый раз ему отвечала вздыхающая нота; казалось, она внушает Сссури уверенность.

На более светлом фоне моря Дальгард увидел впереди вершину, поднимающуюся над уровнем острова. Он знал, что водяные не селятся наверху, они превращают в жилые помещения природные пещеры и расселины, и гора показалась ему зловещей.

Сссури провел его по извилистой тропинке среди скал, один раз пришлось пробираться сквозь узкую щель, и, протискиваясь, разведчик оцарапал руки. Потом небо исчезло, погасла последняя звезда, и Дальгард понял, что вошел в какую-то пещеру или под каменный навес.

Водяной не останавливался, он шел вперед, таща за собой Дальгарда, по каменной тропе. Колонист чувствовал, что теперь они спускаются, направляются к сердцу острова. Наконец они оказались на небольшой площадке. Сссури поставил ноги Дальгарда в углубления, подвинул его руки к местам, за которые можно ухватиться. Медленно, с трудом, подчиняясь этим указаниям,

Дальгард вскарабкался на другой карниз; он так и не увидел лестницы, которая привела его к новому спуску.

Тут наконец стало светлее; не фиолетовый свет подземных ходов Иных, а призрачное свечение; Дальгард узнал светильники водяных. Это глубоководные светящиеся существа, водяные заключают их в прозрачные шары и держат в своих пещерах.

По-прежнему никакого мысленного контакта. Никогда раньше не входил Дальгард в пещеры морского народа без вопросов и приветствий, раздающихся отовсюду. Может, они идут в место убийства, где не осталось ни одного живого существа? Но ведь сюда привел Ссури этот свист...

В этот момент раздалась в глубине резкая пронзительная нота и зазвенела в ушах Дальгарда; он вздрогнул и чуть не потерял равновесие. И снова Ссури ответил вслух, не мысленным прикосновением.

Они обогнули выступ, и разведчик увидел перед собой сердце территории земноводных. Природная пещера, как большинство жилищ водяных, но стены выровнены и увешаны гирляндами раковин, из которых во время отдыха водяные сплетают странные узоры. Серебристо-серый песок, гладкий и тонкий, как пыль, покрывает поверхность на фут и больше в глубину. И вокруг центрального помещения множество небольших келий, каждая принадлежит отдельной семье. Большая пещера, на первый взгляд Дальгард решил, что здесь живет не менее ста водяных; по крайней мере, об этом говорило количество келий. Но у основания карниза, по которому они спускались, собралось, держа наготове копыя, десять взрослых самцов, и среди них те, что только что расстался с детством, и такие, у которых белоснежная шерсть свидетельствует о почтенном возрасте. А за ними, держа в руках наготове ножи, примерно столько же самок, которые образовывали защитную стену вокруг группы детенышей.

Ссури обратился к Дальгарду:

— Вытяни руки, пустые, раздвинь пальцы, чтобы они могли ясно видеть!

Разведчик повиновался. В ограниченном свете его десять пальцев превратились в веер, и тогда он понял смысл этого жеста. Если эти водяные никогда раньше не видели колониста, он им может напомнить Иных. Но только один вид на Астре имеет пять пальцев на руках и ногах, и это физическое свидетельство обеспечит ему безопасность.

— Зачем ты привел к нам убийцу? Или ты предлагаешь нам наказать его, чтобы мы могли своими ножами привлечь судьбу, которую он заслужил?

Вопрос прозвучал с силой удара стрелы, и Дальгард протянул ладони, надеясь, что водяные увидят разницу, прежде чем копы пронзят его плоть.

— Посмотрите на руки этого... моего брата по ножу, на его лицо. Он не из тех, кого вы ненавидите, он с юга. Разве вы на севере не слышали о Тех-Кто-Помогает, о Тех-Кто-Пришел-Со-Звезд?

— Слышали. — Но напряжение не спадало, копы не дрогнули.

— Посмотрите на его руки, — настаивал Сссури. — Войдите в его мозг, он говорит с нами так. А разве *они* так делают?

Дальгард старался раскрыть свое сознание, ожидая суда. И суд пришел, его мозга коснулись враждебные, чужие мысли, но тут же изменились, встретив только дружелюбие, которое он всегда испытывал к морскому народу.

— Он не из *них*. — Признание было сделано неохотно. Как будто водяные не могли поверить в это. — Зачем он пришел сюда с юга — именно сейчас?

На этом «сейчас» было сделано тревожное ударение.

— По обычаю своего народа он ищет новых знаний, чтобы вернуться и доложить своим старейшим. И тогда он получит копье взрослого и будет готов к выбору подруги. — Сссури изложил причины похода Дальгарда в терминах своего племени. — Он мой брат по ножу с младенчества, и поэтому я пошел с ним. Но здесь, на севере, мы встретили зло...

Поток мыслей Дальгарда был поглощен такой ненавистью, что он словно ощутил физический удар. Юноша покачал головой. Он знал, что водяные могут быть опасными врагами, бесстрашными и искусными, что их выносливость и стойкость превосходят человеческую. Но такого гнева он никогда не встречал.

— *Они* пришли снова... *они* все сожгли... *они* среди наших островов...

Заплакал ребенок, и одна из самок принялась успокаивать его.

— Здесь *они* убивали огнем...

Водяные не стали подробнее развивать это утверждение, и Дальгард был рад этому. Он по-прежнему радовался, что они поднимались в темноте, что он не видел того, что рисовало ему воображение.

— *Они* остались? — Это вопрос Сссури.

— Нет. В своем небесном корабле они улетели к темному городу. Там они будут создавать новое зло и готовиться к тому, чтобы эта земля снова принадлежала им.

— Но нас они не получают. — Новая сильная мысль в потоке общения. — Мы больше не пойдем в ямы для их развлечения. Мы можем уйти в море и жить там, как жили отцы наших отцов, и они не посмеют следовать за нами...

— Кто знает? — Это возразил Сссури. — Если они получат свои древние знания, даже глубины моря больше не будут принадлежать нам. Разве не умеют они летать в воздухе?

Воины-водяные зашевелились. Несколько копий тупыми концами ударились о землю. Сссури принял это за приглашение спуститься и поманил за собой Дальгарда.

Позже они сидели кругом на мягком сером песке, двое с юга ели сушеную рыбу и морские водоросли, а Сссури в это время рассказывал об их приключениях.

— Трижды пролетали *они* над островами на своем пути к городу, — сказал разведчикам старейший поредевшего племени.

— Но на этот раз, — вмешался один из его товарищей, — с ними был новый корабль.

— Новый корабль? — Сссури ухватился за это сообщение.

— Да. Корабли, на которых *они* летают в воздухе, выглядят так. — Кончиком ножа водяной изобразил на песке круг. — А этот новый корабль меньше и похож на острие тяжелого копья — вот такое, — и он сделал второй рисунок рядом с первым. Дальгард и Сссури наклонились, разглядывая его.

— Непохоже на их корабли, о которых я слышал, — согласился Сссури. — Даже в рассказах о днях до Огня о таких никогда не говорится.

— Верно. Поэтому мы ждем возвращения своих разведчиков. Разведчики ушли к их пещерам отдыха, а когда вернутся, расскажут нам о новом корабле. Они придут во время ближайшего периода сна. Отдыхайте, вам явно нужен отдых. Мы позовем вас, когда они вернутся.

Дальгард с готовностью лег на песок в дальнем углу пещеры. Рядом спали три детеныша, обнимая друг друга; Дальгард ощутил покой, какого не испытывал с самого Хоумпорта.

Причудливый свет морских животных освещал центральную часть пещеры. Когда колониста разбудили, снаружи еще впол-

не могла быть ночь. Недалеко сидела группа водяных, их мысли прерывали друг друга. Все были очень возбуждены. Должно быть, вернулись разведчики.

Дальгард присоединился к группе, но ему показалось, что его встретили недружелюбно и открытость прежних часов исчезла. Как будто он снова под подозрением.

— Брат по ножу... — Дальгард понял, что Сссури неспроста использовал это обращение: хотел подчеркнуть, какая между ними тесная связь. — Послушай слова Сссима, разведчика с острова, на котором отдыхают *их* корабли в пути. — Он подозвал к себе Дальгарда, и тот увидел молодого водяного, который крупными глазами смотрел на разведчика колонии.

— Он похож — и не похож... — эта первая мысль ничего не сказала Дальгарду. — У незнакомцев множество покрытий на теле, как и у *них*, и на головах тоже. Они больше. И из их мыслей я узнал, что они не с этой планеты...

— Не с этой планеты! — воскликнул Дальгард.

— Вот! — Шпион водяных торжествовал. — Они тоже говорят не мыслью, а ртом, но звуки у них не те, что у *них*. Да, похожи — и в то же время непохожи на этого.

— И эти незнакомцы летают в корабле, какого мы раньше не видели?

— Да. Но дороги они не знают, и их ведет шар. И по крайней мере один из незнакомцев не доверяет *им* и хочет побыстрее вернуться к себе. Он проходил по камням возле моего укрытия, и я прочел его мысли. Да, они с *ними*, но сами они — не *они*.

— И теперь они ушли к городу? — спросил Сссури.

— Туда улетел их корабль.

— Как я, — повторил Дальгард, и тут в сознании его вспыхнула мысль. — Терранцы! — выдохнул он. Может быть, люди Мира, которые разыскивают беглецов, сумевших уйти от них на Терре. Но как сумели выследить колонистов? И зачем? Или это тоже беженцы, как они сами? Очень многие сведения о прошлом колонии погибли во время Великой Болезни через двадцать лет после посадки. Тогда умерли три четверти первых колонистов. Остались только дети второго поколения и горстка ослабевших старейших. Было утрачено знание, ушло прежнее мастерство, исказились воспоминания. Но если здесь, в городе, новые люди с Терры... Он должен знать, знать и предупредить своих. Ибо о тьме Мира они не забыли!

— Я должен их увидеть, — сказал он.

— Это верно. И только ты можешь сказать нам, кто они такие, — согласился вождь водяных. — Поэтому ты пойдешь на берег с моими воинами и посмотришь на них — и скажешь нам правду. И еще мы должны знать, что *они* там делают.

Было решено, что отряд разведчиков пройдет подводными путями, известными водяным; Дальгард будет с ними в аппарате Иных; разведчики выйдут на следующий день и по реке проникнут на вражескую территорию.

Глава 12

ПАТРУЛЬ ЧУЖАКОВ

Раф прислонился к стене. Действия чужаков на складе давно перестали интересовать его: чужаки не позволяли рассматривать добычу и не отвечали на вопросы. Лабле продолжал ходить за офицером, тщетно стараясь понять его речь. А Хобарт расположился у верхнего выхода, скрестив руки на груди. Пилот знал, что капитан записывает все действия чужаков скрытой на запястье камерой, надеясь что-нибудь понять позже.

Самому Рафу хотелось уйти отсюда и самостоятельно побродить по подземным коридорам. Долго простояв на месте, он обнаружил, что чужаки считают его присутствие само собой разумеющимся, они проходят мимо, занятые своими делами, и не обращают на него внимания. И он медленно начал продвигаться вдоль стены к выходу. Однажды, когда мимо в сопровождении Лабле прошел офицер, Раф застыл. Потом возобновил продвижение боком.

Ему везло. Когда он уже должен был нырнуть в дверь, на другом конце помещения началась суеда, четверо чужаков под град приказов пытались передвинуть какой-то громоздкий механизм.

Раф выскользнул и прижался к стене за дверь. Переместившиеся тени подсказали ему, что уже полдень. Помещение было пусто, в нем только туша животного и ни признака чужаков, отправившихся на разведку.

Терранец легко пробежал по комнате к другой двери, которая вела вниз, к арене. Углубляясь в темный коридор, он извлек шокер. Его луч должен лишить сознания, но не убить. Впрочем,

Раф надеялся, что ему не придется уточнять, как действует этот луч на гигантских ящеров. Время от времени он останавливался и прислушивался.

Звуки, много звуков. Регулярные шумы, похожие на шаги, на далекий бег. Чужаки возвращаются? Или существо, на которое они охотятся? Раф выбрался на солнечный свет, заливающий арену.

Впервые он внимательно рассмотрел это место и понял, для чего оно предназначалось. Здесь население города наблюдало за свирепыми кровавыми развлечениями. Это лишь подтвердило его мнение о чужаках и их образе жизни.

Искушение исследовать город было слишком сильно. Раф задумчиво разглядывал решетки. На них можно взобраться, он в этом уверен. Или испробовать один из многочисленных ходов, ведущих к арене? Пока он колебался в поисках решения, сзади послышался шум. Не неопределенный звук, а крик, полный ужаса и боли. Раф повернулся и побежал, не задумываясь.

Но крик не повторился. Послышались другие звуки... вой... скрежет... царапанье...

Раф обнаружил, что находится в круглой комнате, со всех сторон прутья клеток. Лучи солнца пробивали полумглу, осветили черную массу, выкатившуюся из одного прохода. Перед ней стоял один из солдат-чужаков. Черные существа окружили его, они двигались стремительно, и он не мог попасть в них из своего оружия; они зажали чужака в углу, другой чужак, неподвижный и беспомощный, лежал на полу.

Раф обнаружил, что прицелиться в эти существа невозможно. Они движутся быстро, как рябь на воде. Он поставил переключатель в положение «рассеянный луч» и на полной мощности заряда начал стрелять в стаю.

Несколько секунд ему казалось, что лучи шокера не действуют на чуждый метаболизм животных; их стремительные движения не прекращались. Но вот они одно за другим начали отпадать от центральной массы и неподвижно застыли на полу. Видя, что он может воздействовать на животных, Раф повернулся к тем, что окружали чужака.

Снова послал рассеянный луч, и он подействовал. Когда последнее животное застыло, чужак начал действовать, с рычанием сжигая подряд всех нападавших. А Раф прошел к солдату, лежащему на полу. Помочь ему было невозможно: горло разорвано, уже наступила смерть. Раф отвел взгляд от тела. Второй солдат

методично уничтожал оглушенных животных. И в действиях его видна была такая жестокость, что Рафу не хотелось смотреть.

Но когда он снова посмотрел, то увидел, что ствол оружия чужака нацелен на него. Не обращая внимания на мертвого товарища, чужак приближался к терранцу, как будто видел в Рафе нового врага, которого необходимо сжечь.

Автоматически пилот начал действовать так, как его учили на многочисленных тренировках. Ствол шокера почти уперся в оружие чужака. А тот за последние несколько минут, видимо, проникся уважением к терранскому оружию, потому что опустил свое, словно и не пытался угрожать Рафу.

Пилот понятия не имел, что ему теперь делать. Возвращаться на склад он не хотел. И считал, что чужак не позволит ему уйти одному. Отрезвляюще действовала свирепость животных, гурдами лежащих на полу. Эффективное предупреждение: не стоит гулять по подземным путям.

Дилемму разрешило появление из другой двери группы чужаков. При виде поля битвы они застыли, а их предводитель подошел к выжившему участнику за объяснениями. Тот сопровождал свои объяснения жестами, которые Раф сумел отчасти понять.

Чужак со своим товарищем далеко углубился в один из подземных ходов, когда на них началась охота; они сумели добраться до этого места, прежде чем стая напала. По какой-то причине, оставшейся непонятной Рафу, чужаки предпочли бежать, а не сражаться. Но бежали недостаточно быстро и оказались захваченными здесь. Жестикулирующие руки описали участие Рафа в схватке.

Подойдя к терранцу, офицер-чужак протянул руку и показал, что Раф должен отдать свое оружие. Пилот покачал головой. Неужели они считают, что он по простой просьбе останется безоружным? Особенно после того, как действовал этот солдат несколько минут назад. Он не стал убирать шокер в кобуру. Если попытаются отобрать силой, пусть только попробуют!

Предводитель чужаков, по-видимому, понял его решимость, потому что не настаивал на исполнении своего приказа. Знаком он пригласил терранца присоединиться к отряду. У Рафа не было причин отказываться. Оставив мертвых — и животных, и чужака — на месте, солдаты двинулись по другому подземному пути, который вывел их на улицу, ведущую к реке.

Здесь отряд растянулся, солдаты внимательно разглядывали мостовую, как будто кого-то выслеживали. Раф заметил в одном

месте след ящера. Были и другие, меньшие следы, которые он не сумел опознать. Солдаты осматривали все эти следы, но, по-видимому, искали не их.

Они ходили вдоль берега, и Раф, уже несколько привыкший к их поведению, понял, что предводитель недоволен и раздражен. Они должны что-то найти. Этого здесь нет, но оно должно быть! И им обязательно нужно это найти, чтобы оправдать время, затраченное на поиски.

Солдаты безжалостно убивали все существа, которых вспугнули их поиски. Множество маленьких зверьков, таких, как те, что Раф увидел первыми после приземления, оставалось лежать, слабо дергая лапками. Раф не понимал причины этого бессмысленного уничтожения: ведь эти грызуны кажутся совершенно безвредными.

В конце концов солдаты отказались от поисков и вернулись на поле, где стояли шар и флиттер. Увидев свою машину, Раф оставил отряд и побежал. Сорики приветственно помахал ему рукой.

— Как раз пора одному из вас показаться. Что они там делают? Грузят половину города в эту штуку?

Раф поглядел, куда он показывает. Несколько чужаков тащили нагруженную тележку к люку шара, а другая группа с пустой тележкой возвращалась к складу.

— Опустошают склад. Вернее, пытаются.

— Ну, действуют они так, будто сама старуха Смерть прижигает им хвосты ракетным пламенем. Отчего такая спешка?

— Кто-то здесь был. — Раф быстро рассказал, что видел в городе, закончив описанием охоты, в которой принимал невольное участие. — Я голоден, — закончил он и принялся рыться в припасах.

— И так, кто-то пытается опередить наших раскрашенных приятелей, — задумчиво говорил Сорики; Раф жевал концентраты, не имеющие вкуса свежей пищи. — Мохнатые?

— Чужаки нашли возле мертвого ящера сломанное копьё, — заметил Раф. — А те, с острова, были вооружены копьями...

— Должно быть, хорошие бойцы. Копьем убить такого большого ящера, как вы описываете... Он ведь большой, верно?

Раф смотрел на город, держа в руке недоеденный концентрат. Да, это загадка. Не хотел бы он встретиться с таким чудовищем даже с бластером в руках. Но ящер мертв, и разбитое

копье свидетельствует, как он был убит. И все остальные на арене тоже мертвы. Большой ли отряд вторгся в город? И где он сейчас?

— Хотел бы я знать, как они это делали. — Он обращался скорее к самому себе, чем к связисту. — Никаких других тел...

— Их могли унести друзья, — предположил Сорики. — Но если они еще здесь, надеюсь, они не поверят, что мы более крупные и улучшенные версии раскрашенных парней. Не хотелось бы получить копьем!

Раф вспомнил лабиринт улиц и переулков. В зданиях сотни укрытий для нападающих. Он с такой уверенностью и невежеством проходил там сегодня! Теперь он понимает, почему нервничали чужаки. Если бы на крыше пристроился снайпер с винтовкой, никто из них не вернулся бы на поле. И даже несколько метких копеечников легко сократили бы их численность вдвое или втрое. У Рафа выработывалось стойкое отвращение к городу. Он не собирается возвращаться в него.

Остальную часть дня он провел с Сорики, наблюдая за непрерывной деятельностью чужаков. Ясно, что они хотят упрятать в свой корабль все, что смогут вынести со склада. Как будто можно за один рейс увезти двойной груз. Наверное, потому что обнаружили присутствие других в своей сокровищнице?

Позже с одним из рабочих отрядов вернулись Хобарт и Лабле. Лабле был возбужден увиденным, строил догадки. А капитан оставался необычно молчалив и сдержан; оказавшись во флиттере, он тут же снял с запястья камеру и отдал Сорики.

— Сделайте копию, — приказал он. — Мне нужны два экземпляра записи, и поскорее!

Брови технера поднялись.

— Считаете, что одну мы можем потерять, сэр?

— Не знаю. Но подстрахуемся. Должно быть два экземпляра. — Он взял пакет с рационом, который протянул ему Раф. Но не стал его сразу разворачивать; смотрел на шар, копая каблукком почву, как будто размалывал что-то в порошок.

— У них полная готовность, — заметил он. — Словно в любую минуту могут стартовать...

— Они объяснили, что эту территорию захватил враг, — напомнил Лабле.

— Кто же этот загадочный враг? — спросил капитан. — Животные с острова?

Раф хотел сказать да, но Лабле задал ему вопрос, и пилот коротко рассказал о своих приключениях, не забыв описать эпизод в помещении с решетками, когда только что спасенный чужак обратился против него оружие.

— Естественно, они подозрительны, — заметил Лабле, — но для тех, кто еще не дорос до космических перелетов, они исключительно непредвзяты и готовы принять нас. Хотя мы должны казаться им очень странными.

— Копия сделана, капитан. — Сорики вышел из флиттера, камера была у него в руках.

— Хорошо. — Но Хобарт не стал надевать камеру на руку и не обратил внимания на слова Лабле. Очевидно, приняв какое-то решение, он повернулся к Рафу. — Вы сегодня уходили с разведчиками. Как вы думаете, сможете еще раз присоединиться к ним, если они куда-нибудь отправятся?

— Попытаюсь.

— Если его не прогонят, — усмехнулся Сорики. — А что вы о них думаете, сэр? Они собираются потом от нас избавиться?

Но капитан не стал спорить с ним.

— Мне всего лишь нужна запись их похода. — Он протянул камеру Рафу. — Надевайте и не забудьте включить, когда пойдете. Не думаю, чтобы они вышли сегодня вечером. Им не нравятся пешие переходы в темноте. Вчера мы это заметили. Но утром следите за ними...

— Да, сэр. — Раф пристегнул камеру. Ему хотелось бы, чтобы Хобарт объяснил, чего ждет, но капитан, похоже, считал, что объяснил уже все. И ушел вместе с Лабле к шару, словно говорить больше не о чем.

Сорики потянулся.

— Я бы сказал, что за ними нужно наблюдать непрерывно, — медленно произнес он. — Капитан считает, что в темноте они не выступят, но что мы о них знаем? Будем наблюдать, и вы всегда сможете пойти за ними...

Раф рассмеялся.

— Придется. Не думаю, что получу приглашение, а если заблужусь...

Но Сорики покачал головой.

— Не заблудитесь. Я сделаю для вас маяк. Поставлю в шлем.

Конечно, только связист до такого додумается! Небольшое приспособление во встроенных в шлем наушниках, и Сорики со

своего устройства связи во флиттере всегда выведет его назад. Эффективно, как радар корабля. Рафу можно не опасаться заблудиться на улицах, если он потеряет тех, за кем будет следить.

— Хорошо придумано! — Он снял шлем и посмотрел на улыбающегося Сорики.

— Ну, не такие уж мы космические бездельники. Когда-нибудь сами поймете, приятель. Вас ведь направили в полет сразу после тренировочного курса?

— Да, — осторожно согласился Раф, не собираясь рассказывать о себе. В конце концов, все это есть в его документах, а их может на корабле прочесть любой. Да, он не ветеран; но об этом и так всем известно.

— Когда-нибудь перестанете быть подозрительным, — продолжал связист, — и поймете, что мир не так уж плох. Ну, попробуем. — Он взял шлем Рафа, достал из сумки на поясе небольшие инструменты, снял крышки наушников и принялся что-то менять внутри. — Вот так вы будете слышать, и в то же время гудение не разорвет барабанные перепонки. Попробуйте.

Раф надел шлем и пошел в сторону от флиттера. В ушах его слышалось слабое жужжание, он сквозь него слышал все звуки. Но оно сохранялось; он проверил это, сделав несколько петель вокруг машины. Каждый раз, выходя на прямую, он бывал вознагражден низким приглушенным гудением. Да, он слышит маяк, ведущий его к дому, и в то же время слышит все другие звуки.

— Неплохо! — Он отдавал должное сделанному. Но все же разговаривать не смог. Молчал слишком долго... Что-то по-прежнему не позволяло принять открытое дружелюбие связиста.

Тени удлинялись. Никто из чужаков не приближался к флиттеру. Перестали приходить отряды из города, большинство солдат ушло в шар и осталось там. Сорики заметил это.

— Они сами не очень уверенно себя чувствуют. Похоже, будут закрываются на ночь.

Действительно. Раскрашенные подняли рампу и с грохотом захлопнули люк. Видя это, связист рассмеялся.

— Теперь у нас двойная причина установить дежурство. Вдруг те, кого они опасаются, набросятся на нас? Похоже, наши друзья об этом не беспокоятся.

И вот они распределили дежурство: три часа дежурства, три часа отдыха. Когда пришла очередь Рафа, он не остался во флиттере слушать тяжелое дыхание связиста. Вышел в ночь и про-

шелся вокруг машины. Над головой звезды, яркие и резкие. А в мертвом городе никаких огней. И Раф уверен, что чужаки не остались там на ночь.

Он спал, когда Сорики разбудил его, схватив за плечо. Раф мгновенно пришел в себя, этому он научился на полевых тренировках в половине галактики отсюда.

— Мне кажется, они собираются в поход, — прошептал связист, склонившись к пилоту.

Начинало светать. Раф поднялся и бросил осторожный взгляд на шар. В нем виднелось темное отверстие, чужаки открыли люк. Раф оделся, закрепил пояс с инструментами и оружием, надел шлем, обулся.

— Выходят! — сообщил Сорики. — Один, два... пятеро... нет, шестеро. Направляются в город. Никаких тележек. Все вооружены.

Терранцы следили, как патруль чужаков удаляется в сторону города. Судя по поведению, солдаты стараются уйти незаметно. Раф выскользнул из флиттера. В сером свете темная одежда сделала его невидимым.

Сорики подбадривающе помахал рукой, пилот ответил быстрым салютом и пошел вслед за чужаками.

Глава 13

ПЕС СПУЩЕН С ЦЕПИ

Ноги Дальгарда коснулись дна; он осторожно побрел к берегу, туда, где мост через реку отбрасывал густую тень. Водяные не сопровождали его. Когда колонист направился к городу-складу, Ссури отправился на юг, чтобы предупредить и подготовить племена. А водяные с островов установили связь от зарослей в двух милях от берега до своих пещер. Такая связь лучше легендарных коммуникаторов терранских предков; одни улавливают мысли других и передают их дальше своим товарищам.

Хотя в городе не было видно никаких признаков жизни, Дальгард двигался с такой осторожностью, словно входил в логово змеядьявола. В первые мгновения рассвета он установил контакт с мозгом прыгуна. Маленький зверек был так испуган, что почти не мог мыслить, и Дальгард провел немало времени, успокаивая его. Наконец он кое-что узнал о происходящем.

Смерть... Ужас прыгуна был близок к безумию. Убийцы спустились с неба, они жгут, жгут... Все живое бежит от них. Дальгард понял, что из его плана окружить Иных невидимым кольцом шпионов-животных ничего не выйдет. Придется полагаться только на собственные глаза и уши.

Он двигался вперед, оставив позади последних шпионов водяных, поднимался вверх по течению. Никаких следов пришельцев не видно. Так как они не могли высадиться в своем корабле в густо застроенном районе у реки, их лагерь скорее всего в пригородах метрополиса.

Дальгард выбрался из воды. Лук и стрелы он оставил у последнего водяного; теперь для защиты у него только нож-меч. Но он здесь не для того, чтобы сражаться, только ждать и наблюдать. Выжав одежду, он крался вдоль берега. Если чужаки пользуются улицами, хорошо бы оказаться выше их. Входя в город, разведчик задумчиво разглядывал ближайшие здания.

Два квартала Дальгард еще держался уровня улицы, прокрадываясь от одной затененной двери к другой, прислушиваясь не только к звукам, но и к прикосновениям мысли. Однако он был почти уверен, что чужаки будут искать только водяных. Не обладая телепатическими способностями, как их прежние рабы, Иные тем не менее в состоянии ощутить близкое присутствие водяных, и потому жители моря не рискуют обмениваться мыслями поблизости от чужаков, чтобы не выдать себя. Но он из другого вида, поэтому, вероятно, его мысли обнаружить чужаки не смогут. Именно поэтому Дальгард один и пошел в город.

Он разглядывал здания впереди. Среди них коническое сооружение, возможно, основание башни, все этажи которой, начиная с третьего, рухнули. Здание украшено разноцветными рельефами, полосами, которые служат письменностью у чужаков. Это ближайшее подходящее для него место. Но разведчик не двигался с места, пока зрением и мысленно не изучил окружающую обстановку. Впрочем, его внимание не дошло до места, где в двенадцати кварталах отсюда затаился другой наблюдатель. Дальгард легко пробежал к зданию в тот момент, как Раф переступил с ноги на ногу за парапетом, из-за которого наблюдал за группой чужаков внизу на улице...

Пилот следовал за ними с того самого раннего утреннего часа, когда его разбудил Сорики. Но далеко не ушел. Большую часть времени наблюдал из укрытия, как сейчас. Вначале ему показа-

лось, что чужаки что-то ищут, потому что они заходили в здания, потом выходили, совещались и заходили в другое. Но выходили они всегда с пустыми руками, поэтому он понял, что они ищут не новые сокровища. К тому же передвигались они уверенней, чем накануне. Эта уверенность и заставила Рафа забраться наверх, чтобы наблюдать оттуда без риска, что его обнаружат.

Около полудня они наконец пришли в этот район. Если бы двое не остались на улице, Раф мог бы поверить, что они ускользнули и что он, как кошка, караулит опустевшую мышиную нору. Но в этот момент чужаки вышли, неся с собой что-то.

Раф перегнулся через парапет, стараясь получше рассмотреть плоский, похожий на ящик предмет, который двое чужаков поставили на тротуар. Либо они пытались его открыть, либо он требовал каких-то приспособлений, только чужаки очень долго с ним возились. Пилот облизал пересохшие губы и подумал, что будет, если он просто спустится на улицу и подойдет к ним. Он уже почти решился, когда группа внизу быстро расступилась, оставив ящик на месте; чужаки окружили его на некотором удалении.

Поднялся белый пар, послышался протестующий скрежет, и предмет начал рывками подниматься, как будто какой-то гигант неравномерно подтягивал его к себе в небо. Раф отскочил. Прежде чем он смог вернуться на место, предмет поднялся выше парапета, на пять-шесть футов выше головы разведчика и здесь повис. Больше он не поднимался; напротив, начал раскачиваться взад и вперед и с каждым раскачиванием отходил все дальше.

Вперед и назад — от пристального наблюдения за ним кружилась голова. Какова его цель? Для обнаружения, для слежки за ним? Раф положил руку на рукоять шокера. Он не знал, как подействует луч на ящик, но испытывал сильное желание проверить.

Но вот движения летающего черного ящика стали менее резкими, полет — равномернее, словно двигатели этого механизма стали функционировать, как запланировано создателями. Ящик совершал широкие ровные круги, он исследовал воздушные потоки.

Ищет, явно что-то ищет. И так же ясно, что не его, потому что присутствие Рафа на крыше было бы обнаружено немедленно. Но ведь солдаты на улице не видят эту машину. Как могут они знать, что она обнаружила? В ней должно быть какое-то встроенное сигнальное устройство.

Решив не терять его из виду, Раф перескочил с крыши на соседнюю, легко пробежал по ней, а спущенный с цепи пес, подскакивая и поворачиваясь, удалялся от хозяев, преследуя какую-то загадочную добычу...

Подъем, выглядевший с улицы легким, оказался гораздо труднее, когда Дальгарду пришлось осуществлять его на самом деле. Часы плавания по реке, ночь с беспокойным сном — все это истощило его силы больше, чем он думал. Он тяжело дышал, прижимаясь к стене; ноги его стояли на разноцветной рельефной полоске; прежде чем ступить на следующую, он собирался передохнуть. Внешне город совершенно безжизнен, но водяные уверены, что корабль чужаков и его странный спутник приземлились здесь. Если бы не эта уверенность, Дальгард решил бы, что ищет напрасно.

Закусив губу, разведчик мрачно продолжал карабкаться, пот увлажнил его лоб и руки. Он не стал больше останавливаться, но продолжал двигаться, пока не оказался на крыше укороченной башни. Крыша — покатая, она склоняется к середине, как внутренность чаши, и в центре видно круглое отверстие — люк или дверь. Но разведчик слишком выдохся и в данный момент мог только отдыхать.

Воздух какой-то сонный. Хочется свернуться на месте и спать, дать телу отдых, которого оно жаждет. Дальгард расслабился, напряжение, охватившее его в этом злополучном месте, отпускало...

Дальгард вздрогнул, словно его поразила собственная отравленная стрела. Контакт с водяными, с прыгунами и бегунами легок и знаком. Но это не такой контакт. Словно касаешься чего-то холодного, как лед, враждебного с рождения, такого, что невозможно понять. Дальгард мгновенно разорвал контакт и скорчился, глядя в бирюзовое небо, ожидая — чего именно, он сам не знал. Может, того, что этот чуждый мозг отыщет его, извлечет из убежища, вывернет наизнанку, вытянет все, что знает и что надеется узнать колонист.

Проходило время, чуждое сознание молчало, и Дальгард начал надеяться, что тот, другой, не ощутил контакта. Приободрившись, он послал ищущую мысль. Бессознательно, вслед за поиском, поворачивался и сам. Вот оно!

При повторном прикосновении он опять отступил, опасаясь быть обнаруженным. Но потом продолжал исследования, готовый отступить при первом же намеке на то, что обнаружен. Существо с высокоразвитым разумом, существо, чуждое его умственным процессам, оно недалеко. И хоть его попытки становились все смелее, проникнуть сквозь барьер, отгораживающий другого, он не может. Он всегда знал, что водяные общаются друг с другом на гораздо более высоком уровне, чем с ним; что они способны «говорить» с колонистами лишь потому, что много поколений обменивались мыслями с прыгунами и другими низшими существами. И откровенно признавали, что хоть Иные могут обнаружить их присутствие, но обмениваться мыслями с ними нельзя. Поэтому его собственная волна, чуждая господствовавшим некогда обитателям Астры, вполне может оставаться незамеченной.

Они... или он... или оно... — в том направлении. Дальгард в этом уверен. Он посмотрел на северо-запад и впервые увидел примерно в миле от себя шар. Если странный летательный аппарат, о котором сообщали водяные, рядом, отсюда его не видно. Но разведчик уверен, что обнаруженный им мозг ближе.

И тут он увидел — черный предмет, рывками поднимающийся в воздух, как будто кто-то его тащит. Предмет слишком мал для летающей машины. Уже давно колонисты составили себе представление о физическом облике Иных. В общих очертаниях и по размерам они сходны. Нет, в этом предмете не может быть пассажира. Но тогда что это — или почему?

Предмет двигался постепенно расширяющимися кругами. Дальгард продолжал скрываться за парапетом крыши. Почему-то сразу подумалось, что стоит поискать более надежное укрытие, что этот летающий ящик опасен. Дальгард выбрался из убежища и направился к выходу в центре крыши. Потребовалась минута, чтобы просунуть пальцы в круглые дыры и потянуть. Упрямая крышка подалась, изнутри в лицо ударил затхлый воздух.

В сражении с дверью Дальгард перестал следить за ящиком и потому удивился, когда этот предмет с пронзительным высоким свистом, на самом пороге восприятия, неожиданно нырнул и устремился прямо к нему. Дальгард прыгнул в люк и, к счастью, приземлился на крутой извивающейся рампе. Он потерял равновесие и заскользил в темноту, стараясь затормозить руками; в ушах продолжал звучать пронзительный вопль ящика.

В этой части конического здания было темно, и вот двумя этажами ниже входа, в который он так бесцеремонно вторгся, Дальгард сильно ударился о стену. Лежа в темноте и пытаясь восстановить дыхание, он продолжал слышать вопль. Или призыв? Размышлять некогда, нужно уходить.

На четвереньках разведчик прополз по короткому коридору и обнаружил другую уходящую вниз рампу, на этот раз не такую крутую; по ней он мог спускаться стоя. Внизу светлее, свет пробивается сквозь отверстия в декоративных полосах. Есть и дверь, закрытая на запор.

Дальгард не пытался открыть его, хотя положил руку на стержень. Ящик — это охотничья собака. Может, она уже привлекла хозяев к этому зданию? Он откроет дверь и встретится с опасностью, которую должен избежать. Дальгард отчаянно попытался поискать мыслью. Но чуждой волны не нашел. Может, охотники умеют контролировать свою мысль? Он очень мало знает об Иных, а водяные так ненавидят своих прежних хозяев, что скорее избегают, чем изучают их.

Шестое чувство разведчика подсказало, что снаружи никто не ждет. Но чем больше он медлит с этим ящиком наверху, тем слабее его шансы. Он должен двигаться — и быстро. Отведя запор, он чуть приоткрыл дверь и выглянул на пустынную улицу. Дальше в десяти футах еще одна дверь, в ней можно укрыться, еще дальше — стена переулка под балконом. Он отметил эти укрытия и вышел.

Все тихо. Он побежал. И тут снова раздался разрывающий уши вопль, и летающий ящик устремился на него. Дальгард отскочил от двери и ушел под балкон: он понимал, что должен двигаться, но в укрытии, чтобы этот черный предмет не мог его ударить. Если бы только найти вход в подземные коридоры, какие уходят от арены... Но теперь он даже не уверен, где правильное направление на арену, а подниматься вверх, чтобы осмотреть местность, не может.

Он соприкоснулся с чуждым разумом! *Они* идут сюда, по сигналам своего пса. Он не должен позволять им загнать себя. Разведчик подавил приступ паники, попытался справиться с напряжением, туго натянувшим нервы. Бежать бесконечно тоже нельзя. Наверно, именно это им и нужно. И вот он стоял под балконом и пытался не слышать пронзительный вопль, внимательно изучая переулок.

Узкий боковой путь, и он не очень мудро поступил, выбрав его: впереди гладкие стены окружают то, что когда-то было садом. Дальгард не знает, нападет ли на него ящик, если захватит на открытом месте... но проверять это глупо... он не может и судить о скорости его движения.

Стены... Ветерок из переулка донес запах реки. Возможно, переулок кончается у воды, а Дальгард считал, что, если доберется до воды, сумеет запутать преследователей. Но выбирать долго не приходится: чужаки все ближе.

Дальгард легко пробежал под балконом, резко повернул, достигнув конца защитной стены, и прыгнул. Пальцы его ухватились за резьбу на стене, он подтянулся и оказался в узком проходе. Над ним по-прежнему нависал выступ строения. Понесся глухой удар: это ящик ударился о преграду. Значит, если у него будет возможность, ящик действительно ударит его! Это стоит принимать во внимание.

Разведчик заглянул за стену. За ней растительность, превратившаяся за многие годы отсутствия ухода в сплошной ковер. Если он до нее доберется, возможно, сумеет скрыться. Он посмотрел на окно, на дверь, ведущую на балкон. Ножом открыл дверь и прошел в дом, пробежал по комнатам на первый этаж, к выходу в сад.

На уровне земли колючая путаница выглядела устрашающе. Придется прорубать дорогу. Сможет ли он это проделать и уйти от вопящего, качающегося в воздухе преследователя? Остатки тропы дают слабый шанс, а Дальгард заметил, что кусты начинают ветвиться в нескольких футах над землей.

Решив попытаться удачу, он зарылся в зеленую массу, разрубая ножом преграды. И оказался в странном тусклом мире, где мертвые и живые ветви переплетались, создавали крышу над головой, отгораживали от тепла и света солнца. От влажной поверхности, пачкающей руки и колени, тянет разложением и запахом потревоженного перегноя. Пришлось подождать, пока глаза привыкнут к полутьме; потом он увидел старую тропу, которую выбрал в качестве проводника.

К счастью, через несколько футов он обнаружил, что тропа не так заросла, как он опасался. Толстый матрац сверху перекрывал солнечный свет и убивал ростки, и поэтому ползти оказалось довольно легко. Дальгард слышал жужжание насекомых, но животных здесь не было. Земля становилась все более влажной, пере-

гной стал похож на грязь. Разведчик не смел надеяться, но либо близко река, либо в саду протекает ручей, впадающий в нее.

Преследователь продолжал кричать, но, хотя листва искажала звук, Дальгард решил, что ящик больше не находится непосредственно над ним. Может, он сбил его со следа?

Он увидел ручей, скорее цепочку мелких заводей, над которыми сплошным покровом соединяется растительность. Ручей привел к стене, он уходил в дренажное отверстие, и Дальгард был уверен, что сможет в него проползти. Ему не хотелось погружаться в темную тесноту, но другого выхода он не видел. Протискиваясь в слякоти и грязи, чувствуя вокруг влажный камень, разведчик пополз в неизвестное.

Однажды ему пришлось остановиться и убрать камни, врезавшиеся в дно. По другую сторону этого опасного места можно было ползти дальше. Может ли ящик выследить его здесь? Он не знает принцип его действия; остается только надеяться.

Но вот он увидел впереди серый свет и пополз с новыми силами — и столкнулся с решеткой, за которой — открытый мир. Снова пошел в ход нож, Дальгард подкапывал преграду. Работал он долго, но наконец решетка упала в мутный ручей; Дальгард приготовился тоже погрузиться в него.

Лишь из-за своего опыта охотника он избежал смерти. Какой-то инстинкт заставил увернуться, и черный ящик не разбил ему голову, а только скользнул по ней. Но от удара Дальгард потерял сознание и упал в мутную воду.

Глава 14

ПЛЕННИК

Раф находился в двух кварталах от кружащего ящика, но видел, как он остановился и с резким высоким свистом по прямой линии устремился вниз. Через несколько секунд снова поднялся, словно в замешательстве, но продолжал висеть над этим местом, испуская пронзительный вопль. Пилот добрался до следующего здания, но все еще оставался в квартале от конического сооружения, над которым теперь висел ящик.

Раф в нерешительности остановился. Спуститься на улицу и расследовать? Но, не успев принять решение, увидел передовую

группу чужаков на улице внизу, они целеустремленно двигались к коническому зданию, держа оружие наготове. Судя по их поведению, ящик загнал добычу, которую они ищут.

Но все оказалось не так просто. Испутив еще один душе-раздирающий вопль, машина снова взмыла в воздух и устремилась над коническим зданием дальше, по-видимому, к улице за ним. Раф решил, что не должен пропустить конца этой охоты, и двинулся по крышам, чтобы занять удобный наблюдательный пункт. Наконец он оказался на крыше склада, выходящего прямо на реку.

Ниже по течению шла маленькая лодка. Два чужака гребли, третий скорчился на носу. На некотором удалении по берегу продвигалась еще одна группа чужаков; обе группы направлялись, по-видимому, к зданию слева от того, на котором укрылся Раф.

Он услышал резкий вопль ящика, увидел, как тот устремился к реке. Но в том направлении была только густая зелень. Конец странной охоты наступил неожиданно. Раф не был к этому готов, и все кончилось, прежде чем он сумел как следует разглядеть добычу. Что-то показалось на берегу реки, и в то же мгновение ящик устремился вниз, как нацеленное копьё. Ударил, и существо, которое только что выбралось — насколько мог судить Раф, прямо из-под земли, — упало в воду. Вода сомкнулась над ним, а ящик опустился на берег. Лодка с чужаками устремилась к тому месту, куда упало ползающее существо.

Один из гребцов оставил свое место, перегнулся через борт и погрузился в маслянистую воду. Он сделал две попытки, прежде чем ему повезло и он вынырнул с грузом. Чужаки не пытались втащить пленника в лодку, только держали его голову над водой, снова направились вниз по течению и за концом пирса исчезли из поля зрения Рафа; вторая группа на берегу подобрала ящик и тоже ушла.

Но Раф видел достаточно; на мгновение он застыл. Существо, которое выползло из земли, получило удар по голове и упало в воду, — он готов поклясться, что это не мохнатое животное, каких он видел на морском острове. Оно гладкокожее, похоже по сложению на чужаков. Один из них, преступник, повстанец? На кого шла охота?

Удивленный, пилот перебирался с крыши на крышу, стараясь установить, куда исчезла лодка, но, насколько он мог судить, река пуста. Если чужаки где-то вышли на берег, они просто раство-

рились в городе. Наконец Рафу пришлось воспользоваться своим маяком, и тот провел его по пустому метрополису к полю.

У шара продолжалась деятельность; чужаки грузили предметы из склада; но Лабле и Хобарт стояли у флиттера. И когда пилот подошел, капитан пристально взглянул на него.

— Что случилось?

Раф почувствовал, что за время его отсутствия что-то изменилось. Хобарт ждет от него объяснений, которые могут прояснить обстановку. Он коротко рассказал об охоте и ее конце, о поимке незнакомца. Когда он кончил, Лабле кивнул.

— В этом причина. Можете не сомневаться, капитан. Во всем виноват один из них.

— Виноват в чем? — хотел спросить Раф, но это сделал за него Сорики.

Хобарт мрачно улыбнулся.

— Назад мы полетим вместе. Старт завтра рано утром. По какой-то причине нас очень спешно убрали из шара, практически вытолкнули полчаса назад.

Пока было светло, терранцы наблюдали за шаром, потом помешала темнота. Они не видели, как пленника провели на борт. Но никто не сомневался, что это было сделано.

На следующий день шар поднялся, едва рассвело, и Раф повел за ним флиттер; они направились на запад, навстречу ветру с моря. Внизу никаких признаков жизни. Пролетели над пустынным городом террас, воротами охраняемой территории, пролетели над морскими островами. Раф поднялся выше, не желая приближаться к острову, на котором чужаки осуществляли свою ужасную месть, уничтожая все на своем пути. И когда Сорики снова установил контакт с кораблем, все испытали облегчение, хотя никто в этом не признался.

— Повернем на север, сэр? — предложил пилот. — Отсюда я могу вести флиттер по направленному лучу корабля, нам больше не обязательно следовать за ними. — Он очень хотел этого и с трудом удерживал руку, которая тянулась к приборам. И когда капитан ответил не сразу, Раф был убежден, что капитан отдаст такой приказ и они уйдут от чужаков, которым никто не доверяет.

Но дело испортил Лабле.

— Они дали нам слово, капитан. А одна антигравитационная установка, которую нам вчера показали...

Хобарт покачал головой, и флиттер покорно полетел за шаром через океан.

Проходили часы, и тревога Рафа усиливалась. Теперь по причине, которую он не мог бы объяснить, его охватило непреодолимое желание следовать за шаром; это желание превзошло его недоверие и неприязнь к чужакам. Словно с того корабля исходил призыв о помощи. И Раф начал сомневаться в том, что пленник — один из чужаков.

Снова и снова пытался он восстановить картину пленения, которую видел со своего здания; слишком далеко и не под тем углом, чтобы ясно все рассмотреть. Он готов поклясться, что упавшее в воду тело не покрыто шерстью. И одежда, да, на нем была одежда. И не бинты, в которые заворачиваются чужаки, — память неожиданно подсказала эту деталь. А разве не светлая у него была кожа? Может, на этом континенте живет еще одна раса, о которой им не говорили?

Когда наконец они добрались до берега западного континента и прилетели в город чужаков, шар направился к своему месту стоянки, но не остался на крыше, а погрузился в само здание. Раф опустил флиттер на крышу как можно ближе к главному жилищу раскрашенных чужаков. Чужаки к ним не подходили. На терранцев не обращали внимания. Хобарт ходил взад и вперед по плоской крыше, а Сорики сидел во флиттере, поддерживая тонкую нить, связывающую их с кораблем во многих милях отсюда.

— Не понимаю. — Голос Лабле звучал почти жалобно. — Они так уговаривали нас полететь с ними. Готовы были поделиться своими сокровищами...

Хобарт развернулся.

— Что-то изменилось, — заметил он, — причем равновесие нарушено в их пользу. Все бы отдал, чтобы больше узнать об этом пленнике. Вы уверены, что это не одно из мохнатых существ? — спросил он у Рафа, словно надеясь, что пилот своим ответом развеет его сомнения.

— Да, сэр. — Раф колебался. Должен ли он поделиться сомнением в принадлежности пленника к чужакам? Но какие у него доказательства? Только непонятно почему растущее убеждение.

— Мятажник, вор... — Лабле отмахнулся, как от чего-то не важного. — Естественно, они расстроены из-за неприятностей. Но дело не в этом. Мы на краю новых открытий... Одна эта ан-

тигравитационная установка стоит целого полета. Представьте себе, как мы вернемся на Терру с этим изобретением!

— Представьте себе, что мы вернемся на Терру с целыми шкурами, — шепотом добавил Сорики. — Если бы у нас был здравый смысл венерианской водяной гниды, мы бы стартовали так быстро, что с нами улетели бы выхлопные газы!

Внутренне Раф соглашался с ним, но его не оставляло желание больше узнать об этом загадочном пленнике. Вопреки своей обычной сдержанности, он чувствовал неодолимое желание действовать. Как будто — Раф отбросил эту дикую мысль, — как будто он слышит беззвучный крик о помощи, как будто в голове его работает на неизвестной волне приемник. Он сердился на себя за эти фантастические предположения. И в то же время, подойдя к краю крыши, внимательно разглядывал здание, занятое чужаками, словно готовился переползти с крыши на крышу во второй разведочной вылазке.

Наконец приняли решение, что Лабле и Хобарт попытаются снова вступить в переговоры с чужаками. После их ухода Раф открыл во флиттере отсек, о содержимом которого очень заботился. Присев на корточки, он задумчиво осматривал это содержимое. Набор средств для выживания различается в зависимости от местности, где им собираются пользоваться. Водная планета требует одного, замерзшая тундра — другого. Но есть кое-что обязательное в любой местности. Это и держал сейчас Раф. Разрывные бомбы, запечатанные в пексилодную оболочку, способны остановить любого преследователя, каких встречали терранцы на всех исследованных планетах; веревка, чуть толще обычной нитки для вязания, но невероятно прочная и гибкая; флакончик с таблетками, которые держат человека на ногах, когда кончаются запасы пищи и воды. Все это Раф держал в особом отсеке.

Он долго сидел, разглядывая свой набор. Потом, словно кто-то другой сделал за него выбор, протянул руку. Веревку плотно обернул вокруг пояса, и теперь ее можно было обнаружить только при обыске; бомбы положил в закрытый карман на груди, а два плоских флакона с таблетками скрылись в сумке на поясе. Захлопнув дверцу, он выпрямился и увидел, что на него смотрит Сорики. Лишь на мгновение Раф смутился. Он знал, что не сможет объяснить, почему это делает. У него нет объяснения. Сорики на несколько лет старше его, но по должности пилот ему не подчиняется. Он не обязан исполнять приказы связиста.

— Еще один поход в неизвестность?

Пилот ответил кивком.

— Ну, парень, почему-то мне кажется, что я не смогу удержать тебя, к чему тогда напрягаться? Но пользуйся маяком — и глазами!

Раф остановился. В предупреждении связиста звучало открытое дружелюбие. Он почувствовал искушение объяснить. Но как объяснить чувство, у которого нет разумного объяснения? Лучше промолчать.

— Не выкапывай больше, чем сможешь похоронить. — Пословица напомнила ему о Терре, она была в ходу, когда они улетали. Раф улыбнулся. Но направился не к выходу на рампу, ведущую в глубь здания. Напротив, воспользовался способом, который испробовал в том, другом городе, — перебрался с крыши на соседнюю, удаляясь от населенной части здания, чтобы потом спуститься на улицу.

Либо чужаки вообще не наблюдали за терранцами, либо сейчас их заинтересовало нечто другое. Уйдя на три-четыре квартала от своей цели, Раф забрался в тихое, давно заброшенное здание и через него вышел на улицу; ни одного раскрашенного чужака он не встретил. В ухе успокоительно жужжал маяк, привязывая его к флиттеру и тем самым к безопасности.

Раф знал, что все чужаки сосредоточены вокруг центрального здания, в котором он побывал. И считал, что пленник либо в том доме, куда опустился шар, либо в центральном административном здании. Сможет ли он туда проникнуть? Пока Раф над этим не задумывался.

Но то, что притягивало его, было настойчиво, как гудение в наушниках. И тут ему пришла в голову мысль. Если он подчинится этому странному призыву о помощи, может быть, тем самым отыщет то, что ему нужно? Единственная трудность — он не знает, как усилить восприимчивость к этому призыву. Использовать его как компас он не может.

В конце концов он просто решил двинуться к центру, предположив, что, если пленника должны допросить предводители чужаков, его все равно отведут к ним. Пилот из укрытия принялся через площадь внимательно изучать центральное здание. Оно на несколько этажей возвышалось над соседними; с этими соседними зданиями его соединяют переброшенные через улицы мосты. Но пройти по такому мосту невозможно: сразу заметят.

Насколько он может судить, с улицы в здание ведет только один вход, широкий портал, перекрытый внушительными расписанными воротами. Если бы в его распоряжении был флиттер, он мог бы в темноте спрыгнуть с него. Но он уверен, что капитан Хобарт не одобрит такое предложение.

Под землей? В том, другом, городе были подземные ходы; а сам город, хотя и меньше по размерам, построен в целом по такому же общему плану. Эту мысль стоит проверить.

Он рассматривал здание из подъезда напротив. Дверь подавалась, и он прошел через три большие комнаты первого этажа, не обращая внимания на странную мебель; то, что искал, нашел в последней комнате — рампу, ведущую вниз.

Под землей он сделал первое важное открытие. В городе они видели наземные машины, некоторые еще действовали, но Раф понял, что их так мало и запасные части так редки, что машинами пользуются только в случае крайней необходимости. Здесь, однако, использовался совсем другой способ передвижения. В туннеле находилась лента, достаточно широкая, чтобы на ней разместились рядом трое-четверо пассажиров. Она не двигалась, а когда Раф решился ступить на нее, прогнулась под его тяжестью. Поскольку она шла примерно в сторону центра, он решил воспользоваться ею. Она дрожала, но пилот обнаружил, что может бесшумно бежать по ней.

В туннеле не было темно, квадратные пластины в потолке давали рассеянный фиолетовый свет. Однако впереди свет стал ярче и исходил сбоку, а не сверху. Еще одна станция этого заброшенного пути? Пилот приближался осторожно. Если он не ошибся в направлении, это либо сам центр, либо что-то близкое к нему.

Вторая станция оказалась перекрестком; здесь встречалось несколько гибких дорог. Прежде чем выйти на открытое пространство, Раф некоторое время прислушивался. Но ничего не услышал и не увидел. Вероятно, чужаки сюда не спускаются.

Возле перекрестка была рампа, ведущая вверх, и он начал подниматься по ней, но на самом верху встретил препятствие. Никакого отверстия, ведущего в центр, он не увидел. Тщетно искал он дверь или замок на гладкой поверхности крыши. Повидимому, чужаки по какой-то причине отгородились от подземных уровней. Обескураженный, он вернулся к пересечению лент. Но он не собирался так легко отказываться от своих пла-

нов. Медленно обошел платформу, разглядывая стены и потолок. Нашел вентиляционное отверстие, широкую шахту, уходящую в здание наверху.

Отверстие было закрыто решеткой и расположено высоко, но...

Раф оценил расстояние и рассчитал свои действия. Вход в туннель менее чем в двух футах от решетки. А под решеткой карниз. Раф включил гравитационные пластины своих космических ботинок. Они предназначались для облегчения передвижения в условиях невесомости, но их притяжение могло помочь и здесь. И помогло! Он смог подняться на карниз и, стоя на нем, открыть решетку. А теперь...

Пилот посветил фонариком в темную шахту. Он прав — и ему повезло! Есть скобы, расположенные через равные промежутки. Должно быть, для удобства рабочих. Подниматься будет легко. Он нащупал первую скобу и протиснулся в шахту.

Подниматься нетрудно, тем более что в пути встречаются ниши; здесь механики чужаков работали или отдыхали. И на каждом уровне решетки через них видно, что находится за ними.

Догадка его подтвердилась: он узнал главный зал центра; разглядев его сквозь решетку, Раф направился выше, туда, где, по его представлениям, находятся помещения предводителей чужаков. Дважды он останавливался, глядя на группы разговаривающих, пестро забинтованных и раскрашенных чужаков-штатских, но так как их слов не понимал, задерживаться не стал.

Он поднялся на восемь этажей, когда случай, удача или этот загадочный призыв о помощи привели его в нужное место и в нужное время. Заметив одну из ниш, он уселся в нее и посмотрел сквозь решетку, в это время дверь в противоположном конце комнаты раскрылась и вошла группа солдат, они вели пленника.

Раф широко раскрыл глаза. Это пленник, которого он ищет; сомнений нет. Но кто этот пленник!

Не покрытое шерстью полуживотное, не тощий раскрашенный чужак, как те, что сейчас его держат. Хотя с пленником явно жестоко обращались и теперь он не шел, его скорее тащили, Рафу на мгновение показалось, что это один из членов экипажа его корабля. Светлые вьющиеся волосы, загорелое лицо; под синяками и кровоподтеками очень знакомые черты; тело в обрывках одежды — это человек, и сознание Рафа вначале не приняло факта, что этого человека он не знает. Но когда отряд подошел ближе, Раф понял, что видит незнакомца.

Впрочем, Раф не сомневался, что это терраец. Может, на планету сел еще один корабль? Или один из тех кораблей древности, что превратились на Terre в легенду? Кто?.. Когда?.. Почему?.. Раф прижался к решетке, внимательно наблюдая за пленником и его охраной.

Глава 15

АРЕНА

Мешала тупая боль в голове, трудно было ясно думать. Но, придя в себя, Дальгард вскоре понял, что находится в корабле-шаре. А теперь он знает, что его перевезли через море, за которым остались его континент и Хоумпорт, и что теперь у него нет надежды на спасение.

Своих похитителей он почти не видел, стражники, переводившие его из одного места заключения в другое, с ним не разговаривали, и он сам не пытался общаться с ними. Вначале был слишком слаб и ошеломлен, потом осторожен. Это явно Иные, а он с самого рождения привык не доверять прежним хозяевам Астры.

Теперь Дальгард пришел в себя; его привели в комнату явно в центре этой цивилизации; значит, ему предстоит увидиться с предводителями врага. Он стал с любопытством осматриваться, когда стражники провели его в дверь.

На возвышении, на высоких радужных подушках, три чужака, они сидели, вывернув ноги под невысказанным углом. Один в черном, в таких же доспехах, как и стражники, но остальные двое в ослепительных разноцветных повязках, которые окутывают их тонкие конечности и раздувшиеся тела. Насколько можно судить под толстым слоем краски, эти двое по возрасту старше офицера. Но ничто в них не свидетельствует, что возраст сделал их добрее.

Дальгарда поставили перед этой тройкой, как перед трибуналом. Нож у него отобрали, пока он еще был без сознания, руки завели назад и надели на них своеобразные наручники — стержень с двумя петлями. Он явно не может угрожать присутствующим, однако солдаты окружили его с оружием наготове и следят за каждым движением. Разведчик облизал растрескавшиеся губы. Есть нечто, чем они не управляют и не могут помешать ему. Где-то недалеко его ждет помощь...

Не от водяных, но он уверен, что вступил в контакт с сознанием друга. С того момента, как пришел в себя на корабле-шаре и полусознательно послал призыв о помощи на волне, на какой обменивается мыслями с племенем Сссури, — соприкоснулся с мыслью, не с холодной мыслью чужака; он уверен, что среди врагов находится его потенциальный спаситель. Может, он на борту той странной летающей машины, которую видели водяные, но которую сам разведчик еще не видел?

Дальгард напряженно старался не утратить контакт с этим непонятым сознанием, продолжал звать на помощь. Но не мог свободно проникнуть в него, как со своими соплеменниками или с Сссури и его морским народом. И вот, стоя в сердце вражеской территории, полностью во власти чужаков, он сильнее, чем раньше, почувствовал присутствие мозга, в который не мог войти, но который каким-то странным образом воспринимал его призыв. Этот мозг близко. Дальгард всматривался в раскрашенные лица, пытаясь проникнуть за эти маски, но был уверен, что среди них нет того, кого он ищет. Но — он должен быть здесь! Контакт так силен... Дальгард удивленно посмотрел на стену за возвышением, тщетно пытался увидеть то, что чувствует. Он готов дать клятву ножа, что незнакомец рядом, его можно видеть, услышать в эту минуту!

Пока он был занят этими мыслями, к нему приблизился стражник. Наручники с его рук сняли, руки зажали два чужака и выставили вперед. Офицер с возвышения бросил одному из стражников металлическое кольцо.

Солдат, державший левую руку Дальгарда, грубо надел на нее кольцо и потянул его наверх, сколько позволяла рука. И тут разведчик вспомнил, что уже видел такое кольцо — где? На передней лапе змеядьявола, которого он застрелил!

Офицер взял второе кольцо и надел себе на руку таким образом, чтобы оно касалось кожи, а не обмоток. Дальгарду показалось, что он понял. Приспособление для связи. И сразу насторожился. Впервые встретившись с водяными, его предки общались путем прикосновения, они клали ладонь на ладонь водяного. В последующих поколениях, когда новая способность развилась, физический контакт перестал быть обязательным. Однако здесь... Глаза Дальгарда сузились, линия рта затвердела.

Он всегда принимал оценку водяных: Иные, их древний враг, всевидящие и всезнающие, их умственные способности недо-

ступны определению и описанию. И теперь разведчик ожидал грубого вторжения в свой мозг, думал, что из него извлекут все, что он знает и что хотят знать враги.

И потому удивился, когда в его сознании прозвучали простые, почти детские слова. И пока готовился ответить, другая часть сознания смотрела и слушала, ждала нападения, в котором он был уверен.

— Ты... кто... что?..

Он заставил себя выглядеть удивленным. И не допустил ошибки, ответив мыслью. Если Иные не знают, что он умеет общаться мысленно, незачем сообщать им об этом.

— Я со звезд, — медленно ответил он вслух, пользуясь языком Хоумпорта. Он уже давно не говорил вслух, и потому собственный голос непривычно и хрипло прозвучал в ушах. Дальгард не знал, какое впечатление эти архаически произнесенные звуки произведут на слушателей.

К удивлению колониста, его ответ не поразил спрашивающего. Офицер-чужак словно этого и ожидал. Но прежде чем обратиться к своим соседям со щебечущей речью, снял с руки кольцо. Его соседи что-то ответили, офицер продвинулся вперед на дюйм и внимательно посмотрел на Дальгарда, снова надевая кольцо.

— Ты не похож... на других...

— Не понимаю. Других, как я, здесь нет.

Один из штатских дернул офицера за рукав, очевидно, требуя перевод, но тот нетерпеливо отмахнулся.

— Ты пришел с неба... сейчас?..

Дальгард покачал головой, потом понял, что вряд ли его жест понятен.

— Давно. Пришли мои предки.

Чужак выслушал это, потом снова снял кольцо и обратился к своим соседям. Начался оживленный обмен щебетанием.

— Ты шел со зверями... — Пока остальные продолжали щебетать, офицер произнес четкое обвинение. — Тебя не могли бы отыскать, если бы не запах зверя на тебе.

— Никаких зверей я не знаю, — твердо ответил Дальгард. — Морской народ — мои друзья!

Трудно понять выражение этих раскрашенных лиц, но, прежде чем офицер в очередной раз снял кольцо и прервал контакт, Дальгард ощутил его почти истерическое отвращение. По мне-

нию чужака, колонист признался в самом невероятном преступлении. После того как он перевел слова терранца, трое на помосте замолчали. Даже стражники отодвинулись от пленного, словно прикосновение к нему оскверняет. Один из штатских встал, что-то выразительно сказал и ушел, словно больше не хотел иметь к этому отношения. Через одну-две секунды второй последовал его примеру.

Офицер повернул в пальцах кольцо, его темные глаза с узкими зрачками не отрывались от лица пленника. Потом он принял решение. Снова надел кольцо на руку, и слова, которые услышал пленник, звучали отчужденно и холодно, словно его перестали считать разумным существом, но чем-то таким, чему нет места в организованной вселенной:

— Друзей зверей — к зверям. И как кончают звери, так кончишь и ты. Сказано.

Один из стражников сорвал браслет с руки Дальгарда, стараясь при этом не коснуться его тела. Тот, кто снова надел на него наручники, выразительно вытер руки о свои повязки.

Но перед тем, как они стволами своего оружия толкнули его к выходу, Дальгард наконец установил источник странного мысленного контакта — и не только установил, но и проник сквозь барьер между чужим и своим мозгом, вступил в контакт, такой же четкий, как с Ссури. И возбуждение от этого открытия чуть его не выдало.

Терранец! Один из тех, кто путешествовал вместе с чужаками? Но он ясно ощущал недоверие этого человека к чужакам. Он скрывается от них, они не подозревают о его присутствии. Он не враг, он не может быть миротворцем, человеком Мира! Еще один беглец с недавно ушедшего корабля? Дальгард направил мысленное предупреждение. Если бы только он мог добраться до водяных! Это послужило бы поворотным пунктом во всем деле!

Уходя в окружении стражников, Дальгард отчаянно планировал, упрощал, пытался убедить в срочности и важности своего сообщения. Незнакомец был сбит с толку, удивлен появлением Дальгарда, его умением пользоваться мысленным контактом. Но если он будет действовать правильно, если только сможет... Разведчик из Хоумпорта не знал, что его ждет, но теперь, когда другой человек знает о нем и не доверяет чужакам, у него появились шансы. И он оборвал контакт. Нужно готовиться к любой возможности...

Раф смотрел, как этого удивительного пленника выводят из комнаты вниз. Он дрожал, но не от холода. Вначале шок от этой речи, знакомой, хотя и с необычным произношением звуков, потом резкий контакт — мозг к мозгу. Его отчетливо предупреждали, чтобы он не выдал себя. Незнакомец — терранец, Раф готов в этом поклясться. Значит, где-то на этой планете есть терранская колония! Один из легендарных кораблей беглецов, которые ушли в космос во время правления Мира, благополучно завершил полет и основал здесь поселение.

Одна часть сознания Рафа раскладывала по местам детали головолмки, сортировала сведения, другая занималась предупреждением незнакомца. Пилот понимал, что пленному грозит опасность. Он не мог понять всего происшедшего, этого разговора с чужаками, но у него сложилось впечатление, что пленно-го не только судили, но и приговорили. И он обязан ему помочь.

Но как? К тому времени как он вернется к флиттеру или отыщет Хобарта и остальных, будет уже поздно. Он должен действовать, и немедленно: очень уж настоятельно звучала просьба незнакомца. Руки Рафа сами устремились к решетке, но он тут же понял, что отверстие для него слишком мало.

Возвращаться в подземные пути — потеря времени. Однако другого выхода он не видит. А что, если он не сумеет найти пленника? Как отыскать его в этом лабиринте под пустынным городом? Продолжая размышлять, он нащупывал скобы на обратном пути. Спустился на два этажа и увидел забранное решеткой отверстие. Оно было гораздо больше. Раф остановился, измерил его и понял, что протиснется, если сумеет снять решетку.

Достав инструменты из сумки на пояс, он принялся сражаться не только с упрямым металлом, но и со временем. Странный мысленный контакт прекратился. Но Раф ощущал, что время от времени получает сигналы. Их достаточно, чтобы понять, что пленник еще жив. И каждый раз, получая такой сигнал, Раф удваивал усилия в борьбе с решеткой. Наконец его решимость одержала верх, решетка выгнулась и с ужасным грохотом упала на пол.

Пилот просунул ноги в отверстие и принялся отчаянно извиваться, в любой момент ожидая увидеть привлеченный шумом «комитет по встрече». Но когда он спрыгнул на пол, помещение оставалось пустым. Вообще он понял, что во всем здании тихо, как будто все ушли из него. Тишина подействовала на него как шпоры.

Раф побежал по коридору, стараясь приглушить топот своих космических ботинок, и добрался до ведущей вниз ramпы. Тут он остановился, не зная, куда направиться. Но сразу заметил внизу группу чужаков. Они быстро уходили. Заметно было, что они торопятся.

Эта небольшая группа, очевидно, шла на какое-то собрание. И тут терранец впервые увидел женщин чужаков. Вернее, он решил, что закутаные в покрывала скользящие по полу существа — это и есть женщины чужаков. Их было четыре в группе, каждую сопровождали по двое мужчин, их высокие голоса звучали в коридоре, как пение птиц. Если повязки у мужчин были пестрые, то многоцветие женщин не имело предела; опаловое облако с меняющимися цветами полностью скрывало их черты.

Голоса мужчин звучали грубее и настойчивей, вся группа пошла еще быстрее, так что скользящая походка почти перешла в непристойную рысцу. Раф, вынужденный держаться далеко сзади, чтобы не выдать себя шагами, кипел от нетерпения.

Чужаки не вышли на открытое место. Напротив, снова начали спускаться. К счастью, путь оказался недолог. Впереди стало светло, там выход.

Раф затаил дыхание, держась в удалении от чужаков. Во дворе, окруженном башнями и зданиями города, оказалась еще одна арена, такая же, как та, с мертвыми ящерами. Сверкающие, ярко одетые чужаки занимали места на ярусах сидений. Место было рассчитано по меньшей мере на тысячу зрителей, находилось же здесь меньше половины. Если это весь народ чужаков, то он вырождается.

Раф спрятался в проходе между рядами сидений; непосредственно под ним находилось забранное решеткой отверстие, выход на покрытую песком арену. К счастью, поблизости чужаков не было.

К тому же все они внимательно следили за событиями внизу. Раскрылась дверь, ведущая на песок, в нее провели пленника. Либо чужаки еще сохранили представления о честной игре, либо надеялись продлить удовольствие, только руки у пленника были развязаны, и он держал в них копьё.

Вспоминая древние легенды о суровом прошлом своей планеты, Раф понял, что пленнику предстоит сражаться за жизнь. Вопрос в том, с кем сражаться.

Раскрылось другое отверстие на краю арены, откуда вышло покрытое шерстью существо; на ходу оно пошатывалось, но в чешуйчатой руке сжимало копье. Сделав шаг, существо остановилось, его круглая голова начала поворачиваться, из широкого рта капала слюна. Все тело покрывали раны, во многих местах шерсть была сорвана; очевидно, оно долго подвергалось жестокому обращению или пыткам.

Зрители закричали. Мохнатое существо увидело человека в нескольких футах от себя. Оно застыло, отвело руку, нацелило копье. Потом так же неожиданно опустило оружие, упало на песок и протянуло руки к пленнику.

Крики зрителей звучали угрожающе. Многие вскочили и показывали на двоих внизу. И Раф, воспользовавшись их азартом, пробежал по проходу к решетке и увидел, что ее легко открыть с его стороны. Тут послышался новый звук. Не крики зрителей, обманувшихся в своих ожиданиях, а свистящий кошмарный крик.

Отверстие ограничивало поле зрения Рафа, он увидел часть чешуйчатой спины непосредственно под собой. Взял в руки бомбу и коснулся ботинками песка в тот момент, когда драма достигла кульминации.

Мохнатый лежал на песке, уже ни о чем не заботясь. Над его искалеченным телом, пригнувшись, стоял человек, нацелившись крошечным копьём в горло огромному ящеру. Рептилия не торопилась убивать. С шипением она поднялась, со злобным интересом рассматривая добычу. Но не было времени гадать, сколько еще она будет воздерживаться от смертельного удара.

Раф зубами выдернул чеку и уверенно бросил бомбу, так что она упала между массивных ног ящера. Он заметил, как расширились глаза увидевшего его человека. А потом пленник упал, прикрывая своим телом мохнатого. В то же время ящер взмахнул лапой, но промахнулся, и, прежде чем он смог ударить второй раз, бомба взорвалась.

Буквально разорванное взрывом на части, чудовище умерло мгновенно. А пленник зашевелился. Прежде чем изумленные зрители поняли, что происходит, он вскочил на ноги, потащив за собой своего спутника. Почти неся второго пленника, он пробежал, но не к ждущему Рафу, а к тому отверстию, через которое вышел на арену. И в то же самое время Раф получил мысленное послание:

— Сюда!

Огибая части огромного тела, Раф подчинился этому приказу, он догнал двоих несколькими шагами и подставил руку, принимая на себя часть тяжести.

— У тебя есть еще эти вещи силы? — Речь пленника звучала архаично.

— Еще две бомбы, — ответил пилот.

— Может быть, придется взрывать эти ворота. — Пленник тяжело дышал.

Раф достал шокер. Ворота уже открывались, клин раскрашенных воинов показался из них, все держали оружие. Раф провел лучом, широко и с максимальным зарядом. Один из чужаков успел выстрелить, прежде чем ноги его подогнулись и он упал. Язык пламени задел плечо Рафа. Но больше сопротивления не было, и двое с почти бесчувственным третьим, перепрыгивая через тела стражников, вбежали в коридор за воротами.

Глава 16

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

За последний час столько всего случилось, что у Дальгарда не было возможности ни планировать свои действия, ни даже разобратся в впечатлениях. Он не догадывался, откуда появился незнакомец, который теперь принял на себя часть веса раненого водяного. Его одежда, шлем, покрывающий голову, скорее походили на одеяние чужаков, чем колонистов. Но под этой одеждой человек, такой же, как и все люди колонии. Дальгард не верил, что это миротворец, человек Мира: все, что сделал этот человек, противоречит легендам о темных днях прошлого Терры, легендам, которые Дальгард слышал с детства. Но откуда он взялся? Единственный ответ — еще один корабль беглецов.

— Мы во внутренних помещениях. — Они по коридорам уходили от арены, и Дальгард пытался достичь сознания водяного. — Знаешь ли ты их?.. — У него была слабая надежда, что морской житель знает путь к спасению. Ведь он долго находился в плену.

— ...вниз, на нижние уровни... — последовала медленная мысль, поддержанная слабеющей волей. — Нижние... уровни... дорога к морю...

На это и надеялся Дальгард, на проход, ведущий к морю и к безопасности, такой, какую они нашли с Ссури в другом городе.

— Что мы ищем? — спросил незнакомец, и Дальгард понял, что он не воспринял обмена мыслями. Слова незнакомца звучали странно, с необычным акцентом.

— Нижний путь, — ответил он на языке своего народа.

— Направо. — Водяной, преодолевая слабость, поднял голову и осматривался, словно искал знакомые приметы.

Направо уходило ответвление пути, и Дальгард свернул в него, уведя за собой остальных двоих. Проход узкий, дважды встретились закрытые двери. И кончился проход глухой стеной. Незнакомец повернулся, держа в руках свое странное оружие: они слышали сзади крики преследователей. А водяной высвободился и опустился на пол, стал копать когтистыми пальцами.

— Открой здесь, — ясно послышалась его мысль, — и вниз!

Дальгард опустился на одно колено, он увидел люк. Его нужно поднять. Ножа у него нет, копье, которое ему дали на арене, он выронил, когда тащил водяного. Он посмотрел на незнакомца. У того на тонкой талии висел пояс со множеством карманов и сумок. В них инструменты, которых житель примитивной колонии не знал. Но есть там и широкий нож, и Дальгард протянул к нему руку.

— Нож...

Незнакомец удивленно взглянул на свой нож, словно не подозревал о нем. Затем одним быстрым движением выхватил его из ножен и протянул Дальгарду.

Шум сзади усиливался. Разведчик колонии сосредоточился на работе, он всунул лезвие в щель и принялся освобождать крышку люка. Как только позволило пространство, водяной присоединил свои усилия. Крышка поднялась и со звоном упала. Обнаружилась темная яма.

— Я их задержу! — крикнул незнакомец. Он нажал гашетку своего оружия. Там, где ответвление встречалось с главным коридором, послышались крики, потом наступила тишина.

— Вниз... — Водяной подполз к краю отверстия. Оттуда поднимался влажный гнилой запах. Теперь, когда шум в коридоре стих, Дальгард услышал снизу звук — плеск воды.

— Как спуститься? — спросил он у водяного.

— Глубоко, а лестницы нет...

Дальгард распрямылся. Что ж, прыжок вниз лучше, чем снова попасть в руки Иных. Но готов ли он к такому отчаянному решению?

— Далеко ли до воды? — Незнакомец наклонился через край и всматривался в темноту.

— Он говорит: да. — Дальгард кивком указал на водяного. — И скоб для спуска нет.

Незнакомец одной рукой порывлся под одеждой, в другой по-прежнему держа оружие. Он извлек конец веревки, и Дальгард с готовностью схватил ее, испытал рывком первый фут. Никогда он такого не видел: веревка легкая и необычайно прочная. Его радость почувствовал и водяной, который сидел, по-совьи глядя на кольца веревки; незнакомец продолжал вытягивать ее из-под одежды.

Конец веревки привязали к крышке. Потом водяной обвязался другим концом, и Дальгард начал опускать его. Часть тяжести принимала на себя крышка. Второй конец веревки был опасно близок к пальцам разведчика, когда последовал условный рывок снизу и веревка ослабла. Тогда Дальгард повернулся к незнакомцу.

— Иди. Я послежу за ними. — Незнакомец указал оружием на коридор.

Дальгарду пришлось согласиться, что это разумно. Он покрепче привязал конец и опустил в темноту. Сорвал кожу на ладони, тормозя слишком стремительный спуск. И приземлился по колени в воду, от которой шел неприятный запах.

— Все в порядке! Спускайся!.. — Он всю силу вложил в эту мысль, направленную вверх. Когда незнакомец не послушался, Дальгард подумал, что придется подниматься наверх и помогать ему. Может, чужаки прорвались и захватили его? Что там случилось? Веревка дернулась в его руках. Чуть позже сверху слышался голос:

— Очистите место! Спускаюсь!

Дальгард отошел из-под отверстия, туда, где ждал водяной. Последовал всплеск: это незнакомец коснулся ручья, они сразу потянули за веревку, и она упала.

— Куда дальше? — слышался голос из темноты.

Чешуйчатые пальцы ухватились за правую руку Дальгарда и потянули. Тот в свою очередь схватил за руку незнакомца. И вот, держась друг за друга, трое побрели по зловонной жидкости.

Вскоре они вышли из первого туннеля в другой, более широкий, но здесь вонь стала сильнее, от нее перехватывало горло, кружилась голова. Казалось, нет конца этим путям; Дальгард догадывался, что это канализация древнего города.

Казалось, только водяной знает, куда они идут, хотя и он раз или два останавливался у боковых ходов, словно обдумывал направление. Так как человек с арены принял этого проводника, Раф тоже полагался на него. Но все же гадал, сумеют ли они выбраться на поверхность.

Неожиданно он вздрогнул: ведущая его рука болезненно сжалась. Они остановились, жидкость плескалась вокруг, и пилот подумал, сможет ли он когда-нибудь отмыться. Когда снова тронулись, пошли гораздо быстрее. Его спутники торопились, но Раф не был готов к зрелищу, которое увидел в пещере с высокой крышей.

Тут было светло, свет странный, какой-то холодный, но Раф увидел не только свет. На карнизе над зловонным ручьем расположились ряды мохнатых воинов, все с копьями, с ножами на поясе, и все молчали. Круглыми немигающими глазами смотрели они на троих вышедших из бокового прохода. Спасенный водяной выпустил руку Дальгарда и прошел вперед, прямо к ожидающим воинам. Ни он, ни они не издавали ни звука, но Раф догадывался, что у них какая-то другая форма общения, может, та же способность к телепатии, которую проявил удивительный человек рядом с ним.

— Они из его племени, — объяснил этот человек, чувствуя, что Раф не понимает. — Они пришли, чтобы спасти его, потому что он Говорящий-За-Многих.

— Но кто они? И кто ты? — Раф задал два вопроса, которые мучили его с самого начала приключений.

— Они морской народ, наши друзья, наши братья по ножу. А я сам из Хоумпорта. Мое племя прилетело со звезд на космическом корабле. Корабль не с этой планеты. И мы уже много лет живем здесь.

Теперь водяные зашевелились. Несколько вышли вперед, приветствуя своего вождя, помогая ему подняться на карниз. Но когда Раф двинулся к карнизу, Дальгард удержал его.

— Подожди, пока позовут... У них свои обычаи. А это военный отряд. Его племя не знает моего, только слышало. Подождем.

Раф разглядывал представителей морского народа. Свет шел из шаров, которые нес каждый двадцатый воин; в шарах плавали какие-то фосфоресцирующие существа. Копья у водяных были тонкие, с зазубренными наконечниками, ножи длиной с меч. Пилот вспомнил огнеметы чужаков и подумал, что водяным не победить.

— Конечно, нож против огня — неравная схватка!

Раф вздрогнул, пораженный и раздраженный тем, как легко прочитаны его мысли.

— Но что еще можно сделать? Нужно сражаться, даже если все племя уйдет в Великую Тьму. Нужно помешать им.

— О чем ты? — спросил Раф.

— Разве не правда, что Иные перелетели через море, чтобы разграбить забытое хранилище знаний? — ответил его спутник. Он говорил медленно, будто с трудом подбирая слова. — Ссури сказал, что они прилетели для этого.

Раф, вспомнив, что видел: опустошенные полки и столы, — мог только кивнуть.

— Значит, правда и то, что у них скоро будет и нечто худшее, чем огонь, с которым они на нас охотятся. И они нападут не только на Хоумпорт, но и на вашу колонию. Водяные научили нас, что в природе Иных господствовать, они успокоятся только тогда, когда все живое на планете попадет к ним в рабство.

— Наша колония? — Раф на мгновение отвлекся. — Но я из экипажа космического корабля, у нас нет никакой колонии.

Дальгард смотрел на незнакомца. Его догадка оказалась верной. Новый корабль, другой корабль пересек космос и нашел их. Он пересек темные просторы, как это когда-то сделали предки! Новые беглецы прилетели, чтобы построить себе новый дом. Это поразительная новость, ее нужно принести в Хоумпорт. Но она может и подождать. Морские люди приняли решение.

— Что они собираются делать? — спросил Раф.

Водяные не отступали, напротив, соскальзывая с карниза в воду, они строились неровными рядами.

Дальгард ответил не сразу; он послал мысль, не только спрашивая, но и подтверждая свою близость морскому народу. У них одна цель... Он повернулся к незнакомцу.

— Они выступили на войну с Иными. Тот, кто привел нас сюда, тоже знает об их новых опасных знаниях. Если им не по-

ложить конец, прежде чем они смогут использовать эти знания... — он пожал плечами, —... водяные должны будут отступить в глубины. А мы, которые не сможем уйти за ними... — Он сделал быстрый жест, словно провел ножом по горлу. — Какое-то время Иные становились все слабее, число их уменьшалось. У них мало детей, иногда проходят годы, прежде чем рождается новый. И они многое забыли. Но сейчас они снова могут вырасти, не только знаниями и силой оружия, но и числом. Водяные следили за ними, они готовы были ждать, считая, что время само все решит. Но теперь время не на нашей стороне.

Раф смотрел на мохнатых воинов, с их копьями и ножами. Вспомнил скалистый остров, на который чужаки использовали огонь. У этого отряда не будет никаких шансов.

— Но у *твоего* оружия будут. — Он ясно понял эти слова, хотя они не были произнесены вслух. Раф сунул руку в карман, где лежали еще две бомбы. — И это не только наша битва, но и твоя.

Но это не его битва. Дальгард зашел слишком далеко. Раф ничем не связан с этим миром, РК-10 ждет, чтобы унести его отсюда. Ввязываться в эту войну — да это противоречит всем приказам, всей его подготовке! Пилот опустил руку на пояс. Он не позволит втягивать себя в глупость, пусть даже «колонист» и читает его мысли.

Первые ряды водяных уже миновали их, они шли в том направлении, откуда пришли пленники. На взгляд Рафа, никто из водяных не обращал внимания на людей, хотя, вероятно, они поддерживали мысленный контакт с его спутником.

— В их глазах ты уже один из нас. — На этот раз Дальгард не забыл произнести слова вслух. — Когда ты пришел к нам на вырубку на арене, они поверили, что ты один из нас. Неужели ты думаешь, что сможешь спокойно вернуться и пройти по городу? Вот как! — Дыхание его вырвалось с шумом; он уловил мысль Рафа. — Вас здесь несколько! Но Иные уже приняли меры против них из-за того, что ты сделал!

Раф, собравшийся присоединиться к водяным, застыл на месте. Эта мысль не приходила ему в голову. Что случилось с Соррики и флиттером, с капитаном и Лабле, которые находились в самом сердце территории чужаков, когда он бросил им вызов? Вполне логично, что раскрашенные теперь их всех считают опасными. Он должен вернуться к флиттеру, помочь тем, кого, сам того не желая, подверг опасности...

Дальгард поравнялся с ним. Он сумел отчасти прочесть мысли спутника. Хотя трудно было в них разобраться. Чем дольше он был с незнакомцем, тем яснее осознавал различия между ними. Внешне они кажутся принадлежащими к одному виду, но внутренне... Дальгард нахмурился. Об этом он должен подумать позже, когда будет время. Но он понял тревогу незнакомца. Действительно, Иные могут отомстить за его деяния его товарищам.

Они вместе присоединились к водяным. Никто не разговаривал, ничто не заглушало всплесков воды в течении. Раф заметил, что они идут не прежним путем. И сразу Дальгард ответил на его невысказанный вопрос.

— Мы ищем другой вход в город, это племя о нем давно знает.

Раф с охотой побежал бы, но в воде не мог двигаться быстрее своих проводников; те шли не очень быстро, но и не останавливались на отдых. Пилот решил, что канализационная сеть пронизывает весь город. Свернув в четвертый туннель, они вышли из воды на сухое место; проход тянулся вдаль, иногда резко поворачивая.

От него, как корешки от основного корня, отходили боковые коридоры, и в них углублялись небольшие группы водяных; уходили они без приказов и прощания. У пятого такого ответвления Дальгард взял Рафа за руку и отвел в сторону.

— Нам сюда. — Разведчик напряженно ждал. Если незнакомец откажется, план, который составил Дальгард за последние полчаса, провалится. Он по-прежнему надеялся, что с помощью Рафа, с помощью того, что есть у Рафа, сумеет осуществить свой план, обеспечить не только свою безопасность и безопасность этого племени водяных. В безопасности будет вся Астра, весь невинный морской народ, его соплеменники в Хоумпорте. Если понадобится, он готов заставить Рафа действовать. Он не использовал мысленный контакт: знал, что встретится с невысказанным негодованием. Если понадобится — руки Дальгарда сжались в кулаки, — он ударит незнакомца, отберет у него... Он быстро отбросил эту мысль. Возможно, теперь, когда мысленный контакт установлен, незнакомец сумеет ее прочесть.

Но, к счастью, Раф послушно свернул в боковой туннель в сопровождении шестерых водяных. Проход становился уже, вскоре пришлось ползти на четвереньках мимо грубых стен; эти стены были не такие, как в других туннелях. Водяные, меньшие по раз-

мерам, проходили без труда, но Раф дважды цеплялся поясом, и ему приходилось высвобождаться.

Один за другим они забрались в вентиляционную шахту, такую же, как в центре. Раф уловил объяснение Дальгарда:

— Мы сейчас в здании, где находится их небесный корабль.

— Я знаю это здание. — Раф ответил с готовностью, он был рад оказаться на знакомой территории. Цепляясь за скобы, которые освещал фонарь водяного, он хотел бы, чтобы тот поднялся быстрее.

Сняли решетку сверху шахты, и один за другим бойцы выбрались в пыльное, тускло освещенное помещение, полное бездействующих механизмов. Судя по их состоянию, уже давно никто этими машинами не занимался. Но водяные приближались к выходу из помещения очень осторожно, и Раф подумал, что в соседнем помещении может быть не так.

Раф заметил, что его спутник-человек держит один из ножей водяных, и сам достал свой шокер. Но никак не мог забыть огнеметы, которые в любой момент могут использовать из-за какой-то из дверей чужаки. Возможно, они идут прямо в ловушку.

Он ожидал, что на его мысли ответит Дальгард. Но разведчик решил не тревожить незнакомца. Тот должен обязательно помочь нападающим. И Дальгард быстро шел вперед, явно не интересуясь Рафом.

Один из водяных работал у двери, используя древко копья в качестве рычага. За дверью тоже находились механизмы. Но эти машины жили; от их корпусов доносилось слабое гудение. Водяные разбежались, отыскивая укрытия; люди повторили их маневр.

Пилот, оставаясь в укрытии, видел, как легко, словно тень, пробежал водяной. Он отвел руку назад и бросил копьё. Раф слышал слабый свист оружия в воздухе. Послышался крик, водяной исчез в темноте и вернулся через несколько секунд, вытирая свое копьё. Остальные вышли из укрытий и собрались вокруг. Люди последовали их примеру.

Перед ними была ведущая вверх рампа, водяные быстро начали подниматься, их босые ноги производили слабый шелестящий звук, который заглушали ботинки Рафа. Отряд был настороже, готов к опасностям, и пилот тоже не выпускал шокер.

Однако маневр на верху рампы удивил его. Он не слышал никакого сигнала, но все воины прижались к стене. Дальгард при-

влек Рафа к себе, мускулистая рука разведчика втолкнула пилота в узкую щель. Один из водяных остался вверху. Он отодвинул преграду и прополз в дверь.

Остальные тем временем нацелили копья на дверь. Раф настроил оружие на максимально широкое действие, как тогда, в туннеле у арены.

Послышался крик, призыв на помощь, и первый смелый водяной вкатился назад. Но не один. За ним бежали два солдата-чужака. Огненный язык коснулся водяного, прежде чем он смог увернуться. Раф выстрелил, не целясь. Оба часовых упали и неподвижно лежали на рампе.

Дальгард потащил Рафа.

— Путь открыт, — сказал он. В голосе его звучало волнение.

Глава 17

БЕЗГРАНИЧНЫЕ РАЗРУШЕНИЯ

Раф ошеломленно подумал, что они находятся теперь в самом сердце здания. Над ними возвышался шар корабля. У его люка лежали груды ящиков, которые он видел в складе на другом континенте. Разгрузка корабля чужаков явно была неожиданно прервана.

Так как водяные и Дальгард не укрывались, Раф решил, что они больше не опасаются нападения. Но, отведя взгляд от корабля, он обнаружил, что не только разведчик колонии, но и большинство водяных собрались вокруг него, как будто ждут от него дальнейших действий.

— В чем дело? — Он чувствовал это мысленное давление, стремление побудить его что-то сделать. Но упрямое стремление к независимости заставило его сопротивляться. Он не позволит, чтобы его принуждали.

— В этот час... — Дальгард заговорил вслух, избегая мысленного контакта, который вызывал противодействие Рафа. Ему хотелось бы, чтобы тут оказался кто-нибудь из старейших Хумпорта. Так мало времени... Но этот незнакомец практически без усилий может осуществить то, что они должны сделать. Если только удастся убедить его действовать. — В этот час мы оказались в сердце того, что осталось от цивилизации Иных. Унич-

тожь его, и уже не важно, смогут ли они убить нас. Потому что в будущем у них ничего не останется.

Раф понял. Поэтому его и привели сюда. Они хотят, чтобы он использовал свои бомбы. И частью сознания он уже определял места, куда лучше всего поместить бомбы, где они вызовут самое сильное разрушение. Эта часть сознания признавала логику рассуждений Дальгарда. Раф сомневался в возможности восстановить шар; он знал, что большая часть того, что привезли со склада, невосполнима. Бомбы не предназначались для такого использования. Это оборонительное оружие, так он его и использовал на арене против ящера. Но если их правильно разместить... Руки его уже невольно устремились к закрытому карману на груди.

Дальгард увидел этот жест, напряжение его начало спадать. Но тут незнакомец опустил руки, повернулся к разведчику, свел брови.

— Это не моя борьба, — категорически заявил он. — Мне нужно вернуться к флиттеру, на корабль...

В чем дело? Дальгард пытался понять. Если чужаки победят, незнакомец будет в такой же опасности, как и все остальные. Неужели он верит, что Иные позволят основать колонию на принадлежащей им планете?

— Для тебя здесь не будет будущего, — он заговорил медленно, стараясь изо всех сил, чтобы тот понял. — Вам не разрешат основать новый Хоумпорт. У вас не будет колонии...

— Вбей себе в тупую башку, — взорвался пилот, — что я не собираюсь основывать колонию! Мы можем улететь с этой проклятой планеты, когда захотим. Мы не собираемся оставаться!

Лицо Дальгарда под густым загаром побледнело. Это не корабль беглецов, прилетевший в поисках убежища, как бежало его племя от тирании. Его первые опасения оправдались! Это представитель Мира, несомненно, посланный на поиски потомков тех, кто сбежал от удушающей диктатуры. Стройный, странно одетый терранец может быть той же крови, что и он сам, но он враг, такой же, как Иные!

— Мир! — Он сам не понимал, почему произнес это слово вслух.

Раф рассмеялся.

— Ты живешь в прошлом. Мира нет уже два столетия. Я из Федерации Свободных...

— Будет ли незнакомец использовать свой огонь? — Вопрос сформировался в сознании Дальгарда. Водяные начинают терять терпение, и они правы. Время не разговоров, а действий. Можно ли убедить Рафа помочь им? Федерация Свободных... свободные люди! Именно ради этого они сражаются!

— Ты свободен, — сказал он. — Морской народ завоевал свободу, когда Иные воевали между собой. Мое племя пересекло пустоту в поисках свободы, оно заплатило за нее кровью. Но это — это не оружие свободы. — И он указал на корабль-шар и на предметы вокруг него.

Водяные больше не ждали. Древками копий они начали разбивать все, что поддавалось ударам. Но много ли ущерба можно нанести вручную и за короткое время... Раф и так был удивлен, что до сих пор не показалась стража. Вокруг громятся тайны древней расы, расы, которая некогда владела всей планетой. Пилот бегло вспомнил о том, как жадно стремился к этим тайнам Лабле, о надежде Хобарта получить тут знания и привезти с собой. Но сдержат ли чужаки свое слово? Он больше не верит в это.

Почему бы не дать шанс этим варварам и колонистам? Разумеется, он нарушает самые строгие правила своей службы. Но, может, с исчезновением флиттера он никогда не доберется до РК-10. Конечно, это не его война. Но он даст слабейшей стороне шанс.

Дальгард вслед за ним прошел в корабль, поднялся по лестнице в машинный отсек, с любопытством наблюдал, как Раф осматривает двигатель, чтобы лучше расположить бомбы.

Они спускались по лестнице, когда корабль подпрыгнул под ними, выпятились плиты обшивки, огромная трещина разорвала три палубы. Раф рассмеялся. Теперь, совершив проступок, он наслаждался разрушением.

— Не скоро сумеют они подняться, — сообщил он Дальгарду, но тот не разделял его торжества.

— Они идут — мы должны торопиться, — предупредил разведчик.

Выпрыгнув из люка, они обнаружили, что водяные тоже не теряли времени. Ящики и тюки они собрали в одном месте. Пол усеивали осколки сосудов, от луж поднимался едкий пар. Раф с

сомнением посмотрел на лужи. Эти химикалии могут смешаться, и произойдет взрыв...

Снова Дальгард прочел его мысль и знаком велел водяным отходить к двери на рампу. Раф стоял у выхода, держа в руке бомбу. Он знал, что настало время сделать самый меткий бросок в жизни.

Пальцы выпустили шар, он пролетел в туманном воздухе. Ударился о груды материалов. И весь мир скрылся в ослепительной вспышке.

Темно, абсолютно темно. И он раскачивается взад и вперед в этой тьме. Он шар, он бомба, которую перебрасывают из рук в руки раскрашенные воины, они пронзительно смеются над его болью и продолжают швырять. Страх, такой страх, какого он никогда не испытывал, даже во время старта с Терры, заполняет вены Рафа, исходит из его перетруженного сердца. Он беспомощен во тьме!

— Не один... — эти слова приходят откуда-то, он не знает, то ли услышал их, то ли каким-то странным образом почувствовал. — Ты в безопасности... и ты не один.

Это приносит некоторое успокоение. Но он по-прежнему в темноте и движется, не может заставить руки шевельнуться, но движется. Его несут!

Флиттер... он во флиттере! Они в воздухе. Но кто ведет машину?

— Капитан! Сорики! — Он просит успокоить его. И тут же понимает, что не слышно знакомого гула двигателя, нет привычного давления воздуха; он к нему привык, но только сейчас осознает его отсутствие.

— Ты в безопасности. — Снова это притворное утешение. Раф пытается шевельнуть руками, повернуть тело, удостовериться, что он во флиттере. Но вот новая мысль, вначале смутная, потом все более отчетливая, вызывающая панику... Он в шаре чужаков... Он пленник!

— Ты в безопасности! — Это слова формируются в сознании.

— Но где... где?.. — Он словно кричит во всю силу легких. Он должен выбраться из-под этого темного покрова, освободиться. Свобода! Свободные люди... Он Раф Курби из Федерации Свободных, член экипажа космического корабля РК-10. Но что-то еще связано со свободными людьми...

Он болезненно собирает обрывки картин прошлого, складывает головоломку — и все заканчивается ослепительной вспышкой!

Раф съеживается — мысленно, если не физически, мозг его ухватывается за последнее слово. Ослепительная вспышка, потом бездна тьмы. Неужели он...

— Ты в безопасности.

Может, и так, думает он, страх порождает гнев. Но что, если он — ослеп? И где он? Что случилось с тех пор, как взорвалась его бомба?

— Я ослеп, — говорит он и ждет, чтобы ему сказали: это неправда, это только твой страх.

— У тебя завязаны глаза, — тут же доносится ответ, и на какое-то время это его успокаивает. Но потом он понимает, что это не отрицание его слов.

— Сорики? — пробует он снова. — Капитан? Лабле?

— Твои товарищи... — мгновенное колебание, потом правдивый ответ: — ... улетели. Их корабль поднялся в воздух, когда мы вторглись в центр.

Значит, он не во флиттере. Это первая реакция Рафа. Значит, он с водяными, с молодым незнакомцем, который утверждает, что принадлежит к древней терранской колонии. Но товарищи не могли оставить его! Раф пытается освободиться, но его удерживают.

— Спокойно! — Это не уговор. Приказ, резкий, властный. — Ты ранен; мазь должна подействовать. Спи. Тебе нужно спать...

Дальгард шел рядом с носилками и пытался использовать всю свою мысленную энергию, чтобы успокоить незнакомца. Теперь он мало напоминает вчерашнего стройного гибкого инопланетянина. С него сняли обгоревшую одежду, покрыли все тело целебной мазью водяных — это густое желе спасает их от болезней и ран; в гамаке из морских водорослей он напоминает теперь толстый сверток. Разведчик видел, какие чудеса совершает эта мазь. Теперь остается только надеяться.

— Спи... — Он снова и снова повторяет свое внушение, и незнакомец расслабляется, погружается в сон. Теперь он должен спать до завтра.

Они действительно видели, как необычная летающая машина поднялась с крыши. И никто из водяных, переживших битву, развернувшуюся в городе, не видел инопланетян среди живых

или мертвых чужаков. Возможно, считая Рафа мертвым, они вернулись на свой корабль.

Теперь возникли новые, более настоятельные проблемы. Сделали все, чтобы спасти незнакомца, без которого невозможно было нанести удар, обеспечивший новое будущее для Астры.

Не все чужаки погибли. Многие пали от копий водяных, но значительно больше воинов морского народа стало жертвой превосходящего оружия чужаков. Вообще, пока чужаки не обнаружили, что поврежден корабль-шар и его груз, видимо, они могли считать, что одержали победу, потому что менее четверти нападающих вернулось в безопасность подземных путей. Да, Иным это должно было казаться победой. Но... настало время второй чаши весов.

Дальгард сомневался, что шар теперь сможет снова подняться в воздух. А потеря добычи из склада вообще не может быть восстановлена. Этим уничтожением нападающие обеспечили будущее и морского народа, и медленно растущего населения Хоумпорта.

Теперь они далеко от города, в открытой местности, идут вдоль скалистого хребта, хотя удобную дорогу к морю предлагала река. Дальгард пока не представлял себе, как преодолет обширное водное пространство и вернется к своим. Водяные, с которыми он штурмовал город, настроены дружелюбно, но он их племя не знает, а они сами связываются с восточным континентом лишь мысленными посланиями, проходящими через острова и глубины.

И еще этот незнакомец... Дальгард знал, что корабль, который принес Рафа на эту планету, находится где-то на севере. Возможно, когда раненый оправится, можно будет пойти в том направлении. А сейчас просто хорошо быть свободным, чувствовать, как ласковые ветерки гладят кожу, медленно идти под солнцем, неся небольшой узелок с принадлежащими незнакомцу вещами. На поясе снова нож, а вокруг друзья.

Но через четверть часа этот мир был нарушен. Дальгард услышал первым, его слух послужил ему там, где не помогло утонченное восприятие морских людей. Резкий свист... он его знает. И по его предупреждению большинство водяных бросились в реку, превратились в плывущие тени под поверхностью воды. Только четверо с носилками остались на суше. Разведчик велел им оставить ношу под каменным выступом и присоединиться к

товарищам. Пока угроза с неба не будет устранена, они не могут идти в открытую.

Идет ли охота только за ним одним? Руководствуется ли охотник каким-то загадочным встроенным чувством? Дальгард видел его, тот кружил над ущельем, готовый ринуться на добычу.

Если бы не незнакомец, Дальгард мог скрыться в воде так же легко и быстро, как его спутники. Но пилота нельзя погружать в воду: пострадает густое покрытие из мази, которая лечит его ужасные ожоги. А Иные? Идут ли они за своим механическим псом, как раньше?

Дальгард разослал ищущие щупальца мыслей. И нигде не встретил ничего, что свидетельствовало бы о близости Иных. Похоже, они просто выпустили своего пса, чтобы он причинил возможно больший вред; может, наметил бы пути будущего нападения. Сейчас он один. И Дальгард передал эту информацию водяным.

Если бы они смогли сбить пса... Рука Дальгарда сама коснулась шрама на голове, где ящик нанес скользящий удар. Но как? Хотя водяные удивительно метко бросают копья, разведчик сомневался, что ими можно сбить пса. Его повороты и нырки слишком неожиданны. Что же тогда? Пока пес летает здесь, они с незнакомцем заперты в ущелье.

Дальгард сел, положил рядом узелок с вещами незнакомца. Развязал обгоревшую ткань и внимательно осмотрел содержимое. Пояс с его сумками, ножны и инструменты. И оружие, которое незнакомец так эффективно использовал на арене. Дальгард взял пистолет. Легкий, укладывается в руку, словно сделан по мерке.

Разведчик прицелился в парящий ящик, нажал кнопку, как это делал незнакомец, но без всякого результата. Луч шокера, действующий на живые организмы, никак не повлиял на механизм пса. Дальгард отложил оружие. Бомб больше нет, да они и неэффективны против такой цели. Насколько он может судить, среди вещей Рафа нет ничего, что могло бы им сейчас помочь.

Одна из черных теней в воде направилась к берегу. Ящик нырнул, устремился к водяному, который побежал в укрытие. Второй последовал за ним, на несколько дюймов избежав нападения пса. Ящик гневно загудел.

Дальгард, уловив их мысли, заторопился на помощь. Они развязали гамак, в который закутан был незнакомец, оставили ране-

ного в повязках. Теперь в их руках оказалась примитивная сеть, сплетенная, как знал Дальгард, из водорослей. Они достаточно прочны, чтобы удержать чудовище, в десять раз больше ящика. Теперь бы суметь захватить ящик в сеть!

Дальгард был свидетелем чудес, совершаемых водяными-охотниками, знал их мастерство в владении сетью и копьем. Но поймать летающий ящик — совсем другое дело.

— Нет, не так, — уловил он мысль. — Они раньше охотились на нас с помощью таких ящиков. Мы считали, что их больше не осталось. Его можно поймать и сломать, иначе он будет охотиться, пока не перебьет нас всех. Его невозможно сбить со следа.

— Я помогу, — сказал разведчик. После первой встречи с псом он совсем не хотел выполнять задачу, которую берет на себя, но нужна приманка. Ящик должен оказаться на расстоянии броска сети.

— Встань и иди к тем скалам. — Водяные сменили позицию, в их пальцах была зажата сеть, утяжеленная камнями.

Дальгард пошел, стараясь не сгибаться и не торопиться. Он увидел тень летящей смерти и бросился на землю у камня, на который указали водяные. И перекатился, удивленный, что удар не последовал.

Пес оставался в воздухе, но вокруг него была обвита сеть; он пытался рывками подняться, но камни сети тащили его вниз. Можно было подумать, что это разумное существо. Водяные выбирались из воды, хватая на ходу камни. Поток камней взвился в воздух, в то же время другие водяные ухватили сеть за концы и стали тянуть вниз.

В конце концов ящик разбили на куски, которые погребли под грудой камней. Потом снова положили Рафа в сеть и пошли вниз по течению, торопясь добраться до моря. Дальгард думал: обнаружат ли когда-нибудь Иные, что стало с их псом? Или у него была связь с хозяевами и они знают, что их орудие уничтожено? Теперь беглецам нечего бояться, путь к морю открыт.

Наутро второго дня они увидели песок, а за ним волны, которые водяным обещали безопасность и спасение. Дальгард сел на серо-голубой песок рядом с Рафом. Морской народ заверил его, что незнакомец быстро поправляется, через несколько часов он сможет выйти из своего лечебного кокона.

Дальгард, прищурясь, посмотрел на солнце, сверкающее на волнах. Куда теперь? На север, где ждет космический корабль? Если то, что он прочел в сознании Рафа, верно, тот хочет покинуть Астру, вернуться на планету, которая для Дальгарда только легенда, и при этом легенда страшная. Если бы здесь были старейшие, смогли бы вступить в контакт с этими людьми с Терры... Глаза Дальгарда сузились. А стали бы они это делать? Новые мысли начали возникать в его голове за те часы, что он сопровождал незнакомца. Он почти пришел к решению, которое показалось бы ему очень странным всего несколько дней назад.

Нет, привести сюда старейших невозможно, нельзя переложить на них тяжесть решения. Дальгард сжал подбородок рукой. Он пытался представить себе, каково это — закрыться в космическом корабле и слепо лететь от одной планеты к другой. Его предки проделали это, и летели они в холодном сне, не зная, достигнут ли цели. Они были очень храбрыми или очень отчаянными людьми.

Но... Дальгард смотрел на небо, солнце, песок, на водяных, резвящихся в воде... но для него достаточно Астры. Ему ничего не нужно, кроме этой планеты, этого мира. Ничто не влечет его к другому миру. Ради незнакомца он постарается отыскать корабль: Астра в долгу перед Рафом. Но космический корабль теперь так же чужд Хоумпорту, как шар жужаков.

Глава 18

ПОКА ЕЩЕ РАНО...

Раф лежал спиной на мягком песке, повернув лицо к небу. Растаявшая мазь затекала в глаза, стекала по щекам. Он пытался заставить себя видеть. Желтый туман, который был днем, превратился в серый, а потом и в черный, о котором он боялся говорить. Где-то над ним ледяные точки звезд, но он их не видит. Они далеко, но он еще дальше от безопасности, от комфорта (сейчас космический корабль кажется ему раем), от современной медицины, которая может спасти ему зрение.

Вероятно, он должен быть благодарен этому медленному голосу, который говорит с ним из тумана, успокаивающей мысли, когда страх чуть не подводит его к грани срыва. Каким-то обра-

зом его увели от чужаков, лечили ожоги и раны, его вели, кормили, о нем заботились... Почему они не уйдут и не оставят его одного? У него нет шансов вернуться на корабль...

Он так хорошо помнит горы, вершины, над которыми пролетал флиттер. Нет ни одного шанса из миллиона на то, чтобы преодолеть эти горы и обширные равнины за ними до того места, где стоит готовый к старту РК-10. Экипаж должен считать его мертвым. Раф сжал кулаки, и песок закрипел у него меж пальцами. Почему он не умер? Почему этот варвар утащил его сюда, зачем продолжает ухаживать за ним, сует пищу в руки? А руки — всего лишь смутные очертания, когда он подносит их к напрягающимся болящим глазам.

— Не так плохо, как ты думаешь, — снова слова из тумана; они звучат мягко, и эта мягкость режет нервы Рафа. — Нельзя вылечить за секунду, даже за день. Нельзя заставить вернуться силы...

Рука, теплая, полная жизни, прижимается к его лбу, человеческая рука, а не холодная чешуйчатая рука мохнатого. Но и чешуйчатые руки за последние дни много прикасались к нему, поддерживали, вели, подавали еду и воду. И вот при этом уверенном знакомом прикосновении он почувствовал, как страх уходит, расслабился.

— Мой корабль... Они улетят без меня! — Он ничего не мог с собой поделат, голос прозвучал жалобно, как и много раз раньше, во время этого туманного кошмарного путешествия.

— Пока еще не улетели.

Раф замахал руками, забился, гневно повернулся в ту сторону, где, как он считал, находится собеседник.

— Откуда ты знаешь?

— Пришло слово. Корабль еще здесь, хотя маленький летатель вернулся к нему.

Эта уверенность — что-то новое. Опасения Рафа были сменены этой спокойной уверенностью. Он с трудом встал на ноги. Если корабль еще здесь, его считают живым... Они вернутся за ним! У него есть шанс... настоящий шанс!

— Они ждут меня... За мной придут!

Он не видел, с каким серьезным выражением слушает его Дальгард. Корабль еще не улетел, это сообщение пришло на юг, его передали прыгуны и водяные. Но разведчик сомневался, что

исследователи ждут возвращения Рафа. Он полагал, что они не улетели бы из города, если бы считали пилота живым.

А что касается похода на север... Он представил себе местность впереди, вспомнил, что рассказывают морские люди. Это можно совершить, но сейчас, когда нужно заботиться о Рафе, когда у Дальгарда нет даже лодки... Потребуются дни, вероятно, недели, чтобы преодолеть расстояние до равнины, на которой стоит корабль.

Однако он в долгу у Рафа, а сейчас лето, теплое и спокойное время года. Пока что он не думал о возвращении в свои земли. Возможно, они оба обречены, оба не могут вернуться на родину. Но пока не нужно об этом думать. Еще не все испробовано. И потому он спокойно сказал:

— Мы пойдем на север.

Раф снова сел на песок. Ему хотелось бежать, двигаться, пока ноги не откажутся нести его дальше. Но он подавил этот порыв и лег. Хотя и сомневался, что сможет уснуть.

Дальгард смотрел на звезды, строил планы на завтра. Нужно идти вдоль берега, чтобы поддерживать контакт с морскими людьми; хотя здесь водяные селятся возле берега не так охотно, как на восточном континенте: слишком долго жили они в страхе перед Иными.

Но с того времени как отряд достиг берега, никаких признаков Иных. Прошло уже несколько дней, и Дальгард считал, что им нечего бояться. Возможно, удар, который они нанесли, оказался даже сильнее, чем они надеялись. С того часа в ущелье он все время выслушивал свист механических псов. Но не услышал. Возможно, тот был последний. Эта мысль подбадривала.

Наконец разведчик лег рядом с инопланетянином, прислушиваясь к мягкому плеску волн на песке, к отдаленному жужжанию ночных насекомых. И последней его мыслью было желание, чтобы у него снова был лук.

Наступил первый день терпеливого продвижения; потом второй, третий. Раф, которого вели за руку, переводили через камни и другие препятствия, которые казались ему темными пятнами, внутренне — а иногда открыто — негодовал, сердился на медленность продвижения, на собственную беспомощность. Страх его все рос, и он даже не хотел верить, что пятна становятся отчетливее, что он может уже пересчитать пять пальцев на руке, когда отчаянно машет ею перед глазами.

Говоря о будущем, он никогда не произносил «если мы достигнем корабль», всегда только «когда»; он отказывался признавать, что, возможно, они опоздают. И Дальгард, видя его беспокойство, пытался получить новые известия с севера.

— Когда доберемся до корабля, ты полетишь с нами на Терру? — неожиданно спросил пилот на пятый день.

Раньше и Дальгард задавал себе такой вопрос. Но теперь он знал ответ.

— Мы еще не готовы...

— Не понимаю. — Голос Рафа звучал почти капризно. — Там ведь твой дом. Мира больше нет; Федерация радостно примет тебя. Подумай, что это значит. Терранская колония среди звезд!

— Терранская колония. — Дальгард протянул руку, помогая Рафу идти по щебню. — Да, когда-то мы были колонией Терры. Но... ты можешь сейчас поклясться, что я терранец, такой же, как ты?

Раф смотрел на нечеткую фигуру, пытался вспомнить черты лица. Разведчик среднего роста, чуть миниатюрнее космонавтов, с которыми пилот прожил так долго. Волосы у него светлые, кожа тоже — под загаром. У него необыкновенно легкая походка и большая сила, которую Раф испытал на себе. Но есть и сбивающая с толку способность читать чужие мысли, и другие отличия.

Дальгард улыбнулся, хотя пилот не мог этого увидеть.

— Видишь. — Он сознательно использовал мысленный контакт, чтобы подчеркнуть отличия. — Мы исходим от одного корня, но теперь из этого корня выросли разные растения. И нужно на время оставить нас одних, прежде чем мы снова сольемся. Мой прапрапрадед был терранцем, но я?.. У нас есть нечто, чего нет у вас; и вы тоже за столетия разъединения выработали особенности сознания и тела, о которых мы не знаем. Вы живете с машинами. А у нас не было возможности ремонтировать машины и строить новые, и потому мы двинулись в другом направлении. Пойти сейчас назад означает отказаться от тех тайн, которые мы еще не исследовали до конца, отказаться от еще не сделанных открытий. Для тебя я варвар, едва ли выше на шкале цивилизации, чем водяные...

Раф покраснел; он стал бы вежливо отрицать, если бы не знал, что его мысли прочитаны. Дальгард рассмеялся. Но смеялся не над пилотом, скорее приглашал его посмеяться вместе.

И Раф поневоле тоже улыбнулся.

Но тут ему в голову пришел довод, который собеседник не приводил.

— А что, если вы уйдете в сторону так далеко, что у нас не будет общей почвы для понимания? — Он забыл о собственных проблемах.

— Я не верю, что так произойдет. Возможно, мы изменимся физически: климат, пища, образ жизни — все это действует на тело. Может измениться и мозг; с каждым новым поколением мы все лучше слышим мысли, все увереннее общаемся с водяными и животными. Но те, чьи предки родились на Terre, навсегда сохраняют общее наследие. Есть и будут другие затерянные колонии среди звезд.

И через тысячи лет незнакомец встретится с незнакомцем, но, когда они сделают знаки мира и сядут рядом, они обнаружат, что говорить легко, хотя один из них может показаться другому чудовищем. Однако сейчас мы должны идти своим путем. Мы юноши, ступившие на дорогу испытаний, а старейшие желают нам добра, но держатся в стороне.

— Ты не хочешь получить то, что мы можем предложить? — Для Рафа это была новая мысль.

— А ты сам хочешь получить то, что предлагают жители города?

Это подействовало на пилота. Он отчетливо вспомнил, какое нежелание, недоверие, даже страх испытывал по отношению к вещам, которые приносили со склада, как в глубине души надеялся, что Хобарт и Лабле не захотят получать знания чужаков. Если бы он не испытывал такое отвращение, он не смог бы уничтожить шар и сокровища, нагроможденные вокруг.

— Но мы ведь не *они!* — гневно возразил он. — Мы многое можем для вас сделать.

— Неужели? — Этот вопрос погрузился в сознание, как камень в пруд, оставив расходящиеся круги мыслей. — Я бы хотел, чтобы ты увидел Хоумпорт. Тогда тебе легче было бы понять. Конечно, ваше знание не разлагающее, оно не несет с собой семена гибели, как знание Иных. Но для нас принять его — слишком легко. Идти по легкому пути — забыть все, чего мы достигли. Дай нам время...

Раф прикрыл руками слезящиеся глаза. Ему так хотелось увидеть лицо Дальгарда, прочесть его выражение. И каким-то образом он смог его увидеть, серьезное лицо, такое же искреннее, как мысли.

— Вы вернетесь, — уверенно сказал Дальгард. — И мы будем ждать вас, потому что ты, Раф Курби, сделал это возможным. — Голос его звучал так торжественно, что Раф посмотрел на него с удивлением.

— Уничтожив сердце Иных, ты предоставил нам шанс. Если бы ты не делал этого, и мы, и водяные, и другие безвредные, счастливые жители этой планеты погибли бы. И не было бы нового начала, только тьма и ужасный конец.

Раф моргнул; к его удивлению, фигура не расплывалась; за гордо поднятой головой он увидел бирюзовое небо. Он различает цвета!

— Да, ты сможешь видеть и глазами, и разумом. — Теперь Дальгард говорил вслух. — И если Дух, который правит космосом, будет добр, ты вернешься к своим. Потому что ты хорошо послужил Ему.

И, словно устыдившись своей торжественности, Дальгард закончил самым прозаическим вопросом:

— Хочешь поесть моллюсков?

Идя по мягкому песку, Раф чувствовал себя счастливее, свободнее, чем раньше. Все будет в порядке. Он видит! Он найдет корабль! Он рассмеялся и услышал ответный смех, а потом торжествующий вопль: разведчик нашел добычу.

После еды Дальгард задал другой вопрос, который не показался Рафу важным.

— У тебя есть близкий друг в экипаже корабля?

Раф колебался. Есть ли у него друзья на РК-10? Разумеется, не Вонстед, с которым он делит каюту. Его совершенно не беспокоит, увидятся ли они снова. Офицеры, специалисты, как Лабле, — одно за другим он вспоминал их лица и тут же отбрасывал. Соррики... Он не может утверждать, что связист его близкий друг, но, по крайней мере, он лучше узнал его за последнее время.

Дальгард как будто прочел его мысли — вероятно, так оно и было, и Раф ощутил след прежнего негодования. Разведчик задал новый вопрос:

— А каков он? На кого похож?

Пилот не понимал, зачем это, но постарался ответить, вначале описал внешность связиста, потом, основываясь на догадках, постарался показать, что у того внутри.

Дальгард лежал на спине, глядя в зелено-голубое небо, но Раф знал, что он внимательно слушает каждое слово. Подошел

водяной, сел скрестив ноги рядом с разведчиком, как будто тоже стал слушать описание человека, которого никогда не увидит. Появился второй морской житель, третий, и вскоре вокруг Рафа собрался молчаливый совет. Пилот продолжал говорить, и только когда кончил, Дальгард объяснил:

— Требуется много-много дней, чтобы добраться до твоего корабля. И прежде чем мы закончим это путешествие, твои товарищи могут улететь. Поэтому мы попробуем кое-что другое — с твоей помощью.

Раф потрогал узелок со своими вещами. Нет даже шлема с наушниками.

— Нет. — Дальгард читал его мысли. — Твои машины для нас бесполезны. Мы попробуем *наш* способ.

— Как? — Дикая мысль о сигнальном костре... Но разве из-за гор его можно увидеть? Или какое-то импровизированное связанное устройство...

— Я сказал — *наш* способ. — На лице Дальгарда была улыбка, постепенно проясняющееся зрение позволило Рафу ее увидеть. — Мы установим связь другого типа, а они, — он указал на водяных, — они дадут нам энергию. Я надеюсь. Ложись, — Дальгард жестом указал на песок, — и думай только о своем друге на корабле — в его естественном окружении. Постарайся все время держать эту картину в сознании, пусть никакие другие мысли не мешают.

— Ты хочешь... послать мысленное сообщение? — недоверчиво произнес Раф.

— А разве я не связался с тобой в городе... даже еще ничего о тебе не зная? — напомнил разведчик. — А такая связь вдвойне возможна, если речь идет о друзьях.

— Но мы тогда были близко.

— Потому и нужны они. — Дальгард снова показал на водяных. — Для них это естественная форма связи. Они подхватят твою мысль, усилят ее и пошлют на север. И так как твой друг связист, будем надеяться, что он окажется чувствительным к этому методу.

Раф не был убежден, что такой способ подействует. Но он вспомнил, как Дальгард установил с ним контакт, еще до того, заметил разведчик, как они встретились. Именно этот молчаливый призыв о помощи и вовлек Рафа в приключения. И теперь тот же способ должен помочь *ему*.

Он послушно вытянулся на песке и закрыл глаза, стараясь представить себе Сорики в тесной рубке связи; Сорики сидит на откидном стуле, сидит неподвижно, расслабившись, внешне бездеятельно, как много раз приходилось видеть Рафу. Сорики — его широкое лицо с плоскими скулами, большой улыбчивый рот, глаза с тяжелыми веками. Представив себе лицо Сорики, он вообразил, что стоит перед связистом, говорит непосредственно с ним.

— Приходи... приходи и заberi меня... на юг... на берег моря... Сорики, приходи и заberi меня! — Слова превратились во что-то вроде песни, песня эта устремилась к знакомому лицу в знакомом окружении. — На юг... приходи и заberi меня... — Раф старался думать только об этом, не позволял другим мыслям прервать песню, потревожить картину, вызванную из памяти.

Пилот не мог бы сказать, сколько продолжались эти попытки установить связь, потому что постепенно от глубочайшей сосредоточенности перешел ко сну, глубокому, без сновидений, и проснулся, чувствуя, что произошло что-то важное. Получилось ли?

Кольцо водяных исчезло, наступал рассвет, серый, холодный, в воздухе чувствовалось приближение дождя. Раф был спокоен. Зрение его еще улучшилось по сравнению со вчерашним днем. Но получилось ли у них? Он встал, отряхивая песок, и увидел выходящего из воды разведчика. У того на копье была наколо-та рыба.

— Нам удалось связаться? — спросил Раф.

— Твой друг не может ответить мыслью, поэтому мы не знаем. Позже попробуем еще раз. — Рафу показалось, что лицо Дальгарда осунулось, у него был измученный вид, словно недавно ему пришлось выполнить изнурительную работу. Разведчик шел к берегу медленно, не той энергичной походкой, к которой привык Раф. Садясь и начиная потрошить рыбу костяным ножом, разведчик повторил: — Сегодня попробуем еще раз!..

Полчаса спустя, когда с моря пришел дождь, Раф уже знал, что повтор не потребует. Он поднял голову, лицо его оживилось. Он так давно знает этот звук и не может ошибиться — гул двигателя флиттера прорезал плеск падающей воды. Окружающие утесы, должно быть, усилили этот звук, потому что саму машину он не увидел. Но она приближается. Он повернулся к Дальгарду и увидел, что тот уже на ногах и поднимает копье.

— Это флиттер! Сорики услышал... они идут! — поторопился заверить Раф.

В последний раз он увидел медленную теплую улыбку Дальгарда, увидел яснее, чем раньше. Потом разведчик повернулся и пошел к окружающим скалам. Прежде чем исчезнуть из виду, приветственно поднял копье.

— Быстрого и благополучного пути! — Так прощаются в Хоумпорте.

И Раф понял. Колонист говорил серьезно. Он не хочет контакта с космическим кораблем. У Рафа он был в долгу, но теперь этот долг выплачен. И еще не пришло время встречи людей Астры и Терры. Может, через сто лет — или тысячу... но пока еще нет. Вспомнив, как он вызвал флиттер, Раф постарался успокоить свое дыхание. Чего достигнут люди Астры за сто лет? Сравнятся ли с ними жители Терры? Это вызов, и лишь он один знает о нем. Хоумпорт останется его тайной. Его спасли и привели сюда водяные. А что касается РК-10 и его экипажа — для них Дальгард и его племя не существуют.

В последний раз испытал он близость мысленного контакта.

— Ты прав... брат! — И тут же контакт прервался, из туч показалась черная точка флиттера.

Из-за скал Дальгард смотрел, как пилот садится в необычную машину. На мгновение ему захотелось крикнуть, побежать туда, поддаться желанию увидеть этих людей, увидеть корабль, который пронес их через космос и принесет, они в это верят, назад, на Терру, которая для него только легенда из прошлого. Но он подавил это желание. Всю свою жизнь он будет хранить тайну... у него хватит воли, чтобы в Хоумпорте никогда не узнали. Время... им нужно время. Через сто лет... или тысячу... А пока еще рано!

**ЛЕДЯНАЯ
КОРОНА**

Глава 1

Роана пыталась открыть глаза; она напрягала мышцы своего изящного тела, пока те заболели. Ей говорили (в такие мгновения она слышала до безобразия спокойный голос дяди Оффласа, которым он всегда объяснял что-либо), что все ее неудобства — исключительно в голове, и если во время полета сосредоточить мысли на чем-то другом, то ощущение, что тебя похоронили заживо, должно исчезнуть. Но сейчас Роана лежала в стремительно летящей пулеобразной капсуле, изнутри обитой мягким материалом, и изо всех сил старалась держаться.

Роана боялась даже самой мысли задохнуться в этом тесном пространстве и, крепко сжав кулаки, сильно прикусила верхнюю губу. Боль помогла справиться со страхом. По словам дяди Оффласа, можно преодолеть все что угодно, стоит как следует захотеть. К сожалению, дядя Оффлас был очень далеко. Но теперь, когда выпала возможность доказать, что она подходит для его плана, Роана просто не имела права все испортить.

Она не может подвести его! Даже шеф департамента на Крамбриф завидовал ей. И ее удача лишь в том, что она племянница Оффласа Кейла. Экспедиция на Клио будет семейной: руководитель проекта Кейл, его сын Сандар и Роана. Она старалась лежать с закрытыми глазами, чтобы забыть, где сейчас находится. Дышать медленно и ровно. Все ее мысли сосредоточились только на задаче, которую ей предстояло выполнить.

Такой шанс выпадал один на сотню, нет на тысячу, и она была счастлива, что стала частью проекта. Вот только прямо сейчас даже разум Роаны невероятно устал. А эта жуткая теснота! Она... Она чувствовала себя губкой, брошенной в озеро, чтобы впитать в себя всё воду. Только вот она не умела раздуваться, как губка; наоборот, ей пришлось собраться, сконцентрироваться. Голова

стала настолько тяжелой от всех инструкций, вбитых в нее компьютерами, что Роана не могла даже приподнять ее.

Клио — одна из закрытых планет. Но вопреки этому обстоятельству дядя Оффлас получил прямое предписание отправиться туда и оставаться до тех пор, пока не будет обнаружено сокровище. Сокровище! От этого загадочного, дивного слова мурашки ползли по телу — хотя о нем не слышал никто, кроме того сотрудника Службы, которому оно понадобилось.

Обычное сокровище, какая-нибудь драгоценная, прекрасная вещьца, не заинтересовала бы Оффласа Кейла. Он бы мельком взглянул на нее, отнес бы к соответствующему историческому периоду, но в целом — она была бы для него простой игрушкой. Однако знания Предтечей — это уже нечто большее! И это сокровище, а точнее ключ к нему, после долгих лет поисков и тщательного просеивания полученных результатов обнаружился в одной ничем не примечательной области Клио.

Поскольку Клио была закрытой планетой, то поиски на финальной их стадии велись в строжайшем секрете, и так быстро, как того позволяла техника Службы. Команда проекта должна была быть настолько маленькой, насколько это было возможно, и поэтому именно Роану послали на Крам-бриф, где она должна была узнать о Клио все необходимое.

Она размышляла, на что похожа жизнь на закрытой планете, если жить там постоянно, а не небольшой отрезок времени. Конечно, вся законодательная база, позволявшая существовать закрытым планетам, неверна; подобное обращение с людьми нарушает Четыре Закона. Клио была колонизирована две или три сотни лет назад, когда психократы управляли Конфедерацией до Переворота 1404 года. Из обнаруженных экспериментальных планет Клио была третьей по счету. Ходили слухи, что подобных планет ещё много, но сколько именно, никто не знал.

Клио считалась третьей заново открытой экспериментальной планетой; ходили слухи, что таких планет было больше, но никто не знал, сколько их. Взрыв командного центра во время Переворота уничтожил большинство записей.

Все эти планеты представляли собой полигоны для экспериментов, имевших особую важность для Иерархии психократов. Первым колонистам стирали память и внедряли ложные воспоминания, соответствующие их новым мирам. Затем оставляли их одних, лишь время от времени скрыто проводя наблюдения —

будет создана цивилизация нового типа, или же наступит коллапс существующей цивилизации.

Когда, после падения психократов, такие планеты-полигоны вновь обнаруживались, их тут же объявляли закрытыми. Никто из властей не мог быть уверен, что произойдет, когда правда станет известна их обитателям. Планеты были не слишком развиты, как минимум на одной колонисты серьёзно мутировали. Но жители Клио оставались обычными людьми, хотя и жили они по старинке, как жили предки Роаны за несколько столетий до начала космических полетов.

До сих пор никто точно не знал, с какой целью психократы создавали Клио. Однако в Службе считали, что они пытались создать что-то похожее на средневековую Европу древней Терры. Большой восточный континент состоял из множества крошечных королевств. Два западных континента, напротив, были «засеяны» «аборигенами» с гораздо более примитивным уровнем культуры: это были кочующие охотничьи племена. И все они пользовались лишь незамысловатыми орудиями труда.

На восточном континенте прошло несколько кровопролитных захватнических войн, закончившихся появлением двух крупных государств, с буферной зоной между ними. В ней все еще оставались мелких государства, по-прежнему свободные и независимые, но только потому, что две огромные силы все еще не были готовы напасть друг на друга. Всевозможные интриги, небольшие стычки на границах, провокации, возвышения и падения династий — такова была жизнь на Клио. Для наблюдателя с далеких звезд все это показалось бы гигантской игрой, хотя в ней слишком часто умирали люди — из-за скверной постановки пьесы.

На западе тоже было беспокойно. Племена сражались друг с другом; но из-за более примитивного уровня развития крови проливалось куда меньше, чем на востоке. Но Роану запад не волновал. Она должна была приземлиться на восточном континенте, в одном из крошечных буферных государств, расположенных между двумя враждующими гигантами.

— Ревения, — вслух проговорила она. — Королевство Ревения.

Странное слово, и она с трудом выговаривала его поначалу. Но не более странное, чем прочие инопланетные названия, многие из которых были столь чуждыми, что человек произнести их физически не был способен.

Она видела трехмерные изображения места их изысканий, причем видела настолько часто, чтобы эта местность стала для нее как-будто знакомой. Но все это осталось в прошлом, было прежним заданием, частью ее прежней жизни. Дядя Оффлас иногда брал ее с собой как дополнительный багаж, когда отправлялся в путешествие с планеты на планету в качестве эксперта по археологии Предтечей.

Роане нравилось то, что она видела на изображениях Ревении. Местность, которую они должны были прочесать в поисках сокровища, к счастью, была малонаселенной, гористой и лесистой. Эта часть крошечного государства считалась охотничьими угодьями королевской семьи. В единственном поселении жили королевские егеря и слуги. Кроме них здесь жили только овцеводы, перебирающиеся вместе со своими отарами от пастбища к пастбищу, в зависимости от времени года. Так что если пришельцам из космоса повезет и они будут осторожны, как задумано, то есть шанс, что им не придется контактировать с местными жителями.

Трехмерные записи, которые просматривала Роана, выглядели очень реалистично. Роана видела настоящие замки с башнями, верхушки которых уходили далеко в небо; красочные городки с извилистыми улочками (совсем непохожими на упорядоченные жилые кварталы ее народа) и... Нет, нет, она должна помнить, что все это — очень примитивно. Нескончаемые поля сражений. Роана даже поёжилась, вспомнив несколько записей, после просмотра которых наизнанку выворачивались мысли и желудок.

Люди Ревении, насколько это можно было определить, до сих пор находились под влиянием какой-то психологической обработки. Либо первоначальные изменения настолько сильно подействовали на их предков, что заново воплотились и в потомках. Несмотря на внешнее сходство жителей Клио с Роаной, их психика, их чувства были совсем чуждыми для неё. Но, конечно же, это проявилось бы только при личной встрече.

Вибрация капсулы-пули, в которой она находилась, уменьшилась. Путешествие подошло к концу, и Роана открыла глаза. Вздохнув с облегчением, что тяжелое испытание уже позади, девушка сошла на землю и осмотрелась вокруг.

— Ты опоздала...

Она резко повернулась, машинально поправляя мундир. Не то чтобы для Сандара имело значение, что она выглядит помятой, как старая кожа. Но ей хотелось бы, чтобы он хоть раз увидел в ней девушку, а не обузу.

— Небольшая задержка в метро-проколе, — быстро парировала она и тотчас же почувствовала раздражение. Почему для Сандара и его отца с ней всегда что-то не так? Если происходила задержка или какие-нибудь неприятности, то всегда — из-за нее и никогда — из-за них.

Глядя на своего кузена, она старалась не думать об извинениях. Он не изменился и никогда не откажется от своей обычной позы превосходства. Впрочем, почему он должен измениться за какие-то два месяца? У него не было никакого повода спускаться со своих вершин; а несколько неправильные черты его лица сменились на почти-очень-красивые, при этом излучая некое очарование, которое он охотно распространял на кого угодно, кроме нее. Сандар мог надеть грязный комбинезон метрокапсульного работника и все равно выглядеть в нем как герой 3D-фильма. А в мундире Службы он был Сандаром Великим. Роана слышала, как однажды так его окрестила девушка, с которой он встретился, возвращаясь на Варч. Даже сам факт, что она была его кузиной, иногда делал Роану на какое-то время весьма популярной, но только до тех пор, пока другие девушки не осознавали, какое крохотное влияние она оказывала на своего двоюродного брата.

— Пошли! — он уже уверенно шел вперед, и ей пришлось быстро семенить за ним, чтобы его догнать. — У нас всего полчаса, чтобы добраться до взлетной полосы перед стартом.

Он продолжал идти уверенным широким шагом, и ей приходилось чуть ли не бежать вприпрыжку, чтобы не отстать. Ею овладело чувство обиды и возмущения. Находясь далеко от кузена, Роана всегда надеялась, что они смогли бы стать друзьями. Однако когда они были вместе, она понимала, как глупо на это надеяться.

— Мои вещи... — закричала она.

— Здесь. Я оставил их на складе.

— Но нам же надо забрать их. Как мы?..

Он подошел к внешнему люку. Затем протянул руку, и его сильные пальцы подхватили ее под локоть. Роане стало почти больно.

— Я же сказал, у нас нет времени. Раз ты опоздала, тебе придется за это отвечать. И ты вполне сможешь обойтись без своих вещей. На борту корабля всякой всячины навалом.

— Но... — Роане хотелось упрочить свое положение, не обращать внимания на его произвол и властность. Но только она знала, что он вполне способен потащить ее силой. Она видела несгибаемую линию его рта; Сандар был чем-то раздражен и обозлен, и она вполне могла стать объектом его злобы, стоило ей дать ему к этому повод. Ее плечи безвольно обвисли. И снова она попала в прежнюю ситуацию. За эти два месяца, проведенных в Крам-бриф, она так ничему не научилась. А ведь как она была уверена в себе! Оказывается, ее самоуверенность была самообманом. Теперь она осознавала, насколько ошибалась в себе. Теперь ей придется оставить свои вещи запертыми где-то в одном из этих проклятых зданий.

Она знала, что не лишилась предметов первой необходимости. Дядя Оффлас путешествовал на самом высоком уровне удобств, которые мог обеспечить ему проект. Но в ее багаже находились личные вещи, а кое-какие из них давным-давно уже стали частицей ее самой. Все проклятый Сандар. Плохое начало для полета.

Когда он подозвал грузовой флиттер, она стояла тихо, по-прежнему ощущая его железную руку. Как пленница. Пленница, да; но не смирившаяся. Все-таки она собиралась утереть нос Сандару — как-нибудь, когда-нибудь. Роана разглядывала свои руки, когда флиттер, взяв их к себе на борт, спиралью взвился в воздух. Ее руки были маленькие и коричневые; а кожа — темнее, чем у Сандара. Она знала, что и Сандара, и ее дядю возмущает то, что она полукровка. Порой Сандар вел себя так, словно знать ее не хотел.

Космопорт был занят четырьмя кораблями. На борт одного из них — звездного лайнера — уже поднимались пассажиры. Они быстро миновали его высоченные стойки, чтобы проследовать на другой корабль, намного меньший по размеру. На нем красовались опознавательные знаки Корпуса изыскателей. Роане удалось высвободить руку из пальцев Сандара, быстро спуститься по пандусу и подойти к кораблю, как она делала множество раз до этого.

Она опустила свой идентификатор в контрольный учетчик космопорта и тотчас же увидела приветливую зеленую вспышку. Немного далее впереди стоял один из членов экипажа.

— Джентльфем Хьюм, — он сверился с судовой ведомостью. — Третий уровень, каюта номер шесть, десять минут до старта.

Она стремительно поднялась по трапу, мечтая поскорее оказаться в уединении своей собственной каюты, чтобы больше не чувствовать вмешательства Сандара. И как только очутилась в ней, то бросилась на койку, несмотря на то что сигнал, возвещающий отлет, еще не прозвучал. И зашелкнула ремень безопасности.

Каюта являла собой обычное помещение, предназначенное для младшего офицера. В каждой из ее стенок размещались специальные шкафчики-отсеки, а дверь заменял узкий проход, закрываемый металлической шторкой, как подобает для новобранцев. Койка оказалась достаточно удобной, как и остальная обстановка, которую пассажир мог отрегулировать по своему усмотрению.

И снова Роана подумала, как было бы здорово иметь настоящий, неподвижный дом, твердо стоящий на земле, где бы она хранила всякие удивительные вещицы, которые вызывали бы у нее изумление или радость, как и воспоминания о счастливых мгновениях, вселяющих в нее бодрость и веселье. Если у дяди Оффласа и были когда-нибудь такие желания, то, по-видимому, очень-очень давно. А Сандара, похоже, такие вещи совершенно не волновали.

Она надеялась, что его слова о том, что на борту корабля она найдет все, что нужно, окажутся правдой. Разумеется, она мельком заметила мундир Службы — комбинезон без единого шва, изготовленный из материала, подходящего для любого климата и долгого использования в самых невероятных условиях. Она уже знала, что не обнаружит здесь никаких предметов роскоши для нормальной женской жизни, не говоря уже о духах или кремах для лица и рук, которыми пользовались женщины, постоянно живущие на земле.

Над головой раздался звон: сигнал к последнему отсчету перед стартом. Роана поуютнее устроилась в защитном коконе на своей койке. Опять они улетают... она даже не была уверена, что сумеет подсчитать, в который раз проходит подобную процедуру. И вообще, наступит ли когда-нибудь конец ее странствиям?

Этот полет ничем не отличался от какого-нибудь другого. Когда они перешли в гиперпространство, дядя Оффлас послал

за ней, чтобы устроить ей небольшой экзамен относительно того, чему она научилась. Когда экзамен кончился, он ни единым знаком или словом не дал ей понять, что она сделала успехи, а лишь сказал, что ей следует сосредоточиться только на работе. Затем дал ей читающее устройство и целую грудку записей к нему, приказав как можно лучше использовать свободное время. Она не осмелилась возразить, понимая, что рано или поздно он может потребовать у нее отчета о проделанной работе.

Полет, как обычно, был утомительным и скучным. Вот на лайнере, где всегда есть множество мероприятий для развлечения пассажиров, наверняка было бы лететь веселее. Но, конечно же, дядя Оффлас решил, что подобные перерывы между занятиями должно использовать лишь для зубрежки.

Наконец они вышли к намеченному пункту; их корабль достиг орбиты Клио. Они упаковались сами и свое снаряжение пернесли на СБ, стандартный спасательный бот, который, однако, был модернизирован для прямой посадки на планеты. Уже наступили сумерки, когда тщательно спланированное приземление привело их на поверхность.

Все трое выгружали снаряжение и продовольствие очень быстро, поскольку посадочный модуль располагал строго ограниченным временем, чтобы возвратиться на корабль-носитель. Времени всегда было в обрез, даже тогда, когда сутки намного длиннее. Хотя ни один из тех, кто наблюдал за небом Клио, не смог бы опознать звездолет, все равно могли возникнуть лишние слухи о странных явлениях в небесах.

Когда Роана вытаскивала из шлюпки на землю контейнеры и ящики, она отметила, что воздух Клио необычайно свеж. После затхлой удушливой искусственной атмосферы корабля воздух планеты показался ей почти ароматным. И она с наслаждением наполнила им легкие.

У них совершенно не было времени осматриваться вокруг, пока они выгружались. Когда СБ приготовился к взлету, дядя Оффлас захлопнул люк и отскочил назад. Даже за короткое время их разгрузки сумерки успели смениться кромешной тьмой. Роана села на ящик и вытащила из внутреннего кармана комбинезона очки ночного видения. И только тогда осмотрелась.

Они находились на поляне, со всех сторон окруженной высокими деревьями. Затем она увидела кусты, местами примятые и сожженные после приземления и отлета шлюпки. Потом пере-

вела взгляд на контейнеры и ящики, стоящие на кочках, поросших мхом.

Тем временем дядя Оффлас изучал небольшую карту, глядя то вправо, то влево, словно выискивая на местности охотничьи ориентиры. Сандар с трудом открыл один из пухлых контейнеров, вытащил из него ящичек и положил его на колени. Затем низко к нему наклонился и стал изучать какие-то циферблаты, расположенные у него на крышке. Настроив пару из них, он взялся за другой — точно такой же — ящик, чтобы сделать то же самое.

— Все в порядке, — произнес дядя Оффлас. — Поставь его примерно в двенадцати... нет, пожалуй, в двадцати шагах вон в том направлении, — он ткнул пальцем влево. — А я сделаю то же самое с этим, — и с этими словами он поднял второй ящик.

Теперь, когда искажатели заработали, они смогут разбить лагерь. Приборы предназначены для защиты от любого вторжения, будь то человек или местное животное. У каждого члена их маленькой команды к ремню был прикреплен крохотный передатчик, полностью снимающий негативные эффекты искажателя.

В полночь они начали устраиваться на новом месте. Под чутким руководством дяди Оффласа при помощи лазера прорезали в земле довольно глубокую яму высотой с Сандара. Над ней возвышался купол высотой в вытянутую руку, защищающий от непогоды, который, в свою очередь, скрывала буйно разросшаяся растительность. Они занесли оборудование и провиант в свое убежище, заранее отгородив для них отсек, вмещающий три маленьких ящика и один большой. Затем они включили внутреннее освещение в лагере и несколько раз обошли лагерь по кругу, чтобы убедиться, что ни один лучик света изнутри не сможет их выдать местоположение.

Порой им приходилось работать по ночам, а отсыпаться днем. Так случилось и на этот раз. Роана настолько устала, что часто зевала и мечтала лишь об одном: поскорее свернуться у себя на койке. Среди деревьев ей мерещились какие-то тени, и поскольку вокруг было очень темно, она двигалась наугад, словно раздвигая темноту руками. Так Роана начала свое первое изучение этой местности. Сандар изучал рошу с противоположной стороны, пока его отец собирал передатчик и устанавливал различные приборы, которые могли им понадобиться для определения дальнейшего пути. Очевидно, Оффлас совершенно не сомневал-

ся, что они отыщут искомое. Никогда еще прежде он не был настолько самоуверен. Словно эта его решительность могла ускорить их поиски.

Такая сильная вера в успех передавалась Роане как заразная болезнь. Она почти не сомневалась, что сможет представить Оффласу рапорт об удачном завершении своей первой поисковой вылазки. Но этого не смогли сделать ни она, ни Сандар. В третью ночь они удалились от лагеря гораздо дальше, чем в первый раз, и вернулись в лагерь, ориентируясь на сигналы искажателей. Поскольку заблудиться было практически невозможно, у Роаны путешествие по лесу почти не вызывало беспокойства. Прежде ей никогда не доводилось быть совершенно одной. На борту звездолета, находясь в отдельной каюте, она иногда испытывала тревожные чувства, но, зная, что совсем рядом, за перегородками, находятся люди и им так же, как и ей, неудобно в этом безвоздушном пространстве, успокаивалась. Так случалось много-много раз. Но здесь, в этом диком заброшенном лесу, отчетливо видимом с помощью ее специальных очков, она внезапно ощутила странное чувство какой-то необузданной свободы.

В середине четвертой ночи она взобралась на горный кряж, перекинула детектор через плечо, чтобы взбираться дальше, подтягиваясь обеими руками. С самого рассвета шел дождь, отчего трава и кусты были влажными и скользкими. Но водонепроницаемый комбинезон сохранял ее тело сухим, и она наслаждалась прозрачными каплями, падающими ей на лицо и руки, даже несмотря на то что волосы прилипали к голове.

Наконец Роана добралась до дороги. Она продвигалась вперед по размокшей глине, часто спотыкаясь и поскользываясь, с трудом прокладывая себе путь через кустарник и травы, росшие на высоких холмиках, некоторые из которых торчали выше ее головы. Над нею аркою сцеплялись кружевные лианы из диковинных цветов, создавая почти непроницаемую зеленую крышу. Либо их посадили так намеренно, чтобы скрыть тоннель от чужого глаза, либо перед Роаной просто-напросто была девственная и никем не управляемая флора во всей своей красе. Однако дорога была изрыта колесей, и виднелись следы копыт, напоминающих конские. Поэтому Роана догадалась, что дорогой часто пользовались. И тогда она решила подняться еще выше, что и сделала, замечая за собою следы при помощи сломанной ветки.

Горный кряж лежал под прямым углом к дороге, и довольно высоко над нею. До пересечения дороги с горою Роана добиралась ползком. Ее тело все время извивалось, ибо девушка старалась, чтобы ее не заметили на фоне неба. А это вполне могло случиться из-за полной и ясной луны.

Впрочем, луна оказала ей и услугу. Из-за ее яркого света Роана отчетливо видела всю местность, расстилающуюся внизу. Ее очки ночного видения можно было отрегулировать так, чтобы изучить местность очень тщательно, причем на значительном расстоянии. И Роана сумела разглядеть группу домов, явно составляющих поселок.

Прямо под нею находилось довольно значительное поселение. Роана увидела две квадратные башни высотой примерно с пятиэтажный дом, соединенные между собой каким-то сооружением шириною не больше комнаты, зато высотой в три этажа. По краям обеих башен, как и по крыше здания, шел парапет. Парапет бежал и по внешней высокой стене, окаймляющей здание. Два или три очень узких окошка излучали слабый свет. Роана ломала голову, кто мог засидеться допоздна в столь неурочный час. Ближайшая к ней башня имела ворота, ведущие в сад, спускающийся к самому подножию горного кряжа.

Сад, словно изрезанный тропинками из лунного света, выглядел таинственно. То там, то здесь Роана замечала роскошные цветочные клумбы, ухоженные чьей-то заботливой рукой. Но что больше всего поразило Роану, это шесть человек, работающих в саду. Они трудились парами. Девушка увидела, что они устанавливают в земле какие-то столбы, служащие основанием для огромных гротескных фигур. Каждая из этих жутких фигур держала в одной из передних лап овальный щит с причудливым изображением, в то время как другая передняя лапа или коготь сжимал древко с небольшим флажком.

Установка этих фигур в ряд напротив нижнего этажа башни отнюдь не казалась работой из легких. Сверхъестественные фигуры на столбах изображали то ли животных, то ли птиц или в любом случае похожих на людей существ, увенчанных коронами и завернутых в нечто вроде савана. Но зрелище казалось Роане настолько удивительным, что она задумалась о том, а нет ли во всем этом какого-нибудь аллегорического значения.

Загадочно было также, зачем их понадобилось устанавливать среди ночи? Роана наблюдала за действиями людей до тех пор,

пока не установили последнюю фигуру. Потом люди двинулись по направлению к зданию по единственной дороге, устланной булыжником и идущей к главным воротам в стене. За этой стеной, очень похожей на крепостную, шли два ряда домов, возведенных из такого же камня, как и башня, только намного меньше размером. Из крупных камней были сделаны только два верхних этажа. Крыши домов были из каменных плит, положенных под небольшим наклоном, а на их краях были вытесаны головы животных.

Это была крепость и деревня при ней, но в миниатюре. И хотя это зрелище отличалось от того, что Роане доводилось видеть на трехмерных изображениях, она все-таки узнала, что это Хизерхау — главный королевский охотничий замок королевства Ревения.

Неужели установка этих фигур означала скорое прибытие короля? И если это так, как могут отразиться эти действия в лесу на ее группе? Безусловно, их всегда защитят искажатели. Но если повсюду будут шастать охотники, то им придется скрываться до окончания королевской охоты. А дядя Оффлас ни за какие коврижки не собирался терять время впустую.

Глава 2

— Что говорилось на совещании? — дядя Оффлас мерил шагами пол, то и дело кусая кончик большого пальца. Это говорило о том, что он погружен в глубокие размышления. Сейчас он буквально забрасывал Роану вопросами. — Кто может прибыть? Король?

— Судя по текущему году этой планеты, король Никлас очень стар... Так может ли он вообще охотиться?

— Я спрашиваю тебя. Ты видела 3D-изображения, доставленные роботом-разведчиком.

— В этих изображениях не было ничего конкретного. Если это не король... — Роана замолчала, просчитывая в уме все возможные варианты. — Все его дети мертвы. Но у него осталась внучка — принцесса Лудорика...

Сандар рассмеялся.

— Ну и самомнение! И откуда они только берут такие имена?

— Успокойся! Это принцесса... кто же еще? — раздраженно произнес дядя Оффлас.

— Да какая разница! — Его сын очень не любил, когда его одергивали.

— Разница очень большая, болван! Количество людей, сопровождающих охотника, зависит от его ранга!

Лицо Сандара побагровело. Дядя Оффлас был действительно раздражен, иначе он никогда бы не позволил себе так резко разговаривать с сыном. Роана поспешно досказала, что ей было известно.

— Есть еще герцог Реддик, дальний родственник короля, но он намного его моложе. Вот и все сведения, доставленные роботом.

— Итак, судя по всем этим приготовлениям, что ты видела... — дядя Оффлас провел по нижней губе ногтем, который до этого покусывал, —...прибудет кто-то, имеющий отношение к королевской семье. Если это принцесса, то считайте, что мы почти в полной безопасности, ибо вряд ли она обожает охотиться. И хоть сколько-то разбирается в этом. Но мне не нравится вся эта активность, к тому же так близко от нас. Может пройти куча времени, пока мы узнаем, кого ожидают в крепости. Время! — Он сжал правую руку в кулак и с силой шарахнул им по ладони левой руки. — Нам необходимо наилучшим образом использовать время! Чем дольше мы сможем оставаться на планете, тем больше у нас возможностей на исследования.

Сандар поднял голову, пригнувшись к усиливающемуся ветру.

— Сегодня все равно ничего не выйдет, поскольку надвигается буря. Плохо, что нельзя выйти и отправиться в...

Его отец повернулся в том же направлении. Серая предрасветная дымка казалась туманнее, чем обычно. Они увидели огромные массы облаков.

— Прежде чем разразится буря, пройдет несколько часов, — обратился он к девушке. — Роана, ты должна понаблюдать за всем, пока не грянула буря. Сообщай обо всем, что покажется тебе важным. — Он указал на передатчик на ее запястье. — И заходи туда с севера; эти егеря — великолепные следопыты. Сандар, ты установишь дополнительные искажатели. Мне так не хотелось использовать их раньше времени, но сейчас это необходимо. А я установлю дополнительный излучатель.

Роана бесшумно вздохнула. Ей не доставляло никакой радости снова пускаться в длинный путь, взбираться на горный кряж.

Однако несмотря на усталость и вероятность бури, мысль о том, что она будет наблюдать за этим «карманным» замком, возбуждала ее. К тому же ее очень удивило, что дядя Оффлас избрал именно ее на эту миссию. Если, конечно, не принимать во внимание, что Сандар лучше нее разбирается в установке защитных искажателей...

Она проскользнула в лагерь и съела немного подкрепляющего, безвкусного А-рациона, имевшегося в ее комбинезоне. Тащиться в такую даль голодной не имело никакого смысла, а ее желудок всегда ощущал в себе пустоту.

Кружным путем с севера она добралась до новой территории. Роана не стала терять времени на изучение местности, однако сделала все возможное, чтобы не оставить следов; пробираясь сквозь лес, старалась не сломать какую-нибудь ветку, не оставить следа испачканного глиной сапога на лесном мху. Естественно, это задерживало ее в пути, поэтому, когда она вновь добралась до горного кряжа, серое небо стало значительно светлее. Во время этого похода она совершила еще одно открытие: вторая башня, расположенная в лесу, утопала в зелени настолько, что ее почти не было видно. С той стороны, откуда пришла Роана, не имелось двери, закрывающей вход, и вообще само это место свидетельствовало о полной заброшенности. Вероятно, это были просто руины. Девушке страшно захотелось их исследовать, и она обещала себе, что обязательно сделает это при любой удобной возможности.

Теперь она наблюдала сразу и за деревней, и за замком. На этот раз все окна были ярко освещены. Ей удалось увидеть внутри множество людей. Деревянные фигуры уже покрасили яркой краской, а флажки весело трепыхались на ветру.

Роана так внимательно сосредоточилась на зрелище, что страшно испугалась, услышав чей-то очень громкий голос, и тут же увидела на парапете человека. Он поднес к губам горн и протрубил. В ответ внизу со стороны деревни появилась кавалькада. Всадники следовали за человеком, который одной рукою показывал своим августейшим особам путь, а в другой сжимал горн, издающий отрывистые трубные звуки. За ним ехал верхом еще один мужчина, одетый в точно такое же странное одеяние, напоминающее мантию, украшенную на груди причудливым узором.

Рядом с кавалькадой ехал небольшой военный отряд, состоящий из шести человек. На головах — металлические шлемы, а

в руках — поднятые в официальном приветствии мечи. Позади них ехали еще два всадника, а за ними — длинная цепочка вооруженных людей. Одним из всадников была женщина, подол ее длинной юбки развевался по обеим сторонам седла, словно она была разрезана надвое. Роана заметила, что юбка у женщины — насыщенного зеленого цвета, а плотная куртка имела такой же оттенок, только ее грудь украшала спираль из сплетенных серебряных тесемок.

Роана забралась на такую высоту, что не могла как следует рассмотреть лицо этой женщины, к тому же поднятый воротник мантии закрывал почти всю ее шею, а сзади аккуратными складками спускался по плечам. На голове женщины красовалась широкополая шляпа, украшенная своеобразной кокардой из длинных желтых перьев.

Ее спутник, тоже одетый в зеленое — от сапог до узкого высокого головного убора с прорезьями на тулье, медленно ехал верхом рядом с женщиной. Роане удалось немного разглядеть его надменное лицо, хотя по осанке и одежде она уже догадывалась, что этот человек принадлежит к самым высоким кругам общества.

Жители поселка стояли на обочине дороги, приветствуя кавалькаду. Мужчины махали головными уборами; женщины приседали в реверансах. Женщина, ехавшая верхом, вскинула руку в ответном приветствии. Великолепные животные, на которых они ехали, были золотистыми двурогами с Астры, и при виде них Роана поняла, что в эти мгновения перед ней действительно предстала часть жизни поселенцев, основанная по чьей-то прихоти на планете где-то в центре галактики, в то время когда жизненные и природные ресурсы большинства других планет иссякали. Двуроги с Астры были ниже и меньше всех тех, которых Роана видела прежде. Но она не ошиблась в их породе, ибо только у них рога были настолько выгнутой формы, а при ходьбе они чуть-чуть приплясывали, мерно качая головами.

Роана наблюдала, как группа всадников въехала во внутренний двор замка, где женщина и ее одетый в зеленое спутник спешили перед главным входом. С низким поклоном он предложил ей руку, а она церемонно едва коснулась ее пальчиками. Это зрелище очень напоминало Роане кино, и она, словно зачарованная, наблюдала за происходящим внизу. Яркие блестящие цвета и люди казались не настоящими, а скорее выдуманскими, и она никак не могла в них поверить. Одно дело — просматривать

одну из пленок, заснятых роботом-разведчиком, и совсем другое — видеть все это наяву. И Роана осторожно покинула свой наблюдательный пост, ни на секунду не сомневаясь, что только что прибывшая в замок женщина — это принцесса Лудорика.

Роана не могла догадаться, что за мужчина сопровождал принцессу, ведь кроме герцога Реддика внизу мог оказаться кто угодно из ревенийской знати. Она стала осторожно отползать назад, с сожалением вспоминая, какой огромной крюк ей придется проделать на обратном пути. Но время пронеслось с огромной скоростью, и теперь прямо над Роаной угрожающе нависли грозные облака.

Внезапно кромешная тьма окутала землю, и если бы не очки ночного видения, то она, безусловно, заблудилась бы. Ветер яростно раскачивал кроны деревьев, и девушка изрядно перепугалась. Роана побывала на многих планетах; ей доводилось попадать под ураганные ветры, проливные дожди, в песочные бури, под вздыбленный ветром гравий, до крови повредивший ее кожу. Зато тогда она находилась в укрытиях, способных выдержать силу любого ураганного ветра.

Сейчас же буря настигла ее на открытой местности, от чего нервы девушки были на пределе. Ей было необходимо найти укрытие. А для этого годились только руины заброшенной башни. И, собравшись с духом, Роана направилась прямо к ней.

Порыв ветра принес с собою проливной дождь, капли которого барабанили повсюду, как молотки. Роана съежилась от страха. Вдруг темноту прорезала кривая сверкающая молния, а за ней последовали мощные раскаты грома. Дерево, за которым укрылась девушка, с виду могучее и толстое, с жалобным скрипом раскачивалось от ветра.

Ей нельзя больше оставаться здесь, подумала Роана. Значит, надо рискнуть и попытаться добраться до руин. Еще одна молния прорезала тьму, причем совсем близко. Роана вскрикнула, но ее крик поглотило завывание ветра, и она, не разбирая дороги, бросилась бежать через кусты сломя голову. И тут она увидела перед собой аркообразные ворота башни, очень похожие на гигантский рот.

Как только Роана достигла своей цели, она остановилась, тяжело дыша. Все ее тело напряглось, как струна. Благодаря водонепроницаемому комбинезону тело девушки осталось сухим. Но волосы прилипли к голове, дождь нещадно хлестал ее по лицу, а

его тяжелые капли попадали в полуоткрытый рот. Какое-то время она чувствовала себя так, словно ветер выдул из нее все внутренности.

Когда она отдышалась и пришла в себя достаточно, чтобы двигаться, то осмелилась воспользоваться излучателем. Поставив его на самую низкую мощность, Роана начала изучать все вокруг.

К своему удивлению, она увидела мебель. Но, подойдя ближе, отметила, что эту так называемую мебель невозможно сдвинуть. Разве что при помощи гигантских усилий.

Роана увидела стол, вытесанный из монолитной толстой темно-красной каменной плиты, расчерченной тончайшими золотыми полосками. А когда смахнула с него вековую пыль, то пылинки засверкали даже при очень слабом освещении. В столешнице она заметила какие-то вкрапления и, приглядевшись внимательнее, обнаружила, что плита разделена на огромное количество чередующихся квадратов, то красных, то белых. Это напоминало игральную доску.

Через стол, возвышающийся на круглых каменных ножках, друг напротив друга стояли два кресла. Роана с удивлением отметила, что в отличие от стола у них нет ножек. Их сиденья являлись собой квадратные ящики с толстыми спинками и широкими подлокотниками. И сиденья, и подлокотники были вырезаны из дерева, а вмятины и неровности заполняла пыль, поэтому до того, как девушка вытерла ее, они были едва различимы.

Напротив единственной стены возвышался массивный каменный крест. За ним Роана заметила лестницу без перил, высеченную из того же камня, что и стол, только он был не такой красный и ровный, а блеклый и шероховатый.

Еще здесь стояли две высокие металлические стойки, достигающие Роане до плеч, изъеденные ржавчиной. Каждая из них заканчивалась светильником в виде чаши со специальным держателем для фитиля.

Гора увядших листьев и грязи виднелась из этого входа без двери. Роана подошла к лестнице и стала подниматься, освещая излучателем каждую ступеньку, исчезающую наверху в кромешной тьме.

Наконец, очутившись на втором этаже, девушка обнаружила, что башня, снаружи выглядывавшая трехэтажной, здесь заканчивается. Если здесь когда-то и был проход на третий этаж, то либо его сделали из дерева и он обрушился от времени и непогоды,

либо зачем-то разобрали. Она посветила излучателем вверх, но не увидела ничего, кроме камней.

Второй этаж имел обстановку, состоявшую из еще двух светильников на стойках и сундука, а также ступени, ведущей к помосту, на котором возвышалась широкая кровать, изготовленная из того же дерева, что и кресла внизу. Она имела форму прямоугольного ящика, полного зловонного содержимого, в которое превратилась прогнившая перина. Остатки мягкой части кровати превратились в прах.

В помещении имелись узкие, как щели, окна без ставень, защищавших бы комнату от ветра и дождя, и капли, попав на пол и смешавшись с пылью, образовали липкое месиво. Еще одна молния осветила комнату. И тотчас же оглушительный удар грома заставил Роану выронить излучатель и в ужасе прижаться к сундуку. Закрыв глаза, она крепко прижала ладони к ушам.

Удар был такой силы, что Роане показалось, что гром заполнил башню целиком. Даже когда гром прекратился, она еще долго ощущала животный ужас перед стихией и не осмеливалась сдвинуться с места. Еще ни разу она не встречалась с подобным неистовством природы и теперь чувствовала себя ее пленницей. Девушка оцепенела от страха и долго оставалась без движения.

Сколько длилась ее паника — час, два или больше — Роана не знала. Но по прошествии некоторого времени она наконец пришла в себя. Ее мысли лихорадочно заработали. Дядя Оффлас, Сандар... они сейчас в лесу. Мог ли их лагерь устоять против бури? А что если молния ударила как раз в стоящее рядом с лагерьем дерево и оно рухнуло прямо на них?

Она нащупала на запястье передатчик и попыталась набрать кодовый сигнал. Но девушка тщетно вслушивалась в шум дождя в надежде услышать хоть какой-нибудь ответ. Наверняка из-за бури они не могут принять ее сообщение. Если у них еще остался приемник...

Хотя ветер, завывая, носился вокруг башни, она услышала треск, словно обломилась ветка или упало подкошенное молнией дерево. Роана быстро смахнула пыль с крышки сундука, тщательно проверила, выдержит ли она ее вес, уселась, достала тюбик с А-рационом и, выдавив немного его содержимого, чуть-чуть утолила голод.

Еда заметно прибавила Роане сил, и девушка вновь направила луч на стены помещения. Она тщательно изучила его. Не-

смотря на широкую кровать, она сомневалась, что когда-то эта башня служила для кого-то постоянным домом. Вероятно, ее возвели для охотников, случайно угодивших в бурю.

В свежем влажном воздухе зловоние, исходящее от кровати, становилось все сильнее и сильнее, что заставило девушку держаться подальше от этой части комнаты. Но в конце концов она решилась приблизиться к злополучной кровати. Та напоминала ящик без крышки; углубление, накрытое изъеденной насекомыми и почти сгнившей тканью. В четырех ее углах возвышались деревянные столбики с вырезанными на них изображениями деревьев и обвивающих их виноградных лоз. Теперь это бывшее великолепие было едва видно из-за толстой паутины и засохших насекомых. Вот такая отвратительная «драпировка» предстала перед глазами Роаны.

Тем не менее между высоким изголовьем (также резным и имеющим несколько красивых углублений, в которые были вставлены миниатюрные двойники уже виденных Роаной светильников) и стеною башни девушка заметила небольшое пространство. Посветив туда лучом, она увидела нечто странное: множество углублений, выдолбленных в камне, словно это была лестница, по которой можно было подняться на стропила, виднеющиеся наверху. Включив излучатель на полную мощность, она провела лучом как можно выше и обнаружила, что углубления вели к одной из поперечных балок. Роана предположила, что случайно натолкнулась на какой-то тайный ход, скрываемый за этой стеной, когда-то закрытый чем-то вроде гобеленов или драпировок.

Роану мучило искушение подняться наверх. Однако благоразумие подсказывало ей, что лучше будет снова пойти своей дорогой и, как только буря немного утихнет, покинуть башню. Но еще она понимала, что должна отправиться обратно только тогда, когда прекратятся молнии, приводящие ее в бессознательный страх.

Только она опоздала. Как только она подбежала к двери, то увидела непроглядный дождь. Роана в нерешительности остановилась, думая, уйти ей или нет, как вдруг увидела яркую вспышку света и услышала звук, напоминающий громкое ржание двурога. Неужели сюда направляются охотники, как и она, застигнутые бурей? Она отскочила назад, с отчаянием глядя на пол, где остались следы ее бесцельного блуждания по комнате.

Она рывком распечатала комбинезон и вытащила шарф-маску. Одев его на манер шейного платка, она отступила к лестнице, думая только об одном: об убежище... позади изголовья кровати.

Несмотря на то что Роана сразу выключила излучатель, наверху было достаточно светло, чтобы она смогла пробираться на ощупь. Помещение освещалась приглушенным серым свечением. И все равно она добиралась до верхнего этажа очень медленно. Во всяком случае, не быстрее, чем слышала в спальне голоса и тяжелые шаги, раздающиеся внизу. Роана с сожалением поняла, что больше у нее не осталось шансов выбраться из башни. Зря она повела себя так беспечно. Роана съежилась между изголовьем кровати и холодной стеной, изо всех сил зажимая пальцами ноздри от жуткого зловония копошащихся в кровати насекомых и прочей мерзости.

Теперь она не видела ничего: дерево перед ее глазами не имело ни одной трещины. Зато она все слышала. Разумеется, новоприбывшие разговаривали, конечно, не на основном галактическом. Однако перед отправлением на Клио она вы зубрила целый учебник языка королевства Ревения. И постепенно она стала разбирать слова. Они поднимались по лестнице, а вот сколько их было — Роана сказать не могла, хотя с преогромным трудом старалась различать слова и количество шагов. То тут, то там раздавалось бряцанье металла, будто что-то с силой царапало стену; и все это сопровождалось восклицаниями, которые Роана сумела перевести не иначе как самые отборные ругательства и проклятья.

Они вышли из спальни, и теперь она отчетливо слышала их разговор:

— ...приехал на чем? У тебя, что, ушей нету?

— ...да нет, я не об этом... это не совсем так... — второй голос говорил неуверенно, чуть ли не бормотал.

— Тогда плевать я на него хотел! Говорю же тебе, это самое подходящее место, чтобы держать ее здесь, и это так же безопасно, как идти на Кевелдсо. Бросим ее в эту кровать да посадим на цепь и спокойно переждем дождь. Думаешь, что сможет превратиться в змею, чтобы выползти отсюда через окно? Она прекрасно посидит с нами, успокоится, и ей не втемяшится в башку спуститься и убежать. Она никогда не сорвется с цепи. Цепь сделана из отличной стали, из которой отливают мечи, а ошейник одного из любимых псов Его Светлости будет крепко держать ее на ме-

сте. А теперь иди за ней. Ступай, ступай, дружище. — Снова слышался звон металла. — Мы обовьем цепочку прямо вокруг ее глотки, вот так! Тогда она не сможет сбежать без этого ключа, а он будет висеть как раз у меня на поясе. А теперь пошли отсюда, из этой чертовой конуры!

— Ему не понравится...

— Значит, ему понравилось бы больше, если бы те трое, что напали на нас, превратили бы нас в желе, так? Ты видел, что случилось с Ларкиным? Ты, часом, не заболел? Возможно, он и имеет кое-какие планы на эту птичку, но только не убийство... во всяком случае — пока. Он сказал, что видел, что она продолжает дышать, и сказал это вполне отчетливо, ты сам слышал.

— Да... — Роане показалось, что невидимый гость согласился со своим собеседником весьма неохотно. И снова услышала бряцанье металла, затем — смех, и первый говорящий продолжал:

— Никто не помешает этому! Она и без того в оковах, слово ее наполовину замуровали. Ступай, и пусть она ляжет здесь! Лучше вообще ничего не делать, чтобы не вспугнуть ее. У нее и так достаточно хватает проблем. Перед тем как Ларкин подарил ей чуточку любви, она дралась как стая диких кошек!

Грохот шагов, затем их звук на лестнице. Роана с облегчением вздохнула. Тошнотворный запах от кровати стал еще сильнее, когда в нее поместили пленника и тем самым потревожили ее омерзительное содержимое. Сколько же ей еще прятаться в этом проклятом месте? И сможет ли она вообще оставаться здесь? От зловония кружилась голова, а к горлу подступала тошнота. Зря она ела А-рацион, несмотря на голод.

Из комнаты не доносилось ни звука, только шепот ветра проникал сквозь узкое окно. Утихающая буря теперь действовала убаюкивающе. Роана на какое-то время успокоилась, но вскоре снова почувствовала, что дело дрянь. Из слов мужчин она поняла, что тот, кого они оставили здесь, находился без сознания. И еще ей надо вдохнуть как можно больше свежего воздуха, или ее вырвет. Она могла бы пройти вдоль стены и достичь открытого пространства за кроватью через одно из окон. И не важно, что за окном вновь полило как из ведра; ей просто необходимо ощутить дыхание свежего ветра на лице.

Роана двигалась с должной осторожностью. Пройдя несколько дюймов, она всякий раз останавливалась, чтобы прислушаться. И когда она наконец выбралась наружу у изголовья кровати,

по ее спине пробежали мурашки от страха. Она посмотрела наверх лестницы. Снизу поднимался еле заметный свет. Они должны были взять с собой лампу. Однако комната была наполнена густыми расплывчатыми тенями.

Роана сделала еще один шаг, услышала лязг металла и напряглась. Затем медленно повернула голову к кровати. Из зловонного месива поднималась темная фигура. Вокруг распространялась страшная вонь, вызывающая кашель, который вскоре стал приглушенным, словно тот, кто кашлял, с трудом пытался справиться с охватившими его жуткими спазмами.

Внезапно еще одна молния прочертила аспидно-черное небо, и спальня на мгновение осветилась. В кровати находилась девушка; обеими руками она закрывала рот и нос, ее хрупкие плечи сотрясались от спазма. И поверх этих рук Роана увидела широко открытые глаза, которые смотрели прямо на нее.

Глава 3

Ничего не понимая, Роана машинально двинулась, не осознавая, куда. Во всяком случае, впоследствии она не помнила ничего. По меньшей мере несколько минут. И только придя в себя, она обнаружила, что стоит, опустив лицо к вонючему месиву кровати. Она увидела извивающееся тело, прикованное к кровати. Роана одной рукой прикрыла девушке рот, после чего всем своим весом навалилась на лежащую, чтобы заставить ее прекратить извиваться.

Внезапно она почувствовала резкую боль в руке и инстинктивно отдернула ее. Девушка укусила ее. Однако она перестала извиваться, чего так боялась Роана. Напротив, спросила низким голосом:

— Почему ты пытаешься задушить меня, болван?

Роана отошла назад, потирая укушенную руку. Нашупав подвешенный к поясу излучатель, она установила его на самый слабый режим и только потом включила. И держа его, словно щит, направила луч света на девушку в кровати.

Луч осветил бледное лицо, покрытое темными пятнами, и обрамляющие его черные волосы. Под решительным подбородком находился широкий ошейник из прочного металла, а от него во тьму уходила толстая цепь, прибитая к столбику кровати толстым

металлическим костылем. Девушка вцепилась в ошейник обеими руками и продолжала пристально смотреть прямо в круг света, словно пытаясь отыскать за ним Роану.

— Если ты не из тех отбросов, что внизу, — проговорила она шепотом, — тогда кто же ты?

— Здесь я спасаюсь от бури, — уклончиво ответила Роана еще более сдавленным шепотом. — Услышав, как тебя привели сюда, мне пришлось спрятаться.

— Где? — страстно выпалила девушка, словно ответ имел для нее очень важное значение.

Роана, как указкой, осветила изголовье кровати.

— За ним. Там достаточно места.

— Но почему ты так и не сказал мне, кто ты? — резко осведомилась девушка. — Я — принцесса Лудорика! — и тотчас же ее властные нотки исчезли, и Роана видела перед собой лишь несчастную с грязными подтеками на лице и удушающим ее ошейником. К тому же от принцессы исходила липкая вонь.

Роана взглянула на ошейник и тотчас же ощутила страшную ярость. По инструкции, она должна немедленно покинуть пленницу. Для этого можно воспользоваться углублениями в стене как лестницей. К тому же она поклялась своим людям под страхом смерти не вступать ни в какие контакты. Постоянные междоусобицы, происходящие в Ревении, совершенно не касались пришельцев с других планет. Древние законы невмешательства по-прежнему строго выполнялись. А тут... этот ошейник...

— Я не из Ревении, — сказала Роана очень тихо, снова уклоняясь от прямого ответа.

— Значит, ты обделываешь здесь свои делишки, так? — рявкнула принцесса. — Вот почему ты здесь! Зачем ты прибыл сюда, вордайнский шпион?! А может, ты контрабандист? Скрывающий лицо и не назвавший имя своё да не будет удивлен, что его посчитаю злом, что шагает по земле! — Последнюю фразу она произнесла, словно цитату. — Кстати, тебя можно купить? Моё предложение будет невероятно привлекательным...

Роана поражалась, как спокойно держится принцесса. Вместо этого вонючего ящика с цепью и удушающим ее ошейником она должна горделиво восседать у себя во дворце, и если говорить, то почти шепотом... Но теперь Роана поняла, что за грязные разводы от смывшегося грима она приняла огромный темный кровоподтек на одной из щек принцессы. Время от времени она коле-

балась, прежде чем промолвить следующее слово, как будто ей было трудно говорить.

— Кто эти люди внизу? — спросила Роана. Она догадывалась, что те, кто осмелились так жестоко обращаться с наследницей трона Ревенин, не обычные преступники. И чем дольше она разглядывала то, что находилось перед ней, тем отчетливее знала, что можно предпринять. И еще Роана знала, что она не бросит Лудорику в беде.

— Пока мне приходилось играть роль экзальтированной обморочной особы, они обращались со мной без всякой осторожности. Кстати, я понятия не имею, сколько их. Они носят егерские безрукавки. Однако этому не следует доверять. И как я угодила им в лапы... — Она пожала плечами, и цепь тотчас же натянулась, ошейник дернулся, а принцесса мучительно закашлялась. — М-да, этого я не знаю. Я мирно направлялась спать в свою постель в Хизерхау. Когда я проснулась, то уже лежала на скачущей по кочкам телеге, несущейся по лесной дороге. От дождя я вымокла до нитки. И какое-то время ничего не соображала. Но вскоре сомнения вернули мне разум. Потом мы попали в эту страшную бурю, повалившую дерево. Но телега приняла на себя основной удар. Вместе с возницей. Я поняла, что его больше не волнуют мирские дела. Но оставались еще те, другие, которые приволокли меня сюда и приковали цепью к стене. — Принцесса немного помолчала, затем проговорила, резко сменив тему: — Я не думаю, что ты вордаинец. Если ты контрабандист, ты получишь полное прощение и вдобавок увесистый кошель с деньгами. Помоги мне освободиться... — она потянула за ошейник. — И отведи меня на пост в Йаттон. — Она снова пристально смотрела вперед, словно стараясь отчетливее разглядеть Роану.

Когда инопланетянка промолчала, принцесса крепко сжала губы и спустя некоторое время прибавила:

— Похоже, у тебя тоже нет никакого желания встречаться с теми, что внизу. Послушай, да станет враг твоего врага моим врагом, и на единственную битву эту мы заключим договор. — И снова Роане показалось, что ее собеседница процитировала эти слова. — У тебя необычное произношение и ты не из Ревенин, как и не с Вордайна. И опять же, судя по твоему произношению, ты не из Лихштена. Если ты не купец с севера... Неважно, освободи меня, а в благодарность ты всю оставшуюся жизнь проживешь в

Ревени в сытости и довольстве. А это не мелочь! — Теперь в ее голосе звучала гордость, и снова Роана забыла, где они находятся. Что перед нею пленница, а не принцесса, восседающая на троне у себя во дворце.

В конце концов, что произойдет, если она поможет? Ведь она уже вмешалась, хотя бы потому, что принцесса узнала, что она здесь. Если она сейчас уйдет, что вполне может сделать, вырвавшись на свободу по стене, то принцесса, узнав, что ее бросили, придет в ярость, позовет тех, кто посадил ее сюда, и Роану каким-то образом выследят и обнаружат. Однако если она поможет принцессе выбраться, то сумеет что-нибудь придумать, чтобы оторваться от нее в лесу. Пусть принцесса считает ее контрабандисткой, вовлеченной в какое-нибудь опасное преступное предприятие; этим и можно будет оправдать ее чрезмерную осторожность.

Похоже, что принцесса приняла ее за мужчину. И немудрено. Видела она ее только мельком в ту секунду, когда молния озарила комнату. А в своем комбинезоне и со слипшимися волосами Роана вполне могла сойти за представителя сильного пола.

— Ладно, — хриплым голосом согласилась Роана. — Но этот ошейник... — Она наклонилась к принцессе, осветила ее шею лучом, затем — цепи, в том месте, где они прикреплялись к столбикам кровати. Осмотрела замок, но не могла понять, как отомкнуть его.

Значит, оставался столбик или сама цепь. Она протянула руку за инструментами, подвешенными к ее поясу, нашла резак. Снова ей приходилось использовать все свое умение и сноровку. Удивительно, но какая-то часть ее мозга наблюдала за тем, как она извлекает костыль, к которому прикрепили цепь; другая же думала о том, что чем дольше остается здесь, тем сильнее ей кажется, что она поступает правильно по отношению к принцессе. Словно желание Лудорики пробудило в ней чувство солидарности.

Роана склонилась еще ниже, стараясь не вдыхать зловонные испарения, осветила цепь лучом, выискивая место, где можно ее перекусить резаком. Затем ослабила цепь настолько, чтобы ошейник сильно не давил на шею пленницы. После этого спрятала резак в специальное отделение на поясе и резко дернула цепь на себя. Та порвалась. Роана услышала, как тихо вздохнула принцесса.

— Какое-то время тебе придется носить ошейник, — прошептала Роана. — Нельзя было перекусить цепь возле самой шеи. Это очень рискованно.

— Зато я теперь свободна! Как я тебе благодарна! — сказала Лудорика. — Но остаются те люди внизу. Будь у тебя кинжал...

Лудорика намотала цепь на руку. Роана удивилась, как бесшумно она это сделала. Принцесса подошла к краю кровати и перешагнула через ее бортик на пол. Роана сделала то же самое, только с противоположной стороны. Белое одеяние принцессы (или некогда белое) обвилось вокруг Роаны. Одна из кос принцессы была распущена, и на длинных вьющихся локонах, ниспадающих на плечи, до сих пор виднелась грязь от пребывания на зловонном ложе. Когда Роана подошла к ней совсем близко, принцесса с отвращением и гневом стряхивала с себя гниль.

Роана с сомнением рассматривала одеяние принцессы. Единственный путь, чтобы выбраться отсюда, — это лестница, по которой можно было взобраться лишь при помощи кончиков пальцев рук и ног. Разумеется, принцессе в ее пышном одеянии совершить такой подъем просто невозможно. Но, взвалив на себя бремя ответственности за пленницу (теперь Роана чувствовала эту ответственность как последствие ее почти неосознанного выбора), она обошла кровать сзади, осветила излучателем углубления в стене и объяснила, что собирается предпринять. Опять взглянув на одеяние принцессы, она отнеслась к их будущему с большим сомнением.

— Одолжи мне свой кинжал! — прошептала Лудорика. — О... — она издала странный звук, напоминающий смех. — Я не собираюсь пробиваться с боем вниз. Я воспользуюсь им, чтобы подняться наверх в этой одежде, — и она нетерпеливым жестом ткнула пальцем в свое роскошное одеяние.

— У меня нет кинжала, — ответила Роана.

— Нет кинжала? Как же ты тогда защищаешься? — выпучив от изумления глаза, осведомилась принцесса.

Роана показала ей нож, подвешенный к ремню. Принцесса поспешно вырвала его у девушки из пальцев и ловко обрезала свою доходящую до пола юбку спереди и сзади. Затем она проделала прорезы для рук, отчего ее некогда пышное одеяние стало чем-то смахивать на комбинезон Роаны. Прежде чем вернуть ей нож, она попробовала его острие подушечкой большого пальца.

— Похож на инструмент, которым егеря сдирают шкуры с животных, и все-таки он какой-то другой, — задумчиво промолвила принцесса. — А ты ведь так и не назвал свое имя... и не показал мне лицо.

И тут принцесса застала Роану врасплох. Когда девушка отвела свободную руку, принцесса крепко схватила ее за запястье и завладела излучателем. Внезапность нападения сработала. Прежде чем Роана сумела высвободить руку, принцесса мощным лучом осветила ее с ног до головы.

Роана вырвала руку, но было слишком поздно. Принцесса пристально разглядывала ее и, будучи находчивой и умной от природы, успела очень многое отметить. Роана даже испытала по отношению к принцессе некоторое уважение. Девушка, которую силком приволокли в заброшенную башню, приковали цепями как дикого зверя, которая, прося о помощи, умудрялась сохранять достоинство, сумела разумно оценить обстановку... Да, принцесса оказалась необычным человеком независимо от того, происходило все это на Клио или где-нибудь еще. И Роана подумала, смогла бы она сама повести себя точно так же в подобных обстоятельствах?

— Ты не мужчина! — луч излучателя опустился на пол, образовав между ними освещенную окружность. — И все-таки... Ты так одета... я впервые в жизни вижу такое платье! И твои волосы — они такие короткие! Ты и в самом деле чужеземка. Возможно, легенды рассказывают правду. Если... если... — впервые Роана ощутила страх в голосе принцессы. — Если ты из Хранителей, то, прошу тебя, скажи мне правду. Я имею право знать правду, ибо я королевской крови, я — будущая царствующая королева Ревении... и если ты — Хранитель, то ответь мне: что случилось с Ледяной Коронай?

Роане ее вопрос показался одновременно и приказом, и просьбой. Но он не имел для нее никакого смысла. Она слышала лишь шум внизу. За время их короткой схватки на кровати и их отхода от нее буря утихла. Теперь они слышали, как внизу ходят люди.

Роана схватила принцессу за руку и выключила излучатель. Если они явились за пленницей, то обеим девушкам трудно будет защищаться. Все оружие осталось в лагере. Как Роана теперь мечтала хотя бы об одном шокере! Но их даже не распаковали, потому что в лесу было некого бояться, а если в лагерь и забрело

бы какое-нибудь животное, то его отпугнул бы искажатель. К тому же все участники их небольшой команды превосходно знали устав: применять смертельное оружие против местного населения только в самом крайнем случае. У Роаны был нож, который по-прежнему держала принцесса, и резак, при помощи которого она разделалась с цепью. И это все.

Они стояли неподвижно, держась за руки, и прислушивались к каждому шороху. В комнате стало светлее. Возможно, им уже не нужен излучатель. Роана быстро потащила принцессу к изголовью кровати, а затем к углублениям в стене. Чем быстрее они попытаются выяснить, выведут ли их эти «ступени» на свободу, тем лучше.

— Полезай! — она подтолкнула Лудорику вперед, в надежде, что принцессе удастся взобраться наверх. Пока Лудорика, глядя прямо перед собой в стену, поднимала руки к углублениям, Роана согнулась, чтобы наблюдать за вершиной лестницы, ведущей в комнату с кроватью. Жаль, что у них не было какой-нибудь толстой палки, которой они могли бы воспользоваться, чтобы закрыть вход на этаж сундуком. Потому что одного взгляда на сундук оказалось достаточно, чтобы понять: с такой тяжестью им ни за что не справиться.

Ей казалось, что принцесса задыхается от напряжения; пальцы ее рук и ног (она была босиком) еле слышно скользили по стене. Роана напрягла слух, чтобы услышать, что творится внизу.

Принцесса уже находилась на довольно приличном расстоянии от изголовья кровати; ее тело вытянулось, и она изо всех сил старалась дотянуться до еле видного во тьме пересечения деревянных балок. Роана начала подниматься вслед за ней. Этот подъем отчасти напоминал ей восхождение на крутой откос, если не считать страх, овладевающий ею с каждой преодоленной «ступенью». Ее отрывистое дыхание отдавалось в ушах, и она изо всех сил старалась справиться со страхом, думая не о том, что может случиться, а о том, что ей нужно предпринять дальше.

— Здесь что-то вроде пола, — донесся до Роаны шепот принцессы. — Да, и еще, по-моему, дверь. Должно быть, какая-то хитрая...

Роана понятия не имела, что подразумевала ее спутница, но ее взбодрила сама мысль о том, что принцесса обнаружила нечто хорошо ей известное. Когда Роана наконец в последний раз

подтянулась и выбралась на твердую поверхность, то очутилась на небольшой площадке, находящейся на перекрестье двух широких деревянных балок.

— Это дверь на крышу. Я отодвинула засов. Но нам обоим придется поднатужиться, чтобы поднять ее. С тех пор как ее открывали, прошло столько времени!

Они опустили на колени плечом к плечу и четырьмя руками уперлись в деревянную поверхность люка. Пыль и сухие щепки осыпались на их волосы и лица. Какая-то труха попала Роане в глаза, и она тотчас же закрыла их.

— Ну! Взяли!

Сначала им показалось, что люк на крышу со временем сломался. Они поднатужились еще сильнее. Люк чуть-чуть приподнялся, и они увидели узкую полоску света, которая с каждым их усилием становилась шире. И вдруг люк словно уступил им. Он поднялся со страшным скрежетом, и тотчас же обеих девушек окутала волна влажного, свежего воздуха.

Роана быстро подтянулась и выбралась на крышу, после чего протянула руку принцессе и помогла ей вылезти из разверстого люка. Теперь они стояли на крыше башни, открытые всем ветрам. Их окружал парапет, доходящий им до пояса. И уже наступил день, хотя сверху тяжелой непроницаемой массой свисали дождевые облака. Роана с треском опустила дверь на место. Им все-таки удалось воспользоваться этим более чем сомнительным шансом! Иначе им пришлось бы неизвестно сколько времени сидеть в укрытии, пока те люди оставались внизу.

Роана взглянула на свою спутницу. И очень удивилась, когда принцесса встала на четвереньки и поползла вдоль парапета, то и дело останавливаясь и проводя руками по его поверхности, словно искала что-то, причем ни секунды не сомневаясь, что отыщет искомое. Даже заметив, что Роана наблюдает за ней, принцесса не перестала ошупывать парапет. Затем принялась изучать каменный пол под ним.

— Удача нам благоволит, — проговорила она. — Здесь действительно есть кое-какая хитрость.

Роана стала рассматривать парапет. На некотором расстоянии от башни выдавался край горы. Девушка попыталась определить расстояние между ними. Но оно было слишком велико, чтобы его преодолеть без специального альпинистского снаряжения, которым пользовались люди из ее цивилизации. Прин-

цесса же тем временем очищала крышу от мусора, пыли и грязи, нанесенных туда ветром за многие годы.

— Ага — здесь! — воскликнула она.

Она немного отползла от парапета и начала выкапывать землю из самой обычной толстой щели между булыжниками, из которых была сложена крыша.

— Но! Дай мне свой нож! Тут надо разрыхлить землю.

И вновь Роана поняла, что Лудорика знает, что делает. Она протянула ей нож, даже не возражая, что острие может сломаться о камни. Принцесса вырывала небольшие темные круглые комья и отгребала их в сторону. Теперь Роана заметила, что трещина стала намного шире, а через несколько минут непрерывной работы Лудорика докопалась до углубления, куда свободно проходили ее пальцы. Она резко повернулась к Роане.

— Отойди назад... вон туда. На это может уйти какое-то время, поскольку тайник очень древний. Его, должно быть, устроили те, кто бежал отсюда во время первого вторжения нимпов, и я еще не встречала ни одного человека, кто бы мог ответить на мой вопрос... Впрочем... нужно отыскать замочный камень.

Она стала водить рукой взад и вперед, старательно ощупывая кончиками пальцев трещину изнутри. Затем, когда с протяжным скрипучим звуком открылся небольшой люк, камень выдвинулся в направлении парапета, подобно ящику комода. Роана увидела монолитную цельную плиту шириной со сдвинутый камень, которая медленно пошла вперед, словно на невидимых шарнирах.

— Помоги, — тяжело дыша от напряжения, промолвила принцесса.

Роана поползла к противоположной стороне плиты и стала толкать ее. Плита с трудом сдвигалась вперед, затем прошла строго горизонтально над парапетом, образовав таким образом узкий мосток, который еще немного, и достал бы до каменного выступа, напоминающего язык. Роана увидела между мостком и краем горы щель.

Принцесса стояла на четвереньках, задыхаясь от натуги, ее перепачканное лицо покраснелось.

— Надо поторапливаться; эта штука долго не продержится.

Роана не рискнула пойти по такой узкой дорожке, поэтому она тоже опустилась на четвереньки и поползла, сосредоточив свой взгляд только на каменном выступе, на который ей пред-

стояло перебраться. Она чувствовала сильное головокружение. Она всегда боялась высоты, хотя боролась с этим страхом во время всех своих скитаний. Но это было самое суровое испытание, выпавшее на ее долю.

Наконец она достигла края плиты. И снова увидела пропасть между ней и выступом в скале. Собрав всю свою волю в кулак, девушка прыгнула и, с трудом сохраняя равновесие, приземлилась на каменную поверхность. Теперь она твердо стояла на выступе и протягивала руки, чтобы помочь принцессе.

Им крупно повезло. Едва Роана ощутила, что принцесса вцепилась ей в запястья и буквально упала ей на грудь, каменный язык предательски задрожал от их прыжков и начал медленно отодвигаться в сторону башни. Она вовремя поймала Лудорику. Плита резко пошла назад и встала на место. Парапет поднялся, и мостик исчез.

— А теперь... на Йаттон! — громко провозгласила Лудорика, пытаясь привести в порядок обрывки своего некогда роскошного одеяния. Потом сделала шаг вперед и пронзительно вскрикнула, пребольно ступив босой пяткой на острые камни.

Еще недавно Роана думала помочь принцессе, а потом неожиданно исчезнуть в лесу, предоставив Лудорике идти одной туда, куда она намеревалась. Но теперь она поняла, что не сможет бросить свою спутницу. Шел пронизывающий до костей дождь, а принцесса была босиком. Через сколько времени те негодяи обнаружат, что их пленница сбежала? А еще сколько времени будет продолжаться этот проклятый дождь?

— А где этот твой Йаттон? — резко спросила Роана. Единственная альтернатива — это отвести принцессу в лагерь, но это совершенно невозможно. Роана предчувствовала, что этот поход может закончиться бедой. Но любой путь, который она сейчас выберет, обратится для нее сильнейшими неприятностями, если не сказать большего. И все эти беды надвигались с каждой проходящей секундой.

— В двух лигах отсюда... ну, примерно в трех, — ответила принцесса, поднимая ногу, чтобы очистить ее от грязи. — По правде говоря, ни за что не поверила бы, что смогу идти без туфель. Похоже, мои ноги слишком нежные для подобных путешествий.

— Нам не удастся уйти слишком далеко от Хизерхау, — заметила Роана.

Принцесса, очистив ногу, принялась сворачивать цепь, некогда прикованную к ошейнику вокруг ее изящных плеч, отчего у нее получилось нечто похожее на странный уродливый браслет.

— Я не стану возвращаться в Хизерхау, пока не удостоверюсь...

— В чем? — перебила ее Роана.

— В том, что смогу подняться с постели сама, а не при помощи грубой ручищи какого-то подонка. — Говоря это, она смотрела куда-то в сторону, но внезапно ее взгляд сосредоточился на Роане. Девушке показалось, что в эти мгновения принцесса намного внимательнее изучает ее.

И она продолжила:

— Ты... безусловно, ты — не одна из нас. Но Хранителю не понадобилось бы сперва карабкаться по стене наверх, а потом ползти по тому спасительному мостику. Как гласят легенды, Хранителю достаточно только пожелать что-либо, и это тотчас же происходит. Я не знаю, кто ты, а ты так и не назвалась...

— Я — Роана Хьюм, — представилась Роана, хотя ей хотелось ответить совсем иначе. По-видимому, на нее снова подействовал странный импульс, побуждавший ее говорить правду до того, как она осознает это. — Я — не из Ревении, но, по-моему, я уже доказала, что не собираюсь причинить тебе никакого вреда.

— Роана Хьюм, — задумчиво повторила принцесса. — И имя у тебя странное. Видимо, настало время, когда многое кажется совсем не таким, каким было прежде. — Она продолжала пристально разглядывать Роану, но на этот раз улыбнулась и протянула руку.

Когда принцесса протянула Роане свою тонкую изящную руку, девушка ощутила внутри какое-то удивительное, смешанное чувство. Как будто еще ни разу никто не улыбался ей, не просил у нее помощи, не требовал чего-то с нетерпением. И когда ее загорелая коричневая рука взяла эти белые, несмотря на грязь, пальцы и легонько сжала их, девушка снова вспомнила, что она, Роана Хьюм, меньше всего в этом мире имела право связать себя даже легким знакомством с кем-либо, не говоря уже о дружбе.

— Ты не засвидетельствовала мне свое почтение, — заметила принцесса. — В этом ты тоже ведешь себя как Хранитель. Неужели там, откуда ты прибыла, не существует разницы между людьми королевской крови и всеми остальными?

— Ну... существует, конечно... что-то в этом роде, — уклончиво отозвалась Роана.

— Я ни за что не поверю, чтобы житель Ревении смог бы свободно жить в таком удивительно упорядоченном мире, — начала принцесса и вдруг рассмеялась, мгновенно приложив пальцы к губам, словно ей захотелось поймать эти откровенные слова. — Я вовсе не желаю проявить неуважение к твоим обычаям, Роана Хьюм. Во мне лишь говорит воспитание по одному-единственному образцу, поэтому все отличное от него меня приводит в замешательство и обескураживает.

— У нас нет времени на обсуждение всего этого, — произнесла Роана, с трудом преодолевая желание засыпать принцессу вопросами, чтобы узнать о Лудорике как можно больше. — Если ты не можешь вернуться в Хизерхау, а до Йаттона добраться невозможно, куда же ты пойдешь? — Она должна уйти, но Роана по-прежнему не могла бросить принцессу.

— Туда, откуда ты пришла, — ответила принцесса, словно прочитав в мыслях Роаны единственное решение, которого она так опасалась. Девушка понятия не имела, как поступит дядя Оффлас, если она возвратится в лагерь с этой грязной и растрепанной беглянкой. Она только догадывалась, что результат будет весьма плачевным. Но, похоже, ей больше ничего не оставалось делать.

— Тогда я возьму тебя с собой, — промолвила Роана, и собственный хриплый голос эхом отдался в ее ушах. Она пыталась найти еще какой-нибудь выход из положения. Надежда была, правда, очень зыбкая. Она могла бы отыскать убежище в лесу, оставить там Лудорику, отнести ей запас провианта, одежду, обувь и случайно наткнуться на нее со своей группой. Возможностей провала этого предприятия имелось примерно столько же, сколько пальцев на руках и на ногах. Но ничего другого она придумать не могла...

Она повернулась, чтобы посмотреть на башню и лес. Вне всякого сомнения, они оставили следы. Следовательно, им придется уходить окольными путями. И в то же время она просто обязана предоставить принцессе возможность побега.

— Нам надо туда... — она показала на север, подальше от лагеря. Если они сделают такой огромный крюк, то смогут выиграть побольше времени.

Они спустились с выступа. Принцессе пришлось идти очень медленно. В конце концов Роана сняла свой вещевой мешок,

рассовала все его содержимое по внешним карманам комбинезона, разрежала мешок ножом и обмотала тканью ступни своей спутницы. Теперь они могли идти значительно быстрее.

Дождь не прекращался ни на минуту, и продрогшая принцесса все время дрожала от холода. У Роаны появилась новая забота. Сама Роана давным-давно уже прошла все курсы по усилению иммунитета, но понимала, что если принцесса не примет нужные медикаменты, то в таком виде долго не протянет. Что, если Лудорика заболит? Что, если... Их будущее теперь представлялось Роане состоящим из множества таких «если». Роане придется привести ее прямо в лагерь. И, следуя неукоснительным правилам дяди Оффласа, она продолжала идти круглым путем, замечая следы, чтобы отвести беду.

Но Роана наконец поняла, что Лудорика больше не выдержит. Хотя принцесса ни разу не пожаловалась на трудности, она еле-еле плелась позади. Дважды Роане пришлось возвращаться, потому что она теряла ее из виду, и всякий раз находила свою спутницу прислонившейся к дереву и тяжело дышащей. У нее был такой вид, словно это дерево — ее последняя опора. В конце концов Роане пришлось почти нести ее.

Когда они добрались до одного из каменистых холмов, Роана узнала в нем одну из отметок на карте дяди. На склоне холма она увидела глубокий провал и вздыбленную землю как после взрыва. Вокруг носился смрадный удушливый запах горелого дерева. Наверняка в него ударила молния, а рядом произошел сильнейший оползень.

Сейчас они проходили мимо огромной дыры. По-видимому, после бури в склоне горы открылась ранее невидимая пещера или по крайней мере глубокая трещина. Это было превосходное убежище, куда Роана и привела изможденную принцессу.

Глава 4

Роана знала, что они находятся совсем близко от лагеря. Она могла бы оставить принцессу в укрытии, забрать из лагеря все необходимое и вернуться. Ей не хотелось даже думать о трудностях, с которыми придется столкнуться для выполнения этого плана. Она считала, что лучше совершить все сразу, одним махом.

Когда они забрались в расщелину холма, дождь больше не доставал их. И хотя сама расщелина была узкой, внутри расширялась, простираясь во тьму, как будто она была входом в какое-то очень просторное помещение. Усадив принцессу на каменный пол, Роана отстегнула от пояса излучатель и включила его на полную мощность.

Пещера явно не была естественной. Роану изумил ее пол, совершенно ровный и гладкий. Словно здесь находилась прихожая, ведущая в тоннель. Роана вполне прилично разбиралась в археологии, чтобы понять: этот тоннель создан чьими-то руками, а не природой. И действительно, когда Роана провела кончиками пальцев по стене, ее рука соскользнула вниз, потому как стена оказалась металлической, хотя выглядела каменной.

Она быстро включила детектор, и когда его панель управления тускло замерцала, девушка услышала ответное гудение, которое лишь подтвердило ее догадку. Тоннель не был созданием природы, а на его стенах виднелись остатки древних надписей. Роана оцепенела от неожиданности. Неужели это то самое место, которое они искали? Роана нащупала на запястье передатчик, чтобы попытаться связаться со своими. Но только она собралась нажать на кнопку, как вспомнила...

Привести сюда дядю Оффласа с Сандаром — значит позволить им обнаружить принцессу... Они ни за что не отпустят обительницу Клио, если та узнает об их новом открытии. Если их маскировка будет раскрыта, их не только с позором выгонят из Службы; они навечно останутся прикованы к какой-то планете, куда власти решат их послать. И карьеры дяди Оффласа и Сандара будут навсегда уничтожены. Их занесут в черный список, в тот самый раздел, о котором все они прекрасно знали... И единственный способ избежать этого — заставить замолчать сгорбившуюся на камне девушку, тело которой сотрясало от кашля, а тонкие руки растирали порозовевшие щеки. Это молчание не означало бы смерть, как это случалось раньше. (Роана слышала жуткие рассказы о первых днях завоевания космоса.) Но это будет означать, что принцессе напрочь заблокируют память или даже вывезут с планеты, что для Лудорики будет катастрофой. И это достанется на долю невинной! Нет! Все, что могла сделать Роана, это выиграть время в надежде на какое-нибудь чудо. От лихорадочных расплывчатых мыслей у нее разболелась голова. Она не знала, что делать с принцессой, к которой испытывала

очень сильную симпатию. Вероятно, та была вызвана еле уловимым оттенком чуть ли не первобытного поведения, внедренного обитателям Клио во время экспериментального заселения планеты, когда ее осваивали. Впрочем, Роана догадывалась, что именно это было задумано с самого начала.

Так она и стояла, обуреваемая скверным предчувствием и думая, что же ей предпринять. Рука ее крепко прижалась к передатчику, которым она была обязана воспользоваться, если действительно предана своему народу и всему, чему ее учили.

— Что это за место? Это не пещера! — внезапно донесся до Роаны удивленный голос принцессы.

Посмотрев на принцессу, она поняла, что та совершенно ошарашена зрелищем вокруг. Теперь Лудорика стояла, внимательно глядя Роане в лицо, и ее взгляд не обвинял, а просто принцесса выглядела так, словно не верила своим глазам.

— Ты все-таки сделала это! — вскричала принцесса, немного пошатываясь, точно ей трудно было устоять на израненных ногах. — Ты привела нас к тайнику Оха! Корона... верни мне Корону!

— Подожди, я не знаю, о чем ты говоришь, — возразила Роана. — Какая еще корона? И тайник Оха? — А вдруг в Ревении уже обнаружен тайник Предтечей и они опоздали? Однако разведчики Службы даже малейшим намеком не дали понять, что что-то произошло. Если так, то это молчание обусловлено тем, что удалось избежать лишнего шума, который, несомненно, глубоко запечатлел бы это событие в общественном сознании.

Принцесса долго смотрела на чужеземную девушку, словно пытаясь взглядом выудить из Роаны правду и при этом избежать двусмысленного или лживого ответа. Но что бы она ни решила, Роана не успела узнать, ибо со стороны входа в пещеру раздался глухой рокот.

Роана резко развернулась, а принцесса вцепилась в ее локоть, словно ища поддержку. Роана наугад водила лучом возле выхода из пещеры. Раньше там не было никакой двери. Но теперь яркий свет излучателя выхватил нечто вроде плотного занавеса из камней и земли, с замешанными в них сдавленными листьями.

С криком Роана оттолкнула принцессу и побежала туда, чтобы разрушить «занавеску», закрывшую им выход. Но девушке удалось лишь соскрести с нее немного влажной глины и облом-

ков веток. Под всем этим находилась тяжеленная плита, которую Роана не удалось даже немного сдвинуть с места. Хотя, возможно, при помощи своих инструментов она смогла бы подпилить или подрезать ее.

— Мы в ловушке? — спросила Лудорика.

Роана опустила на колени, навдя луч фоанря прямо на плиту. В общем-то их проблему можно было решить. Жизни обеих девушек теперь зависели от помощи снаружи — то есть из лагеря. Потому что справиться с плитой можно только посредством соответствующего оборудования, имеющегося у дяди Оффласа и Сандара.

— Да, — ответила Роана. — И у меня недостаточно сил ни сдвинуть ее, ни подпилить. Придется позвать на помощь. — Надо ли ей предупреждать принцессу о последствиях? Или просто сидеть и ждать чего-то, что облегчит их незавидную участь?

— Скорее всего, мы — в тайнике Оха, — промолвила принцесса. — Если мы должны ждать помощи, то надо ли нам оставаться здесь и сидеть, согнувшись в три погибели? Потому как если это тайник Оха и я смогу отыскать корону... — Лудорика глубоко вздохнула. — А знаешь ли ты, что для меня и для Ревении этот день может стать самым великим за последние сто лет!

— Что за корону ты ищешь? — спросила Роана, думая о том, что в прошлом открытия, касающиеся Предтечей, бывали очень разными. Несколько раз найденными предметами оказывались старинные традиционные украшения, такие, как геммы, камеи, весьма странные по форме украшения из драгоценных металлов и тому подобное. Хотя те древние находки были, безусловно, очень важными, то, что они искали теперь, были механизмы, записи, приборы и, вполне возможно, ключом к той — самой важной — находке, что заставила их с риском для жизни отправиться на Клио.

— Я ищу нашу корону — Ледяную Корону королевства Ревения, — почти отсутствующим голосом ответила принцесса. Теперь она смотрела не на Роану, а в глубь мрачного коридора. Потом она повернулась, и Роана заметила, что лицо Лудорики исказила ярость. Принцесса приложила пальцы к губам. Когда она заговорила вновь, голос ее был низкий, хриплый и еле слышный.

— Это — великая тайна, Роана Хьюм, и знают ее только двое: мой дедушка Король и я. Я поклялась всеми святыми моего на-

рода никому об этом не рассказывать. Теперь я — клятвоступница!

— Но я не из Ревени, — успокоила ее Роана. — И я, как и ты, клянусь хранить молчание, — прибавила она, чувствуя себя весьма неуютно под затуманенным взглядом принцессы.

— Если это тайник Оха, то наш приход сюда не принес никакого вреда; все скрыто и забыто ради величайшего блага. Но я должна знать! Пойдем, ты посветишь своим факелом, и тогда мы увидим...

Неужели они ступали по оставшемуся от Предтечей и принцессы знала об этом? Какое это сейчас имеет значение? Роане надо сделать то, что она уже давным-давно должна была сделать.

— Давай я сперва вызову помощь. — Она нащупала передатчик, надавила на кнопочку вызова лагеря. Немного подождав, она увидела на циферблате вспышку ответного кода, затем еще одну... С ней явно пытались связаться, причем весьма настойчиво. Но она весьма скупотрапортовала, сообщив лишь о том, где находится и по чему, вероятно, ступает. О принцессе она даже не упомянула.

Огоньки на панели превратились в целую серию ликующих вспышек, сообщающих о скором обещании помощи. Роана предусмотрительно предупредила своих о людях в лесу, думая о том, что негодяи из башни вполне могли добраться сюда по их следам.

Она все время ожидала какого-нибудь вопроса от Лудорики, но та сидела молча, лишь иногда освещая излучателем коридор.

— Ты не могла бы рассказать мне чуть побольше о том, что ищешь? — спросила Роана, когда они двинулись в путь.

— Раз тебе уже известна часть истории, то нет никакого смысла утаивать остальное, — сказала принцесса. — Ледяной Коронной Хранители одарили наше королевство, как только оно основалось, и случилось это давным-давно. С Ревенией произошло то же самое, что и с правителями Лиштена, которым Хранители даровали Огненную Корону. А в королевстве Триск король получил от Хранителей Золотой Венец... но, безусловно, тебе все это известно. Мой дед Никлас взшел на трон еще совсем ребенком, а его мачеха королева Олава стала при нем регентшей, хотя у нее не было ни опыта управления государством, ни даже королевской крови, поскольку она вышла замуж за моего прадеда морганатическим браком, когда тот впал в старческое слабо-

умие. Она была из рода Джаррфаров. Когда-то они жили на холмах и дважды пытались завоевать королевство. Однако у них не было власти короны, полученной от Хранителей, и у них ничего не удалось.

— Но желание править было у них в крови, и они не отказались от него, — продолжала Лудорика. — Даже когда их земли значительно уменьшились и у них остался только замок и две деревни. Олава была редкой красавицей, и случилось так, что амбициозные намерения ее народа претворились в жизнь без кровопролития. Как я уже говорила, она вышла замуж за моего прадеда морганатическим браком. Но это довольно длинная история. Ведь началось все с того, что представители ее рода собрали все, что имели, и доставили ее ко двору, с застенчивым видом представив как опытную служанку.

Король уже долгое время был вдовцом. О, все эти годы он не страдал от отсутствия дам, но это были всего лишь навсего мимолетные интрижки. Будучи человеком практическим, он вполне удовлетворялся такими отношениями. И не стремился к большему. И хотя Олава и казалась поначалу женщиной такого же сорта, она вовсе не была такой! И... в общем, поговаривали, что еще до своего прибытия на королевский двор Олава посетила одну наимудрейшую женщину, умеющую сделать так, что у тебя все пойдет хорошо. И она нашептала Олаве что-то насчет того, что та станет фавориткой мужчины благородного происхождения. По прошествии времени она сочеталась морганатическим браком с прадедом, не имея практически никаких законных прав, а потом стала королевой, хотя по закону ей не должно было дозволяться даже прикасаться к Короне из-за ее бесконечных капризов и интриг. Наверное, моего прадеда опьянила ее красота, но в его жилах текла королевская кровь, и это сушая правда (несмотря на то что в наши дни кое-кто считает все это легендой), что тот, кто надевает корону, пожизненно выбирает ее. Выбрав ее, король или королева, надев корону, уже не может снять ее с головы всю свою жизнь. Корона являет собой своего рода защиту со стороны Хранителей. Хотя порой корона могла привести и к смерти своего владельца, которого убивали, чтобы кто-нибудь другой мог воспользоваться правом ее ношения.

Итак, Олаве пришлось дожидаться благоприятного случая, пока смерть не настигла короля. Ведь она надеялась на то, что ее сын сможет стать кандидатом на ношение короны. А ведь он

был его сыном, несмотря на то что король никогда не позволил бы ему испить из королевского кубка и тем признать перед Двором его королевское происхождение, поскольку кровь не была полностью королевской.

Когда король почил, они вынесли Ледяную Корону для ритуала выбора. Хотя Олава пыталась помешать моему деду добиваться ее, как это делалось испокон веков, выбор пал на него, и деда провозгласили королем. Однако тогда он был еще ребенком, а к Олаве благоволило множество влиятельных лордов, поэтому они всенародно объявили, что старый король назначил ее регентшей при малолетнем короле, а лорды советовали ей, как управлять государством.

Довольно обычная история, не так ли? Во всяком случае, мне рассказывали, что такое неоднократно случалось прежде. Но кое-что никогда не происходило до этого. Когда мой дед достиг того возраста, когда можно носить Корону и тем самым принять на себя всю власть в королевстве, Корона, принесенная для церемонии из особого хранилища, тотчас же исчезла, хотя впоследствии и вернулась.

Ибо Олава осмелилась сделать то, на что никогда не осмелилась бы прежде. Она присвоила Корону, чтобы таким образом нанести поражение моему деду. И власть Короны погубила ее, как случилось с теми, кто завладевал ею незаконно. Но перед ее смертью мой дед тайно посетил Олаву. Она рассмеялась ему в лицо и сказала, что отнесла Корону в тайник Оха и что теперь существует только один шанс отыскать ее: ее род будет охранять все пути туда, и только когда Корона подойдет кому-нибудь из них, она появится вновь.

С тех пор на Ревению опустилась тьма. Нам не позволялось даже знать о драгоценной пропаже. И даже тогда, когда нам понадобилось провозгласить нового короля, все оставалось под покровом тайны. Мой отец погиб во время охоты на этих холмах, но то, на что он наткнулся во время этой роковой охоты, было не какое-нибудь свирепое животное, а тайник Оха. Двое моих дядьев тоже скончались в расцвете сил. Третий пропал без вести. А теперь король Никлас очень стар, а я решила взяться за поиски. Ибо если мне не удастся предстать перед народом Ревении с Ледяной Коронай на голове, когда объявят о смерти короля, то всему нашему королевскому роду наступит конец. А Ревению захватит или Лихштен, или Вордайн, где правят носители

корон. Государство без короны — это страна без имени. Его вообще не существует. Так в незапамятные времена постановили Хранители.

— А когда-нибудь еще случалось, чтобы государство лишилось своей короны? — спросила Роана.

Принцесса передернула плечами, но не от пронизывающего ветра, гуляющего по коридору, где они шли.

— Да, такое однажды случилось в Аротнере. Эта Корона... а Корона Аротнера была из моря и называлась Ракушечной короной. Ее разбило огромной волной. Дальше началось ужасное. Весь народ сошел с ума. Они стали нападать на своих властителей, друг на друга, поэтому все граничащие с ними государства немедленно вооружились, чтобы удержать этих безумцев в их раздробленной стране. Разумеется, Аротнер стал проклятым королевством, и никто не осмелился завоевать его из страха тоже сойти с ума. А ведь когда-то Аротнер был огромной страной со множеством кораблей, а его столицей был торговый город Аре... Теперь же это не город, а печальные руины, и если даже кто и живет в нем, то это уже не люди...

— Во всяком случае Ледяная Корона цела и невредима, ибо Ревению постигла бы та же судьба, что и Аротнер. И существует надежда, что, возможно, мы отыскали ее! — воскликнула принцесса.

— Если твой отец и другие ближайшие родственники погибли, а потом это случится с тобой, значит, есть люди, которым известно об этой тайне, и они не желают, чтобы Корону нашли, — заметила Роана.

— Да, — процедила сквозь зубы принцесса. — Я догадываюсь, и, по-моему, совершенно правильно, хотя у меня нет никаких доказательств, что все это — низкие проделки Реддика. Хотя мне и в голову не приходило, что он сможет зайти так далеко, чтобы вывезти меня из Хизерхау, когда всем прекрасно известно, что я находилась в замке. Наверняка какая-то отчаянная необходимость побудила его действовать столь открыто. Кстати, вполне возможно, что этот проход чем-то защищен. Роана, тебе не кажется, что стало теплее?

Лудорика замедлила шаг и вытянула руку, словно хотела дотронуться до стены, но так и не коснулась ее.

Она оказалась права! Холод, обволакивавший обеих девушек в начале коридора, исчез. Теперь им казалось, что они идут под

мягкими лучами солнца и успокаивающее, благотворное тепло приятно согревает их тела. Роана дотронулась до стены. Она оказалась даже теплее воздуха, окружающего их. И еще Роана ощутила исходящую от стены еле уловимую вибрацию.

Небывалое волнение охватило ее. Неужели сооружение Предтечей все еще действует? Такое случилось на других планетах — на Лимбо, Арзоре. Если такое возможно, тогда эта планета — одна из великих находок, и все — даже нарушенный запрет на контакт с обитателями закрытой планеты — будет забыто прибывшими исследователями! Это может стать решением ее проблемы.

— Что это? — спросила Лудорика, по-видимому, заметив на лице Роаны восторг.

— Не знаю... пока... — поспешно ответила Роана и спросила: — Кто такой этот Реддик, что захотел завладеть Коронай?

— Несмотря на то что король не стал бы признавать сына Олавы, тем не менее он пожаловал мальчику дворянство и даровал ему пожизненное право на владение Хизерхау, причем это право распространялось бы и на все последующие его поколения. Реддик — его внук. Но, возможно, ему известна тайна Оха. Если бы только я смогла отыскать Корону, то у герцога Реддика не осталось бы ни единого шанса. Тогда ему не удастся завладеть Коронай прежде смерти короля, или пока жива я...

— Пока ты жива, — задумчиво вторила ей Роана.

— Ты хочешь сказать... ну, конечно! Так вот почему... у него двойная цель. — Принцесса кивнула. — Помешать моим поискам либо сделать так, чтобы у меня не было возможности продолжать их. Что также означает... — Теперь на ее лице отражались только решительность и холодная ярость вперемешку со страхом.

— Роана, — продолжала она. — Я не виделась с королем Никласом пять дней. А ведь старик говорил мне, чтобы я поспешила с поисками Короны и забрала в свои руки все то, в чем мне отказывали в течение многих лет. Он говорил о ключах, о путеводной нити, о которой он часто думал, пытаясь отыскать ее, чтобы потом следовать за ней, как делали мой отец и мои дяди, когда принимались за поиски. Наверное, королю намного хуже, нежели мне известно, и с каждым днем его болезнь становится все сильнее и сильнее. А вот проклятому Реддику об этом известно! Если бы сейчас король был в своем уме, то герцог ни за что не осмелился бы выкрасть меня из Хизерхау.

— У тебя есть какой-нибудь человек, на которого можно положиться?

— Никто не знает секрета Короны. Но если я теперь отыщу ее и мне удастся добраться до Йаттона или до границы, то смогу вместе с нею достичь Лихштена и получить передышку, во время которой можно собрать преданных мне лордов. Моя мать была принцессой Лихштена, и, хотя она умерла при родах, трон Лихштена занимает мой двоюродный брат. Я все же смогу воззвать к его кровному родству со мною, и всё должно помочь тому, кто носит на голове Корону!

Он посветила впереди себя.

— Послушай! Если она где-то здесь, то почему ее не видно? Я должна завладеть ею, и как можно быстрее!

Теперь она чуть ли не бежала.

Однако луч выхватил что-то еще. С правой стороны стена изменилась. Роана надавила на нее ладонью и резко остановилась возле плиты из какого-то прозрачного материала. Внутри коридора — и вдруг какое-то неведомое оборудование! Это не могло быть ничем иным. Тут и там она увидела ряды механизмов и вспыхивающие разноцветные огоньки. Она прижалась лицом к стеклу, пытаясь получше рассмотреть то, что увидела. Но свет был слишком прерывистым; она видела лишь мерцающие вспышки, сменяющиеся одна другой. Зеленый, синий, красный, оранжевый, множество цветов и их комбинаций. И что удивительно, они не отражались в коридоре, где она стояла.

— Идем же! — громко промолвила принцесса, уверенно шагая вперед, не обращая внимания на изумленную Роану. — Почему ты остановилась?

— Эти огни... Возможно, это какое-то оборудование. Но что... Лудорика явно неохотно возвратилась к своей спутнице.

— Какие еще огни? — требовательно осведомилась она, направляя излучатель прямо на панель. Яркий луч света тотчас выхватил два странного вида прибора, разделенных между собою колонной, отбрасывающих от себя лучи света.

— Какие огни? — снова спросила Лудорика и потянула Роану за руку. — Почему ты стоишь здесь, пялишься на голую стену и говоришь об огнях? Ты что, рехнулась? — Она слегка ослабила хватку и немного отошла назад.

— Тогда что ты там видишь? — поинтересовалась Роана.

— Стену... да, стену, как и здесь, так и там... — Принцесса ткнула указательным пальцем вперед, в сторону, затем — назад. — Ничего, кроме стены, я не вижу.

Роана оцепенела от потрясения. Ведь она-то видела необычные приборы, установленные за прозрачной панелью! Она не могла ошибиться или вообразить такое! Могло быть только одно объяснение тому, что принцесса ничего этого не видела: психологическая обработка!

А подобная психологическая обработка означала кое-что еще. Внезапно Роану осенила смутная догадка. Вполне вероятно, что обнаруженное ими оставили вовсе не Предтечи, а скорее психократы, которые определяли судьбу Клио.

И хотя это могло оказаться не столь важным открытием, как находка подлинного оборудования Предтечей, но и оно могло сыграть весьма важную роль. Службе было мало что известно о технике психологической обработки на многочисленных закрытых планетах. Так что обнаружение хотя бы части оборудования подобного эксперимента могло весьма заинтересовать тех, кто поддерживал дядю Оффласа. Так что, в конце концов, теперь у Роаны имеется повод для заключения сделки. Теперь она имеет возможность поторговаться с дядей насчет принцессы.

— Это всего лишь голая стена! — снова заявила Лудорика, продолжая отходить от Роаны, взирая на чужеземку как на что-то, представляющее опасность.

— Обман света, — тихо отозвалась Роана, но она понимала, что если принцесса была психологически обработана, то будет сопротивляться даже мысли о том, что находилось за панелью.

— Обман света? — переспросила Лудорика с сомнением в голосе. — О, наверняка Олава приняла какие-нибудь свои меры предосторожности против искателей. Я слышала о таких обманах, но они действуют только на некоторых. — Она снова пристально посмотрела на Роану и протянула ей руку. — Позволь, я проведу тебя через эти иллюзии. Видишь ли, я не могу быть настолько сбитой с толку и озадаченной. Никого из лиц королевских кровей невозможно привести в замешательство какими-либо иллюзиями.

«Забавно, — подумала Роана, криво усмехаясь. — Получается, что слепой предлагает вести за собой зрячего». Как бы она была благодарна, если бы принцесса сооблаговостила выслушать и принять ее объяснения. Она больше не смотрела на панель.

Очень скоро вид коридора вновь переменялся. Сперва он стал шире, а после гладкие его стены неожиданно привели девушек к очень узкой тропинке с шероховатой скалой с одной стороны, словно те, кто прокладывали эту тропинку, воспользовались естественным проломом в горе для каких-то своих целей. Первоначально же здесь находилась пещера, где Роана не заметила никаких следов человеческого вмешательства для ее улучшения.

Когда луч излучателя высветил тропинку среди грубых стен, принцесса замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась с весьма озадаченным видом.

— И что означали все эти перемены? — спросила она, скорее обращаясь к себе, нежели ожидая ответа от Роаны.

— Ты по-прежнему считаешь, что это — тайник Оха?

— А что же это еще может быть? Да и какой смысл пробивать проход через скалу? И еще...

— Подожди! — Роана подняла руку и несколько секунд держала ее перед расщелиной. — Оттуда идет воздух! Наверняка впереди есть еще одна дорога.

Они обнаружили еще один коридор, очень узкий и с шершавыми стенами, смыкающимися так близко друг к другу, что девушки едва могли продвигаться ползком. Ко всему прочему Роана понятия не имела, насколько далеко от них находится выход. А что если дядя Оффлас с Сандаром были вынуждены усилить энергетическое ограждение вокруг лагеря и не ищут ее? Но по крайней мере они должны были получить ее сообщение и пойти на разведку. Конечно, преследователи принцессы могли столкнуться с трудностями, возникшими во время погони за ней, и это могло задержать их на какое-то время.

Когда они добрались до более или менее широкого пространства, Роана заговорила:

— Не знаю, как ты, а я умираю с голоду.

— Не говори о еде! — резко сказала принцесса. — Когда у тебя нет ничего, лучше не думать о том, чего у тебя нет. Давай-ка выбираться отсюда...

— Но у меня есть кое-какая провизия, — возразила Роана. Не стоило пытаться скрывать о таких вещах, как тюбики с А-рационом, когда уже пройдено столько пути, а она голодна, как волк.

— Где? У тебя же нет никакой сумки с едой... — промолвила принцесса, освещая Роану излучателем. Ее спутница тем време-

нем расстегнула свой комбинезон и вытащила один из тюбиков. У нее осталось еще два тюбика, и, поскольку надежда на помощь была весьма сомнительной, Роана решила, что лучше разделить один тюбик на двоих.

Принцесса уставилась на тюбик.

— Ты носишь в нем еду? — еле слышно проговорила она. — Но даже если эта штука была бы в четыре раза больше, еды нам все равно не хватит. Если, конечно, ты так же голодна, как я!

— Это особый вид пищи для путешественников, — пояснила Роана. — Очень маленькая порция, скажем, половина этого тюбика, равноценна полному обеду. Сразу скажу, что вкус у этой пищи не такой, к которому ты привыкла, но она очень полезна для тела и придаст нам сил. Если ты сомневаешься, я начну есть первой. — Она отмерила половину длины тюбика и постепенно начала выдавливать его содержимое себе в рот, не касаясь тюбика губами.

Ее спутница наблюдала за ней с нескрываемым интересом. И когда Роана покончила с едой и передала принцессе тюбик, Лудорика поднесла его к губам. Попробовав предложенное, она сделала кислую гримасу, но еду проглотила.

— Она почти безвкусна, как ты и предупреждала. Честно говоря, не думаю, что получила бы удовольствие от такого, с позволения сказать, блюда. Однако, когда голоден, нечего кочевряжиться в выборе пищи. Любая еда хороша, не так ли? — Она быстро покончила с содержимым тюбика и, когда тот опустел, возвратила его Роане.

Роана лишь улыбнулась. После долгих тренировок ей ничего не стоило за какие-то доли секунды свернуть тюбик в шарик и спрятать его под отвалившийся камень. Принцесса установила излучатель вертикально, словно свечу, и свет от него отразился от потолка, нависшего над их головами. Теперь девушки как следует смогли разглядеть место, в котором находились. Это оказалась настоящая пещера.

Но свет излучателя выхватил еще кое-что. Как только Роана увидела это, то быстро поднялась и направила излучатель прямо на то, что находилось перед нею. Когда-то это было человеком. Но сейчас она видела настолько древние останки, что даже не ощутила позывы к тошноте. Кости лишь наполовину выступали из земли, и часть скелета скрывалась обрушившейся скалой.

Она услышала, как вскрикнула принцесса, когда свет излучателя упал на потрескавшиеся кости запястья. И тут же зажмурилась от яркой вспышки, исходящей от чего-то внизу. Роана нагнулась, чтобы поднять металлический браслет из маленьких драгоценных камней. Их фантастический блеск почти ослеплял. Как и его красота. Роана видела перед собой шедевр ручной работы. Драгоценные камни изображали крошечные цветы среди причудливо переплетающихся металлических листьев.

Через секунду браслет уже был сорван с пожелтевшего от времени запястья. Принцесса так и сяк вертела его между пальцами, время от времени примеряя его.

— Это браслет Олавы! Да, мы в тайнике Оха! И Корона... Корона! — Она развернулась кругом, пристально разглядывая стены пещеры, пока Роана освещала их излучателем. Однако новообразованная стена перед ними, где лежал раздробленный скелет, уже была кем-то исследована в прошлом. Причем со всей тщательностью. Помимо всего прочего, Роана не заметила ни одного выхода из пещеры. Даже узенькой расщелины.

Глава 5

— Если даже Корона находится где-то здесь, — заметила Роана, — то теперь ее завалило обрушившейся скалой.

Про себя же она подумала, что найденный ими браслет — очень небольшой ключ к разгадке.

— Но ее могли запрятать отдельно! — Лудорика сидела, поджав ноги, на могильном холмике, стараясь держаться как можно ближе к нему и в то же время избегая смотреть на скелет. — Ты говоришь, что твои друзья придут освободить нас со стороны внешней пещеры. Безусловно, они помогут нам отыскать Корону! Дайте только мне завладеть ею, и Ревения освободится от вечного страха, ибо покуда я буду жива, больше никто не посмеет претендовать на...

— Вот именно, покуда ты будешь жива, — саркастическим тоном промолвила Роана. — А что произойдет тогда, когда ты найдешь Корону, а твои враги в свою очередь отыщут тебя? Сколько тогда тебе останется жить? Ты подумала об этом?

Принцесса вперилась в собеседницу. Ее глаза расширились от потрясения.

— Но ни один человек, будучи в здравом уме, не посмеет поднять руку на обладательницу Короны; ведь это все равно, что находиться под эгидой Хранителей. Что же касается смерти, то она может постигнуть любого, лишь прежде чем Корона упрочится на избранной голове.

— Но сейчас Корона должна принадлежать твоему деду, разве не так? И пока он жив, ты в опасности.

— Правильно. Но если то, чего я так боюсь, — правда, а это уже в некотором роде доказано тем, что Реддик выступил против меня столь открыто, — это говорит о близкой кончине короля. Корона узнает об этом, ибо она обладает странной силой. Все Короны знают о таких вещах. Короны — это сердца своих государств, обладающих ими. Короны, в свою очередь, обладают этими государствами и жизнями их народов... это уже доказано на примере Аротнера. Нет, когда твои люди придут нам на помощь, они должны откопать Корону! Она все еще существует, и я должна ее найти!

И эта неистовая вера, эта властность, временами проявляемые принцессой с такой огромной силой, почему-то возобладали над Роаной, и она с удивлением для себя признала, что не может противостоять им. Поэтому она с трудом, но снова согласилась со своей спутницей. Но через некоторое время ей все же удалось побороть навязчивое состояние, передающееся от принцессы, и убедить Лудорику вернуться в противоположный конец прохода, чтобы встретиться там со своими спасителями.

Она не сомневалась, что дядя Оффлас обязательно придет, но вот когда — это уже другой вопрос. Особенно если ему придется избегать преследователей принцессы, рышущих в лесу. Именно это она и сказала, чтобы заранее предупредить принцессу.

— Но ведь ты можешь отправить послание... хотя браслет, взятый с той неприятной руки, уже сам по себе послание... — Затем принцесса быстро сменила тему. — Я не знаю, кто ты на самом деле. Зато ты не из Ревении и не из какого бы то ни было известного мне королевства, могу поклясться! И если бы ты не вытащила меня из той проклятой башни, я не... — Лудорика вновь замолчала. — И вот я здесь и не угодила в лапы негодяя Реддика, так что в некоторой степени доверяю тебе. Но отправить послание тем, кто, по твоим словам, выручит нас из беды, значило бы обнаружить себя. Знаешь что? Передай им, чтобы они связались с гарнизоном в Йаттоне. Для этого им достаточ-

но назвать мое имя полковнику Нелису Имфри. Он нес патруль во дворец до того, как был отправлен на службу в Пограничную Охрану. Призванный от моего имени, он обязательно явится на помощь. Ты можешь сказать своим людям, если эти твои перещелкивания действительно означают разговор, ты можешь сказать им...

— Нет, — Роана отрицательно покачала головой. — Они не отправятся ни в Йаттон, ни в какое другое место за твоей гвардией, и неважно, какое послание я им отправлю.

Вероятно, Роана поступила неправильно, так решительно отказав своей спутнице. Ее слова могли вызвать у Лудорики еще большие подозрения. Тем не менее она должна составить план прежде, чем дядя Оффлас с Сандаром явятся сюда, поскольку они не предоставят принцессе никакой помощи в разрешении ее запутанных проблем, связанных с наследием ее династии.

— Мои люди дали клятву... — Роана старалась представить ситуацию в тех словах, которые были бы понятны для принцессы. — В общем, мои люди поклялись под присягой, которая навеки крепко связала их, ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в чужие дела. Я уже нарушила присягу тем, что сделала с того момента, когда мы с тобой встретились. И за это мне придется заплатить. А тебя просто никто не станет слушать, когда ты будешь просить помощь у тех, кто явится сюда.

Они проходили мимо панели, которую принцесса не видела вовсе, а Роану та привела в восхищение и чуть ли не очаровала. Поэтому девушка, минуя панель, закрыла глаза, чтобы не поддаться искушению взглянуть на нее еще раз. И в этот момент передатчик на ее запястье замигал. Ей даже не пришлось воспользоваться излучателем, чтобы прочитать искрящийся код.

Сандар! И никакого упоминания о дяде Оффласе. Только короткий приказ сделать сигнал сильнее, так, чтобы он стал проводником для своих родственников.

— Они сейчас здесь! — Роана побежала по ровному полу, и в эти мгновения ее не волновало, следует ли за ней принцесса или нет.

Вместо входа в пещеру она вновь увидела преграду из камня и глины. Очень осторожно, поскольку она не знала, какой именно используют инструмент, они начали избавляться от нее. Роана махнула принцессе рукою, чтобы та держалась на достаточно безопасном расстоянии от «заслонки».

Лудорика не стала возражать, когда Роана отказалась от ее помощи. Однако она улыбалась от предвкушения чего-то. Вокруг принцессы образовалась такая мощная аура доверия, что Роане даже стало неловко. Вероятно, ей надо было поведать правду до конца: о том, что Лудорике не стоит ожидать не только помощи, но и о том, что те, кто придет сюда, возможно, захватят ее в еще один плен; так что ее поиски Короны очень скоро завершатся. Роана открыла было рот, чтобы сказать своей спутнице то, что она должна была сказать, как перегородка из земли, камня и глины переместилась. Глыба, служащая ей опорой, исчезла.

У Роаны перехватило дыхание. Им все-таки удалось применить этот инструмент! Значит, они действительно готовы к самым отчаянным мерам, таким, на которые люди пускаются только в экстремальных условиях.

Она посмотрела на принцессу. Как ее спутница восприняла внезапное исчезновение огромной и тяжелой каменной глыбы? Однако Роана не увидела даже намека на удивление; она ощутила лишь еще больше усилившееся доверие, которое сейчас будет очень грубо разбито на осколки.

В пещеру ворвался свежий воздух, влажный от непрекращающегося дождя. Потом, немного ссутулившись, в пещеру вошел Сандар. Он пришел один, а в его руке... Роана тяжело вздохнула, но у нее не оставалось времени, чтобы повернуться к принцессе и предупредить ее. Сандар уже нажимал на кнопку своего шока. Принцесса медленно повалилась на каменный пол рядом с Роаной. Впервые в жизни Роана смотрела на кузена с нескрываемой яростью.

— Зачем ты это сделал? Ты даже не знаешь, в чем...

Его рот неприятно искривился, точно так же, как у дяди Оффласа в определенных обстоятельствах. Но на этот раз Сандар ничуть не смутился, как это случилось несколько дней назад.

— Тебе известен устав. Я увидел чужого... — произнес он резко. — А теперь... — Он взглянул на детектор, который носил с собой, словно счел Лудорика одним из камней, который только что уничтожил. Потом с его лица слетело угрюмое выражение. — А ты оказалась права! Надо искать именно здесь...

Роана опустила на колени возле принцессы, приподняв обмякшее тело и положив ее себе на плечи. Лудорика можно было усыпить, безусловно, но оставлять ее здесь не следовало. Сы-

рость, просочившаяся вместе с воздухом, уже достигла Лудорику и легла на ее лицо. Роана не знала, какие болезни существуют на Клио, но она не сомневалась, что обитатели этой планеты не смогут долго продержаться без какого-нибудь укрытия, чтобы не заболеть.

— Оставь ее... никуда она не денется! — Сандар подошел к Роане. — Что там внутри?

— Какое-то оборудование. Это чуть подальше. Я видела его через панель в стене.

Сказав это, она почувствовала, что не может пошевелиться, чтобы провести его туда.

Не став дожидаться Роану, Сандар, включив свой излучатель, двинулся в указанном направлении, оставив кузину с принцессой, по-прежнему пребывающей без сознания. Дядя Оффлас и Сандар будут категорически против освобождения принцессы, и Роана понимала это. И она решила, что подыщет для нее убежище и станет ухаживать за ней, пусть даже придется столкнуться с могучим давлением с их стороны, которым они частенько пугали ее прежде.

Она по-прежнему прижимала принцессу к себе, согревая ее, оставив между их телами небольшую щелочку для влажного воздуха, когда наконец возвратился Сандар.

— Понятия не имею, что это, — проговорил он недовольно. — Возможно, это Предтечи. Во всяком случае, эту штуку нельзя отнести к настоящему времени Клио.

— Наверное, это оборудование установили психократы для психологической обработки местных жителей.

— Откуда ты... — начал он, но замолчал и, пожав плечами, продолжил: — Кому об этом известно, прежде чем мы ознакомимся поближе? Итак... в лесу бродят какие-то люди. Они кого-то ищут. Удача восьмипалого Даргона была со мной, и только потому я от них укрылся. Отцу пришлось поставить ещё больше искажателей, чтобы покрыть ими и эту область. Что это за люди, которые преследуют... ее? Я прав? Если это так, мы промоем ей мозги и оставим там, где они смогут захватить ее. На этом наши проблемы закончатся.

— Нет.

— Нет? Это еще почему? — Он пристально уставился на нее (а Роана про себя засмеялась), словно у нее внезапно выросли рога и хвост.

— Никакого промывания мозгов и оставления ее в беде, — тоном, не допускающим возражений, промолвила Роана. — Это — принцесса Лудорика.

— Да по мне будь она хоть Звездная Дева Баганорка! Ты знаешь правила не хуже меня. И ты уже нарушила их, находясь рядом с ней все это время. Ну и сколько секретов ты ей выболтала? — Глядя ей в глаза, он медленно крутил настройку своего шокера. Роана ощутила пронзительный холод, но отнюдь не от ветра.

Она вытащила из-за ремня свой универсальный резак.

— Только попытайся промыть ей мозги, Сандар, и ты увидишь, что я сделаю с твоим шокером. А главное — с рукой. А ну брось его! Сейчас же! Или узнаешь, до чего ж я люблю жареные пальчики! Послушай, я не шучу!

Он возрился на нее с величайшим изумлением. Тем не менее он прочел в ее глазах, что в эти мгновения девушка способна на все. Раньше Роана очень редко сталкивалась с сильным воздействием на ее волю и храбрость, однако в обществе Сандара такое уже случалось дважды, и теперь он должен был запомнить ее реакцию.

— Ты соображаешь, что делаешь? — холодно осведомился он. Его рука по-прежнему сжимала шокер, но с небольшим чувством триумфа она отметила, что палец медленно отходит в сторону от кнопки.

— Я все прекрасно понимаю, — ответила она. — Брось эту штуку сюда! — Ее резак даже не шевельнулся. Наверное, она израсходовала почти весь их заряд, перекусывая цепь, удерживающую принцессу, но, по ее прикидке, мощности осталось вполне достаточно, чтобы подпалить Сандара, и она не станет колебаться! Некое подобие плена, а также постоянно поддерживаемое чувство собственной неполноценности, беспомощности, которым пользовались отец и сын Кейлы, чтобы властвовать над нею, надолго обрекли ее на безропотное послушание, которое было сродни чувству, наверняка испытываемому принцессой Лудорикой в металлическом ошейнике и на цепи.

Это неутомимое желание свободы, зародившееся в Крамбриф, пышным букетом расцвело в Роане на Клио. Несомненно, ей надлежит знать гораздо меньше дяди и Сандара, равно как беспрекословно повиноваться их приказам, но она тоже

была личностью со своими правами, а не каким-нибудь запрограммированным ими роботом! Не то чтобы именно теперь она осознала это и пропустила через свой мозг. Но она любой ценой решила остановить Сандара. Его безжалостное разрешение проблемы с принцессой подействовало на Роану как удар хлыста, ставший последней каплей для раба, восставшего против своих хозяев. Нет, скорее это пробудило в ней неизбывную тягу к сопротивлению.

Сандар даже не попытался урезонить ее. Он вообще никогда еще не взывал к ее здравому смыслу. Он отдавал приказы, она покорно их исполняла, и так продолжалось до тех пор, пока Сандар с отцом не завернули ее в кокон бездумного одобрения всех их решений. Но рано или поздно кокон превращается в гусеницу, и тогда она вырывается на свободу.

Он отшвырнул шокер. Роана, крепко придерживая принцессу, сжимала свое орудие до тех пор, пока ее пальцы не дотянулись до оружия.

— Преследователи близко отсюда? — спросила она.

— Пока работает искажатель, они держатся на расстоянии, сами не зная почему... кстати, ты должна быть в курсе этого. Но так может продолжаться недолго. Нам надо поскорее уходить.

— Что ж, ты прав, — сказала Роана, подвешивая свой инструмент к специальной петле на ремне. Шокер она по-прежнему держала в руке. — Сейчас мы пойдем. И ты ее понесешь.

— Не думаю, что это удачная мысль, — возразил он. — И тебе известно об этом. У отца исключительная власть. Последнее решение всегда за ним, и он никогда не откажется от этого. К тому же наша команда наименее всего нуждается в тебе. Я думал, ты понимаешь это!

Роана могла бы поразмышлять о своем будущем, будь у нее время. Но в эти мгновения намного важнее было доставить принцессу в убежище и проследить, чтобы она не угодила в лапы своих врагов.

— Ты понесешь ее, — тихо, но твердо повторила Роана.

Он повиновался. Довольно с Роаны всех этих бесконечных тренировок и прочего, и даже теперь, наслаждаясь опьяняющим чувством, что заставила Сандара подчиниться ей, она не отказалась от того, чтобы воспользовалась остаточной мощью своего оружия, чтобы вызвать еще одно колебание земли, которое, подобно маске, закрыло отверстие в пещеру. Она надеялась, что су-

меет сохранить тайну пещеры. Ибо то, что лежало в ее недрах, и тот факт, что она обнаружила тайну, было ее единственным шансом для заключения сделки с ее непреклонным дядей.

Хотя повсюду работали искажатели, Сандар не воспользовался возможностью идти быстрее, хотя он без труда нес бездыханную принцессу на своем могучем плече. Роана шла позади него, стараясь как можно лучше заметать за ними следы.

Так они добрались до лагеря. Дяди Оффласа на месте не оказалось, и Роана приказала Сандару положить принцессу в ее личный отсек. Потом она принялась за работу, приводя в порядок мокрую насквозь и испачканную одежду Лудорики, соорудив из лохмотьев ее одеяния нечто похожее на импровизированные легинсы. Она завернула принцессу в теплый спальный мешок, когда к ним тяжелой поступью вошел начальник экспедиции.

Он вошел прямо в отсек и посмотрел на принцессу. Ни одна жилка не дрогнула на его лице.

— Кто это?

— Принцесса Лудорика, наследница трона Ревени.

— Ну и какова история ее появления здесь?

Роана смутно отметила, что дядя Оффлас включил записывающее устройство. Она готова была проклясть навеки свой собственный рот. Во всяком случае, больше ничего не смогла бы сделать. Предложение Сандара для нее было совершенно исключено.

И Роана начала рапортовать дяде о случившемся. Она говорила открытым текстом и очень кратко. Словно отработала этот рапорт давным-давно заранее. Она поведала дяде Оффласу о буре, о своем убежище в башне, о пещере, о том, что она там обнаружила, о рассказе принцессы про Ледяную Корону и обо всем остальном.

Дядя Оффлас слушал ее не перебивая, хотя Сандар постоянно ходил взад-вперед, словно ему безумно хотелось вставить какое-нибудь насмешливое замечание. И все-таки он промолчал. Наконец завершив свое повествование, Роана ожидала страшной бури, прекрасно понимая, что словесная молния может принести беду куда посильнее настоящей.

— Что касается этой девушки, — нарушил тишину дядя, — мы можем позаботиться о ней, если это понадобится. Однако эта ваша находка... ты понимаешь, о чем я говорю, Сандар?

— Да. Кое-что мне удалось разглядеть через панель. Это могут быть не Предтечи, а психократы. И это вполне может иметь отношение к эксперименту на Клио.

— В любом случае мне очевидно, что находка очень важная. Мы зафиксируем ее в рапорте вместе с этим. — Он взглянул на принцессу так, словно перед ним лежало не человеческое существо, а какой-то неодушевленный предмет, с которым придется очень долго возиться, дабы привести его в порядок. — Тем не менее у нас имеется два дня, прежде чем передатчик сменит волну, чтобы должным образом перейти на связь с орбитой. А за это время нам необходимо собрать как можно больше информации.

— А что делать с принцессой? — осведомился его сын. — Ее разыскивает целая шайка негодяев, а нам нельзя слишком долго задействовать искажатели, причем на самую полную мощность. Если мы сделаем по-моему и промоем ей мозги, а потом оставим здесь, где эти люди смогли бы найти ее...

Роана понимала, что следовало бы еще раз произнести «Нет». У нее не было оружия, чтобы вернуть все на свои места. И ее уверенность, поддерживающая ее поначалу, стала убывать. В какие-то моменты ярости она могла противостоять Сандару. Но у нее не было защиты от дяди Оффласа.

— Сейчас они охотятся где-то на севере, — проговорил дядя. — К тому же мне бы хотелось знать больше об этой Короне, которая, по ее мнению, спрятана здесь. Если мы сотрем ее память, то так ничего и не узнаем. У нас нет специального оборудования для отбора подобных материалов. Какое-то время мы можем подождать. А теперь я хочу взглянуть на то оборудование.

— Что же касается тебя, — обратился он к Роане, — ты должна осознавать свои действия. Ты не слепая безмозглая дура, а просто дура. И я предлагаю тебе как следует поразмыслить о своей глупости. Равно как и о будущем, которое ты только что понапрасну принесла в жертву.

Эти слова показались Роане намного мягче, нежели взрыв эмоций, который она ожидала. Впрочем, спустя несколько минут, когда мужчины покинули лагерь, она осознала, что рассматривает свое печальное будущее уже как само наказание за проступок. Самое меньшее, на что она могла надеяться, — на отправку на какую-нибудь отдаленную и совершенно закрытую планету, которую выберет для нее Служба, где она со временем забудет все то, чему училась многие годы. А самое ужасное, что

все вообще забудут о ее существовании. Могут даже потребовать подвергнуть «цензуре» ее мозг. От этой мысли Роана ощутила мурашки по коже и закрыла лицо руками. Но это не помешало отчетливо видеть ужасающие картины, возникающие в ее голове.

Почему же она поступила так? Теперь, оглядываясь назад, она не сомневалась, что могла бы спокойно отсидеться в башне, возможно, даже вскарабкаться куда-нибудь повыше, так и не повстречав принцессу. Подобный тип бегства был предусмотрен ее тренировочными занятиями чуть ли не с самого начала обучения. Что же побудило ее напрочь отбросить благоразумие и здравомыслие?

И опять же, она могла бы оставить принцессу, как только они выбрались из башни. Она могла сделать то или это... Однако из всех вариантов она выбрала один, обрекающий на суд дяди Оффласа, а ведь превосходно знала, что ее будет ожидать за это.

Теперь она не сможет использовать свою находку как средство для «торга». Дядя Оффлас заявит, что все произошло случайно. Единственная новая информация заключалась в том, что принцесса была психологически обработана и поэтому не видела панель... и еще кое-какие сведения о Ледяной Короне, которыми снабдила ее Лудорика.

Пока у них нет оборудования, чтобы выудить из Лудорики какие-либо сведения против ее воли, возможно, ей следует быть более осторожной, как-то подготовиться... Но все это должно происходить сознательно, а сколько времени это займет...

— Что ты им рассказала обо мне?

Роана испуганно вздрогнула. Принцесса не была без сознания; ее просто оглушило сандаровским шокером. Глаза ее были открыты, и она наблюдала за Роаной.

Роана понятия не имела, как могло произойти такое чудо. Разве что здесь сыграла роль наследственность, присущая всем обитателям Клио. Она ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь так быстро приходил в себя после воздействия шокера. И следовало воспользоваться этим преимуществом, пока не вернулись ее родственники. Ей необходимо предупредить Лудорику.

— Послушай! — Хотя никого, кроме них, в убежище не находилось, а устройство для записи было выключено, Роана очень близко наклонилась к принцессе. — Они хотят стереть твою память, чтобы ты не могла ничего вспомнить. А потом... потом они, возможно, отдадут тебя в руки твоих преследователей.

Она ожидала выражения недоверия со стороны принцессы. Однако, несмотря на то что глаза собеседницы прищурились, похоже, ее вовсе не удивило услышанное. И Лудорика ровно промолвила:

— А ты сама-то веришь, что они способны на такое: стереть мою память?

— Я видела, как это делают с другими.

— Да, по-моему, ты все-таки веришь этому. Но что бы ни сделали с тем, кто имеет право на Корону... — она замолчала и нахмурилась. — Если бы мне удалось достать Корону... я должна ее достать!

Но Роана спросила принцессу совсем о другом:

— Когда ты очнулась? Мне очень важно это знать.

— Память, которая может оказаться полезной, а? — усмехнулась принцесса. — Что ж, очень хорошо, я все помню более чем отчетливо! Помню молодого человека в такой же одежде, как и у тебя. Зачем все это тебе, Роана, эти люди и одежды, непохожие на женские платья? Даже наши крестьянки радуются в своих ярких юбках, а твою одежду сочтут уродливой и скучной. Итак, я помню молодого человека. Потом все погрузилось в темноту, и я спала, не видя снов. До тех пор пока не оказалась здесь — где бы это ни было, и ты вытащила меня из грязных, отвратительных лохмотьев, очистила, умыла меня и согрела. Но, по-моему, я смогла очень много узнать, пока твои люди не замечали, что я очнулась.

— Поэтому они и хотят стереть мою память, — продолжила она, — и передать меня тем, кто, по их мнению, желает мне добра, а пока я буду пребывать в состоянии глубочайшего вечного сна. Что намного хуже смерти. Зачем они поступают так с незнакомкой, не причинившей им никакого вреда?

— Они боятся, что тебе станет известно об их присутствии на Клио.

— Они что, собираются что-то украсть, или, хуже того, опасаются, что кто-то узнает об их присутствии и сорвет какие-нибудь более грязные планы? — В голосе принцессы чувствовались резкие, неприятные нотки. — Ну, конечно! Вы ищете Корону! Но я ведь говорила тебе самую правду: если Короной завладеет человек не королевских кровей, его ожидает жуткая смерть. Выходит, кто-то из наших враждебных соседей послал вас сюда, чтобы разрушить наше королевство? Неужели вы настолько бес-

печны или, напротив, преданы своему делу, что готовы пойти на самоубийство ради достижения своей цели?

Это уже было невыносимо. Роана не смогла бы объяснить принцессе ситуацию, не рассказав ей все. Но разумом, подвергнутым психологической обработке, сможет ли Лудорика принять ее объяснения, причем быстрее, чем она поверила в существование оборудования за панелью, которое и в глаза не видела?

— Мы прибыли сюда на поиски сокровища, но, клянусь всем на свете, что это не имеет никакого отношения к Короне! Пока ты сама не рассказала мне о ней, я понятия не имела о ее существовании. И Корона ровным счетом ничего для меня не значит. То, что мы ищем, вообще не относится к твоему времени. О, я не знаю, сумеешь ли ты меня понять! Еще до того, как Ревения стала государством, до того как ваши люди пришли сюда, — а случилось это так давно, что мы не можем даже примерно определить, когда — здесь были другие. Они не были похожи на нас даже по строению своего тела, и они покинули Клио задолго до того, как зародилась наша форма жизни.

Но после себя они оставили в некоторых местах некие тайные вещи. При помощи этих вещей наши мудрецы пытаются чему-то научиться у них, — продолжала Роана. — Они обладали величайшими знаниями, намного более значительными, нежели мы. Способны были совершать такое, во что с трудом можно поверить. И все же нам известно, что они это совершали.

Каждая такая находка, когда мы ее обнаруживаем, добавляет к нашим ничтожным знаниям еще крупницу, потом — еще и еще. И с каждым днем мы узнаем все больше, и когда-нибудь узнаем почти все из их секретов. Мой дядя и мой кузен, тот молодой человек, которого ты видела, оба обучались специально для того, чтобы разыскать эти сокровища. А меня просто обучили самым элементарным вещам, чтобы я помогала им. Поскольку я отношусь к их семье, предполагалось, что я буду хранить их секреты. — Она с трудом попыталась довести до ума своей слушательницы кое-что об обычаях, существующих на других планетах. — Раскрыв себя тебе, я нарушила очень строгий закон, и мне придется очень дорого заплатить за это. Но твоей вины тут нет...

— Значит, ты считаешь отнятие у меня памяти неправильным и скверным делом? — спросила Лудорика.

— Да. И еще...

— И еще у тебя такой же образ жизни, как и у нас, лиц королевских кровей. То есть ты должна одобрять и поддерживать все, что бы тебе ни предложили, — грустно заметила принцесса. — Да, я понимаю тебя. Но вот что я тебе скажу, Роана: я не намерена позволить им лишить меня памяти и передать в лапы Реддику. Как не намерена и лишиться Короны, когда моя рука находилась в каких-то нескольких дюймах от нее. Я отношусь к вам как к врагам, но достойным врагам. Если между нами идет война, а можно сказать, что это так, то с этого момента вводятся законы военного времени.

— Я не хочу никакой войны. Но мой дядя и кузен...

— Да. А что случится с тобой, Роана? Они сотрут и твою память в наказание за то, что ты помогала мне?

— Вполне возможно. Или меня вышлют на какую-нибудь заброшенную планету, где я проживу в одиночестве до конца своих дней.

— В тюрьму? И ты позволишь им совершить над собою такое?

— Ты не понимаешь!.. Они обладают силами, которые тебе не дано постичь. А за ними стоят еще более могущественные люди, обладающие невероятной мощью! Они и определяют, какова будет моя судьба.

Принцесса села.

— Не понимаю тебя. У тебя сильное тело, сметливый и острый ум. Ты это уже доказала. И все-таки ты позволишь им отправить тебя... — Она запнулась, затем гневно прибавила: — И ты спокойно сидишь здесь и ждешь, когда они явятся за тобой!

— Это ты ничего не понимаешь! — Роана сейчас думала об устройствах, которые они могут использовать, чтобы выследить и поймать ее. А дядя Оффлас даже может запросить помощь у Службы. Возможно, принцесса психологически обработана одним способом, но, как Роана отметила сейчас, она сама психологически обработана, только по-иному. И она не сможет вырваться на свободу без чьей-либо помощи...

— Оставайся, если хочешь, — сказала Лудорика. — А я не останусь здесь, чтобы позволить этим негодьям играть с моими мозгами!

— Куда ты пойдешь?

— Если мне удастся вырваться из сетей, расставленных Реддиком, то в Йаттон. Реддик довольно туповат, и ему нелегко будет захватить меня. А ты... неужели ты останешься здесь и бу-

дешь дожидаться тюрьмы? — В словах принцессы чувствовалось легкое презрение.

Однако Лудорика ничего не знала. Бежать отсюда было совершенно бесполезно, и любой побег потерпел бы фиаско. Если Роане удастся убедить принцессу заключить с дядей Оффласом нечто вроде сделки... Вот только время для «торга», возможно, уже прошло. Роана покачала головой. И медленно встала.

— Если я помогу тебе добраться до Йаттона... — По крайней мере, она способна защитить Лудорику от людей Реддика. Если она сумеет обеспечить принцессе безопасность, тогда вероятно пусть крохотная, но надежда на дальнейшие переговоры.

— Если ты сможешь мне добраться до Йаттона, то, думаю, нам не придется больше разговаривать ни о стирании памяти, ни о тюрьме, ни о чем-либо в этом роде! — решительно промолвила Лудорика.

Глава 6

— Первым делом — еда. — Роана подошла к запасам провизанта, саморазогревающимся маленьким контейнерам с питательным содержимым, и принялась отбирать нужные.

Несмотря на то что Лудорика оставалась одетой, ее лохмотья были совершенно бесполезны. Роана могла бы дать принцессе дополнительный комбинезон, но его необычный материал и кройка вызвали бы множество вопросов со стороны любого местного жителя, а времени на объяснения у Роаны не было, да они и не внесли бы ясность. И она решила поставить Лудорику перед дилеммой: или комбинезон, или она остается в убежище Службы. Тем более что принцессе не имело смысла отказываться от «справедливого возмещения» со стороны чужеземцев (разумеется, подразумевая именно комбинезон), которое компенсировало бы недавнюю вопиющую несправедливость. Впрочем, это скорее уже касалось действий родственников Роаны.

Подобрав подходящие ей по размеру комбинезон и сапоги, она потеряла шершавыми пальцами лоб, и вовсе не из-за головной боли, а потому, что никак не могла понять, как она будет передвигаться, одетая в такую непонятную штуку. Роане не хотелось ничего, кроме убежища от грозной бури, что было вполне естественным желанием. С тех пор когда она встретилась с

принцессой, почему-то чувствовала себя так, как на очередной тренировке, а все, что ей удалось выучить, делилось только на «хорошее» и «плохое».

Со вздохом она вылезла из комбинезона, приготовленного для принцессы, в то время как та осторожно попробовала содержимое контейнера.

— А вот это вкусно! — воскликнула Лудорика. — Намного вкуснее того, что ты носила с собою в пещере. А как оно разогревается? Ты же не потащишь с собой печь!

— У нас есть другие способы разогревания пищи, — утомленно ответила Роана. Она и вправду безумно устала, и ей хотелось только свернуться уютным клубочком в теплом и удобном спальном мешке и спать, спать, спать... Но вместо этого она проглотила две тонизирующие таблетки, которые вскоре снимут утомление. Потом съела свою порцию пищи.

Принцесса покончила с едой первая и теперь ощупывала комбинезон. Они с Роаной были примерно одного телосложения, поэтому Роана думала, что комбинезон вполне подойдет принцессе. Она показала Лудорике, как действует молния-печатка: для этого достаточно просто провести кончиком пальца вдоль нее. Когда у принцессы все получилось, она радостно воскликнула от удивления и восхищения.

— Как просто тебе одеваться! Хотя для красоты здесь не хватает кружев и пряжечек. И... — она внимательно изучила свою стройную фигурку, закутанную в чужеземное одеяние. — Я не думаю, что мне понравится носить это долгое время! Вот подожди, Роана, как только мы доберемся до Йаттона, тогда я смогу обменяться с тобой подарками... и, я думаю... — она критическим взглядом осмотрела собеседницу. — Думаю, в нашем платье ты будешь выглядеть неотразимо! Хотя мне так жаль твои волосы. Ну, ничего, со временем они отрастут. Ах, знаю! Тебе очень пойдет чарнская шляпка, платье же будет цвета молодого белого вина, то есть золотистого! А на шляпке обязательно будут ленточки...

Роана рассмеялась. Она чувствовала себя так, будто внезапно переместилась из реального мира в сказку. А как еще смогла бы она, Роана Хьюм, описать подобную ситуацию? Когда она сидит в полевом лагере Службы в обществе принцессы королевства Ревения и слушает рассказы о высокой моде на планете Клио. А кроме того, самые изысканные платья, описан-

ные принцессой, предназначались именно для нее! Наверное, лучше относиться к этому приключению как к сладкому сну; просто плыть по течению событий, нежели пытаться противостоять им. Но дивные, мечтательные минуты пролетели быстро, и Роана была рада хотя бы тому, что увидела себя глазами принцессы.

— До того как мы доберемся до Йаттона, самое лучшее платье — это то, которое ты держишь в руках, — заметила принцесса. — Нам предстоит долгий путь... Если мы когда-нибудь туда доберемся.

Роана тем временем предпринимала все меры предосторожности, чтобы их не сумели выследить. Она расстегнула пряжку на ремне, сняла его и положила прямо на пол, чтобы осмотреть свой набор инструментов. Излучатель — да, причем со свежими зарядами. А вот ни детектор, ни запястный передатчик ей не понадобятся; ведь они связаны с передающими устройствами лагеря. Резак тоже не нужен. Хотя в некотором роде она предавала Службу, но не совершала это бездумно. И ей не хотелось подвергать риску своих родственников. Резак может потеряться, и найденный кем-то еще, способен навести потенциального врага на кое-какие размышления. Небольшая аптечка и...

— Ты не могла бы снять с меня это?

Роана посмотрела вверх и услышала тихий металлический лязг. Принцесса потянула за ошейник, и остаток цепи, перекинутый через ее плечо, зазвенел.

— Подойди поближе к свету и дай-ка мне взглянуть.

Принцесса согнулась так, чтобы Роана смогла изучить крошечную замочную скважину, которую ранее не заметила в замке ошейника. Девушка принесла самый большой набор инструментов и попробовала открыть замок при помощи двух из них, вставив их кончики в отверстие и медленно поворачивая. Наконец ошейник с легким треском открылся.

— Ах! — Лудорика стала растирать ладонью красный след, оставшийся на шее. Роана вытащила из аптечки тюбик, выдавила на подушечку пальца обезболивающей мази и осторожно растерла ею шею принцессы.

— Ах! — снова вздохнула Лудорика. — Боль как рукой сняло. Это еще одно из твоих многочисленных чудес? Отведав твоей еды, надев твое платье, а теперь излечившись твоей травяной мазью, я чувствую себя так, что, окажись против Реддика, выйду из

боя победительницей! Хотя я отлично понимаю, что любая вера должна подвергнуться испытаниям.

Роана продолжала отбирать необходимое им в пути снаряжение. Лучемет она отложила в сторону, а вот шокер — совсем другое дело! Попади он в руки тех, кто не умеет им пользоваться, вред он причинит скорее им самим. Отправляясь на другие планеты, сотрудникам Службы приходилось экипироваться всеми видами оружия защиты, и шокер являлся уникальным результатом многочисленных разработок. Он не мог убить, хотя очень мощный разряд мог не только оглушить человека, но и вызвать повреждения в мозгу. Так его и намеревался использовать Сандар.

Она укомплектовала пояс уже отобраннным снаряжением — излучателем, шокером, аптечкой, сумочкой с провиантом, не взяв с собой ничего, что могло бы связывать ее с лагерем. Когда Роана закончила с этим занятием и приготовилась идти, она увидела, что принцесса взяла ошейник и цепь и аккуратно обернула цепь вокруг ошейника, чтобы их удобнее было нести.

— Зачем тебе это? — спросила Роана.

— Зачем? Потому что они находились на мне. И я смогу предъявить их своим людям как доказательство того, что приказал сделать со мною Реддик. Тогда мои люди будут готовы разорвать его на куски. Потому что в Ревении не принято так обращаться с женщинами. Они придут в неопишемую ярость, узнав, что принцессу крови посадили на цепь как животное. Не знаю, насколько хорошо Реддик успел подготовиться к захвату трона, но то, что он сотворил со мной, очень насторожило меня. И явилось своего рода предостережением. Впрочем, те, кто следует его приказам, вполне могут не знать об истинных намерениях. А для моих людей вот это, — она с лязгом шарахнула цепью об ошейник, — будет своего рода знаком, который заставит их задуматься о дальнейших действиях в отношении этого негодяя. — Лудорика зловеще усмехнулась. — Только бы добраться до Нелиса...

Роана напоследок оглядела лагерь. Никаких изменений. Описание происходящего могло уложиться в полдюжины слов. И все же она чувствовала, что, как только уйдет отсюда прочь, оставит позади все свое прошлое. То, что всегда находилось с нею. И когда девушка в последний раз посмотрела на эти стены и вещи, все показалось ей немного незнакомым, как будто она уже стала чужой для лагеря. Она покидала его навсегда.

По крайней мере, дождь прекратился еще вчера, но буря оставила свои неизгладимые следы, что они и увидели, выходя из купола, наполовину закопанного в грязную землю. Оказавшись на открытом пространстве, Роана шла очень осторожно, и не только из-за людей Реддика, но и из-за дяди Оффласа и Сандара. Она ускорила шаг, а принцесса, теперь уже в новеньких крепких сапогах, не отставала от нее ни на шаг.

Йаттон находился на севере, и это все, что Роана узнала от Лудорики об этом месте. Принцесса явно не привыкла передвигаться по незнакомым и неудобным дорогам пешком, а если и выезжала — либо верхом, либо в карете, — то только по широким и проторенным егерями путям. К тому же она понятия не имела, насколько далеко от них находится цель их путешествия.

— Посылая Нелиса в Йаттон, Реддик, вероятно, хотел отправить его подальше от двора, — проговорила она. — Мне известно лишь то, что он верен истинной королевской крови. Ах! Хотя в этих сапогах намного удобнее, чем босиком, я чувствую себя в них, как двурог! Мой добрый, быстроногий Запфер... или даже Батлас! А ведь раньше я частенько обзывала их ленивыми клячами!

Она остановилась, оперевшись ладонью о ствол дерева. Ее лицо осунулось, а вокруг ввалившихся глаз виднелись черные круги, почти сливающиеся с синяками.

Когда в полдень они вышли из лагеря, видимость была отличная, хотя небо стало чуть темнее из-за облаков, а в лесной чаще стояли почти сумерки. Несмотря на то что они старались идти как можно быстрее, им пришлось преодолевать множество препятствий, возникавших у них на пути на этой грубой холмистой местности. Поэтому удалось преодолеть не слишком большое расстояние. Единственной их надеждой было не попасть в поле зрения следопытов.

К своему удивлению, Роана обнаружила, что зрение у принцессы острое, как у орла, а слышит она не хуже настороженного зверя. Лудорика часто показывала и объясняла Роане следы всевозможных животных и птиц, оставленных ими на извилистых тропках. Роана же к своему стыду признавалась, что вовсе не замечала их. Принцесса улыбалась, выслушивая замечания своей спутницы, рассказывала, что в детстве Хизерхау было ее излюбленным местом и она часто уходила в самую глубь леса вместе с егерями.

— Это было тогда, когда герцог Реддик считался самым влиятельным землевладельцем в королевстве и владел огромным дворцом в Триске. И мог бы по-прежнему им владеть! Реддик был выслан в Триск в обмен на второго сына герцога Зейтера. Думается мне, что все его надежды были на женитьбу, соответствующую его положению в обществе. Я даже не знаю, что случилось... — она покачала головой. — Хотя король рассказывал. А потом он отослал Реддика на два года в Тулстед. Это такое место, что любой человек дважды подумает, прежде чем обосноваться там. Реддик возвратился очень изменившимся, как решил мой дед, — к лучшему. Несмотря на то что он наверняка знал, что в жилах Олавы течет не чистая королевская кровь. Во всяком случае, последующие поступки герцога были таковы, что он мог бы и не отказываться от своих прав на Хизерхау. Это такое прелестное место! Надо же было герцогу так опозориться! Только бы мне завладеть Коронай...

— А как же твой дед?

— Мы — кровные родственники, — медленно отвечала Лудорика. — Он очень стар, и для него я — всего лишь средство сохранить наш королевский двор. Когда много лет назад исчез мой дядя Вулвер, я стала не человеком, а просто инструментом в его руках. Так что меня особо не волнует, что с ним станет. Его смерть немного опечалит меня, ибо по-своему он неплохой человек и всегда старался сделать так, чтобы королевство процветало. Но я не стану проливать слезы годами. Я никогда не была близка с ним настолько, чтобы его смерть поразила меня до глубины души. — Эти слова она произнесла как давным-давно обдуманный факт.

— И, завладев Коронай, ты станешь правительницей Ревени?

— Да! И тогда проклятый Реддик узнает, как пытаться завладеть тем, что ему не принадлежит! Я уже составила план... но пока мне неизвестно, насколько широко он раскинул свои сети, чтобы захватить меня. Еще я не знаю, где он их расставил. Мне надо добраться до Нелиса и его людей, чтобы они под охраной доставили нас до Лихштена, потом мы пересекли бы границу, где никто не смог бы меня увидеть. Потом нам нужно добраться до Гастонхау, где Высокий Двор проводит лето. Будучи лицом королевских кровей, я могу обратиться к своему родственнику — королю Гостару... — она замолчала, цепь на ошейнике тихо лязгнула, когда она случайно встряхнула его.

— У него двое сыновей, и все еще неженатых. Один из них вполне мог бы стать принцем-консортом в Ревении, к тому же такой брак мог бы наконец восстановить мир на границе. Итак, постарайся выслушать меня. Затем — когда у меня будет возможность собрать преданных мне людей вместе — я должна отыскать Корону и отправиться в город Уркермарк. Если я появлюсь там с Коронай и объявлю о восстановлении мира на границе, у Реддика не останется больше никого, кто мог бы прикрыть его спину. Посол Гастонхау Имберт Рехлинг был частым собутыльником моего отца в юности. Как только я появлюсь у него, он сразу все уладит. Йаттон, граница, Гастонхау — все это беспрюирышная комбинация.

Конечно, для принцессы это могло показаться беспрюирышной комбинацией, однако Роана мысленно видела перед собой огромное количество мест, где их может подстергать опасность. Тем не менее ни одно из них ее особо не волновало. Она доставит Лудорику в Йаттон, если сможет. А что случится потом, станет результатом действий самой принцессы, а сама Роана возвратится в лагерь, дабы принять на себя все, что ее там ожидает. В качестве своей защиты она могла предложить лишь то, что почитала своим долгом обеспечить достойное будущее королеве Ревении, ибо почему-то не сомневалась, что Лудорика станет королевой.

— А как мы доберемся до Короны? — спросила Роана.

— Теперь нам известно, где она. Как только я заручусь поддержкой своих людей, я тотчас же отыщу ее. Но вместе со мной за Коронай отправятся только избранные. Потому что эта история не должна стать известной. Я могу положиться на Нелиса как на саму себя. А он, в свою очередь, знает людей, которые скорее пожертвуют жизнью, нежели пойдут на измену.

Роана подумала, а доверяет ли принцесса ей настолько же, насколько этим пока не известным ей людям. Однако чужеземная девушка еще не была готова спросить принцессу об этом. Теперь ее мысли сосредоточились, и она насторожилась вдвойне, поскольку наступала ночь. Она забыла очки ночного видения! Как же можно было так опростоволоситься?! Эффект от тонизирующих таблеток постепенно ослабевал. К тому же Роана догадывалась, что, несмотря на свою решительность и кураж, Лудорика пребывала в куда худшем состоянии. Им необходимо было

отдохнуть, поесть и, возможно, потратить часть ночи на поиски хотя бы какого-нибудь приемлемого убежища.

В конце концов Роана заметила поваленные бурей деревья со сломанными ветвями с трепыхающимися на них увядшими листьями. Девушки соорудили из небольших ветвей и листьев нечто вроде неопрятного гнезда и, забравшись туда, уселись на корточках. Роана вытащила А-рацион, и они поели. Когда они покончили с едой, на лес опустилась кромешная тьма.

Измученная принцесса тотчас провалилась в сон, свернувшись в клубок, а вместо подушки использовав сломанную ветку. Но они же должны быть начеку! Роана, что есть сил боролась с усталостью, но длительные часы непрестанной ходьбы сделали свое дело. Она тоже уснула.

Резкая боль в плече — Сандар уколол ее длинным гамельским мечом. Он хотел заставить ее встать и снова отправиться в путь, чтобы она показала ему Ледяную Корону. Если он завладеет ею, то сможет стать правителем... Он медленно отвел меч от ее тела. Затем опять уколол ее в то же место...

Роана открыла глаза.

— Встать! — услышала она команду из густых зарослей. По-видимому, это и вызвало у нее во сне ощущение укола мечом. Это не Сандар...

Кто-то из людей Реддика! Затуманенный сном мозг Роаны постепенно прояснился. Она дотронулась до головы и тотчас же ощутила резкий удар по запястью, нанесенный мужчиной, стоящим прямо над нею.

— Держи руки так, чтобы я их видел! И смотри, без фокусов! — Он отдавал приказы отрывистым неприятным голосом. В его руке Роана заметила оружие, готовое к применению.

Значит, их захватили во время сна. Но Роана все еще чувствовала такую усталость, что по-прежнему плохо соображала. И никак не могла стряхнуть с себя растерянность.

— Чем ты занимаешься, сержант? — этот голос послышался с той стороны, где устроилась принцесса.

— Выполняю свой долг. Вы находитесь на королевской земле без специального разрешения. Вы обязаны ответить на все вопросы капитана.

— Правильно, сержант, — оживилась принцесса. — Однако вам следовало обращаться к нам с большей учтивостью, иначе

вам придется отвечать перед капитаном, и, уверяю вас, это будет весьма неприятно.

По-видимому, властный и уверенный тон принцессы возымел свой эффект, ибо сержант отступил от Роаны на несколько шагов. Бледный солнечный прямоугольник теперь разделял их. В ярком дневном свете стояли трое мужчин, обутые в форменные высокие сапоги, плотно облегающие их бедра, и одетые в латы, закрывающие их от горла до запястий, с разрезами, подходящими до середины бедер. Доспехи имели ржаво-коричневый цвет, а справа на груди у каждого из них красовался замысловатый пурпурно-зеленый знак. В точно такие же цвета были выкрашены небольшие скрещенные плотные перья, свисающие с их головных уборов с высокими зубчиками и узкими полями.

Каждый был вооружен мечом, подвешенным к портупее, идущей наискось от плеча к ремню, а их предводитель держал меч наготове. Но, ко всему прочему, Роана увидела у них еще и другое оружие, которое она определила как самое страшное на Клио. Это было убийственное метательное оружие, поражающее любого врага мгновенно.

— Ты из кавалерии Джонтага, — промолвила Лудорика. Она смотрела прямо на сержанта, а он — совершенно сбитый с толку и озадаченный ее заявлением, уставился на девушку. — Твоего полковника зовут Имфри Нелис. Мне необходимо увидеться с ним и побеседовать. И чем быстрее, тем лучше.

— Ты поговоришь с капитаном, — сказал сержант. Наверняка сержант пришел в недоумение от ее поведения, однако ему удалось довольно быстро вернуть самообладание. — Пойдем.

Они двинулись сквозь переплетение сломанных бурей ветвей и вскоре выбрались на дорогу, вздыбленная местами земля которой все еще хранила следы свирепого урагана. Затем дождались четверку двурогов, поводья которых держал еще один человек. Роана испытывала сильное неудобство, сидя верхом за спиной одного из мужчин. Принцесса сидела за спиной второго. Роана решила, что в Ревении нет ни одной приличной дороги для путешественника. Дорога привела их к башне, или скорее к целому ряду башен, не слишком отличающихся от той, где начались ее приключения. Только в этих башнях повсюду ощущалась жизнь; Роана увидела две толстые колонны, держащие ворота, закрывающиеся угрожающего вида решеткой, через которую была видна широкая лесная тропа, соединяющаяся с более ровной дорогой.

Сержант быстро скакал впереди, и, когда остальные прибыли к воротам, Роана увидела офицера, ожидающего их кавалькаду. Знаки различия на его воротнике были тоже пурпурно-зеленые, а кокарду из перьев дополняло причудливое металлическое украшение.

Он с любопытством посмотрел на Роану, но когда его глаза встретились с глазами принцессы, он тотчас же прищурился. Роана заметила, что его изумление беспредельно. Он стремительно отошел в сторону двурога, на котором сидела принцесса, и, протянув руку, помог ей спешиться.

— Ваше Высочество! — воскликнул он и резко повернулся к сержанту. — Живо ступай к полковнику и передай ему, что принцесса найдена! Ну же, поторапливайся!

Сержант мгновенно вскочил в седло и всадил шпоры в бока двурога, который проскакал под аркообразными воротами и загромыхал копытами по дороге.

Роане помогли спуститься на землю намного бережнее, чем она себе представляла. Она проследовала за принцессой на второй этаж башни, стоящей слева, куда быстро притащили кресла, повинуясь одному мановению руки офицера. Затем принцесса с Роаной удобно устроились в них.

— Ваше Высочество, мы давно разыскиваем вас. Когда прошлой ночью почтовый голубь принес нам сообщение о вашем исчезновении из Хизерхау, полковник выслал на поиски сразу три отряда... и вот, первый же отряд привел нас к вам. Но как?.. — он бросил несколько удивленных взглядов на ее комбинезон, затем — на Роану, словно хотел услышать объяснения происходящему, но не осмеливался спросить об этом открыто.

— Меня выкрали из Хизерхау, — ответила Лудорика. — Прямо из постели. Благодаря милости Хранителей и добровольной помощи леди Роаны Хьюм, находящейся здесь, мне удалось избежать ужасной смерти, ожидающей меня по воле злого рока. Что касается остального... я не могу обсуждать это открыто. Однако с вами я уже встречалась. Вы сопровождали полковника Имфри в Уркермарк по случаю последнего парада в честь дня рождения его величества. Вы — капитан Бурис Майкоп, и сами вы — из Бенедю.

— Ваше Высочество, но меня представили вам всего лишь раз... и вы... и вы меня запомнили! — запинаясь от волнения и восторга, произнес капитан.

Она улыбнулась.

— Разве можно забывать тех, кто служит тебе верой и правдой? В этом нет ничего удивительного. Странно было бы, если бы я не запомнила вас.

Внезапно она наклонилась вперед и швырнула ошейник с цепью на близстоящий стол.

— А это, капитан, небольшой подарочек в связи с моим приключением. Этот ошейник как раз подошел к моей шее, а цепь превосходно удерживала меня, доставляя мне величайшее удовольствие! — саркастическим тоном промолвила она.

Капитан перевел взгляд с принцессы на цепь. Затем дотронулся до ошейника. Когда он повернулся, на лице его застыло выражение беспредельной ярости.

— Ваше Высочество, и кто же это сделал?

— Не знаю... пока. Но любые сомнения всегда рассеиваются со временем. Вполне достаточно того, что теперь они не удерживают меня, как это подразумевалось. И все благодаря леди Роане. — Она учтиво кивнула своей спутнице, и капитан округлившимися глазами посмотрел на чужеземную девушку, словно ему захотелось запечатлеть ее облик в своей памяти навеки.

— А что сейчас за день? — спросила принцесса. — Во время нашего путешествия мы перепутали день с ночью. И я никак не могу ясно определить время.

— Сегодня — четвертый день Лакамеанда, Ваше Высочество.

— Значит, я уехала их Хизерхау два дня назад, — задумчиво промолвила она. — И что же, из Уркермарка не пришло ни единого значимого послания?

— Ни одного, Ваше Высочество! Судя по всему, состояние короля не изменилось.

Лудорика немного расслабилась. Но Роана догадалась, что это сообщение не вполне устроило принцессу, ибо она спросила:

— Граница Лихштена находится в двух лигах отсюда, не так ли? Это ведь Вестергейт.

— Истинная правда, Ваше Высочество!

— И что... — Но она не успела договорить, ибо ее слова потонули в звуках, раздавшихся снизу. Через несколько секунд в залу стремительно ворвался еще один человек, который, увидев Лудорику, остановился как вкопанный. Он был высок и молод, но его лицо уже прорезали глубокие морщины, вызванные постоянной ответственностью за возложенный на него долг.

По сравнению с красивым, ухоженным лицом Сандара черты этого молодого человека могли бы показаться грубыми, невыразительными и словно вылепленными неумелым скульптором. И еще Роана обнаружила, что пристально смотрит на него, точно так же, как немногим раньше на нее глядел капитан; почему-то ей захотелось запечатлеть это лицо в своей памяти. А вот почему, она сама не знала.

Его волосы были почти такого же цвета, как и камзол, ржаво-коричневые, однако брови — такие же черные, как и у принцессы, а приподнятый подбородок придавал лицу немного надменное выражение.

От того, как он разглядывал Лудорику, Роана почувствовала некоторое неудобство, словно невольно стала свидетелем чего-то неблагоприятного. Когда молодой человек пересек залу, надменное выражение исчезло с его лица, и он, взяв руку принцессы, поднял ее и приложил к губам, поклонившись ей с необычайным изяществом, которого Роана никак не ожидала.

— Приветствую тебя, моя принцесса!

— Приветствую тебя, мой родственник! — Роане показалось, что последнее слово Лудорика произнесла неторопливо и весьма обдуманно. Это могло сойти за их личный пароль или предостережение. — Слышала, что ты разыскивал меня.

— А ты бы могла поверить, что я не делал этого? — проговорил он, медленно, манерно растягивая слова, и при этом улыбался, будто предлагая собеседнице разделить с ним его немного шутливое настроение. — Но, как всегда, моя принцесса, ты умудрилась доказать, что ты самая достойная дочь короля, а нам не понадобилось никаких усилий, чтобы осознать это. Капитан, — обратился он к своему подчиненному, — полагаю, мы с большим удовольствием выпили бы по стаканчику ласкера и... ты ведь еще не завтракала, моя принцесса?

— Завтракала? — она расхохоталась. — Послушай, родственник, мы еще не завтракали. Хотя ужинали благодаря любезности миледи Роаны. — Она кивнула в сторону своей спутницы. — Роана, это мой родственник и дорогой друг полковник Нелис Имфри, о котором я тебе уже рассказывала.

Полковник поклонился Роане, возможно, не так низко, как принцессе, но с такой же изумительной грацией. Почему-то Роана нашла его язык... впрочем, поскольку она еще не изучила придворного этикета и специальных обращений к августейшим

особам Ревени, то словно вернулась в свою собственную цивилизацию.

— Мое почтение, полковник...

— Счастлив познакомиться с вами, миледи.

— Только благодаря ей вы отыскали меня, родственник. А теперь... капитан Майкоп сообщил, что никаких плохих новостей не поступало.

Сам капитан уже исчез.

— Разве вы ожидали чего-нибудь в этом роде? — осведомился полковник.

— Да, из-за моих приключений. Нелис, ведь он не мог осмелиться на подобные действия, не получив каких-либо известий, которые побудили его к мысли, что кончина короля не за горами.

— Готов держать пари, что ничего не говорило о том, что твой очаровательный кузен настроен против тебя, — проговорил полковник, и на этот раз в его голосе ощущалась серьезность.

— Разумеется, нет. Но, Нелис, есть кое-что еще... это секрет. Ты должен узнать о нем и, возможно, еще кто-нибудь из верных нам людей. Мы можем здесь поговорить открыто?

— Да. Пусть принесут прохладительное. Потом и побеседуем. Я не могу переварить все сразу, а ведь, сдастся мне, тебе не терпится поведать мне этот секрет, и как можно скорее, не так ли?

Он улыбнулся. Однако принцесса не ответила ему тем же. Лицо ее оставалось серьезным.

— Может быть, Нелис, очень даже может быть, — медленно промолвила она.

Он нахмурился. Но как только вошел капитан, а за ним солдат с заставленным всевозможными напитками подносом, который он водрузил на стол, полковник налил принцессе и Роане желтой жидкости.

— Ты тоже выпей, Нелис, и капитан Майкоп пусть выпьет с нами, — сказала Лудорика, указывая на пустые кубки.

— У меня есть тост, — промолвила принцесса, когда все подняли кубки. — Давайте выпьем за здоровье короля!

Роана выпила немного терпкой, освежающей жидкости и мельком взглянула на Лудорику. Она сумела понять значение этого традиционного тоста. Принцесса действительно нуждалась в том, чтобы король прожил подольше, во всяком случае до тех пор, пока она не завладеет давно утраченной Коронай.

Глава 7

Роана то и дело переводила взгляд с принцессы на полковника, размышляя о том, какие отношения между этими людьми, которые, казалось, совершенно забыли о ее существовании. И хотя принцесса обращалась к нему с явной теплотой, все-таки казалось, что между ними стоит некая преграда официальности. Сейчас они смотрели друг на друга через стол, на котором стояли остатки самого лучшего обеда, когда-либо попробованного Роаной на Клио.

Лудорика коротко поведала полковнику приключившуюся с ней историю: об утрате Короны и где, по ее предположению, она находится. Когда она закончила рассказ, полковник не проронил ни слова, а вместо этого пристально воззрился на Роану.

— А какое отношение к этому делу имеет леди Роана, не считая того факта, что своими действиями в отношении Вашего Высочества она оказала великую услугу королевству Ревения?

Поскольку принцесса молчала, Роана сама стала отвечать полковнику. И снова ей пришлось говорить намного больше, нежели хотелось. Будучи чужеземкой, она все глубже и глубже погружалась в мысли о наказании, неизбежном для любого, кто нарушил устав.

Она поведала полковнику, как увела Лудорику из башни, сперва сняв с нее оковы, затем о найденных ими в пещере древних останках, за которыми, собственно говоря, и прибыли ее люди. Завершив же свое повествование, она заметила, что полковник выглядит далеко не удовлетворенным ее сообщением.

— Леди, вы так и не рассказали, откуда прибыли. Равно как и те, другие искатели сокровища...

Роана довольно долго пребывала в нерешительности, прежде чем ответить:

— Скажите, полковник, неужели вам никогда не приходилось выполнять секретные приказы, о которых вы не имели права говорить кому-либо еще? Или, если с вами не случалось ничего подобного, неужели вам ничего не известно о таких случаях?

— Да, это верно. Хотя ничего подобного со мною не случилось, однако с этого часа я уже занимаюсь делом, о котором знают только избранные.

— Тогда просто поверьте мне, что я обязана молчать. Но клянусь вам, что дело, которому я служу, не причинит никакого вре-

да Ревени. В сущности, когда мы прибыли сюда, у нас имелось строжайшее указание не вступать ни в какие сношения с местным населением, не говоря уже о том, чтобы делиться с ними какими-либо сведениями. Равно как не вмешиваться в дела вашего государства. Вот тут-то я и совершила грубейшую ошибку, за что мне придется сурово заплатить.

— Они могут лишить ее памяти или заключить в тюрьму, — вмешалась принцесса.

— Она тебе так сказала? — теперь в глазах полковника появился холодок.

— Да, — без обиняков ответила Роана, ибо ей сразу стало ясно, что полковник сомневается в этом. — Верите ли вы или нет, они могут это сделать. — Она чуть-чуть с вызовом приподняла подбородок, показывая, что готова встретить любое недоверие с его стороны. — Итак, — обратилась она к принцессе, — я обещала доставить тебя к твоим друзьям. Я это сделала. Теперь мне пора уходить...

— Нет, нет, только не это! — резко проговорил полковник. А Лудорика протянула Роане руку и вцепилась в ее запястье, словно захватила ее в плен.

— Хотите ли вы этого или нет, — продолжал полковник, — вы уже избрали свой путь, миледи, так что должны следовать по нему до тех пор, пока принцесса окажется вне опасности. Ваше Высочество, позвольте этой леди остаться с вами. Было бы весьма уместно, если при переходе границы у вас будет компаньонка. По-моему, удача будет благоволить к вам, если с вами будет человек, который не осмелится выдать вашу тайну, несмотря на то что сам он куда сильнее предал себя в глазах своих людей!

Роана зарделась. Насмеялся ли он над нею или давал возможность доказать то, что она только что рассказала? Роана немного испугалась, ибо не сомневалась, что все сказанное полковником — доказательство его осмотрительности, поскольку самое мудрое для него решение — это скрыть Роану ото всех. То, что она не сумела предугадать такой простой конец своей миссии, привело ее в замешательство. Все это казалось ей частью туманных размышлений, которые она пыталась разрешить с тех пор, как повстречалась с Лудорикой. Словно ее психологически обработали...

Психологически обработали! Что если техники Службы ошиблись, и их защитные устройства не работали? Или работали, но

не на 100%, поэтому Роаной искусно и незаметно для нее управляет сила, существовавшая на планете и раньше, из-за чего Клио официально и объявили закрытой планетой? Где-то внутри ее естества возгорелась новая искорка страха. Она — это она, Роана Хьюм, которая смогла бы вспомнить до мелочей всю свою жизнь вдали от звезд. Она не могла быть ни чьей марионеткой на этой планете-музее! И она обязана придерживаться только этой мысли.

— Ваше Высочество, вы сами придумали этот план — отправиться в Лихштен за помощью? — спросил полковник таким тоном, словно опять забыл о существовании Роаны.

— Корона существует. И я думаю, что, даже если Реддик знает, где она находится, он не осмелится приблизиться к ней, пока я жива. Но я поставила себя на его место и тотчас же прочитала его мысли. Как только я умру, Корона станет его. И это признают все! Возможно, что его родословная не совсем чиста, однако в нем есть остатки королевской крови. Вероятно, он захватил меня только для того, чтобы быть уверенным, что я нахожусь под его контролем, когда объявят о том, чего он так долго ожидает. Зато мог ли он даже предположить, что я останусь жива в этот час? — она с ликующим выражением лица указала на цепь и ошейник. — Великолепные улики, которых у него теперь нет! А Лихштен может послужить отличным убежищем до тех пор, пока не удостоверимся, с чем мы теперь имеем дело.

Похоже, она весьма хладнокровно восприняла тот факт, что теперь является отличной мишенью для интриг своего кузена. Но, возможно, подобные интриги на Клио считались само собой разумеющимся делом и происходили чуть ли не ежедневно. Повидимому, кому-то на Клио просто нравилось вести постоянную смертельную борьбу.

— Наверняка Реддик все еще в Хизерхау. Мы можем схватить его прямо там! — загорелые пальцы полковника сжались в кулак, точно сжимая оружие.

— Не зная, насколько далеко зашли его планы и сколько у него людей? — задумчиво проговорила принцесса. — Нет, это было бы глупостью. Однако если я отправлюсь в Лихштен, то смогу запросить о помощи и, кстати, буду находиться вне досягаемости Реддика. Это предоставит нам время, чтобы отыскать Корону и узнать об истинном состоянии короля.

— Король Лихштена весьма честолюбив и амбициозен, — медленно промолвил полковник.

— Остается Вордайн на севере. Нам нужен союзник — кто ещё? Я ведь желаю того же, чего и ты, родственник. Но если выбирать между двумя альянсами, то дружественный союз с Лихштеном намного лучше союза с Вордайном, навязанного силой.

Полковник опустил глаза на кубок, который держал в руке, затем осмотрелся по сторонам. Создавалось впечатление, что где-то в глубине души он отыскивал некое решение и теперь внимательно изучает его.

— За подобные альянсы всегда приходится платить, — заметил он почти шепотом.

— Я это знаю не хуже тебя, — сказала принцесса. — Но все на этой земле имеет свою цену, мой родственник. Для меня на первом месте Ревения, ее безопасность и счастливое будущее. А сама я — то, что я есть по рождению и воспитанию. В моем роду были и другие, кто не гнушался выхватить меч, если это было необходимо. Возможно, я бы и передумала. Но не сделаю этого! Сдается мне, что Реддик собирается поступить точно так же. И чтобы Корона не попала в его цепкие руки, я готова пойти на все! И мой путь лежит через Лихšten, хотя я отправлюсь туда без трубного гласа, сопровождающего королевскую процессию. Ты достаточно долгое время охранял границу, чтобы знать ее секреты. Нелис, ведь существует множество обходных путей, и совсем недалеко отсюда...

— Тайные тропы контрабандистов почти что непроходимы, Ваше Высочество.

Принцесса громко рассмеялась.

— Ничего не может быть хуже того, что мне уже довелось вынести. Впрочем, это, — она посмотрела на свой комбинезон, — весьма надежное и прочное одеяние для такого дела, но, думается мне, будет лучше, если я прибуду в Лихšten в менее необычной одежде. Знаю, что на армейском посту вряд ли найдется подходящее платье для истинных леди, однако нельзя ли достать хоть какую-нибудь одежду для нас обеих?

Нелис Имфри улыбнулся, словно выполнить просьбу принцессы не составляло никакого труда.

— У нас нет соответствующих одеяний для дам, что вполне естественно в этом месте. Если вам угодно, я могу послать кого-нибудь в Фиттсдейл за крестьянскими платьями.

— Что ж, это вполне подойдет. Тогда пусть твои люди привезут все необходимое для верховой езды. А заодно не можешь ли

ты дать нам в сопровождение кого-нибудь, хорошо знакомого с контрабандистскими тропами?

Теперь настала очередь рассмеяться полковнику.

— Разумеется, Ваше Высочество. Мы знаем эти горы и холмы как свои пять пальцев. Нам знакомы каждый склон, каждая расщелина в этих горах. И пока эти контрабандисты переходят границу Лихштена не с нашей стороны, едва ли нам стоит чего-либо опасаться.

Однако, когда полковник ушел, Роана попыталась еще раз вырваться из окружающего, все дальше и дальше затягивающего ее в беду.

— Я должна вернуться! — сказала она.

Лудорика отрицательно покачала головой и улыбнулась.

— Но, моя дорогая Роана, на самом деле ты ничего не должна! Если рассказанное тобою — правда, с тобою поступят очень скверно за то, что ты сделала ради меня. И потом, у тебя нет никакой веской причины уходить! К тому же, допустим, что ты угодишь в лапы Реддика... Не думаю, что он погнушается воспользоваться самыми жестокими методами, чтобы выудить из тебя все, что тебе известно. Да хотя бы сам факт, что ты очутилась в лесу после моего побега, уже вынудит их заподозрить тебя в чем-то неблагоприятном! Ты одета как чужеземка, носишь загадочное оружие и инструменты... Да, безусловно, ты заставишь Реддика как следует поломать голову, чтобы разрешить эту задачку, но не думаю, что это будет для тебя приятно. Так что перестань упорствовать. Мы отправляемся в Лихштен, и точка! А когда Корона будет в моих руках, тогда мы наконец и обратимся к твоим людям. И никому не придется «торговаться», поскольку на твоей стороне будет весьма могущественная поддержка.

Вошел капитан, чтобы проводить девушек в их покои, расположенные на третьем этаже башни, и Лудорика объявила, что им нужно как следует отдохнуть, ибо никто не знает, сколь долгим будет их путешествие через границу. Роана поняла, что она снова оказалась в положении чуть ли не пленницы, словно это на нее теперь нацепили ошейник и приковали цепью. Из этого места ей ни за что не выбраться, если не воспользоваться шокером. А тогда начнется суматоха, хаос, погоня... Она покачала головой, мысленно говоря себе «нет». Она не станет ничего предпринимать, придется надеяться на будущее.

Она спала, когда принцесса осторожно потрясла ее за плечо, проснулась и увидела, что за окном опустились сумерки. На полу стоял очень большой чан, наполненный водой, от которой исходил пар.

— Это ванная, — пояснила принцесса. — Совсем простое дело! Нам, несомненно, крупно повезло, что в этом месте и в это время есть где выкупаться.

Она стянула с себя одежду и осторожно шагнула в чан, затем опустилась на колени, чтобы облиться скудным содержимым чана, при этом растираясь шершавой мочалкой из лыка, которая оставляла пенные полосы на ее нежной коже.

— Если хочешь, вон там — еще вода. Налей ее и вымойся, — она указала Роане на кувшин. Роана повиновалась. Принцесса встала и хорошенько вытерлась полотенцем, протянутым ее спутницей.

— А сейчас... раз мы уже использовали это... найдется еще водичка.

Принцесса крепко обвязалась полотенцем, и они снова наполнили чан для Роаны водой из стоящей рядом бадьи. Хотя этой жидкости было весьма далеко до известных Роане освежающих средств, она почувствовала себя намного бодрее. Мыльное вещество медленно выделялось из грубой мочалки, издавая при этом терпкий травяной запах, который очень понравился девушке.

Лудорика тем временем разбирала целую грудку одежды, одновременно прикладывая то одно, то другое к своему телу. Она рассмеялась.

— Нелис известен как человек, не подпускающий к себе женщин слишком близко. Но вот доказательства, что его репутация холодного человека не заслужена, — она указала на одежду. — Смотри, как она превосходно сидит на мне. Мы будем очень недурно выглядеть в этой одежде. Так... коричневое — это тебе, а я, пожалуй, возьму синее.

Роана оделась в незнакомую ей одежду. Она была чистой, правда, немного помятой, но от нее, как и от мыла, исходил приятный травяной аромат. Зеркал в покоях не было, но Роана решила, что принцесса права. Одежда сидела на ней великолепно. Широкая юбка со складками, доходящая до лодыжек, показалась Роане очень странной после комбинезона. Особенно ей понравилось, что ее ноги словно парили в воздухе, столько свободного

места оставалось для них. В отличие от просторной юбки корсаж был очень тугим и до самого пояса украшен кружевами. Прямо под горлом завязывались красные шелковые ленточки. Кружева граничили с искусной вышивкой тоже красного цвета. Само платье было приятного желто-коричневого цвета. Поверх него накидывался плащ с капюшоном в красную полоску, а голову увенчивала изящная шапочка в тон всей одежде с загнутыми краями, украшенная крошечными и очень тщательно подобранными красными перьями.

Принцесса, одетая в темно-синее платье с ярко-зеленой отделкой, выглядела ничем не хуже Роаны, только совсем иначе. У нее не было шапочки. Вместо нее она расчесала свои длинные волосы и заплела их лентами, концы которых лежали у нее на плечах.

— Превосходно! — сказала она, сперва оглядывая Роану, потом — себя. Затем снова посмотрела на свою спутницу. — Сейчас мы перекусим и отправимся в путь. По крайней мере — ночь совершенно ясная. Нелис считает, что так и останется, а он знает эту местность настолько хорошо, что ему можно верить.

Они спустились в нижнюю залу, где Роана увидела уже накрытый стол с блюдами с холодным мясом, хлебом и фруктами. Человек, поднявшийся, чтобы приветствовать их, был одет не в форму, а в дымчато-серый костюм и шапочку в тон ему. Костюм полностью закрывал его, оставляя открытым только лицо, чуть пониже подбородка виднелось серое жабо.

— Нелис! — воскликнула принцесса, усаживаясь на высокий стул, который он отодвинул для нее. — Ты?

Он рассмеялся.

— Разве я не говорил тебе, что знаю эти холмы вдоль и поперек? Неужели вы подумали, Ваше Высочество, что я позволю вам отправиться в столь длинный путь одним? — И вдруг его лицо мгновенно стало серьезным. — Вас будут сопровождать мои лучшие люди, которых я отобрал лично. Для них я — их сюзерен, а не только полевой командир.

— Однако если Реддик узнает о том, что ты куда-то уехал, он может заподозрить...

— Для этого мы разработали специальный план. Вспомни, ты исчезла из Хизерхау. Я разыскиваю тебя со своим летучим отрядом. Насколько эта компания имеет непосредственное отношение к тебе, настолько мы можем ручаться за лояльность других

моих людей; через час они походным порядком дойдут до патруля на западе Гранпабара, то есть на территорию, куда вряд ли осмелится вторгнуться герцог. Там и поглядим, имеются ли у лорда Гранпабара веские причины недолюбливать Реддика.

— Полагаюсь на твоё мнение, Нелис... — рассмеявшись, проговорила принцесса.

— Надеюсь, у вас все получится, Ваше Высочество, — отчеканил он по-военному. — Очень надеюсь! Я прекрасно понимаю ваши доводы и даже методы, всегда используемые вашим королевским Двором, когда вы изволите играть смело и даже в открытую, если необходимо! Однако существует слишком много способов сорвать эту пьесу. Нельзя быть слишком самоуверенной...

— Это я уже слышала от тебя много-много раз! Не-ет, существует нечто, что и заставляет меня именно сейчас быть самоуверенной, Нелис. Реддик не смог предвидеть появление Роаны, которое сорвало все его планы. До сих пор каждое мое желание оборачивается в мою пользу. О... — она предупредительно подняла руку, когда полковник попытался что-то сказать. — Я не могу рассчитывать, что такая удача будет постоянно со мной. Но пока она со мной, позволь мне отхватить от нее кусочек побольше, точно так же, как мы откушали большую часть этого великолепного завтрака!

Нельзя сказать, что Роана испытывала молчаливое облегчение в ожидании поездки верхом на двуроге. Она ни разу в жизни сама не управляла ни лошадьё, ни двурогом, а для начала уроков верховой езды сейчас просто не было времени.

Итак, в облике крестьянок, которые обычно никуда не выезжают одни, Роана с принцессой уселись в дамские седла; принцесса — за спину полковника, а Роана — какого-то другого мужчины. Все были одеты в серые однообразные гражданские платья. Под плащом у Роаны по-прежнему был ее пояс, который она решила оставить, чтобы не лишиться ощущения, что она все еще Роана Хьюм, а не какая-то незнакомая ей самой женщина.

С наступлением рассвета они проехали запутанный лабиринт окутанных туманом лощин и взобрались на склоны холмов, где им пришлось спешиться и идти рядом с животными. Затем они достигли прохода, по которому гулял пронизывающий до костей холодный ветер. Роана была рада, что на ней плащ. Дважды они останавливались, чтобы дать третьему сопровождающему

их мужчине разведать местность, лежащую впереди. Но никаких признаков тревоги он не обнаружил. И тогда полковник показал на склон, спускающийся прямо перед ними.

— Лихштен. А Гастонхау — в добрых восьми лигах отсюда. Нам необходимо сделать привал и сменить двурогов перед тем, как отправляться туда.

— Нам нельзя заходить ни на какой постоянный двор, — возразила принцесса.

— Равно как не сможем далеко уйти на усталых двурогах, — произнес Имфри. — В этих одеждах всякий примет вас за жителей Ревении, а у многих семей на границе там есть родственники. Мы можем сказать, что едем на свадьбу, на которую нас пригласили...

— Только не это! О свадьбе можно услышать издалека! Этим людям известно обо всех праздниках, ведь слухи в этих местах передаются из деревни в деревню. Лучше сказать, что мы везем роженицу в какую-нибудь усадьбу. Пока мы едем, можем набрать соломы для гирлянды младенцу.

— Я никогда не перестану изумляться вашим знаниям народных традиций, Ваше Высочество...

— Ну и не изумляйся, родственник. Как будет выглядеть правитель в глазах своего народа, если он не разбирается в его традициях? О, мне известно, что в некоторых странах существует странное поверие, что король не должен встречаться со своими подданными. Зато в моем королевском Доме такого суеверия никогда не существовало!

— Это еще одно доказательство справедливости того, что ваш род благополучно удерживается на троне.

— До сих пор! Но грядет черная тень на мой род, но не от собственного народа, а от родни! А междоусобицы между родственниками всегда намного хуже, нежели с другими врагами.

Казалось, что план, разработанный принцессой, так и не претворится в жизнь, ибо разведчик возвратился с довольно скверными известиями. Он сообщил, что на главной дороге, проходящей рядом с постоянным двором, обнаружил довольно большой вооруженный отряд. И он узнал лицо одного из путников. Разведчик назвал его.

— Каспورد Фанчер! — громко повторила принцесса.

— Боюсь, что... — полковник чуть понизил голос, —...на этот раз удача изменила нам. Ведь Фанчер — это...

— Я прекрасно знаю, кто он! — резко перебила полковника Лудорика. — Это означает, что Реддик узнал о моей попытке добраться до короля Гостара. Однако ему также известно, что я не круглая дура, хотя он очень бы хотел, чтобы это было так. Что ж, прекрасно! По-видимому, герцог поднял всех своих людей, в том числе и Фанчера, который выехал ему на помощь. Однако Реддик — пока еще не король Ревени, он даже не приблизился к столь вожделенному для него трону. А я — принцесса крови, и Имберт Рехлинг — добрый друг моего отца. Он расчистит мне дорогу к Гостару, и Реддик не сможет помешать ему!

— Если мы сумеем добраться до Рехлинга...

— Поскольку королевский Двор находится в Гастонхау, то все послы соберутся там. Правда, сейчас слишком рано для подобных съездов, но король Гостар нежно любит свою среднюю дочь. До меня дошли слухи, что очень скоро он собирается выдать ее замуж за принца; поэтому он привез ее испить воды из Источника Веры!

— Ох уж эти суеверия!

— Вполне вероятно, и в то же время — нет. Возле Источника Веры побывал Хранитель; уже одно это отменяет все сомнения прочь. Я слышала о многих случаях, когда женщины, страдающие трудными родами, пили воду из Источника. Кстати, Гастонхау был построен королевой Маргет из страха потерять своего четвертого сына, ибо трое ее сыновей до этого появились на свет мертворожденными. А все потому, что она просто лежала в постели и терпела муки. Впоследствии она проводила в Гастонхау большую часть времени беременности, и за последующие годы родила пятерых сыновей и трех дочерей. И всех — совершенно здоровыми!

— Все это красивые истории! Какое отношение к нам теперь имеет королева Маргет? Если Двор находится в Гастонхау и Фанчер направляется туда, мы должны быть совершенно уверены в нашей «легенде». А лучше сперва отправить туда курьера...

— А почему бы нам просто-напросто побыстрее не поехать в Гастонхау самим?

— Этого не будет, пока я не удостоверюсь, что нас не ожидают там неприятные сюрпризы.

— Удостовериться в чем? Что Фанчер прибыл туда, чтобы создать нам проблемы? Нам об этом и без того известно. Лорд Имберт помешает ему встретиться с королем, а Фанчер не посмеет противоречить самому лорду Имберту. Тем не менее... возможно... Возможно, ты прав, Нелис. Именно сейчас лучше не

портить наши планы, даже если причина нашего беспокойства столь ничтожна, как Фанчер. Я передам с посланником записку, при помощи которой он очень быстро попадет к лорду Имберту. И передаст ему мои слова. — С этими словами принцесса потянула за одну из длинных ленточек, высвободив пять длинных косичек, которые она тщательно сосчитала, прежде чем снова завязать в аккуратный узел. — А теперь дайте мне лист ресуаха...

— Игры? — осведомился полковник.

— Да, игры, но с определенной целью. Эту игру лорд Имберт обязательно вспомнит, поскольку когда-то он играл в нее со мною. Это случилось почти сразу после кончины моего отца. Тогда он представил меня леди Ансле... та была Высочайшей Леди Креста, и этот титул полагался ей по праву, ибо королю пришлось удалить меня со Двора, когда он занемог. Лорд Имберт обожал старинные рассказы. Он приказал собирать большинство из них у певцов Торка, а потом переписывал их, чтобы не забыть. Один рассказ назывался «Пропавшая леди Иннаса». Ее тайными отличительными знаками были прядка волос и оторванный лист. Поэтому он вспомнит рассказ и выслушает нашего посланника.

Принцесса внимательно осмотрела кусты и деревья вокруг, потом легко подпрыгнула и ухватилась за ветку растения с продолговатыми узкими листьями. Она оторвала самый крупный лист и завернула в него прядку волос.

После отъезда посланника Имфри вскочил на двурога и рассудил, что будет лучше, если они поедут дальше очень медленным шагом. Рядом с вершинами гор, где они пересекли границу, вся местность заросла почти непроходимым лесом, так что им приходилось с трудом пробираться сквозь низко свисающие ветви, опутанные толстыми лианами. Наконец они добрались до моста, который выглядел очень нарядно и был гораздо шире дороги, по которой они ехали, словно когда-то мост считался более оживленным местом, чем сейчас. С противоположной стороны арки из сплетенных лиан и цветов виднелась маленькая одноэтажная башенка, выстроенная в форме треугольника. Создавалось впечатление, что башня и мост — неразлучная пара. Даже два узких оконца башни напоминали треугольники.

— У тебя есть какие-нибудь деньги? — спросила Лудорика полковника. — Я вижу мост обетов.

— Какой он старый... Наверное, потому, что обет должен существовать до тех пор, пока он не выполнится полностью.

— Откуда нам знать? Ну как, у тебя есть деньги, чтобы подавать нищим?

Полковник извлек из-под мундира небольшой мешочек и протянул его принцессе.

— Будьте поэкономнее, Ваше Высочество. У меня не было времени разбогатеть перед тем, как мы уехали.

Она развязала стягивающую верх мешочка тесемку и вытащила из него металлический кругляш.

— Этого будет достаточно. Мы путешествуем с чистыми руками и без злобы в сердце.

Когда они подошли к треугольному сооружению, принцесса наклонилась с седла и бросила монетку в открытое оконце.

— Во имя благоденствия выстроившего этот мост, во имя благоденствия тех, кто по нему проезжает или проходит, во имя удачного путешествия и, конечно, во имя удачного его завершения, — проговорила она монотонно, словно заклинание.

— Его зовут... — ее указательный палец описал в воздухе дугу, затем коснулся шероховатой и потрепанной временем стены, на которой палец принцессы провел несколько замысловатых округлых линий. — Его имя было Никлас, и он был хозяин... Очень трудно прочесть печать на стене. Но это доброе предзнаменование, что мы едем ради блага Никласа!

Впереди дорогу уже не скрывали ветви деревьев, и вскоре по ее краям появилась высокая ограда. Дорога стала еще шире, и в пыли явственно проглядывались следы колес и копыт, словно этот путь, ведущий к верховью реки, весьма активно использовался пешеходами, всадниками и повозками.

Двуроги больше не могли бежать устойчивым галопом. Тогда их седоки замедлили ход, чтобы заставить их передвигаться легкой, неторопливой иноходью. Утро они встретили в узком проходе и теперь передвигались свободно и легко. Несмотря на то что они делали привал в горах, Роана снова испытывала голод.

С непривычки ездить верхом ей казалось, что напряженное тело пребывало в дороге по меньшей мере половину жизни. Впрочем, и ее спутники тоже нуждались в небольшом отдыхе.

Внезапно Имфри натянул поводья своего двурога и предупредительно вскинул руку. Один из двурогов запыхтел, а потом затих. Теперь где-то довольно далеко от Роаны раздался звук горна, отчетливый, трубный и громкий.

Глава 8

Роана стояла у окна, медленно перебирая пальцами плотную занавесь. Ей нравилось это ощущение, как и необычная роскошь залы за ее спиной; ей было приятно после пронизывающего холода оказаться в этом гостеприимном тепле. Только что рассвело, и в такую рань, казалось, в огромном замке не было ни души. Но на улице за высокими воротами внутреннего двора замка кипела жизнь.

Из лавки вышел мальчик и из продырявленной банки, заменяющей ему лейку, начал поливать водою булыжную мостовую перед дверью. Он размахивал жестянкой взад-вперед, делая это небрежно, автоматически, не обращая никакого внимания, что вода попадает на широкие юбки проходящих мимо женщин. Серые юбки с украшающими их алыми цветочками были в тон туго завязанным корсажам платьев. Роана увидела женщину, идущую легкими, размашистыми шагами, одной рукою придерживая корзину, водворенную на голову, а содержимое ее корзины скрывали листья.

Эта женщина была лишь первой из маленькой процессии; а серое и алое, поверх гибкого стройного тела, казалось чуть ли не униформой, как и корзина на голове, подобная которой возвышалась над каждой из женщин. Мальчик, поливающий мостовую, что-то выкрикивал им вслед, и они с улыбками оборачивались. Именно такое Роана видела на трехмерных изображениях в кино.

Роана вспомнила, какое впечатление произвел на нее замок, в который они прибыли ночью. Огромный, трехэтажный, выстроенный весь из камня и с очень узкими окнами на первом этаже. Ни одна травинка не смогла пробиться сквозь грязно-коричневую мостовую внутреннего двора замка. И только на его фасаде виднелось яркое цветное пятно — герб. Роана заметила его из окна краем глаза. Герб смотрел прямо на ворота и выглядел довольно внушительно, словно давая понять всем о мощи Ревени.

Она так и не встретилась с посланцем, о котором ей столько рассказывала Лудорика. В сущности, она даже не виделась и с самой принцессой, с тех пор как они вошли в маленькую боковую дверцу и чуть ли не крадучись двинулись в глубь замка сперва по коридору, а потом через анфиладу залов, ведомые одним-един-

ственным слугою. Впрочем, у Роаны не было повода жаловаться на отведенную ей комнату, равно как и на молоденькую служанку, которую она отпустила ранним утром. Вот только... Роана испытывала некоторую неловкость, оставшись в одиночестве в этом помещении, которое почему-то очаровывало ее своей обстановкой.

Ибо и мебель, и стены, увешанные старинными гобеленами, и высоченные потолки — все это казалось Роане фантастическим, сказочным, нереальным. И это даже показалось ей большим кошмаром, нежели громкий заунывный звук горна, прозвучавший тогда в ночи, вынудивший их поспешно скрыться. Роана вспомнила, как они увидели отряд всадников, а когда полковник с принцессой узнали двоих из кавалькады, то очень сильно встревожились. Хотя причину своей тревоги Роане не объяснили. Вместо того чтобы просто пропустить этот отряд и снова отправиться в дорогу, они затаились и дождались глубокой ночи. Затем они долго и быстро скакали через какие-то поля, пока не достигли перекрестка. Там они пересели в карету с глухо задернутыми шторами на окнах и запряженную четверкой очень крупных отборных двурогов.

Их посланник уселся на козлы за спиной кучера, не забыв перед этим передать принцессе письмо. Когда она читала его, то тень от ее лица падала на строки, и Роане так и не удалось ничего заметить. Потом Лудорика с победоносным видом помахала письмом перед полковником.

— Ну что я говорила?! Лорд Имберт окажет нам прекрасный прием... и, естественно, сделает так, чтобы наша поездка прошла со всеми удобствами. — Она немного помолчала и добавила: — А то я чувствую себя такой же старой, как эти холмы, и каждая косточка моего тела ноет после этой жуткой поездки. Ну, ничего, далее наше путешествие пройдет как по маслу!

Внутри кареты стояла темнота, но никто не поднимал шторы. Роана подумала, что поездку в этой карете едва ли можно назвать удобнее, нежели путешествие верхом, несмотря на все заверения Лудорики. Когда карета подпрыгивала на кочках, то Роане казалось, что ее тело превратилось в сплошной комок боли. К тому же с каждой колдобиной ее начинало подташнивать. Однако ее спутники удобно развалились на подушках, словно считали эту поездку верхом комфорта, а принцесса даже заснула, уронив голову Роане на плечо.

Дважды они останавливались, чтобы дать животным напиться и задать им корма, и во вторую их остановку им передали корзину с холодной, но очень вкусной едой. Для голодной Роаны, которая в других обстоятельствах набросилась бы на еду, как стая диких зверей, оказалось достаточно всего нескольких крошечных кусочков мяса, чтобы вновь прийти в себя.

Они прибыли в Гастонхау в два часа ночи. И Роана с затуманенными мозгами и жутким головокружением буквально рухнула на огромную постель с пологом. Однако, несмотря на страшную усталость, она проснулась очень рано, словно поднятая по тревоге каким-то внутренним чутьем.

И вот она отошла от окна, чтобы вновь осмотреть комнату, на этот раз при нормальном освещении, а не при тусклом свете лампы.

Кровать, занимающая большую часть комнаты, была непомерно больших размеров. Если бы ее водрузили в их лагере, она заняла бы четверть его территории. Проведя большую часть жизни в очень тесных помещениях, как лагерь или каюта космического корабля, Роана никак не могла привыкнуть к такой свободе. Кровать возвышалась на помосте, к которому вели две ступеньки, а четыре столба с искусно вырезанными на них цветами и листьями поддерживали балдахин с занавесями, которые Роана не позволила служанке задвинуть, чтобы получилось нечто вроде тента. И занавеси, и обшивка тюфяка были изукрашены изумительной вышивкой ручной работы.

Что касалось вкуса Роаны, то для нее все цвета казались слишком яркими, чуть ли не кричащими. Гобеленовые обои на стенах имели те же пронзительные оттенки. Слева от Роаны возвышался стол с широким зеркалом и стоящим перед ним табуретом с мягким сиденьем. Справа она увидела высокий шкаф с двойными дверцами. И еще по всей комнате в беспорядке стояли кресла, стулья и несколько столиков пониже того, что с зеркалом.

Она подошла к зеркалу, чтобы полюбоваться на свое отражение. С ее худого тела белыми складками свисала ночная рубашка, очень похожая на ту, в которой она застала плененную принцессу. На фоне этой безупречной белизны ее обветренные загорелые смуглые руки казались почти что черными. Короткие волосы немного отросли с тех пор, как она покинула Крамбриф, и теперь немного распушились, закрывая уши и нависая

надо лбом. Эти пушистые волосы смотрелись очень странно на фоне ее темного загара, ибо забавные пушистые завитушки были светло-желтые с едва заметным рыжеватым оттенком, по-видимому, образовавшимся под воздействием солнечных лучей.

По меркам ее цивилизации, Роану нельзя было бы назвать красивой, и она слишком рано поняла и приняла это. Поскольку бродячая жизнь заносила ее в самые отдаленные и дикие уголки Вселенной, она не пользовалась косметикой, как это делали женщины, постоянно живущие на Земле. Безусловно, рядом с принцессой она была совершенно невзрачной. А вот насколько — она еще не узнала.

На столе стоял поднос с кружками и бутылками. Роана уселась за стол и стала разглядывать их, думая о том, кто все это поставил сюда. Затем, немного взбодрившись, занялась исследованиями. Первым делом внимательно изучила маленькую золотую кружку с очень ровными и гладкими стенками и с крышкой, имеющей пробку в виде наполовину распустившегося цветка. Этот сосуд заполнял крем с очень нежным и приятным запахом. Она не смогла удержаться от искушения провести по поверхности крема кончиком пальца, хотя понятия не имела, для чего он. Чем больше она исследовала кружки, сосуды и бутылки на столе, тем больше догадок созревало в ее голове. Вот эта крошечная баночка с чем-то красным явно предназначена для того, чтобы красить губы и румянить щеки, хотя она еще ни разу не встречала никого, кто намазал бы чем-либо подобным лоб, щеки или подбородок. Между тем такая явно дорогая и редкая косметика пользовалась огромной популярностью на других планетах. Роана бросила взгляд на узенькую коробочку с каким-то черным, как смоль, содержимым, с лежащей рядом тонюсенькой кисточкой; затем она принялась изучать изумительной красоты бутылочки и флакончики, каждый из которых издавал сказочный аромат.

— Миледи?

Роана вздрогнула от неожиданности и чуть не выронила изящную прозрачную бутылочку. В зеркале за своей спиной она увидела служанку с подносом, на котором стояла чаша и кружка, прикрытые какой-то легкой полупрозрачной тканью.

Роана произнесла обычное утреннее приветствие Ревенин.

— Солнце встало, а вместе с ним поднялся и попутный ветер...

— Благодаря вам, миледи. Не угодно ли откусать с утра?

Едва уловимым движением девушка сняла ткань. В чаше лежали еще покрытые утренней росой ягоды вперемешку с чем-то, напоминающим жареные зерна, а рядом свежиспеченные пирожки. Кружка была наполнена густым горячим напитком, который Роана видела впервые и не знала, что это. Она отпила было глоток, как дверь отворилась вновь, и Роана увидела принцессу.

Наконец Роане довелось лицезреть Лудорику в одеянии, соответствующем ее положению: в темно-зеленом платье с множеством пышных юбок, изукрашенном роскошными кружевами. Платье было отделано серебряным бисером и с завернутыми вовнутрь манжетами; его воротник, изготовленный из точно такой же ткани, похожей на паутинку, с вкрапленными в нее росинками бисера, закрывал ее плечи. Волосы, во время путешествия собранные в косы с вплетенными в них лентами, теперь были аккуратно уложены при помощи изящных заколок, создавая на ее голове весьма впечатляющую высокую прическу. Внешность принцессы была настолько величественной, что при виде подобного зрелища Роана встала, чтобы отдать ей должное.

— Ну что ты, Роана... — мягко промолвила принцесса, затем прошла по комнате, но не степенной походкой, присущей ее званию, а быстрым порывистым шагом. Затем взяла ее руку и зажала между ладонями. — Роана, здесь мы в безопасности. И добрый милорд Имберт отправился побеседовать с королем. Удача благоволит нам. А как только мы встретимся с королем Гостаром... — Она звонко рассмеялась. — О, Роана, тебе так понравится здесь! Ты будешь наслаждаться жизнью! Вне всякого сомнения, будет дан бал... Я не говорила, что король позовет на бал сыновей? Неважно! Но разве есть способ галантнее показать себя, чем на балу? И мы поедем в Брогвэлл в открытом экипаже, как того требует мода, и... и... и...

Сейчас принцессой могла оказаться любая девушка из внешнего мира, томимая жадной наслаждений. Однако Роана поймала себя на мысли, что не разделяет возвышенное настроение собеседницы. И Лудорика очень быстро почувствовала это, ибо ее искрящееся весельем лицо немного потускнело, когда она спросила:

— Что с тобой, Роана? Мы же действительно здесь в полной безопасности, возможно, даже в большей, чем в Ревении. Разумеется, и там нам не о чем было бы беспокоиться, пока мы пол-

ностью не узнаем о намерениях Реддика. А ты... ты не должна бояться, что тебя лишат памяти или заключат в тюрьму. Это — день беззаботности, а не унылых лиц. Ах, как я не догадалась?! Наверняка ты выглядишь так серьезно потому, что до сих пор сидишь в ночной рубашке. Ну конечно! Тебе совершенно не идет белый цвет. Так мы это быстро исправим.

Она потянула за сонетку, и спустя несколько секунд на пороге появилась служанка. Принцесса настолько быстро отдавала ей приказы, что необходимо доставить сюда и как можно скорее, что Роане даже не удалось определить количество предназначенных ей одеяний.

Уже позднее, когда она вновь сидела напротив зеркала, вглядываясь в свое отражение, ей опять показалось, что она видит сон, только на этот раз сон был намного глубже предыдущего. Словно она приняла наркотик, очень сильный, запрещенный, после которого оказалась в совершенно иной жизни, настолько увлекательной и великолепной, что все это могло показаться волшебством. Однако Роана подсознательно ощущала, как сказка упорно сражается с реальностью. Она никогда не принимала наркотики и все-таки попала в ловко расставленные сети искушения — во всяком случае, в зеркале отражалась не та Роана Хьюм, которую она знала раньше.

Нежная ткань ее платья имела темно-желтый оттенок, однако стоило ей сделать хоть малейшее движение, как каждая складка на нем становилась розовой. Кружева, не такие пышные, как украшающие платье Лудорики, были намного прелестнее всего, что Роана когда-либо видела в своей жизни. Ее загорелые запястья выдавались из-под гофрированных манжет; а кружева поднимались по бокам ее платья, богато изукрашенная спинка которого поднималась чуть выше головы, создавая таким образом хрупкую, прозрачную, словно паутина, рамочку, опоясывающую ее тонкую шею. Ее волосы пока были настолько короткими, что их нельзя было заколоть, поэтому голову венчала отделанная изысканными кружевами шапочка, передний край которой изящно изгибался у нее на лбу, и от него расходились вниз два скрепленных золотой проволокой крыла, словно в залу случайно залетела какая-то диковинная птица.

А ее лицо... Многие годы, проведенные на открытом воздухе, оставили на нем загар, который невозможно было скрыть, но для этого они со знанием дела использовали содержимое многочи-

сленных бутылочек и флаконов. Так что коричневый цвет загара только усилил ее красоту, и теперь Роана выглядела настолько ярко, что поначалу не смогла узнать саму себя в зеркале. Пристально рассматривая свое отражение, она наконец осознала, что единственное и самое страшное оружие любой женщины — когда она полностью осознает, что выглядит просто восхитительно.

Лудорика захлопала в ладоши и рассмеялась.

— Миледи Роана, вот как тебе надо всегда выглядеть! А не напяливать на себя уродливые мужские одежды. Почему тебе хотелось смотреться так просто и незамысловато, когда долг любой женщины требует от нее выглядеть красивей всех на свете, и неважно, какое лицо ей дали Хранители при рождении? А теперь пойдем, тебе надо научиться должным образом двигаться в этих юбках, моя-дорогая-и-прежде-мужеподобная леди!

Запрятав все свои сомнения в самые отдаленные уголки сознания, Роана последовала за принцессой. Они вышли в просторный вестибюль, одна стена которого была отделана гобеленами ручной работы, между которых виднелись промежутки, выкрашенные в такие же яркие цвета, как и в ее спальне, что делало ее светлее и приветливее. Другая стена состояла из ряда окон, в четырех из них виднелась весьма живописная бухточка. Стекла на этих окнах были вставлены в шахматном порядке; совершенно прозрачные чередовались с разноцветными, на которых проступали причудливые узоры. Запрокинув голову, Роана увидела потолок, на котором были глубоко вытесаны ягоды и листья, также искусно выкрашенные в разные цвета. В самом дальнем углу зала возвышался огромный камин, а по всей длине стены на одинаковых расстояниях друг от друга стояли жаровни на треногах. Из нескольких поднимались витиеватые клубы благовонного дыма.

В зале не было ни души, ни слуг, ни хозяина замка. Но когда они прошли через дверь, расположенную в противоположном конце зала, и приблизились к подножию лестницы, внезапно появился человек. Оказалось, что он уже ожидал их.

Он обнажил голову (ибо на ней находилась пестрая шляпа, богато изукрашенная золотом) и, когда принцесса начала спускаться, низко поклонился ей. Его одежда, отделанная украшениями из металла, весьма соответствовала сопровождаемым им лицам.

— Ваше Высочество...

Мужчина был средних лет, и на лице его темнела борода, что показалось Роане каким-то новым обычаем, поскольку она знала, что бороды позволено отращивать только космонавтам. Это делалось потому, что при гладковыбритых щеках и полностью остриженных головах между черепом и шлемом оставалось некоторое пространство. Когда же космонавт носил бороду, то пространство уменьшалось, и тем самым шлем сидел на его голове как влитой.

— Дорогой милорд, — принцесса протянула мужчине руку. — Мне бы хотелось представить вам мою спутницу, леди Роану Хьюм. Роана, это — лорд Имберт, который любезно предоставил нам убежище от всех наших треволнений.

Он снова склонил голову и поцеловал принцессе руку. Затем обратил испытующий взгляд на Роану, что несколько взволновало ее, когда их глаза встретились.

— Мне выпала большая честь познакомиться с вами, милорд. — И, немного приподняв складки своего платья, она присела в реверансе. Роана очень надеялась, что у нее все получилось должным образом. Конечно, она не столь изящна и грациозна, как принцесса. А эти глаза, пристально глядящие на нее, несколько поубавили ее самоуверенность.

— Мы бесконечно благодарны вам, миледи, — промолвил лорд. — Под «мы» я подразумеваю народ Ревении. — Несмотря на суровую и довольно бесцветную и не свойственную его высокому званию внешность, голос прозвучал тепло и приветливо. И Роана сразу переменила к нему отношение, создавшееся у нее с первого взгляда. Когда лорд говорил, то казалось, что под маской, в которой он являлся людям, скрывался совершенно другой человек. — Вы доставили нам принцессу целой и невредимой, поэтому все, кто служит ей теперь, безмерно благодарны вам.

Он улыбнулся и низко поклонился Роане. Однако, когда она наблюдала за ним, не слыша его голоса, то ощущала в его поведении холод. Слова вполне могли служить великолепной ширмой для его мыслей. Хотя принцесса так высоко ценила лорда Имберта Рехлинга, Роана не ощущала к нему такого же доверия, как к полковнику Нелису.

— Вы очень любезны, — еле слышно ответила она. Величественный, полный достоинства язык Ревении был настолько чужд отрывистому основному галактическому, языку ее народа, что Роана с трудом могла изъясняться со своими спутниками.

— Мы собираемся осмотреть ваш сад, милорд, — с улыбкой промолвила Лудорика, и Роана заметила, как в ее глазах сверкнули озорные искорки. — То, что я видела из окна моих покоев, обещает...

— Ваше Высочество, — необычайно низким тембром произнес лорд Имберт, — не думаю, что подобная прогулка будет уместна в это время.

— Неуместна? Прогулка по саду? Но почему?

— Ваше Высочество, насколько мне известно, в городе находится Фанчер. И еще Прорицатель Шамбри. Вы же сами знаете, что они прибыли сюда.

— Но здесь Гастонхау и посольство королевства Ревенин, возглавляемое лучшим моим другом — самим лордом Имбертом Рехлингом, — недовольно проговорила она. — Почему же мы должны бояться Фанчера, человека, не имеющего в Лихштене никакого веса? Что касается Прорицателя, да, мы его видели. Но какое отношение он имеет к нам? Или к Ревенин?

— Вероятно, кое-что мне могло показаться... — начал Имберт, но замолчал и посмотрел на Роану так, словно хотел, чтобы она немедленно ушла. Наверное, так было принято во Дворе, но Роана не претендовала на большее, чем она была — чужеземкой, случайно оказавшейся у них на пути. Она замерла, а принцесса с некоторым раздражением сказала:

— Вы можете говорить открыто — леди Роане все известно.

Пожав плечами, он продолжал:

— Что ж, как вам будет угодно, Ваше Высочество. Прорицатель предсказал кончину короля Никласа в точности до часа.

Лицо принцессы мгновенно стало серьезным.

— Насколько можно верить его словам? Нет, я не буду спрашивать вас об этом, милорд. У всех нас есть собственное мнение насчет подобных дарований или талантов. В некоторых случаях предсказания Шамбри имели значительный успех. Хотя я лично слышала — впрочем, это могли быть слухи, распространенные завистниками, — что он также и ошибался. Тем не менее предсказать кончину короля... он должен быть в этом уверен как никогда. Но зачем он приехал из Ревенин в Лихстен? Разве только...

Лудорика опустила взгляд на свои руки, словно держала в них что-то очень ценное, что не могли увидеть остальные. — Разве только ему не пришлось выехать из Ревенин прежде, чем его

предсказание подтвердилось. Какой же у него имелся повод для приезда сюда?

— Повод заключается в том, что для короля Гостара наступил великий момент, который повлияет на будущее его королевского Дома, поэтому благодаря его дару Шамбри призвали сюда.

— Благодаря его дару! Значит, он окончательно уверен...

— Именно так, — прервал ее лорд Имберт. — Ведь быть таким настойчивым противоречит его обычаям. Совсем недавно он ездил в Ичор, и леди Ичор...

— Некогда была очень большим другом Реддика. Но здесь, в вашем прекрасно охраняемом замке, милорд, безусловно, нечего бояться каких-либо интриг, которые опутали бы меня. Пожалуйста, вы же сами сказали Нелису, что он может оставить нас здесь и уехать, когда пожелает. Так почему же, если у вас имеются такие серьезные сомнения, вы сказали ему такое?

— По очень простой причине, Ваше Высочество. Эти известия еще не достигли моих ушей, когда полковник уехал. И еще... намного лучше для него вернуться в свой отряд, поскольку, если о вашем приезде еще никому не известно, его возвращение поможет сохранить ваше присутствие в тайне.

— В тайне? Я не думала, что здесь... — она заколебалась, затем продолжила: — Так дайте же мне встретиться с королем Гостаром, и все пойдет так, как мы пожелаем.

— А вот здесь, Ваше Высочество, вы должны проявить незаурядное терпение. Королева неважно себя чувствует, и король Гостар очень обеспокоен ее здоровьем. Да и в более благоприятных случаях нельзя было сыскать человека менее спокойного. Иногда он становился жертвой самых невероятных прихотей и мог внезапно переменить решение, поэтому ни одна живая душа не сможет предсказать, что он станет делать через секунду. Например, три месяца назад, узнав, что королева ждет ребенка, он даже не явился за советом в тайное святилище Огненной Короны. Он не станет принимать делегацию от консула и откажет всем своим министрам в аудиенции. Даже доставка ему письма может занять массу времени!

— А у нас так мало времени!

— Я все понимаю, Ваше Высочество. Но буду с вами откровенен. Мы должны относиться к королю с великой осторожностью. Любой необдуманный шаг с нашей стороны может повлечь его отказ еще до того, как мы изложим ему свое дело. Так он по-

ступал множество раз, намного чаще, чем даже известно его народу. Теперь... теперь же я должен отметить, Ваше Высочество, что вас видели в этом крыле замка несколько слуг. Все это тоже нельзя сбрасывать со счетов, ибо здесь ничего не делается просто так. Чем меньше людей будет знать о вашем присутствии в замке до тех пор, пока с королем не будет некоторой ясности, тем лучше. Ибо нам надо опасаться не только его переменчивого нрава, но и вмешательства, возможно, непосредственно со стороны Фанчера, а возможно, и со стороны Шамбри... или, как я подозреваю...

— Видите ли, Ваше Высочество, — продолжил он, — королева очень доверительно относится к предсказаниям, и у меня есть все основания полагать, что как только она узнает, что Шамбри находится здесь, то обязательно пригласит его к себе. Как только он завладеет ее вниманием, то справится с нами без труда. Ибо он коварный и хитрый человек, имеющий намного большее влияние, нежели обычный прорицатель. Он уже с присущей ему самоуверенностью называл день и час кончины Его Величества. Что, если он добавит к этому что-нибудь ужасное, касающееся лично вас, Ваше Высочество? Сможете ли вы тогда услышать правдивый ответ на вашу просьбу? Предполагаемые несчастья — слишком реальные вещи для большинства королей и лордов.

Принцесса нахмурилась.

— Значит, он назвал час и день... Нет, я не желаю знать об этом, чтобы не начать тоже в это верить! Выходит, я не могу ничего сделать, кроме как ждать?

— Конечно, тяжело услышать такое, Ваше Высочество, но вы совершенно правы. И не только покорно ждать, а оставаться в этих стенах и стараться сделать так, чтобы вас не заметила ни одна живая душа. Вспомните, вы сами считали, что в Хизерхау вы в полной безопасности, и что же случилось? Разумеется, мой замок превосходно охраняется, но как я смогу поклясться, что все мои охранники и слуги до сих пор, как и встарь, преданы только мне и что ни один из них тайно не поддерживает Реддика?

— В такое трудно поверить, — медленно промолвила принцесса. — Я чувствую, что все это почти как попытка перебраться через Шелмарские болота — то есть любой мой шаг станет роковой ошибкой. Но предположим, что король... — Она оглянулась. — Хорошо, тогда скажите, сколько еще времени этот сладкоречивый Прорицатель позволил ему жить?

— Четыре дня — до полнолуния.

— Четыре дня! И он ведь не осмелится делать такое пророчество, если не будет уверен, что оно окажется правдой. Четыре дня, и если я не вернусь тогда в Уркермарк вместе с Короной... Мне надо все как следует обдумать, лорд Имберт.

— Разумеется, Ваше Высочество. А тем временем для вашей же безопасности ни в коем случае не покидайте этих стен. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы попасть к королю Гостару, а у меня есть несколько способов, которые стоило бы испытывать, что я и сделаю.

Еще раз низко поклонившись, он покинул их, и принцесса повернулась к Роане.

— Похоже, мы сможем наслаждаться видом сада не иначе, как через окно. Зато можем прогуляться по галерее. Пойдем опять наверх.

Они возвратились в огромные покои наверху, после чего Лудорика повела Роану к средней бухточке, так чтобы они смогли осмотреться. Внизу виднелись немногочисленные цветы, а в основном им удалось разглядеть живую изгородь из кустарников и деревьев, подстриженных в замысловатые формы, отчего они больше напоминали статуи, установленные в Хизерхау перед прибытием туда принцессы.

— Все растения содержатся в превосходном состоянии, — отметила Лудорика. — Создается впечатление, что даже если какой-нибудь единственный лист случайно вылезет из общей композиции, то это тотчас же будет замечено и исправлено. Лорд Имберт рьяный приверженец подобных формальностей. Этот сад примерно такой же значительный, как и положение самого лорда в Ревени. Леди Ансла никогда особо не заботилась о нем. Она отвела себе собственное местечко и выращивала там премиленькие благоухающие цветы. Еще здесь есть пруд, где прямо на воде вьют гнезда эранды, а эта птица способна застыть в неподвижности на многие-многие часы, так что ее часто принимают за статую...

— А леди Ансла... она здесь?

— Она умерла, — ответила принцесса, не отворачиваясь от окна. — Это случилось в лютый мороз. Я даже не смогла вставить ей в руку свечу — хотя она всегда была очень добра ко мне. Когда я пришла, она уже скончалась. Мне кажется, когда я была совсем маленькой, она была единственным человеком, забо-

тившимся обо мне как о Лудорике, а не потому, что я — принцесса.

Хотя они не могли выйти в этот чопорный сад даже из анфилады комнат, приготовленных только для них, обе девушки нашли чем заняться. Лудорика развлекалась сама, а Роана (к своему удивлению) тщательно репетировала свою временную роль придворной дамы, ее обязанности по отношению к своей принцессе, а также свое положение при Дворе — хотя из-за возраста и тяжелого недуга короля жизнь Двора раскололась на несколько неясных должностных обязанностей, впрочем, выполняемых лишь в случае крайней необходимости. Роана знала о них, еще когда училась в Крам-бриф, но теперь растворилась в своей роли настолько, что нашла ее намного более увлекательной, нежели когда прочитала об этом в учебниках. Описание принцессой всевозможных титулованных особ и придворных, их биографий и поступков было настолько подробным, что чужеземная девушка подумала, что узнает любого или любую из них при встрече... Если ей когда-нибудь доведется повстречаться с этими людьми.

Где-то в глубине ее души начало расти что-то непонятное. Она чаще стала разглаживать складки на юбках, то и дело подходила к зеркалу, пристально вглядываясь в собственное отражение, а пальцы сами тянулись к красивой подушечке с иглами, чтобы приступить к вышиванию. Все это было весьма далеко от ценностей ее цивилизации, но тем не менее окружало ее, и она не испытывала ни ностальгии, ни боли, ни несчастья, а скорее наоборот, чувствовала себя расслабленно. Слово очень долго отдыхала. Если ей это снилось, то ей все меньше и меньше хотелось проснуться. По крайней мере, размышляла она с некоторой насмешкой, даже если когда-нибудь и вернется к своим, то сумеет предоставить достаточно полезной информации об эксперименте психократов с точки зрения их испытуемых, и тем самым поразит Службу до глубины души.

Вторую ночь в Гастонхау она сидела против зеркала, вытаскивая из шляпки заколки в виде птичек, когда в комнату проскользнула Лудорика с длинным, отороченным мехом плащом, перекинутым через руку. Глаза ее горели от возбуждения.

— Имберту все удалось! Я тайно отправляюсь к королю Гостару. Но я иду к нему не одна, Роана... Лорд Имберт считает, что ты должна пойти со мной, потому что ты сможешь засвидетельствовать обо всем, что случилось тогда в башне, и твое сви-

детельство может сыграть огромную роль в дальнейшем! Потопрапливайся... нас ожидает карета! Где твой плащ?

Она открыла дверцы гардероба и поспешно стала рыться в его содержимом. Роана устремилась к постели, к своему личному тайнику. Она провела ладонью под широкой подушкой и вытащила пояс с чужеземным снаряжением. С ним она не собиралась расставаться даже на самое короткое время.

Глава 9

Карета ожидала их в темном внутреннем дворе замка и почти ничем не отличалась от той, что доставила их в Гастонхау. Как и в тот раз, ее окна закрывали плотные шторы, а двор освещал один-единственный тусклый фонарь. Роана шла к карете очень медленно из-за своих широких юбок. Лорд Имберт вышел лично, чтобы поприветствовать их, а перед тем как протянуть руку Роане, что-то очень тихо проговорил принцессе.

На этот раз их не сопровождал полковник, а подушки были намного мягче и удобнее, чем в карете, на которой они добиралась до Гастонхау. Наконец дверца закрылась, и они очутились в кромешной темноте, ибо у кареты не было ни одного фонаря.

— Нет света! — воскликнула принцесса, найдя это очень странным, но потом добавила: — Думаю, что Имберту захотелось, чтобы все выглядело менее подозрительно.

— Куда мы едем? — спросила Роана, заворачиваясь в плащ. Ее трясло от озноба, да и в карете было настолько холодно, словно ею несколько лет не пользовались.

— В Гастонхау. В этом замке часто останавливается королевская чета, а находится он возле озера Иммер. Полагаю, королева очень любит тишину.

Карета резко подпрыгнула на кочке, отчего Роана упала на свою спутницу. Лудорика рассмеялась.

— Дорогая Роана, пошарь там по стенке и найдешь прочный ремень. Держись за него всю дорогу, ибо это лучший способ не упасть, когда карета несется на всей скорости.

Роана схватилась за ремень, подняла голову чуть вверх и теперь увидела за самым краем шторы мерцающие огоньки, словно они проезжали через какое-то хорошо освещенное место. Затем она нашла кожаную петлю и крепко взялась за нее, ибо ей

хотелось поднять шторы, чтобы не чувствовать себя узницей этой качающейся из стороны в сторону и постоянно подсакивающей клетки. К тому же ее желудок явно протестовал против подобного вида езды.

— Моя мать была двоюродной сестрой короля Гостара, — донесся до нее голос принцессы. — Мне хочется узнать, в каких отношениях они были. Если, когда моя мать приехала в Ревению сочетаться браком, они дружили, это могло бы помочь моей просьбе. Если у него остались какие-нибудь воспоминания о ней...

— А может статься так, что они не дружили? — спросила Роана.

— Наследственная вражда существует не только среди лордов, но и между королевскими Дворами. Разве не яркий пример того поступок Реддика в отношении меня? А замок Хиллароу принадлежит королю Гостару, который известен своим буйным нравом и многими необычными поступками, о которых нас предупреждал Имберт. Похоже, с тех пор как Хранители порвали всякие отношения с людьми, в течении истории очень многое изменилось. Только когда мы одеваем короны, то можем не сомневаться в возрождении и долговечности старых добрых традиций. Я должна добраться до Короны! Во всяком случае, Нелис обещал сделать все, чтобы ускорить ее поиски!

— Ты послала полковника на поиски Короны? А что же будет с дядей Оффласом и Сандаром? Если крупное соединение ревенийских войск выйдет на поиски и встретит там людей из лагеря... — Роана почувствовала беспокойство, потому как понимала, что прежде Служба никогда еще не проваливала свои операции с таким позором. Ведь они могут даже улететь с планеты прочь. Ни с чем!

— Полковник знает местность, и я ему доверяю. Если он поторопится, то Реддик не сможет столкнуться с ним, поэтому мне думается, что, пока король не умрет, герцог не осмелится выступить открыто.

— Но Корона... я-то думала, что тебе хотелось держать в тайне ото всех ее местоположение.

— Нет. Нелис все равно будет ожидать, когда я ее заберу. Никто кроме меня не имеет права даже прикоснуться к Короне.

А что же будет с ее людьми? Роана думала о дяде и Сандаре, крепко держась за ремень, когда карета начала подниматься в го-

ру. Наверное, карета несется с максимальной скоростью, на которую только способна.

— Король Гостар очень нетерпелив, — заметила она. — Похоже, он хочет встретиться с нами как можно быстрее, или королевские кареты несутся с такой скоростью всегда?

Карета поехала еще быстрее. Несмотря на крепкую петлю ремня, Роану мотало из стороны в сторону, и она едва успела вздохнуть, чтобы набрать побольше воздуха и проглотить застрявший в горле тошнотворный комок. Роане очень не хотелось испачкать роскошный интерьер кареты.

— Д-да... это... слишком... быстро... — запинаясь от безумной тряски, с трудом промолвила принцесса. — Наверное, они...

Карета по-прежнему мчалась с невероятной скоростью, и с каждым резким поворотом дороги Роане казалось, что они сейчас опрокинутся. Она почувствовала, что еще немного, и ее вырвет. Девушка приложила руку ко рту, изо всех сил стараясь сдержаться от рвоты.

— Что... — начала было принцесса, но замолчала, а потом крикнула: — Роана! — в ее крике ощущалось предчувствие опасности. — Роана, ты можешь выглянуть в окошко? Ты можешь поднять шторку?

Роана попыталась это сделать, но ее тотчас же сильно качнуло в сторону. Наконец ей все же удалось дотянуться до края шторки. Во всяком случае, она так посчитала. Однако ее попытка оказалась тщетной. У нее создалось впечатление, что окошко заколочено гвоздями или запечатано. О чем она не преминула сообщить принцессе.

— С моей стороны то же самое! — откликнулась Лудорика. — Шторки привязаны снизу. Роана, ты можешь наклониться чуть вперед и нащупать дверную защелку?

Роана осознавала всю опасность этого предприятия. Ведь стоило ей оторвать руку от ремня, ее могло бросить вперед, отчего она с силой бы ударилась головой об узкое сиденье напротив. Однако она все-таки решила рискнуть. Несмотря на жуткую тряску, она выгадала мгновение между скачками кареты и что есть силы вытянула руку и впотьмах наугад стала ощупывать то место, где должна находиться дверь. Она не нашла защелки. Ее ладонь скользнула по совершенно ровной поверхности. От страха, что они очутились в ловушке, тошнота усилилась, и Роане захотелось закричать вознице, чтобы тот остановил карету.

Но тут карету тряхнуло с такой силой, что она ударилась головой о ее потолок.

— Я... не могу... найти... Там... все гладко! — выдохнула она с трудом.

— Я... тоже... — вторила ей принцесса.

— Но почему... — начала было Роана, но Лудорика опередила ее вопрос.

— Почему? Потому что нас захватили в плен. Но, спрашивается, кто? Лорд Имберт? Нет... ведь я и так была в полном его распоряжении, или он по какой-то причине ничего не рассказал мне... Гм... Однако я догадываюсь, милая Роана, что мы едем отнюдь не в Гастонхау.

— Куда же... — снова начала Роана, но мощный толчок не дал ей договорить. Она лишь ощутила острую боль в боку и жалобно вскрикнула.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила Лудорика.

— Я... какая же я дура! — раздраженно проговорила Роана. — У меня же есть излучатель! — Как же она могла забыть про свой неизменный ремень? Этот провал в памяти стал еще одним симптомом нечеткости и расплывчатости мышления, так беспокоившего ее в последние несколько дней. Она чувствовала себя так, будто не хотела или не могла вспомнить знакомые ей предметы и мысли, бывшие частью ее межпланетной жизни. Одной рукой держась за петлю, второй она вытащила излучатель, включив его в самом слабом режиме.

— Двери!

Ей не нужно было напоминать о том, куда светить, ибо Роана уже направила излучатель именно в то место, через которое они попали в карету. И луч его только подтвердил результат ее обследования кареты на ошупь. На двери не было даже намека на задвижку. Когда она направила излучатель на окна, обе девушки увидели, что окна заколочены деревянными планками.

— Мы попали в плен с того момента, как приехали сюда, и они... кто бы это ни был... они хотят избавиться от нас. А наше будущее зависит от того, кто стоит за всем этим, — печально промолвила принцесса.

— Реддик?

— И не без помощи Имберта... И, наверное, с тех пор как к нам пришло послание, а подстроено все было так, что оно пришло от короля. Или кареты заменили, или... Мы можем перечи-

слять все возможные причины, насколько у нас хватит пальцев, и все время будем возвращаться к одной-единственной. К истинной причине происшедшего. И нам достаточно уже того, что мы — пленницы, и нам нет нужды гадать, почему это случилось. Ведь важен сам факт. — Она мельком взглянула на излучатель. — Лучше скажи, какие еще орудия и оружие тебе удалось прихватить с собой?

Как обычно, принцесса сразу перешла к самому важному.

— У меня есть этот излучатель, сумка с лекарственными снадобьями и кое-какое оружие. — Роана подумала о шокере. — Оно не наносит ран, но тот, кто подпадает под его лучи, тотчас же засыпает.

— А-а, такое оружие использовал против меня твой кузен в пещере? Какая же ты умница, Роана, что захватила его с собой! Нам надо только дождаться, пока они выведут нас из кареты, и тогда ты сможешь усыпить их! И...

— Я сделаю все, что смогу, — пообещала Роана. Ей очень не хотелось привносить на Клио инопланетные вещи, и теперь она это чувствовала отчетливо, как никогда. Излучателем она пользовалась не раздумывая, но пустить в ход шокер — совсем другое дело... Еще ни разу ей не доводилось совершать что-либо в этом роде. Или все-таки приходилось? Психологическая обработка! Она проходила психологическую обработку уже множество раз — в основном, чтобы подготовить тело и разум к сопротивлению против какого-либо враждебного планетарного стресса либо против неведомых особей. Да, она совершала это, но еще ни разу сознательно не испытывала этот эффект лично на себе. Теперь же Роана чувствовала себя так, словно ее разум лихорадочно метался сразу в нескольких направлениях и при этом работал очень медленно, а сама она старалась избежать чужеземного оружия... того самого оружия, устроенного таким образом, чтобы им не сумели воспользоваться чужие.

Чтобы удостовериться в своих умозаключениях, она протянула принцессе излучатель.

— Если ты нажмешь вот сюда...

Затем Роана положила палец на кнопку шокера, хотя и не стала вытаскивать его. Ей стоило немалых сил контролировать себя. Ее пальцы соскальзывали с гладкой металлической поверхности. Ради Святой Правды, что же случилось с нею? Специальный чехол, делающий шокер неприкосновенным для представи-

телей иных миров, не слушался ее! Такого сильного испуга она не испытывала ни разу в жизни. Лудорика, словно прочитав ее мысли по выражению лица, поспешно спросила:

— Что случилось?

— Ничего, — ответила Роана. Принцесса выглядела совершенно сбитой с толку и смотрела на нее широко открытыми глазами. Роана решила, что не должна позволить ей догадаться о своих подозрениях, тем более что сама не знала, что происходит на самом деле. — Эта тряска... меня подташнивает... — шепотом отозвалась она.

Лудорика сделала недовольную гримаску.

— Я много путешествовала в карете, хотя намного удобнее ездить верхом, но ни разу еще я не ездила по такой дикой местности. — Она кисло улыbnулась. — Честно говоря, меня тоже тошнит, и мне хотелось бы...

Договорить она не успела, ибо скорость кареты уменьшилась и тряска стала менее жестокой. Спустя некоторое время карета поехала еще медленнее и в конце концов остановилась.

— Приготовься, — приказала принцесса. Она по-прежнему сжимала излучатель, направив его на дверь и готовясь ослепить того, кто откроет дверь. Роана сосредоточилась и застыла на месте, держа наготове шокер.

Однако ничего не произошло. Они услышали какие-то тихие звуки, приглушаемые стенками кареты. Только дверь по-прежнему не открывалась.

— По-моему, они меняют двурогов! — сказала принцесса. — Новые двуроги... Это значит, что нам предстоит долгое путешествие. Мы уже проехали гораздо большее расстояние, чем до Гастонхау.

Наверное, она оказалась права, ибо очень скоро карету сильно потрянуло, и они снова двинулись в путь, сперва довольно медленно, а затем опять с безумной скоростью. Роана оставила в покое шокер и убрала излучатель, не думая, что вскоре они могут понадобиться. Она страшно устала, все тело болело от тряски, будто ее долго били или пытали. Но, к счастью, вторая часть поездки оказалась не такой длинной. Карета снова покатила медленнее, едва ли не со скоростью пешехода. Затем она немного наклонилась, что означало, что они едут в гору. Принцесса снова заговорила:

— Мы возвращаемся в Ревению.

— Откуда ты знаешь?

— Ревения горная страна, а возле Гастонхау только одна гора, и на границе — тоже. Теперь у нас есть только две возможности. Либо нас встретит один из представителей короля, либо — Реддик!

— Полагаю, это будет Реддик.

— Должно быть, Имберта жестоко обманули. Да, для нас правильной будет ожидать самого худшего. Ох какая же я дура!..

Или темноту, стусившуюся над ними, что-то немного освещало, или их глаза привыкли к этой крошечной тьме. Теперь Роана видела очертания фигуры своей спутницы, сидящей на сиденье рядом с нею.

— Фанчер и Прорицатель... а сколько еще людей из замка Имберта видели нас, как он и подозревал. Но даже сам Имберт не сумел разгадать, насколько далеко зашли планы проклятого Реддика! Нелис... мы могли положиться только на Нелиса. Возможно, когда-нибудь у нас будет возможность связаться с ним. Но это может произойти только там, куда нас отвезут.

Принцесса говорила очень тихо, и Роана решила, что Лудорика перебирает все вероятности, одновременно взвешивая все возможности освобождения. Роана восхищалась храбростью принцессы, ее выдержкой и острым умом. Но даже это превосходное сочетание качеств не смогло уберечь ее от пока еще неизвестной беды.

И случались мгновения, безусловно, случались такие мгновения, во время которых Роана начинала задумываться о себе. У нее был шокер, против которого ни у кого на Клио не имелось защиты. И при помощи шокера она смогла бы вырваться из лап любого врага. Причем — любого количества противников. А после — вернуться в лагерь... если он все еще существует и дядя Оффлас не улетел с планеты.

Теперь карета тащилась с огромным трудом, а потом, взобравшись на склон, остановилась. И снова никто не подошел к двери. Наступило длительное ожидание, во время которого обе девушки болезненно морщились от боли и ссадин, полученных во время этой жуткой поездки. Когда карета снова тронулась с места, дорога оказалась наклонной, теперь они явно спускались с холма, и, к счастью, двуроги шли очень медленным шагом, иначе девушек бы просто бросило на противоположное сиденье кареты. Должно быть, склон был очень крутым, и возница опа-

сался, что при более быстрой езде карета перевернется. Через некоторое время дорога выровнялась, так что они ехали с большими удобствами, а свет, проникающий сквозь деревянные планки, становился все сильнее и сильнее.

— Да сейчас день! — сказала Лудорика. — Вскоре мы пересечем границу. А когда будем проезжать мимо будки привратника... — Лудорика отрицательно покачала головой. — Нет, они не рискнут поехать этой дорогой, поскольку не могут быть уверены, что карету не станут осматривать. И все же это должна быть главная дорога. Карета просто не сможет проехать по более узкому пути. Значит, у них хорошо продуманный план... — Она замолчала так внезапно, что Роана с удивлением взглянула на нее.

Она заметила, что принцесса откинула отороченный мехом капюшон плаща назад, а голову высунула чуть вперед и пристально смотрит на противоположную стенку кареты. Роана проследила за ее взглядом.

Через небольшую щель в стенке кареты пробивался белый пар. Роана слегка почувствовала какой-то новый, необычный запах, быстро заполняющий пространство кареты и обволакивающий их.

— Они... они дурманят нас! Это же дым от упуса!

Лудорика отняла руку от ремня и бросилась к стенке, пытаясь своей шапочкой заткнуть щель, из которой выбивался белый пар. Но это почти ничего не дало, ибо со всех сторон кареты сквозь щели в стенках пробивались новые и новые спирали белого удушливого пара. У девушек даже не было надежды остановить его. Роана даже не пыталась избежать этой угрозы, поскольку это было бесполезно. Пар проникал через все щели. Она лишь покрепче взялась за свой драгоценный пояс.

Затем, изогнувшись, подняла тяжелые складки юбок и закрепила ремень под ними, несмотря на то что пальцы едва слушались ее, а голова то и дело безвольно падала на грудь. И все же ей удалось завершить свою работу. Последнее, что она видела, это как принцесса Лудорика соскользнула с сиденья вниз и попыталась забраться под сиденье, чтобы укрыться от пара. А спустя несколько секунд Роана потеряла сознание.

Ей было тепло, даже слишком тепло. Как будто она лежала под палящим солнцем пустыни Каппаделлы. Роана пошевелилась и с трудом приподняла руку, чтобы закрыть лицо и глаза от солнца. Но она лежала не на песке. Когда она подвинулась, то

ощутила под собой какую-то странную шершавую ткань. И открыла глаза.

Над собой она увидела темное дерево, а солнечный луч, упавший на лицо, едва не ослепил ее. Она с раздражением повернула голову. Роана испытывала сильнейшую жажду; губы ее слиплись, и она с трудом разлепила их. Пить ей хотелось больше всего на свете.

В солнечных лучах она увидела неподалеку от себя низкую скамью со стоящей на ней бутылью. Во всяком случае форма увиденного ею предмета обещала то, в чем она так сильно нуждалась. Пить! Роана попыталась подползти к скамье, но тело отказывалось повиноваться ей, поэтому каждое ничтожное движение давалось с огромным трудом. Изо всей силы обхватив себя руками, она сосредоточилась только на бутылки, в которой могла быть вода. Передвижение по полу довело ее до полного изнеможения. Она даже не рискнула попробовать встать, а вместо этого поползла на четвереньках к желанной скамье. Она поднимала тяжелые руки, и ей казалось, что к ним подвешены гири. И наконец ее пальцы из последних сил сомкнулись вокруг бутылки. Она потянула ее к себе, делая это аккуратно, толкая кончиками пальцев, чтобы не расплескать драгоценную влагу. А затем поднесла горлышко ко рту и осторожно стала пить. И вскоре ее взгляд стал более отчетливым. Она уселась на полу, по-прежнему сжимая бутылку в руках, и осмотрелась вокруг.

Она увидела небольшую комнатку с каменными стенами и единственным зарешеченным окном. Койка, с которой ей удалось сползти, была лишена каких бы то ни было украшений, а рядом с нею на другой койке лежала Лудорика.

Плащ принцессы наполовину был сорван с тела, лицо ее покраснело, а дышала она хрипло и прерывисто. И достаточно громко, чтобы Роана заметила ее даже в темноте. Хотя помещение было ярко освещено солнечными лучами. Наблюдая за принцессой, Роана порылась у себя под юбками и вытащила оттуда свое грозное оружие, чтобы суметь отразить любую опасность этого «не-слишком-приятного-сна».

Небольшие койки, скамейка и бутылка составляли всю обстановку их узилища. Напротив коек находилась дверь, обитая металлическими пластинами и с замком величиною больше, чем ладонь Роаны. Она не сомневалась, что стоит ей попробовать дотянуться до него, как ее тотчас же свяжут в целях безопасности.

Равно как у нее не возникало сомнений в том, что они взяты в плен. Но кем? И где они находятся?

Она осторожно поставила бутылку на скамью и с огромным усилием поднялась. Голова тут же закружилась, и Роана закрыла глаза, чтобы обрести равновесие. От скамьи она шаткой походкой добрела до окна и посмотрела сквозь решетки. Ее радовало, что по крайней мере она держится на ногах.

Внизу она увидела внутренний двор, окруженный стеною, и огромные ворота, закрытые на мощный засов. За стеной виднелись зеленые верхушки деревьев, а еще дальше — горные вершины, похожие на вершины Хизерхау. Роана ощутила крохотный лучик надежды. Если они в этой стране, она сможет отыскать дорогу в лагерь.

— Жарко... хочу пить... — донесся до Роаны хриплый шепот принцессы. И она направилась к своей спутнице, опираясь руками о стену.

Принцесса явно боролась со своими захватчиками. Изысканные кружева ее воротника были оборваны и смяты, а прелестное платье вывалено в пыли и испачкано грязью. Она тянула шнуровку на корсаже, словно стараясь освободиться от него.

Роана, стараясь сохранять равновесие, подошла к скамье, а затем вернулась к принцессе с бутылкой. Держа ее обеими руками, она дала Лудорике напиток.

Лудорика присосалась к горлышку бутылки с каким-то беспредельным отчаянием. Во всяком случае, подобное зрелище Роана наблюдала впервые. Когда принцесса наконец знаком показала, что ей достаточно, Роана заглянула в бутылку и увидела, что воды там осталось совсем немного.

Теперь настала очередь принцессы осматривать комнатку. Ее глаза сосредоточились на окне, после чего она вскочила с койки, шатаясь, доковыляла до стены и медленно добралась до окна, вцепившись обеими руками в решетки. Роана присоединилась к ней.

— Ты знаешь, где мы?

Лудорика даже не посмотрела на нее, когда ответила:

— Точно я сказать не могу. Но этот пик... — ее правая рука указала куда-то вперед. — Мне знакома эта гора. Она находится в полулиге от Хизерхау. Думается мне, что мы находимся в одном из небольших поместий... возможно, оно принадлежит Фамслау... — она махнула рукой. — В конце концов, здесь все принадлежит Реддику!

— Ты хочешь сказать, что это — его земли?

— Земли ближайшего родственника. Но как... — Она не договорила, а только тихо выдохнула: — Посмотри туда!

С одной стороны внутреннего двора возле самой стены стояла карета со сверкающим на солнце гербом, притороченным к дверце. Окна кареты были тщательно занавешены, и, хотя девушки не заметили ни двурогов, ни возницы, Роана уже не сомневалась, кого привезла сюда эта карета.

— Это же карета... — начала она.

— Конечно! Стоит посмотреть на герб, что на двери...

Роана сперва не понимала всей важности происходящего, пока принцесса не продолжила:

— Это герб самого лорда Имберта! Поэтому карету не осматривали на границе. Вот как им удалось доставить нас сюда без приключений!

— Подожди... — Роана попыталась вспомнить. Она снова мысленно возвратилась в темный внутренний двор Гастонхау, когда лорд Имберт помогал им усесться в карету, ставшую впоследствии их тюрьмой. Она словно воочию видела дверь, освещенную тусклым светом фонаря; но на ней не было никакого герба. Впрочем, его можно было каким-то образом прикрыть. — Прежде на дверце не было герба, — прошептала она.

— Ну и что? Все же специально подстроено!

Откуда-то до них донесся резкий громкий звук, которому ответил трубный призыв горна. К ним подключились фанфары. Во дворе появились люди. Одетые в зеленое или серое, они выстроились в две шеренги по стойке «смирно», в то время как двое из них поспешно направились к воротам, чтобы отодвинуть засов.

— Кто же тот, кто осмелился пойти на такое? — грозно спросила Лудорика.

— Что это значит? — недоуменно осведомилась Роана.

Принцесса повернула побагровевшее от гнева лицо к Роане. Ее глаза расширились, и в них горел необузданный звериный гнев такой силы, что Роана обрадовалась, что это не она вызвала у своей спутницы такие чувства.

— Это же королевский призыв! — прошипела Лудорика. — Никто, кроме тех, в чьих жилах течет королевская кровь, не осмелится издать его! Этот призыв горна — мой! С самого моего рождения! Я наследница королевства Ревения, а не кто-нибудь другой!

Ворота отворились, и снова до девушек донесся громкий звук горна, а вслед за ним в воротах появился и сам горнист. Поверх камзола на нем была одета плотная куртка с просторными рукавами и отделанная металлическими кружевами. Половина куртки была красной, половина — желтой. За ним ехал второй всадник, одетый в желтый форменный камзол, а надвинутая на глаза шляпа скрывала его лицо. Роана услышала, что принцесса не дышит, а издает какое-то жуткое шипение.

— Реддик! И он едет за личным герольдом наследника! Это измена, черная измена! Предательство! Заговор! — Костяшки пальцев побелели, когда она еще сильнее вцепилась в решетку, словно хотела выдрать ее из каменной стены, а затем швырнуть, подобно копью, в своего кузена.

Глава 10

Роана прижалась к обитой металлом двери, приложив ухо к ее прохладной поверхности, но смогла услышать лишь биение собственного сердца. В эти мгновения она мечтала иметь при себе хотя бы самое маломощное подслушивающее устройство своей цивилизации. Она не знала даже, сколько сейчас времени, но думала, что его прошло довольно много с тех пор, как те люди пришли за принцессой, оставив Роану одну-одинешеньку в узилище.

Лудорика уходила с ними охотно, по-видимому, страстно желая лицом к лицу встретиться со своим тюремщиком-родственником, словно звуки королевского горна привели ее в неистовую ярость, переходящую все мыслимые границы. Роану не на шутку испугал ее уход, и, когда принцесса покидала их тюрьму, Роана думала о том, как ее спутнице удавалось сохранить хладнокровие.

Только это не поссорило их. С тех пор как Лудорика ушла, Роана смогла полностью оценить ситуацию и должным образом прикинуть все «за» и «против». У нее имелся единственный долг: выбраться из этого «сейфа» и возвратиться в лагерь. А принцесса указала ей на гору, которая смогла бы сыграть для нее роль проводника.

Однако сперва надо было убежать из этой комнатухи и, главное, не погибнуть при этом. Во второй раз она встала на ко-

лени и изучила засов. Разумеется, он был прост, как все древние вещи. Она сумела бы справиться с ним при помощи соответствующих инструментов. Но в ее драгоценном ремне не было ничего подходящего для этой цели, не говоря уже о «маскарадном» платье, надетом на ней (прелестные одежды, которые так восхитили ее, теперь были измяты и испачканы, а когда она надела их, они заставили с презрением подумать о нелепом комбинезоне). Ох как бы пригодился ей сейчас резак! Их с принцессой плащи лежали на койке. Роана вернулась к койке и провела руками по меху и ткани, и таким образом обнаружила в капюшоне Лудорики прочную металлическую проволоку, удерживающую мех на месте.

Она надорвала шов, впилась зубами в проволоку и стала медленно вытягивать ее за конец. Она тащила и тащила, пока не вытянула ее всю. И, держа ее в руке, вернулась к двери.

Вечерело. Солнце, разбудившее ее, ушло в сторону, и теперь длинные тени от холмов упали на стены двора. Ее комнатка почти погрузилась во тьму. Когда тюремщики уводили принцессу, то принесли Роане тарелку с хлебом и сушеным мясом. Она с аппетитом съела все до конца. С тех пор Роана не видела и не слышала никого.

Девушка согнулась и прислушалась. Наконец до нее донеслись какие-то звуки. Но они доносились не за дверь, а скорее из внутреннего двора замка. Роана подбежала к окну. Она увидели оседланных и готовых к отъезду двурогов. Четырех человек и семерых животных. Фонари скудно освещали сгущающуюся тьму.

Из главного входа, расположенного прямо под ее комнаткой, вышла группа из трех человек. Судя по одежде, один из них был Реддик; он выходил, крепко держа принцессу за запястье, хотя та, похоже, не сопротивлялась. Они направлялись к двурогам. Третий человек был одет в темное платье и плащ с поднятым до самого горла воротником; голову его закрывал остроконечный капюшон.

Он держал руки перед собой на уровне груди, а в них — что-то блестящее в свете фонаря. Когда они подошли к двурогам, он резко повернулся и оказался лицом к лицу с принцессой. И осторожно поднес к ее глазам то, что держал в руках. Тут же до Роаны донеслись его тихие слова, которые она так и не сумела разобрать.

Реддик поднял Лудорику на седло, где она спокойно уселась. Однако Реддик продолжал держать поводья ее двурога. Когда отомкнули засов на воротах и они выехали со двора, герцог по-прежнему управлял ее двурогом. Потом ворота за ними закрылись.

Роана могла лишь догадываться о том, что ей довелось увидеть. Очевидно, им удалось каким-то образом управлять принцессой. В прошлом Роана видела слишком много подобных сцен. Но как они добились этого (если не считать того, что это имело какое-то отношение к предмету, находящемуся у того человека), Роана понятия не имела. В любом случае Роану бросили на произвол судьбы, тем самым вынуждая ее вырваться на свободу.

Роана всегда очень тяжело переносила ожидание. Она нервно мерила шагами комнатушку, время от времени ударяя кулачками по своим тяжелым просторным юбкам. Слишком рискованно совершать побег в таком платье. Вероятно, в этой груди камней она могла бы отыскать более подходящую одежду.

В каморке не было лампы, и, как только в ней наступила крошечная тьма, Роана вновь опустилась на колени возле двери и начала осторожные манипуляции с проволокой. Подобная работа нуждалась в адском терпении. Ей пришлось полностью сосредоточиться на своих действиях во время работы. Наконец раздался щелчок, и сразу дверь немного приоткрылась, давая Роане возможность понять, что по другую сторону двери совершенно темно. Она выскользнула из своей темницы, осторожно закрыв за собою дверь. Девушка очутилась в маленьком вестибюле, в который вели еще две двери. За вестибюлем виднелась лестница. Роана услышала приглушенные голоса других обитателей здания, а звук приближающихся шагов громко прозвучал у нее в мозгу как сигнал тревоги.

Роана поспешно подошла к дверному проему напротив двери своего узилища. К ее великому облегчению, когда она толкнула дверь, та легко поддалась, и девушка оказалась внутри какой-то комнаты. Она осветила ее лучом излучателя и отметила, что эта комната ничем не отличается от той, которую она только что покинула. Она повернулась, чтобы внимательно осмотреть вестибюль через узенькую щель, оставшуюся между дверью и косяком.

Человек, появившийся в начале лестницы, был одет в такую же форму, как и люди, прискакавшие вместе с герцогом. В одной

руке он держал поднос, на котором стояли блюдо и еще одна бутылка с водой. В другой руке покачивалась лампа.

Приблизившись к двери ее бывшей тюрьмы, он поставил лампу на пол и нашарил на своем ремне связку с несколькими большими ключами. Роана прицелилась из шокера прямо ему в голову и нажала на кнопку. Мужчина бесшумно упал на колени, а затем ничком повалился на пол.

Яростным движением подобрав юбки, Роана устремилась к нему. Мужчина оказался довольно щуплым, и ей не составило никакого труда волоком затащить его внутрь комнатухи. Бутылка упала на пол, большая часть воды вылилась, образовав небольшую лужицу, однако она поднесла бутылку к губам и выпила все, что в ней осталось, затем схватила с тарелки кусок черствого хлеба и мясо и, быстро проглотив пищу, поставила тарелку внутрь и вышла, не забыв закрыть на замок за собой дверь.

Затем она вернулась в другую комнату, где обнаружила комод с целой грудой одежды, в беспорядке сваленной в одном из его ящичков. Ей надо было поскорее избавиться от нескончаемого количества юбок, чтобы передвигаться без труда! Одежда из комода скверно сидела на Роане, ибо ее владелец явно был выше нее ростом и на несколько десятков фунтов тяжелее. Но она натянула на себя плотный жилет, предварительно затянув на талии свой драгоценный пояс, подвернула рукава по длине своих рук, после чего оторвала нижнюю часть от юбки, чтобы запихнуть материю в сапоги, которые были велики ей на два размера. В ящичке комода она обнаружила одну из шапок-капюшонов, позволяющих оставить открытым только лицо, и подвязала ее под самым подбородком. Свою уже ненужную одежду она швырнула в ящик комода.

Лампа по-прежнему стояла на полу возле двери ее бывшей темницы, и Роана разлилась на себя, что чуть не забыла про нее. Наверное, было бы благоразумным прихватить ее с собой. С шокером наготове в одной руке и с лампой — в другой Роана подбежала к лестнице и посмотрела вниз. Внизу она увидела еле освещенный зал. Она услышала звуки голосов и запах стряпни, хотя этот запах не вызвал у нее особого аппетита. Пока удача сопутствовала ей. Если так будет продолжаться и впредь, ей останется только играть свою роль до конца. То есть решиться на отчаянную авантюру.

Несмотря на все ее старания не шуметь, спускаясь по лестнице, она не могла ничего поделать с сапогами, издающими глухие топающие звуки. Роану тревожило каждое движение внизу. Если ей придется уходить через те зарешеченные огромные ворота... Но, безусловно, есть какой-то путь попроще! Она бы рискнула перебраться через стену, если придется!

Нижняя зала вела к открытому сводчатому проходу. Справа от девушки виднелась крепко закрытая дверь, которая, как она надеялась, открывалась во внутренний двор замка. Роана задула лампу, поставила её на каменный пол и направилась к этой закрытой двери. С необычайной осторожностью она сняла с крюков перекладину, запирающую дверь, каждую секунду опасаясь, что ее заметят из зала впереди, расположенной за аркой. Там за столом восседали пятеро мужчин и ели. Шестой то и дело ходил взад и вперед, принося едокам свежую пищу и выпивку. Роана некоторое время подержала тяжелую перекладину, потом прислонила ее к стене и дернула дверь на себя.

В помещение с силой ворвался свежий ночной воздух, ударив Роану в лицо и разряжая духоту, царящую в зале. Роане достаточно было мгновения, чтобы проскользнуть наружу и закрыть за собой дверь. А теперь... Она задержалась в тени, чтобы как следует изучить внутренний двор замка. Слева от нее возле стены по-прежнему стояла карета. Затем шли конюшни, поскольку до Роаны донесся терпкий запах двурогов.

Хотя она очень внимательно осмотрела верхушку стены и башню, возвышающуюся неподалеку от нее, но не заметила ни одного часового. Однако даже не рискнула подумать о том, что его не существует вовсе. Ее внимание опять сосредоточилось на карете. Если она стоит совсем рядом со стеной, то почему бы не воспользоваться ею как лестницей, чтобы взобраться наверх? А как же ей спускаться затем вниз? Для этого ей понадобится веревка. Чем же плохи вожжи? — подумала Роана. Они выдерживают и не такие нагрузки. И девушка быстро направилась к карете.

Взобраться на сиденье возницы оказалось достаточно просто. Роана присела на корточки, выискивая взглядом часового на стене. Но не увидела ничего, кроме темной громады башни с несколькими тускло освещенными оконцами. А темнота была достаточно густой, чтобы скрыть от постороннего глаза крышу кареты.

Она снова соскочила на землю и нащупала вожжи. Они достаточно свободно болтались на хомуте, и Роана очень осторожно (из опасения, что ее услышат или заметят) соорудила из вожжей нечто намного более прочное, чем просто веревку, которая запросто выдержала бы ее вес. Свернув свое изобретение в толстый клубок, она положила его на плечо и снова отыскивала облучок кареты.

Встав на облучок, Роана увидела перед собой совершенно гладкую стену. Без единой выбоины. Она поняла, что, даже стоя на облучке, ей не удастся дотянуться до верха стены. Какое-то мгновение Роана почувствовала себя полностью сбитой с толку, но быстро взяла себя в руки и как следует осмотрела козлы и облучок. Затем заглянула в карету и увидела мягкое сиденье, которое она вытащила через окошко кареты и, поставив его на попа, прислонила к стене. Вот только сумеет ли она сохранить равновесие, оказавшись на самом верху этого шаткого сооружения?

Она запрокинула голову. Эта проклятая стена наверху!.. А что это еще за штука? Ну, конечно же — шест для штандарта! Один из двух. Второй находится на противоположной стороне ворот. Сейчас ночь, и поэтому флаг спущен, однако сам шест являл собой превосходную и надежную опору... если она просто-напросто допрыгнет до него.

Роана стояла на облучке, видя перед собою своеобразный, но весьма неустойчивый мост из мягкого сиденья кареты. Она раскрутила над головой вожжи и бросила их в воздух. Они перекинулись через стену со звуком, показавшимся ей раскатом грома. Однако они свободно свисали с другой стороны стены, а наверху обмотались вокруг шеста для штандарта.

Роана подумала, что ей нужно поторапливаться и как можно быстрее добраться до свисающего с другой стороны конца, прежде чем «мост» из подушки вывалится из-под ее ног. Она сжалась подобно пружине и прыгнула, левой рукой схватившись за конец одних вожжей, а правой — за другой.

Она оказалась совершенно права, опасаясь падения сиденья; именно это и произошло. Но не прежде того, как она ухватилась за конец вожжей, перекинутых через стену. К счастью, подушка лишь немного накренилась, иначе она осталась бы висеть вдоль стены, удерживая себя на вытянутых руках. Связав вместе оба конца вожжей, Роана, кряхтя, взобралась на край стены, с трудом поверив в то, что ей удалось совершить такой опасный трюк.

Спускаться с другой стороны стены оказалось намного легче. И как только она достигла земли, то собрала вожжи и обвезала вокруг своей талии. Пригодятся, подумала она, разглядывая острую вершину, едва вырисовывающуюся во тьме. Именно о ней рассказывала ей Лудорика. Теперь эта вершина станет для Роаны опознавательным знаком. В том же направлении бежала дорога, не какая-нибудь скрытая среди деревьев и кустов тропинка, а широкая и отчетливо видимая дорога прямо через лес. Роана решила, что ей лучше пойти по этой дороге, ибо в любую секунду она может укрыться в придорожных кустах в случае приближения встречного путника.

Дорога не была изрыта глубокими колеями, поэтому идти по ней было довольно легко. Девушка шла, немного пригнувшись, чему научилась много лет назад. Ее душа ликовала. Ей удалось выбраться из темницы, и теперь у нее есть план! Разумеется, первым делом ей надо дойти до лагеря, если он еще на месте. Если дядя Оффлас уже узнал, что случилось... о том, что искатели Короны могут быть совсем рядом с их находкой...

Мысли Роаны то и дело менялись. А как же быть с принцессой? Куда увез ее проклятый герцог Реддик и с какой целью? Вне всякого сомнения, Лудорика отправилась с ним под принуждением, хотя садилась на двурого и выезжала из ворот с таким видом, будто ничего не произошло.

У Лудорики свои проблемы, а у Роаны — свои. И совершенно другие. И снова Роана остановилась, озадаченная. Почему все время, проведенное с принцессой, казалось Роане таким важным и значительным? Почему Роана помогала ей, как только могла? А теперь — почему она испытывает странное ощущение, как будто где-то в глубине ее души оборвалась какая-то невидимая нить?

Неужели все, чем она занималась последние несколько дней, то есть сам факт ее пребывания вместе с принцессой, неблагоприятно и неосмотрительно (с точки зрения Службы)? И почему, когда их дружеское общение прервалось, наследница королевского престола Ревени подпала под какое-то странное влияние? В то время как сама обладала необычайной силой внушения?! Может быть, дело здесь в ней самой, в ее характере и темпераменте, который заставил стать более восприимчивой к постороннему внушению?

Роана довольно много знала о различных видах связей, коммуникаций, воздействий, контроля, а также знала, как их испы-

тывали как на механизмах, так и на живых людях; и все это делалось для того, чтобы узнать, что подобного рода воздействие, возможно, существует на Клио и, вполне вероятно, что это и есть часть тайны этой планеты. Роана вспомнила, что в некоторых очень древних цивилизациях, и даже в ее собственном далеком прошлом, перед тем как покинуть родную планету, чтобы проложить путь к тысячам других миров, бывали времена, когда короли были также и священниками, облаченными божественной властью от рождения.

Допустим, что те, кто ставил на Клио опыты, попробовали пользоваться подобными воспоминаниями, предоставляя избранным ими фамилиям управлять мистическими силами, при помощи которых они привязывали своих подданных к себе вечными узами? Но, с другой стороны, каким образом сумел Реддик или другие мятежники отыскать себе приверженцев или осмелиться самим выступить против такого влияния?

Те, кто сделали Клио испытательным полигоном для проверки собственных теорий, ни за что не пожелали бы иметь вялое, инертное или отсталое общество. Возможно, что некоторое влияние не могло оказываться на лиц, не уступающих им по своему общественному положению, либо это влияние срабатывало только на определенный период времени... скажем, когда монарх находился в смертельной опасности. Или... Роана уже начинала путаться во множестве вероятных ответов.

Но смогла бы она, в свою очередь, указать на подобное внушение, чтобы противостоять обвинениям, выдвинутым против нее дядей Оффласом и Службой? Конечно, они были бы рады узнать о Клио все, что можно. И если имело место такое воздействие, то это запросто может удостоверить любой грамотный психотехник. Но сначала нужно добраться до лагеря и при этом надеяться, что местные дела не вынудят дядю Оффласа отдать приказ к отлету.

Сейчас Роана больше всего сожалела о том, что не взяла с собой передатчик. Почему она так поступила? Почему... Наверное, на ее мышление воздействовали! Чтобы она боялась, что ее следят ее же собственные люди!

Роана отрицательно покачала головой. С каждой пролетающей секундой она все больше и больше не могла разобраться в своих собственных действиях. Разумеется, ответ заключался в том, что следовало избегать местного населения Клио, чтобы

избежать воздействия на свой разум, которое в далекие-далекие времена передали избранным местным жителям люди, скончавшиеся в незапамятные времена. И сделали они это, чтобы проверить свои теории.

Дорога, по которой она шла, сделала поворот, затем — еще один. Но она ни разу не отклонялась заметно в сторону от горы, которую Роана сделала своим опознавательным знаком. Поэтому девушка упорно держалась своего пути. Ее совершенно не беспокоило, что она путешествует ночью; по крайней мере она ни разу не услышала человеческих голосов. До нее доносились лишь звуки дикой природы, поскрипывания деревьев, шорох кустарников, приглушенное уханье птицы и еще какие-то странные звуки, как будто кто-то постоянно убегал от нее. Полная луна своим серебряным светом ярко освещала ей дорогу.

Роана достигла места, где дорога сворачивала от ее опознавательного знака резко на север. Ее пересекал быстроводный ручей. Теперь проводником Роаны может стать стремительно бегущая вода. Вероятно, в некоторые сезоны ручей разливался в полноводную реку, но сейчас Роана видела на обоих берегах вымытые водою участки, покрытые гравием и песком. И она решила использовать ближайший к ней берег как новую дорогу. Дважды она вспугивала каких-то животных, пришедших на водопой. Одно из них, несмотря на свои внушительные размеры, оказалось очень пугливым, ибо при виде Роаны животное забило копытами и с диким ревом убежало прочь. На всякий случай Роана вытащила шокер. Вдруг ей повстречается на пути какой-нибудь более отважный зверь?

Очень скоро она заметила в грязи глубокие следы знакомых копыт. Она не сомневалась, что в этом месте прошли двуроги, причем много. То тут, то там она замечала сломанные ветки, и это говорило ей о том, что здесь пробирался отряд всадников. Они шли в том же самом направлении, что и Роана. И хотя девушка довольно слабо ориентировалась в лесу, она догадалась, что следы копыт совсем еще свежие.

Неужели это тот самый отряд, с которым уехала Лудорика? Если это так, то у Роаны еще больше причин скорее добраться до лагеря и предупредить дядю. Они могли бы обеспечить охрану лагеря при помощи искажателя. Но слишком частое использование подобного рода защиты не только истощило бы батареи, но и смогло бы пробудить смутное подозрение у людей, которые

бессознательно сбиваются со следа, причем в который уже раз. И эти люди — довольно опытные следопыты. Да, безусловно, это может вызвать у них подозрения. Если не сказать большего...

Наверное, Роана больше всего боялась только одной вещи: снова встретиться с принцессой. Поскольку Роана уже для себя решила, что Лудорика имеет полное право потребовать у нее помощи как вполне естественное действие! Роана пребывала в полной растерянности. Ведь она также обязана предупредить дядю Оффласа и Сандара об опасности, даже несмотря на то что они не уступили ей раньше, когда принцесса попала в их руки. Но ведь тогда Лудорика находилась под воздействием шокера...

В лунном свете ночь выглядела очень красиво. Она словно делилась на белое и черное, а тени деревьев имели заостренные концы, напоминающие копья. Вдруг Роана остановилась и положила руку себе на голову. Она ощутила лёгкий дискомфорт. Она уже знала, что это — первое предупреждение искажателя. Только потом она осознала, что случилось бы с ней, если бы столкнулась с этим своего рода оружием лицом к лицу. С собой у нее не было защиты, а искажатель оказал бы на нее такое же действие, какое оказывает на того, кого надо полностью лишить мужества или совершенно сбить с толку. Роана лишь могла надеяться, что искажатель послужит ей своего рода и предупреждением, и гидом. Поэтому она взяла себя в руки, чтобы как можно ближе подойти к тому, к чему ей очень не хотелось приближаться.

Она не успела сделать и нескольких шагов, как заметила следы копыт, говорящие о том, что в этом месте всадники свернули, оставив после себя множество сломанных кустов. Роана догадалась, что отряд был вынужден быстро ретироваться. Разумеется, они тоже угодили в поле действия искажателя. Тем не менее Роана четко придерживалась своего пути, хотя и замедлила шаг. Нападение произошло без всякого предупреждения. Из ночной тьмы змеєю выскользнула петля, молниеносно обвила ее чуть выше груди и сразу же крепко затянулась на ней, прежде чем Роана успела осознать, что с ней произошло. У нее не осталось времени воспользоваться своим оружием, ибо ее руки были прижаты с обеих сторон, а затем чье-то тяжелое тело упало на нее, придавив девушку к земле.

Затем она почувствовала некоторое облегчение, поскольку нападающий поднялся с нее, однако ее все еще сдерживал чей-то крепкий захват, из которого она никак не смогла бы высво-

бодиться. Потом ее резко подняли на ноги и повернули лицом к отряду, состоящему из трех человек. Четвертого она не видела, потому как он остался за ее спиной.

В свете луны она узнала главного из ее захватчиков, и у нее чуть не перехватило дыхание, прежде чем ей удалось выкрикнуть его имя:

— Полковник Имфри!

— Кто ты? — Он подошел ближе и вперился ей в лицо. Она увидела, как от изумления изменилось выражение его лица.

— Леди Роана! Но как... как вы... подождите, а где же принцесса? Немедленно освободить ее! — И вопрос, и команда прозвучали сразу же один за другой. Она почувствовала, как чьи-то сильные руки отпустили ее плечи, а веревка, сковывающая руки, упала на землю.

— Где принцесса? — снова спросил полковник, протягивая ей руку, чтобы помочь обрести равновесие после падения.

— Она уехала из замка с Реддиком.

— Какой еще замок? Где? — Ей показалось, что хватка опять усилилась, словно из нее собирались вытряхнуть правду.

— Дайте мне отдышаться, — тихо попросила Роана, решив на этот раз стараться не попадать в затруднительное положение.

— Разумеется. — Хватка опять ослабла. — Прошу прощения, леди. Но если Реддик захватил ее высочество...

Она коротко рассказала полковнику все, что смогла. Хотя она не сумела назвать тюрьму, из которой бежала, но вспомнила, как принцесса называла имя Фамслау. Остальное же, о чем Роана поведала полковнику, касалось уже того времени, когда она наблюдала за отъездом принцессы.

— Они надели ей на голову магический шар, воздействующий на разум, — резко произнес полковник. — А эта карета с гербом Рехлинга... черт подери! Я уверен, что он вел двойную игру, пользуясь ее безоговорочным доверием к нему! Теперь они могут направляться только в одно-единственное место — на поиски Короны. А вам, леди, известно, где оно находится. Вы можете отвести нас туда. Но по дороге с нами случилось нечто странное... Двое суток мы блуждали по лесу и никак не могли приблизиться к опознавательному знаку, о котором сообщила мне принцесса. Однако нам необходимо немедленно отправиться туда, иначе Реддик воспользуется принцессой, чтобы претендовать на трон, а после сможет делать с ней все, что пожелает...

— Нет! — вскричала Роана, вырываясь из его рук.

— Нет? Что вы имеете в виду? — Казалось, что ее слова заставили его врасплох; он смотрел на нее, как на человека, который может просто помочь Лудорике.

— Нет, я не поеду с вами! — У Роаны все еще был шокер. Она выстрелила из него, и двое мужчин, стоящие рядом с полковником, завертелись на месте, словно две юлы, а затем отскочили от Роаны на несколько шагов.

Они пошатнулись, но не упали. Тем не менее Роана решила, что этого заряда вполне достаточно, чтобы удержать их в подобном состоянии до тех пор, пока она не уйдет. Она бросилась вперед, прямо в поле действия искажателя, шатаясь из стороны в сторону под его сбивающим с толку воздействием, но оставаясь при этом хозяйкой своего тела. Так она с трудом пробивалась вперед, туда, где полковник и его люди ни за что не смогли бы преследовать ее. Во всяком случае, она верила, что это так. И у нее не оставалось времени, чтобы оглянуться назад.

Ветки хлестали ее по лицу. Она прикрывала его рукою, но ветки больно ударили ее по щекам, словно удары хлыста. Но она протискивалась вперед через излучение искажателя, которое должно было сбить ее с толку окончательно. Она изо всей мочи старалась расчистить себе путь, чтобы добраться до безопасной зоны, находящейся за энергетическим барьером. Пусть Лудорика и ее верный слуга полковник сами ищут способ избавиться от всех своих проблем; она же больше не собирается играть в их трижды проклятые игры!

Глава 11

Наверное, Роана почти достигла конца защищаемой зоны, поскольку волны искажателя стали менее действенными. Она упорно пробиравась вперед, не разбирая дороги, девушке как можно быстрее хотелось попытаться избавиться от воздействия поля, туманившего ее разум. Еще немного — и вот она на свободе.

Перед ней расстилалась поляна с расположенным на ней лагерем. Она понимала, что ей не избежать проблем, и откинула капюшон на спину, чтобы дядя с Сандаром увидели ее, если, конечно, не узнали ее трехмерное изображение на своих монито-

рах. Однако она не заметила в лагере никаких признаков жизни. Там не было ни души... Тогда где же они?

Роана в замешательстве остановилась перед входом, на который явно установили новый код, потому что специальное устройство не смогло идентифицировать ее, когда она приложила к нему большой палец. Но затем дверь отворилась, будто Роана покинула лагерь всего несколько минут назад. Значит, ее все-таки не изгнали из группы.

В крошечных ячейках она никого не обнаружила. Но в одной из них, где хранились инструменты, она заметила опустевшие стеллажи и специальные ниши. Выходит, они где-то работали, и она сразу вспомнила о пещере.

Роана подошла к передатчику. Она могла бы подать им сигнал из лагеря, чтобы предупредить их о возможной опасности. Но посмотрев на передатчик, она обнаружила, что на месте модуля планетарной связи установлен модуль связи межпланетной. Либо они уже условились об отлете с Клио, либо вскоре ожидали еще каких-то известий.

Она включила кнопку воспроизведения и прослушала закодированную запись.

— Так вот оно что, — проговорила она вслух. Они уже отправили сообщение и получили приказ о том, что могут производить любые исследования на Клио в течение трех суток. Разумеется, трех суток в исчислении этой планеты. А потом им приказали подготовиться к отлету. Что касается срока, назначенного для их отлета, она понятия не имела.

Теперь она могла сделать только одно. Это никоим образом не смягчит ее наказания, но по крайней мере избавит дядю Оффласа от проверки всего, что она рассказала.

Роана отыскала чистую ленту и вставила ее в специальную кассету, которая, единожды запечатанная и пронумерованная, может быть вскрыта только на корабле Службы. Девушка уселась за стол, взяла микрофон, но несколько минут как следует продумала то, что она хочет сказать, после того как нажмет «Запись». Чем проще будет история, происшедшая с нею, тем лучше. После этого Роана надиктовала на пленку все течение событий, случившихся с нею с тех пор, как она впервые встретилась с принцессой.

Она добавила к вышесказанному свое короткое резюме по поводу Короны, психологической обработки и обо всем, что

пришлось испытать ей за время ее блужданий по планете. Наверняка подобные резюме категорически запрещались самым высоким начальством, но это могло оказать бесценную службу для специалистов. Выключив записывающее устройство, Роана вздохнула с облегчением. Теперь даже дядя Оффлас ничего уже не сможет изменить.

Она так устала, что у нее ныли кости. Борьба с искажателем настолько вымотала ее, что девушка едва могла подняться на ноги. Но именно теперь она не имела права лечь спать, ибо знала, что, стоит ей прилечь и расслабиться, у нее разболится спина и расслабятся ноги! А она обязана предупредить дядю Оффласа и Сандара. Ведь они могли натолкнуться в пещере на искателей Короны.

Она вспомнила о полковнике Имфри. Стреляя из шокера, она поставила его на самую низкую мощность, а полковник не относился к людям, которые могут выйти из строя надолго. А вот лучевой искажитель, не сумевший сбить Роану со следа, изрядно помотал полковника с его отрядом по лесу.

Одну за другой Роана начала стягивать с себя непривычные одежды. Теперь она вновь облачится в свой более скудный гардероб. Может быть, все-таки оставить хотя бы одно платье? Наверняка это будет верным решением. Ведь если она отправится в пещеру в одеянии жительницы Клию, то не станет особо выделяться. Но... следовало бы еще немного очистить свой разум от посторонних воздействий.

Почему-то она захватила с собой, и та была еще с ней, небольшую бутылку, содержимое которой еще в замке заставило ее мозг сосредоточиться только на предстоящей миссии. И это обязательно должно как следует встряхнуть ее. Роана криво усмехнулась, ибо снова чувствовала себя, как сонная муха. А ей надо отчетливо осознавать каждый свой шаг. Усталость, скопившаяся в ее теле, как будто усиливала туман в голове. Значит, срочно надо освежиться, если верить тому, что клин клином вышибают. И Роана с каким-то неистовством приблизила горлышко бутылки ко рту и буквально всосала в себя остатки ее содержимого. Ей показалось, что какие-то странные пары до отказа наполнили ее легкие. А спустя несколько минут она чувствовала себя так, словно попала из мутной пелены серого тумана под струю свежей, пронзительно холодной воды. Однако ей надо быть осторожной; не хватало еще, чтобы к ней вернулась усталость, кото-

рая всегда бывает после слишком сильной эйфории, и без того способной завести слишком далеко. Ей ни в коем случае нельзя вести себя слишком самоуверенно, ибо подобное, как правило, заканчивается большой бедой. Таков был ее мысленный девиз, который она часто напоминала сама себе, когда опасность требовала усиленной деятельности мозга и тела. И еще ей необходимо экономить силы.

Туман в голове рассеялся, и Роана поднялась и растерла свое влажное тело, больше не испытывая ни боли, ни усталости. Накинув на себя ночную рубашку, она прошла в комнату управления.

Взглянув на передатчик, она не заметила мерцающего света межпланетного передатчика. Роана встревожилась, посмотрев на остальные шкалы, расположенные на панели управления. Возле одной из них она остановилась и нахмурила брови. Ну, конечно же, это по-прежнему работал искажатель, а срок его действия был строго ограничен. И лампочка предупреждала об этом. На экране она увидела крошечную карту с красными лампочками величиной с булавочную головку, обозначающими месторасположение контейнеров с искажателями. Однако датчики указывали на то, что их мощность почти иссякла. Надо проверить, смекнула Роана, и как можно быстрее!

Так оно и было — они нуждались в подзарядке. Как это не похоже на дядю Оффласа! Он обязательно бы подзарядил передатчики перед своим уходом из лагеря. Выходит, он отсутствовал намного дольше, чем намеревался. Пока Роана размышляла, одна из красных лампочек вспыхнула и погасла. Искажатель завершил свою работу в роли часового. Роана столкнулась с еще одной проблемой. Она могла обойти места, где уставлены искажатели, и подзарядить батареи. Либо ей надо спешить в пещеру, чтобы предупредить дядю...

На подзарядку она потратила бы массу драгоценного времени, к тому же могла еще раз натолкнуться на полковника Имфри и его людей. Нет... лучше отправляться прямо в пещеру. Когда они вместе с дядей и Сандаром вернутся в лагерь и обнаружат, что искажатель не функционирует, то могут включить центральный искажатель, который и будет защищать лагерь от посторонних до их отлета.

Вернувшись в свой отсек, Роана накинула сверху местное платье, проверила, на месте ли ее пояс, прихватила перезаря-

женный излучатель, вставила новый заряд в шокер, надела на запястье передатчик, взяла детектор для обнаружения посторонних людей и предметов и контрлуч, который избавит ее от любых вредных излучений.

Когда она вышла из лагеря, наступило утро. Постепенно оно сменялось ясным днем; а над головой Роана не заметила ни облачка. Она сразу же двинулась к горе, в которой находилась пещера. К ее удивлению, она не заметила ни одного следа, оставленного отрядом полковника. Но когда она подошла к узкому проходу, ведущему в подземелье, то едва успела отскочить в сторону и спрятаться. Ее сердце бешено колотилось. Кто-то сидел в засаде, и этот кто-то явно не был человеком Имфри. Хорошо, что детектор вовремя предупредил ее о чужаке, затаившемся где-то неподалеку.

Роана внимательно рассматривала местность. Наконец она смогла определить, где скрывается незнакомец. Теперь необходимо было приблизиться к нему и слегка испачкать специальной краской: этого было бы вполне достаточно, чтобы отметить его месторасположение. Вытащив шокер, она быстро подсчитала, сколько зарядов осталось в его обойме. Роана сомневалась, что сможет основательно оглушить незнакомца с такого расстояния, однако смогла бы сделать его беспомощным достаточно надолго, чтобы добраться до входа в пещеру. Она пристально смотрела на кусты, где он затаился, затем прицелилась и нажала на кнопку.

Незнакомец не пошевелился, поэтому девушка не могла удостовериться в действенности своего оружия, не подойдя к нему. А этим она выдала бы себя. Тем не менее она встала и двинулась вперед, несмотря на то что этот участок окаменевшей земли казался ей длиннее всех на свете.

Из кустов на нее никто не набросился. Она прошла мимо этого укрытия, попутно очищая себе дорогу от камней и мелко-го гравия, и наконец достигла входа в пещеру. Она собрала всю свою храбрость в кулак и осмотрелась вокруг. Среди кустов показались чьи-то ноги, обутые в тяжелые сапоги. Ноги еле двигались, то и дело спотыкаясь о камни и корни деревьев и скользя по влажной глине вперемешку с песком. Роана еще раз выпалила по своей жертве, чтобы быть уверенной в ее неспособности к каким-либо действиям.

Потом она вошла в проход. Там, где прежде стояла гробовая тишина, теперь раздавались приглушенные звуки голосов. Де-

вушка вся обратилась в слух, чтобы различить голоса, которые то усиливались, то замолкали. Однако скорее эти звуки походило на лязг металла. И с ее приближением становились все громче. Подойдя к прозрачной панели, она увидела мерцание света. Только теперь панель неожиданно исчезла, оставив вместо себя нечто вроде дверного проема, откуда и доносились эти необычные звуки. Роана шагнула внутрь помещения.

Она стояла в конце двойного ряда высоких колонн. Каждая из них была снабжена передней ярко освещенной панелью, на которой виднелись какие-то контуры, похожие на карту. И каждая из этих внушительного вида колонн увенчивалась чем-то еще, по своей форме совершенно не похожим ни на что виденное Роаной доселе.

Ибо каждая колонна была в буквальном смысле коронована. Наверху каждой колонны на тоненьком стержне покоилась миниатюрная изысканная диадема, изготовленная самым искуснейшим образом. Все диадемы сверкали драгоценными камнями.

Две из колонн, стоящих в этом двойном ряду, были темными. Корона на ближайшей к Роане колонне была безжизненной и тусклой. Но остальные сверкали необычайно ярко, словно металл и драгоценности, из которых их сделали, излучали энергию. Роана заметила ряды крохотных огоньков наверху и вокруг пластины с картами, и они словно подмигивали ей сверкающими искрами, постоянно меняющими цвета.

Роана не сомневалась, что увиденное ею оставлено не Предтечами. Наверняка это имело непосредственное отношение к опытам, проделанным над первыми поселенцами Клио. Но девушке довелось любоваться этим чудом не более двух минут, ибо из прохода между колоннами вышел ее дядя.

Она была готова к подобной встрече и заранее опасалась, что ее подстрелят из шокера, прежде чем она успеет что-либо произнести в свое оправдание. Поэтому свое оружие Роана держала наготове. И она не ошиблась в своей предосторожности, поскольку шокер дяди Оффласа был нацелен прямо на нее.

— Роана! — промолвил он негромко, и все-таки его голос эхом пронесся по зале, заполнив ее и даже заглушив бормотание неведомых приборов. Дядя подошел ближе. Предупрежденная его голосом, Роана проговорила еще тише:

— Батарей искажателя сели окончательно. — Этим она давала ему понять, что приняла его предостережение как подобает.

— Они не могут работать вечно, — произнес он хриплым шепотом, пользуясь отрывистым основным галактическим, показавшимся девушке неприятным и отрывистым после мягкой тоналности языка жителей Клио. — Ты... откуда ты пришла?

— Я убежала из их тюрьмы, что позади холмов. Но теперь это уже неважно. Они идут сюда, чтобы найти Корону...

— Сколько их? — резко осведомился дядя Оффлас. — Сандар...

— Здесь рядом два отряда, с одним из которых идет принцесса, а второй возглавляет один из ее людей. Сколько их, мне неизвестно. Ее захватил в плен ее родственник, который хочет, чтобы принцесса привела его к Короне, чтобы затем отнять ее у нее, — быстро ответила Роана, осыпая дядю потоком слов. — Принцесса сказала мне, что владеть Корона имеет право только тот, в чьих жилах течет королевская кровь... Любого другого Корона просто убивает.

Дядя повернулся к одному из приборов, и теперь Роана, подойдя ближе, сумела как следует разглядеть карту на колонне. Она тотчас же узнала ее — карту королевства Ревения! К тому же именно эту колонну венчала корона, по виду изо льда. Она не знала, из какого металла ее изготовили — это мог оказаться даже чистой воды кристалл. Это была диадема, составленная из последовательных острых кончиков, склоненных к центру, в котором четыре из них объединялись в ее вершину. Они же, в свою очередь, поддерживали звезду, сделанную из сверкающих драгоценных белых камней. Если миниатюрная копия короны производила такое впечатление, то до чего же великолепной должна оказаться сама Корона!

— Сандар отправился на ее поиски, — произнес дядя. — Он не вернулся.

Оффлас быстро дошел до конца прохода и вернулся с портативным прибором, записывающим трехмерные изображения.

— Вот, возьми... — он указал на еще один прибор, стоящий рядом с ним.

Роана повиновалась. Но как только они приблизились к выходу, то услышали в проходе шум шагов. Судя по грохоту, к ним направлялась целая группа людей. Во всяком случае, это не мог быть Сандар.

«Наверное, им стоило бы спрятаться за колоннами», — подумала Роана, но ее дядя даже не пошевелился. Казалось, он

был настолько уверен в себе, что Роана осталась там, где стояла. Кто это может быть? Имфри? Или принцесса и ее захватчики?

Появился полковник, который своей массивной фигурой занимал весь проход. Фонарем он освещал то место, где находилась панель. В правой руке сжимал оружие, весьма неудобное и очень тяжелое. Когда полковник посмотрел на девушку, Роана почувствовала себя так, словно стояла перед ним совершенно голая. Но его внимание постоянно было сосредоточено на проходе, виднеющемся впереди. Рядом с Имфри стояли его люди, явно готовые отразить любое нападение, хотя никто из них не смотрел на дверь, за которой находилась зала с приборами.

— Психологическая обработка, — прошептала Роана дяде. — Пример исключительно сильной психологической обработки... Вот вам еще одно доказательство того, что она существует. Если, конечно, это кому-то необходимо...

Они уже здесь. Что если они встретились с Сандаром? Впрочем, у того имелся шокер. Но принцесса и Реддик... что если они уже побывали здесь? И она осмелилась обратиться к дяде Оффласу с вопросом:

— Что если они повстречались с Сандаром?

Он взглянул на нее так, словно Роана говорила не шепотом, а орала; подобная тактика со стороны дяди была для Роаны не новостью, когда ему хотелось, чтобы она помалкивала. Однако дядя Оффлас всего-навсего был человеком, а не какой-нибудь суперсилой. Он мог устроить ей ужасное будущее, но и она могла бороться за себя. И Роана даже изумилась своей самоуверенности.

Оффлас явно пребывал в некоторой растерянности. Они могли позволить отряду полковника пройти мимо или, воспользовавшись шокерами, расчистить себе дорогу. Роана думала о том, почему дядя никак не решается на это. Спустя некоторое время она все поняла. Он избегал любых действий, которые могли привести к каким-либо повреждениям в зале, где находились приборы и колонны.

Резкий щелчок снова привлек ее внимание к приборам, точнее, к колонне, увенчанной Ледяной Коронай. Она увидела на передней части колонны бешеное мерцание лампочек; в то время как свет от миниатюрной короны ярко вспыхнул. Затем раздался еще один громкий звук, и украшение из маленьких лампочек «успокоилось». Теперь они не лихорадочно вспыхивали, а горели ровным, монотонным светом.

Оффлас некоторое время наблюдал за монитором, а потом направил на корону записывающее устройство с трехмерным изображением. Но корона очень быстро перестала гореть.

Роана догадалась, что случилось, еще тогда, когда наблюдала за происходящим. Ледяная Корона обнаружена. Но объявили ли об этом принцессе? Сандар забрал ее?.. Или Имфри?

До ее ушей доносилось множество громких раскатистых звуков, но не из зала с колоннами, а из прохода. Роане показалось, что она услышала чьи-то крики. Неужели отряд Реддика вступил в бой с людьми полковника Имфри?

— Что?.. — повернулась она к дяде.

Но тот полностью погрузился в съемки колонны.

— Изменения, — пробормотал он наконец, словно обращаясь к самому себе. — По меньшей мере пять изменений. Это же совершенно новый ход событий!

Изменения, новый ход событий. Принцесса или Реддик? Но Роана не собиралась опять вмешиваться в их дела. Не собиралась и не будет. Ни за что!

Мысленно сказав себе эти слова, она направилась к двери. Как только она очутилась в проходе, то бросила наземь оборудование, врученное дядей, и бросилась бежать. Половина ее мозга, здоровая половина по имени Роана Хьюм, теперь отчаянно боролась с похороненной в недрах естества безумной половиной разума, которая, по ее мнению, управлялась неведомыми силами. Ей не хотелось идти вперед, но что-то, крепко засевшее у нее внутри, побуждало ее делать это.

Роана добежала до конца прохода. Здесь она почувствовала едкий раздражающий запах. С шокером наготове она протиснулась через тесный коридор и остановилась, чтобы прислушаться к каждому звуку. Она услышала приглушенные крики, а затем увидела свет факела. Она тотчас же пригнулась и увидела то самое место пещеры, где они с принцессой обнаружили скелет.

Там, где раньше лежал тяжелый камень, земля была разрыта, и виднелась глубокая яма. В стене тоже имелось отверстие, выходящее наружу. Сквозь него в пещеру проходил дневной свет, однако факелами воспользовались для того, чтобы осветить еще одну дыру в стене, в которой находился наполовину замурованный и изуродованный скелет.

Возле второго отверстия стояла Лудорика. Она держала руки перед собой, ее длинные изящные пальцы были вытянуты впе-

ред, насколько ей хватало сил, словно она хотела защититься от того, что держала в руках. Это была точная копия Ледяной Короны с верхушки колонны, если не считать того, что она была размером с голову человека.

Она горела огнем при свете факела. Роана впервые видела такое восторженно-завороженное выражение на лице принцессы, когда та смотрела на Корону. Жадность... нет... что-то другое, совершенно чуждое отражалось в ее чертах. Роана еще не видела Лудорика такой, неприятной, отталкивающей, алчной, как будто принцессе удалось создать некий союз, выступающий против ее же собственных желаний!

Казалось, что Лудорика осознавала только то, что держала в руках, и не видела ничего, что творилось вокруг. Рядом с ней стоял мужчина в черном и разглядывал ее почти с таким же глубоким восторгом, с каким принцесса смотрела на Корону. С другой стороны от Лудорики стоял герцог Реддик. В одной руке он сжимал массивный мушкет, из дула которого в потолок пещеры поднимался едкий серый дымок.

Двое из людей полковника лежали возле стены, рядом с которой сидела Роана, согнувшись в три погибели. Сам же Имфри — Роана даже приложила ладонь ко рту, чтобы не закричать от ужаса — стоял, прислонившись к стене. Его бледное, как мел, лицо исказилось от боли. Одна рука бессильно повисла, а на плече сквозь камзол просачивалось темное кровавое пятно. Имфри бы упал, но с обеих сторон его крепко держали двое из людей герцога, в то время когда еще двое прислужников Реддика стояли, нацелив свои мушкеты на оставшихся в живых приверженцев полковника.

— Король скончался, так возжелаем же долгой жизни королеве! — с выражением промолвил Реддик. Затем он добавил, едва коснувшись руки принцессы: — Моя королева, что нам прикажете делать с теми двумя, что отправились на поиски великих сокровищ Ревении?

Лудорика так и не подняла головы, не в силах оторвать взгляда от Короны. Когда она ответила, ее голос был пронзительным и лишенным всякой теплоты, словно говорила откуда-то издалека, причем — о вещах, которые ее совершенно не волнуют.

— С тех пор как я стала королевой, как вы все изволили догадаться, — она криво усмехнулась, — пусть их объявят изменниками, ибо они осмелились приблизиться к Короне!

Реддик улыбнулся. Но на лице полковника и его людей появилось выражение глубочайшего потрясения, словно они не поверили своим ушам.

— Король умер, а наша королева сказала свое слово, — произнес Реддик торжественно, точно выступая на официальном судебном разбирательстве и вынося справедливый вердикт. — Давайте их обвиним в связи с изменниками. Моя королева... — снова обратился он к Лудорике, — эта пещера — совсем не подходящее место для вас. Давайте уйдем отсюда, чтобы показаться вашему народу и объявить ему, что вы — действительно их истинная королева.

На лице Лудорики появился слабый намек на какие-то чувства, как будто маска, отталкивающая от нее Роану, немного изменилась.

— Да, — сказала она, и на этот раз ее голос прозвучал более мягко. — Пусть будет так! Это — Ледяная Корона, и она у меня. Я владею ею, и я надену ее во славу королевства Ревения!

И не глядя ни вправо, ни влево и тем более — на людей, несправедливо приговоренных к смерти, она степенно прошла через недавно прорубленное отверстие наружу, а человек, одетый в черное, бережно поддерживал ее под руку. Ибо она не обращала внимания, куда ступали ее ноги, поскольку все время смотрела лишь на Корону у себя в руках. Но Реддик ненадолго задержался в пещере, наблюдая, как его люди связывали по рукам и ногам оставшихся в живых приверженцев полковника Имфри. Когда они закончили, он обратился непосредственно к полковнику:

— Корона сказала сама за себя, мой храбрый полковник. Думаю, что над королевством Ревения расцвел новый день, но, моему, вам это совсем не по вкусу. Так что самым лучшим для вас будет покинуть нас в очень скором времени. Что касается часа и способа вашего ухода, то последнее слово за ее величеством. Полагаю, она скоро объявит о своем последнем решении. И убедительно прошу вас, не вздумайте надеяться на вашу старую дружбу с ее величеством. Ни для кого не секрет, что короны всегда изменяют тех, кто увенчивает ими свою голову. И намного интереснее будет наблюдать за тем, какие перемены последуют после того, как наша августейшая леди прочно укрепитя на своем троне.

— Магический шар, воздействующий на разум, не сможет управлять ею вечно, — сдавленным голосом промолвил полковник, еще до конца не пришедший в себя от удара.

— Шар, воздействующий на разум, говорите? Ах да, конечно, нам пришлось воспользоваться этим, с позволения сказать, ключиком, чтобы привести ее сюда, ибо лишь она может носить Корону. Но уверяю вас, мой храбрый и мятежный полковник, что так происходило всегда с тех пор, как родился тот один, кто может носить Корону. Управлять и царствовать — два очень разных понятия. И оба никогда не играли главенствующей роли в жизни нашей высокочтимой наследницы прошлых славных побед. Думается мне, что больше мы не увидим принцессу такой, какой вы ее знали всегда, ведь теперь она королева! Нам пора в путь. Заберите этих с собой, но ничего с ними не делайте, — небрежным тоном приказал он своим людям. — Для ее величества будет несомненным удовольствием приговорить их к смерти, ибо эта казнь будет превосходнейшим примером в назидание другим.

Роану так напугала столь резкая перемена отношения Лудорики к преданному ей полковнику, что она наблюдала за ужасной сценой, даже не думая о том, чтобы предпринять какие-либо действия. Зато когда люди герцога приготовились выволочь пленников наружу, она выхватила шокер. Ее словно разрывало на две части. С одной стороны, она больше не могла выступить на стороне той, которая так подло отреклась от своего верного друга, но, с другой стороны, не могла просто наблюдать за тем, как Реддик собирается отправить полковника на казнь.

Но когда она подняла свое оружие, кто-то набросился на нее сзади и словно клещами сжал руку, не давая ей пошевелиться. И она услышала тихий-тихий голос, даже скорее шепот, который произнес ей прямо в ухо:

— Только не сейчас, дура! Это тебе не игрушки!

Сандар! Как он очутился здесь... или зачем? Роана попыталась высвободиться из стальных объятий, но не смогла сделать ни единого движения. Будучи много сильнее ее, Сандар повалил ее на спину, и Роана ударилась о каменный пол пещеры. Когда она немного утихомирилась, Сандар silkом потащил ее обратно. Больше она не видела ни пещеры, ни Короны.

Собравшись с силами, она продолжала отчаянно вырываться до тех пор, пока они не достигли того места, где проход стал шире. Там он больно прижал ее спиной к стене и придавил всем своим весом. В пещере стояла кромешная тьма, но когда он заговорил, она услышала в его голосе угрозу.

— Ты хочешь, чтобы я оглушил тебя из шокера и отволол назад? Знаешь, сестренка, я с удовольствием сделаю это, если понадобится. Ты ведешь себя глупо, если не сказать большего. Я просто удивляюсь тебе! Ведь ты же уже проходила подобные штучки. И прекрасно знаешь: то, что происходит с этими марионетками, не твоего ума дело. Это тебя не касается, усекла? Они марионетки, и мы достаточно нагляделись на них, чтобы понять это. Они запрограммированы точно так же, как андрюиды с Адриана, чтобы точно исполнять то, что прикажут им приборы в том самом зале! Так какая тебе разница, что станется с этими тряпичными куклами? Разве тебя интересует, в какие игры они играют? Мы очень многое поняли, разбираясь с теми приборами...

— Они не марионетки! — гневно вскричала Роана. — Они намного больше нас похожи на людей, когда мы проходим тренировки в Крам-брифе. Если бы у них не было этих треклятых корон... если бы эти приборы перестали работать — они бы стали свободны! Ведь они — люди!

— Но они не люди, — мрачно промолвил Сандар, по-прежнему больно сжимая ее руку. — Все, что они делают, решают за них эти приборы. И это нас не касается. Если через какое-то время Служба решит вмешаться, когда там получат наш отчет, тогда — другое дело. Но сейчас это нас не касается. Повторить еще раз? — Роана не проронила ни слова. — Ну а теперь нам пора идти. Или ты хочешь, чтобы я оглушил тебя и отволол назад?

Глава 12

Роана больше не сопротивлялась, ибо понимала, что Сандар выполнит свою угрозу.

— Я пойду, — упрямо проговорила она.

Они возвратились в широкий коридор, и всю дорогу он крепко сжимал ее правое плечо. Как только они оказались в коридоре, то попали прямо под свет излучателя. И тотчас же Роана услышала, как с облегчением вздохнул дядя Оффлас.

— Скорее! — громко приказал он. Дядя Оффлас даже не спросил у сына, где тот пропадал. Роане он тоже не проронил ни слова. Луч повернулся в сторону, указывая им путь к выходу. Сандар грубо толкнул Роану туда.

Когда они медленно продвигались по какому-то открытому пространству, то их тела обволакивал густой туман, стелящийся по земле, обвивающий небольшие скопления деревьев и, похоже, накрывший своим белесым одеялом всю страну. Несмотря на это, и дядя, и Сандар шли уверенно прямо к лагерю. Они не проронили ни слова, проходя мимо человека, оглушенного Роаной из шокера. Сандар по-прежнему держал ее за плечо, не давая ей сбежать.

— Все искажатели вырубались... все, кроме одного, — сказал Сандар, доставая из пояса какие-то инструменты.

— Этого и следовало ожидать, — кивнул дядя Оффлас. — Их батареи следовало перезарядить. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше. Не знаю, сколько глупостей ты успела понаделать здесь, — он наградил Роану своим знаменитым ледяным взглядом, который часто надолго приводил ее в глубочайшее смятение. — Нам остается только надеяться, что, когда мы будем взлетать, нам не придется взрывать это идиотское укрытие, потому что...

Он не договорил, ибо Роана впервые осмелилась перебить дядю вопросом, который быстро умерил его пыл:

— А как же быть с теми приборами? Неужели мы вернемся в... Службу... попросту оставив их здесь работать? Сандар сказал, что все люди Клио управляются этими приборами, что они делают из них марионеток. Между прочим, это противоречит Четверым Базовым правилам...

— Как тебе, несомненно, известно, Базовые правила не распространяются на закрытые планеты. А то, что прикажут нам в Службе после получения нашего рапорта, мы не имеем права обсуждать.

Он произнес это таким тоном, словно давал ей понять, что тема закрыта. Роана знала, что спорить с ним бесполезно, да и просто глупо. Однако холодный страх перед оставшимися на Клио приборами не прошел.

Когда-то психократы высадили на неизвестных планетах людей, чтобы экспериментировать с ними, поработив их разум при помощи изобретенных ими приборов. И когда их ужасающее господство наконец-то было свергнуто, то люди с поработанным мозгом освободились, но о результатах этого освобождения стало известно примерно через два поколения. И это стало своего рода зловещим предостережением всему человечеству. Поэтому, даже

если бы Роана не познакомилась с Лудорикой или полковником, она пришла бы в ярость, узнав о гнусных опытах над обитателями Клио. Ей удалось не угодить в паутину, опутавшую Клио, потому что у Роаны имелось оружие против такого воздействия.

Но ей стало известно, что народ Клио психологически обработан и повинуется этим проклятым приборам, установленным поработителями планеты много поколений назад. Сандар, конечно, может называть их марионетками, коими они и были с технической точки зрения, но ведь Роана жила с этими людьми. И они были настоящими людьми, гораздо добрее и отзывчивее тех двоих, что теперь окружали ее.

Оставлять все важные решения за Службой — это, безусловно, безопасно и благоразумно. Но если бросить на произвол судьбы людей, находящихся в половине галактики от Службы, оставить на будущее, когда они смогут вернуться и вмешаться, если вообще когда-нибудь возвратятся на Клио? Разумеется, времени для спасения полковника не было. Роана не сомневалась, что Реддик сделает все именно так, как обещал, а потом еще удостоверится, что полковник Нелис Имфри исчез с его пути навсегда.

А принцесса с Коронай на голове стала совершенно другим человеком. Она превратилась чуть ли не в дьявола. Лудорика заслужила лучшего, нежели подобное рабство. Мысли Роаны лихорадочно металась в голове, когда она заново мысленно проделывала свой безрадостный путь, который ей уже довелось пройти вместе с принцессой и остальными. Она не думала, что сейчас находится под тем загадочным воздействием, которое оказывала на нее принцесса. Но также она не могла обойти стороною возможное страшное и черное будущее Ревени и его новой королевы.

Сандар грубо втолкнул ее в убежище лагеря, куда только что вошел его отец, а сам стал собирать ящички с искажателями. Дядя Оффлас, не обращая на девушку внимания, направился прямо к передатчику, чтобы просмотреть новые сообщения, записанные во время их отсутствия. При этом он барабанил пальцами по обшивке прибора, словно этими движениями мог добиться желаемого. Роана догадалась, что никаких новых сообщений от Службы так и не пришло.

Дядя Оффлас сел и вытащил записывающее устройство. Он собрался было нажать на кнопку, как вдруг его взгляд упал на

новую кассету, надиктованную, а затем запечатанную и пронумерованную Роаной. И впервые за все время, как они покинули пещеру, дядя Оффлас повернулся к девушке.

— Здесь какая-то запись, — произнес он вопросительным тоном, и Роана не замедлила ответить:

— Эту запись сделала я, как только возвратилась в лагерь. — Тут она испытала небольшое чувство торжества. Дядя Оффлас не мог стереть записанного, ибо пленка была запечатана и пронумерована в соответствующей последовательности с остальными.

Но дядя даже не нахмурился. Вместо гнева на его лице появилось странное выражение, больше смахивающее на интерес, нежели на злость. Он задумчиво разглядывал кассету, словно прикидывая ее ценность.

— И что же ты записала на нее, любительница совать нос в чужие дела? — осведомился дядя Оффлас, и опять Роана не заметила в тоне его голоса холодного раздражения. Выражение его лица говорило о том, что он искренне хочет узнать о содержимом кассеты. Роана немного воспряла духом. Было бы весьма неплохо, если бы записанные ею сведения могли каким-то образом повлиять на решение, исключительно важное для ее будущего. Впрочем, в свете последних событий в Ревении могло случиться и обратное. Она беспокожно заерзала на своем месте; ее мысли переключились на полковника Имфри, раненого, связанного и находящегося в полной власти своего смертельного врага. Ей не терпелось приступить к активным действиям. Но как, когда и где?

— Я записала то, что случилось со мной, — ответила она Оффласу. Затем собрала свою храбрость в кулак, что у нее уже получалось раньше, когда она сумела выступить против постоянногo дядиного господства, и во второй раз заявила: — Они, то есть герцог Реддик, собираются убить полковника. Герцог полностью управляет принцессой. Нечто подобное я уже видела на пленках, где записаны исторические факты, когда людьми овладевают силы зла. Полковник — ее друг, а она приказала казнить его. Только она вовсе не желает этого, ведь ею управляет машина! Мы не можем позволить ей совершить это!

Она замолчала, ожидая, как дядя коротко и ясно откажет ей в ее просьбе. Но вместо этого дядя Оффлас наблюдал за племянницей с нескрываемым интересом. Но ее первоначальный кураж, казалось, куда-то исчез. Словно она стала частью тех при-

боров за панелью, а дядя был околдован ее воздействием на него. И в это мгновение она внезапно осознала, что если кто и сумеет разрушить зловещий заговор, то только она. И она должна его разрушить.

— Ты ощущаешь к тем людям родственные чувства? — неожиданно спросил дядя Оффлас.

— Да.

— Что ж, совсем недавно ты проходила специальную подготовку. Наверное, этим можно объяснить, почему ты стала более восприимчивой к очень сильному психологическому воздействию, хотя оно было посторонним для тебя. Это отличное доказательство того, что установленные здесь приборы поддерживают связь на основном галактическом, а также ведут специально направленные передачи. Думаю, Роана, что раз на тебя это воздействует, то Служба воспримет это как объяснение твоего очень необычного поведения. Фактически, — казалось, что его согревало и даже вдохновляло столь чуждое для него течение мыслей, — ты сможешь предоставить им целый ряд дополнительных исследований, проделанных здесь. Что же касается какого-либо участия в этом с нашей стороны, то полагаю, что ты должна понимать: об этом не может быть и речи.

Дядя прокашлялся и продолжил:

— Во-первых, вмешательство в работу какого-либо из этих приборов — если нам удастся найти способ, как это сделать, — может разрушить некоторые модели поведения, установившиеся здесь в течение двух веков. Их воздействие на народ Клио может оказаться настолько мощным, что потеря контроля над ним окажет роковое действие. Неужели ты не подумала об этом?

Роана немного сникла. Конечно, это воздействие может оказаться гораздо сильнее, чем ей кажется, а она даже не подумала о фатальных последствиях. С другой стороны, упустить такую возможность... Теперь они немного узнали о том, что делали психократы, чтобы манипулировать своим человеческим материалом, но ведь они не знают всего! Осторожное перепрограммирование — это одно; внезапное и полное отключение приборов — совершенно другое. Клио нужно выводить из тумана постепенно, шаг за шагом, а не резким отключением приборов. Роана еще помнила рассказ Лудорики о государстве, корона которого разлетелась вдребезги.

— Аротнер...

— Что?

— Это государство, расположенное на берегу моря... — она вкратце пересказала дяде историю, поведенную ей принцессой.

Дядя Оффлас кивнул.

— Понимаешь, короны непосредственно контролируют правителей государства, но вполне вероятно, что большинство из них контролируется, так сказать, косвенно. Стоит разрушить Корону, и народ тотчас же становится неуправляемыми марионетками, когда движущая ими энергия никуда не направлена. Эта Ледяная Корона была утеряна на протяжении двух поколений, но она по-прежнему существует. Модели поведения, передающиеся посредством прибора, были временно приостановлены. Могло стать так, что, когда принцесса отыскала Корону, произошла резкая перемена, чтобы скомпенсировать эту остановку и привести страну в предустановленное будущее. Это внезапное и полное изменение могло стать результатом какой-нибудь такой необходимости...

— Необходимости! — перебила его Роана. — Чтобы позволить Реддику диктовать зло — и изменить принцессу до такой степени?! Вы можете не верить мне, но она изменилась — и как! А что касается модели поведения... Неужели и вправду закрытые планеты предназначались для того, чтобы сперва создавать их основную историю, а потом разрабатывать из нее дальнейшую участь для их народа? Неужели целью этих экспериментов было наблюдение за подобным развитием их населения? Это омерзительно!

— Такова была наша концепция до тех пор, пока мы не сделали это открытие. Но, похоже, мы ошибались. Мы прибыли сюда за останками и реликвиями Предтечей, а обнаружили нечто не менее ценное. У меня есть веские причины полагать, что это уже не простой контроль над населением, а эксперимент, продолжающийся сам по себе.

Он посмотрел на записывающее устройство.

— Мне нужно записать, что мы узнали. И помни, больше никакого вмешательства. Если понадобится... — его голос вновь приобрел холодные нотки, — мы отправим тебя в стазис до тех пор, пока не вернемся на корабль. И больше никаких действий, кроме тех, что необходимы для выполнения нашей миссии. Оставь здесь свой пояс... — И он указал Роане на стол.

Таким образом дядя хотел удержать ее от любых независимых действий. Роана расстегнула пряжку. Когда она положила пояс на стол, дядя Оффлас добавил:

— Лучше сходи за провиантом. И принеси двойной рацион.

Она с явной неохотой повиновалась. Духовный и физический подъем после приема содержимого бутылки теперь сменился у нее сильнейшей усталостью. Даже если бы ей удалось благодаря какой-нибудь непредвиденной возможности убежать из лагеря, ей бы все равно не хватило сил добраться до Хизерхау. Да и какую «революцию» она могла совершить, когда у нее отняли шокер?

Роана принесла тюбики и контейнеры. Двойные рационы? В какой-то очень короткий момент ее мысли поднялись над узкой колеей, по которой скользил целый вагон проблем. Она услышала, как вошел Сандар. И с подносом, на котором лежали тюбики и контейнеры, она возвратилась в радиорубку.

Она застала там дядю Оффласа с недоуменным выражением на лице.

— Ни одного ответа на наш срочный сигнал! Разумеется, они не могли сойти с орбиты! А если бы произошел какой-то катаклизм, то нас немедленно предупредили бы.

С этими словами дядя Оффлас снова приступил к работе за передатчиком.

— У одного искажателя осталось почти четверть заряда, — сообщил Сандар, ставя ящички на пол. — Остальные выработались окончательно. Возможно, произошла утечка из батарей. В лесу так влажно! Чтобы как можно скорее перезарядить батареи...

Его перебил отец:

— Мы понятия не имеем, на что способны эти приборы. Похоже на то, что где-то рядом с лагерем может находиться силовая установка, которая подключилась к нашим батареям и вобрала в себя всю их мощность.

— Если это так, то можно попробовать последовать ее примеру, — оживился Сандар. — Мы могли бы подпитаться из этого источника и выстроить вокруг лагеря мощную энергетическую стену, чтобы удерживать все приходящие сигналы до нашего отбытия.

— Слишком рискованно, — промолвил его отец, отрицательно покачав головой. — К тому же твое предложение приведет к еще большим проблемам. Мы не сможем подзарядиться, не под-

вергнув опасности наш передатчик. А оставаться в совершенно незащищенном лагере мне бы не хотелось.

— Может, стоит разобрать его к чертовой матери и найти убежище получше? — предложил Сандар.

— Неплохая мысль. Но мы не сможем этого сделать, пока не получим ответ на наш сигнал.

— Пока лес совершенно чист, — доложил Сандар. — Мы могли бы вернуться в пещеру и установить возле ее входа отражатель. Они уже нашли свою Корону. Поэтому не думаю, что они сюда вернуться.

Роана, разделив провиант на равные части, забрала свою долю и с тубиком и двумя небольшими коробками отправилась к себе. Сон наваливался на нее тяжким грузом, однако она упрямо продолжала проглатывать пищу, с трудом сохраняя глаза открытыми. Покончив с едой, она тотчас же провалилась в глубокий сон.

В ее снах не было ничего необычного. Один эпизод очень часто повторялся. Роана видела, как она пробирается по каким-то незнакомым местам, причем некоторые из них были гораздо необычнее тех, что она видела на других планетах. Но этот сон был намного ярче и реальнее всех, которые она когда-либо видела, хотя в нем она была всего лишь зрителем.

Это было так, словно она пробралась сквозь завесу сна в точно такую же комнату, которую видела в Гастонхау, в замке посла. Опять те же стулья с высокими резными спинками, в некоторых местах у них имелись металлические вставки, похожие на потускневшие от времени рисунки, изображающие фантастические сцены. За ними виднелись стены, покрытые гобеленами с изображениями скачущих на двурогах людей, охотящихся за какой-то добычей, то и дело теряющейся в лесу из тонких, как нити, деревьев. И ей казалось, что это зрелище постепенно стирается за вереницей прошедших столетий.

И все-таки эта сцена отчетливо стояла перед глазами, словно она видела ее воочию. Перед ней возвышался длинный стол из ярко-красного камня, поверхность которого пересекали извилистые зеленые линии. На столе стояло блюдо из чистого золота. Рядом с ним лежали нож, двузубая вилка и ложка, по краям отделанные хрусталем и золотом, разделяемыми маленькими изумрудами.

На довольно большом расстоянии от золотого блюда она заметила второе, на этот раз — из серебра. Из него же были изготовлены и приборы. Только ручки у них были красные. Все это многоцветье будто согревало Роану и очень напоминало то, что ее окружало в Гастонхау, при этом очень сильно отличаясь от более сложной обстановки в домах ее собственной цивилизации.

Кроме нее, в зале не было ни души, но чувствовалось какое-то ожидание. Роана отчетливо осознавала, что она ожидает с все больше возрастающим возбуждением какое-то очень важное действие. Вдруг она заметила, как в огромную дверь вошел человек, одетый в богато разукрашенный костюм герольда. С каждым шагом он отвешивал ей низкий поклон. В одной руке он держал посох и через каждые несколько шагов опускал его толстый конец на пол. Даже если его действия и означали какой-либо тайный знак, то Роана почему-то ничего не слышала... нет, она все-таки услышала довольно громкий звук, но только тогда, когда внезапно проснулась и открыла глаза.

Наконец в залу вошла та, чей слуга возвестил о ее прибытии, одетая в роскошное платье с широкими просторными юбками, плавно переходящими в изящные складки, которые она придерживала еле заметными движениями тонкой руки. В другой руке она держала прелестный веер из пурпурных перьев, прикрепленных к украшенной драгоценными камнями ручке.

И платье, и юбки, и туго завязанный лиф, и огромный вырез, открывающий большую часть ее белых пухлых плеч, имели темно-пурпурный цвет, а в кружева на лифе были вплетены серебряные нити. Широкое ожерелье с множеством подвесок, серьги в форме огромных колец и искусно заплетенные волосы сверкали черными драгоценными камнями. Из таких же камней была сделана даже небольшая диадема, увенчивающая ее голову. Роана безошибочно определила, кто вошел к ней в залу — королева Лудорика.

За ней следовали две придворные дамы в таких же декольтированных платьях, только серого цвета и с совершенно черными кружевами. На их шеях были завязаны ленты в тон кружевам, а головы покрывали черные кружевные вуали. Роана поняла, что все это зрелище носит эффект хорошо продуманной мрачности.

Одна из дам остановилась возле стола, обратив лицо к королеве, в то время как вторая осталась у двери — и вовсе не для то-

го, чтобы помешать войти пятому члену этой небольшой группы — герцогу Реддику.

Его пурпурный камзол был немного светлее, чем платье королевы. Он обошел стол и церемонно отодвинул стул рядом с Лудорикой, и, когда она уселась, занял место за столом на некотором расстоянии от нее.

Наконец из-за двери, возле которой стояла придворная дама, принесли поднос, который поставили неподалеку от ее компаньонки, находившейся у стола. Затем с подноса сняли два причудливых кубка, выполненных в виде гротескных животных, которых Роана впервые увидела в саду Хизерхау. Тогда точно таких же животных ночью устанавливали на врытых в землю столбах. Наполнив кубки из чаши, дама бережно поставила их на стол, легко прикоснувшись к каждому рукою. И немедленно металлические ножки обоих кубков двинулись походным маршем — один по направлению к Лудорике, второй — к герцогу.

Спустя некоторое время на стол водрузили второй поднос, с едой, а затем королеву с Реддиком обслужили с величайшими церемониями. Они принялись есть и пить. Роана наблюдала за движением их губ и понимала, о чем они разговаривали, несмотря на то что вся сцена проходила при гробовом молчании. Дважды ходячие кубки отправлялись обратно, чтобы их снова наполнили вином.

Когда блюда опустели, королева и человек, считавшийся ее смертельным врагом, уселись рядышком как старинные друзья. Из переднего кармана камзола Реддик извлек свернутый свиток и расстелил его перед собою на столе. Хотя Роане не удавалось прочитать слова, она видела черные буквы, а с самого низа листа свисали алые и черные ленты, скрепленные неровной сургучной печатью, напоминающей кляксу, и такого же пурпурного цвета, что и платье Лудорики.

Королева откинулась на спинку стула и медленно обмахивалась веером из пурпурных перьев. Вся жизнерадостность, веселье и бодрость, постоянно появляющиеся на лице Лудорики в прошлом, исчезли. Теперь ее лицо являло собой маску под причудливой прической, венчающей голову. Даже глаза были прищурены, словно веки с длинными ресницами старались скрыть все ее мысли и ощущения.

Губы Реддика зашевелились. Должно быть, он вслух зачитывал написанное на свитке. Наконец он поднял глаза на королеву и пристально посмотрел на нее. Его взгляд показался Роане испытующим, как будто он ожидал от Лудорики каких-то возражений или, по крайней мере, замечаний.

Однако если он ожидал именно этого, то его постигло глубокое разочарование. Ибо она сделала быстрое движение веером, и слуга, который привел ее из темноты в залу, принял из рук герцога свиток и аккуратно положил его перед королевой.

Она даже не развернула его до конца. По всей видимости, ее совсем не интересовало его содержание, равно как и то, что хотел от нее Реддик. Возможно, это вызвало у герцога некоторое раздражение, поскольку Роана заметила, что его губы вновь зашевелились.

И тут Лудорика впервые ответила ему. На ее маскообразном лице не дрогнула ни одна жилка. Щеки герцога слегка зарделись. Если это было вызвано гневом, то он героически сумел подавить как его, так и другие признаки явного возмущения.

Однако, высказав родственнику свои упреки, королева положила веер и обеими руками развернула свиток. Вероятно, она перечитывала написанное. Во всяком случае, она сидела со свитком довольно длительное время.

Потом она опять заговорила. Одна из придворных дам подвинула вперед маленький поднос, на котором стоял небольшой ящичек, который дама открыла перед тем, как предоставить его королеве. В ящичке находился плотный черный кубик. Лудорика воздела правую руку и крепко приложила большой палец сначала к кубику, затем — к бумаге, оставив на ней отчетливый отпечаток. Затем она опустила руку в маленькую ванночку, поспешно поднесенную ей придворной дамой, и вымыла дочиста палец.

Она по-прежнему держала свиток в левой руке, но позволила его свернуть только тогда, когда Реддик галантным жестом отодвинул ее стул от стола. Поднявшись, она оставила свиток лежать на столе.

Пройдя мимо своего родственника, словно не видя его вовсе, Лудорика покинула залу. Герцог быстро схватил свиток и засунул его в карман камзола. После чего проследовал за королевой.

Роана пошевелилась или попыталась сделать это. Каким-то сверхъестественным образом ей удалось материализоваться во дворце Лудорики и наблюдать совершенно реальную сцену под-

писания самого жестокого приговора. Да, она стала невольной свидетельницей этого ужасного действия. Но почему? И как?

Внезапно зала исчезла. И тут она вздохнула. Наверное, это был самый длинный вздох за всю ее жизнь. Ибо прямо перед собою Роана увидела лицо, то единственное лицо. И оно собиралась приблизиться к ней.

— Роана...

Ее трясли за плечо, причем все сильнее и сильнее, словно пытаясь вытащить из состояния, которое не имело ничего общего с обычным сном.

— Нелис!

Неужели она выкрикнула его имя вслух? Это опасно...

Роана открыла глаза. И тут она увидела Сандара, который вытаскивал ее из спального мешка-скатки, причем делал это очень грубо. Но Сандар не был частью того, что...

— Роана! Проснись! Проснись!

Последний толчок Сандара оказался достаточно сильным, чтобы заставить ее поднять голову. И только теперь она осознала, что возвратилась из этого странного далекого места. Она лежала в своем отсеке лагеря, а ее кузен весьма нетерпеливым способом пытался убедить ее в реальности этого факта.

— Хаабаака отвезёт нас на Облако! — кричал он ей прямо в ухо. — На, понюхай это, а то ты выглядишь так, будто спятила! — Одной рукой он нагнул ее голову вперед и сунул ей под нос кулак, который тотчас же раскрыл прямо под носом Роаны. В нем находилась капсула, которую он заранее сломал. В ноздри девушки ударил едкий запах, сразу же заполнивший ее легкие. Вдохнув эти гнусные испарения, она почувствовала, что в голове ее прояснилось.

— Что случилось? — мрачно осведомилась она. Ибо огромные тени, нависшие над нею после увиденного сна, казалось, до сих пор витали где-то рядом. И ей хотелось удержать их, особенно последнюю, — ибо она знала, если сон ушел, значит, он ушел навсегда.

— Мы уходим, — сказал Сандар и встал. — Отец и так дал тебе поспать как можно дольше. Но мы уже готовы разбирать купол. Собирай свои манатки, да поскорее!

Она выбралась из спального мешка, мгновенно свернула его, ибо делала это как минимум в тысячный раз, а затем запихнула крохотный сверточек в щель в стене. Затем быстро собрала

все остальное. Все ее пожитки, позволяющие вести спартанский образ жизни, исчезли. Она подумала о дяде Оффласе и Сандаре. Должно быть, они проделали громадную работу, пока она спала... спала и видела сны.

И из этого сна она убедилась, что стала свидетельницей истинного происшествия. Нелис Имфри... вот о ком она беспокоилась сейчас больше всего на свете. Свиток, составленный Реддиком и подписанный королевой, — и тот последний взгляд, когда он склонился над нею, прежде чем Сандар разбудил ее. Она мысленно собрала увиденное воедино, нанизывая один факт за другим, словно собирая ожерелье из жемчужин-образов.

Жемчужины-образы?.. Роана начала было застегивать комбинезон, но ее рука остановилась. Она никогда не относилась даже к самой низшей категории эсперов. Неужели дядя Оффлас уже давным-давно не протестировал ее? Быть эпером — мечта любого археолога. А ретрогрессивную гипнотерапию можно было использовать посредством эспера-телепата для обнаружения глубоко зарытых предметов и тому подобного. Были люди, которые могли создавать кольца из жемчужин-образов и разгадывать достоверное прошлое. Но ведь она не относилась к таким людям. В таком случае откуда же ей известно, что сейчас предпринять? И кто или что уполномочило ее на это? Было ли это частью того слабого воздействия, которое привело ее к принцессе во время их первой встречи, заставив ее служить Лудорике? Но почему это воздействие теперь переключилось на ее отношение к другому человеку?

Роана закрыла глаза рукою. Она попыталась думать о нормальном, чтобы противостоять новому непреодолимому влечению. Нет... она не пойдет... Она не... И эти проклятые приборы не смогут ее использовать. Этого просто не может быть! Теперь приборы управляют королевой, и все, что она делает, направлено против ее бывшей воли.

Неужели теперь она сама стала марионеткой... но чьей?

— Роана, пошли! — она увидела стоящего перед ней Сандара. — В чем дело? Тебе что, нужна еще одна ингаляция, чтобы проснуться?

— Нет! — вскричала девушка.

Ей ничего не нужно. Только бы ее оставили в покое, предоставили немного тишины и дали возможность подумать в спокойной обстановке. Но она не была уверена, что сумеет добиться исполнения этих простых желаний.

Глава 13

Они разобрали купол, возвышающийся вокруг внутренностей убежища, где хранились вся их амуниция и провиант. И до тех пор, пока на него случайно кто-то не натолкнется, лагерь был настолько хорошо укрыт от посторонних глаз, что его не смог бы увидеть ни один человек, бродящий по лесу. Самый необходимый провиант и инструменты Роана, дядя Оффлас и Сандар отволокли в пещеру и спрятали их там в проходе.

Старший из Кейлов поставил перед входом в пещеру отражатель и установил блокиратор так, чтобы никому не удалось его выключить. Пока пояс Роаны находился у дяди, она чувствовала себя пленницей, примерно так же, как когда-то принцесса, прикованная цепью к ошейнику. Без оружия она не смогла бы убежать от родственников, во всяком случае, пока они не войдут в пещеру.

Поняв, что им больше нет смысла тратить время на вынужденное сидение в убежище, дядя Оффлас с Сандаром решили вернуться в залу с механизмами. Они оставили сигнальный луч возле «обезглавленного» лагеря, чтобы он послужил маяком для их спасателей из космоса.

Роана шла за двумя мужчинами, и перспектива вновь увидеть колонны, увенчанные коронами, ее отнюдь не прельщала. Неужели и вправду разрушение этих неодоушевленных управителей разумами способно уничтожить Клио, посеять на планете хаос и смерть этих психологически обработанных людей-марионеток? Или же она может... но она совершенно не знала, что делать в подобных случаях. Ее этому просто не учили.

Тем временем Роана приложила голову к стене и закрыла глаза. Она чувствовала, что смогла бы выудить из памяти все отчетливо виденные ею подробности того сна, если это, конечно, был сон; она словно воочию видела перед собою сияние красок, металлов, платьев, видела церемонию обеда, выражения лиц обедающих или полное отсутствие выражения на лицах участников этой необычной сцены.

Время. Она вытянула руки со сжатыми кулаками, которыми ей хотелось пробить себе дорогу отсюда. Время способно разрушить все ее планы. Ей всего-навсего нужно снова взглянуть на тот проход между колоннами, посмотреть на дядю Оффласа, идущего по проходу, перекинув ее пояс через плечо. Пока в ее голове не созрело ни одного плана...

У нее разболелась голова от монотонного жужжания приборов, сердце колотилось все сильнее и сильнее, словно в такт работе механизмов. Больше она не могла вытерпеть этого. Ей хотелось сорваться с места и ринуться прочь очертя голову. Дядя Оффлас с сыном сосредоточенно наблюдали за работой приборов, за игрою вспыхивающих лампочек на поверхностях колонн. Роана вздохнула и вернулась ко входу в пещеру, где они оставили сумки с провизией.

Оказывается, в пещеру можно было войти и через другие проходы, пробитые для этой цели людьми герцога. Но дядя Оффлас установил еще один отражатель, чтобы создать второе препятствие, находившееся возле стены залы с приборами с внутренней ее стороны. Нет... Роана понимала, что бежать бесполезно. И все же в свете небольшой лампы она нашла запечатанные сумки с провизией, стоящие на каменном полу. Ей удалось догадаться, как они распечатываются, и она осветила их содержимое.

Еда... Сумки были наполнены А-рационами, превосходными лекарственными препаратами, дополнительными зарядами для излучателей и искажателей... Но они были ей не нужны.

Она сложила все обратно в дядину сумку. Ей не требовалось ничего из того, что находилось в ней. Оставалась сумка Сандара, и она, потеряв всякую надежду, занялась ею.

Еще один излучатель... или... Роана повертела трубку в руках, поднесла ее поближе к свету и чуть не закричала от радости. Не излучатель и не на запретный бластер, а археологический ручной инструмент, обладающий ограниченными функциями и того, и другого. Неважно! Для нее теперь главное то, что она держала в руке. Она внимательно рассматривала наборный диск на толстой рукоятке, а затем распечатала дополнительную обойму со специальными зарядами. Если только... о, если только бы...

Роана быстро опустошила все три ячейки, выложив их содержимое на камень. Перед ней ровной линией лежали три вида зарядов — первый для шокеров, второй для излучателей. А третий полностью подходил к ее драгоценной находке! Да, он не позволил бы использовать инструмент на полную мощность, но для её целей должно хватить. Разве что работал он достаточно медленно — с ним не получится противостоять вооруженному противнику.

Он присела на корточки. Перед ней был установлен отражатель. Роана нацелила свой инструмент вверх, и его луч коснулся

потолка пещеры, прямо над местом, где стоял отражатель. Она понимала, что шансов в этой своеобразной игре у нее очень мало, но девушке не оставалось ничего иного. И это, конечно, займет много времени...

По-прежнему направляя оружие на выбранное ею место, Роана включила прибор и направила всю его лучевую энергию прямо на этот участок, медленно и осторожно двигая его, чтобы вырезать в камне круглое отверстие.

У нее все получалось, но как медленно! И судя по вибрации ручки, она понимала, что прибор задействован на полную мощность. Поэтому заряд может истощиться, прежде чем она добьется своей цели. Однако она упрямо продолжала работать.

С потолка посыпался дождь из мелких камней, что создавало большую нагрузку на чуткий к любому постороннему воздействию отражатель. Ободренная этим небольшим успехом, Роана с безрассудным отчаянием нажимала на кнопку, чтобы как можно действеннее использовать луч, буравивший шероховатую поверхность потолка пещеры. Она водила прибором взад и вперед, и на потолке появился извилистый лабиринт из трещин и выбоин. С каждым ударом луча осыпающейся каменной крошки и пыли становилось все больше и больше. Батареи отражателя стремительно истощались. Вряд ли ей удалось бы обрушить достаточно крупный кусок камня, но девушка догадалась, что нужно использовать столько энергии, чтобы не навредить самой себе. К тому же дядя Оффлас уже установил наверху отражатель, чтобы создать две мощные энергетические стены для защиты прохода.

Роана продолжала двигать оружием. Вниз осыпались камни, пыль и галька. Тогда Роана взяла излучатель и подсветила на шкалу отражателя. Показатели еще больше воодушевили ее. Стрелка прибора приблизилась к красной отметке, предупреждавшей о перегрузке. С грохотом свалился вниз довольно крупный кусок потолка величиной в два ее кулака.

Еще один метко направленный луч, и она почувствовала едкий запах. Есть! Ей все-таки удалось справиться с этой проблемой!

До этого мгновения ею двигала только надежда. Надежда и страстное желание уйти в то место, которое она видела во сне. Роана отвинтила крышечку на конце круглой рукоятки и перезарядила оружие.

Засунув его в передний карман комбинезона, она стала укладывать все необходимое для похода: еду, лекарства, третий заряд для своего прибора-оружия, излучатель и очки ночного видения. Уложив все в пластиковый мешок, она запечатала его и только после крепко задумалась о том, что ей делать дальше.

Какое-то время Роана стояла в крошечной темноте пещеры и прислушивалась. До ее чуткого слуха донеслось монотонное жужжание приборов, расположенных дальше, в глубине пещеры. Она еще сильнее вслушалась в тишину и с радостью обнаружила даже намек на то, что кто-нибудь из ее родственников возвращается назад. Но сейчас остаться здесь — значит потерять своей последний шанс. Неужели она поступила так из-за сна? Роана не знала. Впрочем, вполне вероятно, что воздействие приборов, до сих пор довлеющее над Клио, исказило работу ее разума. Сейчас девушка даже считала увиденное на Клио единственно правильной жизнью для человека с других миров. Вот только... тут Роана отрицательно покачала головой. Она не смогла бы назвать те чувства, что вынуждали ее изменить жизнь, которую она вела всегда, точно так же, как не смогла удержаться от того, что неизменно влекло ее обратно — в сон.

Взяв сумку и надев очки ночного видения, Роана перешагнула через искажатель, установленный дядей Оффласом, и вышла из пещеры в новую жизнь, которую она избрала себе, движимая исключительно чувствами и совсем не понимая, сознательно или бессознательно совершает этот поступок. Ведь обратной дороги у нее не было...

И вот когда она вырвалась на свободу, куда же ей идти? Единственным местом, которое она более или менее знала, было Хизерхау. Одетая в местное платье (а ведь она упустила последнюю возможность переодеться в лагере), она могла бы добраться до селения и что-нибудь там выяснить. Ведь селение принадлежало Реддику. Девушка не сомневалась, что Реддик заточил своих пленников именно там. Хотя по-прежнему ли они содержатся там?

Дождавшись, когда над Клио опустится ночь, Роана, как и несколькими днями раньше, взобралась на холм, чтобы оттуда наблюдать за башней замка и селением. Тусклый свет двух или трех фонарей, установленных вдоль улицы, вел от массивных ворот замка к главной дороге. Роана колебалась, считая свой план

опрометчивым и глупым, — но все же она должна предпринять хоть какие-то действия!

Сидя на склоне горы, она услышала звук, не похожий ни на один из ночных шумов, ибо до нее доносились постоянные гулкие удары, с каждым разом становившиеся еще громче, пока не увидела двух двурогов, идущих ровным, не очень быстрым шагом. Они появились с запада, и топот их копыт звучным эхом отдавался по вымощенной булыжником мостовой. Они приближались к замку по короткой улочке селения. А затем остановились прямо у ворот замка.

Один из всадников поднес горн к губам и громко протрубил несколько громких аккордов, совершенно не заботясь о людях, спящих в селении или в замке, ибо хриплые раскаты нарушили тишину ночи. Во внутренний двор замка высыпали люди; двое из них, поднатужившись, выдвинули тяжелый засов, запирающий ворота. Всадники въехали во двор, один из них спрыгнул с седла и стремительным шагом направился к ближайшей башне.

Люди во внутреннем дворе разошлись, уводя тяжело дышавших и покрытых пеною двурогов. Роана перевернулась на спину, сняла очки ночного видения и посмотрела в бледно-серое небо. Она сделала это автоматически, прежде чем подумала об этом. Пока она еще ничего не совершила. Но теперь следовало спуститься в селение. Снова посмотрев в сторону замка, она увидела в нескольких окнах свет. В селении тоже уже не спали. По-видимому, горн должен был разбудить всех его обитателей.

А потом огни загорелись повсюду. С главной башни раздался трубный звук горна, намного громче, нежели предыдущий. Его эхо пронеслось даже по вершинам гор, окружающих Хизерхау. Люди выстаивались в шеренги на булыжной мостовой внутреннего двора. Все больше и больше окон начинали светиться в домиках селения.

Роана подняла ревенийский капюшон, стараясь как можно больше закрыть лицо. Она понимала, что появиться в селении может только инкогнито. Второй звук горна лишь подстрекал к этому еще сильнее.

Когда она прошла короткую улочку, люди уже вышли из домов. Многие держали фонари. Люди двигались по направлению к замку. Ворота, ведущие в его внутренний двор, были распахнуты настежь, а по обеим сторонам двора в две шеренги выстроилась стража. Подойдя к толпе с краю, Роана из обрывков раз-

говоров поняла, что горн с башни был призывом ко всеобщему сбору, чего не случалось уже много лет. Пока Роана не могла догадаться о причине столь чрезвычайной ситуации.

— Война! Эти вордайнцы — они всегда завистливо смотрели в нашу сторону... — донеслись до нее чьи-то слова.

— Нет, для нас намного опаснее Лихштен, что на западе. Как только их король заново женился, они стали относиться к нам враждебно...

— А может быть, королева желает объявить нам что-то, — тихо предположила какая-то женщина. — Ведь она только что взошла на трон и...

— Такие заявления делаются в подобающее для этого время, — возразили ей. — А не когда люди вынуждены выбирать из теплых постелей. Нет, наверное, случилось что-то очень скверное...

Роана привязала к ремню сумочку с провизией и необходимыми вещами. Очки ночного видения она засунула в передний карман своего одеяния. И теперь ее пальцы вспотели от напряжения, стискивая круглую рукоятку прибора, ее единственного оружия. Если уж использовать его, то с наибольшей отдачей, подумала она решительно.

Когда люди двинулись через ворота, толпа тесно сомкнулась вокруг Роаны. Затем жители поселка двинулись между рядами стражников и спустя некоторое время остановились напротив главных ворот замка. Затем горн протрубил в третий раз, и бормотание голосов стихло. Внезапно появились трое мужчин. Они словно материализовались из воздуха. Одеты в военную форму люди Реддика с блестящими знаками различия — это были его офицеры. Если Роана правильно разобралась в знаках различия, то двое из них были полковники, а человек, стоящий в центре, наверняка имел звание повыше.

С его плеч свисал плащ для верховой езды, и он стремительно забросил его на спину, когда развернул какой-то свиток. Роана до крови прикусила нижнюю губу. Ибо стоило ей увидеть свиток, она тотчас же узнала его. Ведь она видела его в своем последнем сне.

— Известно, что все вы поклялись в своей верности Ледяной Короне, — возвестил офицер торжественным голосом, а затем стал читать так медленно и отчетливо, словно желая, чтобы ни одно слово не избежало ушей внимающих ему людей. — И в

этот день Мартла, по прошествии трехсот пятидесяти лет со дня, установленного Хранителями, в царствование королевы Лудорики, королевы великого королевского Дома династии Сетчеров, царствующей королевы Ревении по праву ее королевской крови и Короны, торжественно объявляется о том, что некий Нелис Имфри из Дома Имфри-Мэнхолма лишается своего звания полковника, командующего полком Ревении, и всех своих привилегий, дарованных ему нашим милосердным и добрым покойным властителем, королем Никласом, которого Хранители сочли уместным поставить на царствование над нами для вечного мира.

Вышеупомянутый Нелис Имфри, больше не принадлежащий к королевскому Двору, равно как любому Дому, и к тем, кто призван с оружием в руках охранять Ревению, приговаривается к смерти как один из изменников Короны, совершивший различные отвратительные предательские действия, которые полностью доказаны.

Этот приговор обжалованию не подлежит и вступает в силу незамедлительно в замке Хизерхау, где вышеупомянутый Нелис Имфри содержится под охраной нашего горячо любимого кузена и милосердного лорда Реддика. Отмечено печатью и собственноручно подписано нами — единственной на сегодня царствующей королевой Ревении, Лудорикой, властью Короны и по праву королевской крови.

Офицер свернул свиток и протянул его одному из своих сотоварищей. Затем он поднял руку и коснулся своего знака различия, гордо выдающегося на его мундире в районе сердца.

— Так говорит королева! Да будет исполнена ее воля!

Роана услышала, как кто-то из окружающих ее людей гневно повторил слова офицера, но очень медленно, словно говорящему такой приговор не понравился или вызвал у него изумление. И девушка снова услышала разговоры, в которых явно ощущалось недоумение, хотя на этот раз люди говорили почти шепотом. Она протиснулась к левому краю собравшихся, стараясь сделать это как можно более незаметно.

Роана не знала, сможет ли изменить будущее, но ее не покидало чувство, что она во что бы то ни стало должна завладеть ситуацией, становившейся в эти мгновения все более серьезной. Она уже достигла края толпы и очутилась совсем рядом с шеренгой стражников. Наверняка этих людей поставили здесь, чтобы подавить любую симпатию к осужденному на смерть, но Ро-

ана не заметила ничего, что говорило бы в пользу полковника. Люди, похоже, как следует обдумали и оценили услышанное, и даже взволнованный шепот утих. Теперь Роана ощущала вокруг лишь одно — страх. Однажды — на другой планете — Роана видела толпу фанатичных идолопоклонников, наблюдающих за ритуальным убийством. Их наслаждение от зрелища, смешанное со страхом, было заразительным; тогда она тоже ощутила пронизывающий до костей озноб.

Наконец вывели пленника. Его руки бессильно свисали, как веревки, а освещенное фонарем лицо казалось изможденным и постаревшим, сквозь обвисшую кожу проглядывали скулы. У Роаны создалось впечатление, что она не видела полковника несколько лет — настолько он показался ей неузнаваемым. Однако шел он уверенно, глядя куда-то вперед; так продолжалось до тех пор, пока его не привели на вершину стены. Охранники проследовали вдоль парапета и тоже поднялись вверх. Они тащили с собой какое-то громоздкое сооружение, издающее резкие скрежещущие звуки. Его доволокли до верха стены и начали спускать на цепях, пока оно с грохотом не ударилось о булыжную мостовую.

Роана всмотрелась в эту странную штуку. Это оказался цилиндр из металлических обручей и сетей. Цилиндр был ниже человека, для которого предназначался, и поэтому им пришлось силой запихнуть Нелиса внутрь. Оказавшись в цилиндре, он не мог ни выпрямиться в полный рост, ни пошевелиться, чтобы облегчить свою мучительную сгорбленную позу. Потом засов с лязгом заперли и быстро привинтили его огромными болтами.

Затем снова послышался скрежет металла о камень, когда этот цилиндр поднимался на вершину стены, при этом вращаясь, так что его пленник оказался лицом к предрассветному небу. Спустя некоторое время цилиндр укрепили на стене при помощи клина. Стражники поспешно спустились с парапета, словно не хотели находиться даже рядом с этой цилиндрической клеткой.

Тем не менее неподалеку от цилиндра оставили охранника. Все было задумано так, чтобы и цилиндр, и находящийся в нем пленник были видны всем поселянам, когда те будут выходить с внутреннего двора замка к своим домам. Однако Роана заметила, что никто не поднял головы, чтобы хотя бы мельком взглянуть на цилиндр.

Девушка пребывала в нерешительности. Следует ли ей уйти со двора вместе с жителями селения? Она понятия не имела, собираются ли с Нелисом сделать что-нибудь еще или просто его выставили на всеобщее обозрение до тех пор, пока он не умрет от голода и жажды. Ее поверхностные знания обычаев Ревении не включали в себя подробности о проведении местных казней. Ясно было одно: полковник надежно заперт, поэтому рядом с клеткой и оставили только одного стражника. И за эти несколько секунд она сделала выбор.

Вытащив свое оружие, она прицелилась в единственную мишень, поражение которой могло отвлечь внимание остальных. Офицеры, стоящие в дверном проеме, ведущем в башню, еще не уходили. На голове каждого из них сверкала металлическая пластина, выполненная в форме символа королевской власти. Точно такая же пластина была привинчена к стене замка. И девушка решилась на отчаянный шаг. Она задействовала луч своего оружия на полную мощь.

Яркая вспышка пронеслась над верхним краем пластины. Ей повезло больше, нежели она надеялась, ибо пластина покачнулась и повисла, словно один из держащих ее болтов неожиданно ослаб. Роана продолжала стрелять, все время целясь во вздрагивающий от попаданий луча металл. Наконец пластина с неприятным лязгом свалилась на землю. Раздались громкие крики, шум, бряцанье металла. Упав, пластина угодила прямо в голову мужчине, державшему свиток. К нему молниеносно бросились стражники.

Роана быстро побежала вдоль стены в темноту, где находилась лестница, ведущая на парапет. В любую секунду она ожидала, что стражники обстреляют ее из своих примитивных огнестрельных ружий. Но удача продолжала улыбаться ей. У нее не было времени оглянуться, чтобы увидеть страшную суматоху на внутреннем дворе замка, откуда доносились крики о помощи. Она стремительно поднималась по каменным ступеням на стену.

Стражник уставился на внутренний двор, немного наклонившись вперед, чтобы лучше разглядеть, что происходит внизу. Роана бросилась к нему и двинула ему по шее одним из резких и очень эффективных ударов, которым обучил ее Сандар. Стражник не издал ни звука, но и не упал, ибо Роана крепко прижала его к стене в надежде, чтобы он не сверзился вниз, когда она убе-

жит. Потом она при помощи прибора направила луч на клетку с обеих сторон. Оба бока клетки начали плавиться.

Когда она побежала вперед, наконец до нее донеслись оглушительные хлопки выстрелов. Роана резко пригнулась, добежала до основания клетки и надавила концом рукояти своего прибора на болты засова.

Металл стал ярко-красным. Ей пришлось действовать очень осторожно, чтобы мощнейший энергетический луч не попал на пленника. Она могла так точно управлять лучом только при непосредственном контакте. Поэтому теперь ей пришлось открыться, чтобы ухватиться за прутья клетки. Когда она висела на них, прижимая свой прибор к железу, ей казалось, что время остановилось.

— Ты сможешь выбраться отсюда? — спросила она Имфри.

Пока она работала, он все время молчал. Она даже не была уверена, в сознании ли он. Вполне вероятно, что жестокое обращение и мучительное пребывание в клетке лишь усилило последствия от его раны. Если это так, то Роана не знала, что ей делать дальше. Ведь теперь все зависело от того, сможет ли он передвигаться.

Она надавила прибором на последнее крепление. Но на этот раз болт не поддался. Наверное, у батарей кончился заряд, ведь этот археологический прибор не был предназначен для подобного использования. А найти время, чтобы перезарядить батарею...

— Я не могу справиться с этой штукой! — сказала она ему правду. Потерпеть крах в такой момент...

И тут он впервые заговорил.

— Тащи его... ну же!

Его приказ оказался настолько веским, что она повиновалась и резко дернула на себя проклятую железку, чувствуя, как полковник, в свою очередь, тоже толкает ее что есть сил.

— Не поддается! — воскликнула она, поднимая прибор и используя его как молоток, ударяя по упрямому креплению. Наверное, их обоюдные усилия ослабили его, потому как после второго удара оно наконец отлетело. Полковник рухнул вперед, и какое-то мгновение она боялась, что в него попадет пуля из мушкетов, непрестанно стреляющих в них со стороны внутреннего двора замка. Вокруг них то и дело появлялись ямки от литых пуль, но ни одна из них не попала в Имфри. Девушка недолго думая прижалась к внутренней стене парапета, стараясь восстановить дыхание, как вдруг чьи-то руки крепко вцепились

в нее. Но тут ее противник отлетел назад. Нелис грубо оттащил его от девушки и сомкнул свои мощные пальцы на его глотке. Стражник извивался и пытался вырваться из рук полковника, окончательно изорвав на том остатки одежды. Роана, пошатываясь, подошла к борющимся мужчинам и осторожно стукнула Нелиса по здоровому плечу.

Имфри выпустил охранника из рук, и тот свалился на камни. Затем он выпрямился, держа в одной руке дубинку.

— Выбраться оттуда... — пробормотал он, поглядывая на здоровенный клин, поддерживающий основание клетки. Роана разгадала его намерения и приготовилась справиться со стражником голыми руками. — Укроюсь-ка я, — прибавил он.

Стражник остановился за парапетом, наблюдая за вершиной лестницы, по которой еще недавно поднималась Роана. Наконец девушка смогла внимательно посмотреть на полковника. Имфри оглянулся на клетку.

— Тебе удалось открыть ее... таким способом... прямо здесь... — пробормотал он и подошел к ней. Затем здоровым плечом навалился на клетку и толкнул ее; Роана тоже всем своим весом надавила на цилиндр.

Тяжелая металлическая масса лязгнула, накренилась вперед и стала медленно опрокидываться через парапет, и наконец с жутким грохотом упала. Раздался оглушительный звон. Даже стена, казалось, задрезжала, когда Имфри подтягивал вверх освободившуюся от цилиндра толстую цепь. Роана разгадала намерения полковника. Теперь они могли спуститься наружу, если ему удастся сделать это с одной здоровой рукою. Ибо вторая его рука висела, как плеть.

— Вниз! — приказал он.

Она оцупала цепь и убедилась, что та являет собой великолепный спуск. Цепь была натянута как струна благодаря тому, что нижний ее конец сдерживался упавшей клеткой. И крупные звенья тоже способствовали более или менее удобному спуску. Ее пальцы свободно проходили в них. Но сможет ли спуститься полковник на одной руке?

— Ты сможешь...

— Спускайся! — резко повторил он.

На вершине лестницы уже слышались шаги. Он вытащил мушкет, оброненный стражником, и выпалил в темноту. В ответ раздался жалобный вопль.

Роана не заставила себя долго ждать. Она спускалась по этой импровизированной лестнице и ощутила небывалый душевный подъем, когда ее нога коснулась вершины клетки. Затем она спрыгнула на землю, используя опыт своей космической подготовки, чтобы приземлиться как можно мягче.

Она не заметила вокруг света, поэтому не смогла осмотреть себя. Ведь она могла заполучить какой-нибудь синяк, а то и хуже. Она повернулась. Здесь мог ожидать кто-нибудь из гарнизона, несущего вахту в замке и его окрестностях. Однако, осмотревшись вокруг, она не заметила ни души. Только со стены раздавались яростные крики — а ворота с этого места она не видела. Как, собственно говоря, и солдат. Пока.

— Стой... я собираюсь спрыгнуть... — услышала она голос полковника, донесшийся сверху. Запрокинув голову, она увидела, как он, уцепившись за клетку, размахивает ногами, словно пытаясь оттолкнуться от стены. А спустя мгновение он прыгнул.

Роана подбежала к Имфри, но он даже не пошевелился. Неужели падение оглушило его? Или он переломал себе кости? Спускаться с такой высоты, да еще будучи раненым и избитым, достаточно сложное испытание для... Она потянула его за здоровую руку, стараясь перевернуть. В голове металась одна-единственная мысль: им надо бежать и как можно скорее!

Девушка увидела приближающихся людей. Всмотревшись в полумрак, она разглядела в них жителей селения. Оружие... по-прежнему ли оно у Имфри? Она разорвала на нем мундир, стараясь найти оружие. Но ничего не обнаружила. В то время как незнакомцы бежали прямо на них.

Она прицелилась из шокера, но чья-то сильная рука схватила ее за запястье.

— Мы — друзья!

Мужчина, удержавший руку, потащил ее прочь от полковника. Еще двое взяли лежащего Имфри под мышки и подняли его. Потом проводник Роаны перешел на полубег, не отпуская ее руки, в то время как двое других изо всех сил старались не отставать от них. Они пробежали мимо домов, затем мимо густых кустарников и так бежали до тех пор, пока у Роаны не перехватило дыхание. Она услышала топот копыт двурогов о землю, и тут они очутились на поляне, где их ожидали четверо всадников, державших за поводья животных, явно свежих и готовых к длительному переезду.

— Поехали! — выкрикнул мужчина, державший за руку Роану.

Всадники пришпорили двурогов, и те поскакали в сторону юга. Однако люди, приведшие Роану и полковника сюда, затаились в кустах.

— Хаффнер знает все дороги. Он устроит этим мерзавцам отличную охоту, — с удовлетворением в голосе пояснил один из мужчин, поддерживающих Имфри.

— Все продумано до мелочей, — проговорил его товарищ. — Все, что нам нужно, — это выиграть время. Надо срочно позаботиться о полковнике. Остановить у него кровотечение. А здесь все будет выглядеть так, точно его увезли отсюда в какое-то убежище.

Глава 14

Аптечка! Роана понимала, что с медициной на Клио настолько плохо, что едва ли еще местные лечебные снадобья помогут кому-либо, находящемуся в столь прескверном состоянии, как раненый полковник Имфри. Но если бы ее лекарства смогли...

— Послушайте, — обратилась девушка к мужчине, держащему ее за руку, и попыталась высвободить руку. — У меня есть кое-какие снадобья, которые могли бы помочь ему. Позвольте мне...

— Что ж, это хорошо, — отозвался мужчина. — Но дело в том, что мы не можем больше оставаться здесь. Может статься так, что солдат герцога не запутает наш ложный след. Давай-ка движем к охотничьей хижине, Маттинэ.

Уже вовсю рассвело. Роане показалось, что сопровождающие их люди хорошо знают все окрестности. Даже с такой тяжелой ношей, как полковник, они буквально растворились в кустах с невиданной быстротой, в то время как проводник Роаны потащил ее через поляны по каким-то извилистым тропинкам, среди которых, окажись она одна, девушка тотчас же заблудилась.

В этом лесу, а скорее — участке земли, по которому они пробирались сквозь деревья и кусты, было беспокойно. До Роаны доносилось тяжелое прерывистое дыхание мужчин, несущих Имфри, за которыми она шла по пятам. Замыкал их небольшую процессию третий мужчина.

Путешествие ей показалось очень долгим, хотя она не чувствовала ни времени, ни пройденного расстояния. Наконец люди, несущие полковника, резко остановились, а мужчина, шедший за спиной Роаны, с трудом протиснулся сквозь густой кустарник. Роана попыталась получше разглядеть полковника.

Его голова бессильно покоилась на плече одного из мужчин, а глаза были закрыты. На рубахе расплывалось липкое темное пятно.

— Дайте мне помочь ему! — потребовала Роана и попыталась подойти к Имфри поближе, но один из поддерживающих его людей барьером выставил свое плечо, не давая девушке подойти к раненому.

— Не сейчас! — зловещим шепотом промолвил он. — Тише!

Она съежилась и, тщательно прислушавшись, различила поодаль какие-то звуки, с каждой секундой становившиеся ближе. Звуки были настолько странными, что Роана подумала, что скорее они принадлежат животному, нежели человеку. Но тут она услышала голос.

— Ха, Яркий зуб, Буйный, ха-а, Горлопан... а ну, вниз... сидеть! Да и вас это тоже касается, Мегера и Носач! Есть, пить и отдыхать!

Кусты вновь зашевелились, и вернулся сопровождавший Роану мужчина. Все трое накинули на головы капюшоны, оставив чуть открытыми только лица, так что Роане стали видны только их подбородки. Она внимательно посмотрела на них и поняла, что главный среди них тот, кто сопровождал ее.

— Возьми, — произнес он. Она увидела у него в руках обрывки какой-то ткани.

И тут Роана поморщилась от отвращения, ибо они издавали омерзительный смрад. Больше всего ей не хотелось касаться этого тряпья. Однако у нее не оставалось выбора. Один из мужчин, поддерживающих Имфри, взял три куска ткани, обернул один из них вокруг шеи, второй кусок повесил на шею своему товарищу, а третий — полковнику, четвертый же кусок бросил Роане. Неохотно, словно опасаясь подцепить какую-нибудь заразу, она медленно взяла его.

— Наш ключ к убежищу. По-моему, не стоит волноваться. По крайней мере — некоторое время. А теперь, прежде чем они двинутся в этом направлении, давайте-ка поторапливаться!

Они выбрались на открытое пространство. Роана увидела высокую ограду из кольев, глубоко врытых в землю и с очень

остро заточенными концами. Несмотря на их высоту, девушке все же удалось разглядеть за оградой просмоленную крышу. Неподалеку виднелись небольшие ворота, и их проводник направился прямо к ним. Приблизившись, он вытащил довольно тяжелый засов.

Неуклюжим бегом мужчины вместе с Имфри пересекли полянку с такой скоростью, словно неведомая сила толкала их вместе с ношей к убежищу. Роана стремительно последовала за ними. Ворота с треском захлопнулись за ней, и она услышала, как человек, приведший их сюда, с грохотом водрузил на место засов. И только теперь она увидела то, что находилось внутри.

Лютогончии! Как и двуроги, это были не местные животные Клио, а импортированные сюда. И Роана не знала ни одной планеты, обслуживающей столь экзотический «зоопарк», кроме одной очень отдаленной и малоизвестной, куда разрешали импортировать так называемых лютогончих с Локи. Внешность этих жестоких псов была очень обманчивой, ибо с первого взгляда они не казались такими крупными и зловещими, хотя зловоние, издаваемое ими, могло привести в шок кого угодно. Опустив головы, очень смахивающие на человеческие, они яростно рвали на части куски зловонного мяса.

Когда группа людей двинулась к домику, расположенному в центре загона, две лютогончии резко повернулись и воззрились на вошедших. При этом они не издавали ни звука, их поджатые внутрь темные губы обнажили двойной ряд клыков, с которых капала зеленоватая пена. В глазах этих жутких животных стояла беспредельная жаркая ненависть.

Одна из собак сделала шаг вперед, затем — еще один, направляясь к людям, словно собираясь отрезать им все пути отхода. Люди остановились. Роана поняла, что они собираются с духом. Да и сама она чувствовала себя не самым лучшим образом в присутствии этих чудовищ. Она словно замороженная разглядывала окаймленные шерстистой бахромой плоские уши, крепко прижатые к узким черепам, когда жуткие создания обнюхивали воздух, точно старались уловить в нем знакомые запахи. Их ноздри при этом расширялись, принюхиваясь к привычному для них зловонию. Роана покрепче затянула на шее вонючую тряпку, которой она поначалу так пренебрегала. Ведь и в самом деле эти куски омерзительной ткани были ключом к этому убежищу.

Вожак лютогончих в последний раз принюхался и с безразличным видом снова повернулся к кускам мяса, а его сотоварищи последовали его примеру. Только тогда люди продолжили путь, хотя, проходя мимо псов, Роана с трудом сдерживала искушение, чтобы не обернуться и еще раз не взглянуть на алчно впивающихся в свежую плоть животных. Зрелище этих монстров настолько подействовало на нее, что девушкой овладело страшное чувство, что собаки могут напасть на нее сзади и разорвать на куски.

— Дверь... дверь-то открой... — раздраженно промолвил один из мужчин, несший раненого полковника.

Все еще бросая на лютогончих косые недоверчивые взгляды, она прошла мимо мужчин с краю и толкнула дверь. Та сразу распахнулась, и они вошли, тотчас же очутившись в темноте. Их обволакивал смрад, исходящий от животных. Казалось, он витал в этом месте повсюду, а здесь ощущался намного сильнее, нежели в отведенных для них отсеках. Невольно Роана выхватила шокер.

На одной из стен небольшой комнатухи на крюках висели куски мяса, потемневшего и зловонного. Чуть выше Роана заметила несколько рядов полок, на которых беспорядочной грудой были свалены какие-то закупоренные емкости, похожие на контейнеры. На крюках, вбитых в противоположную стену, висели кнуты, ошейники, собачьи поводки и намордники, достаточно прочные, чтобы выдержать клыки лютогончих.

Справа от себя Роана увидела соломенные брикеты, перевязанные плотной веревкой. Один из них развалился, и половина его содержимого валялась на полу. Направив на него излучатель, девушка подняла с пола солому и как можно быстрее застелила ею грубо сколоченную койку.

Когда мужчины положили на нее Имфри, Роана вытащила аптечку. У нее не было времени копаться в ней, чтобы просмотреть все лекарственные средства. Чем быстрее бледнело его серо-белое лицо, тем меньше ей это нравилось. Теперь настала ее очередь отдавать приказы.

— Освободите мне место! — громко распорядилась она и тотчас же осмотрела свои руки. Она вытянула вперед грязные, потрескавшиеся пальцы. — И дайте-ка... — она извлекла тубик со специальным спреем. — Ты... — она протянула тубик мужчине,

стоящему к ней ближе всех. — Сдавливай его, но очень осторожно, потому как нам придется сэкономить его содержимое.

Роана стала обрабатывать руки антисептическим паром.

— Хватит!

Затем она объяснила мужчинам, чтобы они не смели ни к чему прикасаться, чтобы не занести инфекцию.

— Надо снять с него рубаху в том месте, где рана. Нет, нет! Сперва полейте вот этим... — она указала, чтобы достали второй тюбик.

Затем аккуратно выдавила несколько капель его содержимого на кровавое пятно. Кончиками пальцев бережно отделила приклеившуюся ткань от его тела.

— А теперь — срывайте!

Когда они сорвали грязную и зараженную рубаху с гноящейся раны, которая по-прежнему медленно кровоточила, Роана приступила к работе, используя весь свой опыт и знания, полученные за долгие годы космических странствий; она дважды обрабатывала рану спреем, содержащим антибиотики, а затем — специальной мазью «Быстролекарь». После чего наложила на обработанную рану двойной слой бактерицидного пластыря и только потом с облегчением вздохнула. И все равно она страшно волновалась, ибо впервые в жизни закончила свою необычную тренировку на живом человеке.

Девушка села, чтобы осмотреть оставшееся содержимое аптечки. Тщательное ее изучение доказывало, что при автоматических инъекциях не использовано ни одно средство для излечения сломанных костей. Значит, падение полковника с высоты прошло более или менее удачно. По крайней мере, его кости остались целы и невредимы. А сознание он потерял от сильной потери крови, ибо рана на груди и вправду оказалась серьезной. Безусловно, чем дольше он отдохнет, тем лучше на него воздействует суперпластырь, обладающий очень сильными целебными свойствами. Так что Роана решила, что самым лучшим для Имфри будет даже не пытаться разбудить его.

Единственное, что ей откровенно не нравилось, — это застоявшийся в их убежище смрад, исходящий от псов и разлагающегося мяса. Роане стало так душно, что она откинула на спину капюшон и немного ослабила завязки на платье. Впервые ей выпал шанс поближе познакомиться со своими товарищами по убежи-

щу. Она посмотрела на мужчин. Двое из них отдыхали, привалившись на соломенные брикеты.

Одного из них она знала, второго — нет. И она назвала по имени одного из тех, кто поддерживал голову Имфри во время их побега.

— Ты — сержант Вулдон. Ты был с нами в Гастонхау, — сказала она.

Ей казалось, что Вулдон старше полковника, хотя на чужих планетах всегда было трудно определить возраст кого бы то ни было. Но его коричневые брови и виски уже посеребрила седина. Лицо его было обветренным, как и у Имфри, до того как лицо полковника стало мертвенно-серого цвета из-за перенесенных мучений. С одной стороны подбородок сержанта был испещрен складками, как после сильного ожога, а на щеке виднелся шрам, точно ее рассекли надвое.

— Да, я — Айзор Вулдон, миледи.

— Ты приехал спасти его. — Скорее это было утверждением, нежели вопросом. Вулдон кивнул.

— Мы очень надеялись спасти полковника, — промолвил он тихо. — В Хизерхау есть люди, которые готовы нам помочь. Герцога не очень-то любят там. Но они не могли обещать нам слишком много — и без вашей помощи мы бы точно потерпели крах, миледи.

Роана откинулась на соломенный брикет и откинула волосы, упавшие ей на глаза. От ужасного запаха и духоты она чувствовала себя прескверно, и в то же время ее вновь удивляли собственные же поступки, будто та ее часть, которая была прежней Роаной, сейчас снова вырвалась из плена, чтобы с тревогой и смятением наблюдать за тем, что произошло. Это странное чувство, что она разделилась на двух совершенно разных людей, только усиливало ее душевные страдания. Она проглотила горький тошнотворный комок, застрявший в горле, и попыталась справиться с тошнотой, вызванной смрадом, при этом боясь, что рано или поздно потеряет контроль над собой.

Один из мужчин беспокойно зашевелился.

— Эта вонища... — пробормотал он.

— Да уж, это тебе не сад турлейских лилий, — мрачно пошутил Вулдон. — Однако уйти отсюда... — он провел пальцем окружность, будто показывая близость лютогончих, и усмехнул-

ся. — Сейчас у нас самая лучшая охрана, которую только можно пожелать.

Роана снова проглотила комок в горле.

— Сколько еще нам... — она не смогла договорить, а Вулдон словно не старался понять ее состояние. Или просто не мог дать ответ.

— Кто знает? До ночи, если нам повезет и люди герцога пойдут по ложному следу. Если бы нашим людям удалось заманить их в охотничий заповедник, то они точно собьют их с пути, и тогда те окончательно заплутаются. Тогда мы и сможем выйти. Однако с полковником, в таком виде, в каком он... — Вулдон тяжело вздохнул и молча махнул рукой. Затем отрицательно покачал головой.

— Как он, леди? — спросил другой мужчина. — Вы достаточно хорошо излечили его, чтобы он мог ехать верхом, если мы сможем отсюда уйти? Ведь если нам опять придется тащить его на себе, то мы далеко не уйдем.

Сержант недовольно рывкнул на него, но мужчина открыто смотрел на него, совершенно не стыдясь своих слов. Затем он произнес:

— Это же истинная правда, и мы все знаем это. Я же не дурак. И вообще, я прихожусь милорду племянником. Сестра моей матушки воспитывала его, когда скончалась его благородная мать. Неужели вы думаете, что мне, так же как и вам, не хочется освободить его? Разве я отказался помочь вам, когда вы с Хаузом позвали меня к себе? Но мы не можем нести его. Ему придется ехать верхом. А путь до холмов очень долог.

— Его объявят вне закона, — угрюмо проговорил сержант. — И тогда, как ты думаешь, сколько людей по всей Ревении вызовутся помогать ему? Самое благоразумное для нас — это перейти границу. Полковник станет не первым человеком, совершившим это, а его меч кое-чего стоит... Если не в Лихштене, то на Мардукских островах всегда радушно принимают опытных наемников...

— Спасибо тебе за такие слова, Вулдон.

Этот тихий, немного напряженный голос застал всех врасплох. Полковник открыл глаза. Его ввалившиеся щеки даже немного порозовели.

— Что за смрад? — он с раздражением принюхался. — Лютогончии! Но где же в Ревении... — он пошевелился, словно хотел

подняться, но сержант бережно положил свою большую руку на здоровое плечо Имфри, укладывая его обратно.

— Это идея Хауза, сэр. Мы в охотничьей хижине в Хизерхау.

— В охотничьей хижине?! — переспросил Имфри. — Так, так... Значит, из одной клетки я угодил в другую. Однако должен вам сказать, что из всех запахов этот мне больше всех по душе. Но... как вы намеревались...

— Честно вам скажу, мы еще сами толком не знаем, что к чему, сэр. Пока у нас нет четкого плана действий. Как только я увидел, как вас уволокли через дыру в земле, мы со Спетиком разделились и разными путями двинулись туда, где, по нашему мнению, смогли бы вам помочь. Так вот... Он пошел в Хизерхау и потолковал с Маттинэ и Хаузом. В селении нашлось еще несколько человек, которые вызвались пойти на небольшой риск. Хотя не стали заходить слишком далеко, помня о своих шеях.

— За это ты не имеешь права порицать их, Вулдон. Измена не относится к преступлениям, которым хотелось бы способствовать. Спетик и Маттинэ здесь... Хауз и ты... Тогда — что еще вы сделали?

— Ну, я возвратился на пост. Там я обнаружил еще четверых или пятерых людей, готовых пойти с нами. Они как следует все взвесили... В общем, мы покинули...

Имфри нахмурился.

— Вы покинули пост? Попросту говоря — дезертировали?!

Сержант Вулдон усмехнулся.

— Точнее будет сказать, «отправились на самостоятельное задание», а именно: послужить нашему командиру. Вы — офицер, командующий нами, и никто никогда не называл вас иначе. И с тех пор о вас лично никто ничего плохого не говорил.

Лицо Имфри разгладилось.

— Ты же громко и отчетливо слышал то, что объявили обо мне в Хизерхау.

— Нет, сэр. С тех пор как в прошлом году я сорвался со скалы... помните, подо мною порвалась веревка... временами я туговат на ухо. Я не слышал о вас ничего, кроме того, что вы — мой командир.

— Из-за ослабленного слуха вы рискуете лишиться службы, сержант, — заметил полковник.

— Так точно, сэр. Только лучше сказать это Реддику, сэр.

Имфри расхохотался, но очень скоро лицо его снова стало серьезным.

— Если нас поймают, для тебя это будет весьма неубедительным оправданием, чтобы избежать повешения... или чего похуже.

— Значит, нам надо быть осторожнее, сэр. Однако мы прибыли сюда, я, Хаффнер, Спетик, Ринвальд и Флиш. Они взяли из конюшен самых лучших двурогов и приготовились либо скакать с вами, либо увести людей герцога по ложному следу. Но мы не знали, как вытащить вас из лап Реддика. И в конце концов это сделала она. — Он кивнул в сторону Роаны.

— Вы принимали в этом участие? — спросил Имфри.

— Нет, я была всего-навсего частью этого плана, — скромно ответила девушка. — Я пришла... я пришла потому, что должна была это сделать. Это началось с тех пор, как я стала вмешиваться во все, что здесь происходит. Я сама не довела бы это до конца. Все получилось потому, что я повсюду совала свой нос. И все равно у нас ничего не получилось бы без ваших людей.

— Все это очень странно, — заметил полковник, пристально глядя на нее. — С самого начала я понимал, что судьба некоторым образом находится в ваших руках, хотя не догадывался, что это так же имеет отношение и к моей судьбе. Я считал, это каким-то образом связано с судьбой принцессы.

Он снова пошевелился, пытаясь приподняться на своем соломенном ложе.

— Странно, вся боль куда-то исчезла. — Он посмотрел на свою рану, которую закрывал специальный пластырь, теперь имеющий цвет кожи.

— И все же, что ты со мною сделал? — спросил он Вулдона.

— Это сделала молодая леди при помощи своих собственных методов.

— Похоже, она отлично разбирается в очень многих вещах, — заметил полковник. — Вулдон, не мог ли ты принести бутылочку воды, что приторочена к твоему седлу?

— Простите...

— Ничего, ничего, все отлично.

Роана с трудом сдерживалась, чтобы не выбежать из затхлого помещения. Она совсем ослабела от зловонного и душного воздуха. Но она нашла тубик с А-рационом, отвинтила крышечку и протянула полковнику.

— Вот, возьмите. Это надо всасывать в себя. Оно придаст вам силы. Это — наполовину жидкость и должно помочь утолить жажду. — Она достала еще два тюбика и предложила их мужчинам. Они с любопытством воззрились на странные предметы.

— А как насчет вас, миледи? — осведомился сержант.

Роана с огромным усилием проглотила комок в горле.

— Не могу... меня сразу же стошнит. Если бы вы могли... Прошу вас, сержант... — проговорила она настойчиво. — Дайте мне, пожалуйста, вон тот ящичек с лечебными снадобьями.

Она подумала, что не сумеет вовремя воспользоваться им, но одной рукой она нащупала контейнеры, вытащила капсулу, отломала ей головку, запрокинула голову и вдыхала, вдыхала целебные испарения. Но у нее их было так мало, что капсулы следовало тратить бережно. А если им придется здесь задержаться надолго, то как она вынесет такой жуткий смрад? Обработанная психологически, она смогла бы выстоять в чужом мире, вынести чужие запахи, чужую пищу... но сейчас, находясь в этой хижине, больше похожей на тюрьму, ее тело пребывало в каком-то напряжении, которого оно не могло долго выдержать. Во всяком случае, так ей казалось.

— Очень скоро мне придется уйти, — сказала она. Роана подняла голову, но испытала сильное головокружение, временно овладевшее всем ее естеством. — Они не знают, что я здесь. Я смогу благополучно добраться обратно.

— Не верьте этому, миледи, — сказал Вулдон. — С полковником, вырвавшимся на свободу, они будут трижды досматривать каждого чужака. Как только вы уйдете отсюда, то первый, кто вас заметит, доложит о вас страже. Каждый мужчина, каждая женщина и ребенок в Хизерхау будет рад помочь поимке незнакомца. Ведь этим несчастным нужно лишь одно: отвратить от своих дверей ищеек герцога Реддика.

— Совершенно верно, — произнес полковник, и голос его стал строже. Теперь к нему возвратилась уверенность, что он следует единственно верным путем. — И куда же вы пойдете? Или ваши люди собираются прийти за вами?

Она отрицательно покачала головой и сразу же пожалела об этом, ибо у нее тотчас же возобновилось головокружение.

— Это последнее, на что они пойдут. Прибыв сюда, я нарушила приказ. Они просто решат, что я заслужила то, что случилось со мною.

— Что за разговоры такие! — негодуяще воскликнул сержант. — Никто не имеет права бросить в беде женщину, которая явилась на помощь...

— Наверное, у них есть для этого причина, — перебил его Имфри. — В какое-нибудь другое время, леди Роана, я с удовольствием согласился бы с вами. Но сейчас... Должен признать, что оставаться здесь дольше необходимого нам совершенно нельзя. У вас есть какие-нибудь планы, сержант?

— Наверняка они есть у Хауза. Он привел нас сюда, чтобы мы какое-то время переждали, пока закончится первая буря, так сказать. И он знает Хизерхау как свои пять пальцев. К тому же... здесь знают его достаточно хорошо, чтобы не чинить препятствий на его пути. При этом он — единственный человек, который умеет обращаться с лютогончими; поэтому для всех весьма выгодно и приятно наблюдать Хауза счастливым и в добром здравии. Конечно, они могли бы перестрелять всех, чтобы добраться до нас. Возможно, герцог так бы и сделал, если бы узнал, что мы здесь. Но он ни за что не поверит, что эти дьявольские отродья позволили нам зайти за ворота. Впрочем, так оно и случилось бы, не дай нам Хауз ключ — так он назвал вонючие тряпки, позволяющие пробиться через эту невыносимую вонь.

— Послушайте! — громко сказал Имфри.

Снова Роана услышала громкий лай собак.

— Кто-то идет сюда! — воскликнул сержант Вулдон и взялся за мушкет. Затем идеально тихо прошел мимо Роаны, чего она никак не могла ожидать от такого сильного и мощного человека, и остановился у двери в хижину. Он немного пригнулся, по-видимому, обнаружив в деревянной стене щель, через которую мог наблюдать за тем, что происходило снаружи.

— Хауз! — шепотом промолвил он и прибавил: — Один.

Однако Вулдон не убрал оружие, а Маттинэ перешел комнату (пусть и не так бесшумно, как сержант) и остановился возле дверного косяка с другой стороны. Роана наблюдала за ними в полной апатии из-за своей непреодолимой тошноты.

— Тсссссс, — раздался снаружи мужской голос. Затем он заговорил почти хныкающим успокаивающим тоном. — Хоро-о-оший мальчик... смелый мой... храбрый... Успокойся, девочка, ну, ну, достаточно, ты же сама знаешь...

Если бы Роана не знала, что за чудовища мечутся снаружи, она бы решила, что он разговаривает с нежнейшими и безобид-

ными домашними любимцами. За свою жизнь она успела лучше многих других понять, что у людей встречаются самые странные вкусы, выражаемые различными словами или привычками... но встретить человека, по доброй воле имеющего дело с лютогончими! Это уже слишком!

— На свете много разных людей, миледи, это и есть народ, — проговорил полковник, будто прочитав ее мысли, а скорее, догадавшись о чувствах по выражению ее лица. — Видите ли... — он перешел на шепот, — нам многое что есть сказать друг другу. Не знаю, почему вы пришли... но для вас я...

— Давайте подождем до тех пор, пока вы не станете действительно свободным, — сказала Роана. — А то из-за заранее принесенных благодарностей счастье может отвернуться от меня. — Прежде она никогда не считала себя суеверной, но теперь, отвратительно себя чувствуя в этом смрадном убежище, понимала примитивных местных жителей, боявшихся навлечь на себя злые силы и уговаривающих своих добрых божков отвести от них несчастье.

— Хорошо, подождем до другого раза. Но, поверьте, вы должны остаться с нами и впредь, и как только мы сможем...

Полковник не договорил, потому что она решительно посмотрела на него и вновь ощутила где-то в глубине души непонятное удивление. Он говорил с нею так, словно все происходящее непосредственно касалось ее, Роаны Хьюм, в то время когда люди герцога охотились именно за ним.

Дверь открылась, и внутрь вошел мужчина, приведший их в эту лачугу. Он бросил на пол тяжелый мешок, из которого донесся тошнотворный запах мяса для собак. Мешок упал на пол с глухим стуком.

— Как он... — начал было он, но полковник перебил новоприбывшего.

— Сам видишь, приятель! Твои милые собачки отлично сыграли роль стражников.

— Милорд! — Хауз двумя огромными шагами пересек комнатушку, опустился на колени и положил ладонь на протянутую ему руку своего командира, и почтительно наклонил голову, словно этим жестом исполняя маленькую, но очень торжественную церемонию.

— Как много времени утекло, Хауз, — молвил полковник.

— Кто-нибудь и может забыть о прошедших годах, милорд, когда у него на то есть причина. Ну да ладно... — Он присел на корточки, так что его лицо оказалось почти на одном уровне с лицом лежащего командира. — План есть. Отчаянный, безрас-судный, но лучший из всего, что можно предпринять на данный час. Их послали в Уркермарк по его приказу. Пока удача сослужила нам службу дважды. Во-первых, когда во внутреннем дворе Хизерхау свалилась королевская эмблема, она как следует зашибла Маршала Запада. Он по-прежнему лежит без сознания, и они не знают, когда он придет в чувство. Если вообще придет. Полковнику Шарну она сломала ключицу и хорошенько двинула по башке, так что он не в состоянии отправиться ни на какие поиски.

— В то время как еще один, — продолжал он, — это полковник Онглас, бесцельно носится вокруг, причем мозгов в его башке не больше, чем в моем мешке. Большую часть стражи он направил на прочесывание селения. Этот болван вытаскивает поселян из их домов, задает им дурацкие вопросы и в каждом доме ищет изменников.

Два часа назад он затребовал лютогончих. Некоторые из патрульных солдат ищут следы на дорогах, и ему захотелось задействовать для этого моих собачек.

Роана услышала, как мужчины громко и негодуяще хмыкнули по этому поводу.

— Да, — кивнул Хауз. — Я уже сказал ему, что его клюнул жареный петух! Еще я сказал, чем все это может закончиться. Я ведь не смогу удержать их, если они возьмут след какого-нибудь кастрированного быка или вола! Так... так этот болван приказал мне сделать специальную штуку для опознавания нужного запаха!

— Он окончательно свихнулся! — выпалил сержант. — Он приказал сделать эту штуку... из чего?

— У него есть тюфяк из камеры, в которой вас содержали, милорд, и несколько обрывков веревок, которыми вам связали руки, когда туда привели. Он заявил, что этого будет вполне достаточно и что он будет все время присматривать за мной. Ну, за тем, что я буду делать. И еще он послал стражников наблюдать за мной.

— Сюда? Тогда что же мы... — начал Вулдон.

— Не бойтесь, они не войдут. — Он злорадно усмехнулся. — Сами знаете, почему. Но потом я сказал этому тупице истинную правду, что даже лютогончии не сумеют взять след человека, едущего верхом. Ему нужен убитый двурог, чтобы его труп принесли к нему.

— Двурог! Однако если дать твоим псам понюхать его, они погонятся за любым похожим животным... даже за теми, на которых едут охотники, — заключил Имфри. — Он и вправду сошел с ума.

— Сдается мне, милорд, что он сошел с ума с перепугу. Не осмелится предстать перед герцогом с плохими известиями. Однако я высказал ему суровые факты, а другие тем временем тоже слушали нас, если он пропустил мои слова мимо ушей. Поэтому не стоит беспокоиться насчет тюфяка и веревок. Я могу все это подделать. Но мне не по вкусу заманивать в ловушку двурога. Ведь собаки могут устремиться прямо в конюшни. Почему ни в чем не повинные животные должны претерпевать такой ужас? Ведь мои собачки могут разорвать их и глазом не моргнув. Впрочем, есть несколько офицеров, у кого варит голова. Один из них прямо сейчас отправился к полковнику Шарну в полной уверенности, что тот отменит этот дурацкий приказ. Но... в чем я абсолютно уверен, это в том, что полковник... в общем... мертвого двурога, что принесли туда... думаю, что его труп уберут оттуда.

— Продолжай, Хауз. Такое начало весьма заинтересовало меня, — молвил Имфри.

Хауз кивнул.

— Как и в старые добрые деньки на границе, когда здесь пытались пробраться нимпы. Да, милорд, думаю, вы должны его помнить. Они доставили сюда этого двурога, но никто не собирается рисковать своей головой, чтобы проталкивать телегу с трупом через эти ворота. Так что мне придется заталкивать ее сюда вместе с сержантом Вулдоном...

— Со мной! — сержант даже подпрыгнул от изумления. — Но ведь всем известно, что только ты можешь войти внутрь этого...

— Я уже сказал им, что у меня есть егеря, который поможет мне с ловушкой и с охотой на «зайца»; еще сказал, что ты одет в специально обработанный костюм, чтобы сдерживать псов. И что ты уже помогал мне в других подобных охотах с этими псами. Герцог отыскивал еще несколько человек, якобы тренирован-

ных, как ему нужно, но ни один из них долго не продержится. — Он рассмеялся. — Так что все хорошо, мы затащим труп в этот загон, и это должно сработать. Что бы ни набредил этот Онглас, ни у кого не хватит нервов наблюдать за всем этим. Потом... мы вынесем полковника, только он будет завернут в шкуру убитого двурога. Мы положим его на телегу. Тут как раз явится офицер от Шарна, и ему будет достаточно одного взгляда, чтобы понять, какое это безумие. Я скажу, что нам придется убрать ловушку и закопать труп двурога, до того как псы совершенно озвереют. Говорю вам, эти люди ни черта не разбираются в повадках этих бес- тий. Они готовы поверить в любую болтовню о моих собачках. Отвезем телегу обратно в лес, и я устрою там небольшое пред- ставление, а потом мы скроемся отсюда.

— А как насчет миледи и Маттинэ?

— Они уйдут отсюда сейчас, чтобы схорониться в одном из моих местечек. Позднее я подниму шум, что мне нужна помощь с телегой и все такое прочее, а потом мы их отвезем куда следует. Это лучшее, что я могу предложить, полковник.

— Что ж, умное решение, Хауз. Но мне бы не хотелось под- вергать риску миледи и Маттинэ.

— Я готова пойти на любой риск, только бы поскорее вы- браться из этой лачуги, — услышала свой голос Роана. — Честно скажу, еще минута — и меня вывернет наизнанку, а у меня нет никакого средства от тошноты.

Имфри посмотрел на нее изучающим взглядом, но она знала, что сказала правду.

— Они будут под надежной защитой, милорд, — заверил пол- ковника Хауз. — Я забрал Носача к себе домой. Она еще почти щенок, а я уже подобрал для нее уютную «комнатку». Если спу- стить ее с цепи и оставить бегать по внутреннему двору, никто не посмеет сунуть нос в ворота.

— И все же многое может случиться не так, как мы рассчиты- ваем, — заметил сержант Вулдон. — Что если этому Шарну во- время не доложат о безумных действиях Онгласа, и он заставит тебя установить приманку для псов?

— Просто-напросто я могу потратить на это очень много вре- мени, — спокойно ответил Хауз. — Ведь этот тупица ничего не знает о лютогончих, а в одиночку он сюда не сунется. Я сделаю так, что стражники начнут протестовать, и, если понадобится, он не сможет силой заставить поисковую группу выйти на охоту.

Разумеется, это рискованно, но такова уж наша игра — вывезти полковника отсюда. А лучшего я предложить не могу.

— Он прав, — произнес Имфри. — Больше для меня нет способа выбраться, поэтому придется рисковать. Ничего не поделаешь, ведь выбор у нас невелик. Но скажу вам, друзья, что все это звучит обнадеживающе. Почему-то мне кажется, что у нас есть шанс выйти из этой игры победителями.

Глава 15

Роана, почти закрыв капюшоном лицо, низко пригнувшись, шла вслед за подсказывающей на кочках телегой. Она никогда не была хорошей актрисой, а теперь настало время, когда самая малейшая ошибка может вызвать подозрения людей герцога, обнаруживших хоть какие-нибудь следы, идущие от селения к лесу. По крайней мере Хауз сумел продлить свои приготовления к установке приманки до середины дня, и уже почти наступил вечер, когда Шарн достаточно пришел в чувства, чтобы взять управление поимкой преступников в свои руки, и послал стражников избавиться от трупа двурога. Девушка про себя благодарила судьбу, что от герцога Реддика больше не пришло никаких указаний.

Телега тряслась и гроыхала по дороге. Роану передергивало от одной мысли идти даже рядом с телегой, не говоря уже о том, чтобы лечь на нее — как это сделал Имфри — завернутой в окровавленную шкуру мертвого животного, уже облепленную насекомыми, которых привлекал запах гнили и начинающего разложения. Сержант и Маттинэ тащили этот своеобразный вид транспорта за оглобли. Ни один двурог не смог бы подойти близко к такому зловонному грузу. Поэтому и стражник, идущий позади, шел пешком. Как Хаузу, шедшему рядом с Роаной, удалось убедить высокое начальство избавить их от стражи, она не могла вообразить.

Таким образом их план сработал, и больше Роане не пришлось сталкиваться ни с какими неприятностями, пока они не оказались на открытом воздухе, уходя все дальше и дальше от Хизерхау. Ей все же удалось немного поспать, пока они с Маттинэ находились в доме Хауза, поэтому теперь Роана острее ощущала тревогу. Хотя, насколько она знала о приборах, установ-

ленных в пещере, они управляют жизнями тех, кто даже не знает, что контролируется ими, ей все равно было не по себе.

Девушка устало тащилась за телегой, стараясь как можно лучше играть зловещую роль, в которую была невольно втянута. Теперь она надеялась только на действия Хауза и на рассудительность Имфри.

— Эй, Хауз! — раздался голос сзади. — Сколько нам еще тащиться, прежде чем ты закопаешь эту падаль? Мы не собираемся переться через весь лес!

— Мне бы тоже очень не хотелось, чтобы псы взяли наш след и почувствовали вкус к двурогу, когда их впервые спустили с цепи на охоту, — ответил Хауз. — Мне не светит потом объясняться с герцогом, из-за чего погибли его двуроги!

Роана услышала недовольное бормотание, но больше возражений и протестов не последовало. Спустя несколько секунд Хауз легко толкнул ее плечом и хрипло произнес:

— Ты можешь идти хотя бы прямо, мальчуган? А то шатаешься из стороны в сторону! Черт подери, какая от тебя помощь? Ступай-ка лучше вперед и помоги тянуть телегу, или за ночь мы пройдем всего четверть лиги!

Роана поспешила к телеге через густые кусты вперемешку с молодыми деревцами и, подойдя к сержанту, положила руку на оглоблю рядом с его могучей лапищей.

— Пока не стоит, миледи, — прошептал тот. — Лучше будьте готовы отскочить вправо, когда я скажу.

Отскочить вправо... Роана посмотрела в том направлении и увидела нагромождение камней, а рядом множество каких-то обломков, словно когда-то там возвышалась стена. Через зияющие провалы виднелись холмики, поросшие густой травой, и переплетенные друг с другом виноградные лозы. Еще она заметила кусты и деревья. Небо было серым, а солнце скрылось; воздух постепенно становился влажным, как перед наступлением дождя. Отскочить вправо... Она провела языком по пересохшим губам.

Дорога, по которой они передвигались, если это вообще можно было назвать дорогой, резко поворачивала влево. И когда телега уже наполовину выехала из кустов, внезапно послышалось глухое рычание, которое могла издать только лютогончая! И оно раздалось прямо из кустов напротив! Сержант вскрикнул и резко отпустил оглоблю, отчего телега чуть не опрокинулась. Охва-

ченный паникой Маттинэ устремился вперед, не разбирая пути, и телега начала падать на Роану.

— Давай! — крикнул ей Хауз.

Снова угрожающе зарычал пес. Люди, идущие сзади, пронзительно заорали, выкрикивая предупреждения остальным, в то время как Хауз выкрикивал какие-то нечленораздельные приказания.

— Бегите же, вы, безмозглые идиоты! — орал он во всю глотку. — Наверняка псы сломали ворота и теперь кружат повсюду, чтобы убивать! Бегите или попадете им в зубы!

Роана отпустила оглоблю, затем вцепилась в какое-то дерево, чувствуя, что еще мгновение, и ее сердце выскочит из груди. Все выходило совершенно не так, как говорил хозяин собак. А ведь Вулдон ожидал чего-то другого. Однако теперь Роане выпал шанс вообще вырваться на свободу, чтобы больше не участвовать в этом темном деле.

Она сделала глубокий вдох и собралась идти куда глаза глядят, когда услышала за спиной треск. Обернувшись, она увидела сначала дерево, а за ним — примерно в четырех футах от себя нечто, что ее сильно напугало. Она приготовилась встретиться лицом к лицу со смертью. Но увидела сержанта, поддерживающего окровавленного человека в изодранной одежде. Имфри! Должно быть, он выбрался из своего жуткого одеяния, когда телега опрокинулась.

— Пошли! — проговорил сержант, и, когда его командир сделал несколько шагов, Роана последовала за мужчинами.

Хотя она больше не видела человека, заведшего их в эту дикую чащобу, мужчины впереди нее шли настолько уверенно, словно ими управляли чужеземные приборы. Но они не успели уйти слишком далеко, когда увидели перед собой Маттинэ, тот смеялся.

— Этот Хауз! Во дает! Он обратил в бегство целый отряд герцога! Они услышали, как он дважды подзывал собак, и те ка-ак побегут. Наверняка они сообщат Реддику, что псы нас сожрали живьем. Милорд, похоже, один Хауз стоит половины полка!

— И даже более! — сказал полковник и тихо прибавил: — Вдруг Реддик заподозрит неладное, и Хауз...

— А что ему сможет сделать герцог? Собачки Хауза — телохранители получше, чем у любого короля! — бодро пошутил Маттинэ.

— Эти псы — смертельное оружие; они точно умело отлитые пули... Надеюсь, у Хауза заготовлен правдоподобный рассказ для Реддика, когда тот придет, — заметил Имфри.

— Вы думаете, что герцог появится здесь, сэр? — осведомился сержант.

— Знаешь, Вулдон, я не собираюсь себе льстить, дескать, я — единственный великий приз для герцога. Как ты уже наверняка догадался, он вне всякого сомнения объявит меня вне закона. После чего... — Имфри пожал плечами, — я стану куском мяса для всех охотников, поскольку наградой за эту охоту станет объявленное за меня вознаграждение. Однако Реддик понимает, что, пока я жив, я так всего не оставлю. И еще знает, что мне известно, как и при помощи чего он околдовал королеву! — Последние слова полковник произнес таким холодным тоном, что Роана даже поежилась от страха.

Тем временем Имфри продолжал:

— Ведь он отвел ее обратно в пещеру после того, как одел ей на голову магический шар... а эта штука действует намного мощнее, нежели все предсказания Шамбри, и ее влияние распространяется на любого человека намного дольше и сильнее! Вы слышали ее заявление, сделанное еще раньше. Она собирается выйти замуж за Реддика. А это значит, что он станет принцем-консортом, а потом... сколько пройдет времени, прежде чем он захватит окончательную власть над Ревенией? Если она очнется от колдовских чар, а ее будут окружать ставленники герцога, то есть ли вообще шанс, что ее оставят в живых? Вот что я вам скажу, друзья мои. Сейчас она большая пленница герцога, чем был я в Хизерхау. Хотя она пока не осознает этого.

— Сэр, — очень серьезно обратился к полковнику Маттинэ. — Я часто слышал, что магический шар не может никого заколдовать против его воли.

— Ни за что не поверю! — медленно промолвил Имфри, разглядывая Маттинэ. Его губы вытянулись в тонкую полоску, глаза превратились в ледышки. — Я никогда не поверю, чтобы принцесса — королева — подписала бы мой смертный приговор по своей воле. И в это не поверит ни один человек, хорошо знавший ее. Спроси у леди Роаны. Она провела с принцессой довольно много времени.

Мужчины вновь воззрились на девушку. И она поведала им правду.

— Лудорика заколдована, — просто сказала она.

Маттинэ с сержантом выглядели обескураженно и взволнованно, а Имфри коротко кивнул, и морщины гнева на его лице немного разгладились.

— Видите? Королева нуждается в нашей помощи. Разве имеем мы право отказать ей в этом?!

— Сэр, но мы не сможем поднять армию. Если мы скроемся в Заповеднике и оттуда передадим послание, в котором расскажем всю правду, то нам удастся собрать людей. Да, на это я твердо надеюсь. Но чтобы поднять достаточно крупную армию, способную сразиться с войсками Реддика, — нет. А если Прорицатель Шамбри настолько могуществен, что сумел заколдовать королеву против ее воли, тогда, вероятно, он способен совершить точно такое же даже над нами, если найдет способ. Сэр... если бы вы только перешли границу... Лихштена или...

— И соседи предоставят мне убежище? Вспомни, королева приехала в Лихштен — и тотчас же встретила там с предательством. Неужели мы можем надеяться на лучшую долю? Нам нельзя позволить Реддику заставить нас убраться отсюда, иначе мы никогда не сможем вернуться.

— Что ж, тогда нам не нужно уходить отсюда сегодня, сэр. Лучше давайте поразмыслим, в каком убежище сохранимся сами, иначе Реддик сдерет кожу с наших несчастных спин, — с кривой усмешкой произнес сержант.

— Ты прав, — отозвался полковник. — Далеко ли отсюда до временного убежища, о котором рассказывал Хауз?

— Достаточно далеко, поэтому у нас впереди очень долгий путь. Как вы себя чувствуете сейчас? — спросил Маттинэ.

— Намного лучше, нежели раньше, благодаря леди Роане и тем чудесным снадобьям, которые она носит в своих странных кувшинах. А вы, миледи, пойдете вместе с нами?

Он давал ей шанс. Но когда он обращался к ней, она почувствовала, что все уже решила — причем давно. Ему страстно хотелось изменить участь Лудорики, и Роана не сомневалась в этом. Встречаться с превосходящими силами герцога открыто было бы неблагоразумно, да и просто глупо. Во всяком случае, пока всем управляют приборы из пещеры. Ведь они способны управлять всем... и вполне вероятно, что они управляют ими даже в эти минуты. Что касалось Службы, она не придет на помощь вовремя, даже если дядя Оффлас сумеет разобраться со

спасательным ботом и возвратиться на корабль-носитель, находящийся на орбите.

— Да, — просто ответила Роана.

Если она и ожидала от Имфри какого-либо одобрения, то не получила его. Роану нагнал Маттинэ и пошел с ней нога в ногу.

— И все-таки это очень далеко, миледи, — сказал он. — Но по крайней мере мы можем там найти надежный и удобный кров и не беспокоиться, что оставим следы. Это один из старых военных лагерей, оставшийся после Кароффского восстания. Враг никак не мог взять его штурмом, если бы не измена. Но теперь-то среди нас нет предателей, так что нам нечего бояться, не так ли?

В небе появилась полная луна, пробившаяся сквозь плотную завесу облаков, и тогда они смогли продолжить путешествие к точке своего назначения. Теперь Роана смогла увидеть, что их проводники — сержант и Маттинэ — вели их через лес по очень каменистой дороге. Преодолев довольно крутой подъем, они очутились на узкой плоской равнине. По обеим сторонам плато возвышались осыпающиеся от времени стены. И несмотря на то что не были скреплены известковым раствором, они оказались довольно прочными, чтобы послужить путникам вполне надежным убежищем. Роана очень обрадовалась, когда наконец они добрались до места. Тяжело дыша, она без сил опустилась в нишу, расположенную в углу, и долго сидела, вытянув уставшие от долгой ходьбы ноги. Она очень утомилась, хотя во время всего пути ее никто не подгонял, возможно, потому, что спутники берегли силы полковника. Однако Имфри уже успел восстановить силы и заново обрел выносливость благодаря медицинской помощи со стороны девушки. Казалось, что раненое плечо беспокоит его все меньше. Даже во время их последнего подъема он особо не шадил его.

Где они находились, Роана не знала; это какой-нибудь чужеземный лагерь, или они пришли в еще какое-нибудь тайное укрытие, где располагаются такие же приборы, как и в пещере? Но она надеялась, что Имфри вполне мог найти дорогу к последнему. Вопрос заключался в том, направится ли полковник туда, если узнает об опасности, обещанной ей дядей Оффласом. С другой стороны, она была абсолютно уверена в том, что освободить Лудорику от власти могущественных сил можно

только посредством разрушения или отключения таинственных приборов.

— Вот мы и пришли, сэр, — промолвил Вулдон, обводя рукою древние укрепления, вновь обращаясь к старшему по званию и замерев перед ним по стойке «смирно», словно он был на боевом посту и собирался делать официальный рапорт. — Здесь вы будете в целости и сохранности, — улыбнулся он. — Наши парни, уведшие людей герцога по ложному следу, должно быть, давным-давно закончили свое дело и наверняка теперь дожидаются меня у Спирального Меча. И уж точно, все мы вздохнем полной грудью, когда наконец воссоединимся. Итак, с вашего позволения я немного развеюсь, съездив за ними. А Маттинэ... ему придется добираться до перевала Ласточкин Хвост, чтобы приглядеть там свежих двурогов...

— Звучит недурно, — заметил Имфри. — Будто у тебя тьматьющая планов, Вулдон.

Тут Роана подумала, послышался ли ей намек на любопытство в голосе Имфри?

— Это большее, что мы можем сделать, сэр. Мы же не знаем, придумали ли вы сами что-то. И более значительное. Поэтому, если вам угодно изменить...

— Зачем? — перебил Вулдона полковник. — Убежден, что вы делаете все возможное в подобных обстоятельствах. Желая вам обоим удачи... и Воинского Счастья.

— Когда вернемся, мы свистнем нашим старым условным свистком, сэр. Выше по дороге есть превосходная ловушка, которую установили еще во времена вторжения нимпов. Стоит только отодвинуть запорный камень, и дорога тотчас же окажется перекрыта, а чтобы расчистить проход, понадобится целый день работы большого отряда людей. Воинского Счастья вам, сэр, и вам, миледи!

Он бодро отдал честь, ему вторил Маттинэ, и оба ушли и потерялись во тьме, не успела Роана моргнуть глазом. В этой крошечной темноте ей показалось, что она совершенно одна, и если бы не движения ее спутника, то так бы и осталась при своем мнении. Но тут его пальцы коснулись ее руки, опустились к ее запястью, покоившемуся у нее на колене, и сомкнулись на нем, но не больно, а нежно и тепло.

— Почему ты идешь с нами? — услышала девушка.

Застигнутая этим вопросом враспloch и к тому же уставшая от собственных мыслей, путающихся у нее в голове, она слишком устала, чтобы ходить вокруг да около и честно ответила:

— Из-за сна.

— Сна?

И, чувствуя дружескую теплую руку на своем запястье, она ощутила небывалую легкость. И от этого тихого вопроса во тьме она почувствовала такое облегчение от возможности кому-то рассказать, словно сбросила с плеч тяжеленную ношу, которую тащила несколько дней подряд. В эти минуты Роану совсем не волновало, поверит ли ей полковник или нет. Ей было достаточно облечь все в слова.

И она начала со сна, стараясь рассказывать его как можно яснее, не забывая о самой ничтожной подробности. Она рассказала о зале, о блюдах, стоящих на столе, о церемонном появлении Лудорики вслед за слугою, об ее придворной даме, о приходе Реддика...

— Я не слышала, о чем они говорили, но я все понимала по движениям их губ. Это было так... словно я смотрела испорченное трехмерное кино... — тут она вкратце пояснила Имфри, что это значит в их далеком мире. — Слово у этого изображения кто-то стер звук. Но это было словно наяву! — Она почувствовала, что начинает путаться в своих воспоминаниях. Ей отчаянно хотелось лишь одного: чтобы он понял, как ей удалось все это увидеть. — Я и прежде видела сны, а кто их не видит, верно? Но ни разу еще со мной во сне не случилось такое!

— Правдивое послание, — промолвил он тихо. Его слова донесли до нее из темноты. Теперь она почувствовала, что он крепче сжимает ее запястье, до тех пор пока ей не стало больно. И тогда она резко высвободила руку.

— Послание? — изумленно спросила она.

— Ты обладаешь даром предвидения...

— Нет, — возразила она. — Я проходила проверку, и при испытаниях выяснилось, что я не обладаю силой эспера. Это был сон.

— Сон, в котором ты видела малую залу в главной башне замка Уркермарк, королеву, одетую в царственный траур, ее подпись под моим смертным приговором. Когда ты в последний раз побывала в главной башне замка Уркермарк, леди Роана?

— Я там никогда не была.

— Время настало... — очень тихо, почти шепотом промолвил полковник Имфри. — Да, для нас настало время поговорить начистоту. Если сейчас ты солжешь мне, а этого не бывало еще ни разу... — он замолчал и пристально посмотрел на нее. — Мы должны знать правду! Ты понимаешь?

Он давал ей последний шанс. И она увидела в темноте, отчетливо, словно это было наяву, длинный ряд жужжащих приборов и их управляющих устройств — короны, венчающие их верхушки. И еще она увидела Лудорику, которую не узнавала, совершенно незнакомую Лудорику, которую боялась. Лудорика держала в руках Корону.

— Кто ты? — спросил полковник. — Или — что?

Роана глубоко вздохнула. И сначала ответила на его последний вопрос.

— Я... я — женщина, — сказала она. — Еще я — Роана Хьюм. Но я не с этой планеты...

И она бросилась в пучину воспоминаний, чего раньше ни за что не осмелилась бы сделать, и ее захлестнул глубокий поток правды, который не только мог унести прочь ее самое, но и то, чему выучилась за долгие годы космических странствий. И все ради того, чтобы он поверил ей.

Она рассказала ему о Службе, о том, зачем они прибыли на Клио, о своей случайной встрече с принцессой, о зловещих таинственных приборах и о том, что те означали для полковника и его народа. Когда она закончила рассказ, то чувствовала себя выжатой, как лимон, и совершенно опустошенной. И тем сильнее обрадовало ее теплое прикосновение его руки к запястью, которое связало ее с миром живых людей.

— В твой рассказ невозможно поверить, — начал он, и Роана, испугавшись, попыталась выдернуть руку — ведь больше всего она боялась, что Имфри ей не поверит. Но он тотчас же сдвинул ее руку еще крепче. — И все же, — продолжал он, — я знаю, что это правда. Ты отрицаешь, что обладаешь даром предвидения. Возможно, по меркам твоего народа так оно и есть. Но на моей планете — все мы частично обладаем этим даром. Помимо всего прочего, у нас есть странная традиция. Это тайна, и она надежно охранялась в течение многих поколений.

Имфри замолчал на какое-то время, затем продолжил:

— Об этом я не стал бы разговаривать с кем попало, будь он даже моим ближайшим родственником, если ему неизвестно о

тайне по праву рождения. Но поскольку то, что ты поведала мне, очень близко к ней, то буду говорить с тобой об этом. Хранители... мы поклоняемся им по традиции, как поклонялись всем сверхъестественным существам. Однако в моем Доме бытовал рассказ, что основатель нашего рода непосредственно приходился Хранителям слугою... и что они не были бессмертными, как считали все, а состояли из плоти и крови. А он с самого начала выполнял для них определенную задачу, связанную с управлением жизнью в королевстве Ревения.

Когда люди узнали о распоряжении Хранителей и стали рассказывать друг другу о жизни, установленной здесь, мой предок хранил смутные воспоминания о другом времени и месте. Он сохранил их для себя, рассказав о них только своему сыну, тот, в свою очередь, рассказал своему, и так все передавалось в моем роду из поколения в поколение. Мы знали и о других вещах. Потому нас и называли предсказателями. Вот почему я был уверен, что королева стала совершенно не такой, как раньше, когда она нашла Корону и приговорила меня к смерти.

Ясно, что Лудорикой управляет не магический шар, а что она, герцог и все мы являемся частями некоей игры, которая управляется при помощи какого-то чудовищного плана, придуманного давно умершими людьми, которые не имели никакого права втягивать в нее наших предков. Но ты боишься, что, разрушив эти приборы, можешь уничтожить вместе с ними и нас.

— Этого опасался мой дядя, — пояснила Роана. — Ему хотелось доставить сюда специалистов из Службы. Они как следует изучили бы приборы, проверили бы их и... — она махнула рукой. — Если эти специалисты вообще сюда когда-нибудь придут...

— Если они вообще когда-нибудь сюда придут... — медленно повторил полковник, и в голосе его прозвучала горечь. — Тогда они проверят, а не разрушила ли ты их образец, чтобы обречь нас на вечную жизнь под управлением дребезжащих кусков металла! Специалисты... Неужели ты и вправду могла бы поверить им? Какое же они имеют право разрешать подобное рабство?! Или они сами рабы каких-то иных моделей поведения и тому подобного? И так происходит повсюду. Ты можешь мотаться со звезды на звезду и нигде не обнаружить истинную, не ограниченную свободу!

Этими словами он словно вторил ее собственным мыслям.

— К тому же людям из Службы, если они придут, понадобится очень много времени, возможно — годы, чтобы изучить эти приборы. Разве не так?

— Да.

— И все это время мы будем жить под тайным управлением. Лудорика, прелестная девушка, станет истинным дьяволом. Реддик, который думает только о войне, обязательно развяжет ее, и в Ревении разразится хаос, а если Лудорика вдруг очнется и попытается помешать ему, он просто убьет ее. Ведь с ее смертью Корона перейдет к нему, вместе с ее властью. Я... я обязательно должен сделать все возможное, чтобы помешать этому. Но если эти приборы возжелают обратного, то они уничтожат меня до того, как я успею сделать первый шаг!

— Их надо разрушить.

— Есть история об Аротнере, который лишился своей Короны...

— Принцесса мне об этом рассказывала, — призналась Роана.

— Значит, тебе известно, что произошло там. Чтобы пойти на такой риск... ради Ревении... ради всей планеты!

Роана задумалась. Спустя некоторое время она тихо сказала:

— Не обязательно, что все будет так же, как с Аротнером. Утрата Короны изменяет воздействие... Но если приборы замолчат...

— Но риск! Он очень велик!

— Вам выбирать, — промолвила девушка. Она и без того сделала все что смогла. Если сейчас он скажет, что Клио должна оставаться в рабстве, то так тому и быть.

Она пошевелила запястьем, и на этот раз он отпустил ее руку. Когда он это сделал, она ощутила себя настолько одинокой, словно полковник неожиданно встал и покинул ее навсегда. Обратной дороги не было. Она была заперта в тюрьме, которую камень за камнем выстроила сама для себя. И все-таки она ничуть не сожалела о том, что ей довелось пережить.

Роана села, прижалась спиной к шероховатой стене, подняла колени и, сложив руки, уронила на них голову, как на подушку. Эта пустота, которая раньше так радовала ее, теперь превратилась в туманные волны невероятной усталости. В эти мгновения ее не волновало ни утро, ни свет, равно как и необходимость снова и снова нести свою тяжкую ношу жизни.

Но несмотря на страшную усталость, сон не приходил. Вместо этого мысли лихорадочно метались в ее голове. Так страдающий бессонницей человек беспокойно вертится на своей постели во время бессонной ночи. Она бродила по другим планетам, воссоздавая в памяти крошечные обрывки прошлого и недавнего настоящего. Роане казалось, что она всегда была частью устоявшегося образца, навязанного ей дядей Оффласом, частью той жизни, которую он привнес в нее с самого ее рождения. Неужели Нелис сказал правду, что, перелетая со звезды на звезду, человек нигде и никогда не обретет свободу? И все-таки правила Службы категорически запрещали вмешиваться в судьбы других планет, даже с самыми добрыми намерениями.

Образец за образцом, цепи и оковы, и никакой свободы! Роана пошевелилась и снова почувствовала, как чья-то рука протянулась к ней из темноты, нежно провела по ее плечам, и от этого ей стало тепло, ибо она чувствовала рядом надежную опору другого тела, человеческого, живого, теплого и нежного... и главное — больше не уходящего в вечную тьму.

— Что с тобой, Роана? Почему ты плачешь? — она ощутила его теплое дыхание на своей щеке. И осознала, что лицо ее повлажнело от слез, которые ей не приходилось вытирать с тех пор, когда была совсем крохотным и брошенным на произвол судьбы ребенком.

— Мне показалось, что ты ушел, — прошептала она. — Что я осталась совсем одна...

— Но ты же не одна! — воскликнул он с чувством. — Это все потому, что ты прилетела с далеких звезд, а здесь так и не нашла родственную душу. Верно? Ты могла бы вернуться к своему народу? Обещаю, что я отвезу тебя к ним...

— Теперь я им больше не нужна.

— Только не думай, что все остальные тоже считают так. — Она почувствовала, как он обнял ее за плечи, и ей стало тепло и уютно. — А я подумал... почему все случилось именно так? То есть... Почему ты решила, что видела королеву и Реддика во сне? Ты же не умеешь, как Прорицатель, проникать в будущее. Ты не способна предсказать грядущую опасность или появление чего-нибудь, необходимого для твоей жизни. И все-таки что-то привело тебя в Хизерхау, чтобы помочь мне бежать. Такие видения весьма необычны. Откуда же тогда они явились к тебе?

По-видимому, он деликатно старался заставить ее думать о чем-нибудь другом. И все равно в ее сне было много странного.

— Не знаю, — ответила Роана. — Но мне доподлинно известно, что я — не эспер. Мои люди разбираются в таких вещах, и меня специально проверяли. Для них было очень важно разобраться, не обладаю ли я этим даром.

— И все же ты говорила, что совершила здесь такое, что полностью противоречило твоим желаниям, ибо знала, что нарушала закон. А я ни за что не поверю, что ты относишься к тем людям, кто запросто преступает законы и с пренебрежением относится к вышестоящим. Разве не так?

— Не знаю почему, но когда я впервые увидела принцессу на той башне, то решила, что должна помочь ей. Дядя Оффлас объяснил, что вы все подвергнуты психологической обработке. Наверное, когда я вышла за пределы защитного поля лагеря, то тоже поддалась этому воздействию.

— Но ты же видела эти приборы! А принцесса — нет. Поэтому, если тебя психологически обработали, то не полностью.

— Теперь-то какая для меня разница? Я нарушила правила Службы... Возможно, я стала причиной всех этих беспорядков. Ведь принцесса могла не знать о Короне и не отправиться в пещеру. А если бы она не отыскала Корону...

— Роана, Роана, не взваливай на себя ответственность за целое государство!

Пальцы полковника нежно провели по ее щекам, словно изучая их, хотя ей по-прежнему казалось, что эта рука все еще является барьером между нею и черным одиночеством.

— Ты опять плачешь! Говорю же, это сделала не ты! Роана, ты принесла с собой добро, а не зло! Ведь не вырви ты тогда принцессу из лап проклятого Реддика, то обрекла бы ее на мучительную смерть! Не окажись ты теперь в Хизерхау... я бы, наверное, тоже умер, причем умирал бы очень долго.

— Но ведь к вам на помощь пришли сержант, Маттинэ, остальные...

— И они бы пожертвовали своими жизнями, при этом не сумев мне помочь. Без твоей помощи... А, что тут говорить?! К тому же мы никогда бы так и не узнали об этих приборах. Потому как именно ты привела принцессу в убежище. А случись иначе, ты бы обнаружила их?

— Возможно.

— А может быть, и нет. Без знания, полученного от нас, смогла бы ты узнать об их предназначении? Нет — потому что все заключалось в том, чтобы ты узнала все о нас и обо всем, что мы сделали на этой планете, в то время как мы не смогли бы их увидеть вообще.

— Я бы все равно ничего не поняла.

— Знаешь, Роана, по-моему, я понял причину, заставившую тебя прийти на помощь принцессе и позже продолжать помогать ей. Ты сказала, что те, кого мы знаем под именем Хранителей, давным-давно умерли. Думаю, за пределами этой планеты их бы считали дьяволами. Они использовали людей в качестве инструментов, но не довели свое дело до конца. Теперь твои люди боятся уничтожить совершенное ими. Однако... почему ты рассказала эту историю одному-единственному человеку, который верит этому, и то потому, что его самый далекий предок избежал полнейшей утраты памяти?

— Случайность... судьба... все, что угодно... Не знаю.

— И я не знаю. Если не считать того, что ты заставила меня задуматься об этом. Роана, ты сможешь снова отыскать ту пещеру?

Роана еле заметно улыбнулась.

— Конечно. Ты хочешь освободить Корону?

— Я не знаю. Пожалуй, не смогу ответить до тех пор, пока не окажусь там и не узнаю, что означает это... гм... рабство. Однако я знаю, что если это делать, то сейчас. И еще я знаю, что должен это сделать. Ты сможешь отвести меня туда?

— Если мы рискнем вернуться. Пещера совсем рядом с Хи-зерхау.

— Ты сомневаешься, что мы вернемся туда? Значит, ты не рискнешь отправиться туда прямо сейчас?

— Сюда должен был прибыть спасательный бот. А если он не прибыл, то они — дядя Оффлас с Сандаром — попытаются не подпустить нас к приборам, а у них, между прочим, оружие.

— Это не то ли, что ты испробовала на мне? Да, тогда я почувствовал всю мощь твоего удивительного оружия! Но мы тоже не лыком шиты. У нас должен быть шанс! По-моему, мы только зря тратим время.

— Ты хочешь, чтобы мы отправились туда сейчас? Прежде чем возвратятся сержант с Маттинэ?

— Думаю, нам придется по возможности уменьшить нашу компанию. Однако давай дождемся рассвета, прежде чем двинемся в путь. Поспи, если сможешь, Роана.

Он так и не убрал рук с ее плеч, и голова Роаны устало соскользнула на его могучую грудь. И тогда она действительно почувствовала, что погружается в глубокий сон.

Глава 16

Роану разбудил очень громкий и настойчивый звук, резко нарушивший тишину. Отблеск рассвета падал рядом с крохотным уголком, служившим ей убежищем. Рука Имфри по-прежнему лежала на ее запястье. Так они и провели ночь, прижавшись друг к другу. Встревоженная этим неожиданным звуком, девушка повернула голову и увидела, что полковник все еще спит или просто полусидит с закрытыми глазами.

Она заметила на его волевой челюсти темную короткую бородку, и все же спящим он показался ей намного моложе, беззащитнее, ибо суровое выражение лица исчезло на это время. Только возле носа и губ остались две глубокие складки, вызванные либо оставшейся болью, либо от тяжести принятого им решения, но и они едва вырисовывались на его лице. Разглядывая спящего товарища, Роана думала о той части своего сна, о которой она не решилась ему рассказать, — о странном лице, виденном ею перед тем, как ее разбудил Сандар.

Она не рассказала об этом Имфри, потому что это не имело отношения ни к Лудорике, ни к Реддику. Однако именно это видение подтолкнуло ее к дальнейшим действиям.

Прав ли Нелис в своем предположении о том, что некая неведомая сила заставляла ее играть свою роль в этой странной игре с того момента, как она приземлилась на Клио? Дядя Оффлас назвал бы это суеверием, широко распространенным на всех отсталых планетах. И прибавил бы при этом, что суеверие — вообще весьма характерная черта для людей, населяющих эти планеты, что было многократно запечатлено на его пленках, специально отобранных дядей для антропологических исследований.

На очень многих отдаленных планетах бытовала строгая вера в силы, намного более могущественные, нежели человеческие;

и аборигены верили в приметы и предсказания, а вот почему — это оставалось за пределами человеческого понимания. Роана наблюдала за верующими в храмах, когда несколько раз присутствовала на их необычных церемониях, целью которых, как ей казалось, было установление на планете мира и безопасности. Эти люди верили во множество богов, богинь, безымянных духов и неведомые силы, и все это было маленькой частью чего-то намного большего и великого, которому местные жители слепо поклонялись и к чему стремились без оглядки. Они просто должны были верить во что-то, иначе были бы побеждены и морально, и физически...

И все ее знания вертелись вокруг мысли о том, что теперь ею двигает именно какая-то подобная неведомая сила! Однако если она способна прийти к такой мысли... Роана невольно завидовала тем, кто взирает на Хранителей как на существ, к которым они всегда могут взывать, когда им бывает скверно на душе или во время какой-нибудь беды.

Если они уничтожат приборы, не разрушат ли таким образом дух, которым жила Клио? То есть — душу этой крошечной планеты? И что потом сможет заполнить образовавшуюся пустоту?

Роана покачала головой — все это фантазии! В прошлом она тоже часто мысленно приказывала себе сдерживаться от подобной игры воображения. И если она когда-нибудь поддастся подобным безответственным домыслам, то не успеет и глазом моргнуть, как Служба внесет ее в длинный список кандидатов на ментальное переобучение. А это значит, что ее мозг как следует прочистят и заполнят соответствующими знаниями. Девушка прекрасно понимала, что это значит.

Ее даже передернуло от этой мысли, и чтобы отвлечься, она уставилась на полуразрушенные стены некогда могучей крепости. Затем запрокинула голову и увидела, что небо слегка окрасилось в красновато-золотой цвет. Это вставало солнце.

— Нелис... — тихо проговорив его имя, она высвободилась из рук, которыми он сжимал ее всю ночь, и хотя его пальцы машинально напряглись, ей удалось разжать их. Тут он открыл глаза и сразу же зажмурился от яркого солнечного луча.

— Уже рассвело, — сказала Роана, считая, что он все еще бродит по лабиринту своих снов.

— Да, рассвет, — повторил полковник, словно это слово что-то для него значило. И снова на его лице появились складки. Его

явно тревожило их положение, и теперь он обдумывал то, как они будут возвращаться. С громким бодрым вздохом он встал и потянулся.

— Э-эх! Твои снадобья превосходны! — громко промолвил Имфри, размахивая руками взад и вперед, словно делая незамысловатую зарядку. Затем аккуратно снял со своей раны пластырь. Потом надел мундир, оставленный сержантом. — У тебя осталось хоть немного этой странной пищи?

— Осталось, и достаточно. — Она опустилась на колени и открыла сумку. Первым делом девушке попались очки ночного видения. И она с горечью подумала о том, как могла забыть о них?! С их помощью они с полковником могли бы выйти к замку уже ночью. Затем увидела археологический прибор... Теперь в нем остался только один заряд.

— Ого! — воскликнул Имфри. — Еще одно необычное оружие?

— Не совсем. Но при помощи него удалось вытащить тебя из клетки. Его можно использовать как резак или землекопалку. Оно разрушает камни, плавит металлы. Но у меня не хватает для него энергии. В нем остался только один заряд, но предназначенный только для излучателя. Но это — неплохое оружие. — Она поставила его на предохранитель и отложила инструмент в сторону. Полковник взял его в руки и начал внимательно рассматривать.

— Это не та штука, из которой ты выпалила в меня в лесу?

— Нет. Это совсем другое.

— Значит, это — не самое лучшее оружие?

— Оно просто оглушает. А есть другие, более мощные виды оружия, но нам категорически запрещается брать их с собой на закрытые планеты. Например, есть бластер, который убивает огнем, и другие не менее смертоносные средства. Но их применяют только в самом крайнем случае.

В одной руке полковник держал огнестрельное оружие, называемое им «мушкет», а инструмент — в другой. Он сравнивал их.

— Твой народ умеет так обрабатывать металл, как мы совсем не умеем, — проговорил он. — Мы еще ездим на двурогах, а вы летаете к звездам. На что это похоже — перелетать с планеты на планету, миледи?

— Ну-у, это напоминает постоянно меняющееся зрелище. Иногда это бывает красиво и хорошо, а порой... — она вспомни-

ла кое-что и почувствовала, как по коже пробежали мурашки. — А порой это бывает очень плохо.

— Как здесь?

— Нет, это совсем не так! Здесь... — Но она не стала договаривать. Роана отыскала тюбики с рационом, отвинтила крышечку с первого и протянула его Имфри, другой же взяла сама. И они поели, ибо им требовались силы. Теплая полужидкая масса не имела вкуса и, как обычно, не вызывала сильного аппетита.

Она быстро покончила с едой, свернула тюбик в крошечный шарик и глубоко засунула его в трещину между камнями. Затем закрыла сумку. На небе ярко горело солнце. Интересно, изменил ли Имфри свое ночное решение или все еще хочет идти в пещеру к приборам? Она подняла на него глаза; полковник стоял вполборота к ней, пристально вглядываясь в далекие вершины, покрытые светло-голубыми облачками.

— Мы пойдем на запад, — произнес он и показал туда пальцем. — Там находятся Молния и Борода Лханга...

Таким способом он отмечал вехи их пути. Но как только они двинутся под надежным укрытием леса, как смогут отыскать их остальные? И как они сами найдут дорогу без проводника? Она спросила Имфри об этом.

Имфри широко улыбнулся.

— Мы не такие уж беспомощные, как это вам кажется, миледи. — С этими словами он потуже затянул пряжку на широком ремне и показал ей на маленький циферблат, встроенный в пряжку. — Эта штука очень действенна и всегда укажет нам правильный путь. Не хуже, чем ваша чужеземная амуниция, — с гордостью прибавил он. — А теперь... — он внимательно изучил клочок земли, опустился на колени и при помощи небольших осколков камней начал рисовать круг, центр которого оставил пустым. Он только разгладил ладонью землю, окаймленную каменным кругом. Кончиком указательного пальца Имфри прочертил несколько линий и черточек, причем прочертил их как можно глубже.

— Это я сделал для Вулдона и остальных, — пояснил он. — Этот знак укажет им направление, по которому мы уйдем, а также они узнают о месте встрече, которая должна состояться позднее.

Когда они двинулись по нижней дороге, солнце сильно нагревало землю и их головы. Роана, осмотревшись вокруг, по-

спешно отвела глаза от чего-то и вновь стала смотреть только на дорогу. А то, что она только что увидела, уходило вверх, в темноту. Она решила больше не отвлекаться и, главное, не смотреть вниз, иначе просто не сумеет преодолеть предстоящий подъем. Дорога сделала зигзаг и привела их к самому низу. Имфри свернулся со своим диском в ремне и бодро двинулся вперед.

Конечно же, в этом месте не было прямой дороги. Они плутали, возвращались туда же, откуда недавно пришли, теряли попусту время. Но в любом случае они продвигались вперед, хотя и очень медленно. Несколько раз они замечали каких-то птиц и животных, но так и не увидели ни одного человека.

В полном молчании они прошли большую часть пути, и Имфри двигался так энергично, что девушке стало ясно: рана больше не беспокоит его. Роана старалась не думать о том, что ожидало их впереди. Хотя она чувствовала ни с чем не сравнимую остроту ощущения, что этот день словно лежит между прошлым и будущим. Она ни разу не пожаловалась полковнику, что тот идет слишком быстро, хотя время от времени он останавливался и задумывался, будто мысленно прикидывал, сколько им еще осталось идти. Тогда он заговаривал с ней, но не говорил ничего о том, что они сделали, делают или должны были сделать. Почему-то Роане показалось, что все его рассуждения больше сводятся к тому, что их ожидают очень опасные испытания. И надо быть готовым к любой беде. Однако она рассматривала его речи как вполне обоснованное предупреждение.

Затем он стал рассказывать ей все, что знал о Ревении и о Клио. А Роана слушала его, словно в эти мгновения она находилась на Рынке Тота, где, как всем известно, собирались самые искусные рассказчики историй. Он часто вспоминал о своем огромном поместье и замке Имфри-Мэнхолм, которые находились в горной местности, там, где выращивали длинношерстных корбов, где небольшие горные террасы широкими ступенями спускались к голубым озерам, а склоны гор были покрыты виноградниками с душистыми огромными ягодами, из которых холодными зимами делалось прекрасное вино.

— Хозяин замка — мой брат, младший сын нашего отца. Несмотря на то что, когда он был маленьким, замком от его имени управляла матушка... Она была второй женой моего отца. В прошлом году брат клятвенно присягнул служить верой и правдой властителю Уркермарка. Он — неплохой малый, прав-

да! И он уже обручился с дочерью Хормфорда Стэда, живущего от него через долину.

Имфри начал рыть каблуком сапога мягкую землю, пока они сидели бок о бок на стволе поваленного дерева, покрытого толстым слоем мха.

— Разве наследник всего — младший сын? На большинстве планет наследником отцовского состояния всегда становится старший, — заметила Роана.

— У нас считается разумнее, когда наследником становится младший сын. Старшие сыновья обычно вырастают крепкими, прочно устраиваются в жизни без посторонней помощи и живут так, пока не наступит их смертный час. Но младшие сыновья почему-то не способны пробить себе дорогу и выйти в люди на этой планете. Посему для них единственный способ выжить — это пользоваться тем, что уже им предоставлено. Из-за матери меня воспитывали на королевском дворе. Да, из-за матери... — Он надолго замолчал, глядя на неглубокую ямку, которую выкопал каблуком. — У отца имелись веские причины поверить в то, что ко мне благосклонно относятся при дворе. Моя сестра вышла очень рано замуж за сына лучшего друга-стража отца — Маршала Ерека. А что вы можете рассказать о себе, миледи?

— Очень мало. Я — сирота и росла в приюте Службы, где и разыскал меня дядя Оффлас. Меня очень долго готовили для работы с памятью и обучали определенным вещам, поэтому дядя знал, что я могу работать в качестве рядового члена команды. Это и произошло.

— И, возможно, дядя хотел выдать вас замуж за своего сына?

— За Сандара? — когда она произнесла его имя, то на какой-то миг словно воочию увидела перед собой кузена. Может быть, когда-то, будучи совсем юной и неопытной, она и лелеяла эту несбыточную мечту. Но после того как ей довелось некоторое время проработать вместе с Сандаром, который надменно считал ее своего рода тупой служанкой, — ни за что! Роана почувствовала, что воспоминания о кузене неприятно взволновали ее.

— Только не Сандар! — сказала она решительно.

— А кто-нибудь еще... Наверняка вы встречались с кем-то в своих путешествиях по планетам... Ведь так? — настойчиво вопрошал полковник.

— Когда работаешь на Службу, просто нет времени на такие вещи. Во всяком случае, дядя Оффлас уже давным-давно распи-

сал мою жизнь по минутам для своих целей... Он даже не считает меня женщиной. Для него я — еще одна пара рук, и часто, по его мнению, никуда не годных. Он взял меня с собой, потому что я его родственница, а Служба разрешила ему использовать меня в работе на закрытых планетах, где посторонний человек может вызвать неприятности. Начнет возражать, например... — Внезапно Роана расхохоталась. — Но на этот раз дяде явно не повезло — я совершила именно то, чего он больше всего боялся от постороннего. И знаете, Нелис... я думаю... я надеюсь... В общем, меня это больше совершенно не волнует!

И это было правдой! За прошедшую ночь, после того как она рассказала полковнику свою историю, тяжелый груз, давивший на ее хрупкие плечи, окончательно исчез. Что касалось дяди Оффласа, нет, она никогда не будет его марионеткой. Пусть он сколько угодно очерняет ее перед Службой! Теперь у Роаны была целая планета, простирающаяся перед ней. Они не затравят ее, просто не осмелятся этого сделать.

— Какими странными методами пользуются ваши люди, — заметил Имфри. В его словах Роане даже показались впросительные нотки, однако полковник не стал дальше обсуждать услышанное, а просто поднялся, давая ей понять, что им снова пора в путь.

Эта удивительная беззаботность, с которой она пустилась в это путешествие, а также ощущение полной свободы от прошлого и будущего сразу же исчезли, как только девушка сделала первый шаг. В какой-то момент она решила, что совсем не боится дяди Оффласа. Вероятно, она боялась его, если ранее старалась держаться подальше от того места, где он сможет ее обнаружить. Тем не менее теперь она направлялась прямо туда. Почему?

— Пожалуйста... — она миновала кустарник и догнала Имфри. — Нам надо быть предельно осторожными. Вы даже представить себе не сможете, на что они способны. Если спасательный бот уже прибыл, то, возможно...

— Но вы же сказали, что приборы, управляющие Короной, контролирующие здесь всё... что мы должны уничтожить их. Есть что-то, что вы от меня утаили?

— Да. Но я забыла... — К ее удивлению, с презрением к самой себе Роана вновь ощутила выступившие на глазах слезы. Что же с ней случилось? Она никогда еще в жизни не плакала. Зна-

чит, она перестала быть собой. В полном отчаянии она пыталась взять себя в руки. — Да. Простите меня... но это единственное, что я утаила. И не помню — что... — Роана немного отстала от Имфри, стараясь справиться с охватившими ее волнующими чувствами. — Я только прошу осторожности. У них есть приборы, способные обнаружить нас на расстоянии.

Он пожал плечами.

— Значит, мы должны сделать все от нас возможное и надеяться, что счастье и удача не оставят нас. Мы... — он снова сверился со своим древним подобием компаса. — Мы совсем неподалеку от пещеры. И нам надо подойти к ней с той стороны, где люди Реддика проломали стену.

Теперь Роана наблюдала за человеком, великолепно знающим лес. И восхищалась его действиями. Имфри действовал как заправский лесник. Ей показалось, что полковник слился с кустами и стал совершенно невидим, в то время как она, попытавшись последовать его примеру, с трудом пробиралась сквозь заросли, спотыкаясь и хватаясь за ветки. В общем, выглядела она весьма неуклюже. Однако мысленно она аплодировала тому, как он приблизился к месту назначения. Как будто рядом с пещерой не было ни детекторов, ни искажателей...

Они увидели неровный холм из влажной земли, пропитанной дождями, расположенный сбоку от дыры, проделанной людьми герцога. Имфри заговорил с девушкой так тихо, что она едва ли не читала слова по его губам.

— Там установлен какой-нибудь прибор для тревоги?

— Точно не знаю. Мне было известно только про один. А излучатель я спалила.

Его тело напряглось, как у бегуна, приготовившегося к кроссу.

— Тогда входим, и как можно скорее! — и он молниеносно запрыгнул в отверстие в стене и тотчас же исчез между холмиков земли и камней. Роана стремительно последовала за полковником и спустя несколько секунд остановилась в том месте, где видела Лудорику, держащую в руках Корону.

— Подожди! — она схватила Имфри за руку и приложила палец к губам, предупреждая его об опасности. Она уже имела дело с искажателем и поэтому знала, что почувствует его присутствие. Если Имфри обладал несравненно лучшим опытом ориентировки в лесу, то здесь все зависело от опыта Роаны.

Она скользнула в неровный проход, слыша, как полковник идет за ней по пятам. Пока она не замечала никаких следов защитных устройств, которых так боялась. Но всякий раз, когда она останавливалась, чтобы как следует прислушаться, до нее доносились еле уловимые звуки работающих приборов.

Они прошли ровную часть коридора. И Роана увидела слабый свет, просачивающийся из зала, где располагались приборы. Девушка коснулась руки своего спутника и приложила губы прямо к его уху.

— Что ты видишь? Вон там — прямо? — она указала на слабое свечение.

— Ничего.

— А что-нибудь слышишь? — настойчиво вопрошала она.

— Ничего. Наверное, я не могу ничего услышать. Ты же говорила, что с принцессой было то же самое.

Если это правда, неужели они потерпят фиаско, даже не успев приступить к своей миссии? Сможет ли он принять на веру то, что она сумеет ему описать? И она взяла полковника за руку.

— Пошли!

И они двинулись вперед, рука в руке, словно маленькие дети, играющие в какую-то свою игру; они медленно пробирались вперед, осторожно, шаг за шагом, приближаясь к панели.

Сандар? Дядя Оффлас? Если они все еще в зале... Роана никак не могла проверить это. Но раз уж их с Имфри не остановили у входа, внутри залы имелись какие-то места, где можно спрятаться. Даже сами «коронованные» колонны были достаточно высокими, чтобы обеспечить временное укрытие.

Возле самой панели Роана отпустила его руку и перешагнула порог. Сперва услышала убаюкивающее бормотание звуков, а лампы, освещающие залу, показались ей слишком яркими, когда она вошла внутрь из темноты. Но она не заметила вокруг ни души.

— О! — воскликнул полковник.

Девушка не могла разглядеть выражение его лица, но, снова схватив его за руку, она почувствовала боль. Так сильно он сжал ее ладонь.

— Ты... ты... прошла... через стену! — ошарашенно глядя на нее, пробормотал Имфри.

— Через проход, — поправила она. — Закрой глаза и не пытайся смотреть. И... идем.

Внезапно Роана испытала сильнейшее воодушевление. Возможно, психологическая обработка действовала только возле панели, а стоит полковнику очутиться внутри, как он сможет все увидеть.

Она повела его за собой, и он послушно двигался вперед.

— Подними ноги, здесь порог...

Он медленно шел с закрытыми глазами, вытянув руку вперед, словно, коснувшись стены, его ощущения смешались, как она говорила. Потом она взяла его за пальцы и потянула к себе.

— Смотри!

Имфри открыл глаза. По его лицу молнией пробежала судорога.

— Темнота! Слепящая темнота! — воскликнул он.

— Тише! — проширела Роана. Она пыталась определить какую-нибудь дополнительную вибрацию среди колонн. Но, похоже, удача вновь улыбнулась им. Зал казался совершенно пустым.

— Кромешная тьма, хоть глаза выколи! — проговорил полковник. Он снова пребывал под сильнейшим контролем. — Я ничего не вижу.

— Закрой глаза снова, — сказала девушка. Если бы прикосновение смогло убедить его больше, нежели зрелище...

Роана подвела его к первой из колонн.

— Здесь стоит колонна, — проговорила она, а затем как можно проще описала ее. — На ней прямо перед тобой находится широкая пластинка. Она прикреплена к ее поверхности. Столб колонны опоясывают ряды лампочек, которые постоянно то зажигаются, то потухают, все время меняя цвет. На самом верху колонны находится маленькая корона величиною примерно с твой кулак. Она изготовлена в форме... нет, я такое описать не смогу... в общем, она ярко-ярко-красная и горит как настоящий огонь.

— Так это же Огненная Корона Лихштена! — воскликнул он изумленно.

— А теперь — протяни мне обе руки. — Ей пришлось очень близко подойти к колонне и сделать так, чтобы его пальцы коснулись поверхности пластинки и лампочек, установленных на ней. Затем она осторожно стала двигать его руку вдоль и поперек пластинки.

— Чувствуешь? — взволнованно спросила она. От его ответа зависело очень многое.

— Да! Зачем здесь эти лампочки? И Корона? Почему я не чувствую ее?

— Она слишком высоко, чтобы до нее дотянуться, — ответила девушка.

— А где Корона Ревении? — с чувством спросил полковник.

— Здесь... — Роана повела его вперед, остановила напротив соответствующей колонны и описала ее во всех подробностях.

— Расскажи мне об остальных! — потребовал он.

Роана начала рассказывать, водя его от одной колонны к другой, хотя он мог только прикоснуться к ним по очереди, чтобы убедиться в том, что они существуют на самом деле. Наконец она подвела его к потухшей, мертвой колонне, и поскольку лампочки на ней не горели, Роана направила на нее излучатель.

Она увидела наверху диадему из волнистых ракушек, уже успевших окраситься в неприятный зеленоватый цвет, что говорило о долгом разложении.

— Это и вправду корона Аротнера, — проговорил он печально. — Ты показала мне колонны всех известных мне государств... Это точно — все?

— Да.

— И это, по-твоему, способно управлять нашими мыслями, возвышать целые королевства, а другие тем временем низвергать в пучину хаоса и уничтожать их?

— Да, мы так считаем, — ответила Роана. И снова она ощутила — правда, на очень короткий отрезок времени, — что опять связана со Службой. — Несмотря на то что записи Иерархии психократов давным-давно уничтожены во время атаки их командного центра, кое-какие обрывки информации все же удалось свести воедино. У нас самих очень много компьютеров, которые по своему основному строению похожи на эти приборы. К примеру, могут создать связь между колонной и Короной.

— Что очень многое объясняет, — тихо произнес полковник, будто обращаясь к самому себе. — Из прошлого к нам дошло много всяких головоломок... Вот почему некоторые короли изменялись, и в не самую лучшую сторону. Роана, — Имфри повернулся к ней и, открыв глаза, выискивал ее взглядом, хотя она стояла прямо напротив него. — Ты оказалась совершенно права. Это зло, самое черное зло! И лучше столкнуться с хаосом, нежели пребывать в подобном рабстве! Я видел собственными глазами, что эти проклятые штуки сотворили с королевой. Стоило ей

надеть Корону, она стала совершенно другой. Чем-то еще... Она перестала быть человеком... а стала вещью, причем такой, какой ее хотели сделать! Надо положить этому конец!

Полковник говорил очень громко и этим обеспокоил настроженную Роану. Искажатель! Где-то внутри спрятан искажатель, который, реагируя на все посторонние звуки, тотчас же пошлет сигнал на дядин приемник.

— Скорее! — Роана кинулась к Имфри и силой оторвала его от колонны, стоящей дальше всего от двери. Ощущение воздействия искажателя становилось сильнее.

— Здесь что-то... — начал полковник. — Я чувствую, что мне надо уходить.

— Знаю. Это искажатель, такое защитное устройство. Если они установили его здесь... — Возможно, она смогла бы пробиться через волны, путающие мысли и внедряющиеся прямо в разум человека, как сделала это раньше. Однако девушка очень сомневалась, что это удастся полковнику.

Движение у панели — Сандар! Гибкий и стройный, он проворно прошел внутрь и мгновенно скрылся в темноте за рядом колонн. Значит, он все-таки уже знал об их присутствии. Роана ничуть не сомневалась, что он вооружен шокером. Ему достаточно было лишь выстрелить в них в любое время, чтобы сделать их совершенно беспомощными. Но пока он опасался неосмотрительно использовать свое оружие, ибо луч из шокера мог попасть в какую-нибудь из колонн.

Роана крепко сжала руку Имфри, предупреждая его об опасности, и почувствовала, как полковник напрягся. Если бы он хоть что-нибудь мог видеть, как она, то они могли бы скрыться за рядом колонн, противоположным тому, за которым прятался ее кузен. Но если возле двери находится искажатель, то даже малейшее приближение к нему закончится для них весьма плачевно. В эти роковые мгновения Роана не думала ни о чем, кроме надежного укрытия.

У Имфри был его мушкет, у нее — археологический прибор, но ни первое, ни второе не сможет защитить их от шокера. Сможет ли ее прибор вывести из строя искажатель, чтобы освободить им путь к отходу, точно так же, как он покончил с отражателем? Вполне вероятно, но Роана не смогла бы провести Имфри через эту «игру в прятки». А оставить его здесь было равносильно тому, чтобы отдать, совершенно беспомощного, в лапы Сандара.

Хотя она слышала только монотонный рокот приборов, но не сомневалась, что ее кузен передвигается. И это чувство только усилилось, когда до нее донесся предательский звук, от которого она вздрогнула. Ибо голос Сандара застал ее врасплох.

— Роана, я знаю, что ты здесь, — произнес он на галактическом бейсике, и этот громкий голос эхом разносился по огромной зале, так что она даже не смогла определить, откуда он исходит.

— Спасательный бот уже направляется сюда, — продолжал Сандар. — И когда он приземлится, ты знаешь, что ожидает тебя. Стазис. Если ты сдашься по доброй воле, то сможешь избежать этого. Чем больше будет доказательств твоего ненормального поведения, тем хуже для тебя. Прибыв, инспекторы поступят с тобой соответственно твоему проступку. Роана, сдавайся!

Сандар явно пытался запугать ее, и девушке пришлось признать, что отчасти он добился успеха. Если спасательный отряд уже предупрежден насчет нее, никаких сомнений они испытывать не будут и разберутся с ней самым быстрым из возможных способов. Им нужно лишь направить на нее стазис-проектор и нажать на кнопку. И она вместе с Имфри окажется в тюрьме, ничем не уступающей той ужасной клетке в Хизерхау. А дальше... Самое лучшее, что с ней может случиться, — это полное преобразование ее мозга. Ей введут новые мысли, новые воспоминания... Роана задумалась. Это означало, что она, точнее они, должны сбежать, прежде чем это произойдет.

— Тебе не выбраться отсюда, — продолжал Сандар, и его слова снова отдались чудовищным эхом в зале. Но она не могла и не должна больше ждать. И этот единственный шанс ровным счетом ничем не отличался от другого. Роана вдруг осознала, что между нею и кузеном происходит своеобразная дуэль. Между нею и Сандаром. Ибо он должен был сконцентрировать все внимание на ней, а не на Имфри.

И тогда она шепнула полковнику.

— Оставайся здесь!

Его рука крепко сжала ее плечо. Этим Имфри давал ей понять, что догадался о ее намерениях. Роана быстро перескочила к соседней колонне. Теперь она уже привыкла к эху в зале и решила, что Сандар все еще находится возле двери.

Если ей удастся отвлечь его внимание... то, несомненно, самым лучшим средством для этого была сломанная корона Арот-

нера. Роана выступила вперед и прицелилась своим прибором в бесцветные порушенные гребешки короны некогда существовавшего государства.

Вспышка ярчайшего света — и корона упала, разбившись на мелкие осколки, напоминающие капельки. И тогда же она увидела Сандара, который начал прыгать от одной колонны к следующей. Тут она решила на совсем отчаянный шаг. Она развернула свой прибор в его сторону и прицелилась в камень прямо перед его ногами. Раздался оглушительный треск. Когда точка опоры исчезла, Сандар дико заорал и споткнулся... Однако он поднял шокер, ибо так и не выронил его. Роана выстрелила лучом еще раз, пытаясь вывести его шокер из строя. И ей удалось кончиком луча зацепить оружие кузена, однако она промахнулась, и луч на полной мощи разрезал пополам колонну, управляющую Ледяной Короной Ревенин.

Глава 17

Когда мир вокруг Роаны раскололся на раскаленные до белого каления куски, она съежилась от страха. Каменный пол под ее ногами стал неустойчивым, как болотная топь. Он сперва вздыбился, а потом стал раскачиваться. Колонна, перерезанная ее оружием, пылала словно факел, и этот сверкающий огонь слепил глаза. И желто-белые огненные щупальца дотянулись до соседних колонн, которые сразу же вспыхнули и загорелись.

Имфри, который не мог этого видеть, прятался за одной из колонн. И он мог оказаться охваченным всепожирающим пламенем, перескакивающим с одной колонны на другую! Только в эти страшные мгновения Роана ничего не видела, как и он, ибо неистовый огонь ослепил ее...

Она поползла, на ощупь определяя путь. Ей пришлось закрыть глаза, но ее преследовал мощный грохот разрушающихся колонн. Монотонное бормотание приборов теперь превратилось в пронзительный, режущий визг, словно колонны были живыми существами, а теперь испытывали ни с чем не сравнимые муки. По всему залу проносились волны нестерпимого жара, и Роана едва могла дышать.

Она совершенно не понимала, как ей добраться до Имфри. Только по счастливой случайности наткнулась прямо на него.

Точнее, на его сапоги, ибо подползла прямо к его ногам; затем поднялась, цепляясь за его мундир, словно выискивая в полковнике точку опоры. Потом что есть силы оттащила его от колонны, и они побежали прочь, пока не врезались в самую дальнюю стену залы. Убежать оттуда было нельзя, зато здесь Роана могла хоть что-то увидеть, ибо в это место огонь доходил довольно слабо. Но хотя здесь не так слепило глаза, отсюда было очень далеко до двери. Так что они могли только терпеливо ждать и надеяться, что грозная огненная буря не поглотит их полностью в своем неистовом гневе. Оба сильно страдали от удушающей жары.

Сандар! Впервые Роана вспомнила о кузене и вздрогнула. Какая участь постигла его? Неужели он до сих пор находится прямо среди этого пламени? Если это так... то своими действиями она убила его. А ведь она меньше всего желала его смерти. Она не намеревалась причинить ему ни малейшего вреда. Ей хотелось только вывести из строя его шокер, чтобы дать им возможность...

Грохот постепенно затихал... или ей попросту заложило уши? А жуткая жара... безусловно, она заметно спала. Роана с трудом разлепила веки, и из глаз выступили слезы, на этот раз — от дыма. Они потекли по ее щекам, как тогда, когда она ощущала на своем запястье теплое прикосновение дружеской руки полковника. Но сейчас весь мир для нее превратился в сплошную кроваво-алую завесу.

Она не знала, сколько времени прошло, пока могучий огненный ураган яростно опустошал залу. Буря могла длиться и час... и целый день, ибо она казалась бесконечной. Но по крайней мере Роана подумала о том, что пожар близится к концу, поскольку жара почти спала, а треск рушащихся колонн затих. Они стояли в совершенной темноте и с трудом дышали. Ее тяжелые вздохи совпадали с хриплым дыханием спутника.

— Надо... уходить... — просипел полковник.

Но как найти дорогу от стены к двери? Ведь это единственный путь выбраться отсюда. Она легонько дернула Имфри за рукав, но тот уже двинулся с места. Роана даже не представляла, в какой стороне выход, хотя почему-то считала, что им нужно пойти налево, а их проводником была теплая каменная стена, которой все время держалась Роана, когда их пальцы разомкнулись. И эта стена стала их связующим звеном. Глаза девушки слезились от режущего едкого дыма. И тут ее охватил новый страх:

неужели она повредила зрение? Но тут она впервые за все время услышала голос Имфри:

— Где... где мы? — спрашивал он.

Она почувствовала в его голосе неуверенность, которую никогда не замечала прежде. Казалось, что он только что внезапно пробудился от глубокого сна в совершенно незнакомом месте.

— Мы в зале с приборами, — ответила она. — Нет! Оставайся все время рядом со мной! — Она с силой подтащила его к себе, но тут Имфри стремительно дернулся вперед, словно захотел высвободиться от ее хватки. Но Роана крепко держала его руку, а потом толкнула его в плечо, чтобы он продолжал идти.

— Кто ты? — Снова этот дикий, тупой вопрос. — Что... что я здесь делаю? Где это?

— Держись за мою руку! — приказала она. — И больше не отпускай ее, иначе нам не выбраться отсюда! — властно проговорила она, стараясь вбить ему в голову, что нуждается в нем. — Мы ничего не видим, потому что здесь темно. Но если будем придерживаться стены, то отыщем выход.

— Кто ты? — вяло спросил Имфри, уже больше не сопротивляясь, но так резко остановился, что она с силой налетела на него.

— Я — Роана, Роана Хьюм, — ответила она, лихорадочно воображая, что происходит. Что случилось с Имфри? Что случилось с ним такого, чего она не знала? И она не на шутку испугалась. А что если... Но она не могла позволить себе даже подумать об этом. — Пойдем... ты должен идти... нам надо выбраться! — закричала она, чувствуя, что теряет над собой контроль. Сейчас ее голос звучал пронзительно и неприятно.

— Выбраться... куда? — Он сделал еще один шаг вперед, словно его заставлял идти ее повелительный и одновременно встревоженный голос.

— Нам надо выбраться на открытое место! Пожалуйста, нам надо идти. О, прошу тебя... Иди же, ты должен, должен идти!

Наконец ей удалось заставить его идти вместе с ней. А спустя несколько секунд, когда он снова остановился, она с силой треснула его кулачком в плечо.

— Вперед!

— Тут нет дороги. Вокруг все такое твердое, — пробормотал полковник.

Сперва ее охватила паника, но Роане удалось взять себя в руки, и теперь она почувствовала, что разум все-таки одержал пусть очень небольшую, но победу! Конечно же, им надо добраться до угла! Ведь они шли не вдоль той стены, на которой была дверная панель.

— Направо... сворачиваем направо... — Теперь Роана разговаривала с ним, как с маленьким неразумным ребенком, при этом постоянно подталкивая его в нужном направлении. Вполне вероятно, что слова «налево» или «направо» теперь ничего для него не значили. Она развернула Имфри и повела в новом направлении. А потом... слава богу! — она почувствовала дуновение холодного свежего воздуха и увидела выход!

— Теперь проходим сюда! Осторожнее, здесь порог.

Она сама не знала, как ей удалось провести его через дверь. Искажатель... Возле двери вполне мог находиться искажатель. Но взрыв наверняка повредил его, сделав это страшное орудие, воздействующее на мозг, совершенно безвредным. И теперь они очутились в коридоре, где Роана с наслаждением вдыхала чистый воздух. Она даже прислонилась к прохладной стене, чтобы больше вдохнуть этого живительного воздуха в свои измученные легкие.

Алая завеса перед глазами исчезла. Оставалось лишь одно, что ей нужно попытаться сделать. Она порылась в своей сумке, вытащила очки ночного видения и довольно долго не решалась надеть их, ибо опасалась, что вообще ничего не увидит.

Ее глаза по-прежнему слезились и болели. Она чувствовала себя так, будто в уголки ее глаз и под веки попал песок. Но... она видела! Хотя все казалось ей немного расплывчатым, как будто она вглядывалась в туман. Она подошла к Имфри вплотную и внимательно рассмотрела его. Он тоже стоял, прислонившись к стене, подняв руки к голове, и чесался, будто пытаясь отскрести что-то липкое, приставшее к его лицу. Еще внимательнее оглядев своего спутника, Роана, к своей радости, не заметила у него никаких ранений или ссадин.

Итак, вроде бы им удалось убежать. Им-то удалось — а как же Сандар? Она оглянулась. В зале царила крошечная тьма. И гробовая тишина. Мертв... Роана колебалась. И подумала, как хорошо было бы, если бы отряд со спасательной шлюпки определил место происшествия по сильнейшему сотрясению почвы. Она не сомневалась, что огненная буря в пещере не прошла незамечен-

ной на Клио. С другой стороны, если спасательный отряд определит местонахождение катастрофы и немедленно вышлет людей к пещере, то они с Имфри окажутся совершенно беспомощными против них. Она знала, что люди из спасательных отрядов всегда вооружены до зубов. И не древним оружием, как у полковника... Им надо поскорее уйти из пещеры, и все же пока она не сделала ни шага к спасению.

Роана крепко сжимала руки своего спутника, и когда она заговорила, то изо всех сил старалась поймать глазами его блуждающий взгляд.

— Ты должен оставаться здесь до моего возвращения. Понятно? — Говоря это, она делала ударение на каждом слове.

— Оставаться... возвращение... — еле слышно повторил он. Его нижняя губа отвисла как у идиота. Еще ни разу она не видела столь бессмысленного выражения на его лице. Роана не на шутку испугалась. Ей даже думать не хотелось о его состоянии.

Она возвратилась к панели и, прижавшись к ней лицом, попыталась сосредоточиться на Сандаре. Хотя очки ночного видения значительно приглушали и без того неясный свет, они помогли ей как следует рассмотреть, что она натворила. Там, где прежде гордо возвышались колонны, теперь торчали потрескавшиеся обгорелые пеньки. Короны куда-то исчезли. От едкого дыма Роана закашлялась и с трудом смогла прочистить горло.

Где же Сандар? Без колонн с коронами, раньше служившими ей проводниками, она больше не была уверена ни в чем. Роана медленно вошла в залу, сомневаясь, что ей удастся отыскать хоть какие-то доказательства его существования. Комок горькой желчи застрял у нее в горле, и она с трудом сумела проглотить его. Увидев вдруг скрюченное тело, она очертя голову бросилась к нему. И опустилась рядом с ним на колени.

Ей еще не приходилось быть свидетельницей ужасной смерти в огне. Когда она дотронулась до его плеча, он вяло и тяжело повернулся на бок. Если он все еще жив, она должна вытащить его из этой ядовитой атмосферы на свежий воздух. Каким-то образом ей удалось подхватить кузена под мышки и, пятясь, потащить его назад — к спасительной двери.

Она с трудом перевалила его бесчувственное тело через порог и поволокла к коридору. Остановившись, чтобы перевести дух, перевернула его на спину и приложила руку к сердцу. И почувствовала еле ощутимое биение. И тут же ощутила слабую вибра-

цию. Как будто под нею задрожала земля. И Роана закричала от ужаса... Неужели это обрушивается весь туннель? И они оказались его вечными узниками...

Сандар слабо закашлялся и с рассеянным видом стал поворачивать голову из стороны в сторону. Его пальцы царапали каменную стену, словно он пытался встать без посторонней помощи. Этот туннель...

И Роана все поняла. Воспоминания из прошлой жизни, которую, возможно, вел совершенно другой человек, а не Роана Хьюм, словно успокоили ее. Ибо она сумела постичь происходящее. Это вовсе не туннель. Сильные толчки вызваны ракетными двигателями. Бот приземлился на Клио.

Слишком явное предупреждение, что следует поскорее убираться, с усмешкой подумала девушка. Ее кузен остался жив, и вскоре он окажется в заботливых руках его людей. Поэтому, если они с Имфри собираются сбежать, это нужно делать незамедлительно. Нелис по-прежнему стоял у стены, но на этот раз он вытянул руки и поглаживал ровную поверхность стены. Вытянув шею вперед, он словно прислушивался к тому, чего никак не мог увидеть. Когда она подошла к нему, он быстро повернулся к ней.

— Кто здесь? — резко спросил он. Но голос его не был рассеянным и нечетким, как раньше.

— Роана. Нам надо скорее уходить.

Когда она дотронулась до его напряженного тела, то почувствовала, что оно жесткое, как железо. Он поднял голову и устался куда-то в сторону, точно собирался уйти от нее прочь.

— Куда уходить? — спустя некоторое время требовательно осведомился он.

— Отсюда, — ответила она. — И как можно быстрее. Они пойдут искать Сандара, а после решат взглянуть на приборы... В общем, они ни в коем случае не должны нас обнаружить здесь.

— Кто не должен нас обнаружить? — спросил Имфри. Кажется, он совершенно не воспринимал всю серьезность их положения и поэтому не внимал ее настойчивым просьбам. И по-прежнему продолжал стоять, как каменный истукан.

— Дядя Оффлас и люди со спасательной шлюпки. Имфри, нам надо идти!

— Ты уже говорила это. Ты боишься, — произнес он. — Я чувствую твой страх. Кто ты?

— Роана! Я — Роана! — она чувствовала, что еще мгновение — и она снова расплчется. Его голос стал намного отчетливее, а с лица исчез рассеянный и бессмысленный взгляд. Зато он не узнавал ее... Вот что было скверно!

— Роана, — повторил он. — Ты — Роана. А я кто?

Девушка задрожала. Самое сильное из ее опасений, похоже, становилось явью.

— Ты — полковник Нелис Имфри. Неужели ты ничего не помнишь? Абсолютно ничего?!

Он не ответил ей прямо. Скорее, хотел избежать ответа. Во всяком случае, именно так ей показалось.

— Ты боишься за себя? — вдруг спросил он.

— За себя — да, — честно призналась она. — И за тебя тоже. У них есть очень веские причины захватить нас в свои руки. Прошу тебя, пойдем. Нам надо идти! — Она снова протянула к нему руку, боясь, что он опять отойдет от нее. Им следовало скорее уходить отсюда.

Но на этот раз, когда его рука коснулась ее ладони, она не сжалась в кулак, а открыто протянулась к Роане. И та крепко схватила его за руки.

— Пошли!

И снова она потащила его по коридору, стараясь идти как можно быстрее. И наконец им удалось добраться до пролома в стене. Она надеялась, что как только Имфри выйдет из зала с приборами, то вновь обретет зрение. Однако он по-прежнему полностью зависел от нее и машинально следовал за нею, даже тогда, когда они выбрались из пещеры в ночь.

Ветер, развеявший гниющий и удушливый смрад пещеры, был свеж и прохладен. Роана увидела, как полковник поднял лицо и подставил его ветру. Затем он довольно равнодушно произнес:

— Теперь я снова вижу.

Она вскрикнула от облегчения и отпустила его руку. Сама она видела довольно плохо. Даже очки ночного видения не давали отчетливо рассмотреть очертания предметов. Она даже подумать не смела о том, что ухудшение ее зрения продолжится и дальше.

— Все это очень странно, — заметил Имфри. Сейчас он скорее размышлял вслух, нежели разговаривал с ней. — Ощущение какой-то пустоты...

И вдруг он отчетливо, по-военному, промолвил, словно излагал какую-то очень важную догму, чтобы осознать это как факт:

— Я — Нелис Имфри из Дома Имфри-Мэнхолм. Я — полковник службы ее величества королевы Лудорики, королевы Ревении. Я — Нелис Имфри!

В эти мгновения он был совершенно спокоен, его глаза внимательно изучали звезды. Он смотрел на звезды сквозь раскачивающиеся от ветра ветви деревьев, время от времени скрывающие их мерцание. На небе стояла блеклая луна, ее тусклый серебряный свет прорывался сквозь облачное небо.

— Я помню, — продолжал он. — Но помню все так, словно мои воспоминания неясны и расплывчаты. И все же я — Нелис Имфри, и все остальное — истинная правда.

— Да, — тихо подтвердила она.

И ее согласие, похоже, окончательно вывело его из состояния транса. Он резко повернулся, будто опасался встретить врага. Он молча стоял напротив девушки, пристально разглядывая ее, словно изучая очередную вежу на дороге, которую, по его мнению, кто-то переставил совсем в другое место.

— Скажи мне, что изменилось, — приказал он. — Когда я находился там, во тьме.

— Когда я попыталась обезоружить Сандара, то луч моего прибора прошелся по колоннам. Это вызвало цепную реакцию — и вся установка оказалась разрушена... а короны исчезли.

Поймет ли он ее?

Он нахмурил свои темные брови.

— Короны? Колонны?

— Установка с приборами, оставленная психократами, чтобы управлять вашей планетой...

Его губы вытянулись в тонкую прямую черту.

— Ревенией правит королева?

— Сейчас — да, — согласилась Роана, думая о том, действительно ли сказанное ею — правда, равно как о том, не повлекло ли за собой уничтожение приборов крах королевства Ревения и не постигла ли его участь Аротнера?

— Ты рассказываешь мне то, что, похоже, сама понимаешь, однако мне совершенно ничего не ясно. Так сделай так, чтобы я понял! — С этими словами полковник приблизился к ней вплотную, словно собираясь вытрясти из нее правду.

Роана снова не на шутку испугалась. Этот дикий незнакомец — не Нелис Имфри. Интересно, он стал таким после разрушения корон? Ибо в эти мгновения Роана заметила в нем такие же перемены, какие случились с Лудорикой, когда она держала в руках Ледяную Корону.

— Это длинная история, — с беспомощным видом ответила она.

— Неважно! Рассказывай!

Так Роана опять поведала ему уже знакомую историю. Только на этот раз она ощущала от своего рассказа не облегчение, а лишь холодное чувство озноба, и не от пронизывающего ветра, а скорее от величайшего одиночества, снова овладевшего всем ее естеством.

Он очень внимательно слушал ее, хотя выражение его изнуренного лица почти не изменилось. Создавалось впечатление, что он — председательствующий на суде, где Роану обвиняют в каком-то преступлении.

Ни разу не перебив ее ни жестом, ни вопросом, он дослушал до конца, когда она поведала ему о случайном разрушении установки с приборами. Когда Роана рассказывала, голос ее то и дело дрожал. Боль в ее глазах становилась еще сильнее, постепенно перейдя на голову, так что теперь она больше страдала от этого, нежели от соседства своего изменившегося спутника.

— Теперь ты осознаешь, какой опасности мы подвергаемся, если люди из Службы обнаружат нас? Они не должны нас найти, понимаешь? — Она вложила в последние слова всю силу своего убеждения. Ее глаза... голова... больше она не вытерпит такой боли!

Единственное, что она помнила впоследствии, — это как земля опрокинулись перед нею, а затем раздались громкие крики, и боль, боль, страшная боль. И после всего этого — гигантское море огня, поглотившего ее.

Прохлада, благодатная прохлада — темнота и холод. Скрыться бы в этой темноте и холодном убежище и никогда не выходить оттуда. Скорее ощущение, чем мысль. Холод и влага — и огонь исчез. Ей не хотелось шевелиться, и все же кто-то или что-то заставило ее двинуть рукою. Роана попыталась протестовать, но тут осознала, что у нее нет сил произнести хотя бы слово. Словно сквозь туман она услышала странный стонущий звук.

— Роана... — донеслось до нее сквозь холодную тьму какое-то журчание. Нет! Пусть ее оставят в покое... Всего лишь оставят в покое!

— Роана!

Однако, несмотря на расплывчатость мыслей, она узнала эти призывные звуки. Она не станет отвечать. Пусть ее никто не трогает! Но она двигалась, хотя и не на своих ногах. И от тряски страшно болела голова, поэтому она с огромным трудом собиралась с силами, чтобы высказать одну-единственную просьбу: чтобы ее оставили в покое. Но даже если ее и услышали, то не обратили на ее мольбу никакого внимания. И она снова сбежала от всего в холодную тьму.

Тем не менее ее вторично вытащили из убежища, в которое она так и не смогла спрятаться окончательно. Она лежала на какой-то поверхности, которая не показалась ей особенно мягкой, хотя была застелена каким-то материалом, немного напоминающим тонкую перину. Лицо девушки покрылось влагой, словно ее вытащили из штормового моря, но влага попросту просочилась из мокрой повязки, закрывающей ей лоб и глаза. По крайней мере она лежала спокойно, не двигая телом, охваченным мучительной болью.

— ...высокий такой, аж до самого потолка, клянусь вам, сэр. Раньше я не видел ничего подобного. И я насчитал еще пятерых, и все они выходили оттуда. Вышли и поднялись по металлической лестнице, а на спинах несли какие-то штуковины. Но еще двое людей вошли в пещеру. Посмотреть на эту вещь. Ну, вы наверняка знаете всю эту историю от начала до конца. Но люди, путешествующие к звездам? Вам придется представить очень доказательные аргументы, что такое вообще возможно. А у меня было такое чувство, будто в голове у него совсем пусто... Ну, я, конечно, мог бы сказать, что все это мне приснилось... или это какой-то очередной фокус Прорицателя. Вы верите мне, сэр, не так ли? Думаю, если Шамбри настолько сильно околдовал королеву, то он наверняка мог сотворить то же самое и с нами — даже на расстоянии.

— Нельзя заставить человека увидеть то, что, как ему известно, не существует. Этот звездный корабль здесь совершенно неуместен.

— Истинная правда. Но это странное чувство в твоей голове... хотя теперь его больше нет, сэр. Однако скажу вам, что все

было очень-очень плохо, когда оно впервые вдарило. Маттинэ забегал по поляне кругами и орал как резаный, что он разведчик нимпов и все такое прочее. В общем, выкрикивал несусветную чушь! Я решил, что он свихнулся. Ханлоу пришлось лечь на него и прижать к земле, когда он совсем разошелся. А все остальные... некоторое время мы не знали собственных имен, вот так! Случись это с нами где-нибудь на базарной площади, то нас точно бы приняли за сумасшедших. Почему-то нам казалось, что мы еще долго не сможем справиться с этим. Первым отошел Флеш. Но все равно нам пришлось силой увести его с собой, а потом спокойно прогуляться с ним и рассказывать ему по нескольку раз, кто он и где находится. Доложу вам, отвратительное это дело! Хуже, чем любое задание нимпов.

Вулдон. Рассеянный разум Роаны вспомнил его имя по голосу. Кто же еще сейчас с ними? Они — или только Вулдон — должно быть, заметили спасательную шлюпку. А что, если команда шлюпки охотится сейчас за ними? Она должна предупредить...

Роане стоило огромных усилий поднять руку к лицу, чтобы снять с него влажную повязку.

— Нелис... — пробормотала она еле слышно. Словно говорила не она, а призрак.

И это тотчас же вызвало ответную реакцию.

— Роана!

Ее рука так и осталась болтаться в воздухе с повязкой. Затем она все-таки умудрилась положить ее на место. Выходит, он знал... вернее, он снова все понимал?

— Тебе надо еще какое-то время отдохнуть, — как можно ласковее произнес суровый мужской голос. — Глаза до сих пор воспалены. Ты узнаешь меня? Знаешь, кто я?

Неужели он решил, что она — одна из тех, кто сошел с ума?

— Ты — Нелис Имфри, — с оттенком негодования ответила она. — Здесь еще и Вулдон. Но... — Она вспомнила, что срочно должна предупредить их об опасности. — Нелис... корабль... они не должны найти нас!

— Уверяю тебя, они нас ни за что не найдут. Между нами огромная горная цепь. К тому же мы отправили вперед разведчиков. Мне известно твое отношение и уважение к их бескрайним возможностям, и, похоже, ты хочешь мне продемонстрировать их. Но у нас нет такой возможности. Да и времени тоже. Как

только заметим первый знак, что нас ищут, снова двинемся в путь. А теперь... — его сильная рука бережно приподняла ее голову. — Выпей-ка это!

Холодный металл коснулся ее губ. Она сделала крошечный глоток — и тотчас же чуть не задохнулась, а потом закашлялась, ибо напиток в кубке был горячий и очень крепкий. И вдобавок с острыми специями.

— Нет... — но она не договорила. Его прикосновение было настолько нежным, что она просто не смогла отказаться от предложенного напитка. — Слишком сильный для меня. Наверное, тебе — в самый раз! — и Роана улыбнулась.

— Нет, нет, выпей еще, — произнес он. — Так нужно.

После первого глотка она почувствовала приятное тепло внутри, а после второго во всеулышание заявила, что напиток не так уж плох. Так она послушно опорожнила кубок до дна.

— Моя сумка... с лечебными снадобьями... — вспомнила она спустя несколько минут.

— Она здесь, миледи! — отрапортовал Вулдон.

— Найдите там белый тюбик, — бодро сказала она. Выпив этот острый лечебный отвар, Роана ощутила, что у нее полностью восстановились силы и способность позаботиться о себе самой. — В нем такая зеленая жидкость — это капли для глаз.

— Есть! — воскликнул Имфри. — А сколько капать-то?

— По две — на каждый глаз. Пока.

Имфри бережно положил ее на спину на тонкое, но мягкое одеяло и снова снял с лица влажную повязку. Сперва она ощутила легкое головокружение и жжение в глазах, но нашла в себе силы лежать спокойно, пока он закапывал ей в глаза целебные капли. Она крепко сжала губы. Жжение усилилось, но вскоре пропало, и она почти уже не чувствовала боли. Если и наступило облегчение, это произошло почти незаметно.

Она медленно стала считать про себя до ста, прислушиваясь к каким-то слабым звукам. Словно кто-то снова запаковывал ее сумку. Потом открыла глаза. Легкая боль, но она видела! И более отчетливо, чем с тех пор как в зале произошла цепная реакция.

Она увидела Нелиса с уже более длинной, но аккуратно подстриженной бородкой и всклокоченными волосами, спадающими ему на лоб, затем перевела взгляд на сержанта, сидевшего в углу.

— Я вижу! — промолвила Роана радостно, скорее убеждая в этом себя, нежели остальных. — Дайте мне посмотреть на вас, пожалуйста... дайте мне посмотреть!

Она просила их об этом, ибо внезапно ей потребовалось убедиться в своем окончательном выздоровлении.

И не успела она приподняться, как снова ощутила сильную руку Нелиса, придерживающую ее затылок. Она видела их настолько отчетливо, что решила — наступил полдень. Она увидела людей, ходящих по комнате, садившихся на стулья, причем могла разглядеть их с довольно большого расстояния. За ними заметила веревку, привязанную к трем деревьям: таким образом они огородили место для уже оседланных двурогов, которые были копытами и смахивали хвостами надоедливых насекомых.

Некоторые из мужчин были в форме. Остальные — в гражданской одежде или в зеленых егерских мундирах. Теперь небольшая группа беглецов увеличилась во много раз.

— Не угодно ли вам откусать, миледи? У нас нет ничего особенного, кроме полевого завтрака... Или вы хотите, чтобы вам передали один из ваших тюбиков?

— Принеси их, — приказал Нелис, и сержант молниеносно скрылся из поля зрения Роаны.

— Как твои глаза? — спросил Имфри.

— Я вижу! — ответила она и поняла по силе своей радости, насколько глубок был ее страх слепоты.

— Остальным известно, что произошло? — спросила она полковника.

— Не все. Это не байка, чтобы ее рассказывать всем подряд. Узнать, что ты все время жил в рабстве у каких-то приборов... — Она ощутила затаенную грусть в его словах, а он продолжил: — И насколько далеко зашло их господство над людьми...

— Лудорика и корона, — сказала она, словно читая его мысли. — Если это так сильно подействовало на тех, кто не имел прямого контакта с приборами, то что же тогда говорить о тех, кто владел коронами?

Он глядел куда-то мимо нее, словно не хотел, чтобы она увидела, что таит в себе его взгляд.

— Это мы и должны узнать, — наконец проговорил он. — Разрушение установки, похоже, подействовало на людей по-разному. Сейчас эти люди уже сумели избавиться от последствий этого воздействия. Но я уверен, что в Ревении были люди, на которых

приборы воздействовали дольше, сильнее, глубже. И все они теперь оказались без этого влияния. Как ты сказала: что случилось в непосредственной близости к коронам...

— Вот, прошу вас, миледи. — Это вернулся сержант с А-рационом. Роана жадно высосала полужидкое содержимое тюбика, ибо с выздоровлением в ней проснулся небывалый аппетит.

Похоже, ее выздоровление стало сигналом к тому, что они собирались делать. Сержант Вулдон подошел к линии сторожевого охранения, и люди начали взбираться на двуроги. Они отправлялись в дорогу кто группами по двое, а кто — и по трое. Проезжая мимо полковника, все отдавали ему честь. В конце концов на месте остались только Вулдон, Маттинэ и еще двое мужчин.

— У нас самые лучшие двуроги для поездки, — произнес Нелис. — Знаю, ты недостаточно хорошо едешь верхом одна, но у нас есть двурог, способный нести двоих, и мы с удовольствием тебе его предоставим.

Это означало, что она поскачет вместе с полковником. После того как Имфри ловко взобрался на двурога, Вулдон легко поднял Роану, словно она ничего не весила, и устроил ее за спиной своего командира.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Роана, когда они проехали под тремя деревьями, аркой нависающими над ними, и стремительно выскочили на залитую солнцем дорогу.

— Мы будем пробираться тайком. Пока не узнаем больше о ситуации. Поедем по дороге, идущей вдоль реки. Там проще замести следы. Ведь повсюду разъезжают разведчики герцога. Они думают только о том, кого бы схватить. Если есть открытая дорога, то мы двинемся к Уркермарку.

— К королеве?

— К королеве... если она — по-прежнему еще королева. — Его голос стал отчужденно-холодным. — Мы не знаем, что обнаружим — можем только выехать на поиски.

— У тебя нет даже малейшего представления, что мы найдем, — сказала Роана. Она попыталась догадаться о ходе его мыслей. — То, что я натворила, все это я сделала собственными руками... И еще была судьба...

— Я же говорил тебе, что ни за что не поверю, что этим управляла только судьба, — ответил он.

Когда они быстро поскакали вперед, он не прибавил ни слова.

Глава 18

Несмотря на огромные размеры залы, в ней было тепло. Даже слишком тепло. Но свет от двух ламп, стоящих на столе, и от огня очага не достигали углов, где сгрудились какие-то тени. Роана осматривалась вокруг с усталым любопытством, которое еще не успело притупиться. Уже в третий раз она находилась в каком-то доме на Клио, если не считать домика егеря, приграничных убежищ с их грубой незатейливой обстановкой и, конечно же, величественного замка в Гастонхау.

Сейчас она сидела в верхней приватной комнате постоялого двора «Три странника», расположенного в полудне езды от Уркермарка. Испускающие пар плащи лежали на скамье, придвинутой поближе к огню, поскольку снаружи лил проливной дождь. А в этих плащах они проделали довольно длинный путь, проскакав чуть ли не полкоролевства.

Они ехали три дня — Роана подсчитала. Первый день оказался для нее особенно тяжким. Ночь они провели в хижине лесника. Туда же и пришли первые сообщения.

Королевство Ревения пребывало в состоянии хаоса. И сильнее всего он коснулся тех, кто находился на самой вершине власти. Что касалось фермеров и крестьян, мужчин и женщин, относящихся к так называемым маленьким людям, то они намного быстрее отходили от начального состояния смуты и неразберихи. Однако они были весьма встревожены сумасбродными выходками своих правителей.

Некоторые оказались совсем сумасшедшими или впали в идиотизм, отдавая совершенно непонятные приказы слугам, которые отказывались их выполнять. Иногда начинались жуткие потасовки, заканчивающиеся только тогда, когда дерущиеся пытались разобраться, из-за чего они дерутся. Вокруг шатались шайки бандитов и мародеров, пользующихся неорганизованностью других.

Чем ближе отряд полковника подъезжал к Уркермарку — теперь они ехали открыто, почти не боясь всеобщей суматохи, — тем страшнее истории о происходящем рассказывали им местные жители. Королевство переменялось до неузнаваемости. Выражение лица Имфри стало еще суровее, а фразы короче, даже когда кто-нибудь из его разведчиков приносил более или менее добрые известия. Повсюду ощущалось сильнейшее вол-

нение. Трижды они встречали на дороге группы беглецов, старающихся как можно дальше убраться из города. И всякий раз эти люди — мужчины, охраняющие женщин с детьми на руках, — отказывались вступать с солдатами Имфри в любой контакт, и дважды кто-то из них предупредительно пальнул в сторону людей полковника. Все вокруг было поломано, разрушено, брошено. Часто встречались тяжелораненые и убитые. Глядя на изуродованные трупы, Рсана чувствовала себя глубоко несчастной. Судьба ли руководила ею или нет, но она считала, что каждое убийство или разрушение — дело ее рук.

Отряд Имфри увеличивался. Возвращающиеся разведчики приводили с собой все новых и новых людей, стражников, егерей и даже солдат, дезертировавших из личной охраны своих господ. Полковник лично допрашивал каждого новопривышедшего, стараясь из их рассказов вычлениить что-то новое, чтобы воссоздать более или менее складную картину происходящего в стране. Всякий раз, беседуя с новым человеком в форме, Имфри сидел за столом и, пристально глядя собеседнику в глаза, выслушивал его жуткий рассказ.

Среди них оказалось несколько офицеров, и двое или трое из них выдавали себя за людей ниже рангом, нежели были на самом деле. Эти люди держались вместе, своеобразное командное ядро бывших некогда отрядов.

— ...пришел секретный приказ, — рассказывал новопривышедший. — А майор Эммик тогда беседовал с другим офицером в караульном помещении. Тут мы услышали выстрел. Когда выломали дверь, майор лежал убитый — пуля насквозь прошла через голову. А тот странный полковник... тут он начал объяснять нам, что майор оказался изменником, во что мы не поверили ни на секунду... Тогда полковник внезапно схватился за голову и ринулся к стене. Мы рты поразевали от изумления. Он с размаху шарахнулся головой об стену и тотчас же отдал Богу душу. Короче, убил сам себя. Ну, мы, конечно, не знали, что делать. Наш капитан сперва ходил как в тумане и ни черта не соображал. А потом улегся на койку, а когда сержант явился к нему за приказом, тот лишь расхохотался ему в лицо. Это был сержант Квантиль, и это он взял на себя смелость приказать часовому встать у ворот и не пускать никого внутрь, даже посланников с хорошими новостями. А потом он приказал троим из нас выйти и разузнать, в чем дело. Мангрон поскакал

к Западным Воротам, Афран — на Балзай, а я должен был попытаться добраться до нашего полковника в Уркермарке. Там я увидел распахнутые ворота. Но никому не давали войти. Я решил, что внутри идет сражение, — во всяком случае, я видел вспышки выстрелов. Потом повстречался с вашим человеком, сэр, и то, что он рассказал, показалось мне куда разумнее всего, что я услышал с тех пор, как убили майора Эммика. Поэтому и пришел сюда.

— Человек, который послал секретный приказ, тот полковник... тебе известно его имя? — осведомился Имфри.

— Я никогда не видал его прежде, сэр. У него на мундире сверкал новый королевский знак различия: черная голова форфала с открытой пастью и высунутым языком... Весьма отвратное зрелище, доложу вам, сэр. Потом сержант стал разыскивать его бумаги и ничего не обнаружил, кроме одного распоряжения. Оно валялось на столе. И знаете, сэр, оно было написано прямо как настоящее, но на нем не было подписи королевы. Там было просто написано: «именем короля», а король Никлас уже несколько дней как скончался! Тут что-то не так!

— Именем короля, — задумчиво повторил Имфри. А потом выпалил следующий вопрос: — Какого короля?

Мужчина уставился на полковника, потом молниеносно выскочил из-за стола, дико озираясь по сторонам, словно выискивая путь, как можно сбежать. Роана догадалась о его подозрениях. Он вполне мог подумать, что Имфри тоже сошел с ума.

— Нет, солдат, я не сумасшедший, — успокоил его полковник. — Просто у меня есть веские причины предположить, что кто-то из ближайшего окружения королевы, воспользовавшись этой суматохой, попытался захватить власть в свои руки. И если ему это удалось...

Солдат сглотнул комок в горле.

— О! — воскликнул он в ужасе. — Так вот в чем дело! Но я никак не могу вспомнить имя, которым подписали распоряжение. На бумаге имелся отпечаток большого пальца, все как полагается... но имени-то не было! Может быть, поэтому сержант Куантиль счел это очень странным. В этой бумаге говорилось, чтобы майор передал командование в руки этого полковника, но оно не было подписано соответственным именем. Но, сэр, а где... где же королева?

— В Уркермарке, где и должна быть! — проговорил Имфри, подчеркивая каждое слово, будто давая клятву. — Ты говорил, что город закрыт?

— Ворота заперты так же плотно, сэр, как во времена нимпов, когда объявили осадное положение. Помните те старые деньки? А чтобы взять ворота, надо воспользоваться самыми мощными осадными орудиями.

— Это внешние ворота, солдат. Но есть же и иные способы попасть в город, не так ли? Скажи, солдат, сколько времени понадобится, чтобы отправить на твой пост послание?

— На свежем двуроге я доставил бы его к полуночи, сэр.

— Отлично. Тебе известно обо всем, ибо ты это видел собственными глазами. Так доложи об этом своему сержанту. И передай ему послание от меня. — Имфри достал листок бумаги, небольшую чернильницу и перо. После каждого подобного вопроса он писал несколько строк, опускал кончик пальца в чернила и оставлял на бумаге свою «подпись».

— Маттинэ! — позвал он и, когда егерь появился в дверях, приказал: — Приготовь для солдата свежего двурога!

— Будет сделано, милорд!

Когда солдат уехал, Имфри долго разглядывал огонь в очаге. Роана подошла к нему, не в силах более терпеть тишину, царящую в комнате.

— Ты сказал, что в Уркермарк можно попасть еще каким-то способом, кроме ворот? — спросила она.

— Это значит, что нужно идти под землей. История нашего королевства состоит почти из постоянных войн и сражений, из-за борьбы династий. И эти «игры», в которых мы все принимали участие, частенько заканчивались для некоторых смертью. Я всегда думал, кому доставляло это удовольствие? Вряд ли все наши войны явились результатом действия тех приборов. Однако нам все же удалось узнать кое-что о дьяволах, которые настроили их на нас, не так ли? — И он вопросительно посмотрел на Роану.

— Но тогда эти дьяволы должны существовать. Иначе в тех экспериментах не было бы никакого смысла. Однако психократы давным-давно умерли.

— Приборы тоже уничтожены навсегда, а ты посмотри, что творится! Я желаю знать, что именно воздействует сильнее на одних, чем на других. В любом случае главное для нас — короле-

ва. Она меня очень волнует. Ведь вполне могло стать так, что Реддик сам себя объявил королем. Что оставляет для Лудорики только две возможности: либо она уже умерла вследствие разрушения короны, либо полностью находится в руках Реддика и поддерживает все его интриги. Что бы там ни было, ему нельзя позволить... — Имфри снова замолчал и изучающе разглядывал Роану. Роана понимала с самого начала, что между ним и королевой существует очень прочная связь. И если королева умерла...

Она глубоко вздохнула, думая о том, сможет ли она когда-нибудь сбросить с себя бремя вины. Хотя Имфри и пытался убедить ее в полной непричастности к происшедшему, она думала совсем иначе. Она взглянула на него и поняла, что необходимо поскорее отвлечь его от страшных мыслей, и, когда он повернулся к ней, заметила, что его лицо немного расслабилось.

— Отдохните, миледи, сколько удастся. — Он кивнул в сторону двери, ведущей во внутренние покои. — Сейчас для нас время — самая драгоценная вещь на свете, и его надо использовать по назначению.

* * *

Было еще утро, когда служанка раздвинула занавески, чтобы пустить в комнату солнечный свет.

— Миледи. — Она присела в книксене, пока Роана сонным взглядом разглядывала ее. — Полковник просил передать, что вам пора идти. И поскорее. Но, прошу прощения, у нас нет горячей воды для умывания, внизу ее тоже нет. — Она показала на стул с аккуратно сложенной одеждой. — Мне кажется, благородные леди одеваются иначе, но полковник сказал, что вам следует надеть именно это.

— Но я не могу отбирать у тебя одежду! — воскликнула Роана, брезгливо глядя на стул, где лежало ее испачканное и пропахшее потом платье, которое она носила уже несколько дней кряду.

— О, миледи, полковник обещал заплатить мне вдвое за ту одежду, которую выбрал из всего, что я ему показала. Ему очень понравилась эта одежда. К тому же она новая, и здесь есть плащ от дождя.

Роана кое-как вымылась, поблагодарив служанку за воду и мыло, пахнущее ароматными травами. Потом обрядилась в одно из выбранных Имфри платьев для верховой езды и обтягиваю-

щий тело корсаж с жакеткой сверху. И платье, и жакет были зеленовато-синего цвета, но без ярких лент и кружевных украшений, которые она видела раньше. Затем набросила серый плащ в зеновато-синюю полоску с пришитым сзади капюшоном. Роана попыталась привести в порядок волосы. Они превратились в бесформенную всклокоченную массу, и ей пришлось немало потрудиться, чтобы создать хотя бы некое подобие прически, аккуратно обрамляющей ее лицо. Выходя в соседнюю комнату, она все еще поправляла волосы. Служанка тем временем поставила на стол блюдо с едой.

— Прошу вас, миледи, — проговорила она и с извиняющимся видом добавила:

— Полковник сказал, чтобы вы управились с едой как можно быстрее.

— Разумеется, — ответила Роана. Впервые за все эти дни она почувствовала настоящий голод. И быстро принялась за еду, вскоре оставив на столе совершенно чистое блюдо.

Служанка проводила Роану по лестнице вниз. Там, в общей зале, собралось очень много мужчин; большинство из них впопыхах что-то ели, постоянно требуя, чтобы их высокие пивные кружки наполнили еще раз. Многих из них Роана не знала, кроме Маттинэ, который приветственно помахал ей рукою с порога, подзывая к себе. Остальные мужчины поспешно посторонились, давая ей пройти.

Имфри стоял возле двурога, критически разглядывая еще одного. Когда Роана подошла, он коротко поздоровался с нею, а потом указал ей на животное.

— Хотя она выглядит довольно плачевно, у нее быстрый и устойчивый шаг, правда, мы не сможем использовать ее долго, — предупредил он.

Роане пришлось признать, что самка двурога была костлявой и довольно неуклюжей, вокруг коротеньких рожек торчала грубая шерсть, а хвост напоминал веревку. К тому же, когда полковник начал усаживать Роану в седло, привязанное к ее костлявой спине, животное протестующе завопило. Имфри рявкнул на клячу, и та затихла. Роана же тем временем пришла к мрачному решению, что это будет ее последней поездкой верхом.

Они подъехали к командиру отряда, изрядно увеличившегося за прошедшую ночь.

— Мы отправляемся в Уркермарк? — спросила девушка.

— Да, но тайными тропами.

Поэтому они отъехали от главного пути на проселочную дорогу, бегущую параллельно ей. Немного позднее пустили своих двурогов вскачь, преодолели несколько невысоких дорожных оград и несколько раз пересекли огромные поля, топча копытами посева и молодую травку. Казалось, что для достижения своей цели Имфри выбрал самый сложный путь.

Потом они поскакали на запад, и Роане почему-то показалось, что они значительно отклонились от места своего назначения. Однако около полудня отряд добрался до берега реки и поехал дальше вдоль него по течению, служившему указателем. Река немного повернула на восток, и, проскакав еще немного, они очутились возле одного из мостиков с треугольной башенкой, которая, казалось, была его неотделимой частью. Такой мостик Роана уже видела прежде.

Там они и спешили. Имфри с сержантом и еще двое солдат подошли к башенке. Рядом с нею работали какие-то люди. Несколько мужчин принесли железные прутья и с гулким грохотом начали вбивать их в отверстия между расшатавшимися каменными глыбами. Похоже, что они разбирали башенку. Как и прежде, Роана заметила внизу специальную щель для подношений.

Внезапно из стены вывалился кусок каменной кладки и развалился на куски, но мужчины с готовностью начали убирать камни с дороги. При помощи тех же железных прутьев они очистили пол внутри башни. В воздух полетели монетки, они падали в траву, но рабочие не обращали на деньги никакого внимания.

Солнце ярко осветило пыльный пол, и теперь в нем отчетливо стал виден желоб. Сержант Вулдон взял прут и, пользуясь им как рычагом, опустил его и подсунул под небольшой каменный брусок, лежащий поперек желоба. Его лицо покраснелось от натуги, и сержант со всей силой нажимал на рычаг, а к нему присоединились полковник и еще двое рабочих. Когда камень с трудом сдвинулся, все увидели толстую решетку. Немного отдышавшись, они приподняли еще два каменных блока с обеих сторон решетки и по очереди отодвинули их.

Очень скоро Роана уже спускалась по каменным ступеням вниз. Путь освещали фонари, которые держали люди, идущие впереди нее. Потом она оказалась возле входа в длинный коридор, стены и опоры которого были сделаны из крупного булыжника.

Вокруг царила темнота, а в ноздри ударял неприятный затхлый запах. Тем не менее Роана с радостью отметила, что время от времени вдыхает порывы свежего воздуха, будто в коридоре установили вентиляционную систему. Коридор был настолько узок, что позволял им идти только по двое, и они шли гуськом, стараясь не отставать друг от друга. Так они и шли, Имфри и Маттинэ впереди, за ними — Роана с сержантом, а остальной отряд двигался в арьергарде.

Поскольку большая часть этого пути была совершенно ровной, то Роана решила, что проделать такой коридор под землей было невероятно сложно. И еще она начинала задумываться о том, что если этот подземный коридор длиною во много лиг вел прямо к Уркермарку, то когда они дойдут до следующих крутых ступеней лестницы, а потом опять начнут спускаться, это приведет их на другой — более глубокий уровень. По пути она ни разу не замечала никаких рукотворных строений, а скорее видела множество проломов и пещер, напоминающих ей длинную анфиладу комнат. Некоторые из них были настолько огромны, что свет фонаря не мог полностью осветить их.

Имфри уверенно шел вперед, как будто отлично знал эту тайную дорогу. Наконец он остановился, чтобы свериться со своим «компасом».

— Здесь должен быть поворот направо, — проговорил он и указал фонарем куда-то в темноту. Они оказались в еще одной пещере, которая была намного больше предыдущих. Остальные молча следовали за ними.

Теперь полковник заметно сбавил шаг, и они с Маттинэ подняли фонари повыше. И тут Роана увидела еще одну лестницу, запотевшую от влаги. На камнях собрались прозрачные капли воды.

Роана начала осторожно подниматься, боясь поскользнуться на влажных ступенях. Затем, миновав еще один короткий коридор, они вышли к четвертой лестнице. На этот раз ступени с одной стороны ограничивались деревянными панелями, с которых свисала толстая паутина, тяжелая от пыли, скапливающейся здесь годами. Они поднимались и поднимались, хотя Имфри шел очень медленно, очевидно, считая ступени, будто их количество являлось каким-то нужным ему ключом.

Наконец он взмахнул рукой, и сержант остановился рядом с Роаной. Он легонько коснулся ее плеча и сказал:

— Далее не надо идти, миледи.

Она повиновалась, что стало сигналом для остальных. Вереница мужчин мгновенно остановилась.

Передав свой фонарь Маттинэ, чтобы тот освещал стену уже двумя источниками света, полковник провел ладонью по деревянной поверхности. Потом он сторбился, словно старался плечами выдавить какую-то очень крепкую преграду. И вдруг Роана увидела, как часть панели сдвинулась, открывая ее взору дверь.

Когда настала ее очередь пройти через нее, она в нерешительности остановилась. Но ее сомнения длились лишь мгновение. Она вошла внутрь и оказалась в таком же богато обставленном и просторном помещении, какой была обеденная зала из ее сна. Вокруг стояла такая же массивная мебель с искусной резьбой, а стены украшали гобелены точно такого же цвета и такие же, как и во сне. Роана заметила, что они немного выцвели от времени.

Она отступила в сторону, давая пройти людям, шедшим за нею по пятам. Как только они очутились в зале, как тотчас же разбрелись по ней во все стороны. Имфри стоял возле еще одной двери, ведущей в залу, а сержант занял место по другую сторону дверного косяка. Оба сжимали в руках старинные пистолеты. Спустя несколько секунд полковник переступил порог, ведущий в следующую комнату, внимательно осмотрелся и взмахом руки подозвал остальных к себе.

Так они оказались в самом сердце главной башни замка Уркермарк. И Имфри повел их через длинную анфиладу его залов. Дважды Роана останавливалась, прислушиваясь к биению своего сердца, когда до нее доносились звуки выстрелов, громким эхом раздающиеся по огромным залам. По пути ей пришлось перешагнуть через безжизненное тело, лежащее ничком. Из-под него вытекала тонкая красная струйка крови.

Не столкнувшись с упорядоченным сопротивлением, они двинулись быстрее. Время от времени до Роаны доносились короткие приказы, произнесенные шепотом. Так они достигли еще одной двери, перед которой полковник остановился. Не считая Роаны, с ним оставалось десять человек.

Имфри аккуратно коснулся засова, но, прежде чем успел резко распахнуть дверь, он тотчас же отскочил в сторону, чтобы случайно не столкнуться с тем, кто мог находиться внутри с оружием наготове.

— Брось его! — услышала Роана.

Это нельзя было назвать голосом, ибо напоминало странный звук, похожий на злобный смешок. Но полковник уже вошел внутрь, остальные толпою ввалились за ним, и только Роана вошла в залу последней. И к своему счастью, она не увидела ни драки, ни боя. Скорее — странную сцену, как будто актеры застыли у входа, как истуканы.

На кушетке с закрытыми глазами лежала Лудорика в изодранном платье. С изуродованного корсажа свисали черные кружева. Ее растрепанные волосы сваялись в бесформенные клубки.

За ее ложем стоял стул, на котором сидел Шамбри, держа руки чуть повыше груди. На них покоился пылающий шар, излучающий волнистый свет. Он сидел с открытым ртом, из уголка которого свисала слюна. Как только он увидел Имфри, его губы сложились в зловещей ухмылке.

— Тихо, сэр, королева изволит почивать. Она спит и видит сны, сны о нас, и если она проснется, то всем нам придет конец. Ибо мы — создания ее сна. Только я, Шамбри, могу постоянно удерживать ее во сне... а нас — в живых!!!

Люди в зале беспокойно задвигались, явно ошарашенные его словами. Только Имфри продолжал стоять прямо напротив Прорицателя. И прежде чем Шамбри успел увернуться, полковник вырвал шар у него из рук.

Закричав от ужаса, Шамбри бросился на Имфри, пытаясь скрюченными пальцами дотянуться до шара или, вероятно, — до горла полковника. Но тут между ними вклинился Вулдон и, изрыгая проклятья, схватил Шамбри и усадил его обратно на стул с такой силой, что стул опрокинулся, увлекая за собою на пол Прорицателя.

Роана уже подбежала к Лудорике. Лицо принцессы была мертвенно-бледным, изможденным, но лишенным выражения злости, когда ее голову венчала корона. Кожа Лудорики была горячей и сухой, словно она страдала от лихорадки, а губы потрескались и посинели. Но она была еще жива, и грудь ее то вздымалась, то опускалась во сне.

Вулдон схватил Шамбри за воротник плаща и рывком поднял его на ноги. Затем как следует встряхнул его, и теперь Прорицатель повис у него в руках, словно мешок с овсом. И при этом он жалобно глядел на Имфри.

Полковник подошел к кушетке и, взяв Лудорику за руку, вложил ее в свои ладони.

— Думаю, она находится под воздействием магического шара. Если это так, то есть одно сильнодействующее средство против этого. — Он повернулся, высоко поднял шар и со всей силы шарахнул его об пол. Магический шар разлетелся вдребезги. Шамбри, издав дикий, животный крик, начал вырываться из рук Вулдона с такой силой, что даже могучий сержант не мог удержать его. Двое солдат бросились ему на помощь.

Лудорика повернула голову на подушке. Открыла глаза. Но она никого не узнавала.

— Присмотри за ней, — обратился к Роане полковник. — Как я погляжу, здесь нет кое-кого из этой компании, кого я обязательно должен найти!

Огромными шагами он пересек залу и, подойдя к следующей двери, играючи вышиб ее могучим плечом.

Роана посмотрела в образовавшееся отверстие и увидела часть зала, подпираемого высокими колоннами, большинство из которых находилось за пределами ее поля зрения. Тем не менее ей удалось разглядеть возвышение, а на нем — трон, установленный так, что она не смогла рассмотреть того, кто его занимал. Голову сидящего на троне человека венчала корона, сверкающая льдом. Тот, кто сидел на троне, даже не повернул голову, чтобы увидеть Имфри, буквально влетевшего в залу.

И все-таки он оказался не один. Окружающие его люди не стояли по стойке «смирно» в присутствии короля, а скорее ползали по полу перед ним, поэтому, когда полковник с пистолетом наготове приближался к узурпатору, ему пришлось перешагивать через их тела.

— Реддик! — вскричал полковник гневно.

Герцог даже не шевельнулся. Он как будто не видел и не слышал Имфри. Он сидел совершенно неподвижно, словно, как и Корона, был сделан из сплошного льда. Полковник некоторое время рассматривал его, а потом быстро поднялся к трону и положил руку на плечо своего врага.

И тотчас же отдернул ее со сдавленным криком, ибо его прикосновение разрушило сон этого подобия человека. Затем раздался звонкий мелодичный звук; Корона рассыпалась на мелкие осколки, и дождь из серебряных иголок осыпался на голову и плечи герцога. И тут Реддик причудливо изогнулся, почернел и превратился в нечто такое, на что Роана просто не смогла смотреть. С пронзительным криком она закрыла лицо ладонями.

Свет от лампы освещал роскошное изукрашенное изумительными узорами покрывало, лежащее на постели, возвышающейся на высоком помосте. Хотя свет был гораздо приглушеннее, чем тот, что Роана видела раньше, его вполне хватало, чтобы полностью освещать лицо королевы Лудорики. Когда несчастную бережно перенесли в альков, то Роана попросила подпереть голову Лудорики подушками и, усадив таким образом на мягкой постели, потихоньку, глоток за глотком, поила ее разбавленным водкою вином.

Королева не поднимала рук. Казалось, она вообще не могла двигаться. Она все время улыбалась, а один раз тихо пробормотала имя Имфри, когда тот вошел в залу, чтобы посмотреть на нее. И, судя по ее глазам, они осознали, что Лудорика пребывает в сознании. Только она еще очень слаба.

Роана осторожно попробовала применить кое-какие средства из своей аптечки. Но, похоже, ничто не могло придать сил этой прелестной девушке, которая в эти мгновения вела себя словно беспомощное дитя, вверенное заботам Роаны.

Возможно, они никогда не узнают, что случилось в главной башне Уркермарка до их появления там. Вполне могло статься, что Реддик уже надел Корону до того рокового момента, когда злосчастные приборы превратились в ничто. Это и могло бы объяснить чудовищную гибель герцога на троне, равно как и кончину тех, кто помогал ему захватить власть, — ибо все находившиеся в тронном зале скончались. Шамбри сошел с ума, впав в кататоническое состояние, из которого его так и не сумели вывести.

Роана наблюдала за королевой. Теперь девушка боялась, что Лудорике, вероятно, уже не помогут никакие местные снадобья, равно как и ее самые современные медицинские средства, хотя все лелеяли надежду, что она постепенно полностью придет в себя. Но Роана сказала Имфри правду, что будет лучше поискать нужные средства где-нибудь еще. И по всему королевству разослали гонцов с одним-единственным призывом. Королева нуждается в помощи!

Тем временем замок постепенно возвращался к жизни. Из башни освободили людей, которых Реддик заточил туда как изменников. Кое-кого из преданных принцессе советников гер-

цог приговорил к смертной казни, некоторые — просто исчезли из замка, но четверых все же удалось отыскать и привести обратно. В Уркермарк возвращались слуги, из города тоже приходили люди, искренне предлагая свою помощь, а охрану замка поручили самым преданным солдатам полковника Имфри. Роана поняла, что жизнь продолжается, и очень радовалась этому, однако ее личное поле боя располагалось в спальне королевы.

Ей помогали две служанки Лудорики. Люди полковника случайно обнаружили их запертыми в их комнатухах и тотчас же выпустили на свободу. Сперва они ревновали принцессу к Роане, но потом, сильно обеспокоенные состоянием своей хозяйки, только приветствовали помощь чужестранки и с радостью выполняли все ее распоряжения. А по ночам Роана чутко спала на диване в противоположном конце спальни, готовая к любому призыву Лудорики.

Имфри не желал возвращаться обратно к ее лагерю, но Роана попросила послать гонца, чтобы связаться с ее людьми. Если спасательный бот по-прежнему находится на Клио и люди Роаны узнают об уничтожении установки с приборами, то они могут решить, что планета больше не пребывает в рабстве машин, и, возможно, если захотят, то предоставят в распоряжение Роаны самые современные лекарственные средства, о которых местные жители могут только мечтать. Однако вполне может статься, что бот уже улетел, вернулся к кораблю-носителю, который, в свою очередь, ушел с орбиты и теперь мчится к другим — неизведанным — мирам. Поэтому может оказаться слишком поздно разыскивать ее людей...

Королева открыла глаза. Судя по тому как быстро она моргала, королева понимала, что проспала очень долго. У нее даже порозовели веки. Роана стремительно бросилась к ней и зажала ее вялую руку между своих ладоней.

— Лудорика! — радостно воскликнула она.

Ей показалось, что голубые глаза королевы теперь сосредоточились только на ней — словно она наконец распознала в Роане человека, а не очередной предмет мебелировки. Потрескавшиеся губы медленно разделились, и до Роаны донесся еле уловимый, едва слышный шепот:

— Роана?

— Да, да, о да! — Она крепко сжала королеву в объятьях. — Я — Роана! — с чувством воскликнула она.

То, что Лудорика узнала ее, стало огромным скачком вперед из призрачного мира небытия.

— Ты останешься...

Роана поняла эти слова как вопрос.

— Да, да, я обязательно останусь! — вскричала она.

Но не была совершенно уверена в своевременности ответа, ибо веки Лудорики смежились, и она опять погрузилась в глубокий сон. Хотя на этот раз Роана наблюдала за королевой с легким сердцем. Внимательнее взглядевшись в черты лица спящей, она заметила, что теперь ее сон — более естественный, а не такой, какой бывает у человека, приведенного в бессознательное состояние. Королева лежала со сложенными на груди руками и беззаботно спала, как младенец, когда в спальню тихо вошла служанка, чтобы сменить Роану у постели. Когда служанка приняла у нее «вахту», Роана встала и, увидев, что двери в покои королевы полуоткрыты, подошла к ним.

Имфри находился в соседней комнате. Он был одет по полной форме, а худошавое, свежевыбритое лицо сверкало чистотой и бодростью. Роана прекрасно понимала его. Теперь на полковнике лежала ответственность вывести государство из хаоса.

— Твой корабль улетел, — резко сообщил он.

В какой-то момент все ее мысли были направлены на то, что они лишились последней возможности помочь королеве. А затем суровая правда ударила Роану в самое сердце. Они улетели, бросив ее на произвол судьбы, покинули ее, хотя, возможно, это и был самый лучший выход для Роаны, нарушившей неукоснительный устав Службы. Конечно, для нее это просто подарок, если Служба вынесла решение против дальнейшего контакта с местным населением. Роана вытянула руку, чтобы ухватиться за что-нибудь, ибо внезапно ощутила сильное головокружение. Она попыталась дотянуться до спинки стула. Но вместо этого почувствовала крепкую теплую руку. Оказывается, Имфри подошел и успел подхватить ее.

— Мне очень жаль, — произнес он тихо. Ей даже показалось, что из его голоса исчезли командные нотки. — Наверное, мне вообще не стоило говорить тебе об этом, — прибавил он мягко.

— Нет, теперь это неважно. — Она отрицательно покачала головой. — Другого я и не ожидала. Им стало известно, что мы натворили, поэтому они не стали меня дожидаться. Возможно, они больше никогда не вернуться сюда. Но, Нелис, послушай... коро-

лева... Лудорика... на какое-то очень короткое время она узнала меня! Понимаешь, узнала?! Может быть, у нас есть надежда, что она вернется к нам. И, вероятно, нам вовсе не понадобится никакая помощь извне.

— Ты уверена, что она пошла на поправку? — спросил полковник. И какая-то страстность в его вопросе и то, как он посмотрел в сторону королевских покоев, вызвали в Роане глубокое желание уйти. Она попыталась высвободить руку, но он не отпускал ее.

— Я исполняю свой долг, — медленно промолвил он. Он произнес эти слова так, словно они доставляли ему боль. — Ты наверняка слышала, как она называла меня родственником...

«Наверное, именно поэтому Лудорика желала даже более близких отношений со своим полковником», — с горечью подумала Роана.

— Понимаешь, между нами существует родственная связь — это истинная правда... — тихо молвил Имфри.

Роана больше не могла такое слушать. Если бы эта суровая правда не была облечена в слова, если бы она не слышала ее... хотя бы пока... А ей приходится говорить с ним об этом! Поскольку она не проронила ни слова, он продолжил:

— Очень давно мой отец пожелал, чтобы я поклялся... — Он на какое-то время замолчал, затем закончил: — Эта клятва руководила всей моей жизнью. Наши правители сочетаются браком ради государства, ради благоденствия их стран. Но часто такие брачные союзы являются не больше чем формальными альянсами, несмотря на то что требуются для рождения наследников.

Он прокашлялся и продолжил:

— Наш король Никлас взял себе невесту из Вордайна, потому что советники ясно дали ему понять, что это — его долг. Однако его сердце уже было отдано другой. А такие дела могут привести не только к боли, но и к помутнению рассудка или разложению. Яркий пример тому — неумеренные амбиции Реддика, что, кстати, стало частью страхов моего отца перед самым моим рождением.

Дочерью короля была моя мать, а не принцесса. Она не хотела никого, кроме моего отца; и действительно, она отказывалась от всего, что он преподносил ей. А когда вышла замуж за отца, то была беспредельно рада покинуть королевский двор.

По ее желанию я ни на что не претендовал и ничего не требовал от короля. Точно такое же желание высказал и мой отец.

Я должен был считаться родственником, хотя запросто мог бы и стать им. Для меня Лудорика всегда будет королевой, которой я служу и которую почитаю. И кроме службы, которая является моим моральным долгом по отношению к ней, я иду своей собственной дорогой, а она отправится туда, куда укажет ей судьба. Ты понимаешь, в чем я собираюсь убедить тебя?

Роана словно лишилась дара речи. Поэтому она не ответила, а только кивнула. В эти мгновения она не могла разобраться в своих чувствах. Ибо на это ей требовались время и спокойная обстановка, равно как возможность встретиться со своим новым «я», совершенно новым «я», которое ей еще предстояло хорошенько изучить.

— Что с тобой? — донесся до нее голос Имфри. — Твои люди бросили тебя...

— Да.

— Но ведь это именно то, на что ты надеялась, и не вздумай утверждать обратное! — воскликнул он искренне. И в его голосе она ощутила такое жаркое чувство, которое даже побоялась осознать. Оно привело ее в полное замешательство. — Они улетели, а это значит, что твой народ — здесь! Ты принадлежишь Ревенин, в точности так же, будто родилась среди этих зеленых холмов, воспитывалась в каком-нибудь поместье. Поверь в это, Роана, прошу тебя, поверь! Ибо это и есть правда!

Она не только вообразила то, что он сказал ей, но и окончательно поверила ему. Ибо теперь это и в самом деле стало правдой! И, проникшись беззаветным доверием к нему, она наконец вновь обрела голос, чтобы громко и ясно ответить:

— Да, Нелис, теперь я поверила в это!

**ЗВЕЗДНЫЙ
ОХОТНИК**

Глава 1

В безоблачном небе, где звездный узор казался гигантской чешуйчатой змеей, свернувшейся вокруг черной чаши, большая луна планеты Науатль следовала за маленьким зеленым диском своей сестры. Рас Хьюм стоял на самой верхней террасе дома наслаждений возле ограждения из ароматных, но колючих цветов. Но почему же, собственно говоря, он подумал о змее? И вдруг он понял почему! Древняя ненависть человечества ко злу, которую оно захватило с собой с родной планеты к самым далеким звездам, символизировалась извивающейся на земле змеей. И на Науатле змеей был Васс.

Легкий ночной ветерок шевелил листья дюжины экзотических растений, искусно высаженных здесь, на террасе, чтобы создавать впечатление джунглей.

— Хьюм? — вопрос, казалось, раздался из пустоты.

— Хьюм, — тихо повторил он свое имя.

Луч света, достаточно яркий, чтобы ослепить его, пробился через сплошную стену растительности и осветил ему путь. Хьюм на мгновение замешкался, задумавшись. Васс был Патроном теневой империи, но была она далеко от того мира, откуда прибыл Рас Хьюм.

Он решительно пошел вперед в коридор, образовавшийся специально для него среди листьев и цветов. Из клумбы тарсальных лилий на него искоса смотрела гротескная маска из кристаллов. Черты ее лица были порождением чужого искусства. Тонкие нити вились из ноздрей маски, и Хьюм вдохнул аромат наркотика, так хорошо знакомый ему. Он улыбнулся. Такое средство производило сильное впечатление на обычного штатского, которых Васс принимал здесь, в своей святыне. Но на звездного пилота, ставшего ксеноохотником, такие эффекты не оказывали никакого воздействия.

Потом он подошел к двери. Она тоже была украшена резьбой, но на этот раз в земном стиле, как подумал Хьюм, — очень древняя, может быть, до космического века. Мильфорс Васс на самом деле мог быть чистокровным терранцем, а не их потомком во втором, третьем или четвертом звездном поколении, как у большинства людей на Науатле.

Помещение, находящееся за этой покрытой искусной резьбой дверью, представляло разительный контраст с остальным. На его гладких стенах не было никаких украшений, кроме овального диска, отливающего золотом. Длинный стол был сделан из массивного рубинового камня — цвета Шипе, ядовитой планеты, сестры Науатля. Хьюм подошел прямо к столу и сел, не дожидаясь приглашения.

Овальный диск мог оказаться коммуникатором. Хьюм только мельком взглянул на него, а потом нарочно отвернулся в сторону. Эта первая беседа должна была состояться лично. Если через несколько секунд Васс не появится, ему придется приходить сюда еще раз.

Хьюм надеялся, что он не покажется невидимому наблюдателю человеком, внешность которого вызывала беспокойство. В конце концов, он был тем, кто хотел что-то продать, и его положение, несомненно, было несколько затруднительным.

Рас Хьюм положил правую руку на стол. Здоровый коричневый цвет его кожи отражался на полированной крышке стола, и рука эта почти не отличалась от его левой руки. Почти незаметная разница между настоящей плотью и ее имитацией все же была, но эта разница ни в коей мере не сказывалась на подвижности ее пальцев и силе. Однако именно из-за этого он вылетел из команды грузопассажирского лайнера. Из-за этого сброшен с вершины карьеры: перестал быть звездным пилотом. Вокруг его рта пролегли горькие морщины, словно вырезанные лезвием ножа.

Он был отверженным уже четыре года по местному времени — с тех пор как стартовал на «Ригал Ровере» с космопорта на Саргоне-2. Он подозревал, что это будет сложное путешествие с юным Торсом Вазалицем, одним из трех владельцев Коган-Борс-Вазалиц, и жующим Гратцем. Но он не вступал в споры с владельцами, кроме случаев, когда безопасность корабля была под угрозой. «Ригал Ровер» совершил в Алексбуте аварийную посадку, тяжело раненный пилот смог привести корабль лишь благо-

даря силе воле, надежде и вере в лучшее, которую он быстро потерял.

Он получил искусственную руку — самую лучшую, какую только мог ему предоставить медицинский центр, — и пенсию. А потом — увольнение, потому что Торс Вазалиц умер. Компания не осмелилась объявить Хьюма убийцей, потому что бортовой журнал сразу после аварии был передан Совету Патруля, а в нем содержались доказательства его невиновности, которые нельзя было сфальсифицировать или истолковать по-другому. Итак, наказать его не могли, но могли обеспечить ему медленную смерть. Было заявлено, что о Хьюме как о пилоте и речи больше быть не может. Они пытались не допустить его до космоса.

Может, это и удалось бы, будь он обычным пилотом и знай только одну эту профессию. Но у него была потребность быть на самом краю изведанного космоса, и он старался отправляться в полеты к новым, неисследованным мирам. Не считая изыскателей, среди опытных пилотов было очень мало людей с настолько обширными и глубокими, как у него, знаниями о галактических рубежах.

В итоге, когда Хьюм понял, что он больше не может рассчитывать занять место на корабле, он примкнул к Гильдии Ксе-ноохотников. Была большая разница между управлением лайнером на трассах регулярных линий и проведением сафари в диких местах для обычных, гражданских охотников. Хьюму нравилась исследовательская часть его миссий, но он не любил цацкаться и водить за ручку девять из десяти клиентов, как обычно приходилось делать.

Но если бы он не поступил на службу в Гильдию, он никогда бы не сделал находки на Джумале. Это была редкая удача! Палец Хьюма непроизвольно согнулся, и его ноготь царапнул по красной поверхности стола. Где же Васс? Хьюм уже было хотел подняться и выйти, когда золотистый овал на стене затуманился, и вещество его превратилось в туманную дымку, из которой вышел человек.

По сравнению с бывшим пилотом этот человек был невысок, но у него были такие широкие плечи, что верхняя половина его тела казалась непропорционально огромной по сравнению с его узкими бедрами и короткими ногами. Он был одет чрезвычайно старомодно, и, кроме того, на груди его туго облегающей те-

ло рубашки из серого шелка на уровне сердца был прикреплен усеянная драгоценными камнями брошь. В противоположность Хьюму, он не носил пояса с оружием, но Хьюм не сомневался, что в помещении было спрятано множество устройств, которые предотвратили бы любое нападение.

Человек из зеркала говорил тихим невыразительным голосом. Его черные волосы над ушами были выбриты, а на макушке уложены в виде птичьего гнезда. Его кожа, так же как и кожа Хьюма, была сильно загоревшей, но это, как показалось пилоту, был не космический загар, а естественный, солнечный. Черты лица были резкими, и нос далеко выдавался вперед. Под скошенным лбом под тяжелыми темными веками горели черные глаза.

— Итак... — Он вытянул обе руки и положил ладони на поверхность стола, жест, который Хьюм, сам того не сознавая, повторил. — Вы делаете мне предложение?

Но пилот не торопился с ответом. Театральное появление Васса произвело на него мало впечатления.

— У меня есть идея, — сказал он наконец.

— Идей много. — Васс откинулся в своем кресле, но руки со стола не убрал. — Но только в одной из тысячи бывает что-то полезное. Остальные же не стоят того, чтобы заниматься ими.

— Верно, — тихо ответил Хьюм. — Но одна идея из тысячи может принести миллионы, если попадет к нужному человеку.

— И у вас есть такая идея?

— Да. — Теперь Хьюм должен был вызвать у Васса полное доверие. Он уже обдумал все возможности. Васс был самым подходящим человеком, может быть, он был тем единственным партнером, который ему нужен. Но Васс об этом не должен знать.

— На Джумале? — снова спросил Васс.

Его пристальный взгляд и это утверждение входили в план Хьюма, и эффект был потрачен впустую. Разузнать, что он только что вернулся с этой планеты, было не так уж и сложно. Для этого не требовалось никаких особых талантов.

— Возможно.

— Давайте, ксеноохотник. Мы оба занятые люди, а теперь не время играть в словесные прятки. Или вы сделали находку, которая настолько ценна, что моя организация заинтересуется

ей, или нет. А ценна она или нет, предоставьте, пожалуйста, решить мне.

Ну вот, пришло время все решать. Но у Васса был свой собственный кодекс. У Патрона была власть в его незаконной организации, основанная на твердых правилах. Одним из этих твердых правил было всегда быть корректным со своими теперешними партнерами. И благодаря этому Патруль до сих пор не справился с Вассом, не заманил его в ловушку. Партнеры Васса, работавшие с ним, никогда не предавали его. Если поступало дельное предложение, Васс становился партнером, и он всегда придерживался заключенного договора.

— Претендент на наследство Когана — этого хватит?

На лице Васса не показалось даже следов удивления.

— И чем же этот претендент может оказаться ценным для нас?

Хьюм великолепно расслышал это «нас». Первый раунд выиграл он.

— Если вы представите претендента, то, без сомнения, сможете требовать вознаграждения, и награды могут быть очень разными.

— Это так. Но нельзя создать претендента просто так. Он будет тщательно протестирован, и любое жульничество будет распознано в лабораториях. А настоящему претенденту ни ваша, ни моя помощь совершенно ни к чему.

— Это зависит от претендента.

— Некто, кого вы нашли на Джумале?

— Нет. — Хьюм медленно покачал головой. — На Джумале я нашел кое-что другое. Спасательный бот с «Ларго Дрифта» — целый, в хорошем состоянии. По-видимому, спасшиеся после катастрофы совершили на нем посадку.

— А доказательства того, что спасшиеся живы до сих пор, они у вас есть?

Хьюм пожал плечами.

— С тех пор прошло шесть местных лет. Там, где находится бот, теперь лес. Нет, в настоящий момент у меня нет доказательств.

— «Ларго Дрифт», — медленно повторил Васс. — Среди прочих на его борту была и джентльфем Тарли Коган Броуди.

— Вместе со своим сыном, Ринчем Броуди, которому в то время, когда исчез «Ларго Дрифт», было четырнадцать лет.

— Вы действительно сделали ценную находку. — Из этого простого замечания Васса Хьюм заключил, что удача на его стороне. Его идея принята и теперь рассматривалась самым изощренным преступным умом по меньшей мере пяти звездных систем, раскладывая все это на детали, о которых сам он никогда бы и не подумал.

— Есть ли какая-нибудь вероятность того, что спасшиеся еще живы? — Васс перешел прямо к сути проблемы.

— Никаких доказательств, что пассажиры остались в живых, нет. Да, спасательный бот совершил посадку. Вы же знаете, что спасательные боты полностью автоматизированы и через определенное время после сигнала об аварии они сами отчаливают от корабля. На борту бота могли быть спасшиеся, но я три месяца был на Джумале — в составе команды Гильдии — и не обнаружил никаких следов потерпевших кораблекрушение.

— Итак, вы предлагаете...

— Я предлагаю выбрать Джумалу для проведения сафари. Спасательный бот может быть совершенно случайно обнаружен одним из его участников. Каждый знает эту историю, обошедшую весь десятый сектор и дошедшую до Терранского двора. Десять лет назад джентльфем Броуди и ее сын не представляли ни для кого никакого интереса. Сегодня же, когда им по наследству принадлежит почти треть «Коган-Борс-Вазалиц», мы можем рассчитывать на то, что каждая находка, так или иначе связанная с «Ларго Дрифтом», произведет шум на всю Галактику.

— И кто, по вашему предположению, мог выжить? Джентльфем?

Хьюм покачал головой.

— Юноша. Кроме того, о нем говорят, что он был достаточно разумен и мог прочитать руководство по выживанию, которое было на корабле. Он мог уцелеть и вырасти в глуши этой отдаленной планеты. С женщиной вероятность того же мала.

— Вы совершенно правы, но нам понадобится очень искусный человек.

— Мне так не кажется. — Глаза Хьюма встретились с глазами Васса. — Нам понадобится молодой человек подходящего возраста и соответствующей внешности, а также формирователь.

Выражение лица Васса не изменилось. Но когда он встал, в его по-прежнему монотонном голосе что-то изменилось.

— Но вы, похоже, уже все знали и все обдумали.

— А вы, похоже, знали, куда прийти с таким предложением.

— Я человек, который прислушивается ко всему и во всех мирах, — ответил Хьюм. — И если моих ушей достигает какой-то слух, я не всегда считаю его чистым вымыслом.

— Это верно. Как член Гильдии, вы всегда интересовались источниками всех распускаемых слухов, — произнес Васс. — Кажется, вы сами уже разработали не один план.

— Я всегда ждал подходящего случая, — ответил Хьюм.

— Ах да, картель «Коган-Борс-Вазалиц» хотел выместить на вас свою досаду. Но я вижу, что вы тоже человек, который ничего так легко не забывает. Я это тоже понимаю. Я сам, знаете ли, тоже предрасположен к этому. Я не забываю своих врагов и не прощаю им ничего, даже если иногда кажется, что простил им все.

Хьюм принял это предупреждение к сведению — каждая сделка, естественно, должна быть выгодной для обеих сторон. Васс на мгновение замолчал, словно ему понадобилось время на то, чтобы собраться с мыслями. Затем он продолжил:

— Молодой человек с подходящей внешностью. У вас уже есть определенное представление о том, каким он должен быть?

— Я уже думал об этом, — больше Хьюм не сказал ничего.

— Он должен иметь некоторые воспоминания о своем прошлом — потребуется некоторое время, чтобы подготовить их.

— Во всем, что касается Джумалу, я смогу помочь.

— Да, вы должны обеспечить нас пленкой, на которой записаны все справочные данные об этом мире. Об обеспечении его памятью о собственной семье я позабочусь сам. Интересный проект, не говоря уже о ценностях, которые он может принести. Мои эксперты будут рады работать над ним.

Эксперты, психотехники — у Васса они были. Люди, преступившие грань закона, присоединялись к организации Васса и процветали в ней. У нее были техники, которые достаточно опустили, чтобы разработать такой проект ради своего собственного удовольствия. На мгновение, но на долгое мгновение, в Хьюме что-то восстало против такого проекта. Потом он пожал плечами.

— Когда вы хотите начать?

— Как долго продлятся приготовления? — спросил Хьюм.

— Месяца три-четыре. Нужно навести некоторые справки и подготовить материал.

— Может пройти месяцев шесть, прежде чем Гильдия наберет достаточно желающих для сафари на Джумалу.

Васс улыбнулся.

— Об этом не беспокойтесь. Когда придет время сафари, клиенты у вас будут, клиенты, которые закажут Гильдии именно такое сафари.

Хьюм знал, что так и будет. Влияние Васса достигало таких мест, где о нем самом совершенно не было известно. Да, он мог рассчитывать на то, что благородных клиентов будет достаточно для того, чтобы обнаружить Ринча Броуди, когда для этого наступит время.

— Я могу помочь вам найти нужного молодого человека сегодня вечером, но куда прислать его?

— Вы уверены, что сможете сделать верный выбор?

— Он соответствует всем требованиям. Возраст подходит, внешность тоже. Юноша, исчезновение которого никто и не заметит: он не имеет никаких родственников, никаких связей, и, если он исчезнет, это никого не беспокоит.

— Очень хорошо.

— Возьмите его сейчас, отправляйтесь туда. — Васс вытянул руку над крышкой стола. На красном камне на несколько секунд вспыхнул адрес. Хьюм посмотрел на него, запомнил и кивнул. Это место было в городе, рядом с космопортом. Адрес, который можно было найти в любое время, не спрашивая никого, где находится это место. Он встал. — Он будет там. Идите туда завтра, — добавил Васс. Его рука снова протянулась над столом, и на нем появился другой адрес. — Там вы можете начать работу над вашими записями. Вам для этого, наверное, потребуется некоторое время.

— Я готов. Кроме того, я еще должен подготовить сообщение для Гильдии — мне надо получить в свое распоряжение все мои заметки.

— Отлично, ксеноохотник Хьюм, я приветствую своего нового партнера. — Правая рука Васса наконец поднялась со стола. — Пусть же удача сопутствует нам обоим в нашем деле.

— Удача, достойная наших стремлений, — сказал Хьюм.

— Очень хорошо сказано, охотник. Удача, достойная наших стремлений. Да, заслужим же её.

Глава 2

«Звездопад» был гораздо более скромных размеров, чем дома наслаждений верхнего города. Здесь тоже предлагались редчайшие запрещенные удовольствия, потакающие всем порокам, но не настолько экзотические, как те, что предлагал Васс. Здесь было все для экипажей грузовых звездолетов, которые могли просаживать здесь за один вечер все жалованье за целый рейс. Вместо опьяняющих ароматов террас Васса здесь были просто запахи, не более.

В этот вечер уже произошли две дуэли со смертельным исходом. Инженер-механик с пограничного корабля вызвал на поединок звездного старателя, настояв на том, чтобы урегулировать разногласия с помощью смертельно опасного бича, сделанного из кожи летающего ящера с Фланго. Поединок, которого не выдержал ни один: первый был мертв, второй лежал при смерти. И вторая дуэль: бывший звездный пехотинец с посеченным шрамами лицом убил торговца из своего бластера.

Юноша, получивший задание оттащить тело последнего в глухой переулок и оставить там, теперь медленно входил в ресторанчик. Его лицо было болезненно зеленым, а рука прижата к животу.

Он был худым, почти истощенным, и тонкие скулы на его лице туго обтягивала бледная кожа. Его ребра ясно были видны под дешевым сукном одежды. Когда он прислонился спиной к грязной стене и обратил лицо вверх, к свету, его волосы блеснули, как свежеччищенный каштан. Для работы, которую он исполнял, он действительно выглядел достаточно неухоженным и беззащитным.

— Эй, ты, Лензор!

Юноша вздрогнул, словно его тела внезапно коснулось ледяное дуновение ветра. Он вытаращил глаза. На его худом лице они были непропорционально огромными, и цвет их был странным — не зеленого и не голубого цвета, а нечто среднее.

— Сюда иди, ты! Нечего сидеть здесь, как будто сам за себя платишь, а не я плачу тебе. — Саларикиец, стоящий рядом с ним, говорил на основном галактическом без акцента, хотя было странно слышать слова, исходящие из нечеловеческого желтого рта. Поросшая мехом рука сунула юноше в руки рукоять автошвабры, и когтистый палец ткнул в том направлении, где, оче-

видно, надо было навести чистоту. Вай Лензор старательно выпрямился, взял швабру и оскалил зубы в улыбке.

Кто-то пролил стакан кардо, и пурпурная жидкость уже оставила на полу пятна, свести которые было очень непросто. Но юноша все же, взяв бесполезную метлу, принялся за работу и засосал в нее хотя бы часть жидкости. Испарения кардо, смешивающиеся с обычными запахами в этом помещении, вызвали у него дурноту.

Он побледнел, работал в каком-то оцепенении и не замечал человека, сидевшего в одиночестве в нише, пока его метла не наткнулась на одну из пьющих девиц. Та громко выругалась на языке Алтарь-Иштара и ударила его ладонью по щеке.

Удар оказался для него совершенно неожиданным и отбросил его к открытой решетке у входа в нишу. Он попытался удержаться на ногах, когда чья-то рука схватила его. Он вздрогнул, попытался освободиться от хватки, но понял, что тот, кто схватил его, уже не отпустит.

Он поднял глаза. Человек был в мундире космолетчика, однако место, где должен быть символ компании, пустовало, показывая тем самым, что в данный момент он ни на кого не работает. Но, хотя его форма была потертой и испачканной и сапоги с магнитными подковами поношены и нечищены, он чем-то отличался от других подобных ему, которые в данный момент наслаждались удовольствиями «Звездопада».

— Он доставил вам беспокойство? — птицеподобная фигура вормианца, привратника и вышибалы «Звездопада», с полным осознанием своей силы протискивалась через толпу. Его силу не мог игнорировать никто, если только не напился до слепоты, глухоты и бесчувствия. Шестипалая рука, покрытая чешуей, протянулась к Лензору, и юноша произвольно отпрянул назад.

— Нет, оставьте его. — В голосе мужчины, сидевшего в нише, прозвучали нотки, ясно показывающие, что с обладателем этого голоса шутить не стоило. Потом его голос снова зазвучал нормально, хотя и несколько замедленно: — Он похож на моего старого товарища по корабельной службе. Оставьте его. Мне теперь необходимо выпить с моим старым товарищем. — Рука, поддерживающая Вая, слегка нажала, усаживая его на второй стул за столиком в нише. Крепкая хватка никак не вязалась с мягким голосом мужчины.

Глаза вормианца переместились с посетителя «Звездопада» на этого жалкого уборщика, потом он усмехнулся и сказал прямо в ухо Ваю:

— Если господин хочет, чтобы ты пил, тогда пей!

Вай торопливо кивнул и приложил руку к губам. Он боялся, что сейчас его желудок взбунтуется. Затем с опаской взглянул на вормианца. Только когда его широкая серо-зеленая спина исчезла в дымных испарениях таверны, он осмелился перевести дыхание.

— Ну! — хватка руки на его локте ослабла, но теперь в руку его сунули кружку. — Пей!

Он хотел отказаться, но понял, что это бесполезно, и ему понадобились обе его руки, чтобы поднести кружку к губам. Он с отвращением сделал глоток жгучей жидкости. Но действие ее оказалось совсем не таким, как он ожидал. Вместо того чтобы вызвать дурноту, она проявила его голову, и наконец он смог расслабиться.

Когда кружка опустела почти наполовину, он отважился поднять глаза на человека, и тот тоже взглянул на него. Нет, это был не обычный космолетчик, и он не был пьяным, как хотел показать это вормианцу. Сейчас он наблюдал за публикой, наполняющей заведение, но Вай был убежден, что от этого человека не ускользало ни одно движение, которое делал его сосед по столу. Вай опустошил кружку. Впервые за те два месяца, что он приходил сюда, с ним обращались как с человеком. Он был достаточно умен, и ему стало ясно, что напиток, только что выпитый им, содержал какое-то возбуждающее средство. Но в данный момент ему было совершенно все равно. Любое средство, уничтожившее в несколько секунд весь страх, отчаяние и позор, испытываемые им в «Звездопаде», стоило того, чтобы его выпить. Почему незнакомец дал ему этот напиток, было для него загадкой, но в это мгновение он был доволен, и ему не нужно было никаких объяснений.

Лензор снова ощутил направляющее усилие руки незнакомца. Они вместе вышли на прохладный, показавшийся Ваю очень приятным воздух улицы. Едва они прошли один квартал, как незнакомец остановился, но не отпустил своего пленника.

— Сорок имен Дугора! — выругался он.

Лензор ждал, жадно вдыхая холодный утренний воздух. Самоуверенность, которую придал ему этот таинственный напиток, еще не покинула его. В настоящий момент он знал только, что не существовало ничего хуже того, что он пережил раньше,

и был согласен терпеливо перенести все, что захочет от него этот странный посетитель «Звездопада».

Незнакомец ударил ладонью по кнопке вызова воздушного такси и подождал, пока городской флиттер не опустится перед ними.

Из кабины флиттера Вай видел, что они приближаются к верхнему городу, оставив за собой чадный портовый город. Он задумался над тем, что могло быть их целью, но ему ничто не говорило об этом. Потом машина опустилась на посадочную платформу.

Незнакомец жестом велел Лензору пройти через дверь в короткий коридор и войти в комнату. Вай осторожно опустился в пенорезиновое кресло, выдвинувшееся из стены, когда он приблизился к ней. Он, широко раскрыв глаза, огляделся вокруг. Ибо лишь смутно мог представить себе помещение, обставленное с таким комфортом, как это, и он не помнил, видел ли что-нибудь подобное когда-либо на самом деле или это было всего лишь порождением его буйной фантазии. Это были фантазии, выдуманные Ваем за время мрачной городской жизни в государственном приюте, а потом он принес их на предоставленную государством работу, которую вскоре потерял, потому что не смог приспособиться к тупой механической жизни оператора компьютера. Эти фантазии были его якорем и местом, куда он мог убежать, когда жизнь привела его на самое дно портового района, в «Звездопад».

Теперь он уперся обеими руками в мягкий белый пластик кресла и удивленно смотрел на маленькое трехмерное фото на стене напротив — крошечная сценка из жизни на другой планете, где животное с расчерченным черными и белыми полосами мехом подкрадывалось к паре длинноногих короткокрылых птиц, выделяющихся как кроваво-красные пятна на фоне желтых кустов под бледно-фиолетовым небом. Он некоторое время с удовольствием рассматривал это цветное великолепие и радовался чувству свободы и чудесам далекого мира, которые навела на него эта сценка.

— Кто вы?

Внезапный вопрос незнакомца вырвал его из грез и напомнил ему не только, где он находится, но и о его затруднительном положении. Он облизал губы языком.

— Вай. Вай Лензор. — А потом добавил: — В. О. 425061.

— Воспитанник общества, не так ли? — Мужчина нажал кнопку, заказав себе освежающий напиток, и через мгновение

спокойно потягивал его. Но он не заказал второго стакана для Вая. — Родители?

Лензор покачал головой.

— Меня подобрали после эпидемии пятичасовой лихорадки. Они даже не стали нас регистрировать, потому что таких было очень много.

Мужчина наблюдал за ним через край своего стеклянного стакана. В его глазах был холод, нечто такое, от чего хотелось укрыться, хотя мгновение назад Вай чувствовал себя в полной безопасности. Теперь мужчина поставил стакан на стол и пересек комнату. Он провел рукой по его подбородку и поднял голову юноши таким образом, что тот внезапно почувствовал отвращение и страх. И все же внутренний голос подсказывал ему, что сопротивление доставит еще больше неприятностей.

— Терранец первого или, самое большее, второго поколения, — он говорил это скорее сам себе, чем Ваяу. Затем отпустил голову юноши, но все еще стоял перед ним и рассматривал его сверху вниз. Лензору хотелось вскочить, но он подавил этот импульс и приготовился выдержать взгляд незнакомца, если тот снова уставится на него.

— Нет... нет, ты не из обычного портового сброда. Я говорю это тебе сейчас... — Он снова посмотрел на Вая и вдруг вспомнил, что юноша тоже может думать, обладает чувствами и тоже является личностью. — Хочешь получить работу?

Лензор вжал руки в подлокотники кресла, пока не побелели костяшки его пальцев.

— Что... что за работа? — Он одновременно и устыдился, и внутренне возмутился слабостью своего голоса.

— Ты ещё и сомневаешься? — Незнакомец, казалось, счел это весьма забавным.

Лицо Вая покраснело, но в то же время он был удивлен тем, что мужчина в поношенной форме космолетчика верно понял его колебание. Кто же из обычных побирушек у «Звездопада» будет испытывать сомнения, получив такое предложение? Да и сам он, собственно, не понимал, почему он сомневался.

— Ничего незаконного, это я могу гарантировать. — Мужчина поставил стакан в пустую нишу. — Я — ксеноохотник.

Лензор кивнул. Все это казалось ему чудом. Незнакомец с нетерпением наблюдал за ним, ожидая от него какой-нибудь реакции.

— Можешь даже взглянуть на мои документы, если хочешь.

— Я уже верю вам. — Вай наконец снова обрел голос.

— Мне нужен помощник, занимающийся техникой.

Но это не могло быть правдой! Нет, это невозможно. Он, Вай Лензор, воспитанник общества... накинть портового города. Такого с ним еще не случалось. Такое могло быть только в мечтах, вызванных ядовитым дымом, а наяву с ним такого никогда не было. Все это было сном, от которого он никак не может пробудиться, по крайней мере, ему этого не хочется...

— Ты готов поступить ко мне на службу?

Вай попытался ухватиться за реальность, собрать разбежавшиеся мысли. Помощник ксеноохотника! Пятеро из шести отдали бы все что угодно за один такой шанс. Ледяная рука сомнения снова сжала его сердце. Ничтожеству из космопорта почти невозможно стать помощником члена Гильдии Охотников.

Казалось, незнакомец снова прочитал его мысли.

— Дело вот в чем, — внезапно сказал он. — Мне пришлось однажды взяться за грязное дело, и вот уже год, как я здесь. Ты мне кое-кого напоминаешь, и перед этим кое-кем я хочу исполнить свой долг. Помогая тебе, я смогу сделать это.

Уже почти совсем угасшая надежда Вая вспыхнула с новой силой. Если ксеноохотник был приверженцем Фата, это все объясняло. Если вы не отблагодарите за доброе деяние, которое было совершено, то будет плохо, так как Весы Вечности обязательно должны быть уравновешены другим добрым деянием. Юноша немного успокоился, и у него внезапно появились ответы на множество незадаанных вопросов.

— Итак, ты принимаешь мое предложение?

Вай отчаянно закивал.

— Да, да! — Он все еще не мог поверить своему счастью.

Незнакомец снова нажал кнопку, и на этот раз он протянул один из стаканов с освежающим напитком Лензору.

— Выпьем за это. — Его слова прозвучали как приказ.

Лензор выпил. Содержимое стакана влилось в его рот, и он внезапно почувствовал, насколько устал. Юноша откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Рас Хьюм взял пустой стакан из его расслабившихся пальцев. Все шло великолепно. До сих пор, похоже, удача была на его стороне. Казалось настоящим везением то, что он, начав поиски «наследника», три ночи назад зашел в «Звездопад». И Вай Лензор

оказался лучшим кандидатом, чем он мог этого ожидать. У юноши были подходящий цвет кожи и такая несчастная судьба, что он проглотил первую же его историю, и теперь с ним будет легко ладить. И как только он попадет в руки техников Васса, он станет Ринчем Броуди, наследником одной трети «Коган-Борс-Вазалиц».

— Пойдем! — он потряс Вая за плечо. Юноша раскрыл глаза, но, когда он поднялся, взгляд его был пустым. Хьюм взглянул на свои часы, показывающие местное время. Было еще очень рано. Риск, на который он шел, выводя Лензора из дома, был минимальным, если они выйдут именно сейчас. Он взял юношу за локоть и вывел его на посадочную площадку. Воздушное такси ждало их. Хьюм чувствовал себя как игрок, попавший в десятку, когда он усадил юношу во флиттер, заложил в автопилот маршрут следования и поднял машину в воздух.

Там, куда они прибыли, он со своим подопечным пересел в другое воздушное такси и на этот раз указал действительно нужный ему адрес — неподалеку от места, указанного ему Вассом. Вскоре после посадки он ввел Вая в маленькую прихожую с несколькими табличками, на которых были имена и фамилии. Он отыскал нужную кнопку и сразу же понял, что его отпечатки пальцев, которые он оставил на столе в приемном зале Васса, были зарегистрированы и сохранены. Под фамилией на табличке вспыхнул огонек, стена справа от него замерцала, и он внезапно увидел дверь, находившуюся перед ним. Хьюм направил туда Вая и кивнул ожидавшему их мужчине. Это был эвкориец, который, очевидно, относился к касте посыльных, и теперь он принял посланного к нему Лензора.

— Я возьму его, джентльхома. — Голос эвкорийца был так же невыразителен, как и его лицо. Стена снова замерцала, и экран исчез.

Хьюм провел рукой по бедру и осознал, как груба была материя его формы космолетчика. Когда он покинул прихожую, морщины раздумья резко иссекли его лоб.

Глупо! Бродяга из самой грязной норы во всем космопорте. Вероятно, парнишка проживет не более года, если и дальше будет находиться в таком окружении. В сущности, он даже сделал доброе дело, дав ему шанс на будущее, какое едва ли может присниться ему или кому-нибудь еще из миллиардов ему подобных. Если бы Вай Лензор знал, что ему предстоит, он, вероятно, сам

бы притащил Хьюма сюда. Нет, конечно, этому юноше никогда и в голову не приходили подобные мысли. Ему еще никогда не выпадала такая удача — такое было просто невероятным!

Опасный для Вая небольшой период был между моментом, подготовленной организацией Васса, его высадки на Джумалу и временем, когда охотничья партия его «найдет». И Хьюм сам проследит, чтобы к этому времени его подготовили, обучили всему необходимому, что он должен знать, и в этом ему поможет опыт ксеноохотника Гильдии. Ринч Броуди получит все знания, необходимые, чтобы выжить в этой глуши. Хьюм уже составлял в уме список того, что нужно сделать. Потом вышел на улицу.

Глава 3

Голова тупо болела. Это было первое, что он заметил. Не открывая глаз, он повернулся и ощутил на щеке что-то мягкое, и приятный запах ударил ему в нос.

Он открыл глаза и взглянул на выветривающуюся скалу, прорисовывающуюся на фоне безоблачного зелено-голубого неба. Казалось, в мозгу включилось какое-то реле.

Да, он пытался с помощью приманки выманить хищника из норы и поскользнулся. Ринч Броуди повернулся и сначала попытался пошевелить голой худой рукой, а потом длинной ногой. Ни одна кость не сломана и, несмотря на это, — он наморщил лоб, — была потеря сознания...

Он подполз к маленькому ручейку и погрузил голову и плечи в воду, чтобы как можно быстрее прийти в себя. Он встряхнулся, и капли воды упали на голую грудь, а затем осмотрел свои охотничьи приспособления.

На мгновение он остановился, ощупывая каждый клочок своей одежды. Он помнил каждый час своего занятия или той борьбы, которая была необходима для того, чтобы заполучить материал для сумки, пояса или кусок шкуры для одежды. И все же у него было странное ощущение необычности, которое не относилось ко всему этому.

Ринч покачал головой и вытер рукой мокрое лицо. Все это было сделано его руками, каждая частичка этого. Ему повезло, что у него оказалось руководство по выживанию, которое

он прихватил со спасательного бота и которое так помогло ему. Этот мир ничем не угрожал человеку — если быть осторожным.

Он встал, ослабил сеть, сложил ее и взял в одну руку, а крепкое копьё — в другую. Позади него шевельнулся куст, и, хотя ветер дул с противоположной стороны, Ринч замер и перехватил свое оружие, чтобы, если будет необходимо, мгновенно воспользоваться сетью и копьём. Плеск воды заглушил его ворчание.

Нечто ярко-красное, хотевшее прыгнуть ему на горло, запуталось в сети. Ринч дважды ударил существо, которое в длину было больше его. Водяная кошка примерно годовалого возраста. Когти в судорогах смерти глубоко вонзились в почву. Глаза, почти такого цвета, как и ее мех, сверкали смертельной ненавистью.

Ринча снова охватило ощущение, что он встретил что-то чуждое, совершенно неизвестное ему, и все же он уже много лет охотился на водяных кошек. К счастью, они жили поодиночке — эти звери ревниво охраняли свои охотничьи угодья от других кошек и поэтому во время дальних переходов встречались сравнительно редко.

Юноша нагнулся, чтобы взять свою сеть. Потом он снова опустился на колени и сполоснул лицо. А затем напился, сложив ладони лодочкой и зачерпывая ими воду.

Ринч пошатнулся и прижал ладони к вискам, чтобы хоть немного ослабить боль, угрожавшую расколоть его череп. Он сидел в комнате, пил из стакана — все это было похоже на странную картину, наложенную на существующие в действительности ручеек, скалы и кусты. Он сидел в темноте и пил из стакана — это было важно!

Резкая колючая боль прогнала туманную картину. Он взглянул себе под ноги. Из песка под скалой выползли полчища синечерных маленьких существ с твердыми тельцами, вооруженные вытянутыми когтистыми конечностями, синие антенны — их органы осязания — дрожали над их головами. Эти существа окружили мертвую кошку.

Ринч начал яростно уничтожать их вокруг себя и, спасаясь, бросился в воду. Два существа вцепились ему в лодыжки, больно оцарапав их. Черный поток маленьких существ уже принял за труп. Через несколько секунд от хищной кошки остались только дочиста обглоданные кости.

Ринч схватил свое копьё и сеть и вместе с ними погрузился в воду, чтобы избавиться от напавших на него существ. Потом пе-

решил ручей вброд, стараясь держаться подальше от того места, где убил кошку.

Немного позже он спугнул между двумя скалами четвероногое существо и убил его одним ударом копья. Он ловко освежал его и осмотрел кожу. Был ли это очень грубый мех, или это чешуя? Им снова овладело то же странное чувство.

«Мне кажется, — думал он, поджаривая кусочки вкусного мяса, нанизанные на ветку, — что какая-то часть моего мозга очень хорошо знает, какого зверя я только что убил. И все же во мне есть какое-то другое «я», которое этого не знает и с удивлением рассматривает окружающий меня мир».

Он был Ринчем Броуди и вместе с матерью путешествовал на борту «Ларго Дрифта».

Его память автоматически нарисовала ему стройную женщину с узким лицом и искусно уложенными черными волосами, в которых сверкали бесчисленные драгоценные камни. Тут было что-то не так, память подводила его. И его голова начинала болеть сильнее, когда он пытался четче припомнить то время. А потом — спасательный бот и мужчина...

Симмонс Тейт!

Тяжело раненный офицер. Он умер, когда спасательный бот совершил здесь посадку. Ринч все еще хорошо помнил, как он заваливал камнями мертвое тело Тейта. Потом он остался один, наедине с руководством по выживанию. У него также остались некоторые припасы из спасательного бота. Самое важное, чего он никогда не должен забывать, — это то, что его зовут Ринч Броуди.

Он слизнул жир с пальцев. Колючая боль в голове удручала его. Он свернулся клубочком на нагретом солнцем песке и заснул.

Но спал ли он на самом деле? Глаза его снова открылись. Небо над ним теперь не было голубым, на нем проявились признаки приближающегося вечера. Ринч поднялся, его сердце забилось так быстро, словно он бегал наперегонки с ветром, свистевшим теперь вокруг его почти обнаженного тела.

Что он здесь делает? И где он вообще находится?

Он почувствовал, что рот его пересох, а ладони мокры от пота. Он вжался в песок. Внезапно перед его мысленным взором возникла другая картина... Он сидел в комнате с незнакомым человеком, и они что-то пили, а перед этим он находился в каком-то другом помещении, освещенном ярким светом и наполненным противными запахами.

Но он был Ринчем Броуди, он был юношей, оказавшимся на борту спасательного бота, он похоронил офицера корабля, он справился с этим и выжил, потому что воспользовался спасательными средствами, оказавшимися в боте. Сегодня утром он охотился на хищника, выманив его из убежища с помощью приманки и веревки...

Руки Ринча закрыли лицо, и он опустил на колени. Все это было так, он мог доказать это — он мог это доказать! Там, позади него, была нора хищника, там, где-то на холме, где он оставил свое сломанное копьё. Если он сможет найти нору, он узнает, было ли все это на самом деле.

Но ему снился очень реальный сон — несомненно!

И почему ему все время снится это помещение, этот мужчина, этот стакан! Он из того места, залитого светом и пропитанного запахами, которое он ненавидел?

Все это никогда не было частью воспоминаний Ринча Броуди.

До самых сумерек он шел вверх по реке назад, к маленькому столбику, где он очнулся после падения. Укрывшись в кустарнике, он пригнулся и прислушался к звукам чужой планеты, шорохам проснувшихся ночных существ, принявших эстафету от дневных существ.

Он должен был подавить чувство паники, когда ему стало ясно, что, хотя он и смог узнать некоторые из звуков, но другие оставались для него загадкой. Он впился зубами в костяшки сжатых в кулак пальцев и попытался внести ясность в свои мысли. Он тотчас же понял, что этот тонкий крик был криком стаи древесных существ с кожистыми крыльями и что это кашляющее хрюканье у реки было звуком, принадлежность которого он не смог идентифицировать.

— Ринч Броуди — «Ларго Дрифт» — Тейт. — Он почувствовал на своих губах сладковатый привкус крови. Словно бы он грыз свою собственную руку, когда произносил эти слова сам для себя. Потом он вскочил. Нога запуталась в сети, и он снова упал наземь. Его голова ударилась о выступающий корень.

Ничто осязаемое не могло его достать в этих кустах. Выползая из своего убежища, чтобы осмотреться, он обнаружил это существо, которое не смог бы идентифицировать ни один представитель его расы. Ни тело, ни дух его были ему не знакомы, и это вызывало в нем какое-то чужеродное ощущение.

Он осторожно рассмотрел это. Потом испуганно отпрянул, чтобы послать сообщение. И тут это что-то, о котором он сообщал, представлявшее собой такую прочную вещь, что его не смогла изменить даже пустыня, было единственным ответом, подтверждающим давно уже полученный им приказ.

Он снова установил связь и теперь тщетно пытался выполнить этот приказ. Где же ему найти приемлемый выход... где в его мозгу должен находиться этот мостик... его охватил хаос впечатлений, которые как защитная стена закрывали спящее «я» чу-жака.

Вторгшись в мозг спящего, он попытался найти какой-то образец, какие-то объяснения — но, озадаченный, отступил назад. Однако его проникновение, оставшееся незамеченным, раз-рубил в мозгу какой-то узел и открыло какой-то путь...

Ринч очнулся, когда уже забрезжило утро. Он медленно рассортировывал шумы, запахи и мысли. Там были помещение, мужчина, страх, а тут был он, Ринч Бруди, уже в течение многих лет живущий в этой глуши, для которой не существует даже карт. Теперь этот мир окружал его, он мог чувствовать его ветер, слышать его звуки, ощущать его вкус, осязать его.

Это был не сон — то, другое, было сном. Так и должно быть!

Но он должен доказать себе это. Найти спасательный бот, след которого отыскал вчера, найти место, где он упал и где должен был находиться до сих пор. Там, позади него, был склон, на который он должен был выйти. Потом он должен найти нору, которую исследовал, когда на него свалилось это несчастье.

Но только он не обнаружил ничего. Хотя его мозг нарисовал ему детальную картину того места, где он обнаружил хищника. Но когда он достиг склона, он нигде не обнаружил выброшенной земли. Ни норы, ни какого-либо другого следа. И все же его память сказала ему, что он вчера был здесь.

Может быть, он где-то упал, а потом, шатаясь, пошел дальше и упал во второй раз?

Но какой-то внутренний голос возражал против этого. Это было именно то место, где он вчера снова пришел в сознание, но тут не было никакой норы!

Ринч отвернулся от реки, и дыхание его участилось. Нет норы — тогда, может быть, нет никакого спасательного бота? Должен же быть хоть какой-то след.

Там было одно увядшее растение, явно сломанное чем-то тяжелым. Он нагнулся, чтобы осмотреть его листья. Здесь что-то произошло. Кто-то здесь прошел. Юноша пошел по следу. Его взгляд охотника впился в почву. Примерно через полчаса он нашел несколько странных, полустертых следов на траве, которая была достаточно эластичной, чтобы сохранить их довольно долго.

Ринч знал, где он находился, но он не знал, как сюда попал. Перед его мысленным взором все четче проявлялась картина — тонкая ракета, ее корпус, когда-то серебристый, а теперь потускневший от ветра и дождя, стояла между деревьев. И он нашел ее!

Что-то снова зашевелилось на границе его сознания. Что-то ощупывало, изучало его. Лес тихо шептал, призывая его. Ринч чувствовал мимолетные мысли деревьев. Желание увидеть, что находилось под их сенью, стало невыносимым.

Несколько секунд он был захвачен своими собственными проблемами. Все остальное было заглушено.

Чем дальше удалялся Ринч равномерными шагами на восток, тем все эти события становились все более отдаленными, подобно тому, как включается реле, включился второй комплекс вложенных в него приказов.

Высоко над планетой Хьюм колдовал над экраном, и наконец на нем появилось изображение далекого континента с меридиональными внутренними морями. Они должны были сесть в западной части континента. Его климат и географическая широта, также как и его поверхность, подходили лучше всего. Координаты места их посадки давно уже были заложены в автоматику управления.

— Это Джумала.

Он не оглядывался, но хорошо знал, какое действие произвела картина на экране в рубке управления корабля Гильдии на четырех других мужчин. В это мгновение ему пришлось приложить немало усилий, чтобы унять свое нетерпение. Малейшая ошибка могла возбудить подозрение и разрушить все их планы. Может быть, три клиента, выбранные Вассом, и были заинтересованы в чем-то, но они, несомненно, не знали, в чем заключается истина; когда он сделает на Джумале эту находку — они не должны знать этого, чтобы не причинить вреда всему предприятию.

Четвертый мужчина, участвующий в экспедиции в качестве носильщика, был человеком Васса, посланным на тот случай, если Хьюму придет в голову пойти на попятный.

Сумерки коснулись западного края континента, и он должен был посадить свой космический корабль на расстоянии одного дня похода от затерянного в джунглях посадочного бота. Недолгая экскурсия в этом направлении была первой логической целью его группы. Им не должна была бросаться в глаза преднамеренность этой находки, и было достаточно средств и путей, чтобы направить группу охотников в нужном для его собственных целей направлении... Согласно плану, два дня назад их «потерпевший кораблекрушение» высажен здесь и оставлен в этой местности с постгипнотическим приказом. В этом, конечно, был известный риск. Было рискованно оставлять его одного на дикой планете, вооруженного лишь примитивным оружием, которым он мог, в случае чего, воспользоваться, но других вариантов не было.

Они совершили посадку — Хьюм позаботился о том, чтобы снаряжение экспедиции было распаковано. Тут были машины и аппаратура, обеспечивающая защиту и некоторый комфорт для его клиентов. Он открыл последний вентиль куполообразной надувной палатки и критически наблюдал, как небольшой рулон пластика превращается в устойчивое при любой погоде сооружение с искусственным климатом.

— Готово и ждёт только вас, джентльхома, — сказал он, обращаясь к маленькому человеку, который огромными глазами любопытного ребенка рассматривал странный ландшафт.

— Отлично, охотник. Эй, что это такое? — Голос его прозвучал довольно громко, и он указал на восток.

Глава 4

Хьюм взглянул туда. Конечно, была возможность, что «Броди» видел их прибытие, пришел сюда, сберег им много времени и избавил от множества трудностей, сыграв свою роль обрадованного и спасенного ими потерпевшего кораблекрушение. Но, взглянув в указанном направлении, он не увидел ничего, что могло бы привлечь внимание. Далекie горы были похожи на черно-голубые кулисы. В их предгорьях и на низких холмах растительность была так густа, что сами они на таком расстоя-

нии казались черными. На плоской равнине преобладал зелено-голубой цвет, тянущийся до самой реки. Где-то там находился спасательный бот.

— Я ничего не вижу! — Это прозвучало так раздраженно, что маленький человечек поглядел на него почти оскорбленно. Хьюм с трудом подавил улыбку.

— Что вы там увидели, джентльхому Старнс? Здесь вообще нет никаких очень крупных животных.

— Это был не зверь, охотник. Скорее отблеск света — более всего на это похоже, — снова заговорил Старнс.

«Солнце, — подумал Хьюм. — Может быть, оно отразилось от борта бота».

Он знал, что маленький космический корабль был так густо оплетен лианами, что его почти не было видно. Но, конечно, слой этой защитной маскировки был не сплошным. Если это именно так, можно будет удовлетворить любопытство Старнса. Он идеально подходит для такой находки.

— Странно. — Хьюм вытащил свой полевой бинокль. — Где вы видели это, джентльхому?

— Там, — в третий раз указал Старнс.

Если он и в самом деле там что-то видел, то теперь это исчезло. Но этот блик находился в нужном направлении. На несколько секунд Хьюм обеспокоился. До сих пор все шло так великолепно...

— Может быть, это просто солнце, — произнес он.

— Вы думаете, это был просто блик солнца? Но этот свет был очень ярк. И здесь нет никаких отражающих поверхностей, не так ли?

Да, все это произошло слишком быстро. Может быть, Хьюму стоило удвоить свою предусмотрительность, но он решил, что эти люди и не подозревают, что ему что-то известно о существовании спасательного бота. Если они найдут спасательный бот с «Ларго Дрифта», а вместе с ним и Броуди, юристы повсюду поднимут громкий крик, полдюжины дальних родственников будут оспаривать его подлинность и будет проведено детальное расследование. Своих трех клиентов он должен будет использовать как беспристрастных свидетелей.

— Нет, мне тоже неизвестно ничего, что могло бы послужить отражающей поверхностью в этом первобытном лесу, джентльхому, — улыбнулся он. — Но мы на охотничьей планете, и не все формы жизни здесь уже исследованы.

— Вы имеете в виду разумную расу туземцев, охотник? — Чембрисс, самый требовательный из всей группы, подошел к нему.

Хьюм покачал головой.

— Нет, джентльхо, только не на этой охотничьей планете. В этом убеждаются, прежде чем открыть планету для сафари. Но птица или какое-нибудь другое существо с крыльями, может быть, перья или чешуя с металлическим отливом, которые отразили свет солнца. При некоторых обстоятельствах они могут дать яркий блик. Такое уже бывало.

— Но эта вспышка действительно была очень яркой, — с отчаянием в голосе произнес Старнс. — Мы можем попозже посмотреть, что это было.

— Бессмысленно! — Чембрисс равнодушно махнул рукой, как человек, привыкший к тому, что его желания всегда осуществляются. — Я прибыл сюда, чтобы подстрелить водяную кошку, и никто не сможет отговорить меня от этого. А в этом лесу вы не найдете абсолютно ничего.

— Каждый из нас может сам планировать свое время, — объяснил Хьюм. — У каждого из вас есть обусловленное контрактом время, чтобы добыть определенный трофей. Вашим трофеем будет водяная кошка, джентльхо. А джентльхо Старнс хочет сделать трехмерный снимок глубинного дракона. Джентльхо Иктизи хочет попытаться счастье с удочкой. У нас есть по одному дню на каждого. И кто знает, может быть, вы найдете свой трофей во время охоты своих коллег.

— Вы совершенно правы, охотник, — кивнул Старнс. — И так как оба моих коллеги решили охотиться на водных животных, нам придется отправиться к реке.

Потребовалось два дня, чтобы подготовиться к экскурсии в лес. Одна часть Хьюма возмущалась, но осторожность победила. Он взглянул на трех своих клиентов, возившихся со своими чемоданами и ящиками, на доверенного человека Васса, чей взгляд блуждал между лесом и Старнсом. «Может быть, он действительно видел там что-нибудь?» — спросил себя Хьюм.

Лагерь был готов — поселок из семи куполообразных палаток, расположившийся неподалеку от корабля. Ну, по крайней мере, клиенты не считали, что в обязанности охотника входит исполнение всех тяжелых работ. Все трое усердно помогали ему, а доверенный Васса спустился к реке, через некоторое время вер-

нулся с полудюжиной выловленных и нанизанных на палку серебряных рыбешек, которых он хотел поджарить на инфрапечке.

Костер в лагере, собственно, и не был нужен, разве что для того, чтобы установить дружескую атмосферу. И всем он доставил удовольствие. Хьюм нагнулся, чтобы подбросить в огонь топлива, и Старнс пододвинул ему две большие ветки.

— Вы говорите, охотник, что на планете, открытой для сафари, никогда не бывает разумного населения. Как может ваш отряд изыскателей установить это с полной уверенностью, если они сами никогда не исследуют планету? — Его голос звучал педантично, но его интерес был несомненен.

— При помощи детекторов. — Хьюм сидел, скрестив ноги, перед костром, и его искусственная рука лежала на коленях. — Пятьдесят лет назад тут проводились довольно длительные исследования, чтобы установить, свободен ли этот мир или нет. Мы и сегодня используем особые исследовательские приборы. Разумные существа обязательно проявляют психическую активность какого-либо вида, и наши приборы засекают ее.

— Великолепно! — Старнс держал свои неуклюжие руки над пламенем с видом человека, который чувствует не только тепло горящего дерева, но огонь дает ему также защиту от враждебных сил ночи. — Итак, вы хотите сказать, что, если есть разумные существа, как бы мало их ни было, вы все равно сумеете их обнаружить, и ни одно не ускользнет от вас?

Хьюм пожал плечами.

— Может быть, одно-два и ускользнут, — улыбнулся он. — Но до сих пор мы еще не обнаружили ни одной планеты такого типа, на которой были бы разумные существа.

Иктизи покачал головой.

— Вы правы, это очень интересно. — Он был стройным мужчиной с редкими серыми волосами и темной кожей. Вероятно, в нем смешалась кровь многих человеческих рас. Глаза его глубоко утопали в глазницах, так что при свете костра было трудно увидеть их выражение. — И у вас до сих пор не было ошибок?

— Мне они не известны, — ответил Хьюм. Он на протяжении всей своей жизни полагался на машины, находящиеся в руках человека и, соответственно, им созданные, — и он полагался на них во всем. Он знал эффективность детекторов и видел их в действии. В штаб-квартире Гильдии не было сведений о том, что

они когда-нибудь ошибались, следовательно, он готов был считать их непогрешимыми.

— А если разумная раса населяет моря, вы уверены, что ваши машины смогут обнаружить ее присутствие? — снова спросил Старнс.

Хьюм рассмеялся.

— Во всяком случае, на Джумале ее нет, в этом вы можете быть уверены, моря здесь маленькие и мелкие. Туземцы, которых детекторы не смогут засечь, должны обитать на большой глубине и никогда не выходить на сушу. Итак, здесь нам нечего бояться никаких неожиданностей. Гильдия не идет на риск.

— Как вы в этом уверены! — сказал Иктизи. — Уже поздно. Я хочу пожелать вам доброй ночи. — Он встал, чтобы отправиться в свою собственную палатку.

— Да, действительно! — Старнс взглянул на огонь и тоже встал. — Итак, завтра утром мы охотимся у реки?

— На водяных кошек, — кивнул Хьюм. Он принимал во внимание нетерпеливость Чембрисса. Может быть, будет лучше, если он первый получит свой трофей.

Ровальд, человек Васса, ждал у огня, пока трое других не разошлись по своим палаткам.

— Завтра берег реки? — спросил он.

— Да, мы не должны слишком сильно торопиться.

— Верно. — Ровальд всегда говорил кратко, когда клиентов не было поблизости. — Только не затягивайте слишком надолго. Не забывайте, что наш юноша бродит где-то здесь, поблизости. И, в конце концов, он может погибнуть, прежде чем эти бездельники отыщут его.

— Это риск, на который мы шли с самого начала. Мы просто не должны вызывать никакого подозрения. Иктизи обладает очень острым умом, и Старнс тоже не дурак. У Чембрисса в голове нет ничего, кроме его водяной кошки, но и он может доставить нам большие неприятности, если ему кто-нибудь что-нибудь намекнет.

— Но если мы будем ждать слишком долго, это может вызвать гнев Патрона. Васс не любит, когда что-нибудь идет не так.

Хьюм пошевелился. В мерцающем свете лагерного костра лицо его было призрачно.

— Я тоже не люблю этого, Ровальд. Я тоже не люблю! — Он произнес это очень тихо, но в его голосе слышалась холодная угроза.

Но Ровальда было не так-то легко запугать. Он усмехнулся.

— Не надо спешки. Вам нужен был Васс, и вот я здесь, чтобы присмотреть за тем, чтобы все шло хорошо. Это очень важное предприятие, и мы не хотим, чтобы оно провалилось.

— Я уже позаботился о том, чтобы все было в порядке! — Хьюм подошел к столбу, по обеим сторонам которого пробежали красные полоски пламени. Теперь весь лагерь, и палатки, и корабль, были окружены силовым полем: обычная защита охотничьего лагеря на чужой планете, мера предосторожности, которую Хьюм принял чисто автоматически.

Он долго стоял около столба и через невидимый барьер глядел на темный лес. Ночь была темна, низко нависшие облака скрыли звезды, и это значило, что, вероятно, должен пойти дождь. Но теперь было не время сетовать на погоду.

Где-то там, снаружи, находился Броуди. Хьюм надеялся, что юноша уже давно достиг лагеря, созданного для него с такой тщательностью. Спасательный бот и каменная могила, все это выглядело так, словно находилось тут уже много лет, все было сработано до мельчайших подробностей.

Может быть, это было не так уж и необходимо для того, чтобы обмануть участников сафари. Но когда сообщение об их находке достигнет других миров, сюда придут другие люди, великопленные следопыты, способные найти следы кораблекрушения и борьбы за выживание. Его собственное обучение, которое он прошел в Гильдии, и способности техников Васса должны были помочь ему пройти все проверки.

Что же видел Старнс? Отражение солнца от стабилизаторов спасательного бота? Хьюм медленно вернулся к костру и увидел, как Ровальд направился ко входу в корабль. Он улыбнулся. Действительно ли Васс думает, что он будет так глуп и не поймет, что его человек находится на постоянной связи со своим работодателем? Теперь Ровальд сообщит, что они совершили посадку и что игра началась. Хьюм спросил себя, какими же окольными путями это сообщение дойдет до того, кому оно предназначено?

Он потянулся, зевнул и пошел в свою палатку. Утром они должны найти для Чембрисса водяную кошку. Хьюм выбросил из своей головы мысли о Броуди и сосредоточился на том, как ему найти добычу для своих клиентов.

Лампочки в палатках гасли одна за другой. Внутри круга, огороженного силовым полем, спали люди. В середине ночи пошел дождь. Капли падали на стенки палаток и загасили последние искры костра.

Из ночи выползло нечто, не призрачное, но и не материальное, оно было совершенно чуждо людям со звезд. Однако барьер, предназначенный для того, чтобы защитить лагерь от ночных животных, оказался гораздо более надежен, чем считали его создатели. И нападавший ничего не мог поделывать — одна сила натолкнулась на другую. Потом «оно» отступило и исчезло так же незаметно, как и появилось.

Но это существо, у которого не было разума в том смысле, как это представляет себе человек, обладало способностью исследовать этот барьер. Силовое поле было зарегистрировано и исследовано. Первая попытка была неудачной. Теперь все уже было готово ко второй в гораздо большей степени, чем месяц назад, когда эти существа появились здесь в первый раз и разбудили древнего сторожевого пса Джумалы.

Глубоко в темноте леса на склоне горы что-то двигалось. Существа бормотали во сне, бессознательно восставая против приказа, которого они хотя и не понимали, но беспрекословно повиновались ему. Когда забрезжило утро, все они собрались и пошли в новое наступление не на лагерь, а на того единственного, кто остался без защиты. На юношу, спящего в узкой норе между корнями дерева, — дерева, которое не упало, когда спасательный бот совершил посадку.

Хьюму снова повезло. Когда забрезжило утро, дождь снова прекратился. Небо было в облаках, но он считал, что днем облака должны разойтись. Бешено несущийся поток воды в реке поможет Чембриссу в его поисках. Обычно убежище водяных кошек было на берегу, но, если уровень воды поднимался, они покидали его. Если охотники пойдут вдоль реки, они легко могут найти следы одной из водяных кошек.

Они отправились в путь. Хьюм шел впереди, вплотную позади него следовал Чембрисс. Ровальд, следуя древней традиции, замыкал группу. Чембрисс взял с собой иглоружье. Старнс, несмотря на то что он слегка нервничал, был без оружия и взял с собой только голографическую камеру, пристегнув ее к узкому кожаному ремню. Иктизи взял с собой электроудочку, которая находилась в сумке у него на поясе, хотя Хьюм и обратил внимание на то, что из-за быстроты течения рыбачить в глубоких местах было нельзя.

Недалеко от лагеря они наткнулись на несомненный след, который могли оставить широкие лапы водяной кошки. Следы отпечатались так четко, что Хьюм понял, что зверь должен был находиться неподалеку от них. Отпечатки были глубокими, и расстояние между ними было длиной в руку.

— Достаточно велика! — удовлетворенно воскликнул Чембрисс. — И эти следы идут прочь от реки!

Хьюм задумался. Водяные кошки с красным мехом хотя и вылезали из своих нор, но они обычно никогда по своей воле не отходили так далеко от воды. Он поднялся на холмик и осмотрел ровное пространство между рекой и далеким лесом.

Трава была достаточно высока, чтобы укрыть животное таких размеров. Впереди были два куста. Оно легко могло спрятаться там и ждать преследователей — но почему оно это делало? Оно не было ранено, не могло испугаться их — у него не было совершенно никаких оснований устроить засаду.

Старнс и Иктизи немного отстали, и Старнс сделал снимок своей камерой. Ровальд остановился. Он вытащил свой лучевик, когда Хьюм махнул ему рукой. Каждое действие, противоречившее повадкам животного, сразу же казалось охотнику подозрительным.

Хьюм спустился с холмика и пошел по следам. Они были все свежее и свежее. И они все еще вели к лесу. Еще раз махнув рукой, он последовал за Чембриссом. Тот тотчас же прислушался. Несмотря на все свое любопытство, Хьюм оставил след и пошел в обход, пока не достиг такого места, откуда мог наблюдать за кустами. Никаких признаков животного, только следы, ведущие в лес. И если они пойдут по ним дальше, то быстро наткнутся на спасательный бот.

Он решил рискнуть. Когда ближайшее дерево оказалось не более чем в двух метрах от него, рука человека внезапно поднялась вверх, и Чембрисс указал, в какой куст он хочет выстрелить.

Но это бесформенное нечто, цвет которого только с трудом можно было отличить на фоне растительности, не было водяной кошкой. Прозвучал тонкий, внезапно оборвавшийся вскрик. Потом существо отползло назад и исчезло в кустах.

— Черт побери, что же это было? — спросил кто-то.

— Я не знаю, — ответил Хьюм, пожав плечами, и приблизился на несколько шагов. Потом он вытащил иглу от ружья Чембрисса из ствола дерева. — Но больше не стреляйте хотя бы до тех пор, пока не будете точно знать, в кого вы целитесь.

Глава 5

Влага от ночного дождя повисла в ветвях и мелкими капельками осела на коже Ринча. Он лежал на толстой ветке и старался перевести дух. И он все еще слышал эхо удивленного крика, который донесся до него со стороны людей, что шли по лесу к высоко вздымающемуся стабилизатору посадочного бота.

Он попытался понять, почему бежал от них. Это были представители его собственной расы, они избавят его от одиночества этого мира, в котором он сам был единственным человеческим существом.

Но этот высокорослый человек — человек, который вел группу к прогалине, где находился спасательный бот... Ринч дрожал, иглы дерева царапали его кожу. Когда он увидел этого человека, его явь и сон внезапно снова смешались, и он ударился в паническое бегство. Это был человек из комнаты — человек со стаканом!

Когда биение сердца юноши успокоилось, он смог связно обдумать все происшедшее. Сначала он не смог найти нору хищника. Потом следы на почве, на том месте, где он упал, и спасательный бот — они были тут, как он их помнил. Но неподалеку от маленького корабля он обнаружил еще кое-что — лагерь с убежищем из лиан и ветвей, а в нем пожитки, которые, может быть, собрал какой-то переживший кораблекрушение.

Этот человек вернется — в этом Ринч был уверен, но он слишком устал, чтобы бежать дальше.

Да, ответ на все загадки был связан с этим человеком. Если теперь он вернется на поляну, где находится спасательный бот, он рискует быть захваченным в плен — но он должен все узнать. Ринч очень внимательно обследовал окрестности. Его следы отпечатались во мху между деревьями. Но, может быть, отсюда есть другой путь. Он осмотрел ветви соседних деревьев.

Но путь был только один. Ринч вздрагивал, и на спине его выступил холодный пот, когда он вспугивал какого-нибудь древесного обитателя. А потом он установил, что на месте падения бота были и другие.

Он прижался к стволу дерева, когда увидел круглое нечто, которое находилось на дереве под ним. Он был уверен, что это существо по меньшей мере таких же размеров, как и он сам, если бы он тоже мог свернуться таким образом. Грозные когти существа сказали ему, что это существо могло быть очень опасным противником.

Но оно не делало никаких попыток преследовать его, и у Ринча вспыхнула надежда, что оно только охраняет свое убежище. Не спуская глаз со странного шара, юноша медленно отступил, шаг за шагом внимательно всматриваясь в чужое существо на тот случай, если оно решит покинуть свое место. Но оно не двигалось, и он осмелился спуститься на землю, чтобы обойти ствол, как вдруг услышал сверху какой-то звук. Теперь он взглянул в направлении лагеря.

В жалком укрытии, где только что находился этот шар, на который он смотрел, теперь скрывалось другое существо! Только это существо больше не пряталось среди листьев. У него были четыре конечности, его длинные руки достигали согнутых коленей, и по внешнему облику оно несколько напоминало человека, если у человека мог быть такой густой мех.

Голова его начиналась сразу же от плеч, словно у этого существа была очень короткая шея или ее не было совсем. Голова его по форме напоминала грушу, удлинённый конец которой терялся между плеч. Глаза и нос находились на ее широкой части, и огромный рот дополнял эту карикатуру на человека.

Глаза его были похожи на черные отверстия, и в них нельзя было различить ни зрачка, ни радужки, ни белков. Нос представлял собой черную, совершенно круглую трубку, выступающую сантиметра на три. Существо это было гротескным, странным и жутким, но оно не делало ни одного враждебного движения. Оно не поворачивало головы, и Ринч не знал, видит ли оно его или нет.

Но оно знало, что Ринч тут, в этом он был уверен. И оно ждало... кого?

Секунды шли одна за другой, и Ринч начал думать, что оно ждало не его. Он храбро ухватился за лиану и снова вскарабкался на дерево.

Минутой позже он обнаружил, что здесь находятся по меньшей мере два таких существа, следящих за лагерем, и что линия их постов проходит между ним и долиной, где находится спасательный бот. Он отступил подальше в лес и начал высматривать окольный путь, который вывел бы его из окружения. Теперь ему хотелось бы присоединиться к людям его собственной расы, которых он видел, независимо от того, были ли эти мужчины его возможными врагами или нет!

Между тем животные все плотнее окружали долину. День уже клонился к вечеру, когда он спустился на несколько миль вниз

по течению реки. Покинув лес, он больше не видел ни одного из этих животных. Он надеялся, что они по своей воле не станут покидать деревья, где они могли укрыться в листве.

Ринч выбрался на берег реки и заполз за куст, чтобы из этого укрытия наблюдать за прилегающей местностью. Тут находился космический корабль, нос которого был направлен в небо, а неподалеку от него располагалось несколько куполообразных палаток. В центре круга, образованного палатками, пылал костер, у которого сидело несколько мужчин.

Теперь, оставив позади себя лес и животных, Ринч хотел подойти поближе, но все время колебался, не решаясь покинуть свое убежище, подойти к костру и попросить выручить его из того положения, в которое он попал.

Человек, которого он искал, стоял возле костра и только что надел нечто вроде куртки, на груди которой был прикреплен маленький ящичек. В руках у него было иглоружье. Судя по жестам, которые видел Ринч, он хотел навязать свое решение остальным. Но потом покачал головой и стал ходить от тени к тени. Один из мужчин следовал за ним, но, когда они дошли до столба, находящегося у палаток, они остановились, и один из них исчез в темноте.

Ринч пригнулся за одним из кустов. Мужчина направился к реке. Узнали ли они о его присутствии здесь и хотели найти его? Но подготовка, которую проделал этот великан, была обычной подготовкой к патрулированию.

Животное! Может, мужчина хотел выследить его? Но это было бессмысленно. Ринч пропустил человека и следовал за ним, пока лагерь не остался так далеко позади, что другие не могли помешать ему, и тот расстегнул куртку!

Руки Ринча сжались в кулаки. Он понял, что было действительностью, а что сном! Мужчина должен знать это, и он все скажет ему!

Но он упустил чужака из поля своего зрения. Он, казалось, оставшись один, растворился в темноте. Внезапно Ринч услышал плеск воды неподалеку от своего убежища. Мужчина из лагеря решил воспользоваться для передвижения рекой.

Несмотря на всю свою осторожность, Ринч почти выдал себя, когда он обогнул куст, находящийся ближе к воде. Он рос наполовину на берегу, наполовину в русле реки. В последнюю секунду тихий шорох сказал ему, что мужчина взобрался на плавающий обломок дерева.

Ждал ли он его? Ринч замер. Он был так поражен, что в первое мгновение ничего не мог понять. Потом до него дошло, что он видит силуэт чужака, который с каждым мгновением становился все четче и светлее.

Его окружало бледно-голубое сияние. Шевельнулась тень руки, сияние замерцало и рассыпалось крошечными искорками.

Ринч взглянул на себя самого — теперь эти искорки двигались вокруг него, покрывая его руки, бедра и грудь. Он снова отступил в кусты, а искорки все еще окружали его. Но теперь их сияние было недостаточно ярким, чтобы кто-нибудь мог увидеть его. Ринч видел, как искры парили над растениями, вокруг ствола дерева, на котором сидел мужчина, вокруг камней и кустов. А вокруг чужака рой был таким густым, словно его тело притягивало их как магнит. Он все еще махал рукой, и искры все еще двигались, и было достаточно светло, так что Ринч увидел, что пальцы другой руки чужака что-то делают с ящичком, укрепленным у него на груди.

Потом пальцы перестали манипулировать с кнопками на ящичке, и Ринч осмелился поднять голову. Он услышал постепенно затихающий звук. Не крик животного — а что?

Пальцы чужака снова забегали по кнопкам ящичка. Может быть, таким образом чужак передавал кому-то сообщение? Ринч наблюдал, как он проверил прибор на своем поясе и положил иглоружье на сгиб руки. Потом мужчина покинул берег реки и направился к лесу.

Ринч вскочил, и губы его шевельнулись, чтобы предупредить чужака, но он не издал ни звука. Он мелкой рысью побежал за чужаком. Было еще достаточно времени, чтобы остановить мужчину, прежде чем он подвергнется опасности, поджидающей его под деревьями.

Но чужак был осторожен, словно он понимал, что его ждет. Он медленно крался в северном направлении и тщательно избегал невысоких кустов, встречающихся ему на пути. Он пока еще двигался по открытой местности, и Ринч не отважился приблизиться к нему.

Они двигались параллельно кромке леса и наконец достигли второй реки, в которую впадала первая. На этом месте мужчина присел между двух камней, и все указывало на то, что он намеревается задержаться там на некоторое время.

Ринч нашел место, откуда он хорошо видел чужака.

Крошечные искорки собрались в облачко и повисли над камнями. Но Ринч, мудро предвидев это, спрятался за куст, и его листья должны были удерживать искры, которые теперь повисли над его наблюдательным постом туманным мерцающим облачком.

Наконец он заснул, а когда проснулся, уже наступил солнечный день. Он снова удивился. Что-то здесь было не так. Он видел зелено-голубое небо вместо четырех грязных стен.

Потом он вспомнил и испуганно вздрогнул. Он рассердился на себя за то, что все проспал. След чужака невозможно было пропустить. Тот не вернулся назад, как опасался Ринч, а направился на восток. Об этом говорили следы, четко отпечатавшиеся на влажной почве. Какую цель преследовал этот мужчина? Может быть, он хотел пересечь лес, двигаясь вдоль русла реки?

Теперь Ринч рассматривал эту проблему со своей точки зрения. Мужчина с космического корабля не принял никаких мер, чтобы скрыть свой след. Напротив, казалось, что он буквально старается оставить за собой цепочку хорошо различимых следов. Может быть, он предполагал, что Ринч последует за ним, и он по какой-то причине уводил его подальше отсюда? Или он оставлял за собой следы, чтобы по ним кто-то другой нашел путь в лагерь?

Если он теперь и дальше следовал вдоль рек, он явно хотел, чтобы его обнаружили. Ринч осмотрел берег поблизости. Маленькие группки невысоких деревьев и высоких кустов сменяли друг друга — идеальное укрытие.

Едва он покинул свое укрытие, которым пользовался для ночлега, как услышал крик водяной кошки. На кошку напал какой-то враг, и она была в ярости. Ринч зигзагами побежал от куста к кусту. Когда он добежал до берега реки, ненавидящее шипение и крики кошки внезапно смолкли.

Мужчина из лагеря подвергся нападению с трех сторон — самой водяной кошки и двух ее котят. Теперь три красных тела, неподвижно вытянувшись, лежали на песке, а чужак, тяжело дыша, опирался о скалу. В тот момент, когда Ринч увидел его, он нагнулся, чтобы подобрать свое оружие, которое уронил, а потом оттолкнулся от скалы и, спотыкаясь, побрел к воде — прямо в другую ловушку Джумалы.

Он поднял ногу для следующего шага и ступил на скользкое место. Он упал лицом вниз, когда его нога попала в нору хищника. С испуганным вскриком мужчина снова выронил свое оружие и бешено забил вокруг себя руками. Он уже до колен, а по-

том и до бедер погрузился в искусственно насыпанный сыпучий песок ловушки. Но при этом он все же не потерял головы и резко перебросил свое тело с одного места на другое, чтобы таким образом попытаться освободиться.

Ринч встал и медленно, но решительно пошел к кромке воды. Мужчина, уже наполовину засыпанный, лежал, вытянув руки в стороны и пытаясь ухватиться за какой-нибудь камень, который был достаточно велик для того, чтобы выдержать его вес и не сдвинуться с места. После первого испуганного крика он больше не издал ни звука, но теперь, когда он увидел Ринча, глаза его расширились, а рот широко открылся.

Ящичек на его груди зацепился за камень, который мужчина в отчаянии подтащил к себе. Брызнули искры, и чужак лихорадочно попытался расстегнуть лямку ремня и отбросить прибор от себя. Ящичек ударился о мертвую водяную кошку, вспыхнул и опалил ее шкуру. Ринч некоторое время совершенно равнодушно смотрел на это, потом протянул руку к иглоружью. Он вырвал его у пленника. Мужчина взглянул на него, выражение его лица не изменилось, так как Ринч не стал направлять оружие на его бывшего владельца.

— Я думаю, — голос Ринча резко и как-то весело прозвучал в его собственных ушах, — теперь мы можем с вами поговорить обо всем, что со мной произошло за это время.

Мужчина кивнул.

— Как хотите, Броуди.

Глава 6

— Броуди? — Ринч опустиллся возле мужчины на корточки.

Эти серые глаза на темно-коричневом лице чужака ярко сверкали и немного затягивали, и Ринч увидел в них нечто вроде триумфа.

— Вы нашли меня? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Мы нашли спасательный бот — нам хотелось знать, уцелел ли кто-нибудь после катастрофы.

Ринч машинально покачал головой.

— Нет... Вы знали, что я нахожусь здесь. Потому что вы сами доставили меня сюда! — теперь это вылилось наружу.

Но и на этот раз на лице мужчины не было видно никаких следов удивления.

— Вы знаете. — Ринч нагнулся вперед, стараясь оставаться вне досягаемости рук мужчины. — Я вспомнил себя настоящего.

Теперь он заметил искорку, вспыхнувшую в глазах чужака. Тот тихо спросил:

— Что же вы вспомнили, Броуди?

— Достаточно, чтобы понять, что я не Броуди. Что я не прилетел сюда в спасательном боте и что не я построил этот лагерь на поляне.

Он протянул руку к прикладу иглоружья. Какой бы мотив ни был для того, чтобы им двигали взад и вперед, как шахматной фигурой в этой странной игре, но он знал, что это было достаточно серьезно и опасно.

— На этот раз у вас нет стакана.

— Итак, вы действительно все помните. — Мужчина становился все спокойнее. — Хорошо. Нам не придется кардинально изменять наши планы. У вас на Науатле нет ничего, ради чего вам стоило бы туда возвращаться — разве что вам очень понравился «Звездопад». — Голос его звучал холодно и презрительно. — Если вы будете вместе с нами играть в эту игру, вы получите для себя огромную выгоду. — Он остановился, и взгляд его застыл на юноше.

Науатль. Ринч задумался. Он был на Науатле или в нем — это планета? Город? Если верить этому человеку и тому, что он вспомнил — итак, это уже больше, чем обрывки памяти..

— Вы высадили меня здесь, а потом пришли снова, чтобы найти меня. Зачем? Почему этот Ринч Броуди так важен для вас?

— Почти миллиард кредитов! — Мужчина с корабля раскинул руки в стороны, чтобы не погрузиться еще глубже. — Миллиард кредитов, — медленно повторил он.

Ринч рассмеялся.

— Вам придется придумать что-нибудь более правдоподобное, чем это.

— Ставки должны быть еще выше, чтобы быть для нас выгодными, не правда ли? Вы стали Броуди, незаконно получив его сознание.

Ринч не произнес ни слова. Если они ему это когда-нибудь и говорили, это прошло мимо него, затерялось в лабиринте других вещей, которые были внесены в его мозг и запечатлены там. Но чужак не должен знать, что он не помнит об этом.

— Вам нужен Броуди, чтобы получить миллиард кредитов. Но теперь у вас нет Броуди!

К его удивлению, пленник в земляной ловушке рассмеялся.

— У меня будет Броуди, если он будет мне нужен. Лучше подумайте о значительной части этого миллиарда кредитов, юноша, подумайте о ней.

— Я думаю о ней.

— Вы знаете, думать в одиночку это не дело. — В голосе чужака впервые послышалось что-то похожее на волнение.

— Вы думаете, я нужен вам? Я так не считаю. Я не хочу быть шахматной фигурой, которую просто кто-то двигает по доске. — Это выражение вызвало у него другие воспоминания — дымное, переполненное помещение, где на грязном столе шла игра, — не искусственное воспоминание Броуди, а его собственное.

Ринч встал и снова начал подниматься по откосу, но прежде чем он достиг его верха, он оглянулся. Искореженный прибор все еще дымился там, куда чужак отбросил его. Теперь мужчина вытянул обе руки вперед и попытался дотянуться до камня, но ему не хватило несколько сантиметров. К его счастью, эта нора была пуста давным-давно. Постепенно ему удастся освободиться. Тем временем Ринч обследует окрестности в поисках убежища, где никто не смог бы обнаружить его, пока он сам этого не захочет.

Ища, он попытался вспомнить больше и связать всю полученную от человека с Науатля информацию воедино. Итак, ему произвели «промывку мозгов», внушили ему фальшивые воспоминания, принадлежавшие Ринчу Броуди, присутствие которого на этой планете должно принести кому-то миллиард кредитов. Он не мог понять, что эта была за игра, в которую в одиночестве играл этот космический странник, и кого он имел в виду, говоря о «нас».

Миллиард кредитов! Это была фантастическая сумма, а вся эта история была слишком невероятна.

Внезапно, почувствовав резкий укол, Ринч вскрикнул и переступил с ноги на ногу. Одно из крошечных вооруженных когтями существ было раздавлено. Он вовремя отскочил назад, прежде чем наступил на их кучку, окружившую какую-то падаль. Он взглянул на эту кучку покрытых чешуйками телец, яростно рвущих коготками чьи-то останки, и застонал.

Три мертвые водяные кошки лежали неподалеку от ловушки, в которую попал человек. Приманка, чтобы привлечь хищных

насекомых к пленнику. Пустой желудок Ринча взбунтовался. Он отшатнулся и побелел. Надо надеяться, что еще не слишком поздно. Достигнув берега, он увидел, что мужчина смог справиться с поясом от ящичка и теперь торопливо бросал его и притягивал к себе, стараясь зацепиться за ближайший валун и попытаться освободить свое тело.

Ринч подбежал, ухватился руками за пояс и уперся ногами в почву. С его помощью чужак выкарабкался из норы и, тяжело дыша, упал наземь. Ринч обхватил мужчину за плечи и потащил его прочь от трупов водяных кошек. Он уже увидел первых пожирателей падали, ползущих сюда.

Мужчина встал и взглянул на Ринча, который отошел на несколько шагов назад и теперь держал наготове иглоружье.

— Теперь, может быть, пришла моя очередь задавать вопросы?

Потом он проследил за взглядом Ринча. Труп одной из водяных кошек пошевелился, но не от последней судороги агонии, а под атакой насекомых.

— Спасибо, — чужак встал рядом с Ринчем. — Меня зовут Рас Хьюм. Мне кажется, что я тебе до сих пор не представился.

— Это неважно. Во всяком случае, я не тот, кого вы ищете, я не Броуди.

Хьюм пожал плечами.

— Обдумайте все это, Броуди, обдумайте получше. Пойдемте со мной в лагерь и...

— Нет, — оборвал его Ринч. — Вы идете своей дорогой, а я своей.

Мужчина рассмеялся.

— Не все так просто, юноша. Мы впутались в такое дело, из которого выпутаться не так-то легко, это тебе не тумблер переключить. — Он сделал шаг в сторону Ринча.

Юноша поднял ружье.

— Оставайтесь на месте! Вы во что-то впутались, Хьюм? Ну хорошо, сами заварили кашу — сами ее и расхлебывайте, а меня сюда нечего впутывать.

— Что вы будете делать? Спрячетесь в лесу?

— То, что я буду делать, это моя забота, Хьюм.

— Нет, и моя тоже. Я предупреждаю вас, юноша, так сказать, беспокоясь о том, чтобы помочь вам. — Он кивнул в направлении ловушки. — В лесу есть что-то такое, что здесь не появлялось, пока отряд Гильдии изучал планету.

— Животные! — Ринч шаг за шагом отступал назад, не спуская глаз с чужака. — Я видел их.

— Вы видели их! — Хьюм был сильно взволнован. — Как они выглядят?

Несмотря на желание как можно скорее отделаться от Хьюма, Ринч почувствовал, что он против своей воли со всеми подробностями отвечает на этот вопрос. Он понял, что хорошо помнит животное, которое скрывалось на дереве, а также другое, скрывающееся в листве, и множество других, которых он заметил на деревьях вокруг поляны.

— Никаких признаков разума. — Хьюм взглянул на лес вдалеке. — Детектор не обнаружил здесь никаких разумных существ.

— Эти животные — вы их не знаете?

— Нет. Но то, что вы видели, мне очень не нравится. Броуди, мне хочется заключить с вами перемирие. Гильдия считает Джумалу открытой планетой, и все имеющиеся у нас сведения подтверждают это мнение. Если же это не так, у нас будет очень много хлопот. Как ксеноохотник, я несу ответственность за тех трех штатских, что сейчас находятся в лагере.

В этом Хьюм прав, как с неохотой отметил про себя Ринч.

И охотник должен был учитывать все это, поэтому он повернулся к юноше и добавил:

— Самое безопасное место сейчас — это наш лагерь. Мы немедленно возвращаемся туда.

Но было уже поздно: послышался металлический шорох. Ринч вздрогнул и взял ружье на изготовку. Светящийся шар величиной примерно с кулак отскочил от камня и закатился в ямку следа, оставленного сапогом Хьюма. Потом в воздухе что-то сверкнуло, и второй шар упал на землю.

Шары, казалось, появились из воздуха. Переливаясь всеми цветами, они полукругом расположились возле обоих мужчин. Ринч нагнулся, и пальцы руки Хьюма схватили его за запястье, рванув его прочь от шаров.

— Не прикасайтесь к ним! — крикнул Хьюм. — И не смотрите на них! — Он потащил Ринча через пока еще не закрытый проход в их рядах.

Хьюм начал обходить насекомых, пожирающих трупы водяных кошек, не отпуская руки Ринча. Позади них послышался звук падения двух шаров. Оглянувшись, Ринч увидел, как один из них упал возле одного из трупов.

— Смотрите!

Шевелящийся ковер насекомых, покрывающий труп, перестал двигаться. Теперь сюда подкатились еще два шара, и пожиратели падали оставили свою добычу. Они собрались в стайку и потекли прочь. Сзади них катились горящие красные шары, к которым за это время прибыло подкрепление.

Правая рука Хьюма поднялась. Из конического дула его лучевика извергся язык пламени и ударил в один из шаров. Луч отразился от него и попал в стайку пожирателей падали. Их чешуйчатые тельца превратились в пепел. Но шар покотился дальше, словно ничего не произошло.

— Быстрее! — рука Хьюма ударила по плечу Ринча с такой силой, что у того перехватило дыхание. Оба мужчины побежали.

— Что... что это за шары? — задыхаясь, спросил Ринч.

— Я не знаю, но в любом случае мне это не нравится. Если мы будем передвигаться по берегу реки, они окажутся между нами и лагерем.

— Теперь они между нами и рекой. — Ринч заметил в воздухе вспышку, и рядом с ними упал еще один шар.

— Они хотят окружить нас. Но это им не удастся. Посмотрите, там, впереди, где между двумя камнями застрял ствол дерева. Бегите туда и, если нам удастся достигнуть реки, заходите в воду. Я не верю, что эти штуки могут плавать, и, если они не плавают, думаю, нам удастся ускользнуть.

Ринч пробежал, не выпуская из рук иглоружье. Он пробежал по стволу дерева, на который ему указал Хьюм, и спрыгнул в воду. Хьюм последовал за ним.

— Вниз по течению!

Ринч огляделся. Одна фигура... две, три... теперь все они были ясно видны, растительность больше не скрывала их. Животные наконец вышли из леса. Теперь они выпрямились и, выстроившись в ряд, медленно приближались к людям, их зеленый мех отсвечивал голубым под отвесно падавшими яркими лучами солнца. Они бесшумно и мгновенно появились, и от этих существ из леса исходило что-то жуткое и угрожающее.

— Бежим отсюда, и как можно быстрее! — мужчины побежали, преследуемые по пятам толпой зелено-голубых существ, которые все дальше и дальше отгоняли их от охотничьего лагеря к поднимающимся вдаль горам. Так же, как шары погнали пожирателей падали, оторвав их от их мира, людей гнали теперь к какой-то неизвестной для них цели.

Они больше не видели и не слышали шаров с тех пор, как появились эти животные. И, достигнув изгиба реки, Хьюм и Ринч остановились и огляделись.

— Мы не можем их уничтожить с помощью иглоружья и лучевика?

Охотник покачал головой.

— Не убиваешь, — продекламировал он девиз Гильдии, — пока не уверен. Эти парни действуют методично, и эта методичность доказывает их разумность.

Наука об обращении с вземными разумными и неразумными существами была частью обучения членов Гильдии. Несмотря на ту странную игру, что привела Хьюма на Джумалу, он все же выполнял устав Гильдии, и Ринч был готов предоставить решение ему.

Хьюм протянул юноше лучевик.

— Возьмите это и прикрывайте огнем наше отступление, но не стреляйте, пока я не скажу. Понятно?

Он подождал, пока Ринч кивнет ему в ответ, а потом медленным и размеренным шагом направился к существам. Рука Хьюма поднялась ладонью вверх, и он медленно обратился к ним на шелкающем основном инопланетном:

— Друг. — Это было все, что Ринч смог разобрать из произнесенный стандартной контактной заготовки.

Темные глаза замерли. Легкий ветерок пробежал по их шерсти на их широких плечах и длинных мускулистых руках. Ни одна голова не пошевелилась, ни одна из этих мощных челюстей не шевельнулась, чтобы издать какой-нибудь звук.

Хьюм остановился. Молчание было угрожающим, от этих чуждых существ исходило нечто угнетающее, и это нечто ощущалось почти физически.

Несколько мгновений они так и стояли: человек и чужие существа. Потом Хьюм повернулся и стремительно вернулся назад. Ринч отдал ему лучевик.

— Мы будем стрелять?

— Слишком поздно. Смотри!

Ряд зелено-голубых существ спускался к реке. Не пять или шесть, а дюжина... десятка два. Капли пота стекали по загорелому лицу охотника.

— Мы окружены — и нам остается только идти вперед.

— Но мы можем бороться с ними, — запротестовал Ринч.

— Нет. Пойдем вперед!

Глава 7

Прошло некоторое время, пока Хьюм нашел то, что искал. Островок посредине реки, совершенно лишенный растительности, просто поднимающуюся над поверхностью воды скалу. На ее боках виднелись трещинки, рытвины и пещерки, которые могли послужить им убежищем, если бы им пришлось сражаться. Их нельзя было обнаружить раньше, потому что было уже далеко за полдень и тени становились все длиннее и длиннее.

Но нападения не последовало, их, как стадо скота, гнали на северо-восток. Ринча охватила паника, потому что он хорошо знал, что нельзя недооценивать неизвестного врага.

Молча переглянувшись, они вскарабкались на самую вершину островка и залегли на площадке, которая была не более одного квадратного метра. Хьюм поднял бинокль к глазам, но направил его на горы вдаль, а не на ту дорогу, по которой они пришли сюда.

Обеспокоенный, Ринч перебрался на другую сторону и стал изучать берег и реку. Существа были все так же спокойны, зелено-голубые фигуры, присевшие на корточки в траве на берегу.

— Ничего. — Хьюм опустил бинокль и взглянул на горы невооруженным глазом.

— Чего вы ждете? — спросил Ринч. Он был голоден, но не настолько сильно, чтобы отважиться покинуть островок.

Хьюм улыбнулся.

— Я не знаю. Но они гонят нас в этом направлении.

— Подумайте, — произнес Ринч. — Вы знаете эту планету. Вы уже были здесь раньше.

— Я был членом исследовательского отряда, который осматривал эту планету для Гильдии.

— Тогда вы должны были тщательно обследовать ее. Как же случилось, что вы ничего не узнали об этих существах? — Он указал на их преследователей.

— Есть вопросы, которые следовало бы задать паре-другой наших экспертов, — ответил Хьюм. — Детекторы не зарегистрировали здесь никакой разумной жизни.

— Никакой разумной жизни. — Ринч некоторое время подумал, а потом высказал единственное объяснение: — Ну хорошо, тогда наши голубокожие друзья, должно быть, пришли изв-

не. Может быть, кто-нибудь другой с другой планеты устроил здесь себе базу и не терпит около нее ничье присутствие?

Хьюм задумчиво взглянул на него.

— Нет. — И он замолчал. Он сел и извлек из своего пояса цилиндрический сосуд. Потом он вытряхнул из него четыре таблетки и две из них отдал Ринчу. Две другие он положил себе в рот. — Вита-блок... действует двадцать четыре часа.

Таблетки, входящие в обычный рацион всех исследовательских групп, были, конечно, совершенно безвкусны. Несмотря на это, Ринч проглотил их, и они с Хьюмом снова спустились к самой поверхности реки. Охотник зачерпнул пригоршню воды из реки, вылил ее в углубление в камне и добавил туда щепотку очищающего порошка.

— Когда стемнеет, — сказал он, — может быть, нам удастся проскользнуть через их линию.

— Вы так думаете?

Хьюм улыбнулся.

— Нет... но когда-нибудь нам тоже должно повезти. Кроме того, у меня нет ни малейшего желания идти туда, куда они нас гонят. — Он взглянул на небо. — Мы будем сторожить и спать по очереди. Прежде чем стемнеет, нет ни малейшего смысла предпринимать что-нибудь, потому что наши друзья слишком активны. Хотите сторожить первым?

Когда Ринч кивнул, Хьюм спрятался в щель, как мышь в свою норку. Он тотчас же заснул, словно был в состоянии приказать своему мозгу засыпать по его желанию. Ринч несколько раз взглянул на него, потом вскарабкался немного повыше, чтобы лучше видеть окружающее.

Животные все еще были на берегу. Их терпение поразило его уже тогда, когда он впервые увидел их в лесу. Ничто не двигалось, не слышно было ни звука. Они просто были здесь — и наблюдали. И Ринч не верил в то, что ночь притупит их бдительность.

Он откинулся назад и голой спиной почувствовал шероховатость скалы. В руке его было самое действенное и эффективное оружие, которое допускалось в пограничных мирах. Здесь, на своем посту, он мог одновременно наблюдать за врагом и размышлять.

Хьюм сначала высадил его здесь, снабдив памятью Ринча Бруди, и наградой за это должен быть миллиард кредитов. Под-

готовка всего этого стоила огромных затрат, но награда им соответствовала.

Так Ринч Броуди оказался на Джумале, и Хьюм вместе со свидетелями прибыл сюда, чтобы найти его. Ринч молча поздравил себя с этим логическим анализом. Ринча Броуди как потерпевшего кораблекрушение должны были обнаружить на Джумале. Но все пошло не так, как запланировал Хьюм.

Сначала Ринч был убежден в том, что он не должен был знать того, что на самом деле он *не был* Ринчем Броуди. В течение нескольких мгновений он спрашивал себя, почему его сознание функционирует не так, как было запланировано, но потом снова вернулся к проблеме своих отношений с Хьюмом.

Нет, ксеноохотник, несомненно, ожидал найти здесь потерпевшего кораблекрушение, который не имел никакого понятия о своей двойной роли. А теперь еще эти существа, которых несколько месяцев тому назад люди Гильдии не смогли обнаружить.

Ринч почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Заговор Хьюма был чем-то, что он еще мог понять, но молчаливые существа были чем-то иным и представляли собой непосредственную и все время присутствующую угрозу.

Ринч медленно продвинулся вперед и взглянул на туман, клубящийся над рекой. Хотел бы он, чтобы все другие загадки разрешились бы так же легко, как и загадка его появления на Джумале и его странных воспоминаний.

Туман представлял собой дополнительную опасность. Если он станет еще гуще, существа на берегу под его прикрытием могут подойти еще ближе, иглоружье хотя и было эффективным оружием, но его можно было использовать только против того противника, которого видишь. Если же он будет стрелять во врага вслепую, то быстро израсходует все заряды, а поражение цели будет весьма проблематично.

Но, с другой стороны, они сами могли воспользоваться этим туманом для того, чтобы прикрыть свое отступление? Он уже хотел предложить это Хьюму, когда в их странном поединке с чужаками появился новый фактор.

Внезапная вспышка... еще одна, потом еще... вспышки следовали по течению реки. Теперь они приблизились к их островку. Они возникали словно из ничего, так же, как и во время первого появления шаров.

Шары и яркие вспышки на воде должны были быть как-то связаны друг с другом. И они представляли для людей новую опасность. Ринч тщательно прицелился и выстрелил в огонек, который задержался у края скалы в том месте, где русло реки снова сходилось. Ринч внезапно осознал, что огоньки движутся *против* течения — они плыли против течения, словно были снабжены какими-то моторчиками.

Он выстрелил, но огонек остался на месте, и рядом с ним внезапно появился другой. И тогда на скале внизу что-то произошло. Так же как раньше на суше бежали от шаров пожиратели падали, и теперь на скале появились спасающиеся бегством водные обитатели. И они карабкались вверх... Цвет огоньков изменился — сначала они были белыми, а теперь стали красно-оранжевыми...

Ринч нащупал рукой щель в скале и обнаружил там камень. Он со всей силой запустил его в огонек под ним. Ярко-красный взрыв света — и первый огонек исчез...

Где-то в камнях на берегу прозвучал резкий крик, и что-то, описав высокую дугу, прыгнуло в воду. Теперь шлейф тумана закрыл огонек от Ринча. И огонек этот с трудом просматривался сквозь туман. Ринч сполз со своего места и потряс Хьюма.

Ксеноохотник мгновенно проснулся, это была его привычка, выработанная постоянным пребыванием в малоисследованных окраинных мирах.

— Что?..

Ринч подполз к нему. Туман становился все гуще, но теперь на воде танцевало множество этих странных огоньков. Они растеклись по обе стороны острова, взяв его в кольцо. Внезапно, прямо перед ними из воды появились темные фигуры и начали медленно подниматься вверх по скале к крошечной площадке, где стояли два человека.

— Это шары, я думаю, теперь они движутся по реке. — Ринч нашел другой камень, снова тщательно прицелился и запустил его во второй огонек. — Иглоружье не оказывает на них никакого действия, — объяснил он. — А камни оказывают... не знаю почему...

Они обыскали трещины в скале, нашли несколько камней величиной с кулак и приготовили их, в то время как огоньков становилось все больше и больше, и они все плотнее и плотнее окружали остров с обеих сторон. Внезапно Хьюм вскрикнул и направил свой лучевик вниз. Молния выстрела разорвала мрак ночи...

С резким криком прямо от скалы под ними отскочила темная тень. Отвратительный запах, к которому теперь примешался запах горелого мяса, заставил их закашляться...

— Водяной паук! — объяснил Хьюм. — Если эти пауки заберутся сюда и нападут на нас...

Он ощупал свой пояс, нашел что-то и бросил вниз. Внизу разлился ливень ярких искр.

В тех местах, где эти искры касались скалы, вспыхивали яркие языки пламени и освещали кошмарных тварей, кишаших у подножия острова.

Ринч выстрелил из своего иглоружья. Лучевик Хьюма стрелял без перерыва. Животные выли и визжали или умирали беззвучно, но они все еще пытались достичь вершины скалы. Некоторые из них были похожи на пожирателей падали огромных размеров величиной с водяную кошку. Были тут и многоногие, покрытые мехом твари с двойными челюстями и кольцом фосфоресцирующих глаз, окружающих их тело. Казалось, что вся фауна Джумалы восстала против них.

— Огоньки... стреляй по огням, — приказал Хьюм.

Ринч понял его. Огни были именно тем, что выгнало из реки этих тварей. Если они исчезнут, может быть, большинство осаждающих их существ вернется обратно в свою стихию. Он отложил иглоружье. Потом схватил камни и постарался разбить как можно больше огоньков.

Хьюм стрелял в тех существ, которые карабкались к ним снизу, и только изредка прерывал свой уничтожающий огонь, чтобы снова бросить вниз гранату и осветить поле боя. На мгновение казалось, что водяные существа вне их собственной среды обитания вот-вот сдадутся на милость победителя, но, несмотря на это, их численное превосходство нельзя было недооценивать.

Ринч пробил обширную брешь в кольце огоньков. Но ему было видно сквозь туман, как появлялись все новые и новые огоньки и занимали места уничтоженных. Может быть, они гнали сюда водяных обитателей издалека, чтобы усилить мощь атаки. Кроме бреши, которую пробил Ринч, они были полностью окружены...

— Ого! — Это был голос Хьюма. Его лучевик нашел цель прямо под их площадкой... Одна из когтистых ног уцепилась за обломок камня, но сорвалась, и тварь свалилась в воду.

— Вверх, — приказал Хьюм. — Поднимаемся вверх!

Ринч захватил с собой как можно больше камней и прижал их левой рукой к груди, потом они оба торопливо вскарабкались на крошечную площадку на самой вершине островка...

В пламени световой гранаты, которую бросил охотник, они увидели, что большая часть скалы под ними покрыта жуткими живыми существами...

Там, куда попадал луч оружия Хьюма, море животных буквально вскипало, живые пожирали мертвых и дрались из-за добычи. И враг все приближался и приближался.

— У меня осталась только одна световая граната, — сказал Хьюм.

Еще одна световая граната — потом они останутся в полной темноте, а враг, скрывающийся в тумане, подбирается все ближе и ближе.

— Видят ли они нас тут, наверху? — спросил Ринч.

— Они или те, кто их гонит сюда? Мы уже знаем, что они делают...

— Вы думаете, что им и раньше приходилось делать это?

— Я в этом уверен. Спасательный бот там, позади нас, он сел благополучно, и в его кладовых нет припасов.

— Они забрали их с собой, — предположил Ринч.

— Нет, может быть, здесь и совершили когда-нибудь посадку потерпевшие кораблекрушение, но мы не нашли никаких следов их. И я думаю, зачем...

— Но ведь люди вашей Гильдии были здесь, и они никого не видели.

— Я знаю, — голос Хьюма звучал неуверенно. — Тогда здесь не было никаких следов.

Ринч бросил свой последний камень и услышал, как он совершенно бесполезно ударился о скалу. Хьюм сжимал в руке какой-то предмет...

— Последняя световая граната!

— Что это? Там, на той стороне?

В темноте на берегу реки Ринч заметил свет, совершенно не похожий на тот дьявольский огонь на реке.

Хьюм поднял лучевик и ответил серией выстрелов в небо.

— В укрытие! — металлический голос прозвучал над водой. Хьюм сложил руки рупором ко рту и крикнул в ответ:

— Мы здесь, наверху — здесь нет укрытия!

— Тогда ложитесь — мы стреляем!

Они легли на живот и вжались в узкую площадку друг возле друга. Даже через плотно сомкнутые веки Ринч увидел яркое солнце, созданное человеком, которое вспыхнуло сначала слева от островка, потом справа, уничтожая осаждающих их тварей.

Даже шары, похоже, пострадали от этого моря пламени. Осторожно поднявшись, Хьюм и Ринч увидели далеко под собой горстку далеко разбросанных и пожелтевших шаров...

Они все еще задыхались, кашляли и терли глаза, слезящиеся от поднимающегося вверх смрадного дыма.

— Над вами флиттер!

Голос доносился откуда-то сверху. Оттуда к ним спустился трос с прикрепленным к нему спасательным поясом, а другой размотался прямо у них на глазах.

Они одновременно схватили веревки и застегнули пояса.

— Поднимайте! — крикнул Хьюм. Тросы натянулись, и оба мужчины поднялись вверх, и все еще невидимый флиттер направился к восточному берегу.

Глава 8

Серые стены вокруг тускло светились. Он лежал на спине в пустой каюте. Надо постараться встать прежде, чем придет Дарфу и поднимет его на ноги.

Вай моргнул. Это была вовсе не каморка в «Звездопаде», об этом ему говорили его глаза и нос. Все окружающее его было намного чище и привлекательнее.

Он резко поднялся и удивленно огляделся. Единственной одеждой на нем была набедренная повязка, закрепленная широким поясом. На ногах — грубо сделанные сандалии, и его ноги до самых бедер покрыты бесчисленными царапинами, шрамами и затаившимися ранами.

С трудом — его дух, казалось, был так же истощен, как руки и ноги, — он попытался все вспомнить. И начал медленно связывать в своей памяти одну картину с другой.

Вчера ночью или вечером Ринч Броуди был заперт здесь. И это «здесь» было складским помещением на корабле, принадлежавшим некоему Вассу. Там был пилот Васса, который при помощи флиттера подобрал их с островка посередине реки, где к ним подбирались чудовища...

Их доставили к укрепленному лагерю, в укрытие Васса. Теперь он пленник с весьма сомнительным будущим, полностью зависящим от Патрона и человека по имени Хьюм.

Хьюм, ксеноохотник, не выказал никакого удивления, когда Васс внезапно появился перед ним в свете прожектора и приветствовал спасенных.

— Я вижу, вы были на охоте. — Его взгляд переходил с Ринча на Хьюма и обратно.

— Да, но это неважно.

— Неважно? Что же тогда важно?

— Это не свободный мир. Я должен сообщить об этом. Убедите отсюда моих гражданских, прежде чем с ними что-нибудь случится!

— Я всегда считал, что миры, предназначенные для сафари, свободны, — возразил Васс.

— Но здесь все не так. Почему — я сам не знаю. Но я должен сообщить об этом, и штатские должны...

— Не так быстро, — голос Васса звучал мягко. — Такое сообщение заинтересует Патруль, не так ли?

— Конечно... — начал Хьюм, но внезапно осекся.

Васс улыбнулся.

— Вот видите, уже начались сложности. Мне не хочется давать объяснения Патрулю, вам, несомненно, тоже, мой друг, нет, вы только подумайте, что может последовать за всем этим.

— Если бы вы сами не прибыли бы на Джумалу, никаких затруднений не было бы. — Самоуверенность Хьюма была восстановлена, и он снова держал себя в руках. — Разве вам было недостаточно сообщений Ровальда?

— Я многим рискую, участвуя в этом проекте, — ответил Васс. — Кроме того, всегда полезно, если Патрон время от времени лично инспектирует работу своих людей. Это улучшает результативность. И, кроме того, хорошо или нет, что я сам прибыл на Джумалу, охотник? Или вы предпочли бы навсегда остаться на том островке?

— Если наш проект еще можно спасти, мы должны все полностью пересмотреть. В данный момент мы ничего не будем предпринимать. Нет, Хьюм, ваши штатские уже давно заметили, что вы вполне способны сами со всем справиться.

— А если им будет грозить опасность? — снова спросил Хьюм. — Когда сообщение о нападении чужих существ выйдет за пределы планеты, Патруль сразу же появится здесь.

— Вы забываете о Ровальде, — напомнил ему Васс. — Вероятность того, что кто-то из штатских может обратиться с передатчиком и может послать сообщение, исчезающе мала, и Ровальд позаботится о том, чтобы этого не произошло. Я вижу, вы захватили с собой и Броуди.

— Да...

— Нет! — Ему нечего было возразить на это в данный момент. В то мгновение, когда взгляд Васса упал на него, ему стало ясно, что он совершил ошибку.

— Это же самое интересное, — заметил Патрон со своей обычной обманчивой мягкостью. — Вы Ринч Броуди, потерпевший кораблекрушение с «Ларго Дрифта», не так ли? Я думаю, что ксеноохотник Хьюм объяснил вам, как мы заботимся о вашем благополучии, джентльхома Броуди.

— Я не Броуди, — уже произнеся эту опасную для себя истину, он оказался достаточно благоразумным, чтобы остановиться на этом.

— И я нахожу это весьма любопытным. Если вы не Броуди, то кто же вы тогда?

Вот так это было. В тот момент он не мог сказать Вассу, кто он, и не мог увязать свои расплывчатые воспоминания и хаотически мелькающие образы воедино и объяснить их.

— А вы, ксеноохотник, — змеиный взгляд Васса снова остановился на Хьюме, — вы можете объяснить все это?

Какой-то порыв, который он сам никогда не смог бы объяснить, побудил Ринча встать на защиту Хьюма.

— Это не его вина, — взорвался он. — Я внезапно вспомнил. Хьюм рассмеялся.

— Да, Васс, ваши техники не так хороши, как вам это казалось. Мальчик поступал не так, как вы рассчитывали.

— Жалко. Но когда имеешь дело с людьми, всегда бывают ошибки. Пайк! — Один из трех других людей подошел к ним. — Отведи этого молодого человека на корабль и позаботься о том, чтобы с ним ничего не случилось. Да, действительно, очень жаль. Теперь мне надо подумать, что еще можно спасти.

Потом Вая доставили на корабль, выдали ему питание, а потом его оставили наедине с его мыслями в пустой каютке.

Почему он был так неописуемо глуп? Патрон такого ранга, как Васс, не мог сам бывать в таком притоне, как «Звездопад», но там, конечно, были его агенты. У него остались довольно четкие

воспоминания об этом человеке и об его характере: жестокий, неумолимый и последовательный во всем...

Хотя шорох был тих, но в герметически закрытой пустой каюте пропустить его было невозможно. Этот шорох испугал Вая. Круглая дверь открылась, Вай присел на корточки, и единственным оружием, имевшимся в его распоряжении, была упаковка из-под рациона, которую он держал в руках. Хьюм вошел внутрь и снова закрыл за собой дверь. Он остановился, прижав ухо к стене. Очевидно, он к чему-то прислушивался.

— Ты, идиот с вареными мозгами, — голос охотника был не громче обычного шепота. — Неужели не мог вчера вечером не раскрывать рта? Теперь слушай внимательно. Это единственная возможность, оставшаяся у нас, и мы должны ею воспользоваться.

— Мы? — Вай был так удивлен, что чуть не вскрикнул.

— Да, мы! Но не так громко, проклятье! Вообще-то мне следовало оставить тебя здесь, чтобы ты научился держать язык за зубами. И если бы ты не был мне нужен, я бы так и сделал. Если бы не были в опасности штатские... — Он вздрогнул и снова приложил ухо к стене. Немного послушав, он продолжал: — Будь очень внимателен, я не буду повторять еще раз. Примерно через пять минут сюда придет Пайк и принесет вам еду. Я оставляю эту дверь не запертой. На другой стороне коридора есть еще одна каюта, такая же, как и эта. Постарайся спрятаться там. Когда он войдет сюда, запри дверь снаружи. Понятно?

Вай кивнул.

— Потом постарайся пробраться к шлюзу... Вот! — Он снял со своего плеча небольшую коробочку. — Это световая граната. На острове ты видел, как она действует. Когда доберешься до ramпы за атомной лампой, брось ее. Это повредит силовое поле вокруг лагеря, и, как следствие, фейерверк отвлечет людей Васса. А ты тем временем беги к флиттеру. Ясно?

Флиттер — это же идеальное средство для бегства. Из лагеря, окруженного силовым полем, путь вверх был единственной возможностью спастись...

Хьюм взглянул на него, прислушался еще раз, а потом ушел. Вай лихорадочно сосчитал до пяти и последовал за ним. Каюта напротив была открыта, как и сказал Хьюм. Вай скользнул внутрь нее и стал ждать.

Он услышал, как приближается Пайк. Металлические подковки его сапог шелкали об пол. В руках у него был сосуд с ра-

ционом. Он прижал его к себе, отодвигая засов каюты, где раньше был Вай.

Вай услышал удивленный возглас, и это послужило для него сигналом к действию. Его кулак со всей силой, на которую он только был способен, вылетел вперед и с такой силой ударил Пайка, что тот влетел в каюту. Прежде чем он пришел в себя от испуга, Вай снова закрыл дверь и запер ее.

Юноша побежал по коридору к лестнице и с обезьяньей ловкостью спустился вниз, потом остановился у шлюза и попытался сориентироваться. Флиттер находился слева от него, атомная лампа, окруженный людьми, справа...

Вай вышел наружу и вытер мокрые от пота ладони о бедра. Бросив световую гранату, он не причинит никому особого вреда.

Он выбрал место на достаточном расстоянии от лампы, бросил гранату, чтобы ослепить охранников, и торопливо лег на землю.

Вспыхнула яркая молния... крики... Вай подавил желание оглянуться и помчался к флиттеру. Он распахнул дверцу его кабинки и втиснулся позади кресла пилота. Крики становились все громче — теперь он видел, как огненный язык метров десяти длиной, полыхнув, ударил в небо...

Через мгновение из стены пламени вынырнула черная фигура, подбежала к флиттеру, схватилась за поручни кабины и скользнула в кресло за пульт управления.

Пальцы Хьюма танцевали на рычажках и кнопках.

Флиттер с такой скоростью устремился отвесно в темное ночное небо, что Вай почувствовал, как его желудок подкатился к горлу.

Яркий луч бластера ударил им вслед, но было поздно. Вай услышал бормотание Хьюма, и флиттер поднялся еще выше. Теперь охотник наконец заговорил:

— По меньшей мере полчаса...

— Охотничий лагерь?

— Да.

Подъем вверх прекратился, и флиттер с захватывающей дух скоростью перешел на горизонтальный полет.

— Что это? — Вай внезапно нагнулся вперед, через плечо Хьюма.

Сорвались ли это звезды с их вечных орбит на небосводе? Светящиеся точки разной яркости, казалось, по дуге приближались к флиттеру.

Хьюм рванул рычаги управления. Машина снова совершила прыжок, поднявшись над этими движущимися огоньками. Но впереди, быстро приближаясь к флиттеру, затанцевали новые огоньки.

— Встречный курс, — пробурчал Хьюм больше для себя, чем для своего пассажира.

Машина снова ускорила свой полет, но внезапно равномерное гудение двигателя нарушилось, перешло в прерывистое стакато отдельных тактов и смолкло совсем.

Хьюм лихорадочно манипулировал рычагами управления, на лбу его выступили капли пота.

— Он остановился... выключился!

Охотник перевел флиттер на снижение по пологой кривой, но вдруг шум двигателя послышался снова и опять стал равномерным.

— Нам надо лететь быстрее, чем они!

Но Вай боялся, что им снова придется столкнуться с неизвестной чужой силой. Шары так же, как раньше, плыли против течения, теперь поднимались в воздух вверх. Враг преследовал их.

Что-то внутри Хьюма было не готово принять это. Он все еще заставлял флиттер подниматься вверх, но напротив них всегда оказывались эти огоньки, которые делали бесполезными все усилия двигателя флиттера.

Вай не имел ни малейшего представления о том, где они сейчас находятся, где охотничий лагерь и где лагерь Васса. Он подумал о том, что и Хьюм не знает этого.

Хьюм включил интерком флиттера и крутил ручку настройки до тех пор, пока не принял сигналы автоматического маяка в охотничьем лагере. Его палец отбил кодовый знак на ключе прибора, потом охотник передал короткое сообщение.

— У Васса среди охотников свой человек, — объяснил он Ваю. — Он в такой же опасности, как и все остальные. Он не должен передавать никакого сообщения Патрулю, но он должен установить силовое поле, чтобы защитить штатских. Если он поступит иначе, на него автоматически падет обвинение в убийстве, когда позднее Гильдия расследует этот случай. Мое распоряжение теперь стало неотъемлемой частью корабельного архива и не может быть изъято оттуда. Большого в данный момент я не могу сделать.

— Мы все еще неподалеку от гор или уже нет? Вы хорошо ориентируетесь на местности? — не отступал от него Вай. Знания Хьюма теперь, вероятно, были их единственной надеждой.

— Я дважды прилетал сюда, но до сих пор ничего подобного не видел.

— Но, может быть, здесь все же что-то есть?

— Во всяком случае, во время первой экспедиции мы ничего здесь не заметили, — голос Хьюма звучал тихо и устало.

— Вы человек Гильдии, вам уже приходилось иметь дело с чужими разумными существами...

— Гильдия не имеет дела с обнаруженными разумными рабами. Это дело Патруля. Мы вообще не должны садиться на планеты, на которых имеются неизвестные нам разумные формы жизни. Поэтому мы и должны сообщить об этом. При таких условиях нельзя проводить никаких сафари. Патруль объявил Джумалу открытой планетой, и наша собственная исследовательская экспедиция подтвердила эти выводы.

— Но если кто-то совершил здесь посадку уже после вашего отлета?

— Я так не думаю. Кроме того, на орбите вокруг Джумалы у нас есть спутник контроля, он автоматически засекает каждый производящий посадку корабль и регистрирует его. Но никакого сообщения об этом в Гильдию не поступало. Маленький корабль, такой как у Васса, может проскользнуть незаметно, как это Васс и сделал. Но для того чтобы доставить сюда всех этих существ и приборы, нужен тяжелый транспорт. Нет, это — туземцы. — Хьюм снова склонился над пультом управления и коснулся переключателя.

На пульте вспыхнула маленькая красная лампочка.

— Предупреждение радара, — объяснил Хьюм.

Итак, они по крайней мере не врежутся в какую-нибудь скалу. Слабое утешение, если подумать о других опасностях, которые им грозят.

Хьюм весьма своевременно включил радар. Огоньки, окружающие их, сверкали во все возрастающем темпе, и полет флиттера замедлялся все сильнее и сильнее по мере того, как автоматические приборы предупреждения взяли на себя управление флиттером. Рука Хьюма все еще лежала на рукоятках управления, но это была простая формальность, автоматика управления машиной в тысячу раз быстрее, чем человек.

Они постепенно теряли высоту и должны были удовлетвориться тем, что автоматика, следуя указаниям радара, решила, что этот курс наиболее безопасен для пассажиров флиттера. Теперь автопилот флиттера собирался как можно быстрее совершить посадку.

Буквально в следующее мгновение флиттер коснулся почвы. Двигатель смолк.

— Вот так, — произнес Хьюм без особого воодушевления.

— И что теперь? — спросил Вай.

— Ждать!

— Ждать! Чего ждать, во имя всех миров?!

Хьюм бросил взгляд на часы, освещенные светом кабины.

— До рассвета еще около часа, если здесь светает в то время, что и на равнине. Я не намерен спускаться вниз в такой темноте.

Это, конечно, было разумно. Несмотря на это, сидеть в кабине флиттера было тягостно: сидеть и не знать, что их ждет снаружи.

Может быть, Хьюм чувствовал, как трудно дается Ваю это вынужденное бездействие, а может быть, он действительно действовал чисто интуитивно. Во всяком случае, он кончиком большого пальца руки открыл небольшой шкафчик, вделанный в стенку, и стал распаковывать пакет с НЗ.

Глава 9

Они рассортировали концентраты НЗ, разложили во множество маленьких пакетиков и рассовали их по карманам. Потом кое-как соорудили для Вая накидку из водонепроницаемого, легкого как перышко озакианского паучьего шелка. Они занимались этим, пока небо не стало сереть и они не смогли различать окружающее. Темная листва горной растительности прорывалась здесь каменистым уступом темно-синего цвета, на который и совершил посадку их флиттер.

Справа от них уступ круто обрывался метрах в двух, и остатки его были погребены под оползнем. Вверх поднималась, становясь все более узкой, тропинка, и она казалась единственным выходом отсюда, потому что впереди и позади машины уступ тоже сходил на нет...

— Мы можем снова взлететь? — Вай надеялся, что Хьюм успокоит его утвердительным ответом.

— Там, наверху!

Вай прижался спиной к скале и взглянул вверх. Примерно в сотне метров над ними правильным кругом повисли светящиеся шары.

Хьюм осторожно подошел к краю каменного уступа и осмотрел в бинокль то, что находилось внизу.

— Пока еще ничего не видно...

Вай знал, что он имеет в виду. Шары были над ними, но голубокожие животные или какие-нибудь другие существа, вызванные этими шарами, пока еще не появились.

Они закинули на плечи свои рюкзаки и начали подъем. У Хьюма был лучевик, но Вай был безоружен, потому что по дороге он не успел прихватить с собой ничего, что могло послужить хотя бы временным оружием. На острове он уничтожал шары точным попаданием камней — может быть, они послужат оружием и против голубых животных. Он стал выискивать камни подходящего размера.

Уступ становился все уже, и теперь они касались плечами скальной стены. Обогнув выступ, они потеряли флиттер из виду, но шары все еще висели над ними.

— Мы все еще следуем в том направлении, куда они гонят нас, — задумчиво произнес Вай.

Хьюм опустил на четвереньки, так крута стала теперь тропинка в скалах. Когда они без дополнительных проблем миновали это опасное место и сделали небольшую передышку, Вай взглянул на небо.

Теперь шаров больше не было видно!

— Может быть, мы уже пришли на то место или уже почти достигли его? — произнес Хьюм.

— Куда?

Хьюм пожал плечами.

— Не имею никакого представления. И я, в общем-то, тоже могу ошибаться.

Круто поднимающаяся в скалах тропинка вела к самой высокой точке утесов, вдоль которых тянулся уступ. Достигнув верха, тропинка выровнялась и стала шире, так что идти по ней стало удобнее. Потом она нырнула в щель между двумя поднимающимися вверх скалами и снова начала спускаться вниз.

«Необычно удобная дорожка, словно специально предназначенная для пешеходов», — подумал Вай. Они спустились в до-

лину, в центре которой, окруженное деревьями, блестело озеро. Они шагнули со скальной тропинки на мягкую почву.

Сандалия Вая наступила на круглый камень. Он выкатился из черно-зеленой травы и перевернулся. В нем были видны круглые дыры. Ухмылка человеческого черепа.

Хьюм опустился на колени и осторожно осмотрел траву, поднял череп, с которого все еще свисали шейные и спинные позвонки. Он тщательно изучил череп, прежде чем снова положить его на подстилку из мха.

— Позвонки были перегрызены зубами.

Зеленая долина не изменилась, она оставалась такой же, какой они видели ее, выйдя из каменного ущелья. Но теперь им казалось, что за каждым кустом, за каждым деревом притаился враг.

Вай провел языком по зубам и снова перевел взгляд на череп.

— Он слишком обветрен, — медленно сказал Хьюм. — Должно быть, пролежал здесь не меньше года.

— Переживший крушение со спасательного бота? — Но эта долина находилась от места посадки на расстоянии целого дня пути.

— И как он добрался сюда?

— Может быть, и мы бы добрались его маршрутом, если бы не закрепились на островке посреди реки.

Пригнанный насильно! Может быть, этого человека пригнали сюда светящиеся шары или голубые звери!

— Зачем?

— Я могу высказать два предположения. — Взгляд Хьюма скользнул по ближайшим деревьям. — Первое: они — кем бы они ни были — не хотят пускать на равнину никаких чужаков, поэтому они и гонят их в это место, где они могут или запереть их или, по крайней мере, на некоторое время взять их под наблюдение. А второе... — Он помедлил.

— Еда... — Вай подождал, пока Хьюм переспросит его, но охотник только обернулся, и взгляд его послужил ответом юноше.

— Нам надо как можно быстрее убраться отсюда. — Ваю потребовалась вся его энергия, чтобы подавить панику, охватившую его, и воспрепятствовать порыву вновь бежать к каменному ущелью. И он знал, что никакая сила в мире не заставит его идти дальше, в эту ужасную долину.

— Как мы можем сделать это? — слова Хьюма, ничего не обещающая, звучали у него в ушах.

Внизу, у реки, они боролись с шарами с помощью камней. Если они все еще ждали их снаружи, Вай готов был бороться с ними голыми руками, если от этого будет зависеть их свобода. Хьюм, наверное, думал так же, потому что он большими шагами уже отступал назад, под защиту скал.

Но выход был закрыт. Нога Хьюма, которая хотела сделать шаг обратно на скальную тропинку, наткнулась на невидимое препятствие. Он отшатнулся назад и схватился за плечо Вая.

— Здесь что-то есть!

Юноша осторожно протянул руку. Его пальцы коснулись чего-то, но не твердого, прочного препятствия, а скорее невидимого эластичного занавеса, который под его нажимом немного поддался, но не пропускал...

Они вместе на ощупь попытались определить то, что им никак не удавалось увидеть. Каменное ущелье, через которое они пришли сюда, было закрыто преградой, через которую они не могли проникнуть и которую они не могли разрушить.

Хьюм попытался пробить ее из лучевика. Они увидели, как тонкий луч пламени скользнул вдоль невидимого барьера, не оказав на него никакого действия.

Хьюм снова сунул оружие в кобуру.

— Может быть, отсюда есть какой-то другой выход. — Но, говоря это, Вай уже знал, что это не так. Существа, захлопнувшие за ними западню, не оставили им никакой лазейки. Однако пленники все же были людьми и не захотели сдаваться просто так, без всякой борьбы, и быть пойманными, поэтому они снова двигались в путь, но на этот раз не к центру долины, а вдоль скал, опоясывающих ее.

На пути им постоянно попадался кустарник и низкие деревья, и они были вынуждены обходить их, теряя на это время. Они отошли от входа в ущелье уже на несколько километров, когда Хьюм внезапно остановился и поднял руку. Вай прислушался, стараясь уловить звук, настороживший его спутника.

В тот момент, когда Вай сконцентрировался на вызвавшем интерес звуке, он впервые заметил, что ничего не слышит.

На равнине были слышны гудение, стрекотанье, визги, скрежет, голоса и звуки движения миллиардов мелких живых су-

ществ, населяющих травяной покров. Здесь же, кроме воя ветра и редких звуков, изданных насекомыми, — ничего.

Все живые существа Джумалы размерами больше мухи, очевидно, уже давно были изгнаны из этой долины или истреблены.

— Слева! — Хьюм повернулся.

Там была чаща, такая густая, что в ней могло скрываться огромное животное. То, что произвело этот звук, должно было скрываться в ней.

Вай в отчаянии поглядел на камни, которые придется использовать в качестве оружия. Потом схватил длинный охотничий нож, который Хьюм носил в ножнах на поясе. Тонкое стальное лезвие пятидесяти сантиметров длиной заблестело в его руке.

Хьюм небольшими шагами приблизился к кустарнику. Вай отстал от него на несколько шагов, будучи готов к нападению слева. Охотник великолепно обращался с лучевиком, что было естественно для руководителя сафари. И Вай знал, с какой ловкостью он мог им действовать.

Он отвязал тюк, который нес на плечах, и отбросил его.

Из чащи вылетело нечто красное и схватило подброшенную ему приманку. Хьюм выстрелил, и в ответ на это прозвучал резкий вопль водяной кошки. Но охотник прицелился великолепно. Пока Вай прилаживал свой тюк обратно, Хьюм рассмотрел труп.

— Странно. — Он поднял все еще подрагивающую переднюю лапу и одним движением перекатил животное.

Это был гигант среди водяных кошек, самец по размерам больший, чем все представители этого вида, которых Хьюм видел до сих пор. Более внимательный осмотр сказал ему, что ребра животного выпирали сквозь его облезлую шкуру и кожа плотно обтягивала череп. Водяной кот умирал от голода, и его нападение на двух человек, вероятно, было последним актом отчаяния. Голодный хищник в долине, в которой отсутствовали все обычные звуки птиц и мелких животных, в долине, которая была ловушкой.

— Нет выхода, нет еды. — Вай одну за другой выложил обе мысли.

— Да. Враги заперты, и можно наблюдать, как они убивают друг друга.

— Но зачем все это? — спросил Вай.

— Так проще всего.

— На равнине внизу есть множество водяных кошек. Нельзя же их всех пригнать сюда, чтобы они уничтожили друг друга. На это потребуются годы — нет, столетия.

— Может быть, это животное оказалось здесь случайно, или, возможно, оно было частью какого-то механизма и контролировалось им, — ответил Хьюм. — Я не верю, что эта ловушка создана только для того, чтобы уничтожать водяных кошек.

— Однако, предположим, что это началось уже давно и что тех, кто все это создал, давно уже нет здесь. Механизм все еще автоматически функционирует, но им больше не управляет никакой разум. Это тоже может быть ответом, не так ли?

— Процесс, который начинается автоматически, как только какой-либо корабль совершает здесь посадку, именно в это место, единственное на всей Джумале. А может быть, он начинается только тогда, когда посадка сопровождается какими-нибудь особыми условиями. Только почему ловушка не сработала, когда здесь совершил посадку исследовательский корабль Патруля? И мы сами — мы провели здесь целый месяц — составляли карты, каталогизировали животный мир и не обнаружили никаких следов разумных существ.

— Этот мертвец, он здесь уже давно. А когда исчез «Ларго Дрифт»?

— Пять или шесть лет назад. Я не знаю точно.

Это началось с низкого жужжания, едва различимого в далеком вое ветра. Потом тон звука поднялся, превратившись в то стихающий, а то усиливающийся вой, угрожающий порвать людям барабанные перепонки и извлекающий наружу все подспудные страхи, которые дремлют в каждом человеке, стоящем перед неизвестной опасностью.

Хьюм схватил Вая и с силой потащил его в кустарник. Израненные, исцарапанные колючками, исхлестанные ветвями, они стояли на маленькой прогалине. Охотник искусно залвинул ветви за ними обратно, так, что те скрыли их. Через просветы в листве им было видно то место, где лежал труп водяного кота.

Внезапно вой оборвался. Вай, опустившийся на четвереньки, почувствовал дрожание почвы. Это было похоже на тяжелые шаги.

Дыхание ли смерти привело сюда «это»? Или «оно» преследовало их? Дыхание Хьюма было тяжелым. Он достал из кобуры лучевик и прицелился в промежуток между ветвями.

Дыхание, глубокое и громкое, похожее на человеческое. Темное пятно, неизвестно, была ли эта рука или лапа, раздвинуло

листву на другом конце маленькой полянки, и нечто вылетело из кустарника.

То, что появилось на полянке, могло быть двоюродным братом голубых чудовищ, но оно производило впечатление грубой силы, в которой была плотоядная дикость.

По размерам оно было выше Хьюма, но низко пригнувшееся; голова его, лишенная всякой шеи, росла как будто прямо из плеч. Существо это было настоящим ужасным чудовищем. Из нижней его челюсти угрожающе выступали острые клыки.

Типичный хищник, и к тому же голодный. Он схватил труп убитой людьми водяной кошки и жадно оторвал от него огромный кусок. Вай, в памяти которого всплыл перегрызенный позвоночник человеческого скелета, с трудом сдержал тошноту.

Когда чудовище закончило свой ужасный обед, оно медленно повернуло огромную грушеобразную голову в их сторону. Вай увидел, как его трубкообразный нос зашевелился и надулся... Чудовище принюхивалось...

Хьюм нажал на спусковую кнопку лучевика. Бесшумное огненное копье смертельным лучом ударило в самую середину огромной мощной груди чудовища. Монстр взревел и медленно повалился в заросли кустарника. Хьюм во второй раз выстрелил в него, на этот раз в голову, и голубая шерсть почернела. Чудовище проломилось сквозь кустарник, чуть было не задев их, и начало реветь и биться в конвульсиях. Люди покинули свое укрытие, которым являлся узкий каменный камин в скале, наполовину расщепивший ее. Ветви позади них все еще дрожали.

— Что это было? — с большим трудом проговорил Вай.

— Может быть, охранник. И, вероятно, не единственный здесь... — Хьюм провел пальцем по лучевика. — У меня остался только один заряд, один-единственный.

Вай повертел нож, который он держал в руках, и попытался представить себе, что ему предстоит вступить в схватку с подобным чудовищем, имея в руках только это оружие. Но если здесь были и другие «охранники», они, услышав предсмертные вопли своего сородича, не будут торопиться сюда. Поэтому у людей было немного времени, и Хьюм сделал своему спутнику знак рукой, чтобы тот покинул убежище в скале.

— Теперь мы постараемся придерживаться открытой местности, и будет лучше, если мы заметим такое чудовище прежде, чем оно нападет на нас. И, кроме того, надо найти убежище на ночь.

Они пошли вдоль крутого склона и наконец обнаружили место, где высохшая теперь река некогда падала водопадом. Пустое русло реки образовывало навес, не пещеру, но хотя бы что-то вроде крыши над головой. Они набрали ветвей и камней и соорудили из них нечто вроде баррикады, спрятавшись за которой подкрепились скудным пайком НЗ.

— Вода — озеро там, внизу. Плохо, что вода в этой сухой местности есть только там, где охотники поджидают свою жертву. Озеро со всех сторон окружено деревьями, и за каждым деревом может таиться опасность.

— Может быть, нам удастся выбраться отсюда, прежде чем у нас кончится запас воды, — произнес Вай.

Хьюм уклончиво ответил:

— Человек некоторое время может жить на скудном пайке, а у нас еще есть питательные таблетки. Но без воды долго не проживешь. У нас ее осталось только две фляги. Если растянуть их, этого хватит, может быть, дня на два, но не больше.

— Нам потребуется не более одного дня, чтобы обойти всю котловину.

— И если мы выйдем наружу, в чем я сильно сомневаюсь, для дальнейшего пути воды нам будет нужно больше. Там, внизу, есть нечто, и оно только и ждет, пока наша жажда станет более сильной, чем страх и осторожность.

Вай сделал нетерпеливое движение, и его скрытые под навесом плечи коснулись каменной стены позади их.

— Итак, вы не верите, что у нас есть какие-нибудь шансы на спасение?

— Мы еще живы. И пока человек дышит, стоит на ногах и не сошел с ума, у него есть шансы. — Хьюм машинально потер свою искусственную руку, изменившую всю его дальнейшую жизнь, руку, которая так была похожа на человеческую, но все же не была ею. — Я часто попадал в такие ситуации, как эта, — и до сих пор все еще жив. Как на этот раз мы выберемся отсюда, я, конечно, еще не знаю, но со временем мы в этом разберемся.

— Мне хочется лишь одного — схватить тех парней, которые все это устроили, — произнес Вай.

Хьюм сухо усмехнулся.

— После меня, юноша, после меня. Но мне кажется, что нам нужно немного отдохнуть.

Глава 10

Вай с чувством разбитости выполз из-под каменного навеса. Солнце, свет которого отражался от скал, было ударом бича по его истощенному телу. Распухший язык ворочался во рту словно камень. Он оцепенело уставился на волнующуюся поверхность воды, окруженную смертельно опасным лесом.

Что же произошло? Они в эту первую ночь улеглись спать под каменным навесом. Весь следующий день прошел для него словно в тумане. Они, должно быть, пошли дальше, хотя он ничего не мог вспомнить, кроме странного поведения Хьюма — глухого молчания, когда он, шатаясь, двинулся дальше, как серворобот, и бессвязного бормотания, слова в котором были непонятны и сливались друг с другом. И он сам... его не оставляло чувство, что в самое последнее время в его воспоминаниях появлялись какие-то зияющие пробелы.

Когда они наконец нашли эту пещеру и Хьюм упал, все попытки Вая поднять его ни к чему не привели. Как долго они здесь пробыли, Вай не мог сказать. Он боялся остаться один. Если бы у них была вода, возможно, Хьюм снова пришел бы в сознание, но вся их вода была использована до последней капли.

Ваю казалось, что он слышит запах озера, что каждое дуновение ветра, долетающее сюда, до скал, приносит с собой этот манящий запах. Он связал Хьюма поясом, который снял со своего рюкзака. Сделал это для того, чтобы тот, если придет в сознание, не смог уйти.

Вай нащупал нож Хьюма, который он с трудом прикрепил к срезанной ветке. С трудом борясь с туманом, окутывающим его мозг, он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить нападение животных, которые могли оказаться поблизости. Он взял с собой лучевик Хьюма и твердо решил использовать последний заряд с наибольшей пользой.

Вода! Его распухшие губы двигались, выплевывая песок. Их четыре пустые фляги из-под воды были прикреплены к его измятой, обрезанной накидке и крепко прижимались к ребрам. Теперь — или они умрут, потому что скоро он станет слишком слаб, чтобы отважиться на какую-либо попытку, или выживут. Он подошел к первой группке кустов, спускающихся вниз.

Ни один звук не нарушал задумчивую тишину долины. Вай беспрепятственно достиг опушки леса. У него не было других мы-

слей, кроме как о том, как ему лучше выполнить задуманное. Он присел за кустом, оглядел лес и начал приводить в действие придуманный им план. Животное, которое убил Хьюм, было слишком тяжело, чтобы лазать по деревьям. Вес Вая был не так велик, чтобы сразу же исключить подобный способ передвижения.

Крепко привязав импровизированное копьё и лучевик к своему поясу, Вай вскарабкался на первое дерево. Надежды на успех было мало, но другого способа защиты от нападения чудовищ у него не было. Отважный прыжок, заставивший его сердце подкатиться к горлу, перенес его на следующую ветвь. Потом ему повезло. Лианоподобные растения связывали эту ветвь с другим деревом.

Крепко вцепиться руками, потом снова балансировать, переступая с ноги на ногу на толстой ветви... Он медленно продвигался к озеру. Потом он достиг прогалины. Вцепившись обеими руками в широкую ветку, он нагнулся вперед, чтобы осмотреть узкую ленточку коричневой почвы внизу под ним — очевидно, тропинку, которой часто пользовались, судя по тому, как гладко была утоптана ее поверхность.

Эту полоску почвы нужно пересечь, спустившись вниз, но при этом он оставит там свои следы. Однако никакого другого пути не было. Вай еще раз проверил прочность креплений своего оружия, прежде чем спрыгнуть вниз. В то же мгновение, как только его сандалии коснулись почвы, он побежал. Так он достиг ближайшего дерева на другой стороне тропинки, и его руки снова коснулись шершавой коры.

Здесь больше не было лиан, но были крепкие, далеко простирающиеся ветки. Он, перепрыгивая с одной из них на другую, держался на них, чтобы перевести дух и прислушаться.

Мрачную полутьму леса пробил луч солнца. Он достиг последнего ряда деревьев. Чтобы достичь озера, Ваю снова нужно было спуститься вниз. Из леса выдавалось огромное упавшее дерево. Если он спустится на него и погрузит фляги в воду...

Тишина. Ни птиц, ни древесных ящериц или каких-нибудь других животных. Ни рыб, которые нарушали бы зеркально гладкую поверхность воды. Но его не оставляло ощущение присутствия жизни, враждебной жизни, с нетерпением ожидающей его в глубине леса и под поверхностью воды.

Вай спрыгнул на ствол дерева, прошел по нему к озеру и лег на ствол. Он прицепил к ремешку первую флягу и из своего убежища опустил ее вниз.

Вода в реке была коричневой и непрозрачной. Здесь же вода была не такой мутной. Он видел в глубине тени затонувших обломков ветвей.

И еще что-то.

В самой глубине он различил прямую линию, каменный гребень, такой прямой, что он не мог быть природным образованием. Гребень под прямым углом состыковался со вторым. Вай нагнулся вниз и напряг зрение, чтобы проследить продолжение этих образований. Он увидел два тонких выступа, которые, как два удилища, виднелись на поверхности воды.

Там, внизу, было что-то... что-то сделанное искусственно, и в этом, возможно, заключался ответ на все его вопросы. Но отважиться опуститься в озеро самому... Он не должен этого делать! Если ему удастся вывести охотника из бессознательного состояния, может быть, тогда найдется другое решение этой задачи.

Вай с лихорадочной поспешностью наполнил все фляжки, не спуская взгляда со странного сооружения на дне озера. Его удивлял светло-серый цвет этого образования, исчезавший в темной синеве воды. Может быть, цвет его был даже белый. Вай опустил последнюю фляжку.

Там, внизу, в выбеленном лесу мертвых ветвей, на некотором расстоянии от этих странных стен, что-то двигалось, медленное парение теней, частично скрытых завесой взбаламученного ила, так что Вай не смог разглядеть, что это было такое, но что бы это ни было, оно приближалось к его фляжке. Вай не хотел терять ни единой драгоценной капли воды. Ему один раз повезло беспрепятственно проделать весь этот путь от пещеры в скале к озеру, но во второй раз ему могло и не повезти.

Молния... Медленно поднимающаяся тень превратилась в угрожающее атакующее копьё. Вай выдернул фляжку из воды, в то же мгновение из воды вынырнула бронированная голова на чешуйчатой шее, и широкий нос с шелкающим звуком ударился о ствол. Вай крепче ухватился за одну из веток, оставив за собой след из пузырьков воздуха, чудовище снова исчезло в волнах.

Вай помчался назад под защиту деревьев. На этот раз не было ни рева, ни гула шагов, чтобы предупредить его. Выросшее словно из-под земли — по крайней мере, так показалось испуганному Ваю, — перед ним возникло черно-голубое чудовище. Чтобы достигнуть дерева, дающего ему хотя бы относительную безопасность, он должен был проскочить мимо чудовища. Но оно, каза-

лось, обо всем догадывалось, так как неподвижно стояло и следило за каждым его движением.

Вай сорвал с плеча копье. Длина его древка давала ему какой-то шанс, если ему удастся попасть острием в какое-нибудь уязвимое место врага. Но он хорошо знал, как трудно убить такое чудовище.

Пасть его открылась в угрожающей гримасе. Вай увидел, как дрогнули мускулы на его плечах. Оно сразу же устремилось вперед, и лапы, оснащенные угрожающе острыми когтями, приготовились схватить его.

Теперь юношу ожидала неминуемая смерть. Он направил острие своего копья в выступающую грудь чудовища. Потом ударил и рванул копье в сторону, чтобы расширить глубокую рану, которую нанес врагу.

Копье было вырвано у него из рук, когда обе лапы вцепились в древко. Потом чудовище вырвало его из своей груди и переломило древко. Вай сделал короткий выстрел из лучевики, прежде чем противник успел повернуться к нему, и увидел, как его короткая шерсть потемнела. Затем Вай со всех ног помчался к дереву. Вбежав под его крону, он оглянулся. Чудовище обеими лапами ощупывало обожженное место на своей голове, и у Вая появилось несколько секунд времени. Он подпрыгнул, и его пальцы ухватились за нижнюю ветку. Он с силой отчаяния подтянулся вверх и достиг следующего ряда ветвей, когда чудовище с яростным ревом промчалось внизу под ним.

Мощная грудь его с такой силой ударилась о ствол, что Вай чуть не сорвался. Пока огромные лапы обрабатывали ствол, Вай вскарабкался еще выше. Он пробрался к концу одной из ветвей и перепрыгнул на другое гигантское дерево. Потом, не обращая внимания на опасность и риск, он помчался дальше, и в голове у него была только одна мысль: как можно быстрее покинуть этот ужасный лес.

Судя по шуму, чудовище все еще пыталось свалить первое дерево, и Вай удивился его способности к выживанию, потому что нанесенная им рана, как он знал, давно бы убила любое другое животное. Могло ли чудовище проследить его путь бегства по деревьям и мог ли его полный боли рев привлечь сюда других его сородичей, он не знал, но в любом случае каждая секунда преимущества, которую он выигрывает, была для него очень важна.

Снова достигнув тропинки, он заколебался. Она вела в нужном ему направлении, и по земле он, конечно, мог бы передвигаться намного быстрее, чем по деревьям. Вай соскользнул вниз, спрыгнул на тропинку и побежал. Воздух со свистом вырывался из его легких, и он сомневался, сможет ли он долго выдержать прыжки с дерева на дерево.

Рев боли становился все громче, в этом Вай был уверен. Теперь он слышал топот чудовища, мчавшегося следом за ним. Но его преследователь был тяжелее его и к тому же ранен. Если Вай успеет достичь открытого пространства, он сможет укрыться за скалой и использовать лучевик.

Деревья становились все тоньше. Вай собрал все свои силы для последнего броска и как стрела, выпущенная из лука, промчался между деревьями. Перед ним вверх по склону находились закрытые «ворота» в ущелье. И слева к нему приближалось второе черно-голубое чудовище.

Теперь он не мог вернуться назад, под защиту деревьев. Вай свернул направо и помчался к каменным воротам. Когда он прыгнул за камнем, из леса выскочил его раненый преследователь. Какой-то инстинкт вел его по нужному следу.

Дрожа от изнеможения, Вай оперся рукой о скалу и вытянул перед собой лучевик. Примерно в двух метрах от юноши находился обманчиво открытый проход «ворот». Если он бросится туда, не отбросит ли его напряжение невидимой завесы прямо в лапы и когти его врагов?

Он выстрелил из лучевика в голову второго чудовища. Оно завизжало, подняло лапу, и когти его впились в его раненого сородича. Тот с воплем бросился на своего мнимого врага, и неожиданно началась яростная схватка. Вай двигался вдоль скалы, чтобы достигнуть пещеры, в которой находился Хьюм. Оба голубых чудовища, казалось, были заняты только тем, что старались прикончить друг друга.

Чудовище из леса было прикончено, его противник вцепился ему в горло. Победитель с триумфом урчал. Потом он поднял голову, чтобы взглянуть на Вая.

Оно не было готово к быстроте и внезапности нападения. Теперь это чудовище, хотя и производило впечатление грубой силы, но никак не проворства. Но ошибка могла стоить Ваю жизни. Он отпрыгнул назад, зная, что ему необходимо избежать

нападения, поскольку надежда победить чудовище в рукопашном бою была равна нулю.

На долю секунды он испытал чувство смятения. У него появилось ощущение, что он неудержимо мчится сквозь пространство, в котором действуют другие законы, чем в его собственном мире. Потом он покатился по камням снаружи занавеса, который до сих пор блокировал выход из долины.

Он поднялся, отзвуки этого странного ощущения постепенно исчезали. Словно сквозь туман он увидел, как голубое чудовище остановилось. Оно с хныканьем повернулось назад, но, прежде чем оно достигло края леса, колени его подогнулись, оно упало мордой вниз и замерло неподвижно: машина для уничтожения, в которой погасла последняя искра жизни.

Вай попытался осознать, что же все-таки произошло. Он как-то проник через барьер, который превратил долину в ловушку. На мгновение голова его заполнилась другими мыслями, кроме тайны своего освобождения. Потом он с опаской посмотрел на путь, ведущий к свободе, ожидая, что там появятся светящиеся шары или голубые животные, которые загнали их сюда. Но там не было ничего.

Свобода! Он с трудом встал. Потом прицепил к поясу лучевик Хьюма. Но ведь охотник-то в долине! Он все еще оставался там!

Вай провел по лбу дрожащими пальцами. Он прошел сквозь барьер — и теперь был на свободе, но Хьюм все еще был там, безоружный, легкая добыча для любого животного, которое обнаружит его. Больной, без воды и без защиты, он был уже, считай, мертвецом, хотя сердце его еще продолжало биться.

Упершись рукой в скалу, Вай попытался идти, но не в сторону далекой равнины, а назад, в долину, направляемый только волей и не слушая внутреннего голоса, который возражал против этого самоубийственного сумасшествия. Достигнув двух гигантских скал, между которыми была завеса, он осторожно попытался нащупать ее. Но никакого препятствия не было, завеса не ощущалась. Он мог вернуться назад к Хьюму.

Все еще опираясь рукой о скалу, Вай, шатаясь, прошел через «ворота» — он снова был в долине. Он стоял на подгибающихся ногах и прислушивался. Но снова была полная тишина, даже ветер не шелестел в листве деревьев и кустов. Осторожно ступая, Вай направился к пещере, в которой находился Хьюм.

Смушение, заполнившее его сознание, когда он очнулся, теперь полностью исчезло. Кроме чисто физической усталости, которая, как груз, угнетала его, он снова чувствовал себя в полном порядке.

У входа в пещеру Хьюм старался освободиться от пут. Он уже сбросил веревки, которыми Вай связал его ноги, но запястья его были все еще связаны. Его изможденное, покрытое потом лицо было повернуто к солнцу, и по его глазам было видно, что он пришел в себя и снова мыслит четко и ясно.

Вай нашел в себе силы пробежать несколько шагов, которые разделяли их. Он снял веревки, связывающие запястья Хьюма, и в то же время выложил ему радостную новость. Барьер исчез, и они могли уйти отсюда.

Потом он поднял одну из драгоценных фляг и вылил часть ее содержимого между потрескавшимися, окровавленными губами мужчины.

После этого они с трудом поднялись и направились к выходу из долины. Но когда «ворота» были уже прямо перед ними, Хьюм вдруг вырвался и с полузадушенным криком бросился к ним — его отбросило, и он осел на землю и остался лежать неподвижно. Потом всхлипнул и повернул к нему лицо с закрытыми глазами. Западня снова захлопнулась.

— Почему... почему? — Вай внезапно заметил, что он все время повторяет одно и то же слово, и глаза его уставились на лес.

— Расскажи мне еще раз, что произошло, и поточнее.

Вай медленно повернул голову. Хьюм сел, и его плечи теперь опирались о скалу. Искусственная рука, казалось, бесцельно двигалась взад и вперед, но на самом деле она ощупывала поверхность невидимой завесы, которая снова закрывала им путь к свободе. И выражение горящих глаз охотника, казалось, снова было нормальным и естественным.

Медленно, неуверенно, с долгими паузами между отдельными предложениями Вай рассказал охотнику о своей экскурсии к озеру, бегстве от чудовища и чудесном проникновении через завесу, закрывающую «ворота».

— И ты вернулся назад.

Вай покраснел. У него не было никакого желания говорить об этом. Вместо этого он произнес:

— Если завеса исчезла однажды, она может исчезнуть и во второй раз.

Хьюм не согласился с этим, он потребовал от Вая, чтобы тот со всеми подробностями еще раз рассказал о своем сражении с чудовищем.

— Ну, так, — произнес Хьюм, когда Вай закончил свой рассказ. — Когда ты упал, ты не думал ни о какой завесе, ты потерял сознание, а потом твой разум снова начал функционировать. Ты избавился от тумана в голове, в который мы оба все время были погружены.

Вай попытался вспомнить все происшедшее с ним и решил, что охотник совершенно прав. У него была только одна цель — избежать нападения чудовища, и в его мыслях в то мгновение были только страх и отчаянное желание бежать отсюда как можно быстрее. Но что это все могло значить?

Он осторожно подполз к тому месту, где лежал Хьюм, где его рука скользила назад и вперед по завесе. Но он углубился в щель приблизительно сантиметров на двадцать. Там, где он рассчитывал встретить сопротивление невидимой завесы, не было ничего! Он повернулся к Хьюму.

Глава 11

— Проход открыт только для тебя! — Хьюм снова повторил эти слова. Его глубоко посаженные глаза глядели на Вая без всякого выражения.

Вай встал, отступил на шаг по другую сторону завесы, которую рука Хьюма все еще ощущала как сопротивление какой-то невидимой субстанции. Но... почему Хьюм все еще в плену?

Охотник взглянул на него. Его глаза сверлили Вая.

— Уходи быстрее... уходи как можно быстрее!

Вместо того чтобы послушаться охотника, Вай опустился около него.

— Почему? — спросил он и внезапно понял, почему. Он взглянул на Хьюма. Голова охотника была прислонена к каменной стене, глаза его были закрыты. У него вид человека, который находился на пределе своих сил и возможностей, человека, который решил отказаться от борьбы.

Вай поднял правую руку и сжал пальцы в кулак. Потом ударил. Хьюм сжался и упал наземь, не оказав Вая никакого сопротивления.

Да и у него самого уже не оставалось сил, чтобы нести на себе такой груз. Вай пополз, волоча за собой охотника. И на этот раз, как он и надеялся, завеса не оказала ему никакого сопротивления. В бессознательном состоянии Хьюм смог пересечь барьер. Вай осторожно положил его на камни и стал капать драгоценную влагу ему на лицо, пока тот снова не застонал, потом не забормотал и не положил ослабевшую руку себе на лицо.

Потом его серые глаза открылись, и он взглянул на Вая.

— Что случилось?

— Мы оба преодолели барьер, оба! — Юноша увидел, как Хьюм недоверчиво огляделся.

— Но как?

— Я вас ударил, — объяснил Вай.

— Ударил меня? И я, потеряв сознание, прошел через барьер, — голос Хьюма окреп. — Я хочу посмотреть на все это сам.

Он откатился в сторону и стал ощупывать все вокруг себя. На этот раз его руки не обнаружили преграды. Барьер исчез и для него.

— Если однажды ты преодолел преграду, ты свободен, — с удовольствием произнес он. — Может быть, они никогда не считывали на то, что кто-то сможет выбраться отсюда. — Он выпрямился, приподнялся, помогая себе руками, и сел на землю.

Вай обернулся и взглянул на тропинку позади них. Расстояние между ними и охотничьим лагерем ставило перед ними новую проблему. Они не смогут пройти пешком такое расстояние.

— Мы снаружи, но мы еще не вернулись... еще нет, — произнес Хьюм, словно прочитав мысли Вая.

— Я все обдумал. Если мы открыли эту дверь... — начал Вай.

— Флиттер! — Хьюм тотчас же понял, что имел в виду Вай. — Да, если эти шары не висят в воздухе и не поджидают нас где-то поблизости...

— Может быть, они здесь только для того, чтобы загонять сюда жертву, а не для того, чтобы ее здесь удерживать.

Это могло быть всего лишь их желанием, но у них уже было свидетельство в пользу правильности этой теории.

— Помогите мне. — Хьюм протянул руку, и Вай поднял его. Несмотря на слабость, разум охотника, по-видимому, был ясен. — Пойдем.

Они вместе еще раз прошли через «ворота» и убедились, что барьер на самом деле исчез. Хьюм рассмеялся.

— Хотя первая дверь и открыта, следующая может оказаться закрытой.

Вай оставил охотника возле «ворот» и один вернулся в пещеру, чтобы забрать забытые там припасы. Когда он вернулся назад, они проглотили по несколько таблеток и жадно запили их водой из озера. Потом со свежими силами отправились в путь.

— Эта стена в озере, — внезапно сказал Хьюм, — ты уверен, что это искусственное сооружение?

— Она слишком пряма, чтобы быть естественной, и на ней выступы на равных расстояниях друг от друга. Я действительно не могу представить себе, что это может быть естественным нагромождением камней.

— Нам нужно знать это точно.

Вай подумал о нападении водного обитателя.

— Я не стану нырять туда, — запротестовал он. Хьюм улыбнулся.

— Не мы или, по крайней мере, не теперь, — сказал он. — Но Гильдия направит сюда экспедицию.

— Но для чего? — Вай поддерживал Хьюма, помогая ему идти по каменистой осыпи.

— Информация.

— Что?

— Кто-то или что-то манипулировало нашими мозгами, пока наше сознание было затуманено. Или... — Хьюм внезапно остановился и взглянул на Вая. — У меня сложилось впечатление, что ты намного легче преодолеваешь трудности, чем я. Это так?

— Отчасти, — ответил Вай.

— Это подтверждает мою теорию. Часть меня понимала, что происходит со мной, но была беспомощна, в то время как другая... — Его улыбка внезапно исчезла, и голос его зазвучал резко: — Мои мысли были похищены и рассортированы таким образом, чтобы ими можно было воспользоваться.

Вай покачал головой.

— У меня было не так. Я просто оцепенел, словно грезил наяву.

— Итак, «это» вывернуло меня наизнанку, а тебя нет. Почему? Снова вопрос в наш и так уж немалый список тайн.

— Может быть... может быть, техники Васса приняли предосторожности, чтобы со мной этого не произошло? — произнес Вай.

Хьюм кивнул.

— Может быть... весьма может быть. Пойдем, — снова сказал он.

Вай обернулся и взглянул на откос позади них. Получил ли Хьюм из леса новое предупреждение? Вай не заметил там никакого движения. И с такого расстояния озеро было похоже на драгоценный камень, под гладкой поверхностью которого могло скрываться все что угодно. Хьюм уже сделал несколько шагов по направлению к выступу, он торопился, словно чудовища из леса гнались за ним по пятам.

— Чего так спешим? — спросил Вай, догоняя Хьюма.

— Скоро наступит ночь. — Охотник был прав. Через некоторое время он добавил: — Если мы достигнем флиттера до захода солнца, мы, может быть, сможем вернуться на берег озера и сделать снимки, а уж потом возвратимся в лагерь.

Таблетки дали им новые силы, так что, выбравшись в ущелье, они больше не ощущали слабости. Хьюм на мгновение поколебался, испытывая страх перед испытанием, которое им предстояло. Потом они двинулись по тропе и вышли из ущелья.

Они достигли скального выступа и обнаружили свой флиттер там же, где его оставили. Как давно они покинули его, сказать было трудно, но можно было предположить, что они пробыли в этом полубессознательном состоянии несколько дней. Вай осмотрел небо. Ни одного светящегося шара. Вообще ничего.

Он влез на место позади кресла пилота и стал смотреть, как Хьюм со спокойствием и самоуверенностью человека, делающего это не в первый раз, проверяет приборы и манипулирует ручкоятками. Но, несмотря на все это, юноша облегченно вздохнул, когда Хьюм закончил проверку.

— Все в порядке. Мы можем спокойно лететь.

Они снова огляделись, их тревожила мысль, что эти неумолимые загонщики могут появиться снова и воспрепятствовать их бегству отсюда. Хьюм нажал на одну из кнопок на пульте управления, и они поднялись вертикально вверх — но не так быстро, как во время сумасшедшего бегства из лагеря Васса.

Высоко над утесами они зависли на месте и попытались осмотреть всю долину-ловушку. Хьюм нажал на пару рычажков, и флиттер медленно полетел к центру озера.

С этой высоты они заметили, что поверхность воды была очень странной — озеро образовывало безукоризненный овал, namно-

го более правильный, чем если бы это было создано природой. Хьюм снял с пояса несколько круглых дисков и вставил их в щель на пульте управления. Потом нажал на одну из кнопок. Затем он повел флиттер равномерными зигзагами над поверхностью озера.

Теперь они могли видеть, что находится под поверхностью воды. Стена с острыми углами, которую Вай видел со ствола упавшего дерева, была частью сооружения, находящегося на дне озера. Сооружение это имело форму шестилучевой звезды, вписанной в овал, в центре которого было черное пятно, но, что это такое, люди не смогли разобрать.

Флиттер, управляемый Хьюмом, описал последнюю кривую.

— Это все. Теперь у нас есть множество снимков.

— Как вы думаете, чем это может быть?

— Это сделано разумными существами, и оно очень старое.

Эта долина образовалась не вчера, не несколько месяцев назад и даже не несколько лет. Мы спросим у специалистов, что все это значит. А теперь домой! — Он поднял флиттер над каменной стеной, окружавшей долину, и взял курс на северо-запад, над ущельем, когда-то перекрытым барьером. Миновав долину, он включил интерком и стал ловить сигналы маяка, чтобы сориентироваться по ним.

— Странно. — Искатель скользил взад и вперед, но в динамиках слышался только свист несущей частоты. — Может, мы слишком далеко и не можем поймать луч пеленга. Я только спрашиваю себя... — Он нажал на кнопку и повел движок искателя еще дальше влево.

В динамике внезапно что-то шелкнуло, потом послышался писк морзянки. Вай не мог расшифровать его, но интенсивность сигнала и скорость передачи указывали на страх и панику.

— Что это?

— Тревога! — ответил Хьюм, даже не взглянув на пульт управления.

— В охотничьем лагере?

— Нет. Васс. — Хьюм несколько секунд, показавшихся Ваю вечностью, сидел неподвижно и смотрел на свои руки. Автопилот вел флиттер по курсу, и Вай подумал, что скорость их была настолько велика, что эта роковая долина давно уже осталась позади.

Хьюм снова нажал на кнопку, и флиттер слегка отклонился влево, потом лег на другой курс. Охотник снова начал манипулировать с искателем интеркома. На этот раз он уловил серию шел-

кающих звуков, которые были совершенно не похожи на только что прозвучавшую морзянку. Хьюм прислушался, но сигналы автомата снова смолкли.

— В лагере все в полном порядке.

— Но Васс в опасности. Это имеет отношение к нам? — спросил Вай.

— Все возможно, — медленно произнес Хьюм. Хотел бы он быть также убежден, как и Вай. — Я единственный член Гильдии на Джумале, а член Гильдии несет ответственность за всех штатских, оказавшихся здесь.

— Но Васс не ваш клиент.

Хьюм покачал головой.

— Нет, он не клиент. Но он человек.

Так было на всех окраинах галактики — люди всегда спасали друг друга. Вай хотел возразить против этого, но его собственные чувства и понятия о древних традициях препятствовали этому. Васс был преступником, который наживался на страданиях и горе людей не в одной системе. Но он также был человеком и тоже имел право на помощь, как и любой другой.

Вай увидел, что Хьюм переключился на ручное управление, почувствовал, что флиттер изменил курс, а потом снова услышал настойчивое стаккато бедствия, и они снова помчались в направлении этого передатчика.

— Автомат, — Хьюм снизил уровень звука в динамиках, — включен на полную мощность.

— У них вокруг лагеря было установлено силовое поле, и они знают о светящихся шарах и голубых животных. — Вай попытался представить себе, что же могло произойти там, на равнине.

— Может быть, отказало силовое поле. Без флиттера они, конечно, не могут никуда улететь.

— Но они могут стартовать на космическом корабле.

— Васс впервые не завершит свой уже начатый проект. — Вай вспомнил. — О, это же самый лучший обманный маневр!

К его удивлению, Хьюм рассмеялся.

— Кажется, теперь все пошло не так, а, Лензор? Да, миллиард кредитов, да, это мы вас выдумали, но мы не знали, что в этом деле будет участвовать больше людей, чем предполагалось. Я только хотел знать...

Но он не договорил, что бы ему хотелось знать, и через некоторое время добавил через плечо:

— Лучше отдохни немного. До посадки у нас еще есть время.

Вай заснул глубоко и без сновидений. Проснувшись от легкого прикосновения к своему плечу, он увидел в небе перед ними яркий луч света, хотя вокруг них и была темнота ночи Джумалы.

— Это предупреждение, — объяснил Хьюм. — И я не получил из лагеря никакого ответа, только вот этот постоянный сигнал о помощи. Если там, внизу, еще есть кто-то, он не может или не хочет ответить нам.

В свете луча они увидели нацеленный в небо острый нос космического корабля. Автопилот мягко посадил флиттер на ровной площадке, ярко освещенной прожектором, стоящим на тренажере. Тренажник стоял на том месте, где в ночь их бегства находилась атомная лампа.

— Если они только не укрылись в корабле, а я не знаю, зачем им это делать, значит, они покинули лагерь. — Хьюм достал из кобуры лучевик.

Корабль оказался таким же покинутым, как и лагерь... Полный хаос, царящий в его единственной пассажирской каютке, свидетельствовал о том, что Васс и его люди покинули корабль в большой спешке. Хьюм не коснулся передатчика, который все время автоматически посылал в эфир сигнал бедствия.

— Что теперь? — спросил Вай, когда они закончили поиски.

— Сначала в охотничий лагерь вызвать Патруль.

— Но, — Вай отложил коробку с пайком, которую он нашел и теперь, терзаемый волчьим голодом, собирался опустошить ее, — если вызвать Патруль, вы должны будете все рассказать им, не так ли?

Хьюм в это время вставлял энергетические капсулы в свой лучевик.

— Патруль заставит дать полный отчет о происходящем. Этого не избежать. Но ты не должен беспокоиться об этом. — Он захлопнул дверь кладовки. — У тебя есть веское оправдание. Ты же, наконец, просто жертва.

— Я не думал об этом.

— Юноша, — Хьюм подбросил лучевик и снова перехватил его своей искусственной рукой, — я вступил в это дело с открытыми глазами. Почему я это делал, об этом сейчас говорить не будем. Собственно говоря... — Он поглядел мимо Вая на рас-

кинувшийся неподалеку лагерь. — Ты знаешь, я задумывался о многом, но, может быть, уже слишком поздно. Мы вызовем Патруль, и не потому, что Васс и его люди здесь и где-то там снаружи ждут помощи, а потому, что мы люди и они тоже, а также потому, что здесь есть что-то, что уже погубило несколько человек.

Скелет в долине! И многое говорит за то, что и Васс с людьми теперь движется туда же, в горы.

— Сейчас мы постараемся как можно быстрее вернуться в охотничий лагерь. Оттуда мы передадим сообщение для Патруля, а потом постараемся отыскать Васса. Джумала находится в стороне от космических трасс. Патруль будет здесь не раньше завтрашнего утра, и мы можем надеяться, что до этого времени нам удастся провести тут небольшую разведку.

Вай не произнес ни слова, когда они снова забрались в флиттер. Как Хьюм уже говорил, события развивались слишком быстро. Несколько дней назад им владело только одно желание: рассчитаться с этим охотником, потребовать от него ответ, для чего он находится здесь, и компенсацию за то, что им двигали как марионеткой какие-то чужаки ради своих непонятных целей.

Теперь у них была цель: найти Васса, вызвать Патруль и разгадать тайну озера. Он попытался объяснить сам себе, почему ему этого хочется, но не нашел на это ответа.

Они в молчании подняли флиттер, оставили позади себя покинутый лагерь Васса и теперь медленно скользили над черным лесом по направлению к охотничьему лагерю. Так же беспрепятственно, как в свое время покинули долину, они летели теперь вперед, и светящиеся шары больше не докучали им.

Но они не исчезли — шары светящимся облачком повисли над ними, когда флиттер оставил позади сумрачный лес и вылетел на открытое место. Облако светящихся шаров кружило над лагерем, как гриф над падалью.

Хьюм направил флиттер прямо в облако, и на этот раз танцующие шары расступились перед ним. Вай взглянул вниз. Как только тоненькой полоской света над горизонтом забрезжило утро, снаружи силового поля стали заметны какие-то черные пятна, но пока было темно, их не было видно. Светящиеся шары вверху, животные внизу — лагерь был окружен, он находился в осаде.

Глава 12

— У них был только один путь — в горы.

Хьюм стоял среди куполообразных палаток и смотрел на четырех людей, троих штатских и Ровальда.

— Вы говорите, что уже прошло семь дней по местному времени с тех пор, как я ушел из лагеря. Следовательно, они в пути максимум пять дней. Итак, если это возможно, мы должны остановить их, прежде чем они доберутся до долины.

— Фантастическая история, — на лице у Чембрисса было выражение человека, не привыкшего, чтобы с ним происходило что-то иное, кроме того, что он запланировал сам. — Нет, мы не сомневаемся в правдивости ваших слов, охотник. Эти чудища там, снаружи, — лучшее тому доказательство. Но, судя по вашим собственным словам, Васс — это человек, стоящий вне закона, и он высадился на этой планете с преступными намерениями. И знаете ли вы вообще, действительно ли ему угрожает опасность? Вы и этот юноша, судя по вашим собственным утверждениям, были в самом центре враждебной территории и вернулись оттуда целыми и невредимыми.

— Вследствие счастливого стечения обстоятельств, которые, может быть, никогда больше не повторятся. — Хьюм был терпелив, гораздо терпеливее, чем, казалось, об этом думал Ровальд. Его рука молнией скользнула на пояс, он выхватил свой лучевик. Понадобится всего одно нажатие кнопки, и из дула вырвется яркая молния.

— Я сказал, прекратим болтовню и пойдем искать Патрона.

— Я займусь этим, но только после того, как предупрежу Патруль.

Теперь лучевик Ровальда был направлен на Хьюма в упор.

— Патруль не будет участвовать в этой игре, — сказал Ровальд.

— С меня этого хватит. — Это был Иктизи, и в его голосе прозвучало нечто авторитетное, чего никак нельзя было в нем ожидать. Когда внимание было привлечено к нему, он начал действовать.

Ровальд вскрикнул, оружие вылетело из его руки, которая уже покраснела. Иктизи приготовил удилище для второго удара. Но в этом больше не было никакой необходимости. Вай поднял лучевик, упавший возле него.

— Теперь я отправлю сообщение Патрулю и попытаюсь отыскать Васса, — сказал Хьюм.

— Весьма разумно, — сухо похвалил его Иктизи. — Итак, вы считаете, что вы теперь невосприимчивы к этим неизвестным силам в долине?

— Так мне кажется.

— Тогда вы, конечно, должны идти.

— Зачем? — впервые за весь разговор вмешался Чембрисс. — Предположим, что ваш иммунитет исчез. Предположим, вы во второй раз попадете в эту ловушку и не сможете из нее выбраться. Вы наш пилот, и вы хотите остаться здесь до конца своих дней?

— Этот человек тоже пилот. — Старнс указал на Ровальда, который баюкал свою ушибленную руку.

— Да, но он один из этих преступников, я ему не доверяю, — с апломбом возразил Чембрисс. — Охотник, я требую, чтобы вы немедленно увезли нас с этой планеты и доставили в безопасное место! Я также хочу сказать, что я подам на вас жалобу в Гильдию. Мир для охоты, где мы сами стали добычей!

— Но, Чембрисс! — Старнс не выказал никаких чувств, кроме любопытства. — Быть здесь именно теперь — это удача, которую нельзя получить ни за какие деньги. Трехмерка будет передавать репортажи об этом.

Хотя Ваю было не совсем ясно, что здесь происходит, отговорки Чембрисса настроили его совсем на другой тон.

— Трехмерка, — повторил Чембрисс, и гнев его, казалось, почти полностью исчез. — Да, конечно, это, так сказать, исторический случай.

Иктизи расслабился. Но по едва заметному следу на его губах Вай понял, что это, собственно, не было улыбкой. И Старнс тоже, кажется, нашел верный способ обращения с Чембриссом. А потом этот невзрачный человек снова появился перед ним и предложил Хьюму свои услуги.

— Я кое-что понимаю в аппаратуре связи, охотник. Я могу передать сообщение и позаботиться о связи, пока вы не вернетесь назад.

— Я действительно смогу сделать это, — добавил он. — Будет очень неплохо, если этим будет заниматься ваш человек.

Кончилось тем, что Старнс направился в отсек связи, чтобы установить связь с Патрулем, в то время как Ровальда заперли в одной из кают корабля, пока не придут представители закона. Пока Хьюм с помощью Вая готовил флиттер для новой экспедиции, Иктизи подошел к ним.

— У вас есть план поисков?

— Мы полетим на север. Если они находятся в пути достаточно долго и достигли предгорий, может быть, мы увидим их, когда они будут карабкаться вверх по скалам.

— Вы не думаете, что их тоже освободят после того, как они будут... это... будут обработаны?

Хьюм покачал головой.

— Джентльхома, я думаю, что мы тоже не будем свободны, если только не произойдет чуда.

— Да, если вы нам не расскажете всех подробностей.

Хьюм отложил лучевик, который он снова полностью зарядил, в сторону. Потом посмотрел на Иктизи.

— Кто вы? — голос охотника звучал тихо, но в нем слышалось что-то, что Вай не смог распознать... нечто похожее на угрожающие нотки.

Высокий, стройный штатский улыбнулся впервые за все время, насколько мог вспомнить Вай. Теперь он не выглядел важным, полным собственного достоинства человеком.

— Человек очень разносторонний, охотник... оставим на некоторое время все как есть? Я могу заверить вас, что Васс не отнесется к моим интересам... по крайней мере, не в том смысле, в каком вы можете это предположить.

Серые глаза схлестнулись с карими и на мгновение устали друг на друга.

— Я верю вам. Но я сказал вам правду.

— Я в этом не сомневаюсь, вопрос только в том, какую часть правды вы мне сказали. Потом все равно вы должны будете рассказать мне больше — неужели вы еще не поняли этого?

— Я в этом никогда и не сомневался. — Хьюм убрал лучевик под пульт управления флиттера. Иктизи снова улыбнулся, и на этот раз у Вая появилось ощущение, что он тоже включен в эту улыбку.

Хьюм вообще промолчал.

— Вот как, — это было все, что он сказал своему спутнику. — Вы все еще хотите идти со мной? — спросил он Вая.

— Если вы собираетесь идти один, то в одиночку вам ничего не удастся сделать. Невозможно в одиночку одновременно заниматься Вассом с его людьми и долиной.

Хьюм молчал. После возвращения в лагерь они немного отдохнули, и Вая обеспечили одеждой из корабельных запасов Хьюма, так что теперь на нем была форма Гильдии. Он был так-

же вооружен. Он взял себе пояс Ровальда и его лучевик и игло-ружье. По крайней мере, для этой спасательной экспедиции они были обеспечены всеми необходимыми средствами, которые только нашлись в лагере.

Сразу же после обеда флиттер снова поднялся в воздух, и собравшиеся над лагерем светящиеся шары расступились перед ним. В рядах голубых животных, которые уже давно окружили лагерь, ничего не изменилось. Они терпеливо ждали — пока силовой барьер не будет снят или кто-то не отважится выйти за его пределы.

— Они глупы, — констатировал Вай.

— Нет, не глупы — просто приспособлены только для определенных действий, — возразил Хьюм.

— И это значит, что разумные существа, кем бы они ни были и где бы они ни находились, не изменили своего приказа.

— Возможно. Я думал, что у этих животных и шаров есть нечто вроде управляющей программы — такой же, какая имеется у наших автоматов. К действиям в изменившейся ситуации они не приспособлены.

— Но эти разумные существа, может быть, давно уже не существуют?

— Может быть. — Затем Хьюм внезапно сменил тему разговора: — Так как же ты, собственно, оказался в «Звездопаде»?

Было очень нелегко снова мысленно возвращаться на Науатль, когда Вай Лензор, шлявшийся по портовым кабакам, был совершенно другим человеком. Он копался в своих воспоминаниях, в которых были еще следы памяти Ринча Броуди.

— Я потерял работу, которую получил от государства. И не стал бы заниматься этой подработкой, если бы ни голодал.

— Но почему ты потерял государственную работу и не устроился снова?

— Если нет протекции, то невозможно продвинуться выше. Я действительно старался. Но сидеть и на протяжении всего времени ничего не делать, а только нажимать кнопку, когда загорится лампочка... — Вай покачал головой. — Вы говорите, что я неуравновешен. Вот поэтому меня никуда не брали. Еще один отказ, и они отправили бы меня на промывку мозгов. Я предпочел стать портовым бродягой.

— Разве ты не думал о том, чтобы найти другое место или одолжить денег, чтобы попытаться еще раз начать все сначала...

Вай горько усмехнулся.

— Занять денег? Не смешите меня! Если у тебя есть работа не более двух месяцев в году, кто одолжит тебе денег? О, я хотел сделать это... — Он вспомнил бесконечные ночи, проведенные в бюро по найму в лихорадочном ожидании своего шанса, — шанса, который ему так и не выпал с того дня, когда он был исключен из государственного приюта для сирот. — Нет, у меня был выбор только между промывкой мозгов или... бродяжничеством.

— И ты предпочел бродяжничество?

— В этом случае я все же оставался самим собой, а не стал бы иным, как после промывки.

— Но, несмотря на это, ты все же стал Ринчем Броуди.

— Нет... то есть да, на некоторое время. Но теперь я снова Вай Лензор.

— Да, мне кажется, что теперь ты никогда больше не будешь испытывать нужды в деньгах. Теперь ты можешь потребовать компенсацию.

Вай молчал, но Хьюм не шутил.

— Когда сюда прибудет Патруль, ты дашь показания для протокола. Я подтвержу их.

— Вы этого не сделаете.

— В этом ты ошибаешься, — тихо сказал Хьюм. — Я еще на корабле надиктовал свои показания на пленку, и теперь наступил последний акт действия.

Вай наморщил лоб. Охотник, казалось, сам буквально напращивался на наказание: промывка мозгов — так это называлось в народе — считалась самым тягчайшим преступлением, если она была проведена не государством.

Если представить себе треугольник, на вершинах которого находились горная долина, лагерь Васса и охотничий лагерь, то они летели теперь по диагонали, ведущей к предгорьям, туда, где, как они предполагали, животные и шары гнали Васса и его людей. Вай, следивший за лесом под флиттером, уже начал сомневаться, найдут ли они беглецов прежде, чем те достигнут «ворот» долины.

Хьюм теперь вел флиттер зигзагами, и они как зачарованные следили за каждым облаком, которое могло оказаться скоплением светящихся шаров. Хьюму и Ваю нужны были хоть какие-нибудь зацепки, чтобы напасть на след. Они уже достигли предгорий, когда Вай увидел двух голубых животных, мелкой рысью бежавших по узкой тропе. Ни одно из животных не обратило на флиттер никакого внимания.

— Может быть, это арьергард загонщиков? — произнес Хьюм.

Он поднял машину повыше. Теперь они видели место, где кончались последние следы растительности и перед ними поднимались голые скалы. Но хотя они уже несколько минут висели на одном месте, внизу все еще ничего не было видно.

— Это ложный след. — Хьюм развернул флиттер. Теперь он отключил автомат и перешел на ручное управление.

Полет по широкой кривой ответил на их вопрос. Скрытое растительностью ущелье, не похожее на то, по которому они поднялись к долине. Хьюм повел флиттер вдоль него.

Но если людей, которых они разыскивают, гнали под непроницаемым пологом ветвей и листвы, они не смогут их найти с воздуха. Наконец, когда уже начало темнеть, хотел Хьюм этого или нет, но поиски им пришлось прекратить.

— Мы не будем ждать их у «ворот»? — спросил Вай.

— Я думаю, нам придется так и сделать. — Хьюм осмотрелся. — Мне кажется, что завтра еще до полудня они будут там — если вообще будут там. У нас достаточно времени.

Времени для чего? Времени для подготовки к встрече с Вассом? Или с чудовищами? Времени для того, чтобы несколько часов посвятить дальнейшему исследованию загадочного озера?

— Думаете, мы можем уничтожить это сооружение в озере? — спросил Вай.

— Может быть, и сможем. Но мы должны сделать это только в случае крайней необходимости. Я бы с большим удовольствием передал бы все это Патрулю. Нет, мы лучше позаботимся о том, чтобы задержать Васса у «ворот», и подождем, пока сюда не прибудет Патруль.

Примерно через час Хьюм с захватывающей дух скоростью посадил флиттер на плоской вершине одного из утесов, обозначавших границы этих таинственных «ворот». Картина внизу под ними не изменилась, за исключением того, что на том месте, где вчера лежали два трупа черно-голубых чудовищ, о произошедшей здесь трагедии свидетельствовали лишь дочиста обглоданные кости.

Когда солнце скрылось за вершинами гор, ночь, как темная стена, поползла от леса. Здесь темнело быстрее, чем на равнине.

— Вон! — Вай, наблюдавший за лесом, сначала заметил какое-то движение в кустах.

Четвероногое рычащее животное, каких они до сих пор еще не видели, рысью вылетело из кустарника.

— Олень Сайкена, — констатировал Хьюм. — Но как он оказался здесь, в горах?

Олень устремился к «воротам», и, когда он достиг их, Вай увидел, что на его коричневой шкуре выступила белая пена. Розовый язык свисал из пасти, бока тяжело вздымались и опали.

— Его загнали! — Хьюм поднял камень и бросил его таким образом, чтобы он попал в бок оленя.

Животное даже не вздрогнуло, и казалось, что оно вообще не заметило камня. Оно устало побежало дальше и, пройдя через «ворота», оказалось в долине. Там оно остановилось, высоко подняв клиновидную голову и устремив вверх черные рога. Его ноздри раздувались, оно отплевывалось, а потом длинными прыжками устремилось к озеру и пропало в окружавшем его лесу.

Вай и Хьюм бодрствовали всю ночь напролет, ведя наблюдение, но не заметили больше ни единого признака жизни. Исчезнувший в лесу возле озера олень тоже больше не появлялся. Задолго до полудня один из звуков заставил их вздрогнуть. Это был резкий крик, который могло издать и горло человека. Хьюм бросил Ваю лучевик, сам схватил другой, и оба они устремились с каменного козырька вниз, на «ворота».

Васс шел не во главе группы своих людей, нет, он следовал за тремя из них и сам, словно зверь, присоединился к своим загонщикам. Его люди шатались и спотыкались, у них были все признаки почти полного истощения. Он же все еще шагал размеренно, по-видимому, полностью отдавая себе обо всем отчет. И он был очень испуган.

Когда первый человек с лицом, покрытым коркой из пота и крови, шатаясь, подошел к «воротам», Хьюм крикнул:

— Васс!

Тот остановился. Он не сделал ни малейшей попытки сорвать с плеча лучевик, и его круглая голова с вертикально торчащими петушиным гребнем волосами медленно склонилась набок.

— Стой, Васс, — это ловушка!

Люди Васса, шатаясь, побрели дальше. Вай вышел вперед, и Пайк, идущий впереди всех, вынужден был остановиться, чтобы не налететь на него.

— Вай! — предупреждающе крикнул Хьюм.

У юноши еще было время оглянуться. Васс без всякого выражения на лице, только глаза у него пылали как у сумасшедшего, поднял лучевик и прицелился в него.

Пайк оттолкнул руку Вая и кинулся к Хьюму. Потеряв равновесие и падая, Вай увидел, как Васс мчится к нему со скоростью, которой он от него никак не ожидал. Неожиданно он прыгнул, пригнулся, уклоняясь от выстрела охотника, и у него в руках внезапно оказалось иголоружье, выроненное Ваем.

Затем Хьюм, уклонявшийся от кулаков Пайка, получил по голове, вскрикнул и упал спиной на камни. Из открывшейся раны у него на голове выступила кровь.

Васс не смог уменьшить скорость своего бега. Он налетел на своих людей, и последнее, что видел Вай, это его суетливо двигающиеся руки и ноги, которые быстро исчезали за «воротами» в долине. За стеной из скал снова послышался хриплый крик Васса.

Глава 13

Он лежал на скале, и он снова был спокоен, несмотря на стоны, разрывающие его уши и смешивающиеся с режущей болью в боку. Вай повернул голову в сторону и ощутил запах горелого мяса и жженого пластика. Он попытался осторожно пошевелиться и схватился руками за пояс. Маленькая частичка его разума была все еще ясной — его пальцы нащупали на поясе маленький пакетик. Он должен теперь отправить его в рот, боль пройдет, и он, может быть, снова погрузится в благословенное забытьё.

Ему как-то удалось сделать это. Он достал пакетик из кармашка на поясе и теперь осторожно передвигал его своей работоспособной рукой, в то же время пытаясь раскрыть его, пока ему наконец не удалось снять с него обертку. Таблетки выпали наружу. Но три или четыре из них остались у него в руке. Он с трудом поднес их ко рту и легко проглотил, даже без воды.

Вода... Озеро! Он мгновенно вспомнил происшедшее и попытался нащупать флягу с водой, которую всегда носил с собой. Потом его пальцы вдруг коснулись какого-то места на другой его руке, и жгучая боль пронизала его. Он застонал.

Таблетки подействовали. Но он не провалился снова в бессознательное состояние. Пульсирующая боль в его руке отступила куда-то вдаль, и он забыл о ней. Он оперся неповрежденной рукой о каменную стену и попытался сесть.

Солнце отражалось от ствола лучевика, лежащего между ним и фигурой, которая все еще не шевелилась, и под ее головой рас-

теклась маленькая лужица крови. Видимо, Пайку все-таки удалось ранить Хьюма.

Вай подождал еще несколько секунд и с трудом подполз к охотнику.

Юноша все еще задыхался, но все же приблизился на достаточное расстояние, чтобы коснуться охотника. Лицо Хьюма, правая щека которого лежала в пыли, смешанной с кровью, было покрыто коркой из засохшей крови.

Когда Вай коснулся его лба, голова Хьюма беспомощно повернулась в сторону. Другая его щека была так запачкана пылью и кровью, что Вай вообще не мог понять, насколько серьезно он ранен.

Юноша огляделся вокруг. Пайка нигде не было; видно, люди Васса унесли его с собой.

Своей здоровой рукой Вай с трудом потянулся к поясу Хьюма. Он попытался извлечь оттуда таблетки. Когда это ему удалось, он попробовал скормить их охотнику.

Осмотрев Хьюма более внимательно, Вай установил, что кровь, по-видимому, текла из раны на виске, но кости черепа остались неповрежденными. Чем Пайк ударил охотника, юноша не знал. Затем он достал еще две таблетки из пакетика Хьюма и отправил ему в рот. Оставалось надеяться, что таблетки растворятся, потому что охотник не мог глотать. Потом Вай прислонился к скале и стал ждать, пока охотник не сможет говорить.

Группа людей Васса, захватив с собой Пайка, ушла в долину. Когда Вай огляделся, чтобы обнаружить их, он не увидел никого. Они, наверное, попытались пробраться к озеру. Флиттер все еще стоял на вершине скалы, такой же недостижимый, как если бы он был на орбите вокруг этой планеты. У них была надежда только на группу, которая должна была прийти из охотничьего лагеря. Как только они совершили посадку на этой скале, Хьюм включил автоматический маяк, чтобы указать их местоположение Патрулю в том случае, если Старнсу удастся связаться с ним.

— Умм... — Губы Хьюма шевельнулись, разорвав засохшую маску из крови и песка, покрывающую его щеки и подбородок. Глаза его открылись, но тело оставалось неподвижным.

— Хьюм... — Вай удивился тому, как слаб был его собственный голос.

Голова охотника повернулась, глаза его смотрели на юношу, и в них появилась искра разума.

— Васс? — шепот Хьюма был так же мучительно тих, как и голос Вая.

— Они там. — Рука Вая указала на долину.

— Плохо. — Хьюм мигнул. — Это настолько скверно? — Он беспокоился не о своей ране, а о ране Вая. Тот, в свою очередь, глядел вниз, в долину.

Благодаря какой-то случайности, возможно, потому что Пайк оттолкнул его, Вая, в сторону, луч оружия Васса только задел его, прошел между рукой и бедром и обжег их. Как обширен был ожог, он не знал и даже не хотел думать об этом. Ему было достаточно того, что таблетки на некоторое время успокоили боль от ожога.

— Меня немного обожгло, — мягко сказал он. — А у вас на голове рваная рана.

Хьюм поморщился.

— Сможем ли мы вернуться во флиттер?

Вай попытался встать, но снова опустился на свое прежнее место.

— Сейчас нет, — ответил он и в это мгновение понял, что ни один из них не сможет даже ползти.

— Радиомаяк... он включен? — Хьюм словно понимал ход мыслей Вая. — Патруль извещен?

Да, Патруль извещен и придет, но когда? Через час, через день? Время теперь было их самым страшным врагом. Они не говорили об этом, но оба это отлично понимали.

— Иглоружье... — Теперь голова Хьюма повернулась в другом направлении, и его ослабевшая рука указала на оружие, лежавшее в пыли недалеко от них.

— Они не вернутся назад, — сказал Вай, и они оба хорошо это знали. Васс и его люди попали в ловушку, и надежда на то, что они вернутся назад, была крайне мала.

— Иглоружье! — повторил Хьюм тоном приказа и попытался сесть, но снова упал, издав сдавленный крик боли.

Вай с трудом приподнялся, кончиком сапога нащупал ремень оружия и подтянул его, но услышал голос Хьюма:

— Будь внимателен!

— Но они же все там, в долине, — повторил Вай.

Глаза Хьюма снова закрылись.

— Осторожнее, может быть... — Он замолчал. Вай положил голову на приклад иглоружья.

— Хааа!

Крик чудовища, такой же, какой они слышали в долине и раньше. Он донесся откуда-то из леса, окружающего озеро. Вай поднял оружие и направил его дуло в сторону леса.

К этому реву примешивался крик человека. Вай увидел, как зашевелились кусты. Фигурка человека, очень маленькая и очень далекая, выползла из кустарника на четвереньках и упала. Снова рев чудовища, а потом снова крик человека.

Вай увидел, как из-за деревьев вышел другой человек, его голова все еще была повернута в сторону невидимого преследователя. Вай заметил блик, отразившийся от чего-то металлического — несомненно, от дула лучевика. Листья на деревьях потемнели, клубы дыма вились из черной дыры, прожженной оружием.

Человек все еще двигался спиной вперед, он прошел мимо лежавшего и наконец оглянулся через плечо на скалы, к которым медленно, но неуклонно приближался. Он перестал палить в деревья, но там, где он прошел, теперь трепетали маленькие огоньки.

Два шага назад, три. Потом он повернулся и быстро пробежал еще несколько шагов, потом снова осмотрелся и преодолел несколько метров открытого пространства. Теперь Вай видел, что это был Васс.

Еще несколько быстрых прыжков, снова взгляд назад. На этот раз он увидел своих врагов. Их было трое, и каждый из них был так ужасен, как и те, с которыми Вай сражался на этом же месте. И один из них был ранен и с яростным ревом махал обожженной лапой.

Васс поднял лучевик и направил его дуло на ближайшее чудовище. Потом нажал ладонью на кнопку спуска. На это ему потребовалась половина секунды, которая чуть было не стоила ему жизни, потому что чудовище сделало неожиданный прыжок, от которого Васс все же удачно спасся.

Когтистая лапа вырвала полосу материи из куртки Васса и оставила на его теле длинный красный след.

Вай держал иглоружье на коленях, он был готов к стрельбе. Он увидел, как в предплечье чудовища задрожала игла. Чудовище остановилось, вырвало эту занозу из отравленного металла и согнуло ее.

Васс швырнул свое оружие в морду чудовища и устремился к «воротам».

Вай выстрелил снова, не особенно целясь, но получил большое удовольствие, когда иглы попали в плечо, лапу и грудь чу-

довища. Потом три голубые горы мяса и костей упали на склоне позади человека, который все еще бежал по направлению к «воротам».

Васс на полной скорости налетел на невидимый барьер, его отшвырнуло назад, и он, застонав, упал на землю. Потом он поднялся и снова направился к входу в ущелье, который он видел, но которого на самом деле не было.

Вай закрыл глаза. Он очень ослаб и ему хотелось спать. Может быть, это тоже было действием анестезирующих таблеток. Но, несмотря на это, он услышал крик человека, все еще старающегося пробиться через невидимый барьер, сначала крик ярости и гнева, а потом крик страха, который перешел в равномерный вой, и Васс выл так до тех пор, пока не понял, что все его попытки пробиться через барьер тщетны.

— Мы получили автоматическое сообщение от имени Раса Хьюма, члена Гильдии ксеноохотников.

Вай враждебным взглядом уставился на офицера в черно-серебряном мундире Патруля, с маленькой зеленой нашивкой в виде глаза.

— Тогда вы знаете нашу историю. — Он не намеревался ничего добавлять и не хотел давать никаких объяснений. Может быть, Хьюм будет реабилитирован. А самому ему не надо было ничего другого, кроме как идти своей дорогой и как можно быстрее покинуть Джумалу — и чтобы Хьюм тоже смог сделать это.

Он не видел охотника с тех пор, как флиттер Патруля опустился у «ворот». Васса вытащили из долины, отупевшее, безвольное существо, все еще находящееся под влиянием чужой силы, устроившей эту ловушку. Насколько Вая проинформировали, Патрон все еще не пришел в сознание — и, может быть, никогда уже больше не придет. Но Хьюм не надиктовал на пленку никакого самообвинения и, может быть, ему удастся уйти от ответственности. Они могут подозревать его — но против него нет никаких доказательств.

— Итак, вы по-прежнему отказываетесь давать показания? — офицер свирепо посмотрел на него.

— Это мое право.

— У вас есть право на компенсацию — значительную компенсацию, Лензор.

Вай пожал плечами.

— Я не выдвигаю никаких притязаний и не хочу давать никаких показаний, — повторил он. И он не намеревался больше давать никаких ответов, слишком уж часто его допрашивали.

Это было уже второе посещение в течение двух дней, и он до сих пор был очень слаб. Может быть, он действительно должен сделать то, что требует его порядочность, и попросить, чтобы его отвезли обратно на Науатль. Только странное, необъяснимое желание хотя бы мельком увидеть Хьюма удерживало его от того, чтобы выдвинуть требование, которое они не должны были отклонить.

— Я бы на вашем месте хорошенько подумал! — воскликнул чиновник.

— Неприкосновенность личности... — Вай почти улыбнулся, произнеся это. Впервые в своей жизни, полной разочарований, он мог произнести это. Он видел, как чиновник поджал губы, но все же оставил свой тон и выключил интерком.

Он отказывается отвечать.

Вай ждал, что предпримет чиновник. На этом, собственно, их разговор закончился. Но с офицера вдруг словно спала маска бюрократа. Он вытащил из кармана сигареты, предложил Ваю, от чего тот, извинившись, отказался, и быстрым движением провёл белой палочкой спички по коробке. Потом дверь каюты отошла в сторону, и Вай чуть не вскочил с кровати, когда вошел Хьюм, чья голова все еще была в бинтах, как в чалме.

Офицер указал рукой на Вая, словно был рад, что теперь мог передать эту проблему другому.

— Вы были совершенно правы. Теперь он в вашем полном распоряжении.

Вай переводил свой взгляд с одного мужчины на другого. Почему Хьюм не арестован? Или служащие Патруля не считали нужным держать его под замком на борту космического корабля, где ему некуда бежать? И все же охотник не выглядел пленником. Он плюхнулся в кресло и взял сигарету, от которой отказался Вай.

— Итак, ты отказываешься давать показания? — ухмыльнулся Хьюм.

— Вы же отлично знаете, почему я не хочу делать этого! — Вай был так ошеломлен этим неожиданным поворотом событий, что в голосе его зазвучали слезы.

— Когда я вспоминаю, сколько времени и усилий мне потребовалось, чтобы сделать так, чтобы ты дал показания, мне начинает казаться, что я в чем-то ошибся.

— Я должен дать эти показания *вам*? — повторил Вай.

Чиновник вынул изо рта дымящуюся сигарету.

— Расскажите ему все, Хьюм.

Но Вай уже понял. Жизнь в «Звездопаде», жизнь бродяги или обостряет разум или совсем отнимает его.

— Западня? — спросил он.

— Западня, — подтвердил Хьюм. Потом посмотрел на человека в мундире, словно хотел, чтобы тот помог ему. — Я хочу рассказать тебе всю правду. Сначала все это действительно было не совсем легально. У меня были все основания для того, чтобы всеми способами добиваться части наследства Когана — но только не по финансовым соображениям. — Он пошевелил пальцами своей искусственной руки. — Когда я нашел спасательный бот с «Ларго Дрифт» и увидел открывающиеся при этом возможности, я немного подумал, и в голове у меня возник этот план. Но я человек Гильдии и хочу остаться им. Итак, я связался с одним из её мастеров и рассказал ему всю историю — поэтому я и не хотел, чтобы мое открытие было запротоколировано.

Сообщив о спасательном боте Патрулю, мастер подсказал, как можно устроить ловушку. За этим потянулась цепочка последствий. Патруль хотел поймать с поличным Васса. Но тот был слишком могущественен и коварен, чтобы его можно было взять так легко.

— Они подумали, что моя идея — это отличная приманка, которую он должен проглотить, и я должен был ему обо всем рассказать. Он, несомненно, провел собственное расследование, узнал, что у меня есть великолепные основания для того, чтобы сделать то, что я выдал за свой план, и клюнул на это. Итак, я пошел к нему со своей историей, и она ему понравилась. Мы провели задуманное как раз так, как я и рассчитывал. В качестве наблюдателя он и поставил ко мне Ровальда. Но я не знал, что Иктизи был не тем, за кого он себя выдавал.

Патрульный улыбнулся.

— Только ради безопасности. — Он выпустил колечко дыма. — Только ради безопасности.

— Но вот чего мы не предусмотрели, так это неприятностей с туземцами. Тебя должны были найти как потерпевшего кораблекрушение, доставить в Центр, и как только Васс сунет голову в это дело, Патруль должен был прекратить это надувательство. Теперь Васс у нас, и с вашими показаниями он от нас больше не ускользнет. Это заставит его во всем признаться. И, кроме то-

го, у нас появилась проблема с взеземным разумом, о которую специалисты еще обломают немало зубов. И нам действительно нужны ваши показания.

Вай из-под полуопущенных век смотрел на Хьюма.

— Итак, значит, вы их агент?

Хьюм покачал головой.

— Нет, я — то, что вам и говорил. Ксеноохотник, которому случайно подвернулось нечто, что может сломать хребет одному из крупнейших преступников Галактики. У меня действительно есть немало причин не любить клан Когана, но прижать к ногтю Васса — это увеличит мое самоуважение.

— Эта компенсация — я могу претендовать на нее или же это все был обман?

— Вы по первому же требованию получите компенсацию из имущества Васса, — сказал служащий Патруля. — Он очень много денег вложил в легальные предприятия, хотя мы, наверное, никогда не сможем проследить за всеми его лазейками и вкладами. Но то, что нам удалось найти, было конфисковано. Вы уже знаете, что сделаете со своей долей?

— Да.

Хьюм отнесся к этому с улыбкой. Теперь он был совсем другим человеком, не тем, которого Вай видел на Джумале.

— Стоимость обучения в Гильдии — тысяча кредитов задатка, две тысячи за собственно обучение и, может быть, еще тысяча для покупки самого лучшего снаряжения, какое я только могу себе представить. После этого у вас остается свободными еще две-три тысячи кредитов.

— Почему вы так уверены, что я так охотно пойду в эту Гильдию? — начал Вай, уже сознавая нелепость этого возражения.

Хьюм в ответ произнес:

— Вообще-то не очень уверен. Но будет великолепно, если ты сделаешь это. Итак, бери микрофон. Теперь командер и я, думаю, услышим кое-что. — Он встал. — Ты знаешь, Гильдия заявила свои права на это открытие. Может быть, мы видим эту таинственную долину не в последний раз, курсант.

Сказав это, он вышел, и Вай, который был рад такому исходу событий, взял микрофон, чтобы избавиться от своего прошлого и устремиться к будущему.

**ВЗГЛЯД
ЧУДОВИЩА**

Глава 1

Риз Нейпер открыл глаза. Он, как обычно, внезапно и полностью очнулся после ночного сна. Но на этот раз пробуждение было каким-то особенным, и он лежал, не двигаясь, только шевелил веками, пытаясь услышать, почувствовать, понять, чем же таким отличается именно это утро.

Сквозь звуковую сетку окна в комнату проникал слабый ветерок, чуть колыша шторы. Ага, вот оно что! Звуки, точнее, отсутствие оных, столь обычных для этого места и утреннего времени. Куда-то пропал привычный звуковой фон, с которым он пробуждался все эти месяцы своего пребывания в поселке.

Риз быстро просунул руку под мягкий матрас к самой сетке кровати, потянувшись к вещице, которую он положил туда накануне вечером после последнего объявления о тревоге по радио. Его пальцы обхватили гладкий, как атлас, кожаный пояс с бластером в кобуре. Затем, прижимая его к груди, он осторожно спрыгнул с кровати, подкрался к окну и выглянул за сетку, приглушающую звуки джунглей.

Зеленоватые лучи солнца освещали пустую улицу поселка. Хубра, местная разновидность курицы, пытаясь склевать жука, резко прыгнула за ускользящей жертвой, но жук успел расправить крылья и улететь. И кроме небольших созданий, живущих в украшенных узорами цветочных клумбах и круглом бассейне, никого другого между зданиями не было видно.

Риз торопливо натянул на себя рубашку и брюки с сапогами для ходьбы в джунглях. Его колотило, несмотря на теплый день. Какая-то неприятность — и серьезная! Он чуял дыхание опасности, совсем как если бы это был душистый запах фиолетовых листьев камыша-туфы, кружащих над водяным садом. Дядюшка Мило ошибся, и вот теперь им приходится пожинать плоды этого ошибочного решения, и все из-за упрямства главы их поселка.

И вот, опоясавшись напоследок бластером, Риз бросил взгляд на походную сумку, которую он впопыхах упаковал ночью. Слишком поздно надеяться, что удастся выскользнуть отсюда, захватив что-нибудь получше, чем аварийный запас. И это опять-таки из-за дядюшки Мило и его нежелания взглянуть в лицо фактам, какими они были на самом деле, так как он неукоснимо следовал только своим собственным представлениям об окружающем их мире.

Риз коснулся рукой замка двери, ведущей в коридор. Однако, выйдя, он задержался там в нерешительности, прижавшись спиной к стене, прислушиваясь и принявываясь. Хотя вроде бы шесть последних месяцев в качестве помощника Дуггана Виккери должны были подготовить его без всякого страха встречать подобного рода критические ситуации.

Он не мог уловить ни единого признака присутствия ишкуруианцев и не чувствовал чуждых для колонистов запахов, которыми несло от туземцев и которые он легко определил бы, когда все нервы взвинчены до предела. Хотя... Нет, это была только струйка манящего запаха терранского кофе. Риз быстро проследовал в его направлении. Ни один ишкуруианец не будет пить кофе. Этот инопланетный напиток является для них ужасным ядом, аборигены даже его запах не могут выносить. А отсюда следовало, что в поселке наверняка нет никаких туземцев, иначе доктор Нейпер не стал бы заваривать кофе.

Риз стрелой пронесся через три комнаты к двери в конце коридора. В последней комнате сидевший в кресле мужчина оторвал взгляд от записывающего устройства; брови его над глубоко посаженными глазами слегка нахмурились.

— Доброе утро, Риз! — слова прозвучали отчетливо и, как всегда, неодобрительно. Мило Нейпер и его племянник, вместе с которым он жил в одной комнате, не имели между собой почти ничего общего, никаких общих интересов или идей.

— Что происходит? — Риз остановился у стола. Темный экран коммуникатора, находившегося в углу, ничего не показывал. Он не был даже включен. Юноша торопливо нажал на кнопку, но в ответ раздался лишь монотонный треск статических разрядов. Должно быть, в горах сейчас шла буря, которая и мешала связи с портом в Нагассаре.

— Мы вполне можем обойтись и без этого, — раздраженно бросил доктор Нейпер. — Выключи его. Мне надоело слышать

эту совершенную чушь о проблемах с туземными племенами. Абсолютный идиотизм этих протирателей задниц в порту приводит к полному разочарованию в наших военных. Если бы эти чинуши покинули свои уютные офисы хоть на некоторое время, чтобы действительно хоть что-нибудь узнать об этой планете и ее обитателях, сразу прекратилось бы все это нытье о проблемах, которые возникнут, когда Патруль покинет нас. Проблемы... плевать я хотел на них! Я на Ишкуре уже двадцать лет, и все это время у нас с туземцами складывались мирные отношения, к тому же они должны быть благодарны нам за все то, что мы сделали для них.

— А как насчет того случая в Акланбе? — Риз едва сдерживал свои нетерпение и возбуждение. — Да и присутствие Патруля все это время являлось гарантией поддержания здесь порядка.

— А я из собственного опыта считаю, что причиной волнений служат инопланетные торговцы. Их алчность может привести к каким угодно мелким конфликтам даже на спокойных планетах. Просто не следовало располагать Акланбу в такой близости от Древнего Леса. Это — еще одно ошибочное решение правительства, публичное оскорбление Высоких Деревьев. Несомненно, та искаженная версия, которую передавали власти об этом конфликте, слишком приукрашена и раздута. И их опасения, что ишкуруанцы поднимут восстание, едва уйдет Патруль, — полнейшая чушь! Поэтому я и сказал Джевину вчера, — продолжал дядюшка Мило, — когда он улетал со своей семьей в Нагассару — как и Фермалам ранее, — чтобы никто из них больше и не думал рассчитывать, что получит здесь работу, когда до них дойдет, какими же они болванами были, что ударились в панику. Я действительно оставил запись, что осуждаю их бегство. Пятнадцать лет упорного труда в джунглях и оказания помощи этим туземцам нельзя отбросить только потому, что несколько отрядов покидает планету, — это им давно пора было уже сделать. Наконец-то до Совета начинает доходить, что пришло время отбросить эту автократию в области управления. Я не сомневаюсь в надежности мирных гарантий, которые дали нам Высокие Деревья. И отослать Патруль — первый шаг в деле исправления ошибок колониализма.

— Но месяц назад в джунглях случился пал, и Ишбэк, Ишгар и Ишван направляли его, а ведь они все из Высоких Деревьев, — Риз изо всех сил пытался сохранить самообладание. Дядюшка

Мило, когда речь затрагивала политику администрации, всей душой отстаивал свою точку зрения на сей счет.

Впалые щеки доктора Нейпера залились краской.

— Я не потерплю, чтобы подобные глупости повторялись в моем доме! Злостная пропаганда военных вполне может одурачить любого, кто наслушается ее. Я знаю Ишгара, он обучался в наших школах в Нагассаре. Прибегнуть к подобному дикому суеверию абсолютно чуждо как его образованию, так и его природе. Если ты до сих пор еще не выбросил из головы всю ту дурацкую чушь, что вбивали вам в академии, тогда, пожалуйста, не производи вслух эту ерунду здесь!

— Значит, ты остаешься, несмотря на предупреждение, полученное этой ночью?

— Остаюсь ли я? — с удивлением повторил доктор Нейпер. — Ну, конечно, я остаюсь.

— А коптер уже возвратился?

— Не знаю, мне как-то все равно.

Риз прилагал отчаянные усилия, чтобы не сорваться.

— А как насчет семьи Бельцев? И этого торговца-саларикийца, Сакфора? — не отставал он от дядюшки.

— Я рад сообщить тебе, что Гидеон Бельц не поддался этому психозу, который всех охватил в последние две недели. А действия salariкийцев нашего поселения не затрагивают.

— Но никого из туземцев здесь сейчас нет?

— Конечно. А я и не ожидаю, что кто-нибудь из них появится тут по крайней мере в ближайшие три дня. У них сейчас начался Первый лиственный пост. И это только подчеркивает полный идиотизм этих чиновников в Нагассаре. Племена в течение ближайших десяти дней будут заняты исполнением своих ритуалов. Сейчас ишкуруанцы просто не могут осуществлять какие-либо враждебные действия, и, как ты убедишься, они, разумеется, этого не сделают. Все это, Риз, результат проклятого вмешательства Изыскателей и прочих Служб. Весь этот шум насчет худых намерений и предостерегающие доклады... их провал просто-напросто поставит под сомнение всю эту пустую болтовню. И через несколько лет, мой мальчик, ты еще поблагодаришь меня, что я наставил тебя на путь истинный, прежде чем ты по-настоящему влился в их службу, справедливо нелюбимую и сомнительную.

Риз стиснул зубы. За эти года он научился многое проглатывать про себя и не выказывать своего несогласия, но в данный момент юноша почувствовал, что ему необходимо срочно покинуть дядюшку Мило, иначе он ему наговорит такое, чего тот во век не простит и не забудет. Сейчас в нем не осталось ничего от прежнего доктора Нейпера, и было бы лучше пожить им сейчас порознь, чем вместе, однако Риз все-таки так и не решился улететь прошлой ночью вместе с Джевинами. Он должен был остаться, вооруженный бластером, чтобы защищать безоружного дядюшку от возможного нападения каги.

Он не разделял уверенности доктора Нейпера в добрых намерениях туземцев и в продолжение дружественных отношений с ними после того, как миротворческие силы Патруля будут отозваны с планеты. И каким-то образом он должен в скором времени заставить дядюшку понять правду и все объяснить. Но он не сможет добиться этого, если поссорится с ним.

— Куда ты теперь направляешься? — требовательно спросил доктор Нейпер. — Ты еще даже не позавтракал.

— Я же все-таки пока работаю, если Виккери меня еще не выгнал, — бросил Риз через плечо. — Кажется, я и так уже опоздал.

Молодой человек поторопился выйти во двор. И в самом деле церемонии Первого поста могли оттянуть туземцев в свои деревни. Но чувство опасности, которое появилось в нем с момента пробуждения, теперь чуть уменьшившееся, все равно заставляло его внимательно глядываться в кусты, полумрак дверей и окон.

— Риз!

Полусогнувшись, юноша резко повернулся, выхватив бластер. Затем с той же скоростью засунул оружие обратно в кобуру.

— Эй, Риз, ну и скор же ты на руку! — под низко свисающими ветками куста буппу возник Горди Бельц, все лицо его было желтым от сока ягодок буппу. — Ты идешь в лагерь зверей? Возьми меня с собой, ну, пожалуйста, Риз! Здесь не с кем играть, и мне так скучно...

Риз несколько секунд раздумывал. Горди временами бывал просто несносным. Но сейчас его маленькая фигурка действительно имела несчастный вид. И, конечно, не больно-то разумно, чтобы маленький мальчик сегодня слонялся без дела, предоставленный самому себе.

— Горди, а где твоя мама?

— У нее приступ лихорадки. Папа сделал ей укол и сказал, чтобы она оставалась в постели. А Ишби и Ишки так и не появились сегодня утром. Папа дал мне на завтрак немного консервированных пайри. Пожалуйста, Риз, разве не могу я пойти с тобой? Я хочу увидеть всех этих зверушек еще раз, прежде чем их увезут отсюда на корабле капитана Виккери.

Риз слегка раздвинул ноги, прижав руки к бокам.

— А если я возьму тебя, ты знаешь, как нужно себя вести?

— Ни к чему не притрагиваться, ничего не касаться! Клянусь, Риз! — Горди сорвал узкий листок с кустарника, разорвал его по середине, свернул узлом и бросил в бассейн. — Кровью Дерева клянусь.

«Да, ребята уже видели этот ритуал и поняли все на удивление правильно», — мимоходом подумал Риз. Горди произнес клятву с той же интонацией и теми же жестами, как это делают Стражи. Конечно, ребята переняли обряд, прекрасно все запомнив. Ну и ладно, он и сам все еще может станцевать танец рыб сала-рикийцев, а ведь ему было на год меньше, чем Горди, когда они улетели с той планеты. А потом он прошел специальную подготовку, как только достиг достаточного возраста, и приобрел способность замечать любые детали, которые могли бы помочь ему воспринимать характерные особенности инопланетных культур. И поскольку Риз был сыном офицера-изыскателя, считалось, что он последует по стопам своего отца.

Если бы только командер Нейпер вернулся назад с Бега Волспера! Но он не вернулся, и дядюшка, не поддаваясь ни на какие уговоры, забрал Риза из кадетской школы. Однако, несмотря на все свои усилия, дядюшке Мило так и не удалось вытравить тоску по службе в племяннике, юноша испытывал неудовлетворенность и одиночество, переносил постоянное раздражение — в определенной степени — на этих вечно занятых людей, выбравших совершенно иной путь в жизни.

— Ну, хорошо, — сказал Риз мальчику, — пошли.

Ведь Риз познал одиночество куда сильнее, чем мальчику — по крайней мере, он на это надеялся — придется познать когда-либо в будущем.

— Разве ты не собираешься идти по большой тропе, Риз?

— Мне нужно взглянуть на стоянку коптеров.

— Но коптера там нет. Он еще не возвратился. Риз, а что означает красный сигнал тревоги? Он появился, когда папа выключал коммуникатор.

— Какие-то проблемы — наверное, в Нагассаре.

— Из-за отлета Патруля? Почему они покидают нас, Риз?

Уж одну-то вещь Риз усвоил от своего отца: детям следует давать прямые и откровенные ответы. Он попытался упростить этот вопрос.

— Ишкур — часть Южного сектора Империи. То есть под управлением одного правительства находится множество совершенно разных миров. Два года назад Совет принял решение, что пограничным мирам вроде нашего нужно предоставить самоуправление. Поэтому к определенному дню Патруль должен быть отозван. И все колонисты, которые считают, что им нужна защита, также могут отправиться назад на кораблях Патруля.

— Однако, Риз, ведь Империя — это тоже плохо, разве не так? Так говорит папа. Инопланетяне не должны править ишкуруианцами.

— Какие-то недостатки она, конечно, имеет. Ни одна из форм управления, которыми пользовалось до сих пор человечество, не была лишена их. Но на некоторых мирах наши методы управления оказались предпочтительнее тех, которыми пользовались туземцы до нашего прихода.

— Но не здесь, так говорит папа, — Горди сжимал руку Риза и почти бежал вприпрыжку, чтобы не отстать от молодого человека.

— Возможно... — Риз наконец вышел на площадку. Горди оказался прав, коптера там не оказалось. Ни Джевин, ни Пермаль не оставили бы летательный аппарат под контролем робота после того, как перебрались с семьями в Нагассару. Поэтому он должен был вернуться назад по пеленгующему лучу уже несколько часов назад. Риз крепко сжал руку Горди, так что мальчик даже вскрикнул от боли и попытался вырваться.

Правда, Виккери заказал коптер, причем больших размеров, чем у колонистов, потому что ему нужно было перевозить животных в клетках. В нем легко могут уместиться и трое Бельцев, и оба Нейпера. Если, конечно, капитану удастся изменить мнение дядюшки Мило. Для доктора Нейпера Риз так и остался маленьким мальчиком, безнадежным в умственном плане, но он не мо-

жет не признавать, что Виккери очень хорошо знает ишкурианцев и что его совет что-нибудь да значит.

— В чем дело, Риз? Почему мы должны так торопиться?

Риз опять прибавил в скорости, так что Горди пришлось бежать.

— Я опаздываю, и если проводники и охотники уже ушли, то капитану понадобится моя помощь при кормежке животных.

Сначала поляна около реки показалась не претерпевшей никаких изменений. Не хватало только ишкурианцев, обычно сидевших на корточках и проверявших цепи на пленниках или обжигавших на костре листья торкумы, прежде чем разжевать их. Клетки, готовые к транспортировке, располагались с трех сторон квадратной ложбины, с западной стороны ее огибала река. Но, приглядевшись, Риз увидел, что дверцы клеток широко распахнуты, а их обитатели исчезли.

Он подбежал к пластмассовому пузырю-палатке Виккери и рванул застежку-молнию. Но там не было ни ее владельца, ни оружия, ни походной сумки. Было похоже, что Виккери в чрезвычайной спешке покинул ее.

Риз промчался мимо клеток к месту стоянки коптера. С одной стороны там стоял роллер — машина, на которой люди передвигались в джунглях, но летательного аппарата не было.

— Риз, — юношу окликнул Горди, протиснувшийся вслед за ним в палатку, а затем догнавший его со сложенным листком бумаги в руке. — Здесь вот написано твое имя. А где капитан Виккери и все животные?

— Их нет, — он нетерпеливо выхватил листок у Горди.

«Получил уведомление из порта, — слова были торопливо нацарапаны. — Нет свободных кораблей для перевозки животных. Пришел красный сигнал тревоги, мне придется ответить на вызов милиции. Не нашел Кассу, когда она вернется, поймай ее и приезжайте вместе».

Риз проглотил комок в горле. Касса! Виккери даже не задержался, чтобы поймать Кассу! Он почувствовал, как все внутри него заледенело и вместе с холодом накатила тошнота. Касса, спикианская гончая Виккери, была чемпионкой среди собак следопытов. Охотник ни за что не оставил бы ее, если бы не приказ, которому нельзя было не подчиниться. А милиция должна была

вызвать следопыта, только если в порту возникли какие-то серьезные неприятности.

— Горди! — резко позвал он мальчика, который направился было к реке. — Иди сюда!

— Риз... я что-то услышал! Пожалуйста — иди, послушай!

Но Риз и сам теперь услышал тихие прерывистые шорохи, и этот шум накладывался на тошноту, которую он ощущал внутри себя. А что если... что если Виккери так и не улетел на коптере. А что если здесь повторился ужас Акланбы? Риз попытался подавить усиливающиеся импульсы паники.

Он схватил Горди за плечо и потащил мальчика к роллеру. Затолкнув его на сидение, он также забрался внутрь и быстро осмотрелся. Виккери даже не снял звуковой экран и не демонтировал лучемет.

— Сиди спокойно! — резко приказал Риз, увидев промелькнувшее недовольство на лице мальчика. Затем надавил ногой на педаль, и машина пришла в движение.

Они проломилась прямо через край площадки с клетками, двигаясь параллельно реке. Но им не пришлось долго ехать. Не успел Риз обрадоваться, что не обнаружил тело Виккери, и едва он с облегчением вздохнул, как крик ужаса Горди вынудил его выстрелить в напрасно мучившееся существо, еще не переставшее дергаться. Должно быть, прошло не так уж много времени. Если бы собака вернулась в лагерь, пока оттуда еще не ушел Виккери, то капитан сжег бы дотла все джунгли, но покончил с мучителями Кассы. А может, это служит предупреждением или сигналом, свидетельствующим о победе над одним из поселенцев, одним из бывших друзей?

Горди плакал так же громко, как обыкновенный мальчик с Терры, но это действительно было ужасное зрелище, от которого теперь сотрясалось все его тело. Руками он намертво вцепился в рубашку Риза.

— Все хорошо! — юноша обхватил одной рукой трепещущее тело, притянув поближе к себе. — Теперь, Горди, все в порядке, — однако в действительности дела обстояли по-другому, и ничего с этим нельзя было поделать. Не сейчас. Ему не следовало приводить сюда мальчика, но также нельзя было оставлять его и одного. Кто-то в джунглях за ними следил, Риз был в этом уверен.

Он снова завел машину. Теперь дядюшка Мило должен будет прислушаться к благоразумным советам. Они могут снять луче-мет с этой машины, превратить главное здание поселка в крепость и вызвать по коммуникатору помощь. В воспаленном мозгу Риза быстро проносился один план за другим.

Капитан Виккери на первый взгляд неплохо ладил с туземцами. Он пил шипучее пиво с двумя местными вождями и наблюдал за Ритуальными Танцами. Нельзя сказать, что с Кассой так жестоко обошлись из-за какого-то греха ее хозяина. Неправильно было торговцам основывать аванпост на границе запретных территорий. Случившееся здесь и сейчас — леденящее душу предупреждение для каждого инопланетника в ближайших окрестностях.

А как насчет salariкийцев? Доктор Нейпер ничего не сказал о них. Смогли ли они ночью уехать? Риз несколько секунд раздумывал, что ему делать, не зная, куда направить машину. Чтобы спуститься вниз, к их поселку, потребуется много времени. С другой стороны, не предупредить salariкийцев было просто немыслимо.

Уже их кошачьи предки ни в чем не уступали людям, и он знал, что у Сакфора есть женщины и дети. Риз круто развернулся и выжал из машины все, на что она была способна. Машина неслась над землей огромными прыжками, при этом расходовалось слишком много топлива, но так было намного быстрее. Сначала станция salariкийцев, а после нее — поселок людей. И он мог только молиться, чтобы у них еще осталось хоть немного времени!

Глава 2

Как и здания поселка людей, фактория salariкийцев была построена из гладких каменных глыб, доставленных с берега реки, разрезанных на части и потом плотно подогнанных друг к другу, чтобы под воздействием ветра и дождя обрести твердость металла. Чтобы разрушить такие стены, требуется большая сила. Но маслянисто-желтый дымок, поднимавшийся в небо, и запах горячей оганны наполнили Риза недобрым предчувствием, и он понял, что форт Сакфора больше не является надежным убежищем. Он пылал в огне.

Риз оторвался от панели управления, и машина остановилась под прикрытием кустарника, сквозь который терранец мог разглядеть фабрику, расположенную на изгибающемся берегу реки. Там разворачивалась настоящая бойня. Риз держал Горди лицом на полу, чтобы мальчик не видел происходящего. Какое-то мгновение молодой человек держал пальцы на спусковом курке лучемета. Но было слишком далеко, чтобы им поразить нападавших. А выдав свое присутствие, они не помогут саларикийцам.

Терранец дал задний ход, радуясь, что звуковой экран заглушает все внешние звуки. Реальность подходившей к концу резни еще более ужасала, чем любое послание, переданное по коммуникатору. Риз пытался справиться с бившемся в конвульсиях желудком, покидая это проклятое место, которое еще совсем недавно было мирной фабрикой.

Во время разворота что-то стрелой промелькнуло перед роллером. Желто-коричневое. И это было не животное! Натренированный в джунглях глаз Риза заметил это отличие, и он тут же нажал на кнопку, отключая звуковой экран.

Но не услышал предполагаемых воплей попавшего под колеса существа. Со стороны фабрики доносились ужасные крики, хотя и приглушенные. А его собственный звук мог привлечь ишкуринцев-разведчиков, весьма любящих незаметно подкрадываться к жертве. Справа колыхались невысокие кусты, беглецы вполне могли укрыться за ними. Риз указал Горди на заросли.

— Слушай меня, — он смотрел прямо в глаза мальчика, — это очень важно, Горди. Вон там, под теми кустами, может скрываться один из детей саларикийцев. Если к нему пойду я, то могу испугать его, и он убежит. А как ты считаешь, смог бы ты подкрасться туда и забрать его с собой?

— Риз, что происходит? Риз, этот шум... — Горди дрожал в руках юноши, его лицо выказывало испуг и шок.

— Горди, тот куст вон там, — Риз мягко встряхнул мальчика. Напавшие могли не оставить больше ни одного живого свидетеля. А он добился бы лишь того, что испуганное инопланетное дитя еще глубже запряталось бы в гущу кустов. Только Горди может помочь вытащить ребенка-саларикийца.

Риз мягко повернул мальчика и вновь показал на кусты. Затем снова несильно встряхнул Горди, радуясь, что на ли-

це мальчика появилось выражение понимания. С бластером в одной руке и придерживая мальчика другой за плечо, Риз выбрался из роллера и направился к кустам. Не доходя несколько метров до них, он отпустил Горди и подтолкнул его в нужном направлении. Слава богу, пронзительные жалобные всхлипывания прекратились. Теперь они слышали лишь вопли туземцев.

Горди опустился на четвереньки и пополз под ветками кустарника. Затем там прошло какое-то волнение, после чего показались истертые ботинки мальчика, а за ними и его штаны. Тот возвращался пятясь, таща за собой сопротивляющегося пленника, обеими руками крепко держа два маленьких запястья, не обращая внимания на царапавшие кожу пальцы с кривыми коготками, стремившиеся обрести свободу.

Риз быстро нагнулся, но эти ногти, ужасные и острые, успели зацепить и его щеку, и подбородок, так что он даже собрался задать хорошую трепку маленькому существу, беря его на руки. Горди, хотя Риз ему ничего не говорил, уже несся назад к их не очень-то безопасному укрытию. Вслед за ним к машине последовал и юноша и усадил до смерти перепуганного пленника на сиденье между ними. Удерживая одной рукой пленника, другой он включил звуковой экран, а затем снова повел машину. И только после этого он поближе рассмотрел спасенного ребенка... девочку!

Она вся сжалась, острые ушки прижались к округлому черепу, а рот только чуть приоткрывался, когда она беззвучно шипела, повинуюсь инстинкту своих древних кошачьих предков. Великолепные пушистые шерстинки ее меха сейчас стояли дыбом. Оранжево-красные косые глазки на широком лице прищурились и неистово пылали.

Риз не умел определять возраст сарарикийцев. Она могла быть и старше, и младше Горди. Одета девочка была в оборванную короткую юбку, поддерживаемую на талии пояском с драгоценными камнями, на котором на великолепно вышитых ленточках каким-то чудом сохранилось несколько пахучих мешочков. Остальные мешочки были сорваны, и оставшиеся ленточки свободно болтались. Итак, судя по ее одежде, она была совсем ребенком и из знатного рода, наверное, одной из дочерей Сакфора. Женщины-сарарикийки не ходят свободно, их можно увидеть только в их поселениях, и у Риза не было ни малейшего

представления о том, сколько членов насчитывает сейчас семья Сакфора и сколько кому лет. Терранец знал, что мужчина-саларикиец с таким, как у Сакфора, саном может иметь несколько женщин, и обычно ими были две или три родные сестры одного клана.

Головка саларикийки медленно повернулась, внимательно рассматривая Горди, Риза и внутреннее пространство роллера. Красный остренький язычок облизнул лицо и снова исчез за зубками.

— У нее мех, — произнес Горди, поднеся к саларикийке указательный палец, но так и не дотронувшись до мягкого золотистого пушка, покрывавшего внешнюю сторону ближайшей к нему ручки. — Она замечательно пахнет, не так ли? — его нос поморщился, когда острые запахи от мешочков на ее поясе заполнили машину. По всей видимости, новенькая так заинтересовала его, что он забыл о случившемся в последнее время.

Риз кивнул.

— Народ саларикийцев любит ароматы, Горди. Это главный предмет их торговли, — он мог прикусить себе язык при такой тряске, но Горди, по-видимому, не обращал на это никакого внимания.

— Как ее зовут, Риз? — продолжил мальчик.

— Я не знаю, — мысли молодого человека больше были заняты тем, как им продрасться сквозь заросли впереди. Держаться на открытой местности значило немедленно выдать свое присутствие. И что сейчас происходит в поселке? Верное ли он принял решение? Может, из-за его решения отправиться в ненужное путешествие к фактории погибли три человека? Капельки пота выступили на лице Риза и, сверкая, покатались вниз, падая с подбородка, так что он ощутил на губах соленый привкус.

— Как тебя зовут? — спросил Горди на основном. — Меня — Горди Бельц. Я живу в поселке.

Саларикийка снова облизнула лицо, а потом подняла одну руку. Между пальцами ее текла кровь. Девочка дотронулась до ранки язычком.

— Риз, да она же ранена! Все ее пальцы в крови!

Риз бросил взгляд через плечо.

— Серьезная царапина, Горди. Но кровь больше не течет. Как только появится возможность, я осмотрю рану. — Он надеял-

ся, что salariкийцы следуют обычным мерам предосторожности пограничных миров и делают профилактические прививки против инопланетных болезней. А сейчас он должен как можно скорее добраться до поселка, должен!

— Мы уже почти дома, — объявил Горди через несколько минут. — Я уже вижу большое дерево-крюк. Моя мама даст тебе что-нибудь, чтобы ты перевязала пальчик, — уверил он salariкийку. — Не очень больно?

Наконец девочка-чужачка почти перестала шипеть. Она продолжала изучать своих спутников, но волоски шерсти больше не стояли дыбом, и она, похоже, немного успокоилась. Риз сомневался, что она понимает основной. Но он верил, что она чувствует доброжелательное отношение к ней терранцев и что они заметно отличаются от этих проклятых туземцев, уничтоживших факторию.

— Риз, почему ты тут притормозил? Почему не выезжаешь на дорогу? — оба вопроса Горди выпалил почти одновременно. Его лицо вновь побледнело, когда молодой человек остановил машину на порядочном расстоянии от зданий поселка.

Однако Риз не решался выехать на дорогу, не будучи уверен, что ждет его впереди. Лучше уж подъехать не как обычно он это делал, а под прикрытием рощицы фарбов. Оттуда можно будет организовать любую разведывательную экспедицию к лабораторным строениям.

— Риз, папа будет просто в ярости, что ты проехал на машине по ухоженному полю, где он всего неделю назад посадил семена домана, — руки Горди ухватились за край приборной доски. — Пожалуйста, Риз, скажи, что происходит? — Он уже потерял интерес к salariкийке и снова начал дрожать.

— Горди, успокойся! — Риз вел машину таким образом, чтобы никто из поселка не мог их увидеть. Он считал, что сумеет подобраться незаметно как можно ближе. Конечно, отсюда, издалека, он не видел никаких признаков туземцев. Но они вполне могут скрываться в джунглях, готовые в любой момент совершить нападение.

Риз остановил машину и повернулся лицом к детям.

— А теперь, Горди, выслушай меня внимательно, это очень важно. Мы должны скрытно добраться до твоего папы, твоей матери и моего дяди Мило и увести их отсюда куда-нибудь, где мы сможем сражаться. Ты понимаешь это?

Руки Горди так сжали край приборной доски, что побелели костяшки пальцев. Но его кивок сказал молодому человеку, что он все понял.

— Ты должен остаться здесь, в машине, вместе с сарарикийкой. Она напугана, и, если ее оставить одну, она может попытаться снова убежать в джунгли. И тогда мы потеряем ее. Поэтому я надеюсь, что ты присмотришь за ней, Горди.

— А ты, Риз, отправишься к моим маме и папе?

— Да. И если там скрываются туземцы, они не должны нас увидеть, поэтому ни в коем случае не выходи из машины!

— Ты можешь отправить сообщение, а потом прибудет Патруль и увезет нас, — рука, вцепившаяся в панель управления, расслабилась.

— Да. Но ты, Горди, останешься здесь вместе с сарарикийкой. Я вернусь как можно быстрее. А теперь взгляни на эту кнопку! Она управляет звуковым экраном. Мне придется отключить его, когда я буду выходить наружу. И ты должен нажать на нее, чтобы снова включить экран. И держи его включенным все время, пока меня не будет.

Горди хмуро кивнул. Риз надеялся, что он исправно выполнит его приказ. Когда включен этот экран, у детей будет хоть какая-то защита: слух ишкуруянцев весьма болезненно воспринимает его воздействие.

— А теперь я ухожу. И вот еще что, Горди, даже если появятся Ишби или Ишки, ни за что не впускай их! — Риз не мог знать, были ли эти аборигены среди нападавших, но он не мог полагаться на хрупкую надежду, что они все еще являются их друзьями.

— Хорошо, Риз.

Юноша выбрался из машины, посмотрел, как Горди включил звуковой экран, и побежал к ближайшему зданию. Острый запах, который окружал его в машине, стал потихоньку улетучиваться. Он долгое время стоял, прижавшись к неровной стене, пытаясь хоть что-нибудь услышать или учуять своим обонянием в надежде точно определить, ждет ли его впереди опасность.

Но юноша слышал лишь жужжание насекомых, кудахтанье кур-наседок да шелест ветерка, пробивающегося сквозь кустарник, — ничего грозящего опасностью. Но вместе с тем не доносилось и приветливого гудения из лаборатории — атомный двигатель не работал. И это держало Риза в напряжении. Он

скользнул вдоль стены, где не было никаких окон, — придется обойти двор сбоку, прежде чем он сможет увидеть, что случилось с поселком на самом деле.

В это время Бельц обычно находится в лаборатории, там же или в доме должен быть и его дядя. Горди сказал, что его мать заснула после приступа лихорадки. Следовало побыстрее найти трех человек и предупредить их. За кем отправиться первым: за миссис Бельц или за мужчинами в лабораторию? Однако ученые вполне могут закрыться в лаборатории — хотя преграда и небольшая, — а он сможет передать им туда предупреждение. А женщина одна... Снова юноше приходилось мучительно выбирать.

Риз стоял, по-прежнему прижавшись к стене, прикрываемый развесистым кустарником. Насколько он мог видеть с этого места, в саду и во дворе ничего не изменилось с того времени, как он отправился отсюда три часа назад.

И тут чувство опасности нахлынуло на него с новой силой, когда ветер, раскачивая над его головой длинные полосы окаменевших листьев, донес до него вонючий тошнотворный запах грязных тел туземцев, отдававший мускатом. Это был запах кроков, возбужденных и разгоряченных. Кроки — почти забытое название, но Риз знал его. Здесь воняло кроками — и сильно!

Терранец внимательно изучал вполне мирную на вид картину, пытаясь догадаться, где же прячется источник этой вони. Может, кто-то из них совсем близко подкрался к нему? Или это просто оставшееся напоминание о недавнем визите ишкурианцев?

Чтобы попасть к домику Бельцев, ему придется преодолеть пространство между изгородью и стеной лаборатории, мимо склада, скрываясь большую часть неблизкого пути. Низко согнувшись, Риз начал оценивать степень риска. С такого далекого расстояния он не мог определить, откуда несет вонюю кроков. Во дворе не было заметно никакого движения. Все, чему он научился в искусстве охоты за последние месяцы у Виккери, теперь будет подвергнуто серьезной проверке на прочность.

Риз промчался от одной кupy колючего кустарника к другой. Затем его рука потянулась к подоконнику окна, которое открывалось в комнату, где должна была спать миссис Бельц. Обегать дом в поисках двери означало наверняка выдать себя.

Поэтому лучше уж перетерпеть боль от прохождения сквозь звуковой экран и проникнуть в дом через окно. Кара Бельц должна еще спать после укула. Ему необходимо будет разбудить женщину.

Риз подтянулся на подоконник и стремительно перевалился через него. И ему хватило одного взгляда на кровать, чтобы понять, какой кошмар здесь случился. С выворачивающимся наружу желудком Риз спрыгнул в кусты, призывая на помощь все свое самообладание, владеть которым его учили в академии, чтобы удержаться и не выдать себя рвотой. По крайней мере она спала, когда туземцы набросились на нее. Юноша судорожно ухватился за эту мысль.

Теперь не имело никакого смысла наведываться в лабораторию. Отсутствие гудения двигателя говорило о многом. А как насчет коммуникатора? Может ли он сейчас вызвать помощь, воспользовавшись им? Но то настойчивое предупреждение прошлой ночью было последним сообщением. «Вам следует вернуться на коптере в порт... на собственном коптере. Спасательных отрядов в поселок посылать больше не будут». А их коптер не вернулся... Что же касается машины, которая была в фактории... Кроки, должно быть, уничтожили ее, не дураки же они.

Однако в доме оставались и другие вещи, которые могли очень пригодиться беглецам. Его походная сумка, набитая снаряжением и припасами, — он должен попытаться найти ее. Риз подавил произвольную дрожь тела и снова принялся рассматривать двор, раздумывая над своим последующим шагом.

Он не двигался до тех пор, пока точно не определился, куда и зачем он направится. Потом быстро и уверенно полез в другое окно, открывавшееся в его комнату.

Следы пребывания кроков сразу бросались в глаза. В разграбленной комнате царил ужасный беспорядок, на шкафах виднелись царапины и отметины лап, которыми туземцы пытались открыть дверные замки, прикладывая к ним — как люди — ладони. Но температура тела ишурианцев отличалась от человеческой. Поэтому им не удалось активировать устройства управления замками, и содержимое шкафов осталось нетронутым.

Риз прижал руку к одному из покореженных замков, и его тело содрогнулось даже от такого мимолетного контакта со следом убийцы. Он выхватил из открывшегося шкафа сумку, кото-

рую столь тщательно перед этим упаковал, и кинул поверх всего еще три одеяла из паучьего шелка вместе с кинжалом с длинным острым лезвием, подарком отца. Хотя тот и был сделан из закаленной дюраласти, им нельзя было проткнуть кожу кроков, однако кроме них в джунглях водились и другие формы жизни. К тому же джунгли — не последнее их прибежище.

Развернув еще одно одеяло, Риз бросил туда все собранные им вещи и завязал его узлом, так что у него получилась громоздкая сумка, которую он выбросил в окно. Выбравшись, юноша постоял немного около своей добычи, прислушиваясь и принимаясь.

Почему кроки напали на них и тут же ушли? Этот вопрос приводил его в замешательство. В поселке людей не горели костры, не было никаких свидетельств зверств, которые он видел в фактории. Они просто быстро убили терранцев, а затем исчезли. Почему?

Пост Сакфора представлял собой относительно примитивное строение, его склады можно легко разграбить. Поселок же терранцев был более сложно обустроен, здесь находились лаборатория, склад, жилые помещения. Может быть, ишкуруанцы испугались лаборатории и ее оборудования? Или же они решили попозже возвратиться сюда для более продолжительного грабежа?

Туземцы, работавшие в поселении терранцев, пользовались благосклонностью доктора Нейпера и, бывая в лаборатории, приобретали какую-то простейшую техническую подготовку. Те трое туземцев по крайней мере знали ценность большей части приборов и как ими пользоваться. И в лаборатории имеются предметы, которые могут стать куда более страшным оружием, чем духовые ружья и арканы, используемые туземцами.

Риз не понимал, почему такие мысли пришли ему сейчас в голову. Но это соображение крепко засело в его голове, словно какое-то предчувствие. А разве в академии им постоянно не подчеркивали важность изучения причин подобного рода предчувствий? Наверное, кому-то было нужно, чтобы поселок остался нетронутым, и этот кто-то смог бы обратить инопланетные машины, результат работы инопланетной мысли, против их создателей. Риз должен помнить об этом и быть готовым принять подобную возможность.

Не в его силах было уничтожить все оборудование. Фактически два техника-ишкуринца больше разбирались в нем, чем сам Риз. И он должен вернуться обратно к роллеру, прежде чем его кто-нибудь заметит.

Горди увидел его приближение и отключил звуковую защиту. Бросив узел в багажное отделение, Риз снова устроился за приборной панелью.

— А где мама?

Риз вздрогнул больше от этого вопроса, чем от того, что его руки прикоснулись к пальцам Горди.

— Она уехала, Горди, как и твой папа, как и доктор Нейпер.

— Куда? Но ведь мама никуда не отправилась бы без меня! — резко запротестовал Горди, и в его голосе можно было почувствовать страх.

— Она была больна, ты помнишь это, Горди. Она, наверное, спала, когда они уезжали. Мы поедем на большую плантацию в горах и догоним там их коптер.

Риз не мог заставить себя рассказать Горди правду, по крайней мере, не сейчас и не здесь, пока в памяти мальчика свежи ужасные воспоминания о Кассе и фактории. Еще ему нужно составить план действий, и не только на ближайшие несколько минут или часов. Насколько Риз знал, фактория, охотничий лагерь Виккери, где тот держал своих животных, которых затем продавал в инопланетные зоопарки, и их поселок — единственные строения инопланетян, находившиеся так далеко на западе.

Два месяца назад закрылись проклятые рудники, когда пришло первое сообщение по радио о том, что колонистам предлагается покинуть свои поселения. И сейчас между ними и горным кряжем, где скрывалась долина с Нагассарским космопортом, располагались всего две плантации. Одна из них, принадлежавшая Рексулам, была достаточно большая, чтобы иметь собственную полицию. И если беглецам удастся достичь ее, а инопланетяне еще не улетели, то... Ризу оставалось только надеяться на это ужасное количество «если».

Теперь же главной проблемой было найти какое-нибудь место, чтобы затаиться там до наступления темноты. Ночью же он попробует заставить машину перемещаться самыми большими прыжками, таким образом быстро продвигаясь вперед. Движе-

ние по земле оставит за ними такой след, по которому их сможет преследовать даже полуслепой турист, впервые оказавшийся в джунглях. А прыгать при свете дня означает выдать себя. Да, главное сейчас — спрятаться... А после наступления темноты двигаться на восток — к Рексулам!

Глава 3

Роллер укрывался между двумя скалами в расщелине, заросшей небольшими деревцами янду. Риз проехал немного по тропе, проложенной в лагерь многочисленными охотничьими экспедициями, а затем одним тщательно выверенным прыжком бросил машину в эту расщелину. Серо-зеленый занавес кустов с колючками неплохо защищал их от нежелательных взглядов. Этому его научил Виккери, когда устраивал подобные ловушки. Но все равно чувство тревоги не утихало, хотя он и принял меры предосторожности на случай неожиданного нападения. А лучшей защиты, чем каменная стена с единственным входом, на который нацелен лучемер, в их положении и придумать нельзя.

Риз посмотрел на часы. Прошло чуть больше четырех часов после его расставания с дядюшкой Мило. Четыре часа — срок, как оказалось, вполне достаточный, чтобы уничтожить целый мир.

— Риз, я хочу пить, — Горди потянул его за рукав.

Вода? И еда? В машине всегда имелся неприкосновенный запас еды. Но как насчет воды? Проверить резервуар нужно было сразу же еще утром, но в этот день его мысли занимали совсем другие дела.

Риз встал на колени на сиденье, чтобы увидеть показания счетчика. Емкость была наполовину заполнена, то есть им придется довольно бережно расходовать запас жидкости. Хотя в джунглях имеются и другие возможности восполнить расход воды, им следует иметь неприкосновенный запас в резервуаре на случай непредвиденных обстоятельств.

— Я хочу пить! — не отставал Горди.

— Сейчас я принесу. Ты останешься здесь и снова включишь звуковой экран, когда я выйду, но никуда не выходи, понятно?

Юноша снял с крючка пластмассовую фляжку и засунул нож за пояс. И саларикийка, и Горди с круглыми от удивления глазами следили за его приготовлениями.

Он выскользнул из машины, пробрался между двумя огромными шипами, потом остановился, прислушиваясь и принюхиваясь. То, что он собирался искать, не должно было находиться слишком далеко. Риз обогнул один из двух защищавших машину скалистых выступов и вступил в сумрачный серо-зеленый мир джунглей, его ботинки проваливались на несколько дюймов в мягкую землю.

Промелькнуло какое-то призрачное существо с такими бледными, почти совершенно прозрачными крыльями, что никто из терранцев-биологов до сих пор не смог определить, к какому классу его отнести: к птицам или невероятных размеров насекомым. Риз застыл как статуя, следя за его полетом. И облегченно расслабился, когда этот крылатый призрак уселся на растение лукообразной формы, обвивавшее, как виноградная лоза, крепкий ствол шиповика.

Это должен быть шиповик, печально подумал Риз, оценивая на глаз расстояние между землей и вьющейся лозой. К счастью, это дерево было уже старым, и поэтому между темными фиолетовыми шипами оставались приличные просветы. Он вполне может пробраться там, хотя наверняка это окажется не таким уж простым делом. Зажав зубами лезвие ножа и засунув флягу под рубашку, Риз осторожно взялся пальцами за эти устрашающие шипы и подтягивал себя вверх, пока не ухватился одной рукой за лозу совсем рядом с луковкой.

Вблизи стало ясно, что это растение не было частью лозы, а паразитировало на нем, проникнув в ствол корнями. Луковица имела шарообразную форму и фантастической формы листову фиолетового цвета, чем-то напоминающую волосы, которые росли в нижней его части. Среди листьев показалось крылатое призрачное существо и тут же в панике упорхнуло. Риз одной рукой сделал ножом надрез сбоку луковицы. Фиолетовые волоски приподнялись, обхватывая его запястье. Но юноша не обращал на это никакого внимания, зная, что у него выработан иммунитет к яду, который те впрыскивали ему под кожу.

Снова зажав нож зубами, Риз крепко прижал горлышко фляги к дыре, проделанной им в луковице, изо всех сил вдавливая емкость в мякоть плода. Тот сплюснулся под этим давлением,

фиолетовые нити бессильно поникли вокруг пустой оболочки, а жидкость, которая до этого содержалась внутри шара, вытекла во флягу. Риз спрыгнул на землю — теперь у него был порядочный запас питья.

Назад он возвращался ползком, ногами вперед, чтобы веткой стирать за собой следы, оставленные раньше его ботинками. К счастью, мягкая земля легко поддавалась усилиям юноши. И вот он снова в роллере, где его с нетерпением ожидали дети. Напив их, он задумался, а есть ли у саларикийки иммунитет. Горди не угрожала опасность заболеть от местных вирусов, как и от укусов большинства насекомых. Но были ли этому маленькому инопланетному существу сделаны хоть какие-то прививки, или, может, у них осуществляется некий генетический контроль? Ему оставалось только надеяться, что он был прав.

Саларикийка охотно выпила сок, и он снова попробовал поговорить с ней на основном. Однако девочка вновь ничего не ответила, хотя и внимательно вслушивалась в его слова. Риз даже подумал, что если саларикийка и понимает, что он говорит, возможно, она просто не в состоянии разговаривать на обычном межзвездном языке.

Но теперь она позволила юноше исследовать свою раненую руку. Кровотечение остановилось, и рана казалась чистой. Когда же терранец попытался залепить ее пластырем, она резко покачала головой и вырвалась, снова принявшись методично лизать рану языком. Риз догадался, что в их племени принято таким образом лечить раны. И лучше не вмешиваться, тем более что то, что применяет один народ, не всегда подходит другому.

— Почему мы остаемся здесь, Риз? — требовательно спросил Горди. — Если мама и папа ждут нас в коптере в горах, я хочу немедленно отправиться туда!

— До наступления темноты нам никуда нельзя отправляться, — ответил Риз, призывая на помощь все свое терпение. Провести в тесной машине оставшуюся часть дня будет нелегким делом как для Горди, так, наверное, и для ребенка-саларикийца. Но они не могут рисковать и покинуть безопасное убежище. Насколько можно быть откровенным с мальчиком? Отец Риза всегда вел себя с ним как со взрослым, но ведь он работал в Службе Разведки.

Когда умерла его мать, Риз был чуть старше, чем сейчас Горди, но уже успел пожить в двух поселениях на недавно открытых

планетах. Как бы то ни было, Риз продолжал сопровождать своего отца во всевозможных путешествиях, пока ему не исполнилось двенадцать лет и он не поступил в Академию.

Специализация в семьях технических работников достигла такой степени, когда дети обречены были заниматься тем же делом, что и их родители. Вот почему Риз больше всего страдал от щемящей тоски, когда доктор Нейпер забрал его из Академии и попытался сделать из него простого колониста. Он не мог согласиться с питаемым дядюшкой Мило отвращением к основным положениям Службы Разведки. Как раз поэтому он никогда не признает, что открытие Службой Разведки новых планет ведет лишь к увеличению колониального гнета Империи и увековечивает то, что доктор Нейпер и его товарищи считают пагубным аспектом галактической экспансии Терры.

Но Горди был из семьи поселенцев и относительно менее крепок и меньше подготовлен к подобным событиям. Достаточно ли легко мальчик отходит от неприятных переживаний, или все же воспоминания будут долго мучить его, даже если им удастся спастись?

— Если мы отправимся прямо сейчас, то кроки могут заметить нас, — попытался Риз объяснить положение дел.

— Ты не должен называть их кроками, — наставительно поправил его Горди. — Это оскорбительное прозвище.

Оскорбительное прозвище! Да, верно, так считали в поселке. Риз нетерпеливо нахмурил брови. Как же ему захотелось, чтобы административные главы поселений оказались бы рядом с ним и увидели все, что произошло здесь всего три-четыре часа назад. Конечно, никто — у кого в голове имеется хотя бы крупица здравого смысла — не станет намеренно оскорблять никакую другую разумную инопланетную расу. Но в поселениях проводилась идеологическая обработка и господствовала доктрина, отмечающая прочь присущую людям осторожность при появлении неизвестных факторов, согласно которой небольшим грехом считалось изучение любых побуждений и поступков туземцев. Риз предполагал, что то, что произошло здесь, политики смогут как-то объяснить и оправдать, чтобы успокоить всех, но только не погибших, — погибших мучительной смертью.

— Хорошо, туземцы, — согласился Риз. — Горди, это очень важно: туземцы больше не любят нас. Если они нас увидят, то убьют.

— Именно это и говорил Патрульный по коммуникатору?

— Вот именно, — подтвердил Риз.

— Я хочу к маме и папе! — Горди упрямо сжал губы, но теперь они дрожали.

— Послушай, их нет здесь! — в отчаянии воскликнул Риз. Он понимал, что сегодняшний день стал для мальчика днем потрясений и уже просто тот факт, что они до сих пор живы, многое значит. Хотя, молча поправил он себя, Горди просто еще не в состоянии осознать это.

— Ночью мы включим систему передвижения с помощью прыжков и попрыгаем в направлении плантации Рексулов. А теперь позволь мне доставить «жужжалку» и попытайся вместе с сарарикийкой немножко поспать.

— Ночное путешествие, — задумчиво пробормотал Горди. — И прыжки всю ночь. Может, Риз, нам повезет и мы увидим воздушного дракона?

— Дай-то бог! Но ты не увидишь ни одного воздушного дракона, если не отоспишься так, чтобы прободрствовать всю ночь, — Риз с радостью ухватился за первую же возможность увести разговор в сторону.

Он расстелил два одеяла на полу в багажном отделении, дал детям еще попить и установил небольшую «жужжалку», когда-то использовавшуюся для успокоения только что пойманных животных и погружения их в сон. Юноша с облегчением увидел, что девочка, похоже, с удовольствием последовала примеру Горди. Сам Риз устроился на краешке водительского сиденья, положив на колено магнитофон — единственное, что осталось у него от периода жизни с отцом.

Коммандер Тейт Нейпер никогда не бывал на Ишкуре. Но он получил соответствующую подготовку и мог общаться с самыми разнообразными инопланетянами. И личные записи, которые остались после смерти офицера, стали настоящим сокровищем для его сына. В них коммандер обобщил весь опыт своей долгой и успешной карьеры. Риз нажал на кнопку и произнес ключевые слова, чтобы получить такую нужную ему сейчас информацию: «джунгли, аборигены, бегство», — и подождал пока луч ресканера проникнет ему в мозг.

Через пятнадцать минут он выключил рекордер. Та информация, которая была передана, давала не слишком много. Хотя одна-две идеи...

— Паучий глаз, — тихо повторил он вслух. — Если вам предстоит сражаться с пауком, вы должны попытаться взглянуть на мир его глазами, думать, как он, предвидеть его атаки, представляя себя на его месте.

Вместо пауков в данном случае были кроки, и теперь Риз должен попытаться думать, как думают кроки, чтобы превзойти их, и это было довольно сложной задачей, но другого выхода из создавшейся ситуации он не видел.

А что он вообще знает о кроках от тех, что обучались в поселке? Их общество разделено на три разных класса — слуги, выполняющие самую тяжелую работу, правители и охотники. Можно научиться шелкающей речи кроков. Но ни один инопланетник не может общаться на уровне разумов, а кроки, как ходят слухи, — имеют такой дар.

Да, можно было кое-что узнать о видимых проявлениях жизнедеятельности кроков: о рыбаках на побережье, охотниках в джунглях или тех немногих избранных, получивших образование на других планетах и узнавших о достижениях галактической цивилизации. Но на самом деле ничего не было известно о том, что происходит под покатыми черепами кроков, с виду напоминающих головы рептилий. Да, понять, как использовать принцип паучьего глаза в данном случае, — задача почти неразрешимая. Но для Изыскателей не существуют слова «неразрешимый» и «невозможный».

Риз закрыл глаза и попытался вспомнить то, чему его учили... если бы только у него было больше знаний! Он находился в положении человека, которому приказали построить космический корабль, выдали полный список необходимых материалов, но дали только самые начальные основы инженерных знаний. Он сосредоточенно стал представлять, о чем же могут думать и как решают свои проблемы кроки, в попытке понять, что происходит под шершавой, покрытой панцирем кожей, рассматривая все сквозь «паучий глаз», чтобы предвосхитить действия, которые предпримут кроки против беглецов...

И снова Риз пробудился, испытывая тревогу из-за отсутствия привычных звуков, как и несколькими часами ранее, утром. Звуковой экран! Его рука сама потянулась к нужной кнопке на приборной панели. Неужели вышла из строя система подачи энергии роллера?

Но едва только его палец прикоснулся к кнопке, как снова возникла слабая вибрация. Нет, с системой подачи энергии все

в порядке, просто она была отключена. Горди! Риз поспешно повернулся и бросил взгляд в багажное отделение за водителем сиденьем. Но Горди лежал там, растянувшись во весь рост с широко раскинутыми руками и ногами. Горди был там... но девочка-саларикийка ушла!

Как она узнала? Хотя, конечно, она же видела, как Горди управлял звуковым экраном. Но почему она убежала — после того как поела и выпила сок? Риз покормил детей, облегчив наполовину содержимое фляги. Ага, фляги тоже не осталось, как и остроги, которая лежала в дальнем углу багажного отделения... — вода и оружие. Ее бегство должно было следовать определенному порядку действий. Неужели девочка отправилась обратно, чтобы разыскать остальных членов своей семьи? Это была самая вероятная причина, почему salariкийка решила отправиться в джунгли.

Риз почесал лоб. Она не могла уйти слишком далеко. Отключив звуковой экран, она потревожила его сон. Какая доля врожденной способности находить путь домой, присущей ее кошачьим предкам, передалось ей? Хватит ли девчужке инстинкта, чтобы провести ее сквозь джунгли к фактории? Никогда она не сделает этого! Джунгли не представляют опасности, только когда ты идешь вместе с охотником; любой инопланетник должен путешествовать на машине, наподобие роллера, на котором передвигались они сами, снабженной множеством самых изощренных защитных устройств и приборов обнаружения.

Но как же ему выследить эту маленькую salariкийку, которая, по всей видимости, вовсе не хочет быть найденной, а ведь тут поблизости тысячи укромных мест, где можно затаиться? И он видел один-единственный ответ, в котором, к сожалению, таилась опасность для всех них, — необходимость использования детектора разумов их роллера, который мог обнаружить любое разумное живое существо. Сейчас это устройство было настроено на кроков, но его можно легко переналадить на поиск salariкийки.

Риз наклонился вперед и начал изучать шкалу прибора. Тот был настроен на мозговое излучение кроков, как несколько месяцев ранее его установил Виккери, чтобы следить за преследующими зверя пешими охотниками. А какое должно быть излучение у salariкийцев? Близкое к человеческому, предположил Риз. Кроки были рептилиями; salariкийцы — млекопитающи-

ми, теплокровными и инопланетными существами. Он с бесконечной осторожностью стал вращать ручку настройки, и вскоре сердце его возбужденно заколотилось. На экране появилась крохотная вспыхивающая точка. Он может использовать детектор, хотя это означает, что их роллеру придется покинуть свое убежище.

Риз включил двигатель и быстро перевел взгляд с экрана обзора на шкалу детектора. Точка замерцала чаще, затем неподвижно замерла. Он засек направление. Следовало ехать от каменных скал по пологому склону прямо к фактории. Если бы они только смогли поговорить на одном языке, он бы разъяснил девчонке грозящую им опасность... Сейчас он понимал, что ребенок был уверен в своем похищении, что ее силой забрали от родного племени. Возможно, поскольку салирикийка была девочкой, она почти не общалась с инопланетянами, поэтому и почитала, что Риз и Горди заодно с напавшими кроками!

Теперь, когда терранец установил направление, он мог попытаться сделать еще кое-что. Риз включил систему прыжков, чтобы не продирались сквозь растительность, и переправил машину на середину речки, так что вода забурлила вокруг опор. Они оказались впереди беглянки, хотя мгновением раньше были позади. Теперь она должна была сама выйти к ним.

Однако этого не произошло. Риз нахмурился. Точка на шкале прибора не перемещалась. Салирикийка оставалась на одном месте. Она что, увидела их прыжок и потому решила спрятаться и обождать, пока они не отправятся дальше? Проклятье, они не могут тратить время на подобные игры. И тут он вспомнил о Горди. Риз отключил зуммер и, протянув руку, встряхнул мальчика.

Всего несколько секунд потребовалось, чтобы Горди все понял. После чего он принялся внимательно разглядывать склон, где рос густой кустарник, и с сомнением покачал головой.

— Я не понимаю, Риз, каким образом можно обнаружить ее там. Здесь столько укромных мест.

— Нам поможет наше обоняние, — Риз выбрался из машины, почти по колено погрузившись в воду, потом перенес Горди из роллера на берег. — Ведь у нее же по-прежнему на поясе пахучие мешочки... Ну-ка, вдохни это! — он и сам, втянув носом ингаляционный порошок, оглушительно чихнул, а на мальчика этот препарат подействовал еще сильнее.

— Мне больно! — пожаловался Горди, принявшись энергично тереть нос тыльной стороной грязной ладони.

— Сейчас все пройдет, — ободрил мальчика Риз. — Сделай несколько глубоких вдохов, Горди.

Ингаляция оказывает только временное воздействие, и ее нельзя использовать в течение нескольких часов. Но теперь, когда их обоняние так усилилось, salariкийку будет гораздо проще отыскать по аромату ее одежд.

Они вместе начали подниматься по склону. Горди все еще растирал ноющий нос. Внезапно он посмотрел на своего спутника.

— Я могу чувствовать запахи и другие вещи... самые разные!

Обоняние, почти не развитое в течение эволюции человеческой расы, конечно, стало не настолько острым, как у обычного животного, но все-таки сильнее, чем раньше. И терранцам повезло с ветерком, который дул в их сторону со склона холма. Как раз с того места, где должна была скрываться их беглянка.

— Сюда! — Горди прыгнул вправо, упал на одно колено и снова полез вверх. Риз последовал за ним.

Мальчик был прав. Ветерок принес тот же самый запах, который окружал их в машине. Она была где-то рядом. Но к чистому аромату трав добавилось и кое-что другое — вонь, которая вовсе не походила на душистый запах. «Крок!» — догадался Риз и немедленно остановил Горди.

Он крепко держал мальчика, глубоко вдыхая воздух. Все верно, здесь смешались запахи salariкийцев и кроков. Но вонь кроков была какой-то выветрившейся, далеко не такой силы, как в поселке. Там все заглушал запах возбужденных кроков, а здесь, поблизости, явно никого из них не было. Риз отпустил Горди, но мальчик не шевельнулся.

— Я различаю... — начал было он, и Риз кивнул.

— Да, но это давнишний запах, наверное, вчерашний. Пошли...

Риз пробрался сквозь кустарник и оказался перед темной дырой в земле. Он вскрикнул, бросился ничком на землю, а затем прополз вперед и посмотрел вниз, в охотничью западню, вырытую для поимки огромных зверей, которые для местных жителей являлись изысканным деликатесом.

В яме было темно, девочка-salariкийка своим небольшим весом почти не разрушила верхнюю часть ловушки. Риз предста-

вил себе, как она бежала вниз к этому на первый взгляд безопасному месту, но угодила в замаскированную ловушку.

Девочка была там, в самом низу, и стояла, прижавшись к стене, а из руки ее текла кровь — кожа была слегка ободрана острым колом, установленным прямо по центру ямы. Слава богу, она отделалась еще довольно легко. Ее желтые глаза светились в темноте, когда она смотрела на него, чуть слышно постанывая.

— Горди! — Риз повернул голову, осторожно отползая от края этой опасной ловушки. Кроки всегда подкапывали края таких ям, чтобы помешать бегству попавших в ловушку зверей. Своим весом он мог вызвать еще один обвал, и тогда все они окажутся в ловушке, из которой им не выбраться, пока не появится крокохотник. Ему придется теперь помогать Горди на расстоянии.

— Она там, внизу?

Риз кивнул и стал выдергивать и бросать в кучу корни кустарника над ямой. Корни были длинные и крепкие, но довольно легко выдергивались, когда он отрывал связывающие стебли усики. Из них можно будет сплести веревку, а все остальное Горди сделает под руководством Риза.

Глава 4

Риз действовал быстро. Освободив корни от земли, он начал сплетать их маленькими боковыми усиками, пока у него не оказался тросик из связанных между собой кусков, достаточно крепкий, чтобы выдержать вес Горди. Он подробно объяснил мальчику, что нужно сделать, и заставил его дважды обвязаться этой импровизированной веревкой. К облегчению Риза, Горди оказался способным учеником, и ему не нужно было дважды повторять, что и как следует делать.

Обязанный концом веревки, Горди прополз к яме и начал спускаться. Как Риз и опасался, под весом натянутой веревки часть маскировочного настила рухнула вниз. Однако Горди свободно завис на веревке на приличном расстоянии от острых кольев.

Риз перекинул веревку вокруг ствола молодого деревца и начал потихоньку отпускать ее, пока Горди не крикнул, что достиг дна ямы. Веревка обмякла. Потом несколько раз дернулась, когда мальчик обвязал ее вокруг сарарикийки.

— Не торопись, — тихо посоветовал Риз. — Проверь узел, Горди.

— Да, сейчас, — донесся снизу голос. Пыль по-прежнему клубилась в воздухе. — Готово! — и тут же, как под действием эха, веревка дернулась. Риз начал вытягивать ее вверх. Во всяком случае, весь маскировочный настил уже разрушился, и, хотя веревка все еще врезалась в край ямы, земля больше не осыпалась. Внезапно над поверхностью показалась махающая рука, и когти сарикийки вонзились в землю — таким способом девочка стала помогать Ризу.

Он подтянул ее к себе, ослабил петлю, которую завязал Горди, и сбросил веревку обратно вниз. Сарикийка согнулась у его ног и приняласьлизывать языком рану на руке, вздрагивая всем своим маленьким тельцем. Но Ризу пришлось вытаскивать мальчика, прежде чем он смог более обстоятельно обследовать ее рану. Когда Горди снова оказался на твердой земле, Риз встал на колени рядом с маленькой инопланетянкой, мягко притянул ее раненую руку к своим коленям и застыл, увидев колючки на ее сероватой коже, уже потемневшие.

— Шипы Ка! — в ужасе прошептал Риз. Одно из самых дьявольских средств кроков-охотников. И против него имелось только одно противоядие. Риз крепко прикусил губу. У него в машине была аптечка, и он прекрасно знал ее содержимое. Юноша с тоской представил ту полочку в лаборатории, на которой находился небольшой ящичек с зеленой жидкостью — одно из самых замечательных изобретений доктора Нейпера, сделанное им в результате исследований ишкуруанцев: эта жидкость нейтрализовала действие яда шипов. Как и кое-каких других местных ядов. Но здесь и сейчас сарикийка умирала на его руках ужасной смертью, почти столь же мучительной, какую приняли остальные члены ее семьи на фактории. И он ничего не мог сделать, ничего, — только думать о том контейнере и его содержимом, который был от него сейчас так же далек, как и сама Терра.

Горди, должно быть, услышал его испуганный шепот. Мальчик положил свою руку на плечо Риза, глаза его округлились.

— Лекарство, Риз, оно поможет. Ты дашь ей выпить, и ей станет лучше. Папа говорил, оно всегда помогает!

Все в поселке гордились этим открытием. Но теперь оно было недоступно, как не стало и людей, сделавших его. Недоступно

для ребенка, лежавшего у него на коленях. Если бы только у него был тот контейнер из лаборатории!

Но возвращаться за вакциной было бы просто безумием! Им оставалось лишь надеяться, что они ускользнули от преследователей, и теперь им следовало побыстрее отправляться к горам на востоке, плантациям, расположенным у их подножия. К тому же Риз не был полностью уверен, что на всю дорогу хватит энергии. А вернуться обратно в поселок, где, возможно, как раз в эту минуту хозяйничают кроки...

Его лица коснулась рука с золотистым мехом. И снова раздалось то же самое умоляющее похныкивание, которое он уже слышал из ямы. Риз вскочил на ноги, нежно прижав маленькое мягкое тельце к плечу. Каким бы дураком и полнейшим идиотом он ни был, но он вернется назад. В какой-то степени их машина представляет собой маленькую передвижную крепость, и к тому же он знает джунгли вокруг поселка как свои пять пальцев.

В машине Риз снова уложил salariкийку на одеяла и сразу же завел мотор. Ручей, посреди которого стояла их машина, убежал под небольшим углом вправо, как раз в сторону поселка. Риз, прищурившись, оценил положение солнца и длину теней. У него еще где-то час, решил он, до наступления сумерек. Если ему удастся, спрятав роллер, пробраться в потемках в поселок...

— Куда мы едем, Риз? — стал допытываться Горди.

— Возвращаемся за лекарством, — ответил юноша, в его голове в основном уже сложился план. Первым делом следует спрятать машину в таком месте, где дети спокойно дождутся его в полной безопасности, и такое место было ему известно. После чего он отправится пешком. В его бластере полный заряд, и он будет готов к возможному нападению. В отличие от жертв утренней бойни. И если лабораторию до сих пор не разграбили...

Через три четверти часа salariкийка громко застонала, когда терранец остановил машину под высоким кустарником, где он решил устроить базу. Он заставил ее напиться из фляги, влив в рот девочки как можно больше жидкости. Затем отдал Горди четкие приказания. Не покидать машину, не выключать звуковой экран, оставаться на водительском сиденье, а девочке лежать сзади под одеялами. Даже если кроки и заметят здесь роллер, имелся шанс, что они подумают, что машина брошена, и

не заинтересуются ею. Кроки не любят машины, никто из охотников и разведчиков никогда не отважился даже проехаться на роллере, когда с ними на охоту отправлялся Веккери. И Риз знал, что в какой-то мере их неприязнь к инопланетянам основывается на появлении на их планете подобных средств передвижения.

Риз скользнул в кустарник, проследил, включил ли Горди звуковой экран, и только потом направился к строениям поселка. Обходя стороной стоянку коптеров, он повел носом. Да, вошло кроками, но уже едва заметно. У терранца зародилась надежда, что напавшие утром на станцию кроки еще не вернулись. Мензурка должна была находиться на полке запертого шкафа лаборатории его дяди, за защитным экраном, который, как и во всех шкафах жилых помещений, открывался прикосновением ладони. К счастью, доктор Нейпер на всякий случай месяц назад перенастроил замок так, чтобы тот реагировал на отпечаток ладони каждого из проживавших здесь взрослых терранцев, иначе путешествие Риза было бы бессмысленным.

Дверь в лабораторию была вся на виду. Любой разведчик-крок заметил бы терранца прежде, чем тот проник через нее. Но имелся еще один вход, и только безвыходное положение заставило юношу воспользоваться им. Риз пробрался за жилые помещения, опустился на четвереньки и провел левой рукой по земле, по-прежнему сжимая в правой руке бластер. Под осыпающимся гравием его пальцы нащупали рукоятку и рванули ее вверх, открывая ход в шахту, где находились резервуары с водой. Сразу же в нос ударил ужасный смрад, но в волне запахов вони кроков не ощущалось.

Он ступил на лестницу и окунулся в сырость и мрак, засунув оружие в кобуру, чтобы ощупью пробираться вдоль стены, держа второй рукой за перила. Спустившись и потянув вниз еще одну рукоятку, юноша откинул крышку круглого люка, ведущего в узкий туннель, служивший для подачи воды. Риз протиснулся в него и пополз на животе вперед, пытаясь изо всех сил подавить панический ужас, который всегда охватывал его в тесных темных помещениях. Если бы Пермаль месяц назад не попросил его помочь тут, он бы и не узнал о существовании этого проложенного под землей туннеля, протянувшегося под всеми зданиями лаборатории.

— Два, три... — его плечи царапались о стены, а волосы цеплялись за потолок. Шепотом он считал люки. — Четыре!

Здесь! Он из-под земли проникнет в лабораторию, после чего ему останется лишь пройти в кабинет.

Запечатанная пломба была нетронутой. Риз кулаком постучал по ней, и его нетерпение чуть не сменил страх, поскольку люк упрямо не поддавался попыткам юноши открыть его. В крайнем случае он мог бы попробовать открыть и третий люк... Ну, давай же, давай!

Свет буквально ослепил его. Хотя гула двигателя и не было слышно, однако лампы на стенах горели. И жутко несло кроками, хотя примешивались и другие запахи — вонь химических препаратов, сгоревших тряпок.

Риз знал, что этот выход находится под одним из стационарных резервуаров, что давало ему в какой-то степени определенное прикрытие, когда он выбирался из шахты. И сразу же в его руке снова оказался бластер.

Хотя обзор комнаты был практически скрыт от него, терранец легко смог увидеть, что лаборатория практически разгромлена. Разбитые лампы и ящички грудями валялись на полу, и все густо покрывали пятна химикалий.

Стараясь не пораниться о разбитое стекло, Риз начал выбираться из-под резервуара, чутко вслушиваясь в тишину. До двери в лабораторию нужно было сделать всего три шага. Он медленно выпрямился. В нескольких метрах от него были свалены в кучу несколько ковров с кровавыми пятнами. Риз поспешно отвел глаза в сторону. Он не собирался близко исследовать их.

На пороге в кабинет доктора Нейпера темнело широкое коричневое пятно какой-то жидкости. И вонь кроков была так сильна, что его чуть не стошнило. Здесь же валялся один из нападавших. В последние секунды своей жизни доктор Нейпер сумел достойно встретить одного из своих убийц. Тем не менее оставшиеся пришили дробиками обезглавленное тело терранца к письменному столу. Череп доктора, возможно, сохранят как череп вражеского воина, погибшего в сражении. Бросив в ту сторону только один едва не вызвавший тошноту взгляд, Риз обратил все свое внимание на цель его появления здесь. Мензурка уцелела, сияющая изумрудная жидкость посверкивала в шкафу. Он вставил указательный палец в щель под этой полкой и повертел

им вправо-влево, чтобы чувствительная пластинка совместилась с его плотью.

Вспыхнул призрачный свет, защитное поле исчезло. Риз схватил пробирку, а следом стоявшую рядом коробку с записями. От дядюшки Мило и остальных жителей этого поселка, наверное, не останется никакого другого воспоминания, кроме сделанного ими открытия, и, взяв с собой эту пробирку, он отдает последнюю дань проекту, в который был вовлечен помимо своей воли.

И снова вниз, в туннель; для безопасности Риз взял пробирку в рот и, сунув коробку с лентами под рубашку, стал пробираться назад. Похоже, удача пока была на его стороне, и тут его кольнуло сомнение, а не слишком ли все удачно складывается у него. Снова появилось предчувствие, та странная форма чувствительности, которую он не мог выразить словами, но с которой он родился и которую развивал во время учебы. И оно предупреждало его. Это ощущение еще больше усилилось, когда он выбрался из туннеля в зал с резервуарами. Здесь стояла полная темнота, и снова его охватил страх. Что если ему не удастся снова поднять дверь туннеля и это место станет для него смертельной ловушкой? Хотя, конечно, он всегда может вернуться в лабораторию. И все же внутреннее чувство тревоги твердило, что что-то идет не так, что теперь он в опасности. Риз не знал, какая это опасность, и мучительно размышлял, возвращаться ли ему назад или идти вперед? Попытаться выбраться из лаборатории через двор или же попробовать вновь поднять эту дверь... чтобы, быть может, оказаться перед лицом ожидающих его кроков.

Риз начал подниматься по лестнице, прижался к двери, положил ладонь на нее и надавил. Затем, давя изо всех сил, начал приподнимать люк. Тот со стуком грохнулся на землю, взметая песок и камешки гравия. Рука сжимала бластер наготове, но перед ним никого не было — только медленно ползущие тени.

Вверх, наружу, подтянуться, перевернуться — и вот он уже выбрался из колодца резервуаров и спрятался под кустами, пытается восстановить учатившееся дыхание, прислушиваясь и приносясь.

Но ни слух, ни обоняние ничего не добавили к его внутреннему тревожному чувству. Если кроки и вышли на охоту, они еще не подошли настолько близко, чтобы выдать свое присутствие, как это обычно происходило. Риз встал на колени, потом на

ноги. И осторожно уложил пробирку под рубашку рядом с лентами, чтобы их прикосновение к мышцам живота не позволило ему позабыть о ноше.

Слишком уж легко все получалось, слишком! Он все еще думал об этом, когда споткнулся, и уже в падении понял, что споткнулся он о чью-то умело подставленную палку. Больно изогнув спину, он перевернулся, прежде чем удариться о землю, и тут же выхватил бластер.

И у него было всего одно мгновение, чтобы отвести в сторону луч своего оружия. Потому что существо, бросившееся на него с коротким топориком во вскинутой вверх руке, было покрыто не чешуйками, а мягким, пушистым, серебристым мехом. Он еще успел почувствовать аромат душистого запаха саларикийки, когда она, прыгнув на него, начала опускать вниз свой топор.

Боль, темнота, чьи-то шептания. Все тело Риза свело в мучительной боли, и не осталось ничего, кроме этой боли...

— Давай, давай... — его тело снова и снова сотрясалось от боли. Перед глазами стояла белая пелена, и мир безумно вращался, но потом ему удалось увидеть эти прищуренные зелено-голубые глаза, взглядывавшиеся в него, словно одна лишь огромная требовательность ее взгляда могла заставить его прийти в себя.

В плечи терранца вонзились ногти, больше похожие на когти, когда руки саларикийки помогли ему усесться. Ему был знаком этот запах существа чуждой расы. Риз снова заморгал. Нет, это вовсе не тот ребенок, которого он оставил больным и страдающим от боли в роллере. У этой саларикийки был серебристо-голубой мех, не чисто серебристый. Незнакомка была взрослой особью, с таким же, как и у него, весом, даже схожим телосложением. И она была изящной женщиной. Однако со стальной хваткой, и она, похоже, легко смогла приподнять его бессильное тело.

На своем великолепном одеянии она также носила украшенный драгоценными камнями пояс, с которого свисали лоскутки, но лишь к трем ленточкам прикреплялись пахучие мешочки.

— Занна, где Занна? — тихо промурлыкала она, и звуки эти исходили из самых глубин ее души, а прищуренные глаза пылали холодом.

Риз попытался собраться с мыслями, несмотря на боль в голове.

— Занна! — снова резко повторила женщина-саларикийка, прошипев на основном.

— Маленькая... маленькая девочка? — спросил, почти ничего не соображая, Риз.

— Да, — в словах появилось еще больше шипения. — Где ж-же она-а?

— Роллер... она в роллере, — с трудом произнес терранец.

Саларикийка уже поднялась на ноги, раздувая ноздри и медленно поворачивая голову, фыркая, пока не стала лицом туда, откуда Риз совсем недавно пришел. Затем, сделав два-три пружинистых шага, снова обернулась, и каждую клеточку ее тела снедало нетерпение. Риз попытался встать, но только сразу покачнулся. Она бросилась назад и успела подхватить его. Возможно, в саларикийке и не ощущалось особой нежности, но именно такая сила, не уступающая силе мужчины-терранца, и требовалась сейчас для поддержки его тела.

Каким образом они добрались до роллера, Риз не имел ни малейшего понятия. Его спутница отыскала тропу, по которой он пришел, и весь путь протащила его за собой. Терранец был уверен, что дорогу она находила при помощи своего обоняния. Первым отчетливо сохранившемся воспоминанием стало для него падение на сиденье машины, в то время как его спутница, торопливо перебравшись через него, устремилась к детям в багажном отделении. Он схватил ее мягкую пушистую руку.

— Шипы Ка... — Риз никак не мог подобрать нужные слова. — Возьми немного этой жидкости, смочи какую-нибудь тряпочку и приложи к ране, скорее!

Когтистые пальцы забрали пробирку, и он, наклонившись вперед, обхватил руками голову, положив локти на руль. Прошло несколько минут, прежде чем качающийся вокруг него мир снова обрел стабильность и он смог открыть аптечку. Бросив в рот несколько таблеток, терранец заставил себя проглотить их, не запивая, только судорожно дернувшись. Головная боль вскоре слегка утихла, и он уже мог терпеть ее пульсирующие удары; взгляд прояснился. Мягко коснувшись кончиком пальца над левым ухом, он понял, что в этом месте у него рана, но кровь уже остановилась. Может, его действия, а может, то, что саларикийка узнала человека, спасло его от проламывания черепа.

— Риз, ты ранен! — над его плечом склонился Горди, глядя на рану округлившимися от удивления глазами.

— Не очень серьезно. Посмотри, там, среди вещей, должны быть упаковки саморазогревающейся пищи, возьми четыре штуки и распечатай их.

Сам Риз не двигался, чтобы таблетки продолжили свое благотворное действие, пока мальчик ходил за маленькими баночками. Одну Риз оставил в руках Горди, вторую положил на сиденье рядом с собой. Оставшиеся две он отдал женщине-саларикийке. Девочка покоилась на ее руках. Одежда с яркими зелеными пятнами вокруг раны была разорвана. Риз показал на отметку давления на упаковке.

— Нужно надавить, произойдет нагрев, и упаковка сама собой раскроется, — пояснил он.

Саларикийка кивнула.

— Куда вы направляетесь? — спросила она, поднося одну банку к губам Занны.

— Без летательных аппаратов наш единственный шанс — достичь какой-нибудь большой плантации, скорее всего, мы отправимся к Рексулу.

— Эта машина может доставить нас туда?

— Не знаю, но мы можем попытаться. Но, скажите, зачем было бить меня? — Он должен был задать этот вопрос. — Вы же видели, что я не крок, — Риз поднял руку к голове, но не стал дотрагиваться до раны.

— Я не видела, пока не размахнулась. А перед тем я почуяла запах... Занны, — одним ногтем она слегка ударила по пахучему мешочку на поясе девочки. — Я знала, что один мой ребенок пропал, возможно, захваченный этими змееподобными тварями. И там ведь стояло их зловоние, очень сильное.

— Поэтому вы и подумали, что я — крок, поймавший ее? Кто-нибудь еще спасся из фактории?

Она покачала головой.

— Меня зовут Исига, вторая жена лорда Сакфора. Эти звери-предатели, как обычно, пришли на факторию, и от их вони меня затошнило, потому что я на Ишкуре только два месяца. И я отправилась в дальнюю часть сада, дожидаясь их ухода. Вскоре я услышала пронзительные крики, и между мной и домом запылал огонь: ишкурианцы подожгли кипы оганна, которые хранились там перед отправлением на корабль. Поэтому мне и удалось спрятаться среди деревьев. А потом... — взгляд ее потускнел, шерстинки меха стали дыбом, — они рыскали вокруг, но не на-

шли меня. Затем я заметила след Занны и поняла, что она также избежала той страшной участи.

Но потом на ее следах появились и другие запахи, запахи ваши, человеческие. Поэтому у меня появилась надежда, что ее нашли и привели в поселок. Однако там я снова обнаружила лишь следы разрушения, оставленные этими змеиными bestиями. Я думаю, что тогда у меня что-то случилось с головой, — салатиком провела кончиком языка по губам. — Перед моими глазами мелькали лишь эти змеиные твари, представляли картины сотворенных ими зверств и то, что они могли сделать с моей маленькой девочкой. Поэтому когда я учуяла ее запах, едва уловимый, и издала крик сбора, на который не пришло ответа, то решила, что должна отомстить за ее смерть...

— Во всяком случае, до конца вы это свое намерение не довели, — с кривой усмешкой прокомментировал Риз. — Темнеет. Скоро, как мне кажется, можно будет выступить. Я включу систему прыжков, и мы направимся в сторону гор. Если удача будет по-прежнему благоволять нам, то мы достигнем Рексулов к восходу солнца.

— Отлично, — согласилась она с его планом.

Глава 5

Направляя роллер к восточным горам, Риз не переставал удивляться, что они до сих пор еще не встретили кроков. Туземцы со звериной жестокостью расправились с поселком и факторией. После чего, по всей видимости, просто растворились в разреженном воздухе... или в джунглях. Охотники-кроки были опытными следопытами, не ведающими усталости, напав на след добычи. Каким образом беглецам-инопланетянам до сих пор удавалось скрываться от них? Ведь туземцам не представило бы особого труда обнаружить роллер, несмотря на все старания Риза. И он не верил, что туземцы настолько пресытились видом крови, что спокойно позволят инопланетянам скрыться.

Наверное, они просто получили временную передышку, и это доставляло ему немалое беспокойство. Пришло время Первого поста. Обычно в это время туземцы уходили к Высоким Деревьям — святая святых ишкуруанцев, о которых инопланетянам было известно лишь то, что ни один ишкуруанец в них не до-

пускается. Поскольку это всегда был период необычайной занятости ишкуруанцев своими делами, отправка последних отрядов Патруля и была назначена на это время, когда прекращались всяческие контакты с туземцами. Была ли эта бойня на границах межзвездной цивилизации просто независимым действием перед началом ежегодной миграции кроков? Риз не очень-то надеялся на это.

Рядом с ним кто-то шевельнулся. Исига мягко проскользнула над перегородкой между водительским местом и багажником к терранцем.

— Дети заснули, — сообщила она. — Действительно, Занне стало лучше.

— Почему вы, торговцы, не улетели, когда из Нагассары пришел сигнал тревоги? — спросил Риз. Между поселком и факторией поддерживались не слишком тесные контакты. Но кое-что о темпераменте саларикийцев он знал. То, что Сакфор с завидным упрямством не хотел покидать факторию, оставив без внимания даже предупреждение, представляло для него загадку — торговцы-инопланетяне славилась своей осторожностью и осмотрительностью.

Сквозь шипение в темноте он разобрал гневные слова:

— Лорд Сакфор получил обещание из уст Высокого Древа Ишгила. Им нужны торговцы, так было сказано. Нам нечего было бояться.

— Теперь очевидно, что это была ложь, — Риз продолжал следить за приборами перед собой. В темноте ему приходилось полагаться в большей степени на автопилот.

— Поэтому кое-кто еще поплатится за свой лживый раздвоенный язык! — в этом обещании ясно почувствовались холодная уверенность и неприкрытая угроза. Цивилизация саларикийцев была близка к феодализму. Трагедия вроде этой, когда был вырезан клан Сакфора, приведет, как принято в родном мире торговцев, к кровной вражде, в которой примет участие каждый член клана от мала до велика. Но до сих пор нельзя было сказать, что послужило ее причиной. — Ты думаешь, — продолжала она, как будто в самом деле могла читать его мысли, — что женщина-домохозяйка не может взять нож и прикончить врага. Сейчас — да! Но это время придет. Теперь я Глава семьи.

Она была права! Риз вздрогнул. При определенных условиях, что случается крайне редко и то при исключительных случаях,

выживший взрослый член семьи, независимо от того, какого он пола, становится Главой семьи. К тому же у салирикийцев женщина также может потребовать право на вендетту у Суда Мира своей планеты и даже вызвать межзвездную войну.

— Нам бы сначала, — подчеркнул Риз, — самим благополучно выпутаться из сложившейся ситуации.

— Вы думаете, люди Рексула еще остаются на плантации?

— Если только они добровольно не покинули ее, на что, насколько я знаю, не было и малейшего намека. Они в лучшем положении, чем любое владение инопланетян по эту сторону гор. За последние несколько месяцев они сильно укрепили свои защитные сооружения, и у них есть наемники.

Салирикийка чуть шевельнулась, и в блеклом свете приборной доски блеснул ее серебристый мех.

— А все-таки вдруг весь штат Рексула покинул плантацию? — поинтересовалась она.

— Леди, — церемонно обратился к ней Риз, — вам было бы лучше помолиться своему Богу или Духам Сил, чтобы они были там. До плантации энергии нам хватит. А вот на путешествие через горы ее уже не останется. И я не считаю, что мы сможем одолеть этот путь пешком.

— Благодарю вас за столь ясное объяснение, — не без сарказма промурлыкала салирикийка через несколько секунд. — Но признайтесь все же, неужели вы действительно настолько хорошо знаете джунгли, чтобы с такой уверенностью заявлять, что такое путешествие пешком нам не под силу?

— Только не когда с нами дети. Я даже не уверен, что опытный разведчик-изыскатель смог бы одолеть этот путь, особенно когда по пятам идут кроки.

— Значит, наше будущее колеблется на лезвии ножа, и если этот нож наносит рану... — снова блеснул серебряный мех, она почти как настоящий терранец пожалала плечами. — А теперь слушайте меня, лорд Риз... — юноша вздрогнул, услышав такой официальный титул. Ведь она только что объявила себя главой своего клана и теперь обращалась к нему как равный к равному, как принято в ее мире, что бывало крайне редко у этих надменных салирикийцев. — Раз уж мы попали в такую ситуацию, мне бы хотелось во что бы то ни стало добраться до высокогорных мест, потому что я слышала, что эти зверо-змеи не любят холода и снега, который покрывает горные пики. И нет у нас иного

будущего и иного пути, чем выйти на тропу воителей и идти по ней до Морей, что Вовне. Или вы, терранцы, считаете, что такие действия неправильны и неуместны?

— Мне это не кажется неуместным, — признался он, — если так нужно. Мы, терранцы, верим в то, что дети и женщины не должны попадать в руки таких врагов, как кроки, пока жив хотя бы один мужчина.

— Однако в поселке осталась женщина вашего племени, — заметила Исига. — И она тоже погибла.

— У нас были разные мнения. Некоторые считали, что, поскольку они прожили здесь уже много лет и относятся к крокам доброжелательно и со справедливостью, им нечего бояться...

— Доброжелательно! Справедливо! — возбужденно зашипев, перебила салирикийка Риза. — Как можно доброжелательно и справедливо относиться к чужакам? Для салирикийца доброта проявляется только в отношениях со своими спутниками жизни, детьми и членами его клана. Свою доброту он не тратит на чужаков. Справедливость — да, таково наше отношение ко всем до тех пор, пока Флаг Мира поднят... Но только эти слова для салирикийцев значат одно, для терранцев — другое, а для этих зверо-змей — третье. Мы следуем тому образу мышления, который был дан нам предками; как мы можем изменить свои тропы и ожидать, что не обнаружим на них ловушек? Те, кто верил, что зверо-змеи будут относиться к ним точно так же, были просто глупцами!

— Что ж, они дорого заплатили за свою глупость, — угрюмо констатировал Риз.

— Но ты сам-то так не считал, — произнесла женщина, переходя на «ты». — Почему же ты остался?

— Потому что доктор Нейпер, глава поселения, был главой семьи, — терранец использовал термин салирикийцев для указания своего родства с дядей. — Я был воином дома.

— Значит, в твоём пребывании там действительно была необходимость, — тотчас согласилась она. — И все же ты не такой, как они, потому что они не умеют ходить с оружием в руках и быть постоянно готовыми к войне.

— Похоже, ты неплохо осведомлена о людях поселка, — Риза это несколько удивило. Доктор Нейпер и остальные жители поселка вообще-то не особенно стремились завязывать тесные отношения с обитателями фактории. Сам же он слишком мно-

го времени проводил в джунглях вместе с капитаном Веккери, пытаясь убежать от удушливой атмосферы поселка, где никто не разделял его мрачных предчувствий, и потому тоже мало общался с жителями фактории, да он и видел-то Сакфора всего пару раз за все шесть месяцев пребывания здесь салирикийских колонистов.

С места сидения его спутницы донесся звук, который можно было принять за хихиканье у терранцев.

— Там, где цветы расцветают на солнце раньше времени, разговоры о подобном чуде могут не прекращаться полмесяца. Не думаешь же ты, что одно только любопытство заставляло нас раздумывать об единственных наших соседях-инопланетянах? Мы знали, какую пищу вы едите, на каких кроватях спите, какую одежду носите и о чем вы думаете, или, по крайней мере, каким образом вы претворяете эти мысли в свои поступки и слова. Вот почему нам хорошо было известно, что многие из вас не верили, что придется вступить на тропу воинов, и вот почему с такой легкостью смогли их всех перебить.

Риз был поражен. Исига лишь повторила его собственные размышления, подкрепленные произошедшими событиями. Терранец может критиковать терранца, но, услышав такую насмешку в голосе инопланетянки, он не смог сдержаться и выпалил резкий ответ, хотя сразу же запнулся на полуслове:

— Но ведь салирикийцы то...

— Салирикийцы тоже мертвы? Ты говоришь правду. Сейчас мы видим, что оба наших народа вели себя по-глупому, каждый по-своему, — ответила она. — Теперь же мы можем только подготовиться и не повторять больше этих ошибок. Ах!

Его внимание привлек кончик серебристого пальчика, указывающий вправо. С наступлением темноты они двигались вдоль реки, взяв мерцание слабо фосфоресцирующей воды, каскадом льющейся куда-то к горам на востоке, в качестве ориентира для приземления машины между прыжками. Джунгли вставали черной стеной без каких-либо просветов по обе стороны скалистых берегов. Тут и там светились жутковатым зелено-синим цветом кусты-светильники, с помощью своего сияния они заманивали в смертельную ловушку ночных летунов.

Но тот огонек, на который указывала Исига, вовсе не был похож на куст-светильник. Там плясали языки настоящего пламени, пламени от какого-то высокооктанового топлива, используемого для приведения в движение машин или флаеров.

Риз решил не высказывать вслух догадку относительно источника этого пламени, но непроизвольно вздрогнул, несмотря на смутное предчувствие, которое он до сих пор сдерживал внутри себя.

— Ффалоу!

— Станция слежения Патруля в горах, — добавила чуть погодя саларикийка. — Но разве там остались какие-то склады, на которых может возникнуть пожар? Я думала, что они были закрыты еще две недели назад.

— Там могли оставить секретный склад для помощи нашему поселку либо вашей фактории. Дядюшка Мило не говорил ничего об этом. Ему была просто ненавистна сама идея оставить поселок, и он никогда бы не сделал этого, даже если бы ему приказал Совет.

— Склады наверняка были тщательно заперты и защищены.

— Вот именно! — резко воскликнул терранец. — Кроки двигаются на восток. Этот огонь вспыхнул самое большее несколько минут назад.

— И они двигаются в сторону Рексулов, чтобы покончить со всеми инопланетянами по эту сторону гор... — Исига пробормотала эту мысль почти неосознанно.

— Верно, — согласился Риз. — Они знают или считают, что знают, что никаких отрядов сюда из Нагассары не будет отправлено. Наверное, они решили быстренько со всеми нами покончить, чтобы затем продолжить свою миграцию.

Это могло быть хорошим объяснением, куда направлялись кроки. Что если туземцы направили против инопланетян лишь небольшой отряд? Аборигены начали с поселения людей, после атаковали факторию, а сейчас, безусловно, направлялись на восток. Если это так, то роллер скоро должен миновать отряд кроков, непоколебимо желающих уничтожить всех инопланетян по эту сторону гор.

— Поэтому нам придется пройти сквозь них, — снова подчеркнула Исига.

— Да.

Паучий глаз... видеть вещи сквозь призму зрения врага. Да, это необходимо... Но возможно ли такое видение? Риз покачал головой, почти захлестнутый волной страха. Он не мог представить себя с покатым, защищенным броней черепом, смотреть через два глаза с узкими зрачками. Он даже не знал, состояли

ли разносящие смерть отряды, двигавшиеся на восток, из жителей джунглей или же они состояли из тех, кто достаточно долго соприкасался с инопланетянами, чтобы усвоить зачатки знаний межзвездной цивилизации и, чуть изменив свои мыслительные процессы, довести начатое дело до конца.

Однако очень скоро сведения о враге существенно расширились, и не в лучшую сторону... Над роллером, но чуть впереди, ночь прорезал яркий белый луч света и скользнул к ним, как нож палача.

Ослепленный, ничего не видя, Риз судорожно сжал руками руль, когда роллер мощно тряхнуло, поставив почти в вертикальное положение. Он испугался, что они могут перевернуться. Но тут их развернуло влево, и машину швырнуло прочь от реки к джунглям. Риз попытался выровнять роллер и посадить его на твердую и безопасную почву.

Роллер едва коснулся твердой поверхности, как их тут же снова подбросило в воздух и боком швырнуло в стену растительности, которая слегка подалась под этим ударом, отчего машину стало разворачивать. Риз услышал позади себя крики испуганных детей, а две пушистые ручки стали помогать ему в управлении машиной — Исига поняла, что необходимо срочно посадить машину.

Каким-то образом они снова выровняли роллер или почти выровняли. Все еще не будучи в состоянии видеть что-либо, Риз решил, что нос машины находится выше кормы, потому что их тела сильно прижало к спинкам сидений.

— Силовой луч! — утверждение Исиги имело веское основание. Терранец почувствовал, как пушистые шерстинки погладили его руку и плечо, когда она поворачивалась к детям. Голос ее успокаивающе замурлыкал.

Риз прикрыл ладонями глаза. На мгновение паника охватила его. Действительно ли он ослеп? Или тот луч только на время ослепил его своим ярким сиянием? Силовой луч! Кто-то из карательного отряда кроков знает, как пользоваться этим оружием Патруля. Находится ли станция Ффалоу все еще под контролем людей... или сокрушена в результате налета туземцев, и теперь инопланетное оружие попало в лапы кроков? Силовые лучи входят в перечень особо секретных вооружений. Каким образом кроки смогли захватить это оружие?

Но то, каким образом это оружие оказалось у туземцев, разумеется, не было главной проблемой для беглецов — их больше занимало, что они с ним сделали. Риз схватил покрытую мехом руку.

— Послушай! — требовательно обратился он к сарарикийке. — Мы ведь оказались на левом берегу реки, не так ли?

— Какое это имеет значение? — быстро спросила Исига.

— Я уверен, что силовая установка находится на правом берегу.

— Нас действительно отбросило влево. Ну и что это тебе дает? — голос ее повысился на одну или две октавы.

— Глаза... этот луч... я до сих пор не могу видеть!

Резкий шипящий вдох. Затем движение ее руки. Риз почувствовал слабое колыхание воздуха около своих губ и догадался, что она водит взад-вперед рукой перед его лицом.

— Это временно, — юноша понадеялся, что она говорит правду. А почему сарарикийка не ослепла? Возможно, ее голова была повернута, и поэтому вспышка не затронула инопланетянку прямо.

— Как мы засели? — поинтересовался он.

Исига, шевельнувшись на своем кресле, почти склонилась над ним, словно силясь разглядеть, что скрывается в темноте за дальним боком роллера. Но отвечала она ровным голосом, как бы отчитываясь перед ним.

— Мы приземлились прямо на густой кустарник. Но спереди машина уткнулась в какое-то дерево, отчего этот крутой уклон.

— А что позади?

— Тоже кустарник.

— И никаких деревьев? — Он знал, что сарарикийцы видят в темноте лучше, чем терранцы. Она должна была различить больше деталей.

— Больших нет.

Риз провел рукой по приборной доске. Если роллер не получил повреждений при такой грубой посадке...

— Я попробую дать задний ход, — сказал он. — Но тебе придется следить и направлять меня.

Юноша нащупал нужную кнопку и неуверенно нажал на нее. Роллер стал крениться то на один бок, то на другой, и это раскачивание сообщило ему, что большая часть поверхности опор

опирается на сломанный кустарник, над землей. Потом машина принялась качаться взад-вперед, но в то же время постепенно начала соскальзывать назад. Повсюду стоял треск ломающихся веток. Интересно, сколько у них осталось времени, прежде чем кроки переправятся через реку, чтобы покончить со своими жертвами?

И насколько серьезные повреждения получил роллер? Риз цеплялся за единственную — крошечную — надежду, что напавшие видели их беспорядочную вынужденную посадку и что издали она должна была показаться еще более ужасной. Туземцы могли теперь полагать, что они потерпели крушение. В этом случае они не будут спешить, уверенные в своей способности обнаружить и схватить любого уцелевшего.

Но машина сейчас недоступна лучу, а опоры в конце концов зацепились за что-то твердое в мешанине листьев, веточек и сломанных кустов. И наконец сверкающие огоньки, стоявшие перед глазами Риза, стали блекнуть.

— Как там, наверху, — снова обратился терранец к своей спутнице, — много над нами чистого неба? Роллер не коптер и не может совершать прыжки, начиная полет строго вертикально.

— Только не здесь.

Выбравшись из джунглей на открытый берег реки, они сразу выдают себя и станут легкой мишенью для оператора лучевой установки. Однако, наверное, они смогут пробраться немного вперед в надежде обнаружить поляну, достаточно большую для совершения прыжка.

— Где здесь заросли пореже?

Снова послышалось движение на сиденье, и он решил, что саларикийка внимательно изучает окружающее их пространство.

— Впереди и справа деревья. Слева только кустарник, но с той стороны и берег реки.

— Так что, назад? — Роллер медленно отозвался на работу рук.

— Да, это самый лучший путь.

И началось утомительное отступление; машина раскачивалась и цеплялась о ветки и лианы. Риз вдруг осознал, что звуковой экран больше не работает, а знакомого гудения после нажатия на кнопку не раздалось. Местные насекомые... Риз вздрогнул, когда его чуть выше плеча как огнем обожгло. Но не было времени беспокоиться о таких пустяках.

— Подожди! — рука Исиги так сильно сдвинула его руку, что своими ногтями она поранила его кожу. — Немного дальше, еще чуть-чуть, и ты можешь поворачивать. Там нет деревьев, только кустарник и множество лиан.

Возможно, там и нет деревьев, но лианы тоже могут представлять большую опасность. Однако ему оставалось только попытаться. Риз дождался ее команды: «Давай!» — и рванул рулевой рычаг. Роллер неуклюже подчинился и с треском пробил дорогу сквозь сопротивляющуюся стену джунглей.

Глава 6

— Пригни голову и держи детей сзади, лучше под каким-нибудь укрытием! — приказал Риз и сам как можно ниже нагнулся на сиденье. Плети кустарника и разорванных лиан хлестали верхушку роллера, в то время как они упорно продирались по тропе вперед. Терранец бешено моргал. Тень следовала за тенью, но слабые различия между ними он уже мог ощутить. Он с облегчением вздохнул — слепота оказалась лишь временным явлением, как он и надеялся.

— Шкала слева, вторая на панели с твоей стороны, — едва выдохнул он. Слова слетели с его губ вместе с толчком роллера. — Индикатор показывает какие-нибудь изменения?

— Ограничительная стрелка ползет вверх.

— Хлопни по ней рукой! — выкрикнул Риз, боясь поверить в это без проверки.

— Теперь она колеблется, — ответила сараникийка через секунду, — и постепенно возвращается в прежнее положение.

— Значит, все еще работает... и нас пока не преследуют.

«Правда, непонятно почему», — подумал Риз. Если только... если только их катастрофа над рекой не показалась наблюдавшим ее крокам куда более разрушительной, чем она была на самом деле. Враги вполне могли подумать, что они просто грохнулись о землю — либо мертвыми, либо абсолютно беспомощными кусками мяса, которые они потом без всякой суеты найдут, после разрушения последнего поста инопланетян в этом районе. Он поделился своими мыслями с Исигой.

— Да я и сама уж было решила, что нам приходит конец, — заметила она, — поэтому, наверное, не стоит порицать кроков,

что они посчитали наш спуск смертоносным. Сколько отсюда до Рексула?

— Я не знаю. Будь у нас связь, они могли бы провести нас по поисковому лучу. Но в нашем положении остается полагаться только на детектор разума и то, что он не выведет машину к отряду кроков... И все-таки: кроки, имеющие силовой луч! Они же могут разрушить... — он резко остановился, осознав наконец, что на самом деле означает этот факт.

— Силовой луч, — закончила за него Исига почти не дрогнувшим голосом, чего он при всем своем желании не смог бы в этот момент сделать, — может легко прожечь дорогу в защитных порядках Рексулов, не так ли?

— Да. Но если наши люди узнают, что у кроков есть такое оружие, то они смогут кое-что подготовить.

— Что именно? — вяло поинтересовалась салирикийка.

Действительно, что? Только хорошо защищенное поселение, такое, как порт Нагассара, может выдержать удар силового луча и даже, имея противосиловой экран, который направляет назад энергию атакующего луча, способно уничтожить силовую установку и тех, кто управляет ею. Но у Рексулов наверняка нет защиты подобного типа. Защитники не могут ожидать, что столкнутся с лучшим оружием Патруля, оказавшимся в руках воинов из джунглей. Конечно, эти примитивные охотники не должны были знать, как им пользоваться, но меткое попадание, сбившее их роллер, указывало, что кто-то из их отряда умеет обращаться с современным инопланетным оружием.

— Плантация — наш единственный шанс, — тупо пробормотал Риз. — Мы не сможем подняться над горами в этой машине. — У него даже стали возникать сомнения, а долго ли они вообще будут двигаться вперед. При управлении роллером теперь появились определенные трудности, которые нельзя было объяснить просто неровностями земли, по которой они передвигались. И звуковой экран перестал действовать. Да и работают ли вообще остальные защитные системы?

— Подожди! — резко воскликнула Исига. — Стрелка, теперь она снова задвигалась!

Риз сильнее стиснул руль.

— Куда и насколько? — слабое свечение приборной панели казалось для него едва различимым смутным пятном, чтобы он мог рассмотреть показания прибора.

— Она отклонилась вправо... на десять делений... а теперь еще больше...

— Это означает, что кроки переправляются через реку. А что впереди нас?

Саларикийка приподнялась в трясущейся машине, положила руку на его плечо, чтобы сохранить равновесие, и напряженно всмотрелась в дорогу перед ними. Существа ее расы лучше, нежели терранцы, видят ночью.

— А-ах! Остановись — быстрее!

Риз подчинился, и роллер сильно накренился, когда застыл в гуще изломанного кустарника. Лучемет! Если бы только удалось применить лучемет! Он приготовился к отражению атаки кроков из темноты.

— Мы рядом с краем обрыва, — между тем доложила Иси-га. — Глубина оврага мне неизвестна, и он довольно широкий. Мы сможем перепрыгнуть его?

Пальцы Риза потянулись к другой кнопке и сильно нажали на нее. Машина рванулась, но реактивной струи оказалось недостаточно, чтобы поднять их над сплошной массой растительности, сквозь которую они пробирались. Да, он был прав, не один только звуковой экран вышел из строя после аварии.

— Система управления прыжками не работает, — устало сообщил терранец. Что же теперь делать? Попытаться развернуться так, чтобы он смог уничтожить кустарник из лучемета? Все его воспоминания и размышления в течение всего этого кошмарного дня и ночи относительно принципа паучьего глаза теперь наконец воплотились в действие. Риз вступал в самую рискованную игру в своей жизни, куда более рискованную, чем, возможно, ему придется когда-либо еще сыграть. Но это был их единственный шанс.

— Все, — подытожил он резко, приняв решение. — Я собираюсь повернуть назад от обрыва. Выброси все из багажника, наполни фляги из резервуара, заведи всю еду — можешь завернуть все это в одеяла — и будь с детьми наготове. Как только мы остановимся, хватай их и тюки и прыгайте из машины. Затем бегите направо, вдоль края обрыва. Подожди... — Он отстегнул пояс с кобурой, где находился согревающий ему душу бластер. — Ты знаешь, как им пользоваться? Нажми три раза на светящуюся кнопку — ты установишь заряд на максимум, а это пригодится, когда нужно будет прожечь панцирь кроков.

— А как же ты? — salariкийка взяла бластер.

— Я выберусь под прикрытием огненной вспышки, которая отвлечет кроков. Они сами ведут себя подобным образом, когда в схватке их загоняют в угол. Как только они приблизятся, я дам по ним залп из лучемета. А потом pošлю роллер назад к обрыву, он рухнет в пропасть и взорвется. Если кто из кроков и уцелеет в этой катастрофе, то решит, что мы все взорвались вместе с машиной. А я присоединюсь к вам, как только смогу.

— Машина настолько повреждена, что больше не может нам помочь? — равнодушные Исиги по поводу грозящей им опасности ободрило терранца.

— Да. Она в любой момент может полностью выключиться. А теперь уходите!

Терранец помог salariкийке побыстрее собрать фляги, пакеты с едой, аптечку и два ножа. Затем он передал Занну в руки матери и увидел, как Горди поковылял вслед за ними — маленький мальчик, но как истинный мужчина тащивший второй узел из одеяла. Они ушли, и Риз остался один на один с мрачной надеждой, что сделал правильный выбор. При удачном стечении обстоятельств их преследователи вполне могут поверить, что они оказались погребенными в рухнувшем роллере.

Юноша осторожно управлял машиной, и его подозрения относительно будущих событий в полной мере подтверждались заторможенной реакцией машины на его управление. Один раз двигатель полностью вырубился, и Риз подумал, что это конец всему, но тот все-таки включился через некоторое время, когда он в неистовстве принялся бить по кнопкам. Чрезвычайно осторожно он развернулся задом к пропасти, невидимой в темноте, и огнемет теперь был направлен в сторону, откуда должны были прийти кроки. К счастью, глаза Риза оправились до такой степени, что он мог видеть показания на шкале разведывательного детектора, стрелка которого уже перешла отметку середины. Кроки приближались, и очень быстро.

Они не могли нести с собой лучевую установку, слишком уж разбитой осталась после роллера земля, если только у них не было подъемной платформы. Но даже в таком случае... Риз улыбнулся, но ничто в улыбке тонких губ терранца не указывало на юмор. Платформа может двигаться только прямо по просеке, которую пропахал роллер. Тогда он легко поразит ее, а стоит по-

пасть в силовую установку, как все кроки, находящиеся рядом, мгновенно погибнут.

Терранец закончил приготовления и стал спокойно ждать. Он лишь с сожалением подумал об отказе звукового экрана. Придавленная машиной растительность, должно быть, служила домом для неисчислимого множества насекомых. Риз мог только надеяться на силу репеллента, которым он вымазал кожу перед отпавлением, но тот не предохранял его полностью от укусов этих мелких тварей, которых он не мог видеть (да и не хотел). Ожидание... Переносить его было куда труднее, чем натиск любых насекомых. Он даже начал в уме считать, пытаясь таким образом оценить, насколько далеко уже ушли Исига и дети после оставления роллера.

Глаза Риза привыкли к свету и... Неужели этот момент наступил так скоро! Кроки хотя и жили в джунглях, но даже они не смогли замаскировать этот предмет, зависший на некоторой высоте над дорогой, проложенной роллером, — темное пятно на фоне неба. Пятно не спеша приближалось, и рассеянный свет полураздавленных кустов-светильников сообщил Ризу его истинные размеры. Итак, они действительно поставили лучевую установку на подъемную платформу.

Терранец нажал на кнопку лучемета. Из раструба вырвался клуб ржаво-красного пламени. Он должен был накрыть подъемную платформу и то, что находилось на ее грузовой площадке. Однако Риз не стал ждать доказательств попадания. Он прикрыл глаза, оберегая их от вспышки пламени, ухватился за дверь одной рукой, затем развернулся на сиденье, ровно на столько, чтобы нажать ногой на стартер. Потом спрыгнул на землю, набив синяки на коленях, вскочил на ноги и опрометью бросился бежать сквозь кусты к скалистому обрыву.

Роллер полз назад, его опоры скрежетали по камню. А вокруг неуправляемой машины ослепительным сиянием бушевало пламя, вырывавшееся из лучемета, смертельным веером сметающее все со своего пути. И вдруг это копьё огня устремилось в небо, когда машина накренилась на краю обрыва. Риз, теперь находившийся в сотне метров от роллера, рискнул остановиться, чтобы бросить взгляд назад.

Машина покачнулась и опрокинулась в пропасть. Но несколько врагов все-таки уцелели. Пронзительные кашляющие

крики кроков слились в один резкий возмущенный вопль. Терранец припустил прочь со всех ног, надеясь, что оставшиеся в живых туземцы собрались вместе на краю обрыва и даже начали спускаться к месту катастрофы. Он причинил им серьезный ущерб, и они должны теперь утратить свою осторожность от желания заполучить его голову. Череп храброго врага был гораздо более ценным трофеем для воинов Высокого Дерева, чем голова жертвы, снятая с плеч после простой бойни.

Риз судорожно вдохнул, когда почувствовал боль под ребрами. Теперь он должен надеяться не только на свои скорость и проворство, но и на способность Исиги видеть в темноте. Если сальарикийка удержится у края пропасти, как он и приказал, то он очень скоро догонит беглецов. И в то же время, вновь рванувшись прочь, чтобы как можно быстрее убраться подальше от места катастрофы, Риз с нетерпением ждал наступления им же задуманного финала.

И тот наконец разразился, даже более ошеломительный, чем Риз представлял себе. Вспышка света на миг затмила родное солнце ишкуринцев, несмотря на то, что его источник находился на дне пропасти. Риз споткнулся, и с его губ сорвалось словечко, к смеху не имеющее никакого отношения. Любой охотник, достигнутый этим взрывом и обеспеченный порцией огня на всю катушку, никогда уже больше не станет интересоваться черепами — даже своим собственным!

Предводители этого отряда, должно быть, управляли лучевой установкой на подъемной платформе. И Риз мог с большой долей вероятности рассчитывать на то что все они погибли. Поэтому если кто-то и уцелел при последующем взрыве роллера, то вряд ли они продолжают преследование инопланетян. Риз просто последовал примеру туземцев, которые, встретившись с превосходящими силами противника, обычно нападали на врага и старались как можно дороже продать свою жизнь.

Только теперь он начал беспокоиться об Исиге и детях. Конечно, они не могли уйти далеко. Он замедлил бег, внимательно вглядываясь в неровные пятна кустов-светильников. Но тут в небе засиял еще один источник света, заставивший Риза резко остановиться.

Высоко над головой, двигаясь как раз в его направлении, в воздухе засверкал след — пульсирующие красные линии, точнее,

пунктирные очертания чудовищной головы с разинутой челюстью с клыками, казавшимися маленькими угольками.

Если бы он находился в роллере или даже на открытом месте, но с бластером в руках, Риз достойно бы встретил эту угрозу. Простой же нож — слабая защита против воздушного дракона на охотничьей территории этого монстра — порождения ишкуруианской ночи, использующего ослепляющее сияние головы, чтобы приводить в ужас свои жертвы и делать их беспомощными. Сейчас дракон вышел на охоту, и, как понял Риз, пока не его выбрали в качестве жертвы.

Кого-то другого! Все живое в джунглях пробудилось от шума недавней битвы. Раздавались громкие пронзительные крики потревоженных птиц, шелест насекомых, ползающих в массе растительности, и сквозь их шум терранец не слышал зловещего хлопанья широких крыльев, а мог только наблюдать за красными очертаниями злобной головы, когда огромное существо планировало, снижаясь и высматривая жертву.

У Исиги есть бластер, и Риз знал, что она превосходно видит в темноте. Но если сарарикийка воспользуется оружием, чтобы покончить с атакующей ее тварью, то этим она также привлечет к себе внимание кроков, показав, что беглецы все еще живы. И тогда их отказ от роллера окажется бессмысленным — они вновь легко могут быть пойманными преследователями.

Ноги Риза продолжали нести его вперед, хотя юноша не имел ни малейшего представления, каким образом он собирается противостоять с голыми руками этим красным уголькам в пасти и ужасным когтям, которые парили в воздухе чуть ниже отлично видной головы.

Воздушный дракон теперь парил на высоте верхушек деревьев, которые росли на краю обрыва, и это были отнюдь не те гигантские деревья, стрелой уносящиеся вверх в подлинной чаще джунглей. С ужасающей ясностью клацнули челюсти. Это охотящееся создание, должно быть, поймало в полете какую-то неосторожную птицу. Но такой кусок мяса, конечно же, слишком мал, чтобы насытить его. Теперь дракон парил, наверное, в каких-нибудь десяти футах над землей, и красные очертания его головы качались взад-вперед. Риз издал вздох облегчения и прижал руку к ноющим ребрам. То, что выискивал воздушный дракон, пряталось под листвой.

К несчастью, у этих существ действительно имеется какой-то интеллект плюс привычка упрямо преследовать одну выбранную жертву, всегда в одиночестве и темноте ночной охоты. Воздушный дракон продолжал кружиться в воздухе, дожидаясь, когда выбранная им жертва выберется из густой листвы. К тому же само присутствие здесь дракона, особенно когда все в джунглях уже пробудилось и потревожено, служит сигналом для других бестий, передвигающихся по земле, тех, кто питается остатками пиршеств дракона, когда тот, утолив свой более разборчивый вкус, улетает прочь.

Черепные крысы, проги — они все здесь соберутся. Они обычно выгоняют жертву дракона на открытое место. Риз слышал рассказы Виккери о подобных совместных охотах и знал, что старый собиратель животных по крайней мере не преувеличивал. Остаться здесь означает смерть одного рода; уходить — тоже смерть, но другую.

Терранец прикинул, где кружится дракон. Тот лениво размахивал крыльями, вроде бы не собираясь к немедленным действиям. И у Риза почему-то появилась уверенность, что выбранные драконом жертвы — Исига и дети. Они, должно быть, — Риз посмотрел на парившую в вышине голову с красным пунктиром зубов — скрываются под каким-то кустарником или, скорее, под деревом с толстыми ветвями, немного левее от него и ближе к краю обрыва. Возможно, саларикийка пыталась выбраться к ущелью, когда дракон спикировал к ней, вытягивая когти.

Риз тоже спрятался под пологом листьев. Вжимаясь в землю, он пополз к тому месту, которое, на его взгляд, усиленно интересовало дракона. Он должен был двигаться быстро, чтобы успеть добраться до беглецов, прежде чем появятся черепные крысы или проги!

И вот он застыл под тонким занавесом укрытия, уверенный, что красный силуэт огромной головы, раз за разом совершавший повороты в высоту, пока не обращался в его сторону! Если бы ему удалось подобраться достаточно близко! Они смогут предпринять только одну попытку. Или же Исига сумеет применить бластер, хотя для выстрела узким лучом требуется меткость опытного охотника. Вместе с Виккери он пошел бы на подобный риск не задумываясь, но в данной ситуации он должен быть уверен в результате.

Что-то глухо упало на полоску открытого пространства между зарослями кустов, маня к себе и притягивая. И в то же время из кустов напротив слабо засверкал отраженный бледный свет металла, словно искорка, и это мерцание было не сильнее, чем светились вокруг тела ночных насекомых. Бластер! Должно быть, Исига заметила его приближение и теперь сигнализировала ему о местонахождении оружия.

Риз пошарил руками по обе стороны своего тела, разгребая в грязи старые листья и мусор в попытке нащупать хоть какую-нибудь ветку, которой он смог бы дотянуться до бластера. Но ничего подходящего не попало, кроме каких-то деревяшек, настолько прогнивших, что они рассыпались в его руках в отвратительно пахнущую труху.

Бластер спокойно лежал на траве, на открытом пространстве поляны, но в воздухе над головой парил дракон, готовый в любой момент схватить свою жертву. Он кружил совсем низко над опушкой. И чем больше ждал Риз, тем меньше у него оставалось решимости собраться с силами и осуществить задуманное. Наконец терранец, стиснув зубы, напряг все тело.

По существу, даже не поднявшись, он метнулся вперед, согнувшись, словно футбольный игрок, идущий на прорыв, сконцентрировавшись только на оружии. Едва схватив бластер, Риз отпрыгнул, одновременно падая на спину и разворачивая оружие вверх, в небо. И бешеными глазами уставился вверх, в стремительно надвигавшийся совершенный ночной кошмар.

Голова чудовища теперь не казалась просто красным силуэтом. Ужасные очертания морды дракона обрисовались во внезапно вспыхнувшем свете переносной лампы. Яркий луч ослепил монстра на одну лишь секунду, но ее хватило, чтобы Риз нажал на спусковой курок бластера и выпустил тонкую черточку огня. После чего Риз только успел увидеть, что выстрел достиг раскрытой пасти, как его самого ударило, перевернуло и швырнуло в сторону кустов, откуда появился луч лампы.

Когтистые лапы задели терранца, царапая бока и срывая одежду с тела. Но сила удара отбросила его вперед и в сторону. Риз услышал пронзительный, ужасающе громкий вопль, когда к нему прижался мех салирикийки, а он лежал, судорожно вдыхая воздух.

Каким-то образом терранец все-таки приподнялся и сел, и бластер снова оказался в его руке. Но больше не потребовалось ни в кого стрелять, ни в воздухе, ни на земле.

— Что?.. — начал было он.

— Чудовище пронеслось над тобой и упало, — пальцы осторожно прикоснулись к его плечу. — Больно?

Пронеслось куда? Риз попытался подумать над этим вопросом, когда руки саларикийки одновременно с его рукой коснулись покалеченного бока и задели несколько царапин, обжигая его острой болью. Конечно, в ущелье! Вот что она имела в виду: воздушный дракон, должно быть, оказался настолько серьезно ранен, что рухнул в пропасть!

— Ты выстрелил в дракона! — рядом торжествуя выдохнул Горди. — Вся голова его трах — и раскололась! Да, точно, вот что с ней случилось!

— И ты не очень серьезно ранен, — руки саларикийки деловито, быстрыми уверенными движениями что-то прикладывали к его боку.

— Нам нужно поскорее убираться отсюда, — Риз собрал все свои мысли в порядок, чтобы все подчинилось требованиям здравого смысла. Он все еще никак не мог до конца поверить в случившееся, что ему удалось выиграть второй раунд этой безумной рискованной ночной игры.

— Спустившись в ущелье, — сообщила ему Исига, — мы сможем передвигаться под прикрытием. Я как раз обнаружила тропу вниз, когда появился дракон. Там все признаки тропинки, так что мы не так уж далеко от плантации.

— Значит, в путь! — скомандовал им Риз.

Глава 7

— Никаких признаков жизни... — Риз лежал на животе, подпирая подбородок кулаками. Между ним и ограждением, отражавшим зеленоватые лучи солнца, протянулась полоска ярко-красной травы. Он не мог ошибаться: сторожевые башни по четырем углам этого огороженного пространства, размеры и крепость зданий, защищаемых стенами, — все говорило о том, что это поместье Рексулов. Однако там не было видно никакого движения, место выглядело полностью покинутым.

— Стоянка коптеров... — рядом с ним стояла Исига, искрящаяся серебристыми волосинками меха на серой коже. Она выглядела куда лучше по сравнению с терранцем с его изорванной

одеждой и розовато-коричневой кожей, перепачканной землей и соком трав. — Но она пустая.

К немалому своему разочарованию, Риз уже успел убедиться в этом. Работники-инопланетяне, наверное, запечатали свои квартиры и улетели на коптерах, надеясь, что все неприятности будут улажены и они скоро сюда вернуться. Из укрытия Риз видел, что все здания были заперты, а ворота закрыты. Он надеялся, что там задействованы замки, реагирующие на людей. Если запоры настроены на температуру тела терранца, это позволит войти ему и Горди... Однако он сомневался, что с салирикийкой все будет так же просто. Он сообщил об этом своим спутникам.

— Тогда нужно ли нам идти туда, если все ваши люди улетели?

— Но здесь остался коммуникатор. А он должен быть прямо настроен на порт. Если удастся связаться с властями, то сюда могут выслать коптер, управляемый роботом-автопилотом.

Она кивнула.

— А что если у этих зверо-змей имеется еще одна установка силового луча?

Да, что если в том взрыве у ущелья не были уничтожены все вражеские силы? Оставшиеся в живых ишкуруанцы могут просто окружить их, дожидаясь подходящей возможности проникнуть на плантацию через ворота. Со всех четырех сторон ограждения проходила широкая полоса выжженной земли, свободная от какой бы то ни было растительности. И Риз понимал, что это было сделано совсем недавно, потому что дождь еще не успел смыть черный пепел. Кто-то, видимо, посчитал это разумной мерой предосторожности в случае неожиданного нападения. Чтобы подойти к воротам, Ризу потребуется пересечь это открытое пространство. И только через ворота они могут попасть внутрь усадьбы, если температура его тела приведет в действие управляющие механизмы. После чего он должен будет разыскать пульт управления и ввести в эту систему персональные данные Исиги и Занны. Либо сразу же направиться к коммуникатору, отправить послание и вернуться сюда в ожидании прибытия спасательного коптера. Риз в общих чертах обрисовал оба плана салирикийке.

— Ты считаешь, что этот «замок» не пропустит нас, и ни мне, ни Занне не удастся пройти?

— У Рексулов весь персонал состоит из терранцев. Из вашего народа редко кто подписывает контракт с фермой, владелец которой — терранец.

— Верно. Так что теперь весь вопрос во времени?

— Хотелось бы верить, что только в этом. Там, внизу, если защита функционирует, крокам до нас не добраться. Разве что у них найдется еще одна установка силового луча.

— Слишком много предположений и слишком легко ошибиться хотя бы в одном из них, — прокомментировала Исига. — Но ради достижения цели я с охотой отдам себя в руки Фортуне. Оказаться за этими стенами, которые не пропустят зверо-змей, — это успокоит любое сердце и снова сделает лоснящейся кожу.

— Ну, тогда вы все пока оставайтесь здесь, — осторожно посоветовал Риз. — А когда увидите, что я открыл ворота, во весь опор бегите к ним. Я буду прикрывать вас из бластера.

Он вскинул на плечо большой мешок, в котором находились их припасы, и побежал. Казалось, что выжженная полоса склона под его ногами сама по себе становится шире, и ему потребовалось больше времени на преодоление открытого участка, чем он рассчитывал, когда смотрел сверху. Наконец Риз домчался до ограждения и с такой силой ударился о ворота, что мучительно заныл раненый бок.

Был ли на этих воротах замок, реагирующий на человека? Терранец ждал, затаив дыхание, с хрупкой надеждой на то, что замок отрегулирован на обычную температуру человеческого тела. Слишком уж мала была вероятность того, что кто-нибудь из них сможет вернуться назад. Но по крайней мере Риза не опалило огнем и на него не обрушился звуковой удар. А он был уверен, что люди постарались обеспечить жаркий и жестокий прием на случай, если кто-то из кроков отважится сунуть сюда свой нос.

Раздалось шелканье, чуть более громкое, чем то, что издавали в траве насекомые. Одна из створок ворот слева от него скользнула в сторону. Устройство отреагировало на температуру одного человека, и стало ясно, что внутрь может пройти только он один. Риз одним махом пересек створ ворот, и панель тут же скользнула на прежнее место.

Где же здесь помещение с пультом управления, в котором должен находиться и коммуникатор? Риз окинул взглядом здания и стал размышлять над их назначением. Наконец выбрал одно, которое с помощью небольшого пристроенного коридора соединялось с жилыми корпусами. Внешняя дверь в нем тоже, должно быть, имела реагирующий на людей замок, потому что,

когда он подошел на расстояние метра к ней, панель отъехала в сторону.

Силовая установка в комнате, похоже, была в порядке. Но здесь тоже видны были следы поспешного бегства. Чашка с остатками терранского кофе стояла на полке рядом с приборной панелью, шарф свисал со спинки выдвижного сиденья. Риз торопливо осмотрел приборную панель рядом с кофейной чашкой. До сих пор поселения терранцев никогда не пользовались личными замками, дядюшка Мило три месяца назад даже разобрал какую-то часть их, чтобы использовать двигатель этой системы для ремонта подъемника, так что Риз знал, где следует искать. И найти нужную шкалу с соответствующим рядом кнопок оказалось для него легким делом.

Еще секунда потребовалась, чтобы отключить всю систему, после чего он побежал назад к внешним воротам. Откатив створку ворот, Риз помахал высоко поднятой над головой рукой.

Горди первым стал спускаться по склону, волоча за собой второй узел. Раз мальчик споткнулся и упал на поцарапанное колено, а когда поднялся, провел тыльной стороной ладони по грязному лицу. Исига, неся Занну на руках, легко скользила вслед за мальчиком, подбадривая его мурлыкающими словами, которые показались Ризу словами из песни. Терранец рванулся к ним навстречу, когда они достаточно приблизились к ограждению, подхватил Горди, несмотря на возмущение мальчика, и каким-то образом они все чуть ли не одновременно протиснулись через ворота. Теперь необходимо было закрыть вход. Он вручную сдвинул створки и пошел к пульту управления для перенастройки замка.

— Еда, — быстро прокричала Исига вслед ему. — Вот что нам нужно в первую очередь. И ты обнаружил коммуникатор?

— Пока еще нет. Сейчас займусь этим, — но особой поспешности Риз не выказывал. Один раз он даже споткнулся и оперся рукой о стену. Ему казалось, что на этот последний рывок через ворота с мальчиком на руках он израсходовал почти все свои силы. Сколько уже времени он не мог позволить себе расслабиться и отдохнуть? Больше целого ишкуруианского дня. И даже теперь он не смел думать о сне.

— Ты устал, Риз? — Горди, как сова, сощурился.

— Только чуть-чуть. А ты не хочешь пойти с леди Исигой и поискать что-нибудь поесть?

— Где мама, Риз, и папа? Ты сказал, что они окажутся здесь с коптером. Но я не вижу их. Здесь, кроме нас, никого нет. Я хочу к мамочке.

Какое-то мгновение Риз был не в состоянии даже понять это требование: туман как бы застилал ему сознание. А потом смутно припомнил предлог, который он использовал, чтобы скрыть от Горди вчерашнюю трагедию.

— Должно быть, они снова улетели, Горди, — он понимал, насколько его слова выглядят неубедительно. Но юноша слишком устал, чтобы придумать что-нибудь более подходящее. — Мы вызовем коптер и улетим в Нагассару.

— Я больше не верю тебе! — выкрикнул мальчик, не скрывая враждебности. — Я хочу к моей маме — и немедленно!

Риз наклонился и сел на стул, со спинки которого свисал шарф. Мягкий материал с тихим шелестом соскользнул на пол, и Горди уставился на него.

— Этот шарф — не мамин, — обвиняюще заявил мальчик Ризу. — Ее никогда здесь не было. Я немедленно отправляюсь домой, сию же минуту!

— Тебе нельзя! — Риз уже был на грани потери самоконтроля. Он не мог совладать с испуганным, упрямым ребенком, готовым на все, просто не мог в данный момент. — Исига! — во весь голос позвал он, зная, что у него больше нет ни сил, ни энергии встать с сиденья и самому искать саларикийку.

— Ты не можешь заставить меня остаться здесь, — Горди попытался к двери, и на лице его застыла мрачная ухмылка, когда он сжал мягкий шарф своими поцарапанными и грязными руками. — Ты можешь запереть меня здесь, но я все равно не останусь! Я собираюсь вернуться к маме и папе. Тебе еще достанется от папы, Риз Нейпер, за то, что ты увез меня из поселка. Говорил же он, чтобы я не ходил вместе с тобой. Ты нехороший человек, ты дерешься.

— Итак, я дерусь, — хмуро повторил Риз. — Ладно, хорошо, что я это знаю, нравится мне это или нет. А теперь послушай, Горди, ты просто устал и голоден, и я знаю, что тебе нужно к маме. Но мы должны добраться до Нагассары. Кроки...

— Папа говорил: «Кроки — нехорошее слово!» — голос Горди стал пронзительным. — Ты употребляешь нехорошие слова, ты врун, и я не собираюсь оставаться здесь!

Он повернулся и опрометью бросился к дверям. Риз вскочил на ноги, но покачнулся. Персональные замки — Горди может пройти их и покинуть плантацию без каких-либо препятствий. Риз должен был поймать ребенка и удержать его от выхода за стены крепости.

— Эй, оставь меня в покое! Я немедленно отправляюсь домой! — Горди пытался вырваться из хватки Исиги, размахивая руками и брыкаясь, теперь его голос сорвался на пронзительный истерический визг. Но, как то еще раньше обнаружил Риз, у саларикийки была сильная хватка. И она не просто продолжала удерживать мальчика, но склонилась над ним и успокаивающе напевала что-то вполголоса.

Ее взгляд встретился с Ризом, и он прочитал ободрение в ее глазах. Теперь настала очередь женщины успокаивать Горди, и терранец верил, что саларикийка справится с непокорным мальчишкой. А он должен вернуться назад и поискать коммуникатор.

Он уже нашел это устройство и уселся перед микрофоном, когда саларикийка скользнула в комнату, присоединяясь к нему.

— Как Горди?

— Он поел, а теперь спит. Но я на всякий случай закрыла дверь на щеколду, так как его решимость убежать отсюда не угасла. Нам придется следить за ним. Он что, не знает, что люди его клана погибли?

— Не знает, но, может, ты сможешь рассказать ребенку об этом? — обратился к ней Риз. — Мне пришлось взять его с собой в роллер и уехать из поселка. Вот поэтому я и сказал ему, что его мать и отец улетели и что мы догоним их позже.

— Такие обманы всегда приводят к осложнениям, — подчеркнула саларикийка. — Хотя я все же могу понять, почему тебе так трудно было сказать правду малышу. Возможно, когда он проснется и успокоится, я смогу рассказать ему что-нибудь. Сейчас же он слишком разгневан и испуган, чтобы слушать.

— Я тоже так считаю. Чем скорее мы сможем добраться до Нагассары, тем лучше!

— Там есть еще кто-нибудь из его рода?

— Нет, — впервые за все время Риз задумался о будущем Горди. — Нет, я никого там не знаю и не думаю, что и на других мирах у него найдется кто-нибудь из близких родственников. Теперь на него легла ответственность за основание поселения.

— А у тебя... у тебя самого есть какие-нибудь родственники?

— Нет. Мой отец был разведчиком Службы Изыскателей. Однажды он не вернулся из экспедиции к Краю. Доктор Нейпер был моим дядей.

Ее зелено-голубые глаза задумчиво смотрели на юношу.

— Мы слышали, что ты в джунглях вместе с приручителем зверей искал животных. Разве ты не был служащим поселка?

— Наверное, нет! — в его голосе вновь зазвучала былая речь. — Дядюшка Мило забрал меня из Академии Изыскателей, он был сильно настроен против Службы. Но он не сумел привить мне свои идеалы. Так что теперь я даже и не знаю, кто я такой.

— И что ты будешь делать, когда мы доберемся до Нагассары? Риз пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, присоединюсь к милиции. Во всяком случае, отыщу капитана Виккери. Но сначала нам нужно попасть туда.

Она сгибала гибкие пальцы, вытягивая и втягивая когтеобразные ногти, и в центре каждого из зрачков ее прищуренных глаз вспыхнула искорка.

— Да, действительно, сперва нам нужно добраться до Нагассары, а не строить планы на будущее. Но, лорд Риз, не забывай: я теперь Глава семьи, а мы торговый клан. В Нагассаре, может, тебе предоставятся другие благоприятные возможности. Разве Вольные Торговцы не исследователи космоса?

Риз моргнул, не до конца поняв смысл ее последних слов. Нагассара находится далеко, за горами. Разве могут они сейчас думать о каком-нибудь будущем, когда перед ними стоит только одна насущная задача: попытаться любым способом добраться туда.

Он нажал на кнопку коммуникатора. На приборной панели зажегся сигнал вызова. Позывных сигналов плантации Рексула он не знал, поэтому использовал позывные поселка. И, получив их на длине волны Рексуловской станции, любой бы оператор в порту сразу бы встревожился и понял, что это сигнал бедствия.

Щелк-щелк-щелк! Риз методично передавал сигнал поселка. Однако экран принимающего устройства оставался чистым. Но ведь передатчик работал, посылал сигнал. Почему же не приходит ответ? Холодок пробежал по спине Риза, добавляя усталости, которая свинцовым грузом навалилась на его руки и ноги. А вдруг все оставили... и Нагассару, вдруг уже улетел последний

космический корабль? Или же кроки захватили всю планету и разрушили и эту твердыню правительства инопланетян?

— Нет ответа! — пальцы Исиги изогнулись, когти вытянулись на всю длину, словно она собиралась с помощью грубой силы добиться появления на экране сигналов. Он слышал ее тяжелое дыхание.

— А не могли... не могли они уйти? — Весь ее страх отразился в словах, когда секунды отчаяния сменились минутами: две... четыре... шесть...

— Не понимаю почему... — Риз продолжал нажимать на кнопки. — В горах, наверное, буря, иногда поэтому пропадает связь. Должно быть, причина кроется именно в этом, я уверен! — Он уставился на чистое зеркальное отражение экрана, будто только одним усилием воли мог заставить его вспыхнуть. Шелк-шелк-шелк!

— Назовите себя! — внезапно раздался властный требовательный голос.

«Два терранца, — передал он и сообщил свое и мальчика имена и место рождения, — и две сарарикийки находятся отрезанные от всего мира, не имея средств передвижения, на плантации Рексула, просят прислать коптер с роботом-пилотом». Риз начал повторять послание в таком же рваном темпе.

— Нейпер... назовите имя преподавателя ИП, Академия Изыскателей, пять лет назад.

Риз уставился невидящим взглядом на символы, появившиеся на экране, с ужасом спрашивая себя, а не сломался ли он под этим давлением, потому что такое послание не имело никакой связи — ни терранской, ни галактической — с сигналом SOS, который он передал по радио. Но символы послания остались без изменений, когда он поинтересовался причиной этого требования.

— Нет времени для шуток! — взорвался терранец и ударил кулаком по краю приборной панели.

— Мне кажется, это не шутка, — заметила Исига. — По какой-то причине им нужно убедиться, что ты именно тот человек, за кого себя выдаешь. Может статься так, что эти зверо-змеи где-нибудь уже использовали коммуникатор, чтобы либо вызвать других спасателей, либо чтобы их переправили в Нагассару.

Риз расслабился. В этом имелся смысл. Но чтобы кроки использовали коммуникатор таким образом?.. Однако они уже по-

казали, на что способны, использовав силовой луч, вспомнил он. В конце концов, они ведь не просто примитивные туземцы, нося не высовывающие из джунглей.

«Преподавателя ИП звали Зоркал», — передал он. К счастью, они спросили у него имя Зоркала, а не, скажем, преподавателя по астроматематике. Но Зоркал дал Ризу множество дополнительных знаний об инопланетянах, когда понял, насколько хорошо молодой терранец разбирается в его предмете.

— Настройте маяк на волну 2,59 сантиметра, — произнес голос из передатчика, по всей видимости, удовлетворенный его ответом, убедившись, что на связи настоящий Риз Нейпер во плоти. — Вам придется подождать. В Насс Пасс разыгралась жестокая буря, и мы не можем послать коптер с автопилотом, пока она не утихнет.

— Буря! — Исига разочарованно вскрикнула, да Риз и сам с трудом не выругался, настолько уставшим он был.

Из-за этой бури Насс Пасс может быть изолирован как на несколько минут, так и на часы или даже дни. И, естественно, автопилот не может сражаться с ветрами и пробиться к ним, ведомый только по пеленгующему лучу. Риз настроил луч, как было указано, а затем обессиленно уронил руки на колени. Он был совершенно измучен, чтобы что-нибудь еще делать. Теплые руки Исиги слегка приподняли его обмякшие плечи.

— Давай иди поешь и поспи, — промурлыкала она почти в самое ухо. — У тебя будет много времени, пока не кончится эта буря.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, — заметил Риз. Но встал, когда она с удивительной силой потянула его за собой, и, пошатываясь, направился вместе с ней к двери.

Саларикийка обнаружила запасы продуктов, оставленные персоналом плантации, и заставила Риза проглотить мясо, но вряд ли он осознавал, что жует и глотает и для чего, а сама она тем временем сидела напротив него за столом и пила какую-то жидкость по собственному усмотрению, с наслаждением делая маленькие глотки из чашки, которую держала обеими руками.

А он уже опять был в джунглях на поляне лагеря Виккери, стоя перед клетками. И в каждой клетке ползал крок, высоко задрав морду, оскалив зубы. Ужасный смрад, волнами исходивший от полных ненависти и гнева полурептилий, заставил его закашляться. Запоры на клетках теперь едва держались. Риз знал об

этом, ему не нужно было даже смотреть на них. И у него на поясе не было никакого оружия, чтобы противостоять их нападению, ничего, только голые руки.

Чтобы избегнуть этого... чтобы сбежать от них, он должен проникнуть за панцири их тел, должен видеть этими красными глазами. Но каким образом? Как стать кроком? Но он должен, должен!

Риз сидел, судорожно вдыхая воздух, его сердце тяжело билось в груди. Он взмахнул рукой, но лишь слегка коснулся этого тела, легко уклонившегося от его удара. А затем... он растерянно уставился на Исигу. Должно быть, все это ему пригрезилось.

— Автопилот... он заработал! — услышав это, Риз поднялся с койки, готовый идти.

Но сразу покачнулся. Тон саларикийки, ее глаза, застывшее в них выражение окончательно пробудили его. Он глубоко вдохнул, и воздух, казалось, ворвался в его легкие. Этот запах, он не может быть только смутным осколком из его сна! Не такой ужасный, как та вонь из его кошмара, но, несомненно, он присутствует и здесь! Риз повернулся лицом к распахнутому окну, находившемуся над койкой. Сквозь бездействующий звуковой экран в комнату залетал ветерок. Это был прохладный ветерок наступающего вечера, и серые тени сумерек уже заползли из окна в помещение.

— Они пришли, — прошептал он.

Вонь кроков... ему никогда не забыть ее, пока он может дышать.

— Их уже видно? — голова Риза качнулась в сторону Исиги.

— Нет. Но ясно, что они там, — она махнула рукой в сторону окна.

— И их должно быть много.

— Горди убежал.

До Риза не сразу дошли эти ее слова. Внимательно вслушиваясь в доносившиеся звуки, он слишком был занят мыслями о силовом поле, которое должно было сейчас окружать кольцом их плантацию-крепость.

— Горди... — с отсутствующим видом повторил терранец, и лишь затем он полностью осознал значение сказанного. — Давно? — резко спросил он.

— Занна говорит, где-то с полчаса назад. Мы сначала обыскали комнаты.

Но Риз уже мчался со всех ног к воротам, к тем самым воротам, через которые мог пройти только терранец и которые должны были обеспечивать их безопасность и возможность бегства. Но через которые Горди мог... Нет, только не это... Господи, только не это!

Глава 8

— Горди! — закричал Риз, вкладывая в этот крик всю силу своих легких. Но в ответ донеслось только слабое эхо, отразившееся от холма впереди. Да и ворота были закрыты.

Он остановился.

— Может, он спрятался где-то здесь, — в тщетной надежде сказал Риз Исиге, которая выбежала вслед за ним. Но она покачала своей серебристой головой.

— Мы уже все обыскали, как я тебе говорила. Занна также говорит, что он пошел искать свою маму.

Мальчик мог скрыться в любом месте сплошной стены растительности за полосой выжженной земли. А тут еще эта вонь кроков. Пытаться обнаружить в джунглях след исчезнувшего ребенка, да еще на вражеской территории, нашпигованной охотниками, — полнейший идиотизм.

Паучий глаз! Риз застыл. Он знал, теперь он знал, что скоро произойдет, он так отчетливо понял, словно его сознание проникло в один из бронированных черепов этих ящеров и он сам смотрел этими красными чужими глазами. Горди был ключом, ключом, которым откроют вход к Рексулам.

Возможно, кроки уже пытались преодолеть ограждение плантации, но их не пустили внутрь персональные замки. Несколько следопытов, оставленных на страже на каком-нибудь из холмов, окружавших эту крепость, могли заметить беглецов и отметить поразительную легкость, с которой терранцы прошли через ворота. Ишкурианцы могли просто дожидаться какого-нибудь благоприятного шанса, и вот Горди предоставил им его!

Риз повернулся и медленным шагом направился обратно к зданию.

— Что ты? — Исига шла рядом с ним. — О чем ты подумал?

— Горди... они не причинят ему вред. Потому что он — их ключ к воротам!

— Замок! — в ее голосе снова послышалось гневное шипение. — Они воспользуются им, чтобы открыть ворота.

— Вот поэтому они и должны будут привести его к нам, — Риз цеплялся за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку.

— И что мы будем делать? — поинтересовалась саркастичка.

— Ты и Занна должны дожидаться на стоянке коптера, готовые к немедленному вылету при его появлении. Возможно, мы сможем обнаружить оружие.

— Нет, я уже искала. Ничего не осталось.

— Может быть, оно не на самом виду, и я хочу взглянуть, что находится в этих складских помещениях, — Риз кивнул головой в сторону зданий без окон, которые, как он думал, служили складами.

— Я думаю, сейчас они заперты. Я не смогла открыть их.

— Замки можно отключить, — резко бросил он.

Сумерки сгущались. Ночь быстро наступала в этих местах, среди низких холмов, и темнота послужит прикрытием для кроков, использующих Горди. Огонь, им нужно море огня, свет прожекторов, чтобы осветить весь внутренний двор. У Рексулов была система прожекторов, Риз видел опоры и лампы.

Он занялся приготовлениями к нападению кроков, которое, как он понимал, не за горами. Даже если сейчас прибудет коптер с автопилотом, они не смогут улететь. Или он может отправить Исигу и Занну. Но ему придется остаться, пока здесь не появятся туземцы с Горди. А коптер еще вернется за ними.

В комнате управления он нашел систему управления прожекторами и включил их. Периметр их твердыни залил яркий дневной свет. Он старался не забывать, что должен делать, и пытался не думать, что может случиться с Горди. Но эти мысли не желали уходить, причиняя почти физическую боль.

Теперь в складские помещения! Риз, захватив с собой инструменты, принялся за работу, обрезая, где нужно, электрические провода, но постоянно следя за открытыми воротами склада. Он распихивал тюки, готовые к отправке, ящики, где хранился собранный урожай, продукты, привезенные с других миров. Вскрывал ящики, с лихорадочной торопливостью прочитывал этикетки. И наконец нашел то, что искал, выкатил два тюка во двор и разрезал мешковину.

— Оганна! — воскликнула Исига, подходя к нему. — Значит, именно она тебе понадобилась?

— Да, — Риз вытянул брикет плотно упакованных листьев, которые склеились от маслянистых капелек, усеивавших их поверхность, так что отделять их друг от друга было непростой задачей. — Набросай их вокруг стоянки коптеров. И чтоб не осталось ни малейшего просвета.

— Да... — в ее глазах, пристально смотревших на пустынную стоянку, загорелся огонек, как у вышедшей на охоту кошки. — Да! — Саларикийка загребла руками охапку листьев и умчалась. Тут и Занна вышла к нему из тени, с раненой рукой на перевязи. Но второй рукой она тоже зачерпнула горсть листьев оганна и поспешила вслед за Исигой.

Прожектора, как бы сменившие солнце после наступления сумерек, бросали между зданиями множество перекрывавшихся теней. Риз не думал, чтобы кто-нибудь из следивших за ними кроков смог догадаться, что означает эта бурная деятельность инопланетян. Глаза кроков не были хорошо приспособлены к яркому свету. Враги теперь должны будут принимать во внимание это буйство света вокруг плантации и задуматься, каким образом им удастся отключить прожектора.

Риз и сам пошел к стене, также захватив с собой груды листьев и наблюдая, как Исига и Занна очерчивают квадрат вокруг посадочной площадки. И только прямо напротив ворот Риз наметил проход в этой невысокой насыпи из пахучего растительного материала.

— Все сделано, — Исига подошла к нему, слегка потирая одну руку о другую в тщетной попытке соскрести прилипшее масло. Тут она заметила брешь в насыпи и перевела взгляд с нее на Риза с внезапной догадкой.

— Ты решился?

— Я должен, — бесцветным голосом ответил терранец.

Саларикийка поднесла пальцы к губам, а затем, так и не коснувшись их, отдернула руку в сторону. Но ее огромные кошачьи глаза прищурились.

— Идем! — она поманила его, направляясь назад, к жилым помещениям. Там она схватила одно из шелковых паучьих одеял. Разорвать такую ткань, как считал Риз, было практически невозможно. Но каким-то образом саларикийке удалось это сделать — с помощью ножа и своих острых ногтей. Она смотала в клубок полоски, оставила их на столе и подошла к тазу, в который из крана в стене капала вода. Там она встала на колени перед аптечкой, выбрала какие-то тюбики и упаковки, высыпала их со-

держимое в приготовленный тазик и тщательно все перемешала, покачав таз. А после повернулась к Ризу.

— Твоя одежда никуда не годится, — она показала на лохмотья его рубашки и напрочь стертые ботинки. — Я не знаю, насколько хорошо они тебя защищают, но уж лучше тебе быть вообще раздетым.

Он быстро разделся, а Исига в это время погружала куски одеяла в таз. Затем она продолжила свою работу, искусно обмотав его мокрой материей с ног до головы, оставив только щели для глаз, носа и рта. Жидкость приняла яркий фиолетово-синий цвет, и Риз предположил, что он представляет из себя теперь жуткое зрелище, возможно, достаточно поразительное, чтобы неприятно удивить кроков, когда он предстанет перед ними во время их прорыва внутрь плантации.

Он расслабил плечевые мышцы, позволяя Исиге ослабить обмотку вокруг верхней части его тела, готовый к любым действиям, которые ему придется предпринять.

Снаружи раздался дрожащий крик, Исига оглянулась.

— Занна говорит, что показались кроки.

Но Ризу не требовалось предупреждение маленькой салирикийки. Достаточно было их вони — тошнотворной и резкой. Так, вот и кроки, легки на помине.

— Отправляйтесь на площадку для коптеров и спрячьтесь там! — он отдал ей бластер и схватил свое оружие, если так можно было назвать лоснящиеся кольца кожаной веревки.

Исига выбежала из двери, схватила Занну за руку и, петляя, побежала. А путь Риза лежал к воротам. Он заранее наметил свой пост и теперь быстро занял исходную позицию: припал к земле между двумя опорами ближайшего к ограждению прожектора. Кроки обязательно устремятся сюда, чтобы погасить свет, как только минуют ворота.

Улюлюканье... резкое лаяние. Ишкурианцы, конечно, и не пытались скрывать свое присутствие снаружи ограждения и готовящееся нападение. Они хорошо знают, насколько малочисленны и слабы их жертвы. А, вот наконец-то и они!

В лучах света показалась первая коричневая, покрытая хитином голова, и это рыло было нацелено на ворота, совсем как гончая, преследующая жертву. А верхом на плечах ишкурианца сидел Горди! С души у Риза упал камень. Ребенок был абсолютно цел и невредим!

Крок приподнял свои чешуйчатые руки, чуть приостанавливаясь, чтобы Горди соскользнул с его покрытой панцирем спины. Дыхание Риза теперь походило на шипение, каким Исига выражает свой гнев. Это был Ишби из поселка. Не удивительно, что Горди с охотой присоединился к их отряду. Мальчик знал этого туземца как друга половину своей короткой жизни: это же был Ишби, который олицетворял связь с его домом и семьей, Ишби, которому он сейчас доверял больше, чем самому Ризу.

Горди уверенно пошел вперед. На пару секунд он задержался у ворот, оглянулся назад, и Риз увидел, как голова Ишби дернулась в ободряющем движении, соответствующем кивку у людей. Позади Ишби на полоске выжженной земли показались и остальные кроки, несколько из них тащили приличного размера бревно. Горди должен был открыть ворота, и тогда они вставят в створ распорку, чтобы удерживать их открытыми, пока все остальные не протиснутся внутрь. Просто и изящно — чистая работа. К тому же Ишби был достаточно знаком с техническим оборудованием терранцев, чтобы сразу найти источник питания и отключить все механизмы плантации.

Дверь во внешнем ограждении открылась, и мальчик прошел через нее. Тут же прицельным броском кроки метнули бревно в образовавшийся просвет. А Ишби, прикрываясь гигантскими кусками коры талука в обеих руках, прыгнул следом и пробежал по бревну. Кора задымилась, и туземец отбросил ее от себя, едва добрался до внутренней стороны крепостной стены. За ним этим же путем бросились и остальные, прячась под своими временными щитами в момент пересечения створа ворот, где работал защитный луч.

С помощью бревна, наброшенного на провода, которые тянулись по земле, и импровизированных щитов эти шустрые смельчаки могли пройти через ворота. Однако не всем так повезло, как Ишби и еще одному ишкурианцу, отправившемуся за ним. Третий прыгнувший в проход туземец издал хриплый крик, забился в судорогах, да так и остался лежать на земле. Произошла заминка. Но тут Ишби пролаял приказ и повернулся к Горди.

Однако мальчик округлившимися от ужаса глазами смотрел на умирающего крока. Испуганно вскрикнув, он начал пятиться, Ишби попытался схватить его, и тут Горди, взглянув на него, должно быть, увидел в облике ящера, нависшего над ним, нечто

такое, отчего ему мгновенно и целиком открылась вся правда. Он еще отступил назад и поднял руки, будто собираясь отбиваться от огромного ишкурианца.

И в этот момент начал действовать терранец. Петля веревки обвилась вокруг Горди и крепко затянулась. Риз изо всех сил дернул. Расстояние было совсем небольшим, и мальчику это не нанесет вреда, зато это был единственный способ быстро выхватить его из лап кроков.

Горди пронзительно завопил тонюсеньким голоском, когда Риз потащил его. И прежде чем удивленные туземцы наконец осознали, что мальчик ускользает от них, и Горди, и веревка оказались в руках Риза. Однако насмерть перепуганный мальчик, хотя его руки и были стянуты и прижаты к бокам петель, стал отчаянно вырываться из объятий терранца, но он был слишком стеснен, чтобы освободиться.

Теперь терранцу предстояло самое трудное: стремительный бросок в тень ближайшего строения, оставив позади себя двух кроков, а может, и больше, если число рискнувших переправиться по деревянному мостику еще прибавится — при виде ускользающей прямо на глазах жертвы.

Риз весь взмок под своими повязками во время бега по петляющей дорожке, каждую секунду ожидая, что в спину вонзятся зубы ишкурианца. Хотя, возможно, из-за жуткого вида своего фиолетового покрова он и получил несколько секунд передышки, после того как кроки заметили его. Если они и ожидали увидеть терранца или сарарикийку, то вид фиолетового существа совершенно чуждого им вида должен был хоть на мгновение их поразить. А большая часть кроков были тугодумы.

Но даже если так все и обстояло на деле, Риз едва поверил удаче, что его действительно никто не смог остановить, протискиваясь в дверь здания, в котором находился коммуникатор. Мальчик же продолжал извиваться и дико орать в его руках.

— Горди! — Риз наклонился к лицу мальчика, надеясь, что тот узнает его голос, а может, и черты лица сквозь шели в повязке на голове. — Горди, это же я, Риз, Риз Нейпер!

Но Горди уже перешел ту черту, когда еще можно взывать к благоразумию; истерика всецело захватила его. Крепкой хваткой держа мальчика, Риз приготовился ко второму марш-броску. От Ишби, направлявшего отряд захватчиков, удача вроде бы отвернулась. Но ишкурианец мог узнать о направляющем луче,

отключить его и приземлить коптер с автопилотом. Риз не мог оставаться здесь с обезумевшим Горди и лишенный оружия.

Крепко прижав извивающегося ребенка к груди, он схватил одеяло, также предварительно намоченное Исигой. Горди только судорожно вдохнул, когда Риз начал заворачивать его в клейкие складки, превращая в безвольную запеленатую игрушку. После чего Риз снова бросился во двор.

Позади раздался треск, и прожектор возле ворот приказал долго жить, разбитый метко брошенным дротиком. Но наступившая темнота больше не грозила опасностью терранцу, наоборот, только помогала. Он побежал к стоянке коптеров. Огонь, желто-зеленый огонь стелился по земле, охватывая четырехугольник площадки едким пламенем. Риз увидел просвет в стене огня перед собой и понял, что должен рискнуть и прорваться сквозь лижущие обе стороны прохода язычки пламени. Он оценил расстояние перед собой, прижал лицо к узлу, что представлял из себя в данный момент Горди, и помчался со всей скоростью, какую он только мог из себя выжать, прямо в эту спасительную щель.

Жар опалил руки и лицо. Риз поднял голову. За проходом вжималась в землю Исига, твердо сжимая рукоять бластера в руке на коленях. Риз опустил Горди и схватил оружие.

— Нужно... вернуться... — сказал он ей, с трудом выдыхая слова, — нужно... уничтожить... управление... лучом.

Ее уши прижались к черепу, а губы изогнулись в гневном кошачьем оскале. Он поймал бластер, брошенный ею. Пламя, охватившее листья оганна, уже достигало высоты пяти метров, опалая их своим жаром. Ладонью Риз подтолкнул salariкийку в середину квадрата. Она потащила за собой Горди, подчиняясь движению руки Риза, а терранец снова повернулся лицом к проходу в огне, почти не осознавая, где же тот находится.

Прикрывая одной рукой лицо, а другой так же крепко, как перед этим Горди, сжимая бластер, Риз приготовился к еще одному рывку. Трое оставшихся в квадрате ревушего пламени прижмутся друг к другу и накроются мокрыми одеялами, уповая на то, что коптер с автопилотом прилетит раньше, чем погаснет этот огонь. Если бы ему только удалось добраться до установки управления лучом и обезопасить ее от нежелательного вмешательства — опасности, которую salariкийке следовало бы предвидеть.

Риз прыгнул вперед, вскрикнув, когда его опалило пламенем. Потом у него перехватило дыхание. Его повязки больше не были влажными. Опаленная полоска материи свалилась с его плеча во время бега.

Впереди зашевелились какие-то тени. Риз без промедления открыл огонь из бластера, установив луч на самую широкую зону поражения, и в ответ донеслись хриплые крики и стоны. И вот он уже в комнате управления, и свет по-прежнему горит в ней. Но между ним и приборной панелью встала коричневая зазубренная спина и голова с вытянутым рылом. Терранец еще раз выстрелил и увидел, как луч пламени угодил в ишкуруианца и попутно разрезал приборную панель пополам. Свет в комнате резко вспыхнул и тут же погас. Остались только мерцающие отблески танца горящих листьев оганны. Он вырубил основную энергетическую установку.

Но у радиомаяка был свой небольшой запас энергии, и в случае выхода из строя основной установки маяк может работать по крайней мере еще час. Время и продолжительность бури — вот сейчас их главные противники. Риз сделал все, что было в его силах, чтобы сохранить хоть крошечную надежду. Теперь ему оставалось только позаботиться о собственной безопасности. Сейчас, когда отключены все защитные устройства, ничто не воспрепятствует крокам всей толпой ринуться сюда через ворота. Но они не смогут преодолеть огненную стену, пока от листьев не останется одна зола. А листья оганны горят очень долго...

Риз выскользнул из комнаты управления. Весь воздух пропах тяжелым и едким запахом горящих листьев, из-за чего он лишился одного из охраняющих его чувств — способности различить врага по запаху. Поначалу в ночной темноте раздавались резкие крики кроков, но потом, будто по команде, они внезапно утихли. Юноша подумал, что они скорее всего прочесывают здания, окружая островок пламени, чтобы попытаться удержать свои жертвы внутри.

И у терранца остался последний шанс — попытка пересечь эту огненную стену — по крайней мере, хоть такая возможность у него была. Риз торопливо провел рукой по телу. Защищающие его бинты высохли, но все же давали телу какую-то защиту. И у него не оставалось выбора, он должен был в третий раз прорываться через тот проход в пламени. Умереть даже такой мучи-

тельной смертью будет все-таки лучше, чем стать пленником кроков.

Теперь необходимо было снова определить местонахождение прохода. Но языки бушующего пламени сбивали его с толку, а щель с самого начала была такой узкой... Ошибиться же в выборе места означало полную катастрофу.

Позади Риза раздавался какой-то шум, гортанный визг. Он не глядя выстрелил в сторону этого звука и побежал. В последний момент он снова поднял руку, прикрывая лицо, и прыгнул, надеясь, что благополучно минует место, где, как ему показалось, стена огня была самой тонкой.

Потом он катался по земле, а бинты вспыхнули сразу в нескольких местах. Когда же Риз наконец смог думать о чем-либо еще, помимо боли и жара, он вдруг понял, что лежит ничком, большая часть его тела обнажена, а Исига лихорадочно продолжает срывать с него полоски ткани. Ожоги мучительно ныли, но все равно он считал, что ему повезло, ужасно повезло.

— Ты можешь двигаться? — склонившись над ним, спросила сарикийка. — Мы должны отойти дальше, за пределы их досягаемости.

Риз повернул голову и увидел, что она имеет в виду. Сквозь пламя, вспыхивая огнем, пролетали дротики и проливались дождем на место стоянки коптеров. Он развернулся и попытался отползти туда, где ничто и никто его уже не достанет, но боль в руках от тяжести собственного тела была слишком сильной, чтобы он мог стерпеть ее. Тогда каким-то образом Риз поднялся на ноги и тяжело навалился на Исигу, а она потащила его к груди одеял, под которыми прятались дети. Там она осторожно опустила юношу вниз и поднесла к его губам флягу, а он с жадностью осушил ее.

— Послушай! — сарикийка вдруг подняла голову, навострив уши. Теперь и терранец смог различить этот звук — предупреждающий свист коптера, заходящего на посадку. И с огромным облегчением они увидели зеленое мигание огней, когда коптер начал вертикально садиться. Риз стоял, моргая, пока машина не коснулась поверхности площадки всеми тремя опорами. Он махнул вперед рукой и тут же застонал от боли, когда опаленные пальцы подтвердили, что это видение ему не пригрезилось и что наконец-то их кошмар близится к завершению.

Секундой позже Риз указал Исиге на место пилота, а позади устроил детей.

— Автопилот коптера на обратный путь тоже настроен на сигналы маяка, — разъяснил он. — Надо только нажать на кнопку подъема, и тогда нас поведут по лучу.

Риз указал на нужную кнопку, но руки его так ныли от малейшего движения, что приходилось стискивать зубы, чтобы не закричать от боли. Но несмотря на все эти мучения, он слабо улыбался, когда они поднимались над островком пламени в ясное и спокойное ночное небо. Паук сплел паутину и поймал в свои тента жертвы, однако не все, не все!

В конце концов теперь у них начнется новая жизнь — в Нагассаре или на другой планете. Руки Исиги обмякли, когда автопилот взял управление на себя, и ровный полет продолжился сам собой. Саларикийка наклонилась к терранцу, беспокойно глядя на него своими кошачьими глазами. Но Риз продолжал улыбаться, когда они перебирались через горы, и их ждали новый день и новая жизнь, и совсем уже скоро.

Содержание

ЗВЕЗДЫ ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ! Пер. Д. Арсеньева	5
РОЖДЕННЫЕ СРЕДИ ЗВЕЗД. Пер. Д. Арсеньева	161
ЛЕДЯНАЯ КОРОНА. Пер. О. Колесникова, С. Сергеева	301
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК. Пер. Д. Арсеньева, О. Колесникова .	531
ВЗГЛЯД ЧУДОВИЩА. Пер. Д. Савельева, Я. Савельева	625

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректоры *М. Колесникова, Е. Захарова*

Разработка серии *А. Саукова*. Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.09.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 3 500 экз. Заказ 3169

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-75321-5

9 785699 753215 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

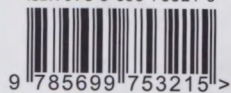
В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
ЗВЕЗДНЫЙ
ОХОТНИК

ISBN 978-5-699-75321-5

9 785699 753215 >

ЭКСМО